

Вольфганг
Акунов

БЕЛАЯ
ГВАРДИЯ
ФРИДРИХА
ЭБЕРТА

Вольфганг Акунов
Белая гвардия Фридриха Эберта

Посвящается памяти Фридриха
Эберта

НЕЗАВИСИМЫЙ АЛЬЯНС

© В. В. Акунов, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Фридрих Эберт (нем. Friedrich Ebert;

4 февраля 1871 года, Гейдельберг, Германская империя – 28 февраля 1925 года, Берлин, Веймарская республика) – немецкий социал-демократ, один из ведущих деятелей СДПГ, лидер её правого крыла. Первый рейхсканцлер Германии после Ноябрьской революции 1918 года, первый президент Германии (Веймарская республика, 1919—1925), а также первый в истории Германии демократически избранный руководитель государства.

Немецкие белогвардейцы

Ветра вис пламень Саннгрид
вяжет прядь
Орлов когти цепки как
скъёлда умбон,
Лавина ликует, с гор
ринувшись в падь...
Форсирует Связь – золотой
небосклон!
Греют лучи пусть тебя
солнца брат!
Аз ведаю слово что скрепит
твой дух:
На тверди храни тебя ярл
вешних врат
Сбеж шляха не дай разорвать
в прах и пух!
Ас Хнитбьёрга скал дал нам в
дар Лэватейн
Кристалльною сталью сечь
Аль-Маатур.
Узреть ярость саг – ледяной
Мистелстейн,
Нордический натиск что ал,
белокур...
Огнём что течет, словно
Биврёста Рейн
Волк старый ещё годен к
службе в Volkssturm!

Евгений Боболович

1. Фрейкоры

Добровольческими корпусами (фрейкорами, фрайкорами) в германской традиции принято именовать сравнительно небольшие военные добровольческие части без строгого подчинения крупным войсковым соединениям. Иногда слово «фрейкор» переводится с немецкого языка на русский как «свободный корпус», что, однако, менее точно. В германской истории наибольшую известность снискали добровольческие корпуса Фердинанда фон Шилля и Адольфа фон Лютцова, сражавшиеся против наполеоновской тирании. В рядах «черных егерей» – добровольцев фон Лютцова – пал в бою с французами немецкий романтический поэт и патриот Теодор Кёрнер – «немецкий Денис Давыдов». После развала кайзеровской армии в 1918 году из ее обломков образовались многочисленные добровольческие формирования, основанные, как правило, националистически настроенными офицерами и названные по их фамилиям, в подражание отрядам ландскнехтов германского Средневековья. Под их знаменами объединились безработные, вчерашние гимназисты и кадеты, студенты-корпоранты, восточно-эльбские юнкеры и профессиональные солдаты, потерявшие всякие ориентиры в гражданской жизни после возвращения с фронта, не желавшие мириться с социальной дискриминацией, враждебно настроенные по отношению к Веймарской республике и видевшие свое основное предназначение в борьбе с внешним и внутренним большевизмом. Коренное различие между положением в России в 1917 и в Германии в 1918 году, несмотря на сходные обстоятельства – военное поражение, отречение Императора и революционную ситуацию в стране – заключалось в следующем. Даже на последней стадии войны германские фронтовые части, в отличие от российских, остались до конца верны присяге, сохранили высокие боевые качества и лояльность по отношению к командованию и правительству.

В дни Ноябрьской революции в Германии как раз в германской армии случаи приверженности к левому (как, впрочем, и к правому) радикализму и вообще к революционным идеям были достаточно редки. Хотя после роспуска старой кайзеровской армии в начале декабря 1918 года большинство офицеров потеряли в армии всякий вес, внешние посторонние силы также не имели никаких шансов на успех в среде фронтовиков – ни Советы солдатских депутатов, ни строгая большевицкая система так и не смогли по-настоящему укрепиться в германской армейской среде. С конца 1918 года фронтовые части сами начали организовываться в добровольческие корпуса и отряды самообороны, причем добровольцы повсеместно выступали с позиций непримиримой борьбы с большевизмом, на кровавые эксцессы и прочие безобразия которого многие успели насмотреться еще в охваченной смутой России. Непримиимо антибольшевицкой позиции подавляющего большинства германских фронтовиков нисколько не противоречило то обстоятельство, что начало Ноябрьской революции было положено матросским бунтом в Киле. Дело в том, что германские военные моряки (как и российские, между прочим!) почти не принимали участия в Великой войне, в большинстве своем четыре года бездельничали на своих базах и потому приняли в полном смысле слова «в штыки» отданный, как им казалось, «под занавес» приказ Главнокомандующего Имперским военно-морским флотом («Кайзерлихе Марине») адмирала Рейнгарда Шеера выйти в море на бой с британским «Гранд Флитом». На фронте же, где офицеры и солдаты кайзеровской армии годами вместе сражались, гибли и кормили вшей в окопах, дух боевого товарищества («камерадшафт») был весьма высок. Поэтому в сухопутных войсках не могло быть и речи о таких военных мятежах, как в Киле. Впрочем, и у нас в России в годину смут особо «отличились» не столько солдаты, сколько орлы-матросики – «краса и гордость революции»...

Поздно вечером 10 ноября 1918 года преемник Эриха Людендорфа на посту генерал-квартирмейстера германской армии, генерал-лейтенант Вильгельм Грёнер

от имени Верховного Руководства Сухопутных Сил (Оберсте Геереслейтунг, ОГЛ), предложил лидеру Социал-Демократической партии Германии (СДПГ) Фридриху Эберту рассматривать германскую армию как фактор обеспечения закона и порядка и как инструмент борьбы с большевизмом. 11 ноября большинством съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, собравшегося в цирке (!) Буша, Социал-демократическое Временное правительство Эберта было учреждено в форме «Совета Народных Уполномоченных» («Рат дер Фольксбеауфтрагтен», Rat der Volksbeauftragten) – название этого органа было, в сущности, аналогично названию тогдашнего большевицкого Совета Народных Комиссаров в Совдепии – государственном образовании, созданном большевиками на месте прежней исторической России. Подобное название, несомненно, являлось уступкой «революционному духу масс», охватившему всю Центральную и Восточную Европу повальному революционному безумию. Наряду с «Советом Народных Уполномоченных», этот коллективный орган именовался «Временным правительством» («Провизорише Регирунг», Provisorische Regierung), а начиная с 29 декабря 1918 г. – «Имперским правительством» («Рейхсрегирунг»). В Совете Народных Уполномоченных избранный его Председателем Фридрих Эберт (СДПГ) выполнял функции военного министра и министра внутренних дел, Филипп Шейдеман (СДПГ) – министра финансов, Отто Ландсберг (СДПГ) – министра печати и культуры, Вильгельм Диттман (СДПГ) – транспорта, юстиции и демобилизации. В составе Временного правительства Фридриха Эберта имелись и представители Независимой Социал-Демократической партии Германии (НСДПГ), стоявшей на более левых позициях, чем СДПГ, – Гуго Гаазе (выполнявший функции министра финансов) и Эмиль Барт (отвечавший за социальные вопросы). Члены НСДПГ, составлявшие меньшую часть германской социал-демократии, именовали своих противников, оставшихся в рядах СДПГ, «социалистами большинства» (нем.: Mehrheitssozialisten) или «социал-демократами большинства» (нем.: Mehrheits-Sozialdemokraten), а их

партию – «СДПГ большинства» (нем.: Mehrheits-SPD). То есть, в охваченной революционной смутой Германии, по аналогии с Российской Социал-Демократической Рабочей партией (РСДРП), речь тоже шла о расколе прежде единой социал-демократической партии на «большевиков» и «меньшевиков» (но только как бы «с обратным знаком»).

Сразу же после избрания Фридриха Эберта Председателем Совета Народных Уполномоченных (СНУ) он заключил с генералом Вильгельмом Грёнером секретное соглашение о подавлении большевизма в Германии, продолжении войны с Совдепией на Востоке, освобождении России от Советской власти, и о разрешении на формирование добровольческих частей. Чтобы решить первую задачу соглашения (по которому Совет Народных Уполномоченных обязался восстановить в армии командную власть и единоначалие офицеров), была достигнута договоренность о незамедлительном вступлении в Берлин 10 фронтовых дивизий для охраны правительства и «недопущения таких событий, как в России». Но оказалось, что дивизии, прибывавшие с фронта, мало способны к ведению боевых действий на родине, да еще и в городских условиях. Большинство фронтовиков думало лишь о возвращении домой. Поэтому 27 ноября 1918 года Верховное Руководство Вооруженных Сил отдало распоряжение о формировании новых воинских подразделений исключительно из тех военнослужащих, лояльность которых не вызывала никаких сомнений. Тем самым была заложена основа для формирования добровольческих корпусов. Никаких изменений государственного строя, структуры и аппарата германского государства взявшие власть фактически «без боя» социал-демократы решили не проводить вплоть до созыва Национального (Учредительного) Собрания. Никто из прежних чиновников государственных учреждений, проявивших лояльность новой республиканской власти, не был смещен со своей должности. Так – в отличие от России! – в Германии было обеспечено продолжение бесперебойного функционирования государственной машины. В качестве военного министра Фридрих Эберт пригласил в новое Временное правительство

заслуженного боевого генерала Ганса-Георга Рейнгардта, прославившегося на фронтах Великой войны.

Ныне почему-то стало модным безмерно приуменьшать угрозу большевизации Германии, нередко даже подвергается сомнению само понятие «Ноябрьская революция 1918 года». Между тем сторонники товарищей Ленина-Свердлова-Троцкого, захватившие власть над Россией, думали, прежде всего, о реализации своего основного стратегического плана – разжигания пожара мировой революции любой ценой. Говоря словами песни, которую большевики заставляли учить даже детей в советских школах:

Мы пойдем к буржуям в гости,
Поломаем им все кости!
Мировой пожар горит,
Буржуазия дрожит!

Или, в несколько более «возвышенной» версии певца «новых варваров» Александра Блока, придавшего всему происходящему оттенок некоего «русского космизма»:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем!
Мировой пожар в крови!
Господи, благослови!

Особые надежды большевицкое руководство, тратившее на раздувание «мирового пожара» многие миллионы награбленных в России золотых рублей, связывало с Германией. Выступая 22 октября 1918 года с докладом о внешней политике на заседании ВЦИК, В. И. Ульянов-Ленин, указав на образование в Германии военно-революционных комитетов, делал вывод о непосредственной близости международной революции.

Как писал по этому поводу в своем дневнике 23 октября 1918 года историк Ю. В. Готье:

«Странную речь произнес Ленин в ЦИКе: с одной стороны, говорил он, мы трещим, с другой – мы победим с помощью германских и болгарских товарищей; что это, сознательный обман или бессознательное самообольщение? Одним, одним дышит эта речь: беспросветной немецкой ориентацией; для Ленина Германия остается пупом земли, если не империалистическим, то революционным, и вся сволочь, слепо идущая за ним, уже непоколебимо верует, что вся та же Германия – на этот раз большевистская – решит судьбу мира».

Так, еще соблюдая условия заключенного с кайзеровской Германией «похабного» Брестского мира, большевики тайно помогали разжигать в Германии революцию, финансируя более десяти левых социал-демократических газет, распространяя в Германии антивоенную и антиправительственную литературу, отпечатанную в Совдепии. Большевицким правительством был учрежден особый фонд в 10 миллионов золотых рублей, находившийся на попечении депутата германского рейхстага (!) Оскара Кона, а в самой Германии было закуплено на сто тысяч марок оружия для организации вооруженного восстания. А уж после падения кайзера и установления в Германии фактического двоевластия Совета Народных Уполномоченных – с одной стороны, и возникших по всей Германии более чем 10 000 Советов рабочих и солдатских депутатов – с другой, большевики развернулись в полную силу.

Сложившееся в Германии после свержения кайзера положение можно было сравнить с ситуацией в охваченной революцией России, очень метко охарактеризованной русским белым добровольцем Г. Ф. Прониным в его написанных уже в годы эмиграции беллетризованных военных мемуарах «Бронепоезд “Офицер”»:

«Большевизм протягивал руку всем озлобленным неудачникам, разжигая дремавшую ненависть, и другой рукой, гнойными пальцами, с трусливой поспешностью кутал в кровавую тряпку полуистлевший человеческий череп...»

Временное правительство Фридриха Эберта поначалу не имело авторитета ни среди правых, ни среди левых. Германское «советское движение» («Рэтебеvegунг») открыто взяло курс на захват всей полноты государственной власти. С первых же дней Ноябрьской революции по всей Германии начали формироваться вооруженные отряды Красной гвардии, состоявшие преимущественно из бывших солдат (нацепивших красные кокарды вместо прежних черно-бело-красных имперских) и присоединившихся к ним гражданских лиц (сумевших избежать призыва в армию и в годы войны отсидеться в тылу!), щеголявших красными нарукавными повязками и кумачовыми бантами. Эти отряды именовались «Республиканской солдатской гвардией» («Републиканише зольдатенвер»). В Берлине они насчитывали 14 батальонов и официально подчинялись назначенному Фридрихом Эбертом губернатору Берлина социал-демократу Отто Вельсу. Хотя в их рядах числились преимущественно члены СДПГ (социал-демократы) и НСДПГ (более радикально настроенные «независимые социал-демократы», или «независимцы»), не считавшие Совет Народных Уполномоченных своим врагом № 1, очень скоро тон в «зольдатенвере» стали задавать «спартаковцы», настроенные к СНУ откровенно враждебно. В противовес им СДПГ приступила к формированию «Республиканских охранных войск» («Републиканише шуцтруппе»), лояльных по отношению к Временному правительству.

12 декабря 1918 года правительство Фридриха Эберта, обеспокоенное наличием у населения сотен тысяч бесхозных «стволов», по согласованию с Верховным Руководством Вооруженных Сил, объявило о создании «Добровольного народного ополчения» («Фрейвиллиге фольксвер»), в состав которого планировало включить все

существовавшие на тот момент вооруженные формирования. Но осуществлению этого плана воспротивились «спартаковцы», не желавшие лишаться своих ударных отрядов, необходимых им для вооруженного государственного переворота по ленинскому образцу. Наибольшая угроза Временному правительству Эберта исходила от прибывшей из балтийских портов и расквартированной в Берлине «Народной военно-морской дивизии» («Фольксмаринедивизион»), объявившей себя частью новой республиканской армии, но на деле проникнутой большевицким духом и постоянно затевавшей провокации и перестрелки с немногими верными Временному правительству армейскими и полицейскими частями. Легко предположить, в какую кровавую пропасть оказался бы ввергнутым весь мир, если бы советской Красной Армии удалось прорваться в охваченную беспорядками Германию через Польшу и, по ленинскому замыслу, «соединить русский серп с германским молотом». Казавшиеся в описываемое время поистине неисчерпаемыми людские ресурсы взнузданной товарищами Л. Д. Троцким и В. И. Лениным России и ввевшиеся в плоть и кровь немецкого народа дисциплина и любовь к порядку, русский хлеб (отнятый большевицкими «продотрядами» у крестьян) и германская техника, поставленные на службу Коммунистическому Интернационалу, представляли реальную угрозу всем лучшим достижениям мировой цивилизации. Но на пути красного Молоха в Германии, как и в России, встали белые добровольцы.

Общее число добровольческих корпусов, частей и подразделений в самой Германии и на сопредельных территориях (Прибалтика, Австрия) в 1918-1921 годах превышало 2000. Разумеется, одно их перечисление заняло бы десятки страниц убористого текста и вышло бы далеко за рамки нашего очерка. Впрочем, о многих из этих «фрейкоров» не сохранилось почти никаких достоверных сведений (ни об их символике, ни об их численности, ни даже о фамилиях командиров). Это объяснялось, во-первых, тем, что белые добровольческие части чаще всего

организовывались не «сверху», а «снизу», стихийно, по инициативе населения и фронтовиков, вернувшихся на родину и возмущенных творившимися там безобразиями; во-вторых, само веймарское правительство социал-демократических бонз, не сметенное красной волной большевизма только благодаря штыкам добровольцев, стальной щетиною прикрывших Шейдемана-Носке-Эберта и прочих германских «керенских», как бы стыдилось перед лицом «всего прогрессивного человечества», что было вынуждено принять помощь от «классово и идеологически чуждой» ему «реакционной военщины», и постаралось по возможности изгладить память о подвиге фрейкоровцев из памяти современников (не говоря уж о неблагоприятном потомстве!).

К сожалению, пример Германии в этом смысле не единичен. Аналогичная ситуация сложилась, например, сегодня в Чили, где на бывших военнослужащих – соратников генерала Аугусто Пиночета Угарте в ликвидации в 1973 году марксистского режима Сальвадора Альенде Госенса, поставившего страну своими революционными экспериментами на край катастрофы – изливаются неудержимые потоки клеветы и совершенно бредовых, беспочвенных домыслов, распространяемых по всему миру (причем не только левацкими, но и либеральными средствами массовой информации). Похоже, либералы, вполне довольные реформами Пиночета и пользуются их плодами – собственно тех, кто обеспечил эти успехи, безглаголиво сторонятся и стараются, подстраиваясь под господствующие ныне в мире левые взгляды, вычеркнуть их из истории. Хотя, казалось бы, они должны понимать, что если бы не чилийская армия во главе с генералом Пиночетом, совершившая в Чили в 1973 году то, что не удалось генералу Л. Г. Корнилову в России в 1917 году, то их страна неотвратимо бы скатилась в пучину хаоса и красного террора, бесследно поглотившей бы все и вся – и в том числе самих этих прекраснодушных либераловгуманистов. Но, видимо, такая уж это порода людей. Благодарности от них не дождешься. Впрочем, «вернемся к нашим баранам...»

Первым исторически засвидетельствованным белым добровольческим корпусом являлся фрейкор, сформированный в портовом г. Киле – «колыбели германской революции» – в середине ноября 1918 года по инициативе известного деятеля Социал-Демократической партии Германии, депутата рейхстага Густава Носке. Этот первый социал-демократический бургомистр Киля сформировал из лояльных новому республиканскому правительству морских офицеров и матросов небольшую добровольческую часть, получившую полуофициальное название «Железная бригада» и задуманную как противовес охваченным анархией «красным матросам». Сформированную Густавом Носке Кильскую «Железную бригаду», вскоре переименованную в «1-ю военно-морскую бригаду» (командир – полковник Ганс-Эммо фон Роден), не следует путать с другой «Железной бригадой», сражавшейся против советских большевиков в Прибалтике в 1918 и прославившейся в 1919 году под названием «Железной дивизии» (о чем далее будет рассказано более подробно).

Впоследствии капитаном 3-го ранга Германом Эргардтом была сформирована 2-я (Вильгельмсгафенская), а капитаном 3-го ранга Вильгельмом Фридрихом (Вильфридом) фон Лёвенфельдом – 3-я военно-морская бригада.

21 ноября 1918 года, по инициативе фельдфебеля Густава Зуппе (см. фото, на с. 16), заместителя офицера (кандидата на офицерскую должность), на базе 2-го гвардейского полка бывшей кайзеровской армии был сформирован второй (после Кильской «Железной бригады»), уже более многочисленный, исторически засвидетельствованный добровольческий корпус – батальон силой в 1500 штыков, вошедший в историю как под официальным названием «Унтер-офицерского батальона», так и под неофициальным и слегка ироничным названием «Гвардии Зуппе» («Suppengarde», что можно перевести с немецкого и как «Суповая гвардия»).

Третьим по счету фрейкором, сформированным в конце ноября 1918 года, был добровольческий полк под командованием полковника 4-го гвардейского полка Вильгельма Рейнгарда (будущего обергруппенфюрера СС), в состав которого вошли и бойцы корпуса Густава Зуппе, так называемые «зуп-перы». Однако решающую роль в деле организации добровольческих корпусов, призванных сохранить в Германии хоть какое-то подобие закона и порядка, хотя бы до созыва учредительного Национального собрания, было суждено сыграть генерал-майору Людвигу Меркеру (см. фото на с. 17), командиру распушенной после заключения перемирия 214-й пехотной дивизии бывшей кайзеровской армии, разработавшему классическую модель, в соответствии с которой в дальнейшем было сформировано большинство наиболее боеспособных германских добровольческих корпусов. 6 декабря Меркер объявил чинам своей дивизии о своем намерении сформировать фрейкор, базой которого стал вестфальский монастырь Зальцкоттлен и формирование которого началось уже 14 декабря.

Этот сформированный исключительно из добровольцев, о чем говорило уже само его название, Добровольческий ландъегерский корпус, состоявший на первых порах всего из 3 стрелковых рот (имевших на вооружении минометы) и 1 артиллерийской батареи, заявил о своей готовности служить республиканскому Временному правительству Германии, чтобы не допустить большевицкой революции. Командование сочло достаточным платить добровольцам жалованье по тридцатидневному контракту, но не позаботилось об их вооружении и снаряжении. Благодаря своему непререкаемому авторитету не только среди офицерского корпуса, но и среди унтер-офицерского состава и солдат, боевой генерал Меркер без особого труда и в кратчайшие сроки набрал в новый корпус несколько тысяч добровольцев, хотя и столкнулся с немалыми сложностями в деле их обмундирования и вооружения. Склады вооружений были либо разграблены анархистствующими толпами, либо находились под контролем левых солдатских советов, не склонных удовлетворять требования «реакционного генерала».

Тем не менее, вопрос вооружения и снабжения удалось решить, хотя и с огромным трудом. В отличие от старой кайзеровской армии, где между офицерами и нижними чинами существовал резкий сословно-дисциплинарный барьер, во фрейкоре Меркера между офицерами и нижними чинами сразу же сложились узы боевого товарищества, обозначаемые в немецком языке упоминавшемся нами выше словом «камерадшафт». Впрочем, последнее было и не удивительно, с учетом того, что все добровольцы Меркера, и солдаты, и офицеры, прошли школу окопной жизни Великой войны, которая, если не совсем стерла сословно-дисциплинарные различия, то, во всяком случае, свела их к минимуму. Вторым отличием нового добровольческого формирования был его смешанный состав, нарушавший традиционное деление военных частей на пехотные, кавалерийские и артиллерийские. Каждое подразделение Ландъегерского корпуса (именуемого иногда в исторической литературе также «Корпусом земских стрелков») включало в себя представителей всех родов войск, что обеспечило ему

необходимую гибкость в ходе предстоящих боев, которые добровольцам предстояло вести, главным образом, в городских условиях.

Пример Людвиг Меркера оказался «заразительным». В течение декабря 1918 года в окрестностях Берлина, при участии капитана Курта фон Шлейхера (будущего генерала рейхсвера и Имперского канцлера, заигрывавшего с профсоюзами и убитого эсэсовцами Генриха Гимmlера в «Ночь Длинных Ножей» 30 июня 1934 года), были сформированы полк «Потсдам» (командир – майор Франц фон Штефани), добровольческий корпус Гельда (командир – генерал фон Гельд), добровольческий корпус Гюльзена (командир – генерал-лейтенант Бернгард фон Гюльзен), Германская охранная дивизия генерала фон Висселя, Государственный

стрелковый корпус генерал-майора Редера и добровольческий корпус генерала Вальтера барона фон Люттвица. Большинство этих добровольческих структур было сформировано на базе прежних регулярных армейских частей. Сохранившийся в качестве «обломка» кайзеровской армии кадр Гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии (Гардекаваллери-Шютцендивизион) под командованием генерала Генриха фон Гофмана был переведен из столицы в пригород Берлина Тельтов и доукомплектован добровольцами. Сходным образом были реорганизованы 17-я и 31-я пехотные дивизии прежней кайзеровской армии.

Примерно в то же самое время были сформированы добровольческие корпуса Лихтшлага и Россбаха, 2-я (Вильгельмсгафенская) военно-морская бригада Эргардта, 3-я военноморская бригада Лёвенфельда, Железная дивизия Бишофа, Марбургский егерский корпус. Число добровольческих формирований росло по мере нарастания угрозы большевицкого переворота во всегерманском масштабе. В верхнесилезском каменноугольном бассейне в конце 1918 года также появились добровольческие корпуса, воспрепятствовавшие захвату имевших для Германии стратегическое значение шахт и горных заводов отрядами польских националистов бывшего депутата германского рейхстага поляка Адальберта Корфанты, в одночасье сменившего свое слишком «германское» имя на исконно польское «Войцех» (это отвечало «духу времени» в период, когда влияние германцев и Германии в Европе и мире казалось навсегда уничтоженным; так, например, известный деятель «белочешского» легионерского движения в России, Рудольф Гейдель, также внезапно стал именоваться на «славянский» манер «Радола Гайда»). Любопытно, что первыми немецкими добровольческими корпусами в Силезии были не подразделения «имперских немцев», а два отряда, состоявшие из австрийцев и судетских немцев под руководством австрийских офицеров, общей численностью 60 офицеров (австрийских немцев) и около 2600 унтер-офицеров и рядовых. Они были сформированы в самом конце 1918 года и на протяжении многих месяцев оказывали

неоценимую поддержку германским военным властям. Что же заставило австрийцев и судетских немцев проливать свою кровь за, казалось бы, совсем чужую им германскую Силезию?

Дело в том, что осенью 1918 года Национальное собрание Немецкой Австрии (так называлась австрийская половина распавшейся в результате военного поражения двуединой Австро-Венгерской «Дунайской» монархии Габсбургов) провозгласило слияние Австрии с Германией. Того же хотели и немцы, проживавшие с незапамятных времен в Судетской области, являвшейся до конца 1918 года частью немецкой Австрии и вдруг, ни с того ни с сего, по воле Антанты, ставшей частью свежее испеченной Чехословакии – государства, исторически никогда не существовавшего! Но собравшееся в тихом тюрингском городке Веймаре (связанном с именами классиков немецкой литературы Гёте и Шиллера), подальше от мятежного Берлина, германское Национальное (Учредительное) собрание боялось санкций со стороны победоносной Антанты, категорически запретившей воссоединение Австрии с Германией, хотя Австрия являлась одной из коренных германских земель со времен Карла Великого и до 1866 года!

Вот почему австрийцы и немцы из Судет по зову сердца поехали воевать в, казалось бы, расположенную в «чужом» для них государстве Силезию. Когда позднее, в конце мая – начале июня 1919 года, в Силезии был поставлен решающий вопрос о подписании Версальского договора, в распоряжении германского Генерального командования в Бреслау находилось около 30 000 надежных и находившихся в состоянии постоянной боеготовности войск. Их основу составляли по-прежнему добровольческие корпуса.

В южных и юго-восточных районах Берлина, где поистине неумную революционную активность, то и дело приводившую к кровавым столкновениям, проявляли главные враги республиканского правительства – левое крыло НСДПГ (Независимой Социал-Демократической партии Германии), берлинские «революционные

старосты», во главе с Э. Штольце и Георгом Ледебуром, и немецкие большевики-«спартаковцы», было сконцентрировано несколько десятков верных Временному социал-демократическому правительству Эберта-Шейдемана добровольческих частей общей численностью около 10 000 штыков и сабель, имевших тяжелое вооружение, в том числе крупнокалиберные пулеметы, бронев автомобили, огнеметы, артиллерию и даже танки. Были реорганизовано Берлинское генеральное командование. Проявлявший во многих случаях нерешительность военный комендант Берлина генерал Арнольд Леки был смещен и заменен более энергичным генералом Вальтером бароном фон Люттвицем.

В Берлине по-прежнему была расквартирована находившаяся под сильным большевизским влиянием «Народная военно-морская дивизия», упорно отказывавшаяся подчиняться социал-демократическому коменданту Берлина Отто Вельсу. Эти «народные матросы», на словах пребывавшие во власти «революционных идеалов», в действительности превыше всего ценили голый материальный интерес (как, впрочем, и российские «братишки»!). Дивизией командовал «пламенный революционер товарищ Генрих Дорренбах», бывший офицер кайзеровского военно-морского флота, за недостойное поведение разжалованный еще при Императоре Вильгельме II из лейтенантов в простые матросы. Вооруженные до зубов, заменившие национальные эмблемы своей воинской формы одежды красными революционными кокардами и кумачовыми нарукавными повязками, «народные матросы» всерьез считали себя «красой и гордостью революции», свысока поглядывая на «буржуев» и других своих сограждан, казавшихся им «менее революционными», и были в первых рядах «борцов за свободу», избивавших на улицах и в казармах «реакционное офицерье» и срывавших с ветеранов войны погоны и заслуженные боевые награды. Вдобавок берлинцы жаловались на матросов за их склонность к «экспроприации экспроприаторов» (по меткому выражению тов. Ульянова-Ленина), то есть к элементарному воровству. А ведь эти «пламенные

революционеры» были расквартированы не где-нибудь, а в Берлинском дворце прусских королей (как все похоже на историю с «героическим» штурмом Зимнего «братишками» с «Авроры»!).

Когда правительство Эберта-Шейдемана приказало распоясавшимся матросикам покинуть дворец, те в качестве «отступного» потребовали выплатить им предварительно за уход 80 миллионов марок «компенсации»(!). Получив решительный отказ, «народные матросы», недолго думая, напали на коменданта Берлина Отто Вельса (члена правления СДПГ!) в его собственном служебном кабинете, избили и взяли заложником. Правительству Фридриха Эберта пришлось двинуть войска на штурм бывшей королевской конюшни – центра обороны засевших во дворце «братишек» товарища Дорренбаха. 24 декабря 1918 года жители Берлина стали свидетелями форменного уличного сражения, развернувшегося между солдатами-фронтовиками и «Народной военно-морской дивизией». В боевых действиях на стороне последней против правительственных войск приняли участие и вооруженные формирования «спартаковских» боевиков. С обеих сторон только убитыми насчитывалось 29 человек. Перепуганное не на шутку правительство Эберта пошло на уступки взбунтовавшимся матросам и заплатило им отступные, в обмен на клятвенное обещание больше не бунтовать. «Орлы-матросики» некоторое время держали данное «буржуям» слово, пока не вмешались в столкновение между правительством и левыми радикалами в январе 1919 года. Это вмешательство оказалось для них роковым. Сам товарищ Дорренбах был убит в уличной стычке в мае 1919 года.

27 декабря 1918 года старый социал-демократ и заслуженный депутат германского рейхстага Густав Носке – создатель первого добровольческого корпуса в Киле – был назначен военным министром. 29 декабря социал-демократическое правительство Германской республики приняло решение о насильственном разоружении немецких «большевиков» – сторонников

Коммунистической Партии Германии (основанной на базе «Союза Спартака» по указанию кремлевского эмиссара Карла Собельсона-Радека), «Союза красных солдат», «Народной военно-морской дивизии», Независимой Социал-Демократической партии Германии (НСДПГ) и др. «Союз Спартака» («Шпартакусбунд») был основан еще 11 ноября 1918 года. Его возглавляли пламенные пролетарские интернационалисты (как водится, отнюдь не пролетарского происхождения) товарищи Карл Либкнехт, Роза Люксембург (она же Рейза Гольдман), Лео Йогихес, Клара Цеткин и Пауль Леви.

Наряду с распространявшейся самими «спартаковцами» официальной версией происхождения названия их организации, связанной с именем античного гладиатора Спартака, восставшего против власти Римской республики в I веке до Р. Х., существует и другая версия, более похожая на правду, согласно которой германский «Спартак» был назван в честь основателя тайного парамасонского Ордена иллюминатов – выкреста и выученика иезуитов Адама Вейсгаупта, также носившего псевдоним «Спартак» и еще в конце XVIII века готовившего «свержение тронов и алтарей во всемирном масштабе». 29 декабря 1918 года «Союз Спартака» был переименован в Коммунистическую партию Германии (КПГ). «Спартаковцы», среди которых преобладал тип безоглядного «фанатика революции во что бы то ни стало», получали всемерную поддержку от завладевших Россией большевиков, что послужило причиной разрыва германо-советских дипломатических отношений и высылки из Германии большевицкого полпреда Адольфа Иоффе – одного из «отцов» грабительского в отношении России Брестского мира.

Фактически «спартаковцы» ни на минуту не признавали социал-демократическое правительство Германии (идя в этом, как и во всех других, вопросах, всецело по стопам российских большевиков с их направленным против Временного правительства лозунгом: «Долой министров-капиталистов»!) – еще 9 ноября 1918 года, когда правый социал-демократ Филипп Шейдеман провозгласил Германию демократической республикой (и сам стал ее первым канцлером), левый социал-демократ Карл Либкнехт, в противовес СДПГ, в тот же день провозгласил в Берлине советскую социалистическую республику. Присутствовавший на учредительном съезде КПП, вместе с четырьмя другими высокопоставленными большевицкими делегатами из Москвы, советский эмиссар К. Б. Радек – личный представитель В. И. Ульянова-Ленина – призвал германских коммунистов бойкотировать предстоящие выборы в Национальное собрание и выразил надежду, что «скоро в Берлине будет заседать международный Совет рабочих депутатов и русские рабочие будут совместно с немецкими сражаться на Рейне, а немецкие совместно с русскими – на Урале» (то есть против белых войск Верховного Правителя России адмирала А. В. Колчака).

«Спартаконцы» и иже с ними поспешно готовились к выступлению, чтобы предотвратить заведомо негативный для них результат выборов в Национальное собрание и, взяв власть вооруженной рукой, разогнать последнее, как большевики Ленина-Троцкого-Свердлова разогнали Учредительное собрание в России («Караул устал! Все расходитесь по домам!»). Однако вышло все иначе.

4 января 1919 года президент Германии Фридрих Эберт и его военный министр Густав Носке посетили военный лагерь добровольцев Цоссен и убедились в боеспособности фрейковровцев, которых коммунисты, по аналогии с российскими реалиями того времени, сразу окрестили «белыми».

Сами добровольцы, кстати, охотно приняли это название. Ведь многие из них успели повоевать в Финляндии и Прибалтике против красных на стороне тамошних белых. Они носили на рукавах своих обычных армейских мундиров и шинелей цвета «фельдграу» («серо-полевого цвета») белые повязки (нередко – просто носовые платки) или белые «углы»-шевроны (как, например, добровольцы Гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии); обводили свои стальные каски белыми полосками по окружности или же рисовали на них (а также на грузовиках, броневиках и танках) масляной краской (а порой и просто мелом) белую «Адамову голову», то есть череп с перекрещенными костями (именуемую, согласно немецкой традиции, также «мертвой головой»), или оперенную стрелу, а добровольцы, сражавшиеся против красных в Финляндии и Прибалтике (в частности, бойцы 2-й военно-морской бригады Эргардта, 3-й военно-морской бригады фон Левенфельда и добровольческого корпуса Мансфельда) – белую свастику (так называемый «громовый крест»), перенятую ими у латышей и финнов, в чьей национальной символике свастика играла важную роль – у финнов – как «крест свободы», у латышей – как «крест Перкона» («Perkonkrusts»), или «огненный крест» («ugunskrusts»). У финнов свастика – «гакаристи» («хакаристи») традиционно играла столь важную роль, что вошла даже в

штандарт президента Финляндии, высший орден – Крест Свободы (Крест Маннергейма) и Большую цепь второго по значению государственной награды – Ордена Белой Розы Финляндии (откуда была удалена и заменена двенадцатилистником только в 1963 году!). Древний латышский бог-громовержец Перкон (Перконс) соответствовал древнеславянскому Перуну и древнему литовскому Перкунасу; в 20-40 годы в независимой Латвийской республике даже существовала военизированная антисемитская организация «Перконкрустс» («Громовый крест»), использовавшая в качестве символа свастику.

Кроме изображений Железного креста (перенятых от бронетанковых частей кайзеровской армии времен Первой мировой войны), свастик самых разных видов («гамматических крестов», «солнечных колес» и пр.) и «Адамовых голов», на добровольческих броневиках часто было написано белой масляной краской «Бронеотряд верных правительству войск».

В общем и целом, белые добровольческие корпуса не имели какой-то единообразной структуры. Большинство из них было сформировано в первые месяцы 1919 и расформировано в начале 1920 года. Некоторые из них просуществовали в качестве самостоятельных боевых единиц всего лишь на протяжении нескольких недель, после чего влились в состав более крупных соединений. Многие фрейкоры возникли как исключительно локальные организации для защиты местного населения, имели чисто местное значение и были распущены после восстановления закона и порядка в своем родном городе или районе. Тем не менее, представляется возможным предпринять попытку классификации фрейкоров по нескольким категориям.

2. Германские белые добровольческие части I категории

К I категории могут быть отнесены крупнейшие по численности добровольческие корпуса, сформированные генералами или полковниками бывшей кайзеровской армии и достигавшие порой численности бригады или даже дивизии, т. е. насчитывавших в своем составе много тысяч штыков и сабель, собственные артиллерийские и инженерные части, бронетехнику, авиацию и т. д. Большинство фрейкоров этой I категории были сформированы на основе бывших регулярных частей кайзеровской армии. К их числу можно отнести, например, Баварский стрелковый корпус (Добровольческий корпус фон Эппа), Баденское народное войско, Германскую охранную дивизию, Гвардейскую кавалерийскую стрелковую дивизию, Железную дивизию, Добровольческий отряд Гааза, Добровольческий корпус Гельда, Добровольческий ландъегерский корпус, Добровольческий корпус земских стрелков, Полк Охранных войск (переименованный со временем в Охранную дивизию) фон Леттов-Форбека и др. Благодаря своей военной мощи, эти добровольческие корпуса принимали участие в боевых действиях по всей охваченной смутой Германии.

Командовавшие ими генералы и офицеры придерживались откровенно монархических или, во всяком случае, консервативных взглядов и не испытывали никаких симпатий к правительству Эберта-Шейдемана и республиканской форме правления вообще. Тем не менее, они не выходили за рамки Устава и защищали существующий строй, опасаясь нарастания хаоса, большевицкого переворота и распада Германии, в случае падения Временного правительства. Большинство возглавляемых ими добровольческих корпусов было с течением времени включено в состав новых республиканских вооруженных сил (рейхсвера).

Единственным исключением среди военачальников явился генерал Пауль фон Леттов-Форбек, в 1914-1919 гг. долго и успешно сопротивлявшийся английским и южноафриканским войскам в Германской Восточной Африке и закончивший Великую войну, фактически, непобежденным.

Возвратившись в Германию после заключения перемирия в 1918 года, он, благодаря своему высочайшему реноме среди военных, сумел быстро сформировать добровольческий корпус своего имени (выделявшийся среди других фрейкоров наличием в его рядах настоящего негра из Африки – личного водителя командира корпуса – прошедшего вместе с генералом фон Леттов-Форбеком «огонь, воду и медные трубы»!), но оказался, в конечном счете, неспособным адаптироваться к новой республиканской действительности и был отправлен в отставку после право-консервативного «путча Каппа фон Люттвица» (известного также как «Капповский путч») в апреле 1920 года.

По своей ударной мощи, боеспособности и численности в данную I категорию фрейкоров могли бы быть зачислены и 3 белые добровольческие военно-морские бригады – фон Родена (1-я), Эргардта (2-я) и фон Лёвенфельда (3-я), если бы в них (особенно в бригадах Эргардта и фон Лёвенфельда) не господствовал гораздо более ярко выраженный дух антиреспубликанизма и политического радикализма, чем в остальных добровольческих корпусах I категории.

3. Германские белые добровольческие части II категории

II категорию составляло большинство белых добровольческих корпусов, сформированных в разных городах и районах стихийно, «снизу», по инициативе местного населения, с целью защиты общественного порядка и спокойствия от большевицких поползновений «спартаковцев» и анархистов-коммунистов. Они были не столь многочисленными, как фрейкоры I категории, редко когда превышая по численности батальон или полк и насчитывая, как правило, от 200 до 1000 бойцов. Само существование их было обычно недолгим. В отличие от многочисленных добровольческих корпусов, отнесенных нами к I категории, они включали в свой состав не только солдат-фронтовиков, но и добровольцев из числа гражданских лиц (по преимуществу студентов и учащихся).

Чаще всего, они брали себе название по месту формирования (например: Добровольческий корпус «Бамберг», добровольческие корпуса «Байрейт», «Бодензее», «Химгау», «Дюссельдорф», «Эрланген», «Геттинген», «Галле», «Гессен», «Ландсберг», «Мюнстерланд», «Ольденбург», «Пассау», «Регенсбург», «Шлезвиг-Гольштейн», «Вюрцбург» и т. д.). Иногда эти добровольческие части именовались не «добровольческими корпусами», а иначе, например: Охранный отряд «Баренфельд» (Гамбург) или «Вестфальский егерский корпус» и т. п. Некоторые из этих местных формирований, поначалу не отличавшихся большой численностью, со временем превращались в крупные воинские части. Так, например, «Вюртембергская рота безопасности», несмотря на то, что продолжала именоваться «ротой», к моменту своего зачисления в ряды рейхсвера состояла из 10 батальонов, 8 артиллерийских батарей и 3 авиационных эскадрилий!

Тем не менее, подобные «локальные» фрейкоры, созданные для решения местных задач, как правило, не действовали далеко от мест своего формирования. Но бывали и исключения. Так, добровольческий корпус «Оберланд» (позднее переименованный в Союз «Оберланд»), сформированный в Верхней Баварии, принимал участие в боевых действиях далеко от родных мест – например, в Силезии. И он вовсе не был в этом плане единственным исключением – Гессенско-тюрингско-вальдекский добровольческий корпус также сражался в Силезии, а Баденский штурмовой батальон принимал активное участие в боевых действиях в Прибалтике, в том числе даже в составе белой Русской Западной Добровольческой Армии князя П. М. Авалова (Бермондта)!

В качестве отдельной подгруппы в составе этой II категории фрейкоров можно выделить местные отряды самообороны, сформированные в приграничных районах Германии – такие, как Верхнесилезский егерский добровольческий корпус, Саксонская пограничная егерская бригада, Восточнопрусский егерский добровольческий корпус или Западнопрусский добровольческий корпус «Крепость Торн», долго и успешно оборонявший г. Торн (Торунь) от поляков.

4. Германские белые добровольческие части III категории

К III категории могут быть причислены добровольческие корпуса, сформированные и руководимые молодыми фронтовыми офицерами, обычно в небольших чинах. Эти соединения чаще всего достигали размеров усиленной роты, реже – батальона, совсем редко – размеров полка. В отличие от добровольческих частей I категории, находившихся под командованием генералов или полковников умеренно-консервативных взглядов, и фрейкоров II категории (являвшихся, по сути дела, обычными отрядами местной самообороны), в добровольческие корпуса III категории стекались наиболее праворадикально настроенные офицеры и солдаты. Это были, как правило, фронтовики, прошедшие горнило Великой войны и считавшие германскую армию отнюдь не побежденной войсками Антанты на поле боя, но подло преданной продажными политиками, окопавшимися в тылу. Республиканское правительство Фридриха Эберта эти добровольцы ненавидели еще и за то, что оно подписало унижительный, грабительский Версальский договор, отдавший, по их мнению, Германию на растерзание державам Антанты.

Когда в Германии разразилась Ноябрьская революция, а кайзер Вильгельм II Гогенцоллерн отрекся от престола и удалился в изгнание (предусмотрительно освободив при этом военнослужащих, и, в первую очередь – офицерский корпус – от присяги, принесенной ему как монарху и Верховному Главнокомандующему), многие представители консервативно-монархически настроенной военной верхушки, для которых олицетворением государства и армии являлся, прежде всего, монарх, предпочли самоустраниться (по крайней мере, на время) из активной военной и общественно-политической жизни. Образовавшийся вакуум сразу же заполнили энергичные «нацмальчики» (употребляя терминологию русской белой эмиграции) – молодые лейтенанты и капитаны, как

правило, не являвшиеся отпрысками военно-аристократической касты, заслужившие свои офицерские звездочки на фронте, пришедшие прямо из окопов и начавшие собирать вокруг себя солдат, готовых продолжать сражаться даже в новых условиях. Именно для этих формирований был характерен подлинный, классический «фрейкоровский дух», однако именно их «взрывоопасные» идеи нередко приводили к ослаблению внутривойсковых позиций добровольческого движения в целом. С одной стороны, они пугали правительство Фридриха Эберта своим правым радикализмом (порой, как мы увидим, плавно, а то и резко, переходившим в левый – что можно продемонстрировать хотя бы на примере руководителя добровольческого корпуса «Оберланд» Йозефа «Беппо» Ремера). С другой стороны, руководители фрейкоров этой III категории не пользовались и особым доверием старого, имевшего еще кайзеровскую «закваску» германского генералитета и придерживавшегося преимущественно монархических взглядов кадрового офицерства, поскольку эти вожди добровольцев, да и большинство их «ландскнехтов», лишены были ни было иллюзий относительно политического и военного руководства Германии (как прежнего, приведшего Германию к военно-политической катастрофе, так и современного, продолжавшего, по их мнению, эту катастрофу усугублять), не признавали над собой никаких авторитетов (хотя при этом «ландскнехты», естественно, признавали авторитет командиров своего добровольческого корпуса). В результате, фрейкоровы III категории не были способны к самостоятельному долгосрочному объединению в крупные части, подобные фрейкоровым I категории.

Иногда это приводило попросту к военной анархии, как, например, в случае с летучим добровольческим отрядом лейтенанта Отто Гольдфельда, входившего в состав Балтийского ландесвера в 1919 году. Этот командир кавалерийского патрульного отряда «Курляндия», первоначально сражавшийся плечом к плечу с другими белыми добровольцами из Германии на стороне балто-немецкого ландесвера («Охраны Прибалтийского края»)

против Красной Армии в Латвии, а затем против «белых» латышей и эстонцев, поссорившись с командованием ландесвера, перешел с частью своего фрейкора на сторону противника – «белых» латышей полковника Йорг(ис)а Земитан(с)а и повернул оружие против своих прежних соратников. Особенно «прославился» летучий отряд Гольдфельда (прослужившего всю мировую войну в баварской тяжелой кавалерии!) нападениями на германских добровольцев при их отходе из Курляндии. После окончания кампании в Прибалтике на базе добровольческого корпуса Гольдфельда был сформирован латышский кавалерийский полк, командиром которого был назначен Гольдфельд, получивший чин подполковника латвийской армии (хотя новый латышский полк при этом сохранил желтый приборный цвет того баварского кавалерийского полка, в котором Гольдфельд служил в Великую войну!). После ввода советских войск в Латвию в 1939 году и провозглашения этой бывшей прибалтийской губернии Российской империи «Латвийской Советской Социалистической Республикой» перебежчик Гольдфельд (успевший к тому времени сменить свою фамилию на латышскую) был арестован органами НКВД и вскоре расстрелян как контрреволюционер. Но это так, к слову...

То обстоятельство, что офицер-изменник Гольдфельд имел еврейское происхождение, немало повредило репутации других германских офицеров еврейского происхождения (в большинстве своем честно исполнявшим свой солдатский долг перед германским Отечеством) и нещадно эксплуатировалось националистами-антисемитами в юдофобской пропаганде. Тем не менее, подобные случаи являлись скорее исключением, чем правилом, и при серьезной опасности для страны командиры мелких добровольческих корпусов без колебаний подчинялись опытным генералам рейхсвера и выполняли их приказание вплоть до ликвидации военной угрозы.

Некоторые из добровольческих корпусов III категории, не будучи, в целом настроенными монархически, тем не менее, считали себя продолжателями традиций частей прежней кайзеровской армии – например, гвардейских полков, и именовались по ним, или же по своим гарнизонным городам (например, Добровольческий корпус «Потсдам»). В некоторых случаях добровольческие корпуса получали свое название от традиционного боевого клича тех частей бывшей регулярной армии, на базе которых они были сформированы. Так, например, добровольческий корпус «Гаккеттау», сформированный на базе прежнего прусского 16-го пехотного полка, получил свое название от старинного, сохранившегося еще со времен Освободительной войны 1813 года против Наполеона, боевого клича этого полка: «Гакке тау!», то есть: «Бей!». Но чаще всего фрейкоры именовались по своим «отцам-командирам». Так, например, добровольческий корпус, сформированный капитаном Отто Лихтшлагом, именовался «Фрейкор Лихтшлаг(а)»; добровольческий корпус, сформированный старшим лейтенантом Гергардом Россбахом – «фрейкор Россбах(а)», добровольческий корпус, сформированный

майором Гансом фон Лютцовым – «фрейкор Лютцов(а)» и т. д. Данный факт являлся, пожалуй, наиболее наглядным выражением тесной привязанности добровольцев к своим военным предводителям (как правило, харизматическим личностям – заслуженным боевым офицерам, осыпанным наградами, несмотря на свою молодость), привязанности, подобной чувству верности и преданности, испытываемой средневековым дружинникам к своим князьям.

Наиболее типичными представителями этой весьма многочисленной III категории добровольческих корпусов были фрейкоры фон Аулока, фон Брандиса, фон Браузе, Брюссова, Дибича, Дона, Фаупеля, «Гёрлиц», Габке, Гюбнера, Гюникена, фон Клевица, Кюме, Лихтшлага, фон Либермана, Лирау, Лифтля, фон Лютцова, фон Медема, Негенборна, Остеррота, фон Офена, Паульсена, фон Петерсдорфа, Печа, фон Пфедфера, фон Плеве, Северина, Тюммеля и Вольфа. «Добровольческий штурмовой отряд Россбаха», возникший по схеме формирования фрейкоров I категории, со временем, как будет описано далее, превратился в типичный фрейкор III категории. И такие примеры были не единичны.

Чаще в названии подразделения фамилия командира следовала за определением «добровольческий корпус», но встречались и иные наименования – например «отряд» (Абтейлунг), «добровольческий отряд» (Фрейвиллиген-Абтейлунг) или «добровольческий батальон» (Фрейвиллиген-Батальон). Так назывались отряды, сформированные бывшими офицерами кайзеровской армии фон Бюловым, Дортенлейтнером, Глассером, Генке, Шаафом, Шадом, фон Шауротом, Фойгтлейтнером (по другим данным – Фойтенлейтнером), фон Вальтценом и Вильдермутом. Термин «полк» («регимент») для обозначения добровольческих частей использовался довольно редко – например, «Добровольческий полк Тюльмана». Частичка «штурм», напоминая о штурмовых атаках периода мировой войны, присутствовала в названии многих добровольческих частей – таких, как «Штурмовой батальон Шмидта»,

«Штурмовой батальон Гейнца» или «Штурмовой отряд Россбаха». Термин «штурмовой отряд», сокращенно «СА» – изобретение времен Великой войны – позднее был взят на вооружение германскими национал-социалистами, также называвшими свою «партийную гвардию» штурмовыми отрядами, или просто «штурмовиками».

У их противников – германских коммунистов – кстати, также со временем появились собственные штурмовые отряды – «Союз Красных Фронтовиков» (СКФ), именовавшийся по-немецки «Ротер Фронткемпфербунд» (РФБ), или, сокращенно, «Рот Фронт» (РФ), со своими молодежными военизированными подразделениями штурмовиков – «Юнг-Штурм» и «Молодой Спартак» (нем.: «Юнг-Шпартакус»), носившие защитные или темно-синие фуражки-«тельмановки» (названные так по имени одного из лидеров КПГ – Эрнста Тельмана) и перехваченные ремнем с португеей полувоенные защитные гимнастерки с отложным воротником и круглой красной нашивкой (или нарукавной повязкой) с изображением сжатого кулака на левом предплечье (приветствием у коммунистов и прочих германских левых служила поднятие до уровня плеча согнутой в локте правой руки со сжатым «пролетарским» кулаком). Эта форма германских красных, под названием «юнгштурмовка», в 20-х-30-х гг. XX века пользовалась популярностью и у советских большевиков, в особенности членов «КИМ» («Коммунистического Интернационала Молодежи»), а позднее – комсомола («Коммунистического Союза Молодежи»).

Касаясь этой темы, следует также упомянуть и о наличии собственных военизированных штурмовых отрядов у Социал-Демократической партии Германии. Они именовались «Черно-Красно-Золотой Имперский Стяг» («Рейхсбаннер Шварц-Рот-Гольд»), сокращенно: «Рейхсбаннер» и временами достигала численности в 1 миллион активных бойцов, также носивших защитную полувоенную форму с защитными фуражками, бриджами, сапогами или ботинками с крагами (нем.: «ледергамашен») или с обмотками (нем.: «виккельгамашен»). Противники «Рейхсбаннера»

иронично – по созвучию, именовали его бойцов «имперскими бананами» («Рейх-сбананен»). Имелась у СДПГ и своя собственная молодежная организация – «Соколы» («Фалькен»), или «Красные Соколы» («Роте Фалькен») – выступавшая под красным знаменем с белым контурным изображением сокола. Этих левых «соколов» не следует путать с право-националистической организацией, имевшей сходное название – «Орлы и соколы» («Адлер унд Фалькен»).

Добровольческий корпус фон Нефвилля, как бы в противовес злейшим врагом фрейкоровцев – спартаковцам-красногвардейцам – именовался «Черной гвардией» («Шварце Гарде»). Нам, как русским людям, не лишенным интереса представляется факт существования в Баварии фрейкора под названием «Черная сотня» («Шварце Гундертшафт»), снискавшей себе известность не столько победами над красными на поле боя, сколько «клиринговыми» убийствами «спартаковцев» (совершавшимися в отместку за убийства фрейкоровцев или их сторонников красными боевиками). Иногда в названиях фрейкоров использовалось и архаичное, напоминающее о героических временах германского Средневековья слово «шар», которое можно перевести как «ватага» – например, «Фрейшар (добровольческая ватага) Лаутербахера», или же «Эйзерне Шар» (Железная ватага) капитана Рудольфа Бертольда (которую в русскоязычной военно-исторической литературе обычно именуют не «ватагой», а «Железным отрядом»). И, наконец, в этой III категории фрейкоров были и такие, которые именовали себя по фамилии Верховного Главнокомандующего германской кайзеровской армией в годы мировой войны – например, добровольческий корпус «Гинденбург» или фрейкор «Генерал-фельдмаршал фон Гинденбург»!

Добровольческие соединения, формировавшиеся на территории Немецкой Австрии, именовались «геймверами» (в русской литературе существует и написание «хаймверы»), что буквально означает в переводе с немецкого «охрана родного дома». Особенную известность снискали себе «геймверы» князя Эрнста-

Рюдигера фон Штаремберга, успешно сражавшиеся с отрядами социал-демократического австрийского «Шуцбунда» («Охранного союза»). «Геймверами» именовались также добровольческие корпуса, сформированные в 1923 году на территории Рейнских провинций Германии и боровшиеся с тамошними сепаратистами, пытавшимися, при поддержке франко-бельгийских оккупационных властей, отделить Рейнскую область от Германии, провозгласив на ней зависимую от Франции марионеточную «Рейнскую республику».

Не все командиры добровольческих корпусов были армейскими офицерами. Многие из них в годы мировой войны служили в военном флоте – например, капитан 3 ранга Герман Эргардт (командир 2-й Вильгельмсгафенской военно-морской бригады), или капитан 3-го ранга Ганс Кольбе (командир 1-го батальона 5-го военно-морского полка). Прославленный подводный «ас» Императорского военно-морского флота, самый успешный из всех командиров германских субмарин за все годы Великой войны капитан-лейтенант (впоследствии – капитан 3-го ранга) Лотар фон Арно де ла Перьер (потопивший 194 неприятельских корабля общим тоннажем 453 716 тонн) был организатором и командиром сухопутного штурмового батальона своего имени, со временем влившегося в 3-ю военно-морскую бригаду фон Лёвенфельда.

Упомянутый выше капитан Рудольф Бертольд (один из наиболее известных и харизматических предводителей германских белых добровольцев) прославился в годы мировой войны как военный летчик-истребитель, одержавший 44 воздушные победы и награжденный за свои подвиги высшим прусским королевским орденом За заслуги» (нем.: «Пур ле Мерит»), именуемым в просторечии «синий Макс» (за синий цвет шейного орденового креста). Несмотря на многочисленные ранения, Бертольд (по существу, превращенный в калеку!) отказался демобилизоваться и продолжал участвовать в боевых вылетах на «Фоккере Д VII», специально приспособленном для того, чтобы его мог пилотировать

искалеченный воздушный ас. После Ноябрьской революции Бертольд сформировал свой собственный добровольческий корпус – упомянутый выше «Железный отряд (Франконский крестьянский отдельный отряд специального назначения)» – и участвовал во главе этого формирования в многочисленных боях, как в Германии, так и в Прибалтике. Во время «Капповского путча» присоединившийся к путчистам отряд Бертольда оказался изолированным превосходящими силами красных в Гарбурге (близ Гамбурга). После кровопролитного боя окруженная со всех сторон «Железная ватага» была истреблена до последнего человека, а сам Бертольд, не пожелавший отдать красным своего ордена, зверски умерщвлен «спартаковцами» – задушен лентой своего «синего Макса», обезглавлен и изрезан на куски.

Боевой путь многих фрейкоров данной III категории был совсем недолгим. Но некоторые из них постоянно наращивали свою численность и боевую мощь – например, прославленный Штурмовой отряд Россбаха, на пике своего развития насчитывавший более 7000 активных штыков и сабель. А добровольческий корпус Гюльзена в 1919 году включал в свой состав три отряда особого назначения (графа Штильфрида, Гроте и фон Офена), добровольческий батальон Остеррота, пулеметный отряд, кавалерийский отряд, отряд полевой артиллерии и 432-й авиационный отряд – в общей сложности 13 257 штыков и сабель!

5. Обмундирование

Несколько слов об обмундировании германских добровольцев и частей рейхсвера вообще. Как правило, они носили серо-полевую форму кайзеровской армии, хотя, судя по воспоминаниям участников добровольческого движения, нередко заменяли недостающие или пришедшие в негодность части обмундирования предметами штатской одежды. Правительство Фридриха Эберта, учитывая ненависть германских левых к погонам как символам «проклятого старого режима», первоначально отменило их в республиканских «сухопутных силах мирного времени», как именовалась германская армия после Ноябрьской революции (приказом по армии № 85 от 19 января 1919 года) заменив их узкими погонными полосками защитного цвета с красным номером части для всех чинов и нашивками в форме синих полосок на рукавах, к которым со временем добавились узкие погонные полоски защитного цвета (нем.: «шультерштрейфен») с красным номером части на плечах.

Унтер-офицеры носили синие нарукавные полоски выше локтя, а офицеры – ниже локтя, над обшлагом. Синие нарукавные полоски были разной ширины, в зависимости от чина. Узкие синие полоски на плече носили:

Унтер-офицер: 1 полосу;

Унтер-фельдфебель/фенрих (в кавалерии): 2 полоски;

Вице-фельдфебель: 3 полоски;

Фельдфебель/кандидат в офицеры/вахмистр (в кавалерии): 4 полоски;

Офицеры носили синие нарукавные полоски, к которым нередко прикрепляли металлический номер своей части, не на плече, а ниже локтя, над обшлагом:

Лейтенант: 1 средней ширины синюю полосу;

Старший лейтенант (обер-лейтенант): 1 средней ширины синюю полосу и 1 узкую над ней;

Капитан (гауптман): 1 средней ширины полосу и 2 узкие над ней;

Майор: 1 широкую синюю полосу;

Подполковник (оберст-лейтенант): 1 широкую синюю полосу и 1 узкую над ней;

Полковник (оберст): 1 широкую синюю полосу и 2 узкие над ней;

Генерал-майор: 1 синюю полосу, более широкую, чем широкая полоска у полковника;

Генерал-лейтенант: 1 такую же широкую полосу, как у генерал-майора, и 1 узкую над ней;

Генерал (от инфантерии и пр.): 1 такую же широкую полосу, как у генерал-лейтенанта, и 2 узкие над ней.

Многие офицеры-фронтовики отрицательно относились к этим новомодным синим полоскам, введенным, по их мнению, «тыловыми крысами» (которых многие называли еще резче – «ноябрьскими преступниками»), и даже совсем недипломатично – «красными ноябрьскими свиньями», а то и того хуже – «красными еврейскими холопами!») с единственной целью унизить лишней раз ненавистный им «реакционный» офицерский корпус германских вооруженных сил – причем одновременно с отменой новым республиканским правительством Германии (очевидно, шедшим в этом плане по стопам московских большевиков!) не только прежней кайзеровской наградной системы, но и государственных наград вообще.

Так, мемуаристы донесли до нас следующий эпизод. Когда Фридрих Эберт в декабре 1918 года включил упоминавшегося нами выше бывшего кайзеровского генерала Ганса-Георга Рейнгардта в республиканское правительство в качестве военного министра, тот организовал в зале Берлинской филармонии большой митинг, с намерением призвать фронтовых офицеров к поддержке нового правительства и его указа,

предписывавшего всем офицерам снять кайзеровские знаки различия и надеть вместо прежних погон упомянутые выше синие полоски. Сам генерал поспешил сделать это первым и появился на сцене с синими полосками на рукавах, без погон и даже без боевых наград (социал-демократическое правительство, наряду с погонами, поспешило отменить также ношение орденов и медалей – опять-таки как ненавистных символов «проклятого прошлого!»). Когда Рейнгардт закончил свое обращение, на сцену из зала неожиданно поднялся известный воздушный ас Герман Геринг, командир авиаполка «Рихтгофен», одетый по полной форме кайзеровских военно-воздушных сил, с капитанскими звездочками на серебряных погонах, лазурным мальтийским крестом прусского военного ордена «За заслуги» (именуемым шутливо «Синим Максом») на шее и другими знаками отличия.

Обратившись к явно приведенному его появлением в замешательство Рейнгардту, Геринг сказал:

– Я догадывался, господин генерал, что Вы, как военный министр, придете сюда, чтобы выступить перед нами. Но я надеялся увидеть на Вашем рукаве черную повязку в знак Вашего глубокого сожаления по поводу тягчайшего оскорбления, которое Вы собирались нам здесь нанести. Вместо этого я вижу на Вашем рукаве не черную повязку, а синие полоски. Я думаю, господин генерал, Вам было бы уместнее надеть не синие, а красные нашивки!

Генерал Рейнгардт не нашел, что ответить. А Геринг, подождав, пока стихнут аплодисменты собравшихся в зале фронтовиков, продолжал:

– Четыре года мы, фронтовые офицеры, исполняли наш долг и рисковали жизнями во имя Родины. Теперь мы вернулись домой – и как же нас встретили? В нас плюют и отнимают у нас то, что мы с гордостью носим. Хочу подчеркнуть, что не народ следует винить за такое обращение с нами. Все эти четыре года народ был нашим другом, другом каждого из нас, независимо от классовой

принадлежности. Нет, виноват тот, кто стал подстрекать народ к бунту, кто вонзил нож в спину нашей славной армии и кто думает только о том, как бы захватить власть и жиреть за счет народа. Я прошу каждого из собравшихся здесь хранить в себе ненависть... к этим свиньям, оскорбляющим германский народ и наши традиции. Придет день, и мы вышвырнем их вон из Германии. Готовьтесь к этому дню. Вооружайтесь для этого дня. Приближайте этот день.

Надо сказать, что Герман Геринг напал на «ноябрьских свиней» не только словесно. 11 ноября 1918 года, в день подписания перемирия с Антантой, 5 пилотов авиаполка «Рихтгофен», по пути в г. Страсбург для переговоров с французами о передаче тем всех аэропланов полка, из-за тяжелых погодных условий совершили вынужденную посадку в г. Мангейме. Выбравшись из самолетов, пилоты увидели красный флаг мировой революции над управлением аэродрома и приближавшихся к ним солдат и увешанных оружием штатских с красными повязками и шарфами. К тому времени г. Мангейм уже находился во власти революционного Совета рабочих и солдатских депутатов, копивших оружие для предстоящей борьбы за власть. Спартаковцы немедленно отняли у пилотов их табельное оружие – пистолеты, сняли с аэропланов пулеметы и с большой неохотой предоставили разоруженным летчикам грузовик для возвращения в г. Дармштадт, где находился их командир полка Герман Геринг.

Узнав об этом безобразном инциденте, Геринг решил проучить «рачьих и собачьих депутатов» как следует. Он быстро организовал звено из 9 аэропланов, посадив на пару из них 2 пилотов из числа побывавших в Мангейме, тщательно проинструктировал всех авиаторов, и звено вылетело в Мангейм. В то время, как 7 аэропланов, снизившись, стали на бреющем полете расстреливать здания и разные постройки, хищно кружа над летным полем и совершая крутые виражи, оба успевших побывать в плену у «спартаковцев» пилота плавно приземлились, высадились и потребовали от Совета рабочих и

солдатских депутатов принести письменные извинения, добавив, что иначе в дело вступят все остальные самолеты звена, и тогда в означенном районе будет безжалостно расстреляно все, что двигается или шевелится. Указав на аэроплан Геринга, один из пилотов предупредил, что тот согласен ждать не более 5 минут, и достал ракетницу, с намерением выпустить ракету, как сигнал к началу боя, в случае отказа.

«Спартакосцы – смелые бойцы» незамедлительно приняли ультиматум, написали извинение по всей форме, вернули летчикам захваченное оружие, и авиаполк благополучно вернулся в Дармштадт. Кстати, Геринг с подчиненными так и не отдал французам своих боевых машин, намеренно испортив их. Сохранилась фотография тех бурных лет, запечатлевшая будущего «Имперского маршала» гитлеровского Третьего рейха в характерной для многих бойцов белых добровольческих корпусов полувоенной форме, которую немцы окрестили метким словом «разбойничье штатское» («ройберцивилъ»). На этом фото Герман Геринг изображен в стальной солдатской каске (образца 1916 года) с нарисованной на ней белой масляной краской левосторонней (именуемой также «лунной», или «женской») свастикой («ломаным», «крюковидным» или «гамматическим», крестом), в кожаном пальто, подпоясанном офицерским ремнем и перехлестнутом через плечо португеей, с украшенной изображением свастики в белом круге и обозначающими звание горизонтальными полосками повязкой на левом рукаве и с мальтийским крестом высшего прусского военного ордена «За заслуги» на шее.

Вопреки вышеперечисленным республиканским нововведениям, многие чины фрейкоров, особенно офицеры, продолжали носить свои награды и прежние погоны времен монархии. Круглая имперская черно-бело-красная кокарда на околыше фуражки или бескозырки была заменена черно-красно-золотой республиканской, окруженной у офицеров венком из дубовых листьев, но носившиеся на тулье круглые «земельные (земские) кокарды» (цветов отдельных германских земель –

Пруссии, Баварии, Вюртемберга, Саксонии) на первых порах оставили в неприкосновенности. 29 сентября 1919 года для ношения на околыше была введена новая овальная республиканская кокарда с черным, на золотом поле, «ощипанным» республиканским государственным орлом без короны и прочих имперских регалий. При этом весьма распространенным среди немецких белогвардейцев (как и у их русских единомышленников из «цветных» частей) было ношение с серо-полевой формой цветных парадных фуражек.

5 мая 1919 года германские «сухопутные силы мирного времени» были, приказом министерства рейхсвера № 604/5.19, преобразованы во «временный (предварительный) рейхсвер», о котором будет еще подробнее сказано ниже.

Во «временном рейхсвере», наряду с черными обшлагами с 2 серебряными пуговицами, в качестве знаков отличия были введены еще более узкие, чем в «сухопутных силах мирного времени», погонные полоски на плечах, официально именовавшиеся «наплечными шнурами» (нем.: «шультершнур») – защитные для нижних чинов, серебряные – для офицерского состава и золотые – для генералов. Кроме того, были введены нарукавные знаки различия (80 на 55 мм) овальной формы с номерами частей и символами родов войск соответствующим цветом. Под этими нашивками ефрейтор и старший ефрейтор носили на обоих рукавах (выше локтя) 1 серебряную галунную полоску, а унтер-офицер – 1 шеврон из серебряного галуна углом вниз. Унтер-фельдфебель и фенрих (в кавалерии) носили 2, вице-фельдфебель – 3, фельдфебель и вахмистр (в кавалерии) – 4 серебряных галунных шеврона. Кандидат в офицеры (оффицирсанвертер) носил также 4 серебряных шеврона, но нижний шеврон у него заканчивался не острым углом, а петлей.

Офицерский состав, по аналогии с синими полосками «сухопутных сил мирного времени», носил серебряные галунные знаки различия ниже локтя, над обшлагом. Так, фельдфебель-лейтенант и лейтенант носили над обшлагом 1 серебряную полоску с петлей вверх; старший лейтенант – 1 такую же полоску с петлей вверх, а под ней – 1 прямую полоску; капитан (гауптман) – 1 полоску с петлей вверх, а под ней – 2 прямые полоски; майор – 3 серебряные волнообразные полоски «гребнем» волны вверх; подполковник (оберст-лейтенант) – 4, полковник (оберст) – 5 таких же волнообразных полосок. Генерал-майор носил столько же полосок, как и полковник (но при этом отличался от полковника золотым цветом своих галунных «плечевых шнуров»), генерал-лейтенант – 6 и генерал – 7 серебряных волнообразных нарукавных полосок «гребнем волны» вверх.

Невозможно отделаться от мысли, что введение этого довольно замысловатого набора знаков отличия было сделано под влиянием системы нарукавных знаков

различия советской «рабоче-крестьянской» Красной Армии, возможно неосознанным. Хотя правительство Фридриха Эберта с первых же дней своего прихода к власти запретило «старорежимную» кайзеровскую черно-бело-красную кокарду, вместо которой начала внедряться на первых порах красная кокарда, а позднее – черно-красно-золотая (цветов нового «республиканского» флага Германии), большинство германских солдат и офицеров, особенно на первых порах, сохраняли верность черно-бело-красным кокардам и флагам – например, в Верхней Силезии, а тем более за пределами рейха – скажем, в Прибалтике.

Чаще всего ими использовался военный (он же и военно-морской) кайзеровский флаг, представлявший собой прямоугольное полотнище с прямым черным, с белой каймой, крестом на белом поле, с расположенным в центре креста черным коронованным орлом в белом круге и черно-бело-красным крыжем с изображением Железного креста в правом верхнем углу. Но нередко использовался и старый кайзеровский государственный флаг Германии с тремя горизонтальными полосами (черной, белой и красной).

Нередко черно-бело-красный «триколор» (нем.: «дрей-фарб») использовали и военнослужащие рейхсвера внутри Германии. Так, классик немецкой и мировой литературы Томас Манн, ставший свидетелем боев рейхсвера с красными в столице Баварии г. Мюнхене в мае 1919 года, писал в своих «Рассуждениях аполитичного» (нем.: «Betrachtungen eines Unpolitischen»):

«(10 1/2 утра). Всю ночь была слышна стрельба, к утру она усилилась и продолжается. Рослые солдаты рейхсвера с черно-бело-красными повязками патрулируют перед домом...»

В связи с нехваткой сапог подавляющее большинство германских солдат еще в конце Великой войны перешло на ботинки с обмотками. Среди военных летчиков, танкистов, членов экипажей бронев автомобилей и бронепоездов было распространено ношение кожаных

курток. Некоторые добровольцы, особенно австрийские и баварские (из «альпийских» добровольческих корпусов «Верденфельз» и «Оберланд»), вообще отказались от военной формы и носили красочные баварские национальные костюмы, тирольские шляпы с перьями, короткие кожаные штаны с помочами и гетры – но такая «экзотика», как правило, ограничивалась пределами Судет, Баварии и Австрии. Во всяком случае, в период боев с поляками в Силезии добровольцы «Оберланда» запечатлены на фотографиях в обычной германской серой полевой военной форме «фельдграу» (правда, с эмблемой горного цветка эдельвейса на рукаве, в петлицах и порой даже на армейских касках).

Подобно германским ландскнехтам периода Тридцатилетней войны (16178-1648), бойцы добровольческих корпусов хранили верность, прежде всего, командирам своих подразделений, чьим знаменам они присягали. Некоторые из них сознательно подражали ландскнехтам, как своим историческим предшественникам, пели их средневековые (или стилизованные под средневековые) песни, носили вместо бескозырок и фуражек бархатные береты и т. п. Во многих случаях добровольцы носили знаки различия старой кайзеровской армии (как фронтовые, так и армии мирного времени), но нередко и знаки различия новых, республиканских вооруженных сил, равно как и собственные, фрейкоровские, разработанные основателями того или иного добровольческого формирования.

Знамена, флаги и значки добровольческих корпусов отличались большим разнообразием. Чаще всего на них изображалась «мертвая голова», обрамленная различными девизами, скелет с песочными часами и косой, герб места формирования (например, башни г. Гамбурга), черный крест духовно-рыцарского Тевтонского ордена на белом поле или мальтийский крест – в особенности у подразделений, входивших в белую русско-германскую Западную Добровольческую армию генерал-майора князя П. М. Авалова (Бермондта), но иногда только начальная

буква фамилии командира – «В» («Бертольд»), «R» («Россбах») или «L» («Лютцов»), порою обрамленные венками, дубовыми или лавровыми ветвями и т. п. – словом, у кого на что хватало фантазии, времени и средств. Огромным разнообразием отличались петлицы, нарукавные знаки, нашивки, шевроны, щитки и повязки добровольческих корпусов. Эту символику условно можно подразделить на несколько типов:

1) геральдические щитки с гербами города или области формирования подразделения;

2) традиционные немецкие и древнегерманские военные и народные символы, руны и т. д.;

3) монархические символы, выражавшие верность свергнутой династии;

4) начальные буквы фамилии командира подразделения и дата его формирования и т. д.

Отличительным знаком добровольцев из приальпийских земель был цветок эдельвейса на знамени, рукаве, петлицах и на головном уборе – например, у членов добровольческого корпуса (а позднее – Союза) «Оберланд», особо отличившегося в боях против красных в Баварии, западногерманских промышленных районах и в Верхней Силезии, где он 21 мая 1921 года взял штурмом Аннаберг со знаменитым монастырем, отстаивая силезские земли Германии от притязаний «панской» Польши.

Огнемечики, еще со времен Великой войны, носили на рукаве ниже локтевого сгиба (или на обшлагае) черную (или защитную) нашивку круглой (или овальной) формы с белым черепом над двумя скрещенными костями.

Очень распространены были среди германских белых добровольцев петличные знаки в форме дубовых ветвей, нередко с желудями. Дубовые венки и листья издавна считались у немцев символом доблести – возможно, эти представления были переняты еще древними германцами у римлян, также награждавших своих героев за

выдающуюся доблесть «гражданским венком» из дубовых листьев.

Если верить воспоминаниям Арнольда Фита фон Гольсенауэ (писавшего под псевдонимом «Людвиг Ренн»), фронтового офицера саксонской королевской армии, ставшего после окончания войны командиром белого фрейкора, в 20-е годы – членом КПГ, в 1936-1939 гг. – комиссаром германских интербригадовцев, дравшегося на стороне испанских республиканцев против Франко, избранного после Второй мировой войны председателем Союза писателей просоветской Германской Демократической Республики и оставившего об описываемой нами эпохе германской истории интересные беллетризованные мемуары «Война» (Krieg), «После войны» (Nachkrieg), «Инфляция» (Inflation) и «На обломках Империи» (Auf den Truemmern des Kaiserreiches), к сожалению, до сих пор не переведенные на русский язык, на торжественной встрече солдат, возвращавшихся с войны, девушки надевали им на каски дубовые венки. Дубовые веточки в петлицах носили чины добровольческих корпусов Богендерфера, Гааза, Габке, Гауптмана, Гейнцмана, «Гессен», «Гессен-Нассау», «Гольдинген», Германской охранной дивизии, Пограничной стражи (охраны) «Германия», Соединения «Гинденбург», Баденского штурмового батальона, Верхнесилезского ландъегерского и Добровольческого ландъегерского корпусов, фрейкоров Северина, фон Пфеффера, Остеррота, Тюльмана и др.

На овальной нарукавной эмблеме чинов 2-й (Вильгельмсгафенской) военно-морской бригады Эргардта была изображена норманнская ладья-«драккар», под ней – надпись «Вильгельмсгафен» или «Эргардт».

На томпаковых петличных знаках чинов 3-й военно-морской бригады фон Лёвенфельда были изображены свитые в венок лавровая и дубовая ветви с наложенным на них морским якорем.

Чины Баварского стрелкового корпуса генерала фон Эппа носили на левом рукаве черный ромб с львиной

мордой в профиль на круглом медальоне (лев – геральдический символ Баварии).

Чины 1-го полка Охранных войск генерала фон Леттов-Форбека – львиную морду анфас на фоне овального африканского щита, перекрещенного двумя негритянскими копьями-ассегаями (в память об их службе в африканских колониях Германского рейха).

Чины добровольческого корпуса Вольфа – овальные петличные знаки с изображением повернутой в профиль волчьей головы (что намекало на фамилию их командира, обер-лейтенанта Вольфа – по-немецки «Вольф» означает «волк»).

Чины одноименного Гессенского батальона самообороны Вольфа носили черную манжетную ленту с белой надписью «Вольф» («Волк»); кроме этой, единой для всего батальона эмблемы, чинам его 1-й роты полагалась черная манжетная лента с белой надписью «Вервольф» («Вурдалак», или «Волк-оборотень»), чинам 2-й роты – бежевая манжетная лента с черной надписью «Штурмфогель» («Буревестник»), а чинам 3-й роты – черная манжетная лента с белой надписью «Лютцов» (в честь майора Адольфа фон Лютцова – основателя первого прусского фрейкора в 1813 году).

Чины добровольческого Штурмового отряда (Штурмабтей-лунг, СА) Россбаха носили кайзеровскую черно-бело-красную кокарду на тулье фуражек и бескозырок, а на околыше – посеребренную металлическую заглавную латинскую литеру «R» («Россбах») в венке из дубовых листьев, такие же буквы «R» на черных, с белыми выпушками, погонах, олений череп с крестом Святого Губерта между рогами над красно-бело-черным шевроном углом вверх на левом плече, позднее – черные нарукавные повязки с белой литерой «R» поверх 2 белых горизонтальных полосок, а со времени мюнхенского «Пивного путча» («Путча Гитлера-Людендорфа») 1923 года, в котором «россбаховцы» принимали активное участие – красные нацистские повязки с черной свастикой-«гакенкрейцем» в белом круге

(впрочем, иногда, как свидетельствуют сохранившиеся фотографии, свастика на повязках у россбаховцев помещалась не в круге, а в белом квадрате – как у членов русской эмигрантской организации РОНД Светозарова-Пельхау и князя Авалова).

Чины добровольческого корпуса Паульсена носили на рукаве герб прусской королевской династии Гогенцоллернов (геральдический щит, четвертованный из серебра и черни), а чины батальона самообороны фон Гейдебрека – золоченую корону Германской Империи, и т. д. Нарукавные знаки изготавливались из материи, кожи или металла. Иногда отличительным знаком чинов добровольческого подразделения служила узкая нарукавная, или манжетная, лента, пришивавшаяся к обшлагоу, обычно белого или черного цвета, иногда с вышитым или нанесенным краской названием фрейкора.

6. Вооружение

Несколько слов о вооружении германских белых добровольцев. С учетом того, что им приходилось вести боевые действия по преимуществу в городских условиях, вооружение фрейкоровцев ограничивалось в основном стрелковым оружием – винтовками, карабинами, пистолетами и револьверами, тяжелыми и легкими пулеметами, минометами и огнеметами. Кроме того, у них имелось некоторое количество пистолетов-пулеметов «Бергман» MP-18. В боях на улицах германских городов, где фактически решалась судьба мировой революции, «о необходимости которой так долго говорили большевики», но которая, к счастью, не совершилась, активно использовались как ручные гранаты-«бутылки», так и гранаты-«лимонки», саперные лопатки и «окопные кинжалы» – «узкие, шилообразные, похожие скорее на средневековые итальянские стилеты, и такие острые, что, вонзенные в рукопашной схватке в глаз противника, мгновенно ударялись изнутри о черепную кость врага» (как писал Людвиг Ренн в своей дилогии «Война»/«После войны»).

Фрейкоровские кавалеристы, особенно в Балтикуме (Прибалтике), порой использовали, наряду с карабинами, пистолетами и револьверами, сабли и пики, как это многократно засвидетельствовано мемуаристами (Э. Э. Двингером, Э. фон Саломоном, Г. Баллой и многими другими). Германские кавалерийские пики (отмененные в рейхсвере только в 1927 году) были стальные, трубчатые, с гранеными воронеными наконечниками. Нередко фрейкоровцы-кавалеристы из числа бывших студентов (корпорантов или буршей) прикрепляли к своим пикам флюгера цветов своих университетских корпораций или «буршеншафтов» с крыжем в виде уменьшенного знамени своего фрейкора (например, черного, с белой «мертвой головой», знамени Железной дивизии), у древка.

Артиллерия, бронемашины и танки (главным образом, трофейные английские) использовались реже и

преимущественно крупными добровольческими частями. Применялась и военная авиация – главным образом, в целях воздушной разведки, корректировки огня и сбрасывания пропагандистского материала типа листовок над вражескими позициями (например, в период боев в Рурской области), но иногда и для прицельного бомбометания.

7. Январское восстание в Берлине

6 января 1919 года член СНУ, правый социал-демократ Густав Носке, в качестве чрезвычайного уполномоченного рейхспрезидента Эберта, был назначен главнокомандующим всеми добровольческими частями, а генерал Генрих фон Гофман, командир Гвардейского кавалерийского стрелкового корпуса (Гардекаваллери-Шютценкор) – его начальником штаба.

Чтобы спровоцировать на преждевременное выступление берлинских большевиков, копивших силы перед решительным ударом по правительству, 4 января 1919 года по приказу Фридриха Эберта был отрешен от должности полицей-президент Берлина, Эмиль Эйхгорн, симпатизировавший красным и сформировавший, фактически в помощь им, собственные силы безопасности. Дело в том, что после выхода оппозиционных Эберту «независимых социал-демократов» («независимцев») из правительства, их сторонники, в порядке партийной дисциплины, начали повсеместно увольняться с государственной службы и административных должностей. Однако глава берлинской полиции, «независимец» Эйхгорн отказался уйти со своего поста. Его поддержали левые «независимцы», берлинские «революционные старосты» и «спартаковцы» (как по старой памяти именовались немецкие коммунисты и сочувствующие). Был сформирован Революционный комитет (Ревком), который призвал к свержению правительства Эберта и объявил, что берет всю власть на себя. 5 и 6 января КПГ, в знак протеста против правительственного распоряжения о смещении Эйхгорна, организовала массовые беспорядки и демонстрации берлинских рабочих.

6 января была объявлена всегерманская политическая стачка. «Народные матросы» и красногвардейцы захватили государственные военные склады и военные заводы в Шпандау и Виттенау. Теперь «спартаковцы» оказались в избытке снабженными оружием и боеприпасами. Костяк их сил составляли 3000 вооруженных до зубов красногвардейцев. Воодушевленные этим первым успехом, вожди берлинских революционеров во главе с представителями Центра КПГ – Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург – приняли решение о начале вооруженной борьбы за свержение «контрреволюционного правительства» социал-демократов и захват власти в стиле РСДРП/ВКП (б). «Совет Народных Уполномоченных» был объявлен низложенным. «Спартаковцы» потребовали для себя всей полноты политической власти в стране.

Была развязана разнузданная травля социал-демократической партии – совсем в духе московских большевиков (всего через несколько лет заклеивших социал-демократов «социал-фашистами»). Однако призыв коммунистов к насильственному свержению правительства Эберта-Шейдемана не нашел отклика у большинства немецких рабочих, которые отказались

бороться против социал-демократического правительства, поскольку считали его «своим». Не было единства и в рядах самих «спартаковцев – смелых бойцов». Их ненадежные союзники – «независимые социал-демократы» – заколебались перед лицом угрозы полномасштабной гражданской войны «в русском стиле» и начали сепаратные переговоры с правительством, чем смутили рабочих, симпатизировавших «независимцам».

Но маховик вооруженного восстания был уже запущен и не мог быть остановлен. Берлинские красногвардейцы, действуя строго «по Ленину», захватили столичные вокзалы, дирекцию путей сообщения, полицейско-президиум (Главное Управление Внутренних Дел), издательства нескольких буржуазных и социал-демократических газет, включая редакцию главного печатного органа СДПГ – газеты «Форвертс» («Вперёд»), почтамт, телеграф и телефонную станцию.

Не видя возможности получить помощь ни от кого, кроме фрейкоров, Фридрих Эберт обратился к полковнику Вильгельму Рейнгарду (не путать с генералом Гансом-Георгом Рейнгардом!), формировавшему добровольческий корпус в Моабитских казармах, с просьбой выбить «спартаковцев» из захваченных теми редакций газет. 8 января добровольческие части белых перешли в наступление на почти полностью контролировавшийся красными Берлин. Военный министр Густав Носке отдал добровольцам приказ о расстреле на месте всякого большевика, взятого с оружием в руках. Так он, от имени социал-демократического правительства, официально узаконил то, что германские левые (которые, как всегда, рады были «увидеть сучок в глазу ближнего своего, а в своем глазу бревна не видевшие») не замедлили окрестить «белым террором».

10 января 1919 года белые добровольческие части полковника Вильгельма Рейнгарда, имевшие на вооружение пулеметы, артиллерию, бронемашину и даже один из уцелевших после мировой войны германских танков, под ливнем пуль атаковали редакцию газеты «Форвертс», превращенную спартаковцами в настоящую

крепость. Одновременно вооруженные отряды государственных чиновников, мобилизованных Эбертом на охрану правительственных зданий, еще не захваченных «спартаковцами», вступили с красными в бой и постепенно оттеснили их за Бранденбургские ворота. Носке организовал свой штаб в западноберлинском районе Далем, призвав туда белых добровольцев генерала Людвиг Меркера.

Возглавленные лично Густавом Носке, они двинулись в центр Берлина, «зачищая» квартал за кварталом, и к вечеру 11 января 1919 года соединились с белыми добровольцами генерала Ганса-Георга Рейнгардта в Моабитских казармах. После этого началось методичное уничтожение опорных пунктов спартаковцев. В Берлине развернулись ожесточенные бои между добровольческими корпусами и «спартаковцами», уличные схватки с применением тяжелого оружия, танков, броневинов, артиллерии, минометов, огнеметов и сотен тяжелых пулеметов. «Спартаковцы» оказывали столь ожесточенное сопротивление, что белым добровольцам нередко приходилось отступать, вновь собираться с силами и переходить в очередное наступление только после основательной артиллерийской подготовки.

По указанию Коминтерна КПГ не замедлила организовать в поддержку берлинских «спартаковцев» коммунистические выступления в Брауншвейге, Дортмунде, Эрфурте, Галле, Гамбурге, Мюльгейме на Руре, Цвикау. Многие другие города были охвачены забастовками. Повсеместно проводились демонстрации. В рейнско-вестфальском и в верхнесилезском промышленных регионах разразилась забастовка шахтеров с требованием национализации шахт. В портовом городе Бремене восставшие провозгласили «Бременскую Социалистическую республику». Вслед за тем была провозглашена «Социалистическая республика Ольденбург» (подобная же «эпидемия» провозглашения бесчисленных «советских» и «социалистических» республик на территории одной страны была характерна и для периода гражданской войны в России!).

В довершение ко всему, Германия столкнулась с очередной внешней угрозой. В январе 1919 года войска свежее испеченной, полностью зависимой от Антанты Чехословацкой республики вторглись на территорию Саксонии с намерением аннексировать Лаузиц (Лузанию) и Баутцен (Будичин).

Дрезден, Лейпциг, Мюнхен, Нюрнберг, Штутгарт и другие города стали ареной ожесточенных уличных сражений между вооруженными «пролетариями» и белыми добровольческими корпусами. При этом «стрелка весов» постоянно колебалась. В Лейпциге «спартаковскими» боевиками были остановлены эшелоны правительственных войск, направлявшиеся в Берлин. Добровольцев разоружили под угрозой артиллерийского обстрела, многих офицеров убили или ранили. В ходе боев за Лейпциг погиб сбитый спартаковцами летчик лейтенант Бюхнер – один из наиболее прославленных германских асов Первой мировой войны, имевший на своем боевом счету более 40 уничтоженных вражеских аэропланов.

Однако постепенно чаша весов склонилась в сторону белых. Столица Германского рейха была квартал за кварталом очищена от красных инсургентов, и 12 января добровольцы перешли в наступление на последний оплот «спартаковских» боевиков – полицейский-президиум (ГУВД) Берлина, взятый штурмом, с большими потерями. Пламенные интернационалисты товарищи Карл Радек и Эмиль Эйхгорн благополучно спаслись бегством, бросив своих людей, которым пришлось «платить за разбитые горшки». Первый удар Коминтерна по Германии был отражен. Потери сторон в боях за Берлин составили (только убитыми!) более 300 у спартаковцев, и 77 – у белых добровольцев.

В память о январских боях 1919 года с бойцами добровольческих корпусов, поддерживавших Фридриха Эберта, в Берлине немецкие коммунисты сочинили на старый мотив «Бюксенштейнлид», или, говоря по-русски, «Бюксенштейнскую песню» (названную по типографии Бюксенштейна в берлинском Газетном квартале, ставшему ареной наиболее ожесточенных вооруженных

столкновений красных повстанцев с белыми
фрейковцами). Приводим ниже текст этой песни с
подстрочным переводом на русский язык:

1. Im Januar um Mitternacht
Ein Spartakist stand seine Wacht.
Er stand mit Stolz, er stand mit Recht,
Im Kampfe gegen ein Tyrann'geschlecht.

2. Und mit der Knarre in der Hand
Er hinterm Zeitungsballen stand.
Die Kugeln pfeifen um ihn rum.
Der Spartakist, er kuemmert sich nicht drum.

3. Und donnernd droehnt die Artillerie.
Spartakus hat nur Infanterie.
Granaten schlagen um ihn ein.
Die Noskehunde stuermen Buexenstein.

4. O Buexenstein! O Buexenstein!
Spartakus sein heisst Kaempfer sein.
Wir habn gekaempft bei Buexenstein
Und dafuer sperrt man uns ins Zuchthaus ein.

5. Und wofuer kaempft ein Spartakist?
Damit ihrs alle, alle wisst:
Er kaempft fuer Arbeit und fuer Recht.
Nicht laenger sei der Arbeitsmann ein Knecht!

6. Dass alle Menschen, gross und klein,
Auf Erden sollen Brueder sein.
Dass niemand leidet ferner Not
Und jeder hat genuegend taeglich Brot.

7. O Spreethen! O Spreethen!
Viel Blut, viel Blut hast du gesehn!
In deinem Friedrichshaine ruht
So manches tapfere Spartakusblut.

Подстрочный русский перевод:

1. В полночь в январе
Стоял «спартаковец» на часах.
Он стоял гордо, защищая правое дело,
В борьбе с родом тиранов.

2. И с винтовкой в руке
Он стоял за баррикадой из рулонов газетной бумаги.
Вокруг него свищут пули,
Но «спартаковец» не обращает на это внимания.

3. Все громче грохочет артиллерия.
У Спартака только пехота.
Вокруг него рвутся снаряды.
Псы Носке штурмуют Бюксенштейн.

4. О Бюксенштейн! О Бюксенштейн!
Быть Спартаком значит быть бойцом.
Мы сражались при Бюксенштейне,
И за это нас заключают в тюрьмы.

5. За что же сражается «спартаковец»?
Чтобы вы все-все это знали:
Он сражается за труд и за справедливость,
Чтобы впредь человек труда никогда не был холопом!

6. Чтобы все люди на Земле —
Большие и маленькие, были братьями.
Чтобы никто не терпел нужду,
И чтобы у всех было достаточно хлеба насущного.

7. О Афины на Шпрее (поэтическое название
Берлина – *В. А.*)!
О Афины на Шпрее!
Вы повидали много, много крови!
На вашем Фридрихагайнском кладбище
Покоится так много храбрых «спартаковцев».

Спартаковский текст этой песни был сочинен коммунистом Рейнгальдтом Шульцем, редактором официального печатного органа КПГ – газеты «Ди Роте Фане» («Красное Знамя»).

Впоследствии чины штурмовых отрядов (СА) гитлеровской Национал-Социалистической Германской Рабочей партии пели на тот же самый мотив (позаимствованный «спартаковцами» у снискавшей большую популярность в годы Первой мировой войны и увековеченной Э. М. Ремарком в его знаменитом романе «Три товарища» немецкой солдатской песни о сапере, стоящем на посту в полночь в Аргоннском лесу) свою собственную песню – «Мы маршируем по германской земле»:

Durch deutsches Land marschieren wir.
Fuer Adolf Hitler kaempfen wir.
Die Rote Front, schlagt sie zu Brei!
SA marschiert! Achtung! Die Strasse frei!

(Мы маршируем по германской земле.
Мы сражаемся за Адольфа Гитлера.
Разбейте Красный Фронт вдребезги!

СА марширует! Берегись! Прочь с дороги!),

но это уже другая история...

Несмотря на подавление январского мятежа, в Берлине, как ни в чем ни бывало, продолжал выходить центральный печатный орган КПГ – газета «Ди Роте Фане (Красное Знамя)», а товарищи Карл Либкнехт и Роза Люксембург продолжали выступать с пламенными речами перед революционными рабочими. Правда, им постоянно приходилось перебираться с квартиры на квартиру, однако «вожди классово сознательных германских рабочих», несмотря на опасность, отказывались уехать из Берлина, надеясь взять реванш за январское поражение. Наконец, 15 января 1919 года они были выслежены, схвачены добровольцами капитана Вальдемара фон Пабста из Гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии (Гардекавалери-Шютцендивизион) и убиты при невыясненных до конца обстоятельствах.

После этого Коммунистическую партию Германии возглавил пламенный интернационалист товарищ Пауль Леви.

Хотя речь шла всего лишь о ликвидации зачинщиков вооруженного антиправительственного мятежа в ходе обычной в военное время «зачистки», убийцы товарищей Либкнехта и Люксембург в мае 1919 года предстали перед судом «буржуазного» государства (которое обезвреженные белыми добровольцами государственные преступники как раз и намеревались ликвидировать насильственным путем!) и были приговорены к разным срокам заключения – от 2 лет до 4 месяцев тюрьмы (хотя 6 обвиняемых оправдали за недоказанностью соучастия в совершении преступления).

В то же время в красной Совдепии «в ответ на злодейское убийство товарищей Карла Либкнехта и Розы Люксембург германскими контрреволюционерами» был

объявлен «беспощадный красный террор», жертвами которого пали тысячи невинных, хотя и «классово чуждых» большевикам россиян, не только не имевших ни малейшего отношения к ликвидации вышеупомянутых «немецких товарищей», но и не ведавших об их существовании!

Но что поделать – стражи «пролетарской» революции руководствовались, согласно их же собственным заявлениям, не «буржуазными» юридическими нормами, а соображениями «революционной целесообразности».

В Петрограде большевики, в числе прочих, расстреляли «за Карла Либкнехта и Розу Люксембург» во рву Петропавловской крепости Великих Князей из Дома Романовых, митрополитов и епископов – членов Синода Российской Православной Церкви. После этого варварского, циничного расстрела остальных заключенных вывели на Кронверкскую набережную, где смертников уже ждала баржа. Несчастных набивали в трюм, заполнили заложниками всю палубу. Но, тем не менее, на барже все не поместились – так много жертв было схвачено «мстителями за вождей германского пролетариата»! Так что остаток, человек 300 «счастливиц» – свидетелей злодеяния – отблокировали в печально знаменитую тюрьму Кресты. А полную баржу с цветом русской нации – лучшими представителями петербургской аристократии и интеллигенции на борту – вытянули на середину Невы и там медленно затопили. Крик и стон стояли над оцепеневшим от ужаса городом. Вот какие «славные» поминки справили красные палачи по товарищам Либкнехту и Люксембург!

После успешного завершения операции по ликвидации товарищей Либкнехта и Люксембург (о которых великий гуманист Томас Манн писал в «Рассуждениях аполитичного» (6. 1. 1919): «Я презираю Либкнехта, Люксембург и т. д.; они не политики, а дикие социалисты») капитан Вальдемар фон Пабст (боевой офицер-ветеран германских «охранных» – т. е. колониальных – войск), близкий к генералу Эриху Людендорфу, был переведен в Потсдамскую бригаду

рейхсвера. В 1920 году он «не выдержал творившихся вокруг безобразий» и предпринял, опираясь на штыки бригады, неудачную попытку военного переворота – «марш на Берлин». Но, оказавшись без поддержки других воинских частей, фон Пабст был вынужден бежать в Немецкую Австрию, где, вместе с князем Эрнстом-Рюдигером фон Штарембергом, организовал первые отряды антикоммунистического «геймвера» («геймверами» в Австрии, как уже упоминалось выше, назывались отряды самообороны, аналогичные добровольческим корпусам и боровшиеся как с местными большевиками, так и с внешним противником – югославами, итальянцами и чехословаками, постоянно нападавшими на приграничные австрийские земли).

После подавления спартаковского мятежа и ареста в феврале 1919 года скрывавшегося на тайной берлинской явке пламенного интернационалиста товарища Карла Радека можно было не опасаться за то, что должный порядок при проведении выборов в Национальное собрание будет соблюден. Выборы благополучно состоялись 19 января, но на всякий случай добровольческими корпусами были приняты необходимые меры предосторожности. Перед избирательными участками была выставлена охрана в стальных касках, с огнестрельным оружием и ручными гранатами. Города патрулировались белыми добровольческими частями, по улицам разъезжали автомобили с пулеметами, некоторые кварталы напоминали военный лагерь. Большинство (54%) голосов на выборах и 236 депутатских мест получили партии буржуазного лагеря – партия Центра, Немецкая (Германская) Демократическая партия, Немецкая Народная партия и несколько партий помельче.

Социал-демократы (СДПГ и НСДПГ) получили вместе 46% голосов и 187 мест в Национальном собрании. КПГ в выборах не участвовала. Но не потому, что власти ей это запретили или поставили ее вне закона, а потому, что ее руководители ясно понимали: «вариант матроса Железняка» (с подкрепленным шелканьем винтовочных затворов заявлением: «Караул устал, все расходитесь по

домам!») в Германии не прошел, а честный выигрыш ей явно «не светит». Большинство немецких рабочих, в условиях отсутствия террора со стороны красных боевиков, проголосовало за социал-демократов. Так германские белогвардейцы волей-неволей спасли демократию (хотя не слишком ей симпатизировали).

КПП перешла к активной внепарламентской борьбе. Ее главными лозунгами в этой борьбе были:

- 1) обобществление крупной промышленности;
- 2) признание Советов (в которых было сильно коммунистическое влияние), обеспечение и расширение их прав;
- 3) отмена правительственного указа от 19 января 1919 года о восстановлении единовластия офицеров в воинских частях (знакомая большевицкая тактика!) и об ограничении полномочий Советов солдатских депутатов;
- 4) роспуск добровольческих корпусов;
- 5) поголовное вооружение рабочего класса («вооруженный народ вместо армии как орудия классового господства реакционной буржуазии»).

Все эти лозунги были густо сдобрены обычной большевицкой социальной демагогией.

Но социально-экономические требования германских коммунистов – как это ни парадоксально звучит! – могли бы быть осуществимы только в том случае, если бы Германия была такой же аграрной страной, как Россия. В России это было возможно с перенесением национального воспроизводства в деревню, из которой большевики черпали необходимые им для раздувания национальной и международной революции материальные ресурсы путем простых насильственных изъятий, продразверстки, короче говоря – прямого грабежа, по принципу: «Мужик, что конопля – чем больше жмешь – тем больше выжмешь!». А в такой промышленно развитой, индустриальной стране, как Германия, массовая социализация всех средств производства, которой добивались «спартаковцы»,

неминуемо привела бы к тотальной дезорганизации, хаосу и прекращению всякого национального воспроизводства.

И снова разгорелись уличные бои – в Берлине, в Рурской области, в Центральной Германии, Баварии и Верхней Силезии. В Тюрингии, Эрфурте, Готе, в Вюртемберге, Ганновере, Хемнице, в Лугауско-Эльсницком каменноугольном бассейне, в Оффенбахе, Штеттине и во многих других городах прошли забастовки, массовые митинги и демонстрации, а затем и вооруженные столкновения между красными незаконными бандформированиями и белыми добровольческими корпусами, боровшимися за восстановления закона и порядка. Не было, пожалуй, ни одного мало-мальски крупного населенного пункта в Германии, не охваченного вооруженной борьбой. Оружия у населения повсюду оказывалось на удивление много – с тех времен сохранилось множество приказов командиров добровольческих частей о сдаче населением оружия после занятия того или иного города.

Впрочем, координация действий повстанцев оставляла желать много лучшего. Это облегчало центральному правительству Германии подавление вооруженных выступлений силами добровольческих формирований. Нередко тщательно законспирированные агенты правительства проникали в ряды повстанцев и провоцировали их на преждевременные выступления. Имперское правительство, заседавшее в тихом, провинциальном Веймаре под надежной защитой штыков волонтеров генерала Меркера, вело долгие переговоры с представителями красных повстанцев, надеясь выиграть время, необходимое для переброски добровольцев из одной мятежной области в другую.

8. Огненный год

Отразив натиск авангарда Коминтерна на Берлин в январе 1919 года, германские белые направили свой следующий удар против самопровозглашенной Бременской Советской (Социалистической) Республики. Сломив в ожесточенных боях упорное сопротивление примерно 1500 красногвардейцев и распропагандированных коммунистами матросов, белые добровольцы под командованием полковника Герстенберга, по настоянию генерала барона фон Лютвица и по приказу Носке, с применением тяжелого оружия заняли г. Бремен и разогнали тамошние советы рабочих и солдатских депутатов. Однако стоило добровольцам уйти, как бременские коммунисты снова взбунтовались. В апреле 1919 года в Бремене была объявлена всеобщая стачка; за стачкой последовали новые вооруженные столкновения красных бандформирований с белыми добровольческими корпусами.

7 февраля 1919 года Генеральный Совет солдатских депутатов 7-го армейского корпуса (в г. Мюнстере), всегда упорно противившийся созданию добровольческих корпусов, отказался подчиниться Правительственному указу от 19 января о восстановлении единоначалия офицеров и потребовал от правительства признать противоположные по содержанию и смыслу решения I Имперского (Всегерманского) Съезда Советов. В ответ на этот акт явного неповиновения белые добровольческие части генерала Оскара барона фон Ваттера 10 февраля 1919 года с боем заняли Мюнстер, принудили к сдаче и разоружили тамошние красные части «гвардии безопасности» («Зихерхайтсвер») и арестовали членов Генерального совета солдатских депутатов.

Теперь настало время для умиротворения беспокойной Рурской области, где с января по конец апреля постоянно вспыхивали ожесточенные уличные бои и забастовки. Их участники требовали обобществления горной промышленности и признания полномочия советов

рабочих депутатов. В этих выступлениях, нередко принимавших насильственный характер, порою принимали участие сотни тысяч шахтеров и других рабочих, находившихся под сильным влиянием пропаганды КПГ. С начала февраля правительство Фридриха Эберта все туже стягивало вокруг Рурской области кольцо добровольческих частей. Боевым действиям в Рурской области было положено начало 15 февраля 1919 года, когда добровольческий корпус Лихтшлага очистил г. Гервест-Дорстен от коммунистов. Командир «спартаковцев», пламенный интернационалист товарищ Здунок, был застрелен при попытке к бегству.

В ночь на 19 февраля добровольцы освободили г. Эльберфельд, 19 февраля – Обергаузен, в ночь на 20 февраля – Гамборн, 23 февраля – Боттроп и, наконец, после взятия еще нескольких городов, 28 февраля – Дюссельдорф. В последующие недели во многих городах постоянно происходили столкновения между добровольцами и прокоммунистически настроенными рабочими. Белогвардейцы занимали шахты, арестовывали забастовщиков, преграждавших им путь, разгоняли недозволенные собрания. Нередко с обеих сторон в ход шло огнестрельное оружие – как, например, в Гагене, Ремшейде, Эссене, Дортмунде, Бохуме и других городах. В боях с красными участвовали и местные добровольческие формирования гражданской обороны. Точное число погибших в этих столкновениях, неизвестно, но оно наверняка исчислялось многими сотнями.

В то время как Добровольческий ландъегерский корпус Меркера по приказу министра Носке занял Готу, Одруф, Эйзенах, Мюльгаузен, Мейнинген и другие города, повсеместно разоружая и распуская воинские части, в надежности которых правительство Фридриха Эберта имело основание сомневаться, другие добровольческие формирования снимали и арестовывали депутатов тюрингских солдатских советов, не подчинившихся правительственному указу о восстановлении в войсках единоначалия офицеров. 24 февраля 1919 г. в Центральной Германии началась всеобщая забастовка, охватившая

провинции Саксонию, Тюрингию и Ангальт. Железнодорожное сообщение оказалось полностью парализованным. Имперское правительство в Веймаре оказалось совершенно отрезанным от остальной части страны. Было прервано энергоснабжение Берлина и многих других крупных городов.

Фридриху Эберту пришлось отозвать добровольцев Людвиг Меркера из не замиренной еще окончательно Тюрингии и бросить их на Галле – центр всеобщей забастовки. Вооруженные силы, находившиеся в распоряжении забастовщиков в этом городе, уступали добровольцам Меркера по всем параметрам. Сочтя вооруженное сопротивление в таких условиях делом совершенно безнадежным, «гвардия безопасности», состоявшая в основном из сторонников Независимой Социал-Демократической партии Германии, и батальон революционных матросов под командованием коммуниста Карла Мезеберга отступили из города. Тем не менее, при вступлении добровольцев Меркера в Галле им пришлось преодолевать вооруженное сопротивление отдельных групп «спартаковских боевиков» и уничтожать многочисленных снайперов. «Спартаковцы» потеряли 24 человека убитыми и 67 – ранеными, Меркер – 7 убитыми и 20 ранеными. В результате потери красными Галле всеобщая забастовка в Центральной Германии была «организованно» прекращена 7 марта.

Между тем, окопавшиеся в красной Москве товарищи Ленин, Троцкий и компания продолжали вовсю раздувать пламя мировой революции, которая, по их замыслам, должна была непременно привести к созданию Всемирной Республики Советов или, по крайней мере (для начала), к созданию единой Советской республики в рамках Европы (чтобы все было «по Марксу-Энгельсу»). Завершая свою речь на торжественном заседании в день открытия конгресса Коммунистического Интернационала товарищ В. И. Ленин (между делом, с присущей ему скромностью, присвоивший себе звание «вождя мирового пролетариата»), заявил:

– Товарищи, присутствующие в этом зале, видели, как основывалась первая Советская республика, они видят теперь, как основался III Коммунистический Интернационал, они увидят все, как будет основана Всемирная Федеративная Республика Советов.

(Ленин В. И. ПСС., т. 37, с. 520).

Тем временем белые добровольцы генерала Меркера продолжали с боями продвигаться все дальше по охваченной смутой Германии. 9 апреля 1919 года они, при поддержке добровольческого корпуса «Герлиц» и флотилии речных военных катеров, с боем вступили в г. Магдебург, разогнали советы солдатских депутатов, разоружили и распустили ненадежные воинские части и организовали из жителей Магдебурга «белое» гражданское ополчение.

17 апреля добровольцы Меркера вступили в Брауншвейг, 11 мая – в Лейпциг, 18 июня – в Эрфурт. 1 июля добровольцы под командованием бывшего генерала германских колониальных войск Пауля фон Леттов-Форбека, имевшие на вооружении бронев автомобили, минометы, огнеметы и аэропланы, очистили от красных мятежников вольный ганзейский город Гамбург. В Верхней Силезии добровольцам пограничной охраны в условиях объявленного осадного положения удалось сорвать целую серию шахтерских забастовок, инспирированных польскими секретными службами и подпольной организацией сторонников Юзефа Пилсудского «Стрелец».

Белым добровольческим формированиям удалось значительно ослабить натиск «германского отряда армии Мировой революции», но этим они смогли обеспечить себе только временную передышку перед новым раундом «всемирного чемпионата классовой борьбы» (по выражению большевицкого поэта Владимира Маяковского).

9. Мартовские бури

Несмотря на тяжелое поражение берлинских «спартаковцев» в январе 1919 года, в Имперской столице продолжались забастовки и кровавые столкновения коммунистических сил с полицией и белыми добровольцами. По наущению КПГ рабочие армейских мастерских г. Шпандау отказались шить для солдат военную форму. 27 февраля конференция рабочих делегатов государственных заводов Шпандау потребовала экспроприации всех банков и крупных предприятий, конфискации всех крупных состояний (знакомая песня – «грабь награбленное!») и... назначения революционного трибунала для вынесения смертного приговора бывшему германскому Императору Вильгельму II Гогенцоллерну, генерал-фельдмаршалу Паулю фон Гинденбургу унд Бенкендорфу, генерал-квартирмейстеру Эриху Людендорфу и другим «военным преступникам», а также... рейхспрезиденту Фридриху Эберту, рейхсканцлеру Филиппу Шейдеману, министру рейхсвера Густаву Носке и прочим «предателям революции»!

Генерал Вальтер барон фон Люттвиц, командующий сконцентрированными в Берлине и в окрестностях города добровольческими частями, со дня на день ожидал нового удара «спартаковцев» – повторения январских событий. На этот раз положение несколько облегчалось тем, что после январских боев выборные (!) командиры и члены Советов солдатских депутатов Берлинского гарнизона были заменены вновь назначенными надежными офицерами. Однако по-прежнему существовала неоднократно упоминавшаяся выше «Республиканская солдатская гвардия» («Републиканише Зольдатенвер»), в состав которой после январских боев были включены остатки изрядно потрепанной «Народной военно-морской дивизии». Бойцы «зольдатенвера», несмотря на свою лояльность к социал-демократическому правительству Фридриха Эберта, категорически отказывались применять оружие против «своих братьев по классу, обманутых

большевицкой демагогией». Поэтому как у министра Носке, так и у барона фон Люттвица на «зольдатенвер» надежды было мало.

Утром 3 марта 1919 года газета КПП «Ди Роте Фане» («Красное Знамя») призвала рабочих к всеобщей стачке в поддержку забастовщиков Центральной Германии. В тот же день Общее собрание Берлинских советов рабочих и солдатских депутатов приняло решение о стачке, выдвинув следующие требования:

1) . Признание полномочия Советов рабочих и солдатских депутатов.

2) . Незамедлительное проведение в жизнь решений I Имперского (Всегерманского) съезда Советов об отмене единоначалия офицеров в войсках.

3) . Освобождение всех политзаключенных.

4) . Арест всех «участников убийств революционеров».

5) . Отмена всех военно-полевых судов и военной юстиции как таковой.

6) . Незамедлительное создание отрядов рабочей самообороны.

7) . Роспуск всех добровольческих корпусов.

8) . Незамедлительное восстановление дипломатических и экономических отношений с Советской Россией.

С началом стачки военные власти объявили в Берлине и его пригородах осадное положение. Газета «Ди Роте Фане» была запрещена, ее редакция и типография разгромлены белыми добровольцами (совсем как редакция «Правды» после провала первой попытки большевицкого переворота в Петрограде в июле 1917 года!).

4 марта белые войска Носке вступили в Берлин. 5 марта «Республиканская солдатская гвардия» получила приказ из городской комендатуры пресечь грабежи в центре города на площади Александерплац. В составе откомандированного подразделения «зольдатенвера»

находились военные моряки, завязавшие перестрелку с бойцами белого добровольческого корпуса фон Лютцова перед берлинским полицей-президиумом. Матросов поддержали другие части «зольдатенвера». Белые добровольцы тоже получили подкрепление и применили тяжелое оружие. В ходе боев за площадь Александерплац использовались легкая и тяжелая артиллерия, мины весом до 2 центнеров, самолеты-корректировщики артиллерийского огня и даже авиабомбы. После разгрома «зольдатенвера» в центре Берлина добровольцы обстреляли и взяли штурмом штаб революционных матросов. Бои с «зольдатенвером» развернулись и в берлинском районе Ней-Кёлльн. В результате «зольдатенвер» был почти полностью уничтожен. Бои развернулись по всему городу.

12 марта добровольцы заняли берлинский район Лихтенберг, последний «красный бастион» столицы Германского рейха. В ожесточенных уличных боях «спартаковцы» потеряли убитыми 1300 человек, в числе которых оказался и один из лидеров Коммунистической партии Германии, пламенный интернационалист товарищ Лео Иогихес (впрочем, не известно точно, кем убитый – у него было немало недругов и в рядах собственной партии). Это был тот самый Лео Иогихес, который в 1893 году вместе с такой же русской подданной, Розой Люксембург, организовал Польскую Социал-Демократическую партию на территории Царства Польского, входившего тогда в состав Российской Империи.

Опыт мартовских боев в Берлине был сформулирован генералом Вальтером бароном фон Лютвицем в следующих тезисах:

1) . Чем радикальнее средства, тем скорее обеспечивается достижение успеха. На противника, укрывшегося за стенами и баррикадами, производит должное впечатление только огонь артиллерии и минометов... Предупредительных выстрелов следует избегать, вести огонь преимущественно на поражение.

2) . Не вести никаких переговоров, требовать безоговорочной капитуляции.

10. Новая армия

В походах белых добровольческих частей весной 1919 года по важным промышленным центрам Германии были беспощадно подавлены кровавые «спартаковские» мятежи. Победоносные добровольцы разгромили, разоружили, распустили и запретили многочисленные отряды Красной гвардии, «Пролетарской гвардии безопасности» («Пролетарише Зихерхайт-свер»), «Народного ополчения» («Фольксвер») и пр. Советы солдатских депутатов, противившиеся восстановлению единоначалия в войсках, были смещены и заменены более сговорчивыми. И, наконец, настал момент для превращения разрозненных добровольческих корпусов в одну централизованную, единообразно структурированную и находящуюся под единым командованием (хотя и неофициальную) армию.

Еще до окончательного принятия Веймарской конституции, 27 февраля 1919 года, германское Национальное собрание приняло закон о создании Временной «Имперской гвардии» («рейхсвера»), вступивший в силу 6 марта 1919 года. 16 апреля 1919 года был принят закон об учреждении временных Имперских военно-морских сил («рейхсмарине»). Присягая, солдаты клялись добиваться проведения в жизнь всех распоряжений имперского правительства и обеспечивать закон и порядок внутри страны. 9 марта 1919 года рейхспрезидент Фридрих Эберт назначил министра рейхсвера (военного министра) Густава Носке главнокомандующим рейхсвером. Впервые с 9 января 1918 года было официально восстановлено неограниченное единоначалие офицеров в войсках. Никаких советов солдатских депутатов в рейхсвере не имелось, и даже предусмотрено не было. Добровольческие корпуса, нередко в качестве отдельных подразделений, переводились в состав рейхсвера.

Так, Гвардейская кавалерийская стрелковая дивизия была переименована в 30-ю бригаду рейхсвера,

Добровольческий ландъегерский корпус генерала Людвиг Меркера – в 16-ю бригаду рейхсвера, добровольческий корпус Гюльзена – в 3-ю бригаду рейхсвера, добровольческий корпус Россбаха – в 37-й егерский батальон и т. д. Кроме добровольческих корпусов, в состав рейхсвера вошли члены верных правительству отрядов «гражданской самообороны» и «городских ополчений», создававшихся с начала 1919 года по указанию военного министра Густава Носке и министра внутренних дел Пруссии Вольфганга Гейне (СДПГ) для поддержки правительственных войск в боях со «спартаковцами». Зачислялись в рейхсвер и так называемые «временные добровольцы» (или «добровольцы на время»), бывшие офицеры и студенты, набиравшиеся на добровольной основе местными воинскими начальниками с весны 1919 года для поддержки рейхсвера в случае, если «имели твердое желание применить оружие против Спартака».

В зависимости от того, предусматривалось ли использование бригад рейхсвера против внешнего или же против внутреннего врага, они имели различные структуру и вооружение. Так называемые «большие бригады рейхсвера», предназначенные главным образом для борьбы с внешним врагом, имели многочисленную артиллерию, отряды специального назначения и многочисленные тыловые подразделения. В то время как «малые бригады» рейхсвера, используемые главным образом для поддержания порядка внутри страны, имели в своем составе относительно мало артиллерии, войск специального назначения и совсем никаких тыловых частей. Численность «большой бригады» рейхсвера составляла 11 000, «малой» – 7 320 человек. В апреле 1919 года рейхсвер насчитывал в своем составе 17 «больших» и 12 «малых», а уже летом 1919 года – 22 «большие» и 18 «малых» бригад. К июню 1919 года общая численность рейхсвера, включая части пограничной стражи («грэнцшутц»), составляла 350 000 штыков и сабель.

В рейхсвере роль бывшего аппарата Верховного Руководства Сухопутных Войск и Большого Генерального

штаба кайзеровской армии играло Министерство рейхсвера. При этом персональная преемственность сохранялась. Министру рейхсвера подчинялись Руководство сухопутных сил и Руководство военноморских сил. Важнейшим органом в структуре Руководства сухопутных сил являлось Войсковое ведомство, фактически выполнявшее все функции прежнего Большого Генерального Штаба.

Некоторые отделы Руководства сухопутных сил были «замаскированы» под гражданские учреждения или включены в состав других министерств (внутренних дел, транспорта и т. д.). Руководству сухопутных сил подчинялись сперва 4, а позднее – 2 командования групп рейхсвера, а последним, в свою очередь, 7 командований военных округов. В отдельных землях (провинциях) Германской Империи были учреждены земельные комендатуры, подчинявшиеся непосредственно министру рейхсвера.

Параллельно с созданием рейхсвера были заново сформированы полиция и жандармерия, чьи кадры были укреплены за счет принятия на службу бывших офицеров и унтер-офицеров, хорошо зарекомендовавших себя в боях со «спартаковцами».

И, наконец, уже в 1919 году были воссозданы или вновь организованы многочисленные военно-патриотические организации – такие, как «Национальный Союз Немецких (Германских) Офицеров», «Германский Офицерский Союз», «Вервольф» Фрица Клоппе, «Союз Киффгейзера» («Кифф-гейзербунд») – объединение многочисленных союзов ветеранов войны, Союз солдат-фронтовиков «Стальной Шлем» («Штальгельм», сокращенно: «Шта»), а также объединение бывших бойцов добровольческих корпусов под названием «Младотевтонский (Младонемецкий) орден» («Юнгдейчер Орден», сокращенно «Юнгдо») во главе с отставным офицером-фронтовиком, ветераном-фрейкоровцем, бывшим командиром белого добровольческого корпуса «Кассельская офицерская рота» Артуром Марауном.

Наибольшую известность во внутривойсковой жизни Германии между двумя войнами снискал «Стальной Шлем», возглавляемый офицерами-фронтовиками Теодором Дюстербергом (придерживавшимся консервативно-монархических взглядов) и Францем Зельдте (представлявшим «консервативно-революционное» крыло, но, в конце концов, примкнувшим к национал-социалистам и даже занявшим в 1933 году важный – с учетом необходимости срочной ликвидации в Германии массовой безработицы, унаследованной от Веймарской республики – пост министра труда в первом кабинете Адольфа Гитлера). В рядах «Стального Шлема» состоял прусский кронпринц Оскар фон Гогенцоллерн (в то время как другой прусский принц, Август-Вильгельм, по прозвищу «Ауви», состоял в гитлеровских штурмовых отрядах СА). «Стальной Шлем», насчитывавший в разное время от 1 до 2 миллионов активных членов, имевший свою собственную молодежную организацию – «Молодой Стальной Шлем» («Юнг-Штальгельм»), с «мечом Зигфрида» в качестве эмблемы на значках и петлицах – и примыкавший в политическом отношении к Немецкой Национальной Партии (ННП), являлся своего рода «штурмовым отрядом» этой партии.

Вплоть до 1932 года «Стальной Шлем» использовал в качестве знамени кайзеровский военный (военно-морской) флаг (при этом у черного орла в центральном медальоне флага чаще всего отсутствовала корона). С 1933 года черный одноглавый коронованный прусский орел в центральном медальоне флага «Штальгельма» был заменен черным изображением солдатской каски (стального шлема); наряду с «военным», стал употребляться и «национальный» черно-бело-красный полосатый флаг с изображением солдатской каски в центре средней – белой – полосы. С 1934 года под изображением каски в центре флага была подложена белая «вращающаяся» свастика. «Штальгельмовцы» носили форму серо-зеленого полевого цвета «фельдграу» и фуражки, очень напоминавшие экипировку кайзеровской армии (правда, отсутствовали погоны). Знаками различия «верманов» («вооруженных мужей») – так именовались

чины «Стального Шлема») служили черные, окаймленные серебром шевроны углом вверх на левом рукаве и петлицы черного цвета, украшенные тремя посеребренными дубовыми листьями и серебряными «шпалами» – в зависимости от звания. Белые выпушки указывали на принадлежность к «активному контингенту», зеленые – к «резерву», голубые – к отрядам «защиты родины» («гейматшц»).

«Вервольф» (полное название: «Вервольф – Союз Немецких Фронтовиков») был учрежден тем же самым полковником кайзеровской армии Теодором Дюстербергом (а не «Дуйстербергом», как часто неправильно пишут!), что основал и «Стальной Шлем», в качестве молодежного союза, в рамках которого должны были проходить военную подготовку и политическое обучение будущие кадры «Стального Шлема».

Древнегерманское по своему происхождению, слово «вервольф» имеет в немецком языке двоякий смысл, в зависимости от написания (хотя во всех случаях произносится одинаково). В случае написания «*Werwolf* (*Waerwolf*)» оно переводится в своем первичном и исконном смысле, как «муж» (в значении «человек»; ср. с латинским «*vir*» = «вир», то есть «муж», «человек») + «волк» («вольф»). «Вервольфами» в древнегерманских сказаниях именовались оборотни-вурдалаки, аналогичные славянским «волкодлакам» («волколакам»), древнегреческим «ликантропам» и скандинавским «ульфхединам» («варульвам») – люди, способные на время обращаться в волков. В случае же написания «*Wehrwolf*» (именно такое написание имело название интересующего нас союза) слово «вервольф» переводится как «вооруженный волк» (от «*Wehr*» – «оружие, броня, оборона» и «*Wolf*» – «волк»).

Особенно популярным слово «вервольф» в данном написании стало в Германии накануне Великой войны благодаря одноименному роману-хронике немецкого писателя-«почвенника» Германа Лёнса (ушедшего добровольцем на фронт в первый день войны и павшего смертью храбрых в 1916 году во Фландрии). В своем

романе-хронике «Вервольф» Герман Лёнс воспел доблесть тайного отряда крестьянской самообороны, действовавшего на Люнебургской пустоши в годы опустошительной Тридцатилетней войны середины XVII века. Новые «вервольфы» – бывшие бойцы добровольческих корпусов, унтер-офицеры рейхсвера, резервисты и молодежь, как бы равнялись на безвестных героев общенародного сопротивления иноземным оккупантам и их пособникам из числа самих же немцев, воспетых в «крестьянской хронике» писателя-«почвенника» Германа Лёнса. Вскоре после своего основания «Вервольф» отделился от породившего его «Стального Шлема» (в котором функции, первоначально предназначавшиеся «вооруженным волкам», стала выполнять новая молодежная организация – упомянутый выше «Молодой Стальной Шлем»).

Руководителем «вооруженных волков», не довольных слишком тесными, по их мнению, связями руководства «Штальгельма» с «реакционным юнкерством и кайзеровским офицерством», стал ветеран Великой войны, бывший фрейкоровец Фриц Клоппе, член «Национального Союза Немецких (Германских) Офицеров», издававший (начиная с 1922 года) газету «Вервольф». На момент отделения от «Стального Шлема» в рядах «Вервольфа» числилось около 30 000 человек, подразделявшихся на 400 групп, входивших в 26 областей («гау»).

Наряду с идеологическим воспитанием немецкой молодежи в «национальном и социальном духе», с целью ликвидации разделяющих немецкий народ сословно-классовых противоречий и победоносного завершения национально-освободительной борьбы с международной финансовой олигархией, наднациональным масонством и транснациональными корпорациями, за создание великогерманского народного государства», большое внимание уделялось военно-спортивной подготовке под девизом: «Неустрасимость, товарищество, самообладание и готовность жертвовать собой».

Большинство членов организации Фрица Клоппе было сконцентрировано в Центральной и Западной Германии.

«Вервольфы» подразделялись на три возрастные группы:

- 1) «молодые волки», или «юн(г)вервольфы» (от 14-17 лет);
- 2) собственно «вервольфы» (17 до 24 лет);
- 3) «верные» (старше 24 лет).

Члены «Вервольфа» выступали под черным знаменем с серебряной «мертвой головой». В отдельных подразделениях имелись черные треугольные флажки-фаньоны с эмблемой организации – горизонтальным белым «волчьим крюком».

Герб «Вервольфа» представлял собой белую «мертвую голову» брауншвейгского типа (человеческий череп ан фас над скрещенными берцовыми костями) на черном поле, окаймленный по верхнему краю гербового щита белой лентой с черной надписью немецкими готическими буквами «Вервольф» (нем.: Der Wehrwolf), а по нижнему краю – надписью: «Союз германских мужей и фронтовиков» (нем.: Bund Deutscher Maenner und Frontkaempfer). Иногда изображенный на гербе череп с костями помещался над белой заглавной латинской литерой («В», нем.: «W», т. е. «Вервольф»).

Кроме того, в качестве герба «Вервольфа» использовался белый щит с черным изображением «волчьего крюка», расположенного по диагонали, справа налево (в геральдическом смысле), с черной надписью «Кто не с нами, тот против нас» (нем.: Wer nicht mitmacht, ist gegen uns).

Боевики «Вервольфа» носили единообразную полевую армейскую форму (без погон) с черно-бело-красными повязками на левом рукаве – серо-зеленые френчи, брюки и фуражки, ботинки с серо-зелеными обмотками или крагами, реже – сапоги. Они подпоясывались ремнями с бляхой, на которой была изображена «мертвая голова» над латинской литерой «В» («W») и носили жетоны в форме черного, с белой каймой, гербового щитка с белой «мертвой головой» над литерой «В» («W») белого (или красного) цвета, а также кольца серебристого металла с

изображением черепа и костей над латинской литерой «В» («W»), вписанным в кольцо. Кожаная амуниция была обычно темно-желтого цвета, как это было принято в кайзеровской армии.

«Младотевтонский (Младонемецкий) орден» («Юнгдейчер орден», сокращенно «Юнгдо») Артура Марауна возник на основе белого добровольческого корпуса под названием «Кассельская офицерская рота», переняв его эмблему – черный восьмиугольный мальтийский крест (отличавшийся по форме от традиционного – прямого или уширенного – черного креста «старого», основанного в раннем Средневековье, Тевтонского, или Немецкого, духовно-рыцарского ордена, о котором пойдет речь далее), помещенный на белые знамена и белые щитовидные нагрудные знаки и аналогичные кокарды на тульях фуражек марауновцев (такие же черные мальтийские кресты изображались и на стальных касках добровольческого корпуса Марауна). В русскоязычной литературе организация, основанная Артуром Марауном, часто неправильно именуется «Младогерманским орденом» – подобно тому, как Немецкий (Тевтонский) рыцарский орден порой неправильно именуется «Германским рыцарским орденом». Артур Мараун учредил свой «младотевтонский» орден в подражание упомянутому выше «старому» рыцарскому Тевтонскому (Немецкому) ордену (к описываемому времени возвращенному революцией в Австрии в свое первоначальное состояние госпитальерского католического монашеского братства), став его «Верховным Магистром» (Гохмейстером), имевшим в своем подчинении собственных «комтуров» (командоров) и «братьев-рыцарей» (а также «орденских сестер»).

«Младотевтоны» Марауна носили полевую форму цвета «фельдграу» (френчи поверх белых парадных или защитных повседневных рубашек с черными галстуками, армейской кожаной амуницией, брюки с ботинками или бриджи, сапоги или ботинки с кожаными крагами или обмотками). На левом рукаве (выше локтевого сгиба) они

носили нашивку в виде щитка с черным восьмиугольным мальтийским крестом на белом поле (или белую нарукавную повязку с черным мальтийским крестом ниже локтевого сгиба). Бляхи поясных ремней «младотевтонов» были (как и имевшие форму полумесяца шейные знаки-горжеты знаменосцев «Юнгдо») украшены эмблемой их ордена – упомянутым выше восьмиугольным мальтийским крестом. На околыше фуражки они, как уже говорилось выше, носили кокарду в форме щитка с черным мальтийским крестом на белом поле, на тулье – круглую «земельную» кокарду армейского образца.

Территориальные подразделения «Юнгдо» именовались «бальяжами» («баллеями»), местные группы – «братствами» («брудершафтами»). Численность его временами достигала 200 000 человек.

«Орденские братья» марауновского «Юнгдо» носили значки в форме белого щитка с черным мальтийским крестом, а «орденские сестры» – такие же значки (но с трехлучевыми крестами).

Знамя «Юнгдо» представляло собой белое полотнище с черным мальтийским крестом. Возведя сам себя в сан Верховного магистра учрежденного им «Младотевтонского ордена», Артур Мараун пользовался внутри ордена непререкаемым авторитетом, опираясь на свои собственные капитулы, бальи и комтуром, скопированных со «старого» («головного») Тевтонского ордена. Правой рукой Гохмейстера Марауна был канцлер «Младотевтонского ордена» Борнеман. Видную роль в «Юнгдо» играл также генерал в отставке Зальценберг. Особенно многочисленными были земельные организации «Младотевтонского ордена» в Тюрингии и Саксонии, а его мелкие местные филиалы – «брудершафты» – были разбросаны по всей территории Германии.

«Юнгдо» издавал собственную газету «Младотевтон» (нем.: «Дер Юнгдейче») под девизом участников Первого Крестового похода (и рыцарей ордена Святого Гроба Господня) «Так хочет Бог!» (нем.: «Готт вилль эс!», лат.: «Деус вульт»).

Первоначально орден Марауна/Борнемана являлся главным конкурентом право-консервативного союза фронтовиков – ветеранов мировой войны «Стальной Шлем» (нем.: «Дер Штальгельм», Der Stahlhelm). Подобно «Штальгельму», «Юнгдо» преследовал цели военного характера, собирал и тайно хранил вооружение германской армии, подлежавшее сдаче комиссии Антанты по разоружению Германии. В 1923 г. «Младотевтонский орден», как и «Стальной Шлем», боролся за осуществление планов главнокомандующего вооруженными силами послевоенной Германии (рейхсвера) генерала Ганса фон Секта, намеревавшегося организовать вооруженное сопротивление французским и бельгийским войскам, оккупировавшим промышленную Рурскую область Германии. В 1925 г. орден Марауна поддержал кандидатуру генерала фон Секта на пост президента Германии. Своими основными задачами «Юнгдо» провозгласил борьбу против красного террора внутри страны, освобождение Отечества в сфере внешней политики и возвращение германских колоний.

Наряду с «Младотевтонским орденом» Артура Марауна и «старым» католическим военно-монашеским Тевтонским (Немецким) орденом, в Германии и Австрии описываемой эпохи существовали также полусекретный националистический союз «Дейчер Орден» («Немецкий орден», одноименный со «старым») и более глубоко засекреченный «Германен-Орден» («Германский орден» или «Орден германцев»), для членов которого было характерно увлечение древнегерманскими рунами и неоязычеством в духе ариософа Г(в)идо фон Листа. На разных этапах своего существования «Германский орден» (эмблемой которого служила вращающаяся «солнечная» косовидная свастика-«зензенкрейц», наложенная первоначально на равносторонний крест, а позднее – на четырехлучевую звезду) включал в свой состав организации различной ориентации – например, баварское ариософское «Общество Туле», прусский монархический «Союз прямодушных» («Бунд дер Ауфрехтен») и даже национал-социалистическую партию НСДАП. В силу сходства названий вышеперечисленных «орденов»

современники и особенно позднейшие авторы нередко путали (и продолжают путать!) их друг с другом и со «старым» католическим духовно-рыцарским Тевтонским (Немецким) орденом Пресвятой Девы Марии.

В конце марта-начале апреля 1919 года основной очаг революционных боев в Германии переместился на юг страны – в Баварию.

11. Баварская Советская республика

Бавария всегда относилась к числу германских государств с наиболее ярко выраженной самобытностью и стремлением к самостоятельности. Баварское герцогство пользовалось автономией еще в составе Империи Карла Великого (IX в.). Государь из древней династии Виттельсбахов, Людвиг Баварский (XIV в.) принадлежал к числу наиболее выдающихся кайзеров «Священной Римской Империи германской нации». Баварское королевство существовало еще в те времена, когда на землях будущего Королевства Пруссии язычники «молились пням», а их гоняли по лесам рыцари Тевтонского ордена. В так называемой «Австро-Прусской» (а фактически – внутригерманской гражданской) войне 1866 года Бавария, в числе других южногерманских государств, поддерживавших Австрию, потерпела сокрушительное поражение от победоносной Пруссии и возглавляемого Пруссией Северогерманского Союза.

Тем не менее, и после провозглашения в 1871 году Германской Империи («Второго рейха») во главе с королем Пруссии в качестве «германского Императора» (но не «Императора Германии!») в 1871 году в Зеркальном зале Версальского дворца французских королей (этот глубоко символический акт был призван прочно закрепить в сознании современников и потомков победу немцев над французами, столетиями всячески препятствовавшими германскому единству), Бавария сохранила свою автономию, собственную армию с Генеральным Штабом, собственное военное министерство, собственную почту со своими почтовыми марками, и другие атрибуты самостоятельности.

Многие баварцы по-прежнему с недоверием и завистью относились к «пруссакам» и не прочь были бы при первой возможности от них отделиться. Огромные потери и лишения, понесенные всеми немцами в годы Великой войны, да и само поражение в войне эти «бело-голубые» (названные так по цветам баварского государственного флага) сепаратисты склонны были приписать «прусскому милитаризму», пытаясь снять с Баварии всякую ответственность за разжигание войны (приписываемое Антантой исключительно германской стороне) и заодно попытаться «полюбовно» договориться с державами-победительницами, избавив Баварию от необходимости участвовать в выплате Антанте колоссальных репараций, наложенных победителями на побежденную Германию. Поэтому не является случайным то обстоятельство, что именно баварская столица Мюнхен, наряду с Килем, стала одним из первых очагов революционного пожара.

Еще 2 ноября 1918 года (за неделю до «официальной» победы Ноябрьской революции в Германии!) огромная толпа, состоявшая в основном из солдат нестроевой службы и деклассированных элементов, во главе с лидером «независимых социал-демократов» Куртом

Эйснером (Соломоном Космановским), чья парламентская фракция составляла в баварском ландтаге (земельном парламенте) меньшинство, но отличалась крайней агрессивностью, совершила нападение на расположенные в Мюнхене армейские казармы.

Любопытно, что в числе сторонников Курта Эйснера был и юрист Ганс Франк, ставший при Гитлере ведущим нацистским правоведом, министром без портфеля и генерал-губернатором Варшавы, установившим в покоренной германскими нацистами Польше режим жесточайшего террора и повешенный за свои преступления по приговору Нюрнбергского трибунала (впрочем, и другой видный сторонник Гитлера – «главный антисемит Третьего рейха» и издатель газеты «Дер Штюрмер» Юлиус Штрейхер – был в молодости социал-демократом, а третий – будущий Президент Народного суда, или Фольксгерихтсгофа, гитлеровской Германии – Роланд Фрейслер – успел в юные годы побывать в России красноармейцем, политкомиссаром и чекистом – пока не был по линии Коминтерна заслан в Германию, где, поразмыслив, перешел в ряды нацистов)!

Уличные столкновения привели к свержению баварской королевской династии Виттельсбахов и бегству королевской семьи из Мюнхена. В качестве обоснования совершенного им переворота Курт Эйснер использовал опасения баварского крестьянства, что развал Австро-Венгрии может привести к вторжению войск Антанты и ее сателлитов в Баварию, невзирая на мирный договор, и недовольство правительством Фридриха Эберта, влачившим, после заключения мира, довольно жалкое, по его мнению, существование.

Берлинское правительство обвинялось баварцами, в массе традиционно не любившими «пруссаков», во всех свалившихся на Баварию и на всю Германию бедах.

Курт Эйснер-Космановский, провозгласивший Баварию социалистической и демократической республикой, с самого начала взял курс на открытую конфронтацию с «пруским» Берлином. По указанию Космановского были

сфабрикованы подложные документы (датированные 1914 годом), призванные снять, в глазах Антанты, с Баварии всякую ответственность за развязывание мировой войны (взвалив всю ответственность на «пруссаков»), и помочь ей заключить с Антантой сепаратный, менее суровый, чем со всей поверженной Германией, мирный договор.

Эйснер также выступал против созыва всегерманского Национального собрания, как не учитывающего позицию советов рабочих и солдатских депутатов. Столкнувшись с жесткой позицией рейхспрезидента Фридриха Эберта, Курт Эйснер настолько резко обострил отношения с Берлином, что даже ряды поддерживавших его «антипруссские» настроения баварцев раскололись. Социал-демократическое большинство в баварском ландтаге поддержало позицию президента Эберта, сочтя необходимой передачу верховной власти всенародно избранному Учредительному собранию.

Поскольку на 12 января 1919 года были назначены выборы в баварский ландтаг, крайне левые «спартаковцы» и перешедшие к красным солдаты, сомневавшиеся в способности Эйснера «довести дело социалистической революции до конца», в ночь на 7 декабря 1918 года предприняли в Мюнхене попытку вооруженного восстания, которую, однако, властям удалось подавить малой кровью, ввиду отсутствия у путчистов поддержки со стороны населения. Хотя Эйснер всеми силами отрекся от ультралевых путчистов, утверждая, что – якобы! – не был посвящен в их планы, общественное мнение в Баварии оказалось настроенным против него. Никто уже не верил в эйснеровскую идею полной независимости Баварии от остальной Германии, как залога будущего процветания этой земли.

Кроме того, становившиеся все более агрессивными антицерковные выходки красных стали оскорблять верующих, испытывавших традиционное для баварцев (особенно в сельской местности) уважение к католической церкви. Стало совершенно ясно, что, в случае, если выборы в ландтаг все-таки состоятся, Эйснера и его независимых социалистов ждет неминуемое поражение.

Эйснер попытался еще раз обратиться к силе, но снова безуспешно, и был вынужден подать в отставку 21 февраля 1919 года.

В тот же день Курт Эйснер-Космановский был застрелен на улице офицером-фронтовиком графом Антоном фон (де) Арко-Валлей. Графу фон Арко-Валлей, незадолго до совершения им покушения на Эйснера, было отказано в приеме в ряды ариософского «Общества Туле» (баварского отделения тайной ариософской организации «Германский оорден») из-за его еврейского (по матери) происхождения. Данный факт позднее породил усердно муссируемую до сих пор так называемыми конспирологами (вроде Юрия Воробьевского и др.) легенду, что физическое устранение Эйснера было якобы поручено графу фон Арко руководством «Общества Туле», в качестве неперемennого условия его принятия в члены общества; впоследствии баварские чекисты на основании этого облыжного обвинения учинили кровавую расправу над членами «Общества Туле», взятыми ими в заложники.

Сам граф фон Арко, тяжело раненый красными после совершения им покушения и чудом спасенный от смерти знаменитым хирургом профессором Фердинандом Зауэрбрухом (с трудом уговорившим явившегося за раненым графом в госпиталь командира красногвардейского отряда – бывшего русского военнопленного, которого доктор Зауэрбрух по счастливой случайности вылечил накануне революции! – увести своих людей), был спасен от смертной казни, грозившей ему за убийство Эйснера, благодаря личному заступничеству знаменитого писателя Томаса Манна. Отбыв продолжительное тюремное заключение, граф Арко был в 1945 году сбит в Мюнхене автомашиной американских оккупационных войск и скончался на месте.

Революционеры устроили Эйснеру пышные похороны с почетным эскортом солдат мюнхенского гарнизона. В исторической литературе встречаются утверждения, что при просмотре кадров кинохроники 1919 года среди баварских красноармейцев, эскортировавших гроб с телом Эйснера был якобы обнаружен... ефрейтор Адольф

Гитлер! Так ли это, или нет, одному Богу известно! Приводим это сообщение, как информацию к размышлению...

Успешное покушение графа фон Арко на Курта Эйснера послужило сигналом к разгрому левыми баварского земельного парламента-ландтага и якобы «стихийным», а в действительности – тщательно спланированным (подобно неудачному большевицкому путчу в июле 1917 года в Петрограде) массовым выступлениям красных. Ворвавшиеся в ландтаг вооруженные революционеры тяжело ранили лидера социал-демократического парламентского большинства Эдгара Ауэра и захватили многих членов баварского ландтага в качестве заложников. Мюнхен оказался в состоянии полной анархии. Президент Фридрих Эберт в далеком Берлине мало чем мог помочь со своими слабыми силами. Возник новый, крайне опасный очаг серьезной смуты.

Во главе баварских левых стояли анархисты Густав Ландауэр, Эдгар Яффе и Эрих Мюзам. Последний, между прочим, был издателем журнала с характерным названием «Каин». Как видно, Мюзаму не давали покоя «лавры» большевиков в России, вознамерившихся воздвигнуть летом 1918 года в г. Камышине на Волге памятник Каину, но потом «ограничившихся» установкой памятника... Иуде Искарриоту!

По городам Баварии прокатилась волна стачек. Вооруженные коммунисты и анархисты, к которым примкнула часть солдат, силой захватывали редакции неудобных им газет. Во всей южной Баварии власть фактически перешла в руки советов рабочих и солдатских депутатов. Власть в Мюнхене захватил самозванный Центральный Совет, состоявший из представителей НСДПГ, анархистов, Баварского Крестьянского Союза и левых социал-демократов. 6 апреля 1919 года в мюнхенский дворец бывшей баварской королевы ворвалась группа вооруженных революционеров под предводительством авангардистского поэта и драматурга Эрнста Толлера, возглавившего «независимцев» после

убийства Эйснера, и провозгласила Баварию «Советской республикой».

Их воодушевил на это быстрый успех революции, вспыхнувшей 21 марта 1919 года в Венгрии, где власть захватил засланный из Совдепии пламенный интернационалист товарищ Бела Кун, провозгласивший Венгерскую Советскую республику. Эрнст Толлер и его сторонники заявили о своем намерении объединиться с Советской Венгрией и Австрией (где тоже со дня на день ожидалась социалистическая революция) в единую «революционную конфедерацию» (это также предполагало «разрыв с Берлином»).

Толлера поддержали советы рабочих и солдатских депутатов. Прежнему баварскому правительству социал-демократического большинства, во главе с Адольфом Гофманом, удалось бежать из Мюнхена на север Баварии, в Бамберг. Гофман заявил о верности своего правительства Фридриху Эберту. 7 апреля 1919 года, на следующий день после провозглашения Баварской Советской республики, ее руководство немедленно связалось с тт. Троцким, Лениным и прочими большевицкими главарями в Кремле и в дальнейшем во всем следовало их указаниям. В своей известной телеграмме баварским коммунистам Ленин в форме вопросов четко сформулировал для них программу действий: «Какие меры вы приняли против буржуазных палачей Шейдемана и К^о? Вооружили ли вы рабочих и разоружили ли буржуазию? Взяли ли заложников из среды буржуазии?» и т. п. «Вождь мирового пролетариата», как обычно, жаждал крови и, между прочим, рекомендовал ни много, ни мало, как расстрелять ВСЕХ (!!!) офицеров до единого.

13 апреля часть мюнхенского гарнизона, и, прежде всего – «республиканские охранные группы», восстали против новоявленной Советской республики. Они арестовали некоторых членов советского правительства Баварии, заняли ряд общественных зданий и объявили Мюнхен на осадном положении. Но против восставших выступили мюнхенские коммунисты, к которым присоединилась поддававшаяся красной пропаганде часть столичного

гарнизона. Вооружившись на захваченных ими армейских складах, они вступили в бой с «республиканскими охранными группами» на улицах города.

Еще в ходе битвы за Мюнхен прошли заседания «производственных» («рабочих») и «казарменных» («солдатских») советов. Последние объявили о передаче всей власти объединенному «Комитету действий» (Центральному Комитету), состоявшему главным образом из членов КПГ, НСДПГ и левых социал-демократов. Комитет одобрил предложенную коммунистами программу действий и назначил в качестве высшего органа Баварской Советской республики Исполнительный совет во главе с прибывшими из России большевицкими эмиссарами Евгением Ниссеном-Левине, Максом Левиным и Товией Аксельродом (всего 11 человек). Причем, Товия Аксельрод, подобно Карлу Собельсону-Радеку, прибыл в Германию из Совдепии вполне легально – в качестве корреспондента РОСТА!

Несомненно, новый подъем коммунистического движения в других частях Германии вызвал у них желание попытаться счастья в Баварии. В обстановке нарастающих анархии и хаоса, вызванных неспособностью Толлера и его приспешников (перво-наперво отменивших деньги и объявивших войну соседней германской земле – Вюртембергу – а заодно и «буржуазной» Швейцарии, отказавшейся передать швейцарские паровозы «на нужды баварской революции»!), баварские коммунисты собрали в мюнхенской «Придворной пивной» («Гофбройгауз») совещание советов рабочих и солдатских депутатов, утвердившее пламенного революционера-интернационалиста Евгения (Ойгена) Ниссена-Левине, сына видного петербургского банкира еврейского происхождения (которого, если верить немецкому исследователю Герду Кёнену, «... все, включая даже самих деятелей Советской республики, упрекали... в преступном фанатизме») в должности председателя Исполнительного совета нового Центрального Комитета.

Даже великий гуманист Томас Манн (сам женатый на женщине еврейского происхождения) писал в этой связи в

своих «Рассуждениях аполитичного» (дневниках писателя за 1918-1921 гг.): «Мы говорили... о типе русского еврея, вождя мирового движения, которое стало взрывоопасной смесью еврейского радикального интеллектуализма и славянской христианской мечтательности. Мир, в котором еще жив инстинкт самосохранения, должен приложить все усилия, чтобы с молниеносной быстротой и решительностью, как в условиях военного времени, выступить против этой породы людей».

Отныне новый «парламент» Баварской Советской республике размещался не в прежнем здании баварского ландтага, а прямо здесь, в пивной «Гофбройгауз». В качестве первоочередной меры было принято решение о роспуске прежней баварской полиции, «поголовном вооружении пролетариата» и о начале формирования Красной гвардии. В качестве следующего шага была сформирована Баварская Красная Армия, всего за две недели достигшая численности 30 000 штыков (включая вооруженные заводские дружины).

Руководство ею было возложено на Рудольфа Эгльгофера, бывшего военного моряка и участника матросского бунта в Киле 28 октября 1918 года, предвестника Ноябрьской революции. Эгльгофер привлекал баварских люмпенов (которых выдавал за «пролетарских добровольцев») в ряды Красной Армии, главным образом, подкупом – высоким жалованьем, бесплатным питанием, алкогольными напитками (в первую очередь – даровым баварским пивом) и даже предоставлением им в пользование «обобществленных женщин» (на первых порах – девиц легкого поведения; в дальнейшем предполагалось «социализировать», по примеру большевиков в России, и других представительниц «слабого пола»). Немалую часть баварских красногвардейских отрядов составили русские и сербские военнопленные, выпущенные революционерами из лагерей.

Оружие было получено путем грабежа казарм бывшей баварской королевской армии, а когда его стало не хватать – грозным указом, предписывавшим всем владельцам

холодного и огнестрельного оружия сдать его революционным властям под угрозой смертной казни. Красногвардейцы приступили к массовым арестам всех, кого подозревали в «контрреволюционности», и захвату заложников из среды «эксплуататорских классов». Центральный Комитет призвал трудящихся к всеобщей забастовке, чтобы таким образом высвободить кадры для пополнения Баварской Красной Армии. Постоянно возрастающие расходы на 30-тысячную армию довольно быстро подорвали баварскую экономику.

Баварское советское правительство незамедлительно перешло к созданию собственного государственного аппарата. Были созданы комиссии по военным вопросам, по борьбе с контрреволюцией и саботажем, по хозяйственным вопросам, транспорту и пропаганде, в которых, как и в «Комитете действий» – коммунисты сотрудничали с «независимцами» и с левыми социал-демократами. Члены советов предприятий получили право неограниченного контроля над деятельностью и руководством предприятий.

Революционные события, начавшиеся в Мюнхене, быстро распространившись на юг Баварии, вызвали рост активности большевиков и анархистов во всей Южной Германии. Особенно сильно было влияние мюнхенских событий в Бадене, на самой границе Пфальца. 22 февраля в г. Мангейме, по инициативе коммунистов и «независимцев», были организованы массовые демонстрации, быстро перешедшие в акты насилия. Демонстранты штурмом взяли здания суда и тюрем и освободили заключенных (причем не только политических). Вечером того же дня был образован Революционный совет, провозгласивший «Советскую республику Южной Германии».

Бежавшее в г. Бамберг социал-демократическое баварское земельное правительство Адольфа Гофмана 13 апреля 1919 года объявило всю территорию Баварской Советской республики на осадном положении. Гофман, опасавшийся быстрого численного роста Баварской Красной Армии, прекрасно понимал необходимость

скорейшего нанесения удара по красному Мюнхену, но никак не решался призвать на помощь белые фрейкоры Густава Носке, как состоящие преимущественно из «пруссаков». Натравить «пруссаков» на баварцев (пусть даже «красных», но все же «своих», «земляков»!) казалось неприемлемым средством даже для баварских «умеренных». Боясь повредить себе в общественном мнении, правительство баварских социал-демократов попыталось обойтись собственными силами, хотя они значительно уступали силам Красной Армии, которыми командовал Эрнст Толлер.

Уже 15 апреля близ г. Дахау, в 40 километрах от Мюнхена, произошли первые вооруженные столкновения между наступающими частями Баварской Красной Армии и добровольческими формированиями баварских белых. Красноармейцам удалось, благодаря своему подавляющему превосходству в численности и вооружении, разгромить белые войска, состоявшие из бпехотныхи 2пулеметныхрот, 1батареи77-мм пушек и 1 батареи 105-мм полевых гаубиц, и взять Дахау штурмом. В этом бою баварские революционеры захватили 150 пленных, 4 артиллерийских орудия, 3 пулемета и большое количество боеприпасов. Победа в бою под Дахау была большим военным успехом правящего режима Баварской Советской республики.

Однако Баварская Красная Армия, в силу широко распространенного в ней «партизанского духа» и желания красноармейцев не воевать, а митинговать, не сумела закрепить успех (в тех условиях она могла бы без особого труда захватить всю территорию севернее Мюнхена вплоть до рек Дунай и Лех). Вместо этого Эрнст Толлер (НСДПГ) и Густав Клингельгефер (СДПГ), осуществлявшие совместное командование Красной Армией на Дахауском фронте, заключили с белыми перемирие, что привело к дезорганизации Красной Армии и нанесло Баварской Советской республике и Советской республике Южной Германии немалый ущерб. Кроме того, Толлер (которого за последние две недели его же собственная «родная советская власть» успела дважды

арестовать и дважды освободить!), категорически отказался выполнить отданный Эгльгофером приказ о поголовном расстреле всех пленных, самовольно покинул фронт и вернулся в Мюнхен (где был в третий раз арестован и в третий раз освобожден).

В бою при Дахау Баварская Красная Армия потеряла убитыми всего 8 человек. Однако революционный диктатор Эгльгофер, в полном соответствии с ленинскими указаниями, приказал «в порядке революционного возмездия» расстрелять ВСЕХ белых, взятых в плен. После неподчинения Толлера он, однако, «смилоствовался» и ограничился приказом казнить за каждого убитого большевика «всего-то навсего» по 5 заложников из числа «представителей эксплуататорских классов».

Впрочем, невзирая на «классовый» подход «революционного правосудия», первыми 30 апреля 1919 года во дворе Луитпольдовской гимназии г. Мюнхена были расстреляны баварскими большевиками отнюдь не представители «эксплуататорских классов», а двое простых солдат, взятых красными в плен накануне – гусары Линненбрюггер и Гиндорф. К числу заложников, расстрелянных мюнхенскими красноармейцами после гусар, принадлежали 9 членов уже неоднократно упоминавшегося нами выше полусекретного ариософского «Общества Туле» (барон Фридрих-Вильгельм фон Зейдлиц, скульптор Вальтер Наугауз, художник-график Вальтер Дейке, секретарь министерства путей сообщения Антон Дауменланг, барон Франц Карл фон Тейкерт, принц Густав Франц Мария фон Турн-унд-Таксис, живописец профессор Бергер, Карл Штехер и секретарь общества графиня Гелла фон Вестарп). В опубликованном «Обществом Туле» после освобождения Мюнхена от красных некрологе среди расстрелянных членов Общества почему-то не был упомянут принц Густав Франц Мария фон Турн-унд-Таксис. Перед казнью заложники были подвергнуты мучительным пыткам в духе большевицкой «чрезвычайки».

Убийство заложников в Луитпольдовской гимназии вызвало, если верить «Рассуждениям аполитичного»

Томаса Манна, «чудовищное возмущение граждан».

Даже «один из плакатов производственного и солдатского Совета выражал отвращение, вызванное «зверским преступлением»... Все красные повязки (которые до этого, как в дни «великой бескровной» Февральской революции 1917 года в России нацепило великое множество баварцев – *В. А.*) внезапно исчезли»...

Об «Обществе Туле» (его полное название звучало несколько иначе: «Общество Туле – Орден борьбы за германский образ жизни» и членами которого являлись многие известные писатели, политики, военные, художники, архитекторы, литераторы и ученые Германии – например, всемирно известный биолог Эрнст Генрих Геккель, основатель науки экологии и «Немецкой Лиги Монистов»), отпочковавшемся от «Германского ордена» («Германен-Ордена»), позднейшие «популяризаторы истории» насочиняли множество небылиц одна невероятнее другой.

Так, из «Общества Туле» многие рьяные «конспирологи» выводят все последующее гитлеровское движение – только на том основании, что эмблемой «Туле» служило так называемое «солнечное колесо» («зонненрад», то есть свастика-«гакенкрейц» с дугообразно загнутыми концами) на фоне меча острием вниз и солнца в обрамлении дубовых ветвей, а знаком принадлежности к этому Ордену была бронзовая брошь в форме щитка со свастикой, перекрещенной двумя копьями. Между тем, свастика в описываемый период времени была настолько популярным во всем мире символом, что использовалась даже в нарукавных нашивках красноармейских частей в Советской России с 1918 до 1924 гг.!

Членом «Общества Туле» являлся, например, командир наступавшего в апрельские дни 1919 года на красный Мюнхен добровольческого корпуса «Оберланд», капитан Йозеф («Беппо») Ремер, что не помешало ему позднее взять из кассы «Оберланда» 500 000 рейхсмарок на издание коммунистической газеты, примкнуть к немецким

«национал-большевику» Эрнста Никиша и даже вступить в Коммунистическую партию Германии (!), чтобы, в конце концов, погибнуть в гитлеровском концлагере от рук национал-социалистов!

Интереснее другое. По некоторым сведениям, после освобождения Мюнхена от красных члены «Общества Туле» собрались 3 мая 1919 года на траурное заседание, дабы почтить память своих соратников, расстрелянных баварскими красноармейцами. Так вот, стол председателя – Рудольфа барона фон Зеботтендорфа унд фон дер Роза (заявившего в начале заседания, что члены «Туле» первыми «претерпели жертвенную смерть во имя крюковидного креста»), по воспоминаниям участников траурной церемонии, был накрыт трофейным красным знаменем, захваченным у «спартаковцев». Со знамени были спороты украшавшие его при большевиках желтые пятиконечная звезда, серп и молот, а вместо них на красное полотнище нашит белый круг с черным крюковидным крестом («гакенкрейцем», то есть свастикой).

Если это так, то выходит, что члены «Общества Туле» использовали будущее партийное знамя гитлеровской Германской Рабочей партии (ДАП, переименованной впоследствии в Национал-Социалистическую Германскую Рабочую партию, НСДАП) еще задолго до вступления Адольфа Гитлера в эту партию, в период, когда он еще находился под арестом по обвинению в оказании вооруженного сопротивления освободителям Мюнхена из числа белых добровольцев! Но об этом – несколько позже...

Заключенное перемирие дало войскам белых необходимую передышку и возможность пополнить запасы вооружения. Так, например, члены «Общества Туле» занялись приобретением у баварских коммунистов винтовок (по цене от 60 до 80 марок за штуку, в зависимости от состояния). Члены сформированного в подполье военизированного крыла «Общества Туле» – «Боевого Союза (Кампфбунда) Туле» -, проникая в ряды Баварской Красной Армии, делали все, чтобы побуждать

спартаковцев продавать все, что только можно – от пистолетов и гранат-лимонок вплоть до пулеметов. Кроме того, члены «Туле» своевременно узнавали обо всех планировавшихся красными акциях и предупреждали людей, впавших в немилость у Советов, о грозящем им аресте. Нередко засланные в ряды красных бойцы «Туле» успешно саботировали акции большевиков (например, выведя, путем замены магнитов, из строя весь красноармейский автопарк мюнхенского гарнизона). Но это так, к слову...

Поскольку было совершенно ясно, что сформированные генералом Францем Риттером фон Эппом баварские добровольческие корпуса оказались слишком малочисленными для того, чтобы нанести поражение Красной Армии, баварское земельное правительство Гофмана обратилось за помощью к Имперскому правительству Эберта. В результате против Баварской Советской республики были сконцентрированы следующие силы белых добровольцев:

- 1) 2-я гвардейская пехотная дивизия;
- 2) Гессенско-тюрингско-вальдекский добровольческий корпус;
- 3) добровольческий корпус «Гёрлиц»;
- 4) 11-я и 14-я кавалерийские стрелковые команды;
- 5) добровольческий корпус фон Лютцова;
- 6) 2-я военно-морская (Вильгельмсгафенская) бригада Эргардта;
- 7) добровольческий корпус «Верденфельз»;
- 8) добровольческий корпус «Оберланд» (сформированный уже знакомым нам главой «Общества Туле» Рудольфом бароном фон Зеботтендорфом в Трейхтлингене, по поручению военного министра Эрнста Шнеппенгорста и Председателя Солдатского совета земли Бавария Йозефа Симона);
- 9) вюртембергские части особого назначения Зейтера и Гретера, и некоторые другие, более мелкие

добровольческие формирования, общей численностью примерно 60 000 штыков и сабель. В рядах этих добровольческих корпусов служили, между прочим, многие будущие видные национал-социалисты – Герман Геринг, Рудольф Гесс, Грегор и Отто Штрассеры, Генрих Гиммлер, Эрнст Рем и другие.

А вот о будущем фюрере «Третьего рейха» Адольфе Гитлере имеются сведения, что он, в чине ефрейтора, продолжал служить в мюнхенском гарнизоне и при Советской власти и даже был схвачен белогвардейцами при взятии Мюнхена... с красной революционной повязкой на рукаве! Во всяком случае, при освобождении Мюнхена от красных будущий «главный антикоммунист Германии» странным образом никак себя не проявил, хотя имел к тому времени за плечами опыт мировой войны, которую с самого первого дня провел в окопах на передовой и был награжден за храбрость двумя Железными крестами...

Главнокомандующим довольно разношерстной «Белой гвардии», наступавшей на Мюнхен, был назначен прусский генерал-лейтенант Эрнст Бургхард фон Офен, в подчинение которому поступили и войска пребывавшего в г. Бамберге баварского земельного правительства под командованием генерал-майора Арнольда Риттера фон Мея. В своем приказе от 25 апреля 1919 года генерал фон Офен писал:

«Войскам выполнять боевые задания, не останавливаясь перед применением силы; всякие переговоры с противником или с населением, безусловно, запрещаются. Всякая мягкость будет истолкована как небрежение своими служебными обязанностями, добродушие или ненадежность подразделения».

Добровольцы, двинувшиеся 20 апреля 1919 года с запада (через г. Аугсбург) на Мюнхен, при вступлении в аугсбургские пригороды Лехгаузен, Обергаузен и Пферзее натолкнулись на сопротивление отрядов рабочей гвардии. Лишь по прибытии подкреплений и в ходе ожесточенных боев добровольческим корпусам удалось овладеть 22

апреля Обергаузенем, а 23 апреля – Лехгаузенем. Расквартированные в Мюнхене и Дахау части Красной Армии, вопреки опасениям генерала фон Офена, не выдвинулись к Аугсбургу, чтобы поддержать тамошних красногвардейцев и воспрепятствовать дальнейшему продвижению белых войск на столицу Баварии. Красноармейцы были заняты поддержанием порядка в самом городе, население которого волновалось в связи с участвовавшими самочинными экспроприациями, отменой свободы собраний, слова и печати и бессудными расстрелами заложников.

Неудержимое наступление белых добровольческих корпусов на Мюнхен вызвало среди членов советов рабочих и солдатских депутатов колебания, а затем и панику. На Всеобщем собрании членов советов предприятий 26 апреля 1919 года Эрнст Толлер и другие функционеры Независимой Социал-Демократической партии Германии потребовали незамедлительно начать переговоры с баварским земельным правительством Гофмана, восстановить прежнюю «буржуазную» полицию и снова открыть запрещенные Советами «буржуазные» газеты. 27 апреля Общее собрание подавляющим большинством голосов приняло это требование «независимых социал-демократов». В ответ на это разгневанные коммунисты вывели своих представителей из состава «Комитета действий». Они все еще пребывали в полной уверенности, что собственными силами, во «всеоружии ленинских идей», смогут справиться с «реакционерами».

30 апреля 1919 года паролем красного мюнхенского гарнизона было объявлено короткое, но емкое слово «Троцкий», столь родное и близкое сердцу каждого истинного революционера-интернационалиста.

В день празднования 1 мая 1919 года на Красной площади в Москве торжествующий В. И. Ульянов-Ленин во всеуслышание заявил: «Свободный рабочий класс празднует сегодня годовщину не только в Советской России, но и в Советской Венгрии и в Советской Баварии». А 15 июля того же года, выступая перед

красноармейцами с речью о внутреннем и внешнем положении «Республики Советов», Ленин заявил:

—... если Россия со своей Советской властью вначале была в одиночестве, то впоследствии к ней присоединилась Советская Венгрия, идет дело о передаче власти Советам в Германии, и недалек день, когда вся Европа соединится в единую Советскую республику, которая уничтожит господство капиталистов во всем мире.

(Ленин В. И. ПСС., т. 39., с. 111).

Прошедший незадолго перед тем в красной Москве Учредительный Съезд Коминтерна, на который съехались коммунистические представители из 19 стран мира, призвал «мировой пролетариат» объединяться в поддержку Советской России – «Отечества пролетариев всего мира». Красная артиллерия готовилась «дать свой последний залп на могиле мировой буржуазии» (красное знамя с соответствующей надписью до сих пор висит в московском Музее Российских вооруженных сил и военно-морского флота).

В Венгрии, ставшей «советской республикой», как и Бавария, свирепствовал кровавый режим пламенного интернационалиста товарища Белы Куна, впоследствии вошедшего в список величайших преступников человеческой истории как беспощадный истребитель русских белогвардейцев, поверивших провозглашенной М. В. Фрунзе большевицкой «амнистии» и отказавшихся эвакуироваться с Русской Армией генерала барона П. Н. Врангеля из Крыма в роковом для исторической России 1920 году.

К моменту захвата красными власти в Венгрии передовые части большевицкой Красной Армии, громя белополяков, достигли уже польского Каменец-Подольска на самой границе с Немецкой Австрией. В Каменец-Подольске у товарища Д. А. Шмидта, комдива Червоных казаков, состоялась встреча с народным комиссаром

обороны Венгерской Советской республики Тибором Самуэли, который самолетом направлялся в красную Москву за инструкциями. Это явилось решающим фактором в назначении Шмидта командующим ударной кавалерийской группировкой красных.

Этой группировке предстояло через границы Польши и Румынии прийти на помощь венгерской революции. Шмидта несколько не смущала перспектива прорыва через две границы. Венгерским коммунистам удалось захватить на какое-то время и часть Словакии, провозгласив там «Словацкую Советскую республику». С величайшим трудом «цепную реакцию» большевизации Центральной Европы удалось пресечь с помощью белых венгерских, чехословацких и румынских войск. А в «день международной солидарности трудящихся» – 1 мая 1919 года (в тот самый день, когда Ленин принимал парад «Армии Мировой Революции» на Красной площади в Москве) – передовые части фрейковровцев с боем вступили в предместья баварской столицы.

В ходе ожесточенных уличных боев, продолжавшихся с 1 по 4 мая 1919 года, белые добровольцы смогли, наконец, одержать верх над Баварской Красной Армией. Красноармейцы потеряли только убитыми, по разным оценкам, от 800 до 1000 человек. Мюнхен был объявлен на военном положении. Ликвидация красных снайперов и выкуривание спартаковских «осиных гнезд» заняло, однако, еще немало времени. Во многих случаях – в буквальном смысле слова, поскольку сопротивление красных оказывалось столь ожесточенным, что против них приходилось применять даже огнеметы.

Томас Манн писал в «Рассуждениях аполитичного»:

«(6 часов вечера). Весь день пополудни сильная канонада и пулеметные очереди... Мюнхен почти полностью во власти правительственных войск, которые вошли в город при живейшей поддержке жителей. Это прусские и южногерманские части, солдаты в стальных касках; они хорошо выглядят и вполне дисциплинированы... хваленый героизм красных

очевидно был равен нулю... Мюнхенский коммунистический эпизод остался в прошлом, желания повторить его не возникает ни у кого. Надо признать, что и я испытываю чувство освобождения и облегчения. Давление было отвратительным. Надеюсь, что бессовестные народные герои, виновные в преступной глупости убийства заложников, будут задержаны и предстанут перед показательным судом (1.5)».

Однако надежды писателя на завершение кровавой эпопеи к вечеру 1 мая не оправдались. Следующий день принес новый всплеск насилия и всеобщей паники, смешанной с жадной мести:

«(10 1/2 утра). Всю ночь была слышна стрельба, к утру она усилилась и продолжается. Рослые солдаты рейхсвера с черно-бело-красными повязками патрулируют перед домом... Большинство рабочих-коммунистов разочаровались в надежде на «вступление в бой русских» (большинство русских военнопленных, присоединения которых тщетно ожидали баварские красноармейцы, предпочли не вмешиваться во внутригерманские «разборки» – В. А.). Убийство заложников, судя по всему, произошло с участием или с помощью русских военнопленных (часть из которых, вроде упомянутого выше пациента доктора Зауэрбруха, все-таки присоединилась к мюнхенским большевикам – В. А.)... Тела жертв обезображены... Остальные заложники были обязаны присутствовать при казни. Несколько вождей коммунистов задержаны. – (6 часов вечера) Трое баварских солдат с пулеметом появились около полудня, назвавшись представителями службы безопасности. Я угостил их сигарами... Красных прикончили. С теми, кто попадал в их руки, было то же самое... – В конце концов все сложилось так, что решительная победа войск стала жизненной необходимостью. Противоположный исход был бы немислимой катастрофой... – Звонил Бертрам... Угрозы красных, если только им удастся прогнать правительственные войска, откровенны и многообещающи. Решительное наступление абсолютно необходимо (2.5.)».

Более 2000 спартаковцев было приговорено к различным срокам тюремного заключения. Военно-полевыми судами был вынесен смертный приговор вождю баварских коммунистов Рудольфу Эгльгоферу (Главнокомандующему Баварской Красной Армией), вожаку баварских анархистов Густаву Ландауэру (члену НСДПГ) и упоминавшемуся нами выше большевику Евгению Ниссену-Левине (засланному в Баварию из Советской России председателю Исполнительного Совета). Казнь последнего вызвала особенное одобрение, в том числе даже в кругах германской интеллигенции, гораздо более других сословий склонных к заигрыванию с левыми идеями. Как писал Герд Кёнен: «Известный пример дает снова Томас Манн. В его мюнхенском дневнике есть... ужасное выражение, направленное в адрес Левине: «Против этого типа мечтательных, фанатичных, хриstopодобных еврейских революционеров может помочь лишь расстрел на месте». Видно уж очень допекли баварские Советы классика немецкой и мировой литературы...

Потери германских белогвардейцев в Баварии только убитыми составили 68 человек.

Когда 1 мая 1919 года добровольческий корпус фон Эппа, в составе которого дрался с красными лейтенант Отто Штрассер (будущий вождь левых национал-социалистов и основатель антигитлеровской нацистской организации «Черный Фронт»!), с боями вошел в Мюнхен, он был обстрелян из казармы «Макс II» 2-го пехотного полка баварской Красной Армии, в котором служил ефрейтор Адольф Гитлер (ходивший, как и все его однополчане, с большевицкой красной повязкой на рукаве!). После разгрома красных в полку была учреждена следственная комиссия с целью установить, кто именно стрелял по белым добровольцам, и выявить все «красные гнезда».

Среди арестованных белыми подозреваемых солдат был и Гитлер, впрочем, вскоре освобожденный по ходатайству начальства при не выясненных до конца обстоятельствах, что представляется довольно странным, учитывая

беспощадность, с которой «белые» военно-полевые суды действовали после освобождения Мюнхена от красных. Как бы то ни было, ефрейтору Гитлеру удалось оправдаться. Будущий фюрер НСДАП на удивление скоро вышел на свободу, прошел «унтер-офицерские курсы переподготовки» и сделался чем-то вроде «антибольшевицкого политрука-пропагандиста» в новом, теперь уже белом, мюнхенском гарнизоне. Возможно, в новом назначении Гитлера сыграло определенную роль как раз его «красное» прошлое – разочаровавшегося в своих прежних коммунистических идеалах бывшему ефрейтору-большевику простые солдаты верили больше, чем кому-то другому, знавшему о большевизме только понаслышке.

Ни для кого сегодня не секрет, что Гитлера (странным образом, почти не затрагивающего в книге «Моя борьба» свое пребывание в красном Мюнхене в 1919 году) «пасла» («курировала») военная разведка баварского рейхсвера (в лице ветерана Великой войны капитана Эрнста Рема, освобождавшего Мюнхен от красных в составе добровольческого корпуса фон Эппа, дослужившегося в дальнейшем до начальника штаба гитлеровских штурмовых отрядов СА и, по приказу Гитлера, убитого эсэсовцами в «Ночь Длинных Ножей» 30 июня 1934 года). Именно по поручению Рема, обязанного по долгу службы следить за всеми радикальными политическими организациями, Адольф Гитлер был вскоре внедрен в зародыш будущей НСДАП – Германскую Рабочую партию (Дейче Ар-бейтер-Партей, ДАП).

13 мая 1919 года социал-демократическое баварское земельное правительство, после своего непродолжительного изгнания, возвратилось из Бамберга в Мюнхен.

12. Против Антанты и большевиков

После разгрома красных генерал Эрих Людендорф, его адъютант полковник Макс Бауэр и другие члены так называемого «кружка Людендорфа» (командующий I группой рейхсвера генерал Вальтер барон фон Люттвиц, исполняющий обязанности командира Гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии капитан Вальдемар фон Пабст, командир 2-й военно-морской бригады капитан 3 ранга Герман Эргардт, командир добровольческого корпуса «Потсдам» майор Франц фон Штефани, генеральный земельный директор Восточной Пруссии доктор Вольфганг Капп, председатель Немецкой Национальной Народной партии граф Эрнст фон Ревентлов, русский эмигрант-фрейкоровец из Прибалтики Макс-Эрвин фон Шейбнер-Рихтер и др.) перешли к подготовке из Баварии, превращенной в «ячейку порядка» («орднунгсцелле»), удара по Версальской системе.

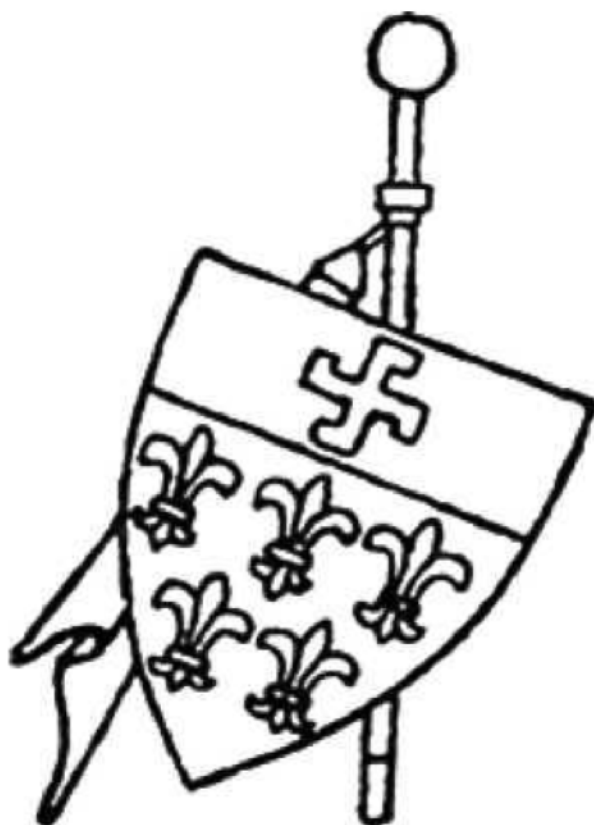
С этой целью полковник Бауэр посетил в Венгрии регента и местоблестителя венгерского королевского престола адмирала Миклоша Хорти фон Надьбаньо (только что, при помощи румынских и чехословацких штыков, освободившего Венгрию от кровавой большевицкой диктатуры Белы Куна и Тибора Самуэли) и Йорга-Ланца фон Либенфельза – члена «Общества Туле» и Великого Магистра ариософского «Ордена Новых Тамплиеров» (Ордена Нового Храма), обладавшего обширными связями среди право-консервативных кругов многих стран Центральной Европы. Затем Бауэр встретился с представителями пангермански настроенных военизированных союзов Немецкой Австрии и полувоенных германофильских групп Румынии, Болгарии и даже Польши (были в то время и такие!). Кроме того, полковник Бауэр установил прочные связи с правыми кругами русской белой эмиграции, группировавшимся вокруг генерала В. В. Бискупского, Местоблестителя Российского Престола Великого Князя Кирилла Владимировича (позднее провозглашенного Императором

в изгнании Кириллом I), и его супруги, Великой Княгини Виктории Федоровны (урожденной принцессы Гессен-Дармштадтской Виктории Мелитты, родственницы Святой Царицы-Мученицы Александры Федоровны и Святой Мученицы Великой Княгини Елизаветы Федоровны, зверски и подло убитых в 1918 году в России большевиками).

Эта деятельность «кружка Людендорфа» была направлена на подготовку восстания не только Германии, но и всех стран Срединной (Центральной) Европы против «пут Версаля» и создание, на основе добровольного воссоединения Австрии с Германией, в союзе с белой Венгрией, единого сплоченного блока «от Берлина до Будапешта», способного разрушить версальскую систему. Провозглашенное одновременно в Берлине правительство национальной диктатуры должно было оказать немедленную военную помощь терпящим поражение в борьбе с Красной Армией антикоммунистическим повстанцам из «Дружин Зеленого Дуба» и «Братства Русской Правды» в

Белоруссии и на Украине, что послужило бы сигналом к походу на красную Москву с целью свержения советского правительства и восстановления в России монархии с Императором Кириллом I на прародительском престоле.

Но не дремал и вездесущий Коминтерн. В течение весны 1919 года по всей Германии бастовали сотни тысяч рабочих и служащих и происходили вооруженные столкновения между недобитыми «спартаковцами» и правительственными войсками.

7 мая 1919 года французский премьер-министр Жорж Клемансо, злорадно заявив: «Пришел час расплаты!», от имени победоносной Антанты продиктовал германской делегации в Версале условия мира.

14 августа 1919 года вступила в силу новая германская конституция, принятая Национальным собранием 31 июля. В отличие от текста всех предыдущих конституций, ее первая статья звучала так: «Германская Империя является республикой. Государственная власть исходит от народа».

Поскольку расположенные в Прибалтике части бывшей кайзеровской армии после Ноябрьской революции оказались в значительной степени охвачены процессами разложения, Верховное руководство сухопутных сил с ноября 1918 года приступило к формированию добровольческих подразделений под названием «Восточная пограничная стража» («Гренцшутц Ост»). Немаловажную роль в мобилизации добровольцев сыграл основанный 1 декабря 1918 года в Берлине Эдуардом

Штадтлером (эльзасцем по происхождению) «Генеральный секретариат по изучению большевизма и борьбе с ним».

По особому соглашению, заключенному между представителем Германской Империи и Временным Правительством Латвии в Риге 29 декабря 1918 года, Временное Правительство Латвии согласилось признать по соответствующему ходатайству все права латвийского гражданства за всеми иностранцами, состоявшими в латвийской армии и прослужившими не менее 4 недель в добровольческих частях, сражавшихся за освобождение латвийской территории от большевизма. Соглашение было подписано с германской стороны уполномоченным на то Августом Виннигом, а с латвийской – Председателем Совета министров доктором Карлисом Ульманисом и министрами Р. Паэгле и Яном Залитом (Янисом Залитисом). По этому соглашению германские добровольцы, приобретая права гражданства в Латвии, однозначно получали и право на владение земельными участками в пределах Латвийской республики.

Несколько позднее, на совещании 10 января 1919 года с участием более 50 промышленников, в том числе Гуго Стиннеса, Карла Гельфериха, Эрнста фон Борзига, Арнольда Рехберга, Карла Фридриха фон Сименса и др. был создан «Антибольшевицкий фонд экономики», в который немецкие «Минины» (в отличие от российских, не скупившиеся поступиться частью своих капиталов ради спасения целого, а заодно и Отечества) внесли 500 миллионов марок в качестве «социальной страховой премии». На эти деньги была создана «Антибольшевицкая Лига», чья программа действий была сформулирована в следующих тезисах:

- 1). Освобождение России от большевицко-террористической анархии.
- 2). Спасение Германии от большевицкой анархии.
- 3). Защита и спасение стран Антанты от революционно-анархического разложения, как следствия мировой войны.

Последний тезис содержал в себе намек на готовность примирения, на определенных условиях, с Антантой (которая, однако, этим шансом не воспользовалась).

Однако продвижение Красной Армии в Прибалтике удавалось сдерживать лишь с огромным трудом. 3 января 1919 года находившаяся под командованием майора Йозефа Бишофа Железная бригада была вынуждена оставить Ригу. Белым добровольцам, ценой невероятных усилий, удавалось удерживать лишь узкую полосу латвийского побережья с единственным портом – Либавой. 1 февраля генерал Рюдигер граф фон дер Гольц был назначен командующим германскими добровольческими частями в Прибалтике. В начале февраля 1919 года в Прибалтику прибыли белые добровольческие корпуса Йорка, Петерсдорфа, «Люнебург», Рикгофа, Дибича и Кnezeбека, общей численностью около 30 000 штыков и сабель. «Правда, качество человеческого материала было ужасным», вспоминал позднее один майор из Саксонии.

Для ведения войны против Совдепии и Польши Верховное руководство сухопутных сил, перебазировавшееся из Касселя в Кольберг, учредило Северное Верховное армейское командование для Прибалтики и Восточной Пруссии со штаб-квартирой в Бартенштейне и Южное Верховное армейское командование для Западной Пруссии и Силезии со штаб-квартирой в Бреслау. В конце января 1919 года было учреждено Верховное армейское командование пограничной стражи («грэнцшуц») на Севере. Его командующим стал генерал Фердинанд фон Кваст, начальником штаба – генерал Ганс фон Сект, 1-м офицером генерального штаба – майор Вернер барон фон Фрич. По заданию Верховного командования сухопутных сил майор Йоахим фон Штюльпнагель в датированной 23 января 1919 года служебной записке разработал план «Операции против большевиков» в Прибалтике под верховным командованием американцев.

Речь шла о претворении в жизнь соображений, обуславливаемых генералом Вильгельмом Гренером с

полковником американской армии Артуром Конджером из штаба Верховного главнокомандующего американскими войсками в Европе, генерала Джона Першинга, во время визита Конджера в Берлин и Кольберг весной 1919 года генерал Грёнер сообщил полковнику Конджеру о готовности германских военных кругов участвовать в «Крестовом походе против большевизма» в обмен на восстановление восточных границ Германии 1914 года и предоставлении Германии свободы действий в отношении Польши. Однако 27 января Конджер, вопреки ожиданиям, сообщил своим германским партнерам по переговорам, что совместные с немцами военные действия против большевизма совсем не входят в планы американского командования. Кроме того, полковник Конджер дал понять, что французские и английские политики вообще считают «угрозу большевизма» не более чем «блефом» немецкой стороны!

3 марта 1919 года Главнокомандующий германскими силами в Прибалтике генерал-майор Рюдигер граф фон дер Гольц, собравший к тому времени под своим началом более 30 000 штыков и сабель, перешел в наступление против «красных латышских стрелков». 10 марта немецкие добровольцы взяли Фрауэнбург (Сальдус), 15 марта – Туккум (Тукумс), 19 марта – Митаву (Елгаву). В этот момент немецкому совету солдатских депутатов в Либаве удалось взбунтовать 3 батальона германских войск, расквартированных там. 3 апреля 1919 года граф фон дер Гольц разогнал солдатский совет, вынудил к сдаче и разоружил мятежные батальоны. Зачинщики мятежа были расстреляны по приговору военного трибунала.

Обеспечив безопасность своих тылов, фон дер Гольц в мае 1919 года возобновил наступление на Ригу и 22 мая полностью очистил ее от большевиков. Опираясь на свои господствующие позиции в Прибалтике, он стал готовиться к наступлению на Петроград и на Москву, чтобы оттуда, в союзе с Белой Россией, обратить штыки против почивавшей на лаврах Антанты. Невзирая на сложности, создававшиеся германским правительством, графу фон дер Гольцу удалось накопить немалые запасы

военного имущества и стянуть в Прибалтику новые добровольческие подразделения со всей Германии. К началу октября 1919 года под его командованием в Прибалтике было сконцентрировано более 40 000 германских добровольцев и примерно 15 000 русских белых войск.

Успехи германских добровольцев в Прибалтике и их дальнейшие планы порядком обеспокоили Францию и Великобританию. Уже 5 июня 1919 года французский премьер Жорж Клемансо заявил: «Если Германия получит контроль над Россией, война для нас может считаться проигранной».

С другой стороны, и «национальные» правительства стран Прибалтики, обещавшие германским добровольцам право поселения в обмен на военную помощь против большевизма, теперь явно не горели желанием платить по счетам. Латвийское Временное правительство Ульманиса решительно отказалось от исполнения обязательств, взятых им на себя по соглашению от 29 декабря 1918 года, мотивируя свой категорический отказ ссылкой на Версальский мир, по которому все обязательства, данные каким-либо государством немцам или Германии, считались недействительными (!). Такое отношение латвийского правительства к своим обязательствам вызвало летом 1919 года сильное брожение среди германских добровольцев, желавших поселиться в пределах Курляндии.

В начале июня 1919 года генерал граф фон дер Гольц двинул своих белых добровольцев из Риги на север, в направлении Эстонии. При Леттине (Литене) и Вендене (Цесисе) они столкнулись с «белыми» эстонскими и латышскими войсками. Перемирие удалось установить лишь при посредничестве американского подполковника Грина, главы миссии США в Прибалтике. Но фон дер Гольц, как приверженец политики свершившихся фактов, 18 июня 1919 года отдал своим войскам приказ наступать. Однако «белым» эстонским и латышским войскам удалось остановить его продвижение и перейти 22 июня в

контрнаступление. Добровольцы фон дер Гольца были вынуждены отступить и даже оставить Ригу.

К началу октября «белое» латышское правительство Ульманиса имело под ружьем 38-тысячную армию, превосходно вооруженную и снабженную всем необходимым из английских и французских запасов в течение всего лета 1919 года. Главнокомандующий войсками Антанты, французский маршал Фердинанд Фош, еще в своей ноте от 14 июля 1919 года потребовал от правительства Германии вывести из Прибалтики все германские войска, повторив свое требование в нотах от 2 и 24 августа. В ответ 24 августа 1919 года взбунтовалась добровольческая Железная дивизия (сформированная на основе упоминавшейся выше Железной бригады майора Бишофа), отказавшаяся возвращаться в Германию. Добровольцы потребовали от латвийского правительства Ульманиса выполнить свое обещание – предоставить германским добровольцам латвийское гражданство и землю для поселения в Латвии в качестве военных колонистов. На случай отказа командир Железной дивизии, майор Йозеф Бишоф, пригрозил новым наступлением на Ригу. В течение всего июля к нему поступали подкрепления – в частности, добровольческий корпус Дибича, 3-й гвардейский резервный полк, Баденский штурмовой батальон и др., общим числом около 20 000 штыков и сабель.

В августе 1919 года русские белогвардейские круги сформировали Западнорусское правительство во главе с бароном Людвигом Кноррингом в качестве премьер-министра. 21 сентября граф фон дер Гольц передал свои добровольческие части под начало Западнорусского правительства и Главнокомандующего его вооруженными силами в Прибалтике, князя П. М. Авалова (Бермондта).

С этого момента все германские добровольцы в Прибалтике стали носить на рукаве эмблему белой русской Западной Добровольческой армии – восьмиконечный православный крест из серебряного галуна (у офицеров) или из белого сукна (у нижних чинов), а на головных уборах – овальную русскую кокарду (немецкие добровольцы с грубоватым солдатским юмором называли ее за размер и форму «большая вошь», *die grosse Laus*). Некоторые из них, впрочем, продолжали носить на

тульях фуражек, над русской кокардой (прикрепленной к околышу, на месте прежней «земельной кокарды»), свою прежнюю черно-бело-красную «имперскую» кокарду кайзеровской армии, которая в самой Германии к этому времени была уже запрещена и заменена новой черно-красно-золотой республиканской кокардой – так называемой «еврейской кокардой» цветов нового германского флага.

Подобно всем белым генералам, стоявшим за Единую и Неделимую Россию, князь Авалов ненавидел латышских, эстонских и литовских сепаратистов. К тому же он симпатизировал немцам, всегда игравшим в Прибалтике роль лояльных России «верных слуг царевых» и в этом смысле был солидарен с бывшим министром внутренних дел Российской Империи П. Н. Дурново, указывавшим в своей Записке, адресованной Святому Царю-Мученику Николаю II, на пагубные последствия для России разрыва «испытанных, если не дружественных, то добрососедских отношений с Германией», вопрошавшим: «... кто не видал русских людей, православных, до глубины души преданных русским государственным началам и, однако, всего в первом или во втором поколении происходящих от немецких выходцев?», и подчеркивавшим: «Слишком уж многочисленны те каналы, которыми за много лет мирного сожительства незримо соединены обе страны (Россия и Германия – *В. А.*), чтобы коренные социальные потрясения, разыгравшиеся в одной из них, не отразились бы и на другой».

Белая русско-германская Западная Добровольческая армия князя Авалова насчитывала немногим более 50 000 штыков и сабель, 100 артиллерийских орудий, 600 пулеметов, 50 минометов и 120 аэропланов. Князь Авалов планировал наступление вдоль железнодорожной линии Рига-Москва. Однако «национальное» латышское правительство начало стягивать против него свои войска, в ультимативной форме потребовав признать независимость Латвии. Как сторонник единой и неделимой России, князь Авалов отказался и 1 октября 1919 года принял решение о наступлении на Ригу. Перед наступлением состоялись

торжественный молебен в митавской русской гарнизонной церкви и военный парад. Непосредственный участник событий, немецкий офицер-фронтовик и русский белогвардеец, позднее ставший известным писателем, Эдвин Эрих Двингер, вспоминал об этом событии в своем автобиографическом романе «Последние рейтары»:

«... Вдоль всей Дворцовой улицы были выстроены русские войска. У церковных врат стояли в карауле двадцать георгиевских кавалеров. Богослужение началось уже давно, и протиснуться в храм было уже невозможно. Оттуда доносилось пение церковного хора, мощью и красотой не уступавшее органной музыке, но все заглушал могучий бас иеродиакона. Наконец, богомольцы вышли из церковных врат – нескончаемый поток сверкающих орденами фигур. Шагавший легкой поступью молодого человека граф фон дер Гольц в блестящей островерхой каске (пиккельгаубе – В. А.) мирного времени, многочисленные офицеры его штаба с малиновыми кантами на бриджах. «Как странно и скромно они смотрятся среди русских!», – шепнул Реймерс Вольмейеру, стоявшему рядом.

Все заполнившие улицы люди, как загипнотизированные, не могли оторвать своих взоров от князя Авалова. Его фигура старого кавалериста была затянута в багряно-красную черкеску с газырями слоновой кости на груди, на которой, подобно черной звезде, сиял мальтийский крест, и сверкали два георгиевских креста за храбрость. А на плече его, как и у всех его людей, виднелся белоснежный русский православный крест с поперечными перекладинами – священный символ его армии. Рядом с ним, лишь на полшага позади, шагал его телохранитель, огромного роста черноусый кавказец, с перекинутой через руку темной буркой князя и сверкающим кинжалом на наборном поясе.

– Гром и молния! —, пробормотал обычно невозмутимый Донат – вот это настоящий вождь! Знает, как себя подать!

Реймерс восторженно кивнул.

– Все его люди, говорят, его боготворят! Я это слышал не раз!, – сказал он возбужденно».

Штурм Риги начался 8 октября. Русско-германская белая армия рвалась вперед поистине неудержимо. Тем не менее, взять Ригу с ходу князю Авалову не удалось. Бои за город затянулись. На помощь «белым» латышам пришли такие же «белые» эстонцы, английские военные летчики, танкисты и экипажи броневых автомобилей, а также объединенная англо-франко-американская военно-морская эскадра. В ноябре 1919 года латышские и эстонские войска перешли в контрнаступление и оттеснили армию князя Авалова до самой литовской границы. К концу года последние германские добровольческие части были вынуждены оставить Прибалтику. Попытка пересмотреть результаты Версальского договора, на сей раз, окончилась неудачей. А большевицкий режим в России был спасен от неминуемого поражения.

Продавшиеся Антанте главы прибалтийских «демократий» – бывшие революционеры и враги российского Самодержавия Карлис Ул(ь)манис и Константин Пятс «со товарищи», удержавшиеся, при помощи западных «союзников», в президентских и министерских креслах, поспешили заключить с большевиками мир. Они и в дальнейшем продолжали свою предательскую политику, отрабатывая иудины сребреники не за страх, а за совесть.

В 30-е годы XX в. в игрушечных и, как оказалось, абсолютно нежизнеспособных перед лицом нараставшей советской угрозы лимитрофных прибалтийских «государствах» стали бурно развиваться самобытные национальные движения, требовавшие устранения иноземного влияния и обновления государственной власти («Громовый Крест» в Латвии, «Железный Волк» в Литве, «Союз ветеранов освободительной войны» в Эстонии и др.); они шли к власти сугубо мирным и парламентским путем, завоеывая все больше голосов избирателей.

Но тут в 1934 году в Прибалтике, как по команде, вдруг произошли перевороты, заклеянные советской

пропагандой как «фашистские», а западной – как «авторитарные». Между тем, эти перевороты были совершены все теми же самыми «демократическими» правителями стран Балтии силами своих «республиканских» армий, присягавших «защищать свободу и демократию», и совершены они были...на английские деньги. Так с помощью «старейшей демократии мира» в Прибалтике были установлены не национальные диктатуры, опирающиеся на общенародные организации, а диктатуры конкретных личностей, совершенно аполитичные военные режимы в духе латиноамериканских «банановых республик», опиравшиеся на слепую вооруженную силу. И вчерашние «демократы», в одночасье установившие по всей Прибалтике эти странные «диктатуры», начали с того, что арестовали у себя всех... националистов и фашистов, позакрывали их газеты, разогнали их организации.

А вот левакам и коммунистам всех мастей при этих лимитрофных «диктатурах», как ни странно, жилось так вольготно, что последовавший всего через несколько лет молниеносный, без единого выстрела, захват «фашистских» Латвии, Эстонии и Литвы советской Красной «армией мирового пролетариата» не встретил со стороны их «реакционных» правительств никакого сопротивления, что обернулось для прибалтийских народов сотнями тысяч жертв – во искупление иудина греха их собственных правительств. Так измена правителей Балтии Белому Делу в 1919 году ровно через 20 лет привела к новым потокам крови, бумерангом ударив уже по самим латышам, эстонцам и литовцам, не пожелавшим в свое время «избрать благую часть»!

13. «Путч Каппа-фон Люттвица»

Между тем обстановка в самой Германии становилась все более напряженной. Коминтерн отнюдь не собирался отказываться от своих давних планов завладеть Германией с целью ее последующего использования – в полном соответствии с «Манифестом Коммунистической Партии» товарищей Карла Маркса и Фридриха Энгельса! – в качестве «тарана мировой революции». Главным эмиссаром Коминтерна в Германии оставался небезызвестный Карл Бернгардович Собельсон-Радек (прозванный товарищами по партии «Крадек» за невинную привычку запускать при каждом удобном случае лапу в партийную кассу), член социал-демократических партий Австрии, Польши, Литвы, Германии и России, участник Циммервальдской и Кинтальской конференций, с которым мы уже встречались на страницах нашего повествования. Назначенный в 1918 году руководителем бюро Российского Телеграфного Агентства (РОСТА) в Берлине, Радек принимал самое активное участие в создании Коммунистической партии Германии. По некоторым данным, именно он выдал фрейкоровцам Карла Либкнехта и Розу Люксембург за чрезмерную критику проводимой Лениным/Троцким политики форсирования революции всеми силами и средствами, навязываемой ими из красной Москвы и немецким товарищам.

Так или иначе, арестованный германской полицией за подрывную деятельность и шпионаж в феврале 1918 года после завершения январских боев в Берлине, Карл Радек отнюдь не был расстрелян на месте или по приговору военно-полевого суда и не получил срок, а был выслан в Москву, где стал членом ЦК ВКП (б), исполнительным секретарем, а в 1920 году – и членом руководства Коминтерна. Как представитель Коминтерна, товарищ «Крадек», вместе с другими «пламенными интернационалистами», был снова направлен из красной Москвы в Германию для «подталкивания»

коммунистической революции (позднее Радек как сторонник Троцкого, хотя и переметнувшийся на сторону Сталина, был арестован в 1937 г. органами НКВД и убит в тюрьме в 1939 году «классово сознательными» и «социально близкими» уголовниками). В Берлине 12 января 1920 года толпы демонстрантов, подстрекаемых агитаторами из рядов КПП и НСДПГ, двинулись на рейхстаг.

По приказу генерала барона фон Лютвица здание рейхстага было занято силами «гвардии безопасности», вооруженными пулеметами и огнеметами. Десятки тысяч демонстрантов были остановлены солдатскими пикетами и проволочными заграждениями на подступах к рейхстагу. В 15.30 из толпы демонстрантов была обстреляна охрана парламента. Силы безопасности открыли ответный огонь, убив 42 и ранив более 100 человек. Во всех германских землях, за исключением Бадена, Баварии, Саксонии и Вюртемберга, было введено чрезвычайное положение. 9 марта 1920 года Немецкая Национальная Народная партия и Немецкая Народная партия потребовали роспуска Национального собрания, проведения выборов в рейхстаг и создания правительства профессионалов. 6 марта генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург заявил в прессе о готовности выставить свою кандидатуру на выборах рейхспрезидента (с согласия пребывавшего в изгнании бывшего кайзера Вильгельма II Гогенцоллерна). Все эти требования были отклонены Национальным собранием.

Антанта настаивала на сокращении численности германских сухопутных сил, и в первую очередь – на роспуске всех добровольческих корпусов. Вечером 10 марта генерал барон фон Лютвиц призвал рейхспрезидента Эберта и военного министра Носке отклонить претензии держав-победительниц, но получил категорический отказ и был на следующий день отправлен в бессрочный отпуск. 12 марта рейхсвер в Берлине был приведен в боевую готовность. Полиция безопасности оцепила правительственный квартал.

Тогда фон Люттвиц отдал добровольческой 2-й военно-морской бригаде Эргардта приказ наступать на Берлин. В 6 часов утра 13 марта добровольцы Эргардта, с прямостоящими (преимущественно – белыми) свастиками-«гакенкрейцами» на касках, автомобилях и бронетехнике и с развернутыми черно-бело-красными имперскими военными флагами, вступили в Берлин и быстро заняли правительственный квартал. Военный министр Носке потребовал от рейхсвера открыть боевые действия против путчистов, но генерал Ганс фон Сект заявил, что «рейхсвер по рейхсверу не стреляет».

Он сказал Носке буквально следующее: «Неужели Вы, господин военный министр, намерены довести дело до битвы у Бранденбургских ворот между войсками, которые полтора года назад дрались плечом к плечу против общего врага («спартаковцев» – *В. А.*)?».

Носке пытался переубедить «своих» генералов: «Ведь достаточно поставить всего дюжину пулеметов на шоссе, ведущем из Деберица (откуда наступали войска Каппа и фон Люттвица – *В. А.*) – и весь этот заговор окажется дурным сном. Но вы не хотите драться!».

Когда все уговоры оказались тщетными, Густав Носке, всегда спокойный и выдержанный, сорвался на истерический крик: «Вы все меня предали! Мне осталось только пустить себе пулю в лоб!».

Не выполнив последней угрозы, министр рейхсвера Носке бежал из Берлина в Дармштадт.

Военно-морской флот «Веймарской республики» («рейхсмарине») во главе с адмиралом Адольфом фон Трота предоставил себя в распоряжение главы путчистов генерал-ландшафт-сдиректора (т. е. крупного правительственного чиновника, а не генерала, как часто ошибочно пишут и думают!) из Восточной Пруссии доктора Вольфганга Каппа. На сторону Каппа также перешли следующие части рейхсвера: добровольческие корпуса фон Офена (Берлин), фон Гюльзена (Потсдам), фон Леттов-Форбека (Шверин), Бернута (Штеттин), Шметтова (Бреслау), Эсторфа (Кенигсберг), Гагенберга

(Веймар) и Гроддека (Магдебург). Открыто солидаризовался с Каппом и фон Люттвицем также генерал Рюдигер граф фон дер Гольц. Генералы Меркер (Дрезден), фон Ваттер (Мюнстер), Шелер (Кассель), Зенфт фон Пильзах (Лейпциг) и полковники Честриц (Галле) и Зелле (Эрфурт) заняли выжидательную позицию. На сторону Каппа перешел и восточно-прусский правый социал-демократ Август Винниг, бывший Имперский уполномоченный в Прибалтике и автор нашедшей социал-реформистской книги «От пролетариата к рабочему сообществу» («Vom Proletariat zum Arbeitertum»). Доктор Капп приказал воинским начальникам на местах сместить враждебные путчистам земельные правительства, что и совершилось в землях Мекленбург-Шверин, Саксен-Веймар, Пруссии и Баварии. В дальнейшем Капп планировал восстановить имперскую конституцию 1871 года и объединить пост имперского канцлера с постом премьер-министра Пруссии, как при Бисмарке.

Любопытный исторический факт: в мартовские дни 1920 года будущий глава левого крыла НСДАП и жертва «Ночи Длинных Ножей», обер-лейтенант Грегор Штрассер, во главе сформированного им добровольческого корпуса «Ландсгут» (в скором времени ставшего первым штурмовым отрядом национал-социалистов за пределами Мюнхена) с оружием в руках выступил в Баварии в поддержку «Капповского путча».

И в те же мартовские дни 1920 года родной брат Грегора, лейтенант Отто Штрассер (будущий левый нацист, бежавший из Германии после прихода Гитлера к власти и организовавший за границей антигитлеровский боевой союз революционных национал-социалистов «Черный Фронт»), участник разгрома Баварской Советской Республики в рядах добровольческого корпуса фон Эппа в 1919 году, вступивший в Социал-Демократическую партию Германии, стал сотрудником газеты СДПГ «Форвертс» и командовал социал-демократической вооруженной «красной сотней» при подавлении «Капповского путча»!

Несмотря на свой провал в Берлине, «путч Каппа-фон Люттвица» привел к смене власти в Баварии. Там в ночь с 13 на 14 марта 1920 года бойцами баварских добровольческих корпусов была свергнута власть социал-демократического баварского земельного правительства. Политическая власть перешла к консервативному политику Густаву Риттеру фон Кару, стороннику восстановления на баварском королевском престоле свергнутой в ходе Ноябрьской революции 1918 года династии Виттельсбахов и возможного отделения Баварии от остальной Германии, безнадежно зараженной, по его мнению, бактериями марксизма. Поэтому фон Кар, несмотря на всю свою антипатию к СДПГ и всей «веймарской системе», не оказал никакой поддержки берлинским путчистам, считая «Капповский путч» чисто «прусской затеей» и не желая иметь с ним ничего общего.

Одна из причин неудачи путчистов заключалась в том, что организаторы путча из соображений конспирации не проинформировали командиров большинства добровольческих корпусов о точной дате выступления (надеясь, что, узнав о победе путчистов в Берлине, те сами присоединятся к ним; на деле так поступили далеко не все). С путчистами солидаризовались лишь несколько небольших добровольческих корпусов III категории. Из числа фрейкоров, обладавших большой боевой мощью, серьезную попытку помочь Каппу и фон Люттвицу предприняла лишь 3-я военно-морская бригада Вильфрида фон Лёвенфельда. Расквартированная в Силезии, с целью защиты этой области от нападений польских инсургентов, она овладела столицей области – г. Бреслау (по-польски: Вроцлав), заменив повсюду черно-красно-золотые республиканские флаги «старорежимными» черно-бело-красными, но этим и ограничилась, ожидая дальнейших указаний из Берлина. Но не дождалась.

По некоторым сведениям (приводимым, в частности, уже цитировавшимся нами выше ветераном фрейкоровского движения Эдвином Эрихом Двингером в его посвященной «Капповскому путчу» автобиографической книге «На полпути») Адольф Гитлер,

уже успевший стать к описываемому времени одним из главнейших (хотя еще не самым главным) вождей НСДАП (являвшейся, по преимуществу, локальной баварской партией), получив известие о «путче Каппа-фон Лютвица», вылетел в Берлин для встречи с Каппом, но уже не застал его в Берлине и вынужден был тем же самолетом вернуться обратно в Мюнхен.

14. Борьба с Рурской Красной Армией

Бежавшее из Берлина от правых путчистов правительство Эберта-Носке призвало к всеобщей забастовке. 15 марта бастовало уже 12 миллионов рабочих и служащих. Промышленность и связь были парализованы почти по всей Германии. В некоторых частях рейхсвера солдаты арестовывали офицеров, заподозренных в поддержке путчистов. Военные моряки на многих кораблях сделали то же самое и даже подняли красные флаги. Воспользовавшись объявленной социал-демократическим правительством всеобщей забастовкой, коммунисты, «независимцы», левые социал-демократы и «красные профсоюзы» спешно создавали свои органы – комитеты действия, исполнительные советы, забастовочные руководства и т. п. Под руководством этих сил рабочим было роздано оружие из запасов, казавшихся поистине неисчерпаемыми. Коммунистические мятежи вспыхнули по всей стране – в Галле, Киле, Лейпциге, Магдебурге, Хемнице и Франкфурте-на-Майне.

Почти повсюду их удалось подавить силами местной полиции, частей рейхсвера и некоторых добровольческих корпусов. Но своего пика вооруженная борьба достигла в Рурской области, где сильнейшей партией были независимые социал-демократы, но, тем не менее, во главе восстания со свойственным им умением «овладевать массами», оказались коммунисты. Военная кампания, проведенная фрейкорами в этой области – кузнице германской тяжелой и военной промышленности! – весной 1919 года, не привела к полной победе над красными. В Руре, считавшемся «сердцем революционного движения германского пролетариата», даже многие члены СДПГ стояли ближе к двум сильнейшим местным революционным партиям – НСДПГ и КППГ – чем к своему далекому и казавшемуся слабым (если не бессильным!) социал-демократическому партийному руководству в Берлине.

Кроме того, Рурская область по Версальскому договору считалась частью демилитаризованной зоны, в которую запрещалось вводить германские регулярные войска. Всякое их появление на Руре вызывало немедленные протесты и угрозы со стороны держав-победительниц. Из-за почти полного отсутствия частей рейхсвера в Рурской области красные чувствовали себя вольготно, без труда подавляя незначительное сопротивление слабых местных сил полиции и самообороны.

Правительство «Веймарской республики», несмотря на все его попытки добиться политической стабильности, было все еще очень слабым и зависимым от любой силы, способной господствовать на улицах германских городов. Оно остерегалось слишком часто приказывать рейхсверу стрелять по своим же согражданам. К чему это может привести, показали события 13 марта 1920 года в Берлине. Единственной силой, на которую правительство Фридриха Эберта могло опереться в борьбе с красногвардейцами, в очередной раз оказались белые добровольческие корпуса.

Уже в ночь с 13 на 14 марта 1920 года в отдельных городах Рурской области произошли вооруженные столкновения забастовщиков с частями «зихерхайтсвера» и полиции. В ходе боев с местными добровольческими корпусами, частями рейхсвера и полиции коммунисты, независимые и левые социал-демократы и сочувствующие из числа забастовщиков, при помощи опытных коминтерновских военспецов, сформировали хорошо организованные охранные отряды, вскоре слившиеся в единую Рурскую Красную Армию (или «Красную Армию Рура», как ее еще называли).

Стремясь избежать новых поражений и потерь, немногочисленные части полиции, рейхсвера и фрейкоров, под нажимом красных инсургентов, оставили многие города, в том числе такие крупные, как Дюссельдорф и Дуйсбург. Воодушевленные этим успешным превращением всеобщей забастовки в красный путч, а также известиями об аналогичных вооруженных восстаниях в Тюрингии и Саксонии, НСДПГ и КПГ

всерьез решили повторить на германской земле «ленинский опыт».

Рурская Красная Армия, имевшая единую командную структуру и многочисленных коммунистических военспецов, на тот момент насчитывала в своих рядах не менее 50 000 активных штыков, подразделялась на батальоны и роты, командиры которых избирались из состава красноармейцев, но с учетом предыдущего боевого опыта. Ее бойцы были в избытке снабжены всеми видами оружия, включая артиллерию (не зря Рурская область считалась сердцем германской военной промышленности – именно здесь производились знаменитые крупповские орудия и многое другое).

Военной формы одежды рурские красноармейцы, как правило, не имели, хотя некоторые из них носили те или иные части солдатского или матросского обмундирования (например, фуражки или бескозырки). Их отличительными знаками были красные нарукавные повязки, реже – красные шарфы (а иногда – то и другое сразу). Бойцы сформированного из военных моряков «Революционного матросского полка имени Розы Люксембург» (разгромленного в ходе Рурской кампании белыми добровольцами 3-й военно-морской бригады фон Левенфельда) носили даже красные ленты на бескозырках.

Рурская Красная Армия была организована, главным образом, по территориально-милиционному принципу. Каждый населенный пункт формировал свои роты, получавшие от соответствующего комитета действий или исполкома вооружение, пищевое довольствие и даже жалованье! Вот на что шли несметные богатства, награбленные в России Коминтерном!

В отдельных областях Германии – Саксонии, Тюрингии, в среднегерманском промышленном регионе, частично в Бранденбурге, Северо-Западной Германии, но, прежде всего – в Рурской области власть фактически перешла к красноармейцам. «Капповский путч» завершился неудачей спустя 100 часов с момента его начала. Сам Вольфганг Капп 17 марта бежал в Швецию. Но руководство Рурской

Красной Армии не думало разоружаться. Когда 18 марта социал-демократическое правительство Фридриха Эберта потребовало прекращения всеобщей забастовки, КПГ призвала к продолжению стачки «вплоть до полного разоружения всех контрреволюционеров и поголовного вооружения всех революционных рабочих и служащих». Дурные примеры заразительны. И если вернувшееся в Берлин после провала «путча Каппа-фон Лютвица» правительство Эберта могло еще надеяться, пока не поздно, собрать достаточно верных войск для борьбы с Красной Армией в западном промышленном районе, то против второй Красной Армии, грозившей сформироваться в Центральной Германии, оно оказалось бы бессильным. Поэтому следовало действовать незамедлительно.

17 марта вице-канцлер Германии Ойген Шиффер заменил генерала барона фон Лютвица генералом фон Сектом, который был 6 июня утвержден президентом Эбертом в качестве начальника Руководства сухопутных сил. Его предшественник на этом посту, генерал Рейнгарт, соответственно, подал в отставку. Густав Носке, как «не оправдавший себя» в борьбе с путчистами, 22 марта 1920 года оставил пост министра рейхсвера и был заменен другим социал-демократическим политиком – Карлом Зеверингом (которого, в свою очередь, сменил Отто Гесслер, представитель Германской Демократической партии). Генерал фон Сект и Шиффер призвали к объединению всех сил в борьбе с угрозой большевизма. 22 марта НСДПГ также призвала к прекращению забастовки. Но отколовшееся от нее левое крыло совместно с КПГ настаивало на продолжении стачки. Имперское правительство было преобразовано на основе коалиции СДПГ, Германской демократической партии и Партии Центра.

24 марта 1920 года, по инициативе руководства СДПГ, было объявлено перемирие между Рурской Красной Армией, с одной стороны, и рейхсвером и добровольческими корпусами – с другой. Но фактически обе стороны копили силы для нового вооруженного

столкновения. Правительство Фридриха Эберта находилось в поистине критическом положении. Несмотря на то, что именно белые фрейкоры были для него главной угрозой во время «Капповского путча», оно, в очередной раз было вынуждено воспользоваться их штыками (хотя многие из наиболее «реакционных» фрейкоров Эберт предпочел бы немедленно распустить!), ибо только белые добровольцы оказались способны успешно бороться с Красной Армией Рура! Тем не менее, после провала «Капповского путча» правительство Фридриха Эберта уволило из рядов вооруженных сил большинство генералов, командовавших добровольческими корпусами, в том числе Меркера, фон Офена и фон Леттов-Форбека. Некоторые командиры фрейкоров были заключены в тюрьму (как, например, граф фон дер Гольц) или были вынуждены эмигрировать за границу, как капитан Эргардт.

В конце 1920 года в распоряжении берлинского правительства находились части рейхсвера общей численностью более 100 000 штыков и сабель, полиция (около 150 000 человек), части «гражданского ополчения» и самообороны (около 200 000 человек) и сходных с ними частей «Технической аварийной помощи» (более 100 000 человек). В районах восточнее Эльбы и в Баварии имелись еще и особые отряды крестьянского ополчения («бауэрнвер»).

Руководство частями гражданского ополчения осуществлялось Имперским Центром гражданского ополчения, который первоначально подчинялся министерству рейхсвера, а с июля 1919 года – имперскому министерству внутренних дел. «Техническая аварийная помощь» («Технише Нотхильфе», сокращенно: «Тено») являлась дополнением к системе вышеперечисленных полувоенных организаций. Она произошла от «технических отделов» добровольческих корпусов, руководителями которых были бывшие военно-морские инженеры. 30 сентября 1919 года Густав Носке учредил единую «Организацию технической аварийной помощи», подчиненную «Техническому центру» в составе министерства рейхсвера. Главному управлению

«Технической аварийной помощи» (ТАП) в Берлине подчинялись 17 земельных управлений, а тем, в свою очередь, 80 окружных управлений, 300 земельных и 1200 местных групп. Во главе каждой местной группы ТАП стоял, как правило, инженер. Окружные и земельные управления имели в своем составе одного или нескольких инженеров и постоянный персонал. Общая численность персонала «Технической аварийной помощи» составляла около 120 000 человек, в том числе 4000 человек в Берлине. В аграрных районах восточнее Эльбы роль «Тено» выполняла «Сообщество сельскохозяйственной взаимопомощи».

Существенную помощь в подавлении беспорядков оказывала рейхсверу и полиции так называемая «Организация Эшериха» (сокращенно: «Оргэш») – своего рода «гражданская милиция», или «народные дружины», под руководством старшего советника лесного ведомства Георга Эшериха.

Сходную функцию выполняла возникшая из распушенной 2-й военно-морской бригады Эргардта после Капповского путча в 1920 году «Организация Консул» (ОК). Правда, последняя, в отличие от «Оргэш» (впоследствии замененной сходной с нею во всех отношениях «Организацией Питтингера»), действовала в глубоком подполье. «Организация Консул», насчитывавшая в своих рядах около 5000 активных членов, главным образом отставных офицеров, требовала от них беспрекословного подчинения и руководствовалась в своих действиях требованиями резко антиреспубликанского устава. Действовавший под прикрытием подпольной клички «консул Эйхман» капитан 3-го ранга Герман Эргардт, вместе со своим адъютантом Эрнстом фон Саломоном (ветераном боев добровольческих корпусов в Прибалтике) и капитан-лейтенантом Манфредом фон Киллингером, организовал из Мюнхена акцию по физическому устранению наиболее одиозных веймарских политиков – лидера католической партии Центра Матиаса Эрцбергера и министра иностранных дел Вальтера Ратенау.

15. Военная кампания в Центральной Германии

В Центральной Германии и в Фогтланде, в Мекленбурге и в Берлинском регионе по-прежнему шли бои между красными боевиками и рейхсвером. Однако особое беспокойство у рейхсвера и имперского правительства вызывало положение в Рурской области, находившейся почти полностью в руках Рурской Красной Армии. Ввиду очевидного превосходства сил у красных, немецкие белогвардейцы не могли действовать одновременно на разных направлениях. Поэтому в циркуляре командования I группы рейхсвера от 18 марта воинским начальникам на местах предписывалось «как можно скорее сконцентрировать возможно более сильные и боеспособные части всех родов войск вне пределов крупных городов, чтобы с их помощью сперва атаковать противника в полевых условиях» и только после этого «извне отвоевывать один потерянный город за другим».

Командующий VI военным округом генерал Оскар фон Ваттер свел все имевшиеся в его распоряжении добровольческие корпуса в три крупных соединения.

На севере была сформирована Везельская дивизия, в состав которой вошли 3-я военно-морская бригада фон Левенфельда, фрейкор фон Аулока, фрейкор «Дюссельдорф», штурмовой отряд (СА) Россбаха и ряд других добровольческих корпусов.

В центре была сформирована Мюнстерская дивизия, в составе фрейкоров «Гинденбург», «Геттинген», Габке и Северина, добровольческого отряда Гааза и др.

На юге – дивизия фон Эппа, в составе добровольческих корпусов фон Эппа, «Оберланд», фон Офена и др.

Красная Армия Рура к описываемому времени также усилилась и насчитывала, по разным оценкам, от 80 000 до 100 000 штыков.

Уже 17 марта генерал Ганс фон Сект отдал приказ о начале наступления на Рурскую область. 18 марта на «красное сердце Рура» были двинуты войска из Баварии – в частности, стрелковая бригада фон Эппа и добровольческий корпус «Оберланд» под командованием члена «Общества Туле» капитана «Беппо» Ремера, а вслед за ними – 3-я военно-морская бригада фон Левенфельда, добровольческие корпуса Аулока, Фаупеля и Кюме из Силезии, добровольческий корпус Россбаха из Мекленбурга, добровольческий корпус Гинденбурга из Ганновера, 2-я военно-морская бригада Эргардта из Берлина и другие добровольческие части. 2 апреля истек срок заключенного с красными перемирия, и добровольческие корпуса начали наступление широким фронтом. Как неоднократно случалось и прежде, бойцы фрейкоров оказались в состоянии побеждать значительно превосходящего их численно, равного по вооружению и выучке противника (у подавляющего большинства бойцов с обеих сторон за плечами был опыт недавней Великой войны!) – прежде всего благодаря превосходству своего боевого духа. Как и прежде, боевые действия велись обеими сторонами самыми жестокими методами, о чем сохранилось немало свидетельств. «Рурский эпизод» был наиболее кровавой главой в истории многолетней борьбы (а по сути дела – гражданской войны!) между белыми фрейкорами и германскими коммунистами. В ходе ожесточенных боев Красная Армия Рура была разбита по частям всего за 5 дней(!). Ее потери составили только убитыми не менее 1000 человек.

Впоследствии капитан белых добровольцев из фрейкора «Оберланд» и член «Общества Туле» Йозеф («Беппо») Ремер примкнул к немецким «национал-большевикум» Эрнста Никиша, затем вступил в КПГ, стал подпольщиком, был арестован гестапо в 1942 и убит нацистами в концлагере в 1944 году. А другой ветеран «Оберланда» – Бодо Узе – стал антифашистом, коммунистом и одним из зачинателей социалистической литературы в ГДР. Вот как причудливо складываются порой людские судьбы!

Сильная концентрация германских войск в демилитаризованной зоне была расценена Антантой как нарушение Версальского договора. Войска западных союзников (по преимуществу французы) вступили в очищенную от красных Рурскую область, заставив белых германских добровольцев отступить оттуда на восток.

Летом 1920 года в Баварии собрались монархисты трех разгромленных в результате Великой войны империй – Российской, Германской и Австро-Венгерской. ими был разработан план создания Союза побежденных держав для восстановления тронов. В меморандуме русского генерала В. В. Бискупского, представленном на Общеевропейскую конференцию монархистов, состоявшуюся в июне-июле 1920 года в Будапеште, говорилось о кризисе, охватившем всю Европу после Великой войны:

«Монархические группы, царские генералы и большая часть русского народа ясно видят, что это катастрофическое положение может кончиться лишь в одном случае: если побежденные народы заключат между собой тайный союз, избрав общую программу и начав очень активную политику. Великая Россия, Великая Германия и Великая Венгрия, связанные друг с другом экономически и политически, – вот единственное спасение в нашем отчаянном положении».

Между тем, Коминтерн не дремал.

16. «Мартовская акция» 1921 года

Вслед за Рурской областью пришел черед промышленного региона Центральной Германии, где 21 марта 1921 года по призыву КПГ началась всеобщая забастовка, сопровождавшаяся захватом забастовщиками промышленных предприятий. Как известно, КПГ, подобно «Союзу Спартака», считавшая себя «частью армии Мировой революции», с первого дня своего основания строго выполняла все указания и инструкции Коминтерна, поступавшие из красной Москвы. В марте 1921 года положение большевиков в захваченной ими России в очередной раз оказалось критическим. В Сибири и на Тамбовщине полыхала крестьянская война, вызванная беспощадно проводившейся большевиками продразверсткой и бесконечными мобилизациями крестьянских парней в Красную Армию. Не случайно из «армии мирового пролетариата» ежемесячно дезертировало больше бойцов, чем было под ружьем во всех русских белых армиях вместе взятых!

В марте 1921 года в Кронштадте против большевиков восстали военные моряки, бывшие когда-то, по выражению наркомвоенмора товарища Троцкого, «красой и гордостью революции». Кронштадтский мятеж был подавлен большевизмским режимом с величайшим трудом. С целью облегчения своего внутривосточного положения, Коминтерн приказал всем подчиненным ему коммунистическим партиям европейских стран спешно организовать вооруженные восстания. И КПГ послушно подняла так называемое «мартовское восстание», продолжавшееся с 17 марта по 1 апреля 1921 года. Негласное руководство им осуществлял засланный в Германию из красной Москвы – штаба мировой революции – палач Венгрии и Крыма Бела Кун с «группой товарищей». Прологом к нему и послужила объявленная КПГ всеобщая забастовка. Правда, попытки вооруженных выступлений красных в большинстве городов и областей Германии удалось подавить силами местной полиции,

почти не привлекая военную мощь добровольческих корпусов. Исключением явилась Центральная Германия, где красными были повсеместно созданы так называемые «комитеты действия». Не было обойдено вниманием организаторов «мартовской акции» и крупнейшее химическое предприятие Германии – заводы Лейна. 21 марта на территории этого огромного предприятия собралось на митинг более 18 000 забастовщиков, избравших комитет действия. Комитету было поручено добиться принятия следующих требований:

1) . Незамедлительный вывод всех частей рейхсвера и полиции безопасности из Центральной Германии.

2) . Разоружение «Организации Эшериха» («Оргэш») и других добровольческих частей.

3) . поголовное вооружение рабочих «для отражения нападений со стороны контрреволюционеров».

4) . Прекращение работы в случае попытки полиции занять предприятие.

Вооруженная борьба началась после разгона полицией безопасности 22 марта митинга протеста в г. Эйслебене и ареста ряда участников митинга. В тот же вечер распропагандированные красными рабочие извлекли из тайных хранилищ оружие, впервые пущенное ими в ход еще в 1920 году против сторонников Каппа-фон Люттвица. Созданные спартаковцами боевые группы 23 марта осадили 3 полицейские сотни в их казармах в Эйслебене. Известие о начале вооруженного восстания в Эйслебене мгновенно распространилось по всей Германии. В городах Геттштедте, Зангергаузене, Шраплау, Виммельбурге, Клостермансфельде, Вольфероде и в других населенных пунктах спартаковцы также взяли за оружие. Причем в Геттштедте, Гельбре, Зангергаузене и Веттине произошли вооруженные столкновения между бандформированиями спартаковских боевиков и частями гражданского ополчения.

Как только первые известия о вооруженных столкновениях в Мансфельдской области дошли до

Лейны, там была объявлена всеобщая забастовка. Были сформированы отряды Красной гвардии, приступившие к разрушению дорог и рытью окопов. Забастовщики заводов Лейна сформировали 11 рот, имевших на вооружении даже бронев автомобили и собственный бронепоезд (!), действовавший на участке железной дороги Лейна-Гросскорбета против наступавших сил полиции и фрейкоров. В заводских условиях было налажено производство ручных гранат и взрывных зарядов. 25 марта против вооруженных повстанцев были брошены добровольческие части. К 28 марта завершилось окружение заводов Лейна частями полиции и фрейкоров.

Но уже 25 марта добровольческие корпуса перешли в концентрическое наступление на промышленный район со стороны Ашерслебена, Зандерслебена, Зангергаузена, Наумбурга, Делича и Биттерфельда. В общей сложности в наступлении против красных участвовали 39 полицейских сотен и части белых добровольцев в составе 19 батальонов, 6 эскадронов и 17 батарей. С обеих сторон применялись винтовки, пулеметы, минометы, гранаты, артиллерия, бронев автомобили и бронепоезда.

Основным слабым местом в обороне спартаковцев была недостаточная скоординированность их действий. Оставляло желать много лучшего военное взаимодействие между заводами Лейна и Мансфельдской областью. Избранная красными боевиками оборонительная тактика привела к превращению заводов Лейна в «красную пролетарскую крепость», штурм которой начался 29 марта. Под руководством директора заводов Лейна, Остера (бывшего офицера-фронтовика, оказавшегося вдобавок капитаном артиллерии), в 6.50 был открыт артиллерийский огонь по заводу, после чего перешла в наступление полиция безопасности. Ожесточенное сопротивление обороняющихся удалось сломить только после того, как у них закончились боеприпасы.

После освобождения добровольческими частями и полицией территории заводов Лейна от коммунистических боевиков военные действия в Центральной Германии распались на ряд вооруженных стычек. 1 апреля 1921 года

руководство КПГ призвало к прекращению всеобщей забастовки и вооруженного сопротивления. В ходе боевых действий в Центральной Германии было убито 145 красных боевиков. 6000 участников вооруженных выступлений было арестовано. 5 000 из них были приговорены военными трибуналами в общей сложности к 3000 годам тюремного заключения. Сделав «хорошую мину при плохой игре», Третий всемирный конгресс Коминтерна в июле 1921 года оценил мартовские бои в Германии, как «героическую борьбу сотен тысяч рабочих против буржуазии. Мужественно встав во главе их для защиты среднегерманских рабочих, КПГ доказала, что она является партией революционного пролетариата». Правда, товарищ В. И. Ленин в своем выступлении на этом конгрессе подверг критике теорию наступления, возникшую в ходе неудачного мартовского восстания во главе с Белой Куном, посланным им в Германию во главе группы венгерских пламенных интернационалистов для разжигания гражданской войны. Однако, если верить немецкой коммунистке Кларе Цеткин, также присутствовавшей на этом конгрессе, высказанная Ильичом в адрес своих оскандалившихся соратников критика была достаточно мягкой:

«Вообще можно ли это назвать теорией? Это иллюзия, романтика. Поэтому-то она и была изобретена в стране «мыслителей и поэтов» при содействии МОЕГО МИЛОГО БЕЛЫ (выделено нами – *В. А.*), который тоже принадлежит к нации поэтически одаренной и чувствует себя обязанным быть всегда левее левого, хотя Бела прекрасный, преданный революционер» (*Бела Кун. Ленин // Бела Кун. Избранное. Воспоминания о Беле Куне. М., Политиздат, 1986, с. 44.*)

17. Несколько слов об идеологии германских белых добровольцев

Большинство побед белых германских добровольцев, вне всякого сомнения, объяснялись их военным превосходством над противостоящими им гораздо более многочисленными отрядами спартаковских красногвардейцев и красноармейцев. Уступавшие им численно в Берлине, Мюнхене и на Руре, фрейкоровцы превосходили своих противников-большевиков в области дисциплины, боевого духа, компетентности и активности военного руководства, оперативного и тактического искусства. Они побеждали в большинстве уличных сражений развернувшейся по всей Германии «городской войны», для которой части прежней кайзеровской армии абсолютно не годились, поскольку их к ней не готовили. Их красные противники чаще всего не выдерживали жестокого испытания хорошо подготовленными, яростными штурмовыми атаками белых добровольцев – атаками, в которых те поистине достигли совершенства.

Дело было в том, что костяк большинства добровольческих корпусов, по крайней мере, I и III категории, составляли бывшие бойцы ударных, или штурмовых отрядов кайзеровской армии периода Великой войны, предназначенных для прорыва линий обороны войск Антанты. Эти ударные отряды, которые, начиная с 1915 года, были сформированы в каждой германской дивизии, состояли из добровольцев, отбиравшихся по принципу храбрости, инициативности и агрессивности. Эти небольшие, сплоченные подразделения вооружались легким и тяжелым оружием, начиная с армейских ножей и «окопных кинжалов», пистолетов, в том числе автоматических (не являвшихся в штурмовых и ударных отрядах оружием, предназначенным только для офицерского состава) и ручных гранат, до минометов, огнеметов и легкой артиллерии. Их обучали проведению самостоятельных атак, с рациональным сочетанием огня и движения и с использованием любых возможностей

прорыва вражеской линии фронта. Ударники именовались «гранадерами» (причем в исконном смысле этого слова, поскольку им чаще, чем кому то ни было, приходилось пользоваться ручными гранатами), и потому часто носили нарукавные нашивки в виде черной суконной гранадки, а ударники-огнеметчики носили ниже локтя (обычно – над обшлагом) черную круглую (или защитную овальную) нашивку с белой «мертвой головой», чаще всего, «брауншвейгского» типа (с черепом анфас над двумя перекрещенными костями).

Ударным батальонам почти всегда сопутствовал успех (в отличие от усердно разлагавшейся «душкой»-Керенским и большевиками русской армии, немецкие солдаты не имели привычки стрелять своим «ударникам» в спину во время атак!), они были на острие последнего крупного наступления германской армии весной 1918 года. В этих частях традиционная для кайзеровских вооруженных сил «прусская» железная дисциплина способствовала тесному боевому товариществу

между офицерами и нижними чинами, основанному на взаимном доверии.

Об этом, в частности, повествовал ветеран французского Иностранного легиона, а в последующем – доброволец и офицер кайзеровской армии в Великую войну, кавалер ордена «За заслуги» и фрейкоровский командир Эрнст Юнгер в своих знаменитых военных мемуарах «В стальных грозах». Многие ветераны штурмовых и ударных отрядов времен Великой войны, поступившие на службу в белые добровольческие корпуса, привнесли в них свой дух и ударную тактику. Об этом повествуется, в частности, в другой, менее известной, книге Эрнста Юнгера – «Борьба за рейх», увидевшей свет в 1925 году, в которой он дал обширную панораму гражданской войны в Германии 1918-1923 гг., фактически выигранной фрейкоровцами в борьбе с внутренними и внешними врагами Империи. Какова же, все-таки, была их численность? Как говорится, «у страха глаза велики».

Пытаясь объяснить разгром спартаковцев, левые (в особенности историки просоветской Германской Демократической Республики) делали совершенно фантастические утверждения о численности фрейкоров (вплоть до 1 000 000 штыков и сабель!), что, конечно, не соответствует действительности. Реально можно говорить о 150 000 активных бойцов. Но вот вопрос: большинство германских солдат, смертельно уставших после четырехлетней военной страды, думало только о возвращении домой. Что же, тем не менее, заставляло многих из них продолжать воевать на родной земле (как на белой, так и на красной стороне?). На фоне большинства ветеранов войны, уставших воевать, можно выделить две группы – красных и белых «активистов».

В ряды первых перешло немало тех ветеранов Великой войны, в души которых все пережитое за годы кровавой бойни вселило ненависть к системе, оторвавшей их от семьи, заставив кормить вшей в окопах, пройти все круги военного ада и возвратиться в голодную, разоренную страну, без надежды на рабочее место и обеспеченное будущее. Они долго верили в Отечество, монарха, армию и военных вождей, во имя этого рискуя жизнью, и в результате чувствовали себя подло обманутыми. Их прежний мир рухнул. Они вернулись домой из окопов не дикими, озверелыми толпами, как в России, а стройными рядами, но лишенными всяких иллюзий относительно довоенной социально-политической системы. Многие из них стали пацифистами, сторонниками «мира любой ценой» (как герои Эриха Марии Ремарка). Но другие, более склонные к насилию (чему способствовала и долгая фронтовая жизнь), примкнули к коммунистам, чьи партии подняли голову по всей Европе, и вступили в их вооруженные формирования. Среди бойцов «Народной военно-морской дивизии» и многочисленных «красных гвардий» и «красных армий», сформированных в охваченной революционной горячкой послевоенной Германии, было немало солдат-фронтовиков с большим боевым опытом, не уступавшим опыту белых фрейкоровцев – их недавних соратников, а часто и однополчан в годы мировой войны.

Иные из этих красногвардейцев даже продолжали носить боевые награды времен Великой войны – например, Железные кресты (один такой случай описан бывшим фрейкоровцем Эдвином Эрихом Двингером в его автобиографическом романе-хронике «На полпути», посвященном «Капповскому путчу» и борьбе белых добровольцев с Красной Армией Рура)! Так как же получилось, что они были все-таки побеждены своими бывшими однополчанами-фрейкоровцами, хотя чаще всего превосходили их числом? Одна из причин, несомненно, заключалась в том, что в рядах белых добровольцев продолжали поддерживаться и цениться прежние военная доблесть, послушание, чинопочитание и дисциплина. А ветераны войны, перебежавшие в стан красных, служили в вооруженных до зубов, но, как правило, слабо дисциплинированных (за исключением Красной Армии Рура) красногвардейских отрядах, где культивировались выборность командного состава, сознательное пренебрежение воинской дисциплиной и субординацией, короче – всяческая партизанщина, что приводило, в конце концов, к деградации до уровня вооруженных банд.

В рядах второй группы «активистов», собственно, и зародилось германское добровольческое движение. Несмотря на пережитые ими ужасы мировой войны, они вынесли из нее любовь к Отечеству (превратившегося для многих в почти мистический предмет поклонения), глубочайшее чувство воинской чести и поистине рыцарской доблести, нежелание смириться с тем, что принесенные на алтарь Отечества бесчисленные жертвы оказались совершенно напрасными, и непоколебимую верность своим боевым товарищам и командирам. Возвращение к мирному, буржуазному существованию представлялось подобным натурам совершенно невозможным. Они жили в своем собственном, имевшем мало общего с окружающей действительностью, духовном мире, в котором единственными подлинными ценностями считались боевой дух, героизм и товарищество.

Такие люди были среди ветеранов всех армий Великой войны. В России они шли в «цветные части» или «каппелевцы», в Италии – в «сквадристы», в Австрии – в «геймверы (хаймверы)», в Германии – во фрейкоры. С одной стороны, они ненавидели «ноябрьских преступников» – коммунистов-спартаковцев – угрожавших Германии, после нанесения ими не побежденной на поле боя германской армии «удара ножом в спину». С другой стороны, они не в меньшей степени ненавидели и буржуазных политиканов и «жирных котов», «тыловых крыс», нуворишей, нажившихся на войне, отсиживавшихся в тылу и приведших нацию к катастрофе. Почти никто из фрейкоровцев не имел политического образования, никто из них не имел опыта жизни в условиях либеральной демократии, а то, чем их «порадовал» Веймар, мало способствовало появлению у них симпатии к этой форме государственного строя. Но, наряду с фанатичным антикоммунизмом, их движущей силой был и не менее фанатичный национализм, которого, честно говоря, нередко не хватало их идеологическим соратникам из рядов российской интеллигенции, поднявшим оружие против большевизма, но оказавшимся неспособными вытравить из себя либеральный дух и, говоря по-русски, «распускавшим нюни» – вроде вообще-то не сентиментального в иных жизненных ситуациях Бориса Савинкова в «Коне вороном». Да и по сей день у нас почему-то принято именовать Гражданскую войну 1917-1922 гг. «братоубийственной» – хотя какое там «братство» у белых с красными, когда еще святой апостол Павел вопрошал: «Что общего у света с тьмою? Какое согласие у Христа с Велиаром?» (2 Кор. 6, 14-15).

Иные фрейкоровцы постарше тосковали по «доброму старому времени», когда Германией правил кайзер, и мечтали о реставрации Гогенцоллернов. Но многие были готовы всемерно поддерживать и защищать республику – до тех пор, пока она была в состоянии поддерживать закон и порядок, защищать национальный престиж и интересы Германии на международной арене. Конечно, были среди фрейкоровцев не только искренние республиканцы, республиканцы по убеждениям, но и оппортунисты, и так

называемые «республиканцы по расчету» (нем. Vernunftsrepublikaner), предпочитавшие социал-демократическую «систему» перспективе воцарения в Германии кровавой большевицкой диктатуры, на злодеяния которой они насмотрелись в России. Вплоть до 1918 года СДПГ являлась крупнейшей и ведущей социалистической партией Европы, пользовавшейся широчайшей поддержкой германского рабочего класса, составлявшего костяк германской армии в мировую войну (в отличие от России, где основу армии составляли крестьяне, а рабочий класс составлял не более 3 % всего населения Империи). Многие из ветеранов, вступивших в добровольческие корпуса, на выборах в рейхстаг голосовали за СДПГ и даже были активными социал-демократами. Но Веймарская республика не оправдала их ожиданий. Она родилась из революционного хаоса, первые годы ее существования проходили в условиях перманентного социально-экономического кризиса и, в сознании многих, была отмечена «каиновой печатью» подписания позорного грабительского и позорного Версальского мира.

И, наконец, среди фрейкоровцев существовала еще одна, достаточно малочисленная, но крайне активная группа, не желавшая ни монархической реставрации, ни сохранения Веймарской республики. Эти радикалы мечтали об установлении национальной диктатуры, от которой ожидали быстрого восстановления единства и мощи Германии, проведения в жизнь социальных программ по борьбе с нищетой и безработицей и устранения вредоносных зарубежных влияний, «разлагающих здоровый народный дух германской нации». Впрочем, во фрейкорах (фрайкорах) эти люди были в меньшинстве.

18. Война с белополяками

Начиная с ноября 1918 года яблоком раздора между Германией и новоиспеченной панской Польшей служила промышленно развитая Силезия. По Версальскому диктату Антанта отторгла от Германии и передала Польше Познаньский регион (бывшую прусскую провинцию Позен) и часть Западной Пруссии, по которой проходил так называемый «Данцигский (Польский) коридор», обеспечивавший белополякам выход к Балтийскому морю. Важный прусский порт Данциг (Гданьск) был объявлен «вольным городом». Судьбу двух других прусских территорий со смешанным немецко-польским населением, на которые также простирала свои притязания панская Польша – южной части Восточной Пруссии и Верхней Силезии, предполагалось решить путем плебисцита (всенародного референдума). В 1920 году население юга Восточной Пруссии проголосовало за то, чтобы остаться в составе Германии. За спиной Польши стояла Франция, которой вследствие сопротивления других держав-победительниц – Англии и США – не удалось в 1919 году ослабить Германию путем оккупации Рурской области. Теперь она пыталась ослабить ее, отняв у Германии руками польских инсургентов, при поддержке официальной Варшавы, Верхне-Силезский промышленный район, богатый запасами важного стратегического сырья – каменного угля и железной руды. В 1918-1920 гг. было сделано несколько таких попыток, сопровождавшихся большим кровопролитием.

В немецкоязычных районах Верхней Силезии местное население сформировало несколько добровольческих корпусов – например, Верхнесилезский добровольческий корпус под командованием подполковника фон Фельзена. Ему удалось в течение некоторого времени оказывать успешное сопротивление отрядам польских националистов, пока в феврале 1919 года действия германских добровольцев и сил самообороны не были приостановлены «миротворческими» силами Антанты,

предъявившими им ультиматум и установившими демаркационную линию на период до проведения плебисцита. Первоначально Антанта предполагала разделить Верхнюю Силезию пополам между Германией и Польшей. Но инсургенты из «Польской Военной Организации» («ПОВ»), были преисполнены решимости силой захватить весь спорный регион и поставить Антанту перед свершившимся фактом. «ПОВ», вооруженные отряды которой насчитывали около 22 000 штыков, подняла второе восстание в ночь на 16 августа 1919 года.

К этому времени местные силезские добровольческие корпуса, до сих пор противостоявшие полякам, были усилены подкреплениями, прибывшими из других частей Германии, в том числе бойцами 2-й военно-морской бригады Эргардта и 3-й военно-морской бригады фон Левенфельда. Вскоре к ним присоединились добровольческий корпус капитана Дона, Гессенско-тюрингско-вальдекский добровольческий корпус полковника фон Корнацкого, добровольческий полк капитана Тюльмана и многие другие, общей численностью около 14 000 штыков и сабель, под общим командованием отставного генерала Гефера. В ночь на 18 августа эти силы начали контрнаступление и к 23 августу отбросили поляков на исходные позиции, проходившие по демаркационной линии. В феврале 1920 года антантовская Союзная комиссия распорядилась, в целях контроля над правильностью проведения плебисцита, ввести в Верхнюю Силезию войска держав-победительниц – официально «для поддержания общественного спокойствия и порядка». Союзные «миротворческие силы» состояли в основном из французских (12 000 штыков и сабель), но также итальянских (2000 штыков) и небольшого контингента британских войск. Плебисцит состоялся в марте 1920 года. Более 60% населения Верхней Силезии (в том числе и этнических поляков) проголосовало за то, чтобы остаться в составе Германии.

Однако «Польская Военная Организация» не унималась. Составлявшие ее костяк радикальные польские

националисты, пользовавшиеся открытой поддержкой официальной Варшавы, организовали третье вооруженное восстание, вспыхнувшее 2 мая 1921 года. Польским бандформированиям удалось овладеть значительной частью промышленного региона, преодолевая сопротивление местных немецких отрядов самообороны («зельбштшуц»), как правило, возглавлявшихся ветеранами Великой войны. Наибольшую известность среди них снискали батальон самообороны Бергергофа, Бейтенская рота самообороны, батальон самообороны «Люблиниц», батальон самообороны «Вольф», Верхнесилезский добровольческий батальон Мая и др. Впрочем, еще в конце апреля 1921 года большинство командиров частей германской самообороны было арестовано французской военной полицией, с целью обезглавить немецких ополченцев и облегчить дело полякам, не замедлившим поднять восстание 2 мая. Под прикрытием объявленной всеобщей забастовки боевики «Польской Военной Организации» быстро взяли под контроль все верхнесилезские города. Из Польши они бесперебойно снабжались всеми видами вооружений, вплоть до бронепоездов! Кроме того, на помощь инсургентам прибыло несколько батальонов польской регулярной армии.

В результате многочисленных актов саботажа на железных и автомобильных дорогах Верхняя Силезия оказалась почти полностью отрезанной от остальной Германии, что осложняло переброску подкреплений и боеприпасов. Да и на железнодорожных станциях в самой Германии (особенно в Дрездене) массу неприятностей следовавшим в Силезию добровольцам чинили местные коммунистические рабочие советы, остановившие и отославшие обратно немало эшелонов с «реакционерами» и «наемниками капитала». Как вспоминал позднее командир Союза «Оберланд» майор Эрнст Горадам: «Положение несколько улучшилось, когда представители этих «рабочих», искавшие в вагонах оружие, были выброшены на полном ходу и угодили под колеса».

Расквартированные в Верхней Силезии войска стран Антанты и пальцем не пошевелили, чтобы помешать польским инсургентам. Единственная попытка остановить поляков, сделанная итальянцами, привела к гибели 250 итальянских солдат. К 5 мая 1921 года под контролем «ПОВ» находилась вся Верхняя Силезия восточнее Одера, за исключением трех небольших плацдармов, все еще удерживавшихся немецкими бойцами самообороны.

Правительство Фридриха Эберта оказалось застигнутым польским восстанием врасплох. Его призывы отнестись с уважением к результатам плебисцита, не произвели на Антанту ни малейшего впечатления. Направить в Силезию рейхсвер берлинское правительство не решалось, боясь санкций со стороны Антанты. И опять вооруженная помощь пришла от белых добровольцев (хотя фрейкоры были официально запрещены еще в 1920 году!). Со всей Германии на силезский фронт своим ходом съезжались ветераны боев с красными за Берлин, Ригу и Рур, бывшие бойцы добровольческих корпусов, члены «гражданской самообороны», организаций Эшериха и Питтингера, Союза «Оберланд», «Стального Шлема», «Младотевтонского ордена» и других полувоенных формирований, даже «геймверовцы» из далекого Южного Тироля (бывшей австрийской области, переданной Италии по Трианонскому договору), получавшие от рейхсвера неофициальную поддержку в виде тяжелого оружия, боеприпасов и снаряжения.

Между тем, отряды местного немецкого «зельбштшуца» ценой невероятных усилий, еще удерживали оборону на 3 участках. Южный сектор обороны проходил по западному берегу Одера, центральный сектор в районе Опельна (Ополе), северный – от Опельна до польской границы. Немецкой обороной руководил генерал фон Гюльзен, ветеран всех фрейкоровских кампаний. Особенно ожесточенные бои развернулись между немецкими плацдармами у Козеля и Ратибора (Ратцебурга). В центральном секторе боевых действий почти не велось, поскольку в Оппельне располагалась штаб-квартира международной Союзной комиссии, которой немцы не

хотели давать повода для провокации. В северном секторе, покрытом густыми лесами, на ничейной земле между укрепленными позициями немцев и поляков шла форменная партизанская война.

Когда германская линия обороны несколько стабилизировалась, командиры добровольческих корпусов, оборонявших от поляков Верхнюю Силезию, собрались на совещание, чтобы избрать главнокомандующего всеми германскими силами. На совещании присутствовали такие авторитетные фрейкоровские командиры, как Россбах, Гейдебрек, фон Арним, Горадам, Гауэнштейн, Магнис, фон Шаппюи, Гюбнер, фон Аулок и фон Фельзен. В 1918 году большинство из них было лейтенантами или капитанами. Всего через три года каждый командовал уже крупным, преданным лично ему добровольческим подразделением. Главнокомандующим всеми добровольческими корпусами был избран упоминавшийся выше отставной генерал фон Гефер, хорошо зарекомендовавший себя в ходе предыдущих верхнесилезских кампаний. Гефер распорядился сформировать из фрейкоров две войсковые группы – Южную (под командованием генерала фон Гюльзе-на), имевшую задачу удерживать Одерскую линию обороны, и Северную (под командованием подполковника Грюнтцена), которой было приказано оперировать в лесах близ польской границы. Фон Гюльзен, в отличие от придерживавшегося более осторожной тактики фон Гефера (который, под нажимом главного французского представителя в польских войсках, обещал не предпринимать контрнаступления, пока международная Союзная комиссия не «разберется в обстановке!»), действовал более агрессивно и смело.

Крупнейшей из находившихся в его подчинении добровольческих частей был Союз «Оберланд» под командованием майора Горадама (сформированный на базе официально распущенного фрейкора «Оберланд»), состоявший из 3-х батальонов (под командованием капитанов Людвиг фон Эстрейхера, Людвиг Риттера фон Финстерлейна и Людвиг Зибринггауза) и ударного

Тирольского взвода австрийских горных стрелков капитана Вильгельма Грегера. Противостоявшие им боевики-пилсудчики из «Польской Военной Организации», усиленные польской регулярной армейской бригадой и французскими военными советниками, удерживали линию Краппиц-Гроссштрелиц-Крейцбург. Генерал Бернгард Фон Гюльзен разработал план штурма удерживавшейся поляками горы Аннаберг, возвышавшейся на восточном берегу реки Одер (Одры). С вершины Аннаберга можно было надежно контролировать всю долину Одера. Кроме этого чисто стратегического аспекта, овладение Аннабергом имело бы для немцев и важное пропагандистское значение. На вершине горы стоял древний монастырь Святой Анны, считавшийся святыней всех силезских немцев со времен Средневековья.

Битва за Аннаберг началась на рассвете 21 мая 1921 года. Добровольцы фон Гюльзена – главным образом, альпийские горцы -, ночью форсировали реку Одер и в половине третьего утра пошли на штурм. На левом фланге наступал Союз «Оберланд» (с батальоном «Тейя» капитана Эстрейхера на острие наступления), на правом – другие добровольческие корпуса (и в том числе батарея ветерана боев в Прибалтике и в Рурской области старшего лейтенанта Альберта Лео Шлагетера). К половине десятого, отбив контратаку поляков, с большими для них потерями, «Оберланд» закрепился на передовом рубеже, потеряв 8 человек убитыми и 50 – ранеными, и стал готовиться к штурму Аннаберга. Перед началом штурма произошла стычка между штабным взводом майора Горадама и польским вооруженным бандформированием силой в 30 штыков. Выбив поляков с занимаемой ими выгодной позиции, Горадам оборудовал на ней командный пункт для наблюдения за окрестностями Аннаберга, Там же была установлена отбитая у поляков батарея горных орудий.

При огневой поддержке трофейных пушек и орудий батареи Шлагетера майор Горадам лично повел батальон «Тейя» (названный в честь легендарного короля древнегерманского племени остготов, долго

оспаривавшего в середине VI века у Восточной Римской империи власть над Италией) через лес на штурм Аннаберга. В составе батальона «Тейя» Аннаберг штурмовал ветеран кайзеровских танковых войск Йозеф («Зепп») Дитрих (в будущем – командир «Лейбштандарта СС Адольфа Гитлера»). Второй батальон, под командованием капитана Риттера фон Финстерлейна, пошел в обход горы, и к полудню Аннаберг был окружен. Оба германских батальона пошли на штурм одновременно и, сломив ожесточенное сопротивление оборонявших гору боевиков «Польской Военной Организации» и регулярных войск Пилсудского, подняли над Аннабергом довоенный черно-бело-красный флаг Германии. Поляки бежали, немцы взяли сотню пленных. Потери «Оберланда» при штурме составили всего 2 убитыми и около 30 ранеными. Эта победа не только подняла боевой дух германских белых добровольцев, но и эхом отозвалась по всей униженной Версалем Германии, где была расценена как «первая военная победа немцев над внешним врагом после позорной капитуляции 1918 года». 23 мая поляки контратаковали, но были отбиты. Часть силезской территории с горой Аннаберг и расположенным на ней древним монастырем – центром немецкой обороны – осталась в составе Германии. В 30-е годы XX века там был сооружен памятник в форме средневековой крепости на месте захоронения 50 германских добровольцев, павших при обороне Аннаберга от поляков. После 1945 года поляки взорвали немецкий памятник на Аннаберге и соорудили на его месте свой собственный мемориал.

Но все это случилось много позднее. А в 1921 году правительство Фридриха Эберга, опасаясь трений с Антантой, отказало фрейкормам в поддержке и даже запретило проводить в Германии запись в добровольцы для борьбы с поляками в Верхней Силезии, пригрозив всем организаторам новых добровольческих частей суровыми карами, вплоть до тюремного заключения. Выбора у берлинского правительства не было, поскольку Антанта угрожала, в случае невывода германских фрейкоров из Верхней Силезии, военной оккупацией жизненно важной для Германии Рурской области. Кроме

того, контрольная Союзная комиссия 21 мая 1921 года предупредила правительство Фридриха Эберта, что, в случае дальнейшего продвижения «Оберланда», из Верхней Силезии будут отозваны все французские войска, и тамошнее немецкое население будет оставлено на милость поляков.

В том, что поляки поступили бы с этим населением достаточно сурово, сомневаться не приходится – известно, что в начале сентября 1939 года они хладнокровно уничтожили, по разным оценкам, от 4 до 13 тысяч «фольксдейчей» – польских граждан немецкого происхождения, проживавших в г. Бромберге (Быгдоше), отошедшем к панской Польше по воле Антанты как раз в 1921 году. Прусское земельное правительство закрыло границу Пруссии с Силезией, что сразу же создало трудности со снабжением. 24 мая 1921 года газета «Берлинер Тагеблатт», выражая точку зрения официальных властей, писала, что «расформирование верхнесилезских шаек – в интересах Отечества» и что это «важнейшая задача земельных властей». Тем временем поляки предприняли еще одно массивное наступление южнее Аннаберга, но были отброшены контратакой Союза «Оберланд», ударившего им в правый фланг. Бои местами переходили в рукопашные схватки, добровольцы «Оберланда» понесли тяжелые потери. В ночь с 30 на 31 мая белополяки, в ожидании дальнейших подкреплений, подвергли район Аннаберга массивному артиллерийскому и минометному обстрелу.

Сочтя это артподготовкой перед новым польским наступлением, Союз «Оберланд» решил предупредить противника, и сам атаковал поляков. Среди захваченных фрейкоровцами пленных, кроме поляков, оказалось 12 французских офицеров и солдат. Разгоряченные боем фрейкоровцы чуть не прикончили их «под горячую руку». Французов спасло заступничество старшего лейтенанта Альберта Лео Шлагетера. Немцы передали их членам британской контрольной комиссии. 4 июня произошло еще одно столкновение с поляками, в ходе которого было

убито 5 французских военнослужащих. Правительство Фридриха Эберта было вынуждено принести Союзнической комиссии официальное извинение. Но, пока Антанта разрабатывала планы ввода своих войск в Силезию для разделения германских и польских вооруженных сил, генерал фон Гюльзен 7 июня снова бросил своих добровольцев на польских боевиков. И снова дело закончилось полным разгромом поляков.

В северном секторе продолжалась лесная партизанская война, в ходе которой белые добровольцы Россбаха, Аулока, Гюбнера и др. постепенно оттесняли поляков на исходные позиции.

Не ожидавшие столь успешного сопротивления со стороны германских добровольцев державы-победительницы (в первую очередь – Англия) в конце июля 1921 года ввели в Верхнюю Силезию свои войска, разделив силы германских добровольцев и боевиков «Польской Военной Организации», и передали решение вопроса о государственной принадлежности Верхней Силезии на рассмотрение Лиги Наций. 20 октября 1921 года Лига Наций приняла решение о разделе Верхней Силезии, большая часть которой была передана Польше.

19. Борьба на Руре и на Рейне

11 января 1923 года франко-бельгийские войска, под предлогом наказания Германии за уклонение от выплаты предусмотренных Версальским договором репараций, в очередной раз оккупировали Рурскую область – сердце германской угольной промышленности и тяжелой индустрии. Эта акция не была совершенно неожиданной, ибо Франция уже дважды вводила в Рурскую область свои войска и с тех пор не раз угрожала повторением подобного вторжения. Первый по счету ввод французских войск в Рурскую область произошел еще в мае 1920 года, в связи с обеспокоенностью Франции развернувшимися там военными операциями белых добровольческих корпусов против Рурской Красной Армии; второй – в марте 1921 года, с целью ускорить выплату Германией военных репараций. В обоих случаях союзники Франции по Антанте (в первую очередь – Великобритания, Италия и США) предпочли не участвовать в оккупации Рура, что несколько приободрило немцев. В прежде монолитном фронте их противников наметилась трещина, вызванная раздиравшими Антанту внутренними противоречиями и разногласиями. Франция же не скрывала своих амбициозных планов раздела Германии (подобные планы вынашивались и проводились в жизнь еще «королем-солнцем» Людовиком XIV Бурбоном и Императором французов Наполеоном I Бонапартом) и создания на левобережье Рейна вассального по отношению к Франции германского квазигосударства типа Рейнского Союза наполеоновских времен.

В своей оккупационной зоне в Рейнской области французы всячески поддерживали сепаратистов, провозгласивших в июне 1919 года так называемую «Рейнскую республику». Правда, «с первого захода» этот амбициозный французский проект не удалось осуществить из-за отсутствия поддержки среди населения Рейнской области. Тем не менее, подобные попытки не прекращались. Уже в 1921-1922 гг. германский рейхсвер

не исключал возможности перехода конфликта с Францией в стадию вооруженной борьбы. В этот период была усовершенствована существовавшая с 1919 года система военных комиссаров – так называемого «дополнительного офицерского корпуса» на случай мобилизации. В Восточной Пруссии, Померании, Неймарке, Бранденбурге, Силезии, Саксонии, Баварии, Вестфалии, Ганновере и Шлезвиг-Гольштейне были усилены части «земельной охраны» («ландесшущ») и «пограничной стражи» («грэнцшущ»). Эти служившие своеобразным дополнением к сухопутным силам организации были созданы на основе «гражданской самообороны», переименованной в целях маскировки в «местную самооборону» («ортсвер»), объединений бывших фронтовиков «Штальгельм» («Стальной Шлем») и «Вервольф», «Земского союза» (Ландбунда) в областях восточнее Эльбы и других т. н. «патриотических объединений». В их штатах числились переведенные на гражданское положение офицеры, входившие в систему военных комиссаров, руководившие по заданию рейхсвера организацией, обучением и боевой подготовкой земельной и пограничной охраны.

В VI военном округе (Ганновер/Вестфалия) генерал-лейтенант Фриц фон Лоссберг вооружил «патриотические объединения», находившиеся под командованием освободителя Баварии от красных в 1919 году – генерал-лейтенанта в отставке Эрнста Бургхарда фон Офена. В рамках ганноверско-вестфальского «ландесшуща» к тому времени была создана разветвленная тайная организация «фельдъегерей» («полевых егерей»). «Фельдъегерей» готовили и обучали специально для совершения актов саботажа и партизанско-диверсионной деятельности в тылу франко-бельгийских оккупантов. В случае полномасштабной войны «фельдъегеря» должны были сдерживать продвижение французов и подрывать боевой дух французских войск.

В рамках военных округов создавались «временные добровольческие части» (цейтфрейвиллиге). По тайным каналам рейхсвера несколько сот миллионов золотых

марок были израсходованы на приобретение боеприпасов и вооружения в нейтральных зарубежных странах. Подразделения второго и третьего эшелонов – так называемый «черный рейхсвер» – были доведены до штатной численности и практически полностью отмобилизованы. На случай войны была предусмотрена возможность утращения численности рейхсвера с доведением ее до 1 миллиона штыков и сабель.

Новый глава рейхсвера генерал Ганс фон Сект, предусматривал также молниеносный захват восточной части Верхнесилезского и северной части Богемского (Чешского) промышленных районов, совместно с австрийскими и венгерскими монархистами. Объявленное правительством Фридриха Эберта «пассивное сопротивление» франко-бельгийским оккупантам в Рурской области (отказ сотрудничать в какой бы то ни было форме с оккупационными властями) должно было на определенном этапе перейти в «активное». Кровавая «Варфоломеевская ночь», которую предполагалось учинить среди занявших Рурскую область франко-бельгийских войск, должна была послужить сигналом к началу этого «активного сопротивления», т. е. новой войны. До наступления этой фазы диверсионно-партизанские отряды, общее руководство которыми осуществлял ветеран боев в Прибалтике подполковник Йоахим фон Штюльпнагель из Руководства сухопутных сил, должны были всячески вредить оккупационным войскам, чтобы у тех «горела земля под ногами».

Между местным населением Рейнской области и франко-бельгийскими оккупационными войсками все чаще происходили столкновения. Члены «ушедших в подполье» добровольческих корпусов направлялись в Рурскую область для проведения секретных акций. По всей Рурской области действовали тщательно засекреченные полувоенные отряды, получавшие по тайным каналам рейхсвера финансирование, вооружение и взрывчатку. Они совершали нападения на представителей франко-бельгийских оккупационных войск, взрывали железнодорожные пути, мосты и вокзалы с целью

нарушить вывоз рурского угля – в счет репараций – во Францию и Бельгию. За совершение такого диверсионного акта французами 26 мая 1923 года был расстрелян упоминавшийся нами выше обер-лейтенант Альберт Лео Шлагетер, герой освобождения Риги от красных, ветеран 3-й военно-морской бригады фон Левенфельда, отличившийся в боях против Рурской Красной Армии и польских инсургентов в Верхней Силезии – «культовая фигура» германского добровольческого движения.

Кроме того, фрейковровцы ликвидировали предателей, сотрудничавших с франко-бельгийскими оккупантами, и сепаратистов. Так, 31 марта 1923 года они убили лидера рейнско-пфальцкого сепаратистского движения Йозефа Сметса (родом из Кельна), первым выступившего за отделение Рейнской области от Германии и основавшего с этой целью, при поддержке французских оккупационных властей, «Рейнское Народное Объединение» («Рейнише Фольксфереинигунг»), ликвидировали Гейнца Орбиса и других сепаратистов. Французские оккупанты продолжали отвечать на убийства и акты саботажа все новыми репрессиями и экзекуциями.

Обеспокоенные принимавшей все большие масштабы партизанской войной в Рурской области, французские оккупационные власти попытались разыграть карту «рейнско-рурского сепаратизма». С их легкой руки ряд крупных монополистов и политиков, в том числе Отто Вольф (глава одноименного концерна тяжелой промышленности), банкир Луи Гаген (Леви) и верховный бургомистр Кельна Конрад Аденауэр (в будущем – первый канцлер Федеративной Республики Германии после Второй мировой войны) в конце октября – начале ноября 1923 года организовали в Аахене, Бонне, Кобленце, Трире, Висбадене и в других городах беспорядки с целью отделить от Германии Пфальц и Рейнскую область. Монополист Отто Вольф, большой друг московских большевиков, снабжавший их на льготных условиях нефтедобывающим оборудованием, и политический конфидент Конрада Аденауэра, открыто провозгласил курс на «самостоятельный Рейнланд».

Под защитой французских и бельгийских штыков местные сепаратисты, финансировавшиеся на французские деньги, провозгласили в гг. Аахене и Кобленце очередную марионеточную «Рейнскую республику», а в г. Шпейере – «Пфальцскую республику» («президент» которой был тут же убит ветеранами «бригады Эргардта»).

Вот краткая хроника событий тех месяцев на Рейне.

15 августа 1923 года в г. Кобленце, столице прусской Рейнской провинции, при полном одобрении и поддержке французских оккупационных властей, состоялся объединительный съезд нескольких сепаратистских организаций левобережья Рейна, слившихся в «Объединенное Рейнское Движение» («Ферейнигте Рейнише Бевегунг»). Руководителями этого сепаратистского движения стали Ганс Адам Дортен от «Рейнского Народного Движения» («Рейнише Фольксбевегунг»), Йозеф Фридрих Маттес (от «Рейнского Народного Объединения», основанного Смеетсом) и Лео Деккерс, региональный политик из г. Аахена. «Объединенное Рейнское Движение» официально провозгласило своей целью отделение Рейнской области от Пруссии (и от Германии) и создание независимой «Рейнской республики» («Рейнише Републик») под протекторатом Франции. В ряде городов левобережья Рейна прошли манифестации и митинги в поддержку сепаратистов (организованные на французские деньги).

16 октября в центре расположенного в Рейнской области г. Эшвейлера, над домом № 43 по улице Нейштрассе сепаратистами был впервые поднят зелено-бело-красный флаг «Рейнской республики» (между прочим, аналогичный современному флагу германской федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия). В тот же день доме № 43 был открыт пункт записи добровольцев в «армию Рейнской республики».

21 октября в г. Кобленце сепаратисты попытались силой захватить власть. Произошли многочисленные

столкновения с местной германской полицией и группами вооруженных граждан, сорвавшие эту попытку.

В тот же день в г. Аахене рейнские сепаратисты во главе с Йозефом-Фридрихом Маттесом (демонстративно носившим вместо традиционной немецкой шляпы французский берет), Лео Деккерсом и доктором Гутгардтом захватили городскую ратушу и другие государственные и общественные учреждения Аахена, провозгласив в Императорском зале ратуши «Свободную и независимую республику Рейнланд».

22 октября аахенские сепаратисты расстреляли демонстрацию протеста на площади перед городским театром. Возмущенные аахенцы взяли штурмом здание секретариата сепаратистской организации, расположенный на площади Фридрих-Вильгельм-Плац. В г. Эшвейлере была сорвана очередная попытка сепаратистов захватить ратушу. В тот же день в г. Дуйсбурге местная группа «Рейнского Союза за независимость» («Рейнишер Унабхенгигкейтсбунд») развесила по всему городу плакаты, утверждавшие, что новая республика была учреждена без согласия франко-бельгийских оккупационных властей. Данное утверждение не соответствовало истине, поскольку все попытки немецких патриотов положить конец сепаратистскому интермеццо беспощадно подавлялись оккупантами.

23 октября в г. Кобленце рейнские сепаратисты, при поддержке французских войск, захватили городской замок. Под давлением обер-бургомистра Кобленца доктора Рюсселя и местной полиции они были вынуждены очистить здание, однако под покровом ночи снова завладели им. В здании городского вокзала французские оккупанты совершенно открыто начали раздачу сепаратистам оружия.

В тот же день в Берлине статс-секретарь министерства иностранных дел фон Мальтцан поручил германскому поверенному в делах в Париже вручить правительству Французской республики официальную ноту протеста

германского Имперского правительства в связи с поддержкой французскими оккупационными властями рейнских сепаратистов. Нота была оставлена французами без ответа.

В течение всего дня вооруженные сепаратисты разъезжали в грузовых автомобилях по г. Аахену, то и дело открывая стрельбу. Аахенские пожарные заняли здание ратуши, заставив правительство сепаратистов забаррикадироваться в правительственной резиденции. Бельгийские оккупационные власти объявили г. Аахен на «осадном положении».

В тот же день в г. Дюрене по адресу улица Тиволиштрассе, дом 55, разместилось так называемое «Верховное Армейское Командование» сепаратистов во главе с Маттесом, Мерксом, Лейтнером, Рангом и Бирманом. Сепаратист Ранг был назначен «уполномоченным по вопросам вооружения армии».

В г. Эшвейлере глава городского совета Эльзен отказался передать здание ратуши сепаратистам. В городе был сформирован отряд гражданской самообороны («бюргервер»). Все население призвали к сопротивлению.

25 октября в г. Аахене местная германская полиция предприняла попытку взять штурмом правительственные здания, но была отброшена бельгийскими оккупационными войсками, после чего в приказном порядке подчинена бельгийскому командованию. В городе была закрыта Высшая Техническая Школа. Все студенты, не имевшие постоянного места жительства в Аахене, были высланы из города. В тот же день 25 октября сепаратисты захватили ратушу г. Кёнигсвинтера.

26 октября в г. Кобленце французский Верховный Комиссар и Председатель «Комиссии по Рейнской области», Поль Тирар, официально признал сепаратистов как «обладателей фактической власти», которым надлежит, «при само собой разумеющимся» уважении существующего авторитета оккупационных властей... «принять все необходимые меры».

Соответствующие генеральные полномочия от французских оккупантов получили Ганс-Адам Дортен и Йозеф Фридрих Маттес. Они сформировали «правительство». Маттес стал его «Председателем» и «премьер-министром «Рейнской республики» («Рейнише Републик»).

2 ноября в г. Аахене сепаратисты, при поддержке 1000 военнослужащих «Охранных Войск Рейнской области» («Рейн-ланд-Шуцтруппен»), снова захватили ратушу. Однако опасавшийся кровопролития бельгийский Верховный комиссар барон Эдуар Ролэн-Жекемен, вопреки ожиданиям, потребовал немедленного отстранения сепаратистского правительства от власти и незамедлительного вывода сепаратистских «охранных войск» из города. Аахенское собрание городских депутатов принесло клятву верности Германской империи.

6 ноября в Эйфельских горах «Северная Летучая дивизия» («Флигенде дивизион Норд») рейнских «охранных войск» захватила г. Мариа Лаах и окрестности, подвергнув их беспощадному грабежу. Грабежи продолжались до 8 ноября.

9 ноября жители г. Броля, ветераны Великой войны Антон Брюль и Ганс Фейнлингер, сформировали из числа местных жителей группу сопротивления сепаратистам. Но те прознали о создании группы и выслали в Брюль команду убийц, застреливших 2 жителей Броля, по ошибке приняв их за организаторов группы сопротивления.

10 ноября сепаратисты вошли в г. Линцна-Рейне, захватили ратушу и объявили низложенным исполняющего обязанности бургомистра Линца доктора Пипера. Используя захваченный г. Линц в качестве оперативной базы, сепаратисты захватили гг. Ункель, Брухгаузен и Рейнбрейтенбах. Повсюду они реквизировали продукты питания, средства передвижения (конно-гужевой транспорт, грузовые и легковые автомобили, мотоциклы и велосипеды) и все хоть сколько-нибудь ценное. Силы сепаратистов стягивались в район расположенного в Семигорье (Зибенгебирге) курортного

города Бад-Гоннеф (который они намеревались превратить в свою новую штаб-квартиру).

14 ноября сепаратисты захватили г. Бад-Гоннеф, провозгласив в его ратуше – в очередной раз! – «Рейнскую республику». В жилых домах и гостиницах сепаратистами были конфискованы все пищевые продукты и алкогольные напитки. Вечером того же дня сепаратисты отпраздновали «день независимости Рейнской области» в здании местного санатория (Кургауза) и на радостях сожгли всю мебель.

В тот же вечер в кабачке «Кремериус» в г. Эгидиенберге собрались руководители местных отрядов самообороны, решившие организовать открытое сопротивление сепаратистам. Несмотря на отданный французскими оккупационными властями категорический приказ сдать все имеющееся холодное и огнестрельное оружие, у населения оказалось припрятано немалое число охотничьих ружей, револьверов, пистолетов и пехотных винтовок. Горный инженер Герман Шнейдер, бывший офицер и ветеран Великой войны, организовал в Эгидиенберге «геймвер» в количестве 4000 человек, призвав к оружию все население окрестных городков и деревень. При появлении отрядов рейнских сепаратистов сразу звучали фабричные и заводские гудки и колокола местных церквей.

15 ноября грузовики с вооруженными сепаратистами въехали в Гимберг (пригород Эгидиенберга), охранявшийся 30 членами «геймвера». 18-летний «геймверовец», кузнец Петер Штаффель, остановивший головной грузовик и пытавшийся уговорить сепаратистов ехать восвояси, был ими застрелен. После этого «геймверовцы» открыли огонь по сепаратистам, обратив их в бегство. Сепаратисты бежали через Шмельцтальскую долину в направлении Бад-Гоннефа, но наткнулись на «геймверовцев» Германа Шнейдера, нанесших им окончательное поражение и захвативших все вооружение и грузовики сепаратистов.

Во второй половине дня 18 ноября 1923 года 80 сепаратистов под командованием Ранга в районе г. Гёфель прорвали линию обороны «геймвера» и взяли 5 жителей Гёфеля в заложники. Их привязали к кольям, в качестве живого щита на линии огня, надеясь сдержать контрнаступление «геймвера». В перестрелке один из заложников, Теодор Вейнц, получил смертельное пулевое ранение в живот. Сепаратисты были разгромлены, потеряв только убитыми 14 человек. Вечером в г. Эгидиенберг вступил отряд колониальных марокканских войск французской оккупационной армии, сопровождаемый отрядом французской военной полиции. Согласно официальным французским данным, в период боев между германскими патриотами и рейнскими сепаратистами обе стороны потеряли только убитыми 120 человек.

В конечном итоге, все планы отделения Рейнской области от Германии разбились о стойкое сопротивление германских добровольцев, разгромивших силы сепаратистов, несмотря на то, что французы и бельгийцы продержали свои войска в Рейнской области еще несколько месяцев.

20. Красный заговор и «Черный рейхсвер»

Внутриполитический кризис в Германии все больше обострялся. Поражения германских красных в боях с белыми добровольцами нисколько не охладили пыл ревностных сторонников «подталкивания» германской революции из Совдепии. Так, Джугашвили-Сталин – «достойный» продолжатель дела Ульянова-Ленина – в своем выступлении на заседании Политбюро ЦК РКП (б) 21 августа 1923 года заявил: «Либо революция в Германии провалится и побьют нас, либо там революция удастся, все пойдет хорошо. И наше положение будет обеспечено. Другого выбора нет».

Все средства, беспощадно выкачиваемые большевиками из захваченной ими России, вкладывались в раздувание Мировой «пролетарской» революции (даже в тех странах, где никакого «пролетариата» не было – например, в Монголии, Иране и Афганистане), в первую очередь – революции в Германии. При этом красных хозяев Кремля совершенно не волновала судьба закабаленных ими и ограбленных до нитки русского народа и других народов России. Когда в 1921-1922 гг. в 45 губерниях России голодало 40 миллионов человек (о благословенные времена якобы «вечно голодной» царской России!) и дело сплошь и рядом доходило до людоедства, щедрый спонсор большевицкой партии и «буревестник революции», литератор-миллионер Максим Горький (пребывая отнюдь не на залитой кровью, голодной и страждущей Родине, а за границей) преспокойно заявлял берлинским журналистам: «Я полагаю, что из 35 миллионов голодающих большинство умрет» (*Горький М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922, с. 43–33*). При этом «великий пролетарский писатель-гуманист» вовсе не находил в голодной смерти десятков миллионов своих соотечественников ничего плохого: «... Вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень

(...) и место их займет новое племя – грамотных, разумных, бодрых людей» (Литературное наследство. т. 70, М., 1963, с. 57).

Короче, Коминтерн отдал приказ, КПГ начала его выполнять. Организованная КПГ в августе мощнейшая всеобщая забастовка заставила уйти в отставку имперское правительство Вильгельма Куно. Новое германское правительство канцлера Густава Штреземана, приступившее к исполнению своих обязанностей в сентябре 1923 года, раздраженное бесконечными попытками красной Москвы спровоцировать в Германии большевицкий переворот, сменило прежний курс, направленный на сотрудничество с Советской Россией, рассматриваемой как противовес Антанте (основа которому была положена Рапалльским договором 1922 года, заключенным между министром иностранных дел Германии Вальтером Ратенау и большевицким наркомом «Коко» Чичериным), на новый, стремясь к примирению с западными державами. В Москве подобная смена курса была расценена как серьезная угроза и «попытка международного империализма усилить изоляцию Страны Советов».

В дни пика выступлений «спартаковцев» в Германии Политбюро ЦК РКП (б) на своем заседании 4 октября 1923 года приняло решение об организации «вооруженного восстания германского пролетариата», назначив его на 9 ноября 1923 г. (удивительное совпадение с датой «пивного путча» Гитлера-Людендорфа в Мюнхене!) и увеличив предназначенный для финансирования германской большевицкой революции особый фонд на 500 000 золотых рублей. На закупку и ввоз в Германию оружия, на командировки руководителей и инструкторов вооруженного восстания было затрачено более 60 миллионов золотых рублей, но вторая «ноябрьская революция» в Германии так и не состоялась.

В сентябре и октябре ряд высших офицеров со своими подразделениями отказались подчиняться берлинскому правительству. 1 октября 1923 года взбунтовались части «Черного рейхсвера», размещенные в крепостях Кюстрин

и Шпандау. В зоне ответственности III (Берлинского) военного округа были расквартированы части «Черного рейхсвера», разбросанные небольшими гарнизонами по Бранденбургу, в Деберице, Шпандау, Потсдаме, Ратенове, Фюрстенвальде, Бескове, Франкуфурте-на-Одере, Кюстрине – везде совместно с гарнизонами официального рейхсвера, от которых получали снаряжение и пищевое довольствие. Непосредственное руководство этими частями «Черного рейхсвера» осуществляло «Бюро ландесшутца» при III военном округе во главе с отставным майором Эрнстом Бухруккером и оберлейтенантом Паулем Шульцем. Их начальниками являлись, в свою очередь, капитан Фромм и подполковник фон Бок из штаба военного округа (будущие генералы вермахта и участники антигитлеровского заговора 1944 года).

Майор Бухруккер планировал захватить правительственные здания в Берлине, но 4 полка «Черного рейхсвера» отказались подчиниться его приказу о наступлении. Лишь батальон капитана Вальтера Штеннеса (будущего фюрера СА, подозреваемого в то же время в связях с советской разведкой, а позднее – начальника личной охраны вождя китайских националистов, председателя партии «Гоминьдан», Генералиссимуса Чан Кайши) в форте Ганенберг (Шпандау) и маршевой батальон, стянутый в Кюстрин, оказались готовы к броску на Берлин. Но этих сил было явно недостаточно. Попытка Бухруккера захватить крепость Кюстрин была отбита комендантом крепости полковником Гудовиусом. Путч был быстро подавлен частями рейхсвера, сохранившими верность берлинскому правительству. После провала кюстринского путча «Черного рейхсвера» майор Бухруккер, уволенный из рядов «ландесшутца», на некоторое время сблизился с будущим имперским канцлером Куртом фон Шлейхером, а позднее вступил в Боевое содружество революционных национал-социалистов «Черный Фронт» левого нациста Отто Штрассера.

21. «Путч Гитлера-Людендорфа» в Баварии

Не менее серьезные события разыгрались в Баварии. Когда 26 сентября 1923 года берлинское правительство объявило о прекращении «пассивного сопротивления» в Рурской области, баварское земельное правительство объявило Баварию на осадном положении и вывело 7-ю дивизию рейхсвера из подчинения министерству рейхсвера и рейхспрезиденту Германии Фридриху Эберту. 22 октября 1923 года 7-я дивизия была приведена к присяге баварскому земельному правительству, тон в котором задавали местные сепаратисты и монархисты, мечтавшие о создании отдельного от Германии католического «австро-баварского королевства» под скипетром династии Виттельсбахов (к которому надеялись в дальнейшем присоединить и другие бывшие владения монархии Габсбургов). Еще в декабре 1918 года, до убийства Курта Эйснера и провозглашения Баварской Советской республики, «вождь баварского крестьянства» Георг Гейм (тесно связанный с отстраненной от власти династией Виттельсбахов), призвал баварцев к созданию «Дунайской федерации» и к отделению Баварии от Германии (в этом он ничем не отличался от Эйснера). Аналогичный план учреждения «Федерации дунайских государств» был выдвинут в 1920 году никем иным, как наследником баварского королевского престола кронпринцем Рупрехтом. При этом кронпринц Рупрехт подчеркивал, что германское продвижение на юго-восток Европы не будет противоречить безопасности Франции при условии вытеснения Пруссии из Рурской области. Во всяком случае, бывший флигель-адъютант и доверенное лицо последнего германского Императора Вильгельма II Гогенцоллерна, Сигурд фон Ильземан, являвшийся партнером по переговорам кронпринца Рупрехта, сообщал о такой беседе, состоявшейся 4 ноября 1920 года, в своих мемуарах «Император в Голландии. Записки последнего флигель-адъютанта Императора Вильгельма II. 1918-1923»

(S. v. Ilseman. Der Kaiser in Holland. «Aufzeichnungen des letzten Fluegeladjutanten Kaiser Wilhelm II. 1918-1923. Bd. 1, Muenchen, 1967, S. 163 ff.). Вынашиваемые «белоголубыми» баварскими сепаратистами планы создания «Дунайской федерации» (концептуально вполне сочетавшиеся с вынашивавшимися «зелено-бело-красными» рейнскими сепаратистами планами создания нового «Рейнского союза» на отторгнутых от рейха западногерманских землях!) всецело поддерживал начальник баварской полиции полковник Ганс Риттер фон Зейссер. В отличие от баварского рейхсвера, баварская полиция с самого начала находилась под полным контролем земельного правительства Баварии, через баварское же министерство внутренних дел. Баварская полиция подразделялась на 3 категории:

- 1) муниципальная полиция (в городах);
- 2) жандармерия (в сельской местности);
- 3) земельная, или «зеленая», полиция.

Земельная полиция неофициально именовавшаяся «зеленой» из-за цвета своей униформы, представляла собой автономную военизированную организацию со структурой пехотной дивизии, имевшую в своем составе легкие и тяжелые пулеметы, броневые автомобили и даже 3 авиационные эскадрильи (но без собственной артиллерии). Полковник фон Зейссер был склонен рассматривать именно свою «зеленую полицию», а не баварский рейхсвер, как ядро будущей армии независимого корпоративного Баварского государства.

В то же время генерал-лейтенант Отто фон Лоссов, командующий дивизией баварского рейхсвера 24 октября 1923 года собрал в Мюнхене совещание руководителей ряда правых организаций, возникших на базе расформированных правительством добровольческих корпусов – «Союза Блюхера» («Блюхербунд»), «Союза Баварии» («Бунд Байерн»), «Союза Империи» («Бунд Рейх»), Союза «Оберланд», «Союза Германа» («Германсбунд»), «Союза Имперского Флага» («Бунд Рейхсфлагге»), Союза «Франкенланд», Союза «Викинг»

(возникшего на базе организации «Консул», распущенной в 1922 году, в соответствии с «Законом о защите республики»), «Стального Шлема» и др. для обсуждения плана марша на Берлин с целью провозглашения там национальной диктатуры по образцу «марша на Рим», проведенного незадолго перед тем в Италии фашистским дуче Бенито Муссолини.

В отличие от «бело-голубых» сепаратистов, группировавшихся вокруг самозванного «Генерального государственного комиссара» (а фактически – главы баварского правительства) Густава Риттера фон Кара, генерал Отто фон Лоссов поставил своей целью не «отделить Баварию от Германии, зараженной марксистской чумой», а «освободить всю Германию от марксизма под черно-бело-красным стягом Империи». Планировалось утроить численность 7-й дивизии путем сформирования при каждом кадровом батальоне еще 2-х, состоявших из членов вышеперечисленных правых организаций. 26 октября были проведены «осенние учения» 7-й дивизии в утроенном составе, продемонстрировавшие, однако, что сил для марша на Берлин недостаточно. Кроме того, у генерала фон Лоссова возник ряд конфликтов с руководителями правых организаций, требовавших перевода своих отрядов в полном составе в баварский рейхсвер и офицерских званий для себя.

Все это заставило баварских заговорщиков подключить к своим планам партию национал-социалистов Адольфа Гитлера, проявлявшую все большую внутриполитическую активность. В ходе переговоров со своими сторонниками 31 октября генерал фон Лоссов заявил: «Сейчас нам необходима диктатура Лоссова-Зейссера-Гитлера... Однако, с нанесением удара следует подождать, пока не прояснится положение в Центральной Германии». Он имел в виду приход к власти крайне левых правительств в Тюрингии и Саксонии, фактически отказавшихся подчиняться рейхспрезиденту Фридриху Эберту и начавших формировать собственные вооруженные силы. Полковник фон Зейссер встретился в Берлине с генералом

фон Сектом, не одобрявшим планов баварских сепаратистов и подчеркнувшим: «Только рейхсвер, сохранивший внутреннее единство и послушание, может быть непобедимым и сильнейшим фактором в государстве». Тем самым фон Сект недвусмысленно осудил нарушение баварским рейхсвером общегерманской присяги со всеми вытекающими из этого последствиями.

Получив отпор от генерала фон Секта, баварские сепаратисты пребывали в нерешительности. Вождь национал-социалистов Адольф Гитлер, а также оказавшие ему поддержку генерал Эрих Людендорф, Гергард Россбах и командир австрийских добровольцев князь Эрнст-Рюдигер фон Штаремберг торопили с началом марша на Берлин. Однако в ответ была сформирована Баварская Директория во главе с фон Каром, фон Лоссовым и фон Зейссером, заявившая, что только она, Директория, уполномочена назначить срок выступления на Берлин и готова беспощадно подавить всякую попытку государственного переворота. Очевидно, фон Кар и фон Лоссов решили, что обойдутся без Гитлера и без Людендорфа.

Стремясь опередить фон Кара и фон Лоссова, Гитлер запланировал на 10 ноября 1923 года свой собственный путч. Под предлогом «ночных маневров» севернее Мюнхена были сконцентрированы подразделения штурмовиков (СА) нацистской партии и их союзников, в том числе добровольцев Россбаха. Однако одно непредусмотренное заранее обстоятельство вынудило национал-социалистов к преждевременному выступлению. На вечер 8 ноября в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер» было назначено собрание баварских сепаратистов и выступление с речью фон Кара. Встав во главе ударного отряда штурмовиков под командованием отставного лейтенанта Йозефа Берхтольда («Ударного Отряда Гитлера»), вождь национал-социалистов ворвался на это собрание, выстрелил из пистолета в потолок, провозгласил «начало национальной революции» и, под дулами установленных штурмовиками в зале пулеметов, вынудил взятых им фактически в заложники фон Кара и

фон Лоссова «предоставить себя в распоряжение национального восстания». Общее военное руководство осуществлял (формально) генерал Эрих Людендорф, реально – военный руководитель «Германского Боевого Союза» («Дейчер Кампфбунд») подполковник Фридрих Герман Риттер фон Крибель. По его приказу отряды нацистских СА (которыми формально командовал капитан авиации Герман Геринг, а реально – Грегор Штрассер) и союзных с ними добровольческих организаций – Союза «Оберланд» (под командованием доктора Фридриха Вебера), «Германского Боевого Союза» под командованием капитана Томаса Целлера и «Рейхскригсфлагге» («Имперский Военный Флаг») – в последней, между прочим, состоял Генрих Гиммлер (будущий рейхсфюрер СС) – двинулись на захват важнейших зданий Мюнхена. Находившийся в то время в Мюнхене «герой Капповского путча» – капитан 3-го ранга Герман Эргардт («консул Эйхман») – дотоле пользовавшийся в среде национальной оппозиции почти непререкаемым авторитетом, после непродолжительных колебаний, отказался присоединиться к повстанцам (что дало недоброжелателям лишний повод подозревать его в «измене делу национальной революции»). После окончания собрания в пивной фон Кару, фон Лоссову и их сторонникам удалось спастись бегством и укрыться в казарме 19-го баварского пехотного полка. Оттуда Риттер фон Кар своей прокламацией объявил распущенными Национал-Социалистическую Германскую Рабочую партию, СА, «Германский Боевой Союз» и другие мятежные организации.

Тем временем фон Лоссов мобилизовал баварский рейхсвер, а фон Зейссер – баварскую полицию. Добровольцы «Оберланда» захватили Центральный мюнхенский вокзал. Однако попытка путчистов захватить также казарму 1-го батальона 19-го пехотного полка, натолкнувшись на ожесточенное сопротивление баварского рейхсвера, окончилась неудачей. На сторону Гитлера и Людендорфа перешло некоторое количество чинов рейхсвера и баварской земской полиции, а также все Мюнхенское пехотное офицерское училище, курсанты

которого были успешно распропагандированы Гергардом Россбахом.

9 ноября путчисты, присягнувшие черно-бело-красному имперскому флагу единой Германии (что означало открытое объявление войны «бело-голубым» баварским сепаратистам фон Кара), двинулись под этим флагом маршем по Мюнхену. Перед зданием Фельдгеррнгалле («Зала Полководцев») на площади Одеонсплац колонна путчистов была расстреляна и разогнана баварским рейхсвером и «зеленой полицией». При этом были убиты 16 национал-социалистов, в том числе бывший фрейкоровский боец из Прибалтики Макс-Эрвин фон Шейбнер-Рихтер (отвечавший за связи германских нацистов с правой русской эмиграцией, и, в том числе, с Великим Князем Кириллом Владимировичем) и был тяжело ранен командующий гитлеровскими СА капитан Герман Геринг.

Сохранился рапорт лейтенанта баварской «зеленой полиции» Моосгубера, «по свежим следам» описавшего кульминацию «пивного путча» в следующих выражениях:

«Когда мы сблизились с противником, тот встретил нас штыками наперевес и пистолетами, снятыми с предохранителей. Некоторые из моих людей были схвачены мятежниками, приставившими им к груди снятые с предохранителей пистолеты. Мои люди пустили в ход приклады и резиновые дубинки. Сам я, в целях самообороны, вооружился карабином, не желая преждевременно пускать в ход свой пистолет. Карабином я отбил два направленных на меня мятежниками штыковых удара и сбил нападавших на меня с ног ударами приклада. Внезапно один из гитлеровцев, стоявший в двух шагах левее меня, выстрелил из пистолета, целясь мне прямо в голову. Пуля пролетела мимо, не задев моей головы, и смертельно ранила стоявшего за мной вахмистра моего полицейского участка. Дальнейшее произошло так быстро, что я даже не успел отдать никакого приказа. Мои люди открыли огонь, произведший эффект, как от залпа. Почти одновременно с моими людьми открыли

огонь и гитлеровцы. Вспыхнувшая перестрелка длилась от 20 до 25 секунд».

Единственным из путчистов, прорвавшимся через полицейский заслон, был генерал Эрих Людендорф (в него просто никто не посмел стрелять, хотя риск погибнуть в уличной свалке от шальной пули был достаточно велик). Прежде чем дать себя арестовать, Людендорф поклялся больше никогда не надевать германский офицерский мундир – из стыда за фон Кара и фон Лоссова, нарушивших данное ими ему честное офицерское слово. Гергард Россбах бежал в Австрию. Адольф Гитлер, которого участвовавший в марше к Фельдгернгалле русский эмигрант генерал и Георгиевский кавалер В. В. Бискупский заслонил своим телом от пуль, а затем укрыл на своей квартире, был вскоре выслежен и арестован. Назначенный министром внутренних дел путчист Эрнст Пёнер (являвшийся в 1919-1922 гг. начальником полиции г. Мюнхена) был взят под стражу прямо в полицей-президиуме, куда явился приступить к своим новым обязанностям.

Захватившие здание Командования мюнхенского военного округа (а фактически – баварского военного министерства) отряд СА Грегора Штрассера и Эрнста Рема, а также «Рейх-скригсфлагге» и «Кампфбунда» Томаса Целлера были окружены превосходящими силами баварских правительственных войск. Стянув против путчистов 2 батальона пехоты, 1 саперный батальон, 1 минометную роту, 3 артиллерийские батареи и 8 броневедомостей, сторонники фон Кара выслали к «национальным революционерам» в качестве парламентаря капитана 3-го ранга Эргардта (бывшего руководителя организации «Консул»), уговорившего национал-социалистов сложить оружие (что заставило противников Эргардта из «народнического» лагеря еще больше усомниться в «твердости и искренности его национальных убеждений»).

22. Конвульсии левых в Центральной Германии

После подавления гитлеровского «пивного путча» генерал фон Лоссов и высшие офицеры 7-й дивизии снова подчинились командованию общегерманского рейхсвера. Это произошло очень кстати для начальника руководства сухопутными силами, генерала фон Секта, поскольку Саксония и Тюрингия, возглавлявшиеся коалиционными правительствами, состоявшими из коммунистов и левых социал-демократов, и сформировавшими для своей поддержки многочисленные полувоенные формирования – «пролетарские сотни» – были накануне вооруженного восстания, а в Гамбурге такое вооруженное восстание полыхало уже с 23 октября. Как писал позднее лидер КПП Эрнст Тельман: «Как только было свергнуто правительство Куно, по всей Германии вспыхнули искры гражданской войны. Еще и до этого в Руре, в Ганновере, в Верхней Силезии, Баварии и других частях страны раздавались выстрелы. Но теперь с каждой минутой становилось все ясней, что мирного решения быть не может... В десятках немецких городов забастовки переходили в столкновения, митинги – в кровавые стычки рабочих с полицией».

Саксонский премьер-министр Эрих Цейгнер (левый социал-демократ) не скрывал намерений своего правительства создать «пролетарский противовес» исходящей от Баварии угрозе «военной диктатуры крупного капитала». В «пролетарских сотнях» тон задавали коммунисты, намеревавшиеся использовать эти «вооруженные формирования рабочего класса» вовсе не для отражения «баварской фашистской угрозы», а для осуществления давно уже вынашивавшегося Коммунистической партией Германии плана «немецкого Октября». Под этим кодовым названием Коминтерн готовил в Германии коммунистический переворот, который должен был исходить из Саксонии, с использованием многочисленных забастовок, в очередной

раз охвативших Рурскую область. Очередной вехой на пути к достижению этой цели явилось включение Цейгнером трех министров-коммунистов в состав саксонского земельного правительства. Созданный в Саксонии «Единый антифашистский фронт» коммунисты намеревались использовать в качестве трамплина к революционному перевороту во всей Германской Империи. Активисты КПГ вынудили колебавшегося председателя своей партии Георга Брандлера (назначенного Цейгнером начальником саксонской государственной канцелярии!) объявить на центральной рабочей конференции в Хемнице 21 октября 1923 года о начале всеобщей забастовки и борьбы с рейхсвером – и тем самым дать сигнал к вооруженному восстанию.

В своей передовой статье, опубликованной в эти же дни в московской газете «Правда» – официальном органе ЦК ВКП (б) – Георг Брандлер, расписывая на все лады мощь своих «пролетарских сотен», подчеркивал, что «пришло время действий» и «мобилизации масс на борьбу». В листовках, изданных саксонским Земельным правлением Коммунистической партии Германии и коммунистической фракцией саксонского ландтага, германских трудящихся открыто призывали к неповиновению имперскому правительству. Арестовать авторов этих листовок полиция не могла, поскольку они, как депутаты ландтага, являлись по закону лицами неприкосновенными. Однако коммунисты просчитались в самом главном. Ни о какой всеобщей готовности германского рабочего класса к забастовке, а тем более – к революции, и речи быть не могло. В то же время Имперское правительство Германии, в лице канцлера Густава Штреземана, сменившего Вильгельма Куно, воспользовалось подрывной коммунистической пропагандой как поводом для предъявления саксонскому премьер-министру Цейгнеру требования немедленно уйти в отставку со всем своим кабинетом. Поскольку Цейгнер отказался сделать это добровольно и распустить «пролетарские сотни», берлинское правительство, по настоянию президента Фридриха Эберта, объявило о смещении Цейгнера, отстранении от власти саксонского правительства и

передаче полномочий последнего Государственному комиссару генералу Мюллеру, назначенному на эту должность приказом из Берлина. При разгроме «пролетарских сотен» частями рейхсвера в Саксонии и Тюрингии мятежники потеряли убитыми и ранеными около 1000 человек.

Первые части рейхсвера, по приказу военного министра Отто Гесслера, вступили в мятежную Саксонию еще 23 октября, а в Тюрингию – 5 ноября, но, пока положение в Баварии оставалось неясным, у генерала фон Секта просто не хватало сил для эффективных действий. Теперь же, после подавления путча Гитлера-Людендорфа и окончательного возвращения Баварии в лоно Германского рейха, берлинское правительство получило в свое распоряжение достаточное количество войск для подавления профранцузских сепаратистов в Южной и Западной Германии, левых путчистов в Центральной Германии и организованного коммунистическим союзом «Молодой Спартак» («Юнг-Шпартакус») по приказу Коминтерна вооруженного восстания в Гамбурге.

23. Гамбургский эпилог

Восстание в Гамбурге началось с волны забастовок и уличных демонстраций. 20 октября 1923 года во многих частях города были разгромлены магазины и произошли кровавые столкновения с полицией. Впервые за многие годы по «свистку» из красной Москвы была прорвана граница так называемой «запретной зоны» (городских районов, в которых были запрещены всякие собрания под открытым небом и шествия). Во вторник 23 октября, на рассвете, ровно в 5 часов утра, почти все полицейские участки во всех окраинных районах Гамбурга – Бармбеке, Эймсбюттеле, Шифбеке, Брамфельде и Гамме – были одновременно захвачены «революционными боевыми отрядами» красных (гамбургским аналогом цейгнеровских «пролетарских сотен»), а застигнутые врасплох полицейские разоружены почти без сопротивления. Лишь полицейский участок в Эппендорфе оказал сопротивление и был захвачен повстанцами в результате ожесточенной рукопашной схватки.

«Революционные боевые отряды» завладели большими запасами оружия и боеприпасов, хранившимися в 26 гамбургских полицейских участках, захваченных повстанцами врасплох. Когда из гамбургского полицейского президиума (ГУВД) в захваченные красными районы были высланы моторизованные выездные команды и срочно вызванные извне подкрепления, оказалось, что мятежники уже успели превратить находившиеся под их контролем части города в форменные крепости. Сотни повстанцев были заняты рубкой деревьев, разборкой булыжных мостовых и сооружением уличных баррикад из бревен, камней и песка. Центром боев в Гамбурге стала «красная крепость» Бармбек, на которую полиция неоднократно наступала целыми ротами и батальонами, но каждый раз была вынуждена откатываться под ураганным огнем спартаковцев с тяжелыми потерями, пока на помощь ей не были переброшены части рейхсвера и военных моряков при поддержке броневых автомобилей, некоторые из которых

были подбиты и захвачены красными. Повстанцы, тщательно и заблаговременно подготовившиеся к началу своего выступления, успели даже сочинить собственную боевую песню, с тех пор часто звучавшую на коммунистических митингах и демонстрациях по всей Веймарской республике и содержащую, в частности, следующие слова:

Du schwarzweissrote Republik,
Dir bricht die Rote Front noch das Genick!
Noch leben wir auf den Barrikaden,
Noch sind die Gewehre nicht entladen!
Wir schwenken die Fahne die rote zum Gruss!
Hoch lebe, hoch lebe Jung-Spartakus!

(Эй ты, черно-бело-красная республика!
Красный Фронт еще свернет тебе шею!
Мы еще живы на баррикадах,
Винтовки у нас еще не разряжены!
Мы машем красным флагом в знак приветствия!
Да здравствует, да здравствует Молодой Спартак!)

Бои в Гамбурге продолжались 3 дня и 3 ночи, пока не обозначился очевидный перевес правительственных сил над инсургентами. Конец Гамбургского восстания 1923 года завершил собой период гражданской войны в Германии, безуспешно разжигаемой Коминтерном. Однако чрезвычайное военное положение было отменено на всей территории Германской Империи только 1 марта 1924 года.

Приложения

Приложение 1

«Оберланд» – фрейкор под знаком эдельвейса

1. О возникновении и истории добровольческого корпуса «Оберланд»

Зачин

Добровольческий корпус (нем.: фрейкор, Freikorps) «Оберланд» («Верхняя земля», т. е. «Верхняя Бавария»), вне всякого сомнения, являлся известнейшим енным формированием в Баварии (да и во всей Южной Германии) в период после окончания Великой (Первой мировой) войны. Правда, будущий национал-социалистический «имперский наместник («рейхсштатгальтер») Баварии, полковник Франц Риттер фон Эпп пытался «переиграть» фрейкор «Оберланд» силами сформированного им в г. Ордруфе «Баварского стрелкового корпуса» (нем.: «Байеришес Шютценкор»), выставляя себя в глазах общественности «освободителем Мюнхена от красного террора», хотя в действительности добровольческий корпус фон Эппа 1-2 мая 1919 года очистил от войск Баварской Советской Республики только один из районов г. Мюнхена – Гизинг – и был всего лишь одним из многих принимавших участие в освобождении Мюнхена добровольческих корпусов, большинство из которых было даже не баварскими, а «пруссскими» («пруссаками» – «прейссн» – баварцы традиционно именовали всех немцев, не имевших счастья родиться в Баварии). Правда, фрейкор «Оберланд» прославился на всю Германию не в 1919 году, а позднее, после того как его бойцы в ходе подавления 3-го польского восстания в Верхней Силезии (направленного на присоединение этой германской провинции к Польше) 21 мая 1921 года взял штурмом

«священную гору» жителей Верхней Силезии – Аннаберг, разгромив укрепившихся на ней польских повстанцев.

Всеобщая паника

После провозглашения Баварии Советской Республикой 7 апреля 1919 года в г. Мюнхене стали происходить удивительные вещи. Охваченное страхом перед красными, баварское государственное правительство, бежавшее от Советов из Мюнхена в Бамберг, начало выдавать предприимчивым баварцам, считавшим себя способными сформировать добровольческий корпус и обещавшим правительству двинуться со своим отрядом на Мюнхен, чтобы свергнуть утвердившуюся там Советскую власть, патенты с разрешением набирать добровольцев. Такой документ был выдан, между прочим, и не имевшему опыта командования войсками барону Рудольфу фон Зеботтендорфу (точнее – фон Зеботтендорфу унд фон дер Роза, он же – Рудольф Глауэр). Зеботтендорф представил выданное ему разрешение в Командование III Армейского Корпуса в г. Нюрнберге, где находились правительственные склады вооружения и снаряжения. Заручившись разрешением Командования Армейского Корпуса на формирование добровольческого отряда, барон Зеботтендорф направился дальше, в г. Эйхштетт, – место создания будущего фрейкора. Вероятнее всего, Рудольф фон Зеботтендорф получил разрешение на формирование собственного отряда, невзирая на отсутствие у него опыта командования войсками, поскольку являлся основателем мюнхенского «Общества Туле» – секретной мистически-теософской группы (баварского отделения аналогичной организации, известной под названием «Германен-Ордена», или «Германского Ордена»), учредившей, после изгнания красных из Мюнхена и свержения власти Советов в Баварии, памятный рунический крест для награждения чинов добровольческого корпуса «Оберланд» (об этом кресте у нас еще пойдет речь далее). Рудольф фон Зеботтендорф занимался в своем фрейкоре только

организационными вопросами. О его дальнейшей деятельности существует множество легенд, но имеется очень мало достоверных и документально подтвержденных сведений. Остаток жизни он провел в Турции.

Между тем, в Эйхштетте собралась группа фронтовиков, ветеранов Мировой войны (главным образом, офицеров), под командованием обер-лейтенанта (или, по-нашему, старшего лейтенанта) Йозефа Ремера (по прозвищу «Беппо»), в скором времени насчитывавшая в своих рядах уже 120 человек и ежедневно получавшая все новые пополнения за счет многочисленных добровольцев. Так, например, в ее ряды влился многочисленный отряд волонтеров из г. Трейхтлингена. Нередко в добровольцы записывалось все мужское население того или иного городка или селения, способное носить оружие. В один из наиболее удачных в плане вербовки дней добровольцами во фрейкор «Беппо» Ремера разом вступили 24 баварских крестьянина из небольшого селения Альтенмур, расположенного близ г. Гунценгаузена, во главе с бургомистром (все, как один, обладавшие опытом Мировой войны).

В качестве военного командира был приглашен майор Альберт Риттер фон Бек, офицер-фронтовик, удостоенный высшей баварской награды за воинскую доблесть – Военного Ордена Макса-Иосифа. Между майором фон Бекком и бароном фон Зеботтендорфом вскоре начались конфликты. В качестве добровольцев в отряд вступали, в первую очередь, бывшие профессиональные военные, студенты, рабочие, ремесленники и – в несколько меньшем количестве – крестьянские сыновья. Так называемый «средний класс» – буржуазия – почти не был представлен в его рядах. Данное обстоятельство позднее, после расформирования добровольческого корпуса «Оберланд» и его преобразования в Союз «Оберланд», привело к острым внутренним конфликтам, поскольку многие члены Союза призывали к борьбе с «сытой буржуазией и махинаторами». Вообще же фрейкор «Оберланд», несмотря на баварские национальные

костюмы своих волонтеров, был настроен «общенационально» и, в отличие от других добровольческих формирований, оставался абсолютно чужд баварскому «местничеству» и узкому провинциальному партикуляризму. Даже знамена «оберлендеров» были не бело-голубыми баварскими, а черно-бело-красными (как трехполосный государственный флаг рухнувшей в результате Ноябрьской революции 1918 года кайзеровской Германии), с ромбовидной эмблемой корпуса, украшенной цветком эдельвейса (которая будет подробно описана далее) на верхней (черной) полосе знамени, у древка. Ромбовидное навершие знамени также представляло собой изображение эмблемы корпуса с цветком эдельвейса. Впрочем, это так, к слову...

Когда численность «Оберланда» достигла примерно 300 штыков, он получил приказ войти в состав боевой группы Зиберта и, через г. Фрейзинг, двинуться на Мюнхен, чтобы принять участие в его освобождении от частей Баварской Красной Армии. Со 2 по 5 мая 1919 года корпус принял участие в боях за Мюнхен (в частности, взяв штурмом здание мюнхенского фонда «Максимилианеум», превращенное красноармейцами в настоящую крепость). После взятия города он был расквартирован в Мюнхене, где получил пополнение (в его ряды вступила добровольческая рота Эстрейхера из г. Ингольштадта), достигнув своей максимальной численности – 1050 штыков. Фрейкор был подчинен 21-й стрелковой бригаде и разделен на 2 батальона – I батальон под командованием капитана Горадама и II батальон под командованием капитана Безля. Бои за Мюнхен завершились. Больше добровольцам там было нечего делать, кроме несения обычной караульной службы. Поэтому многие волонтеры стали увольняться. Численность отряда уменьшилась до размеров батальона, состоявшего из 4 рот.

Командиром батальона был назначен капитан Горадам. Майор Риттер фон Бек и ненадолго сменивший его в должности военного командира «Оберланда» майор Петри также уволились из фрейкора. Остаток корпуса – переформированный батальон Горадама – был включен, в

качестве III батальона, в состав 2-го стрелкового полка баварской армии (рейхсвера), однако ненадолго. Дело в том, что, по условиям Версальского договора, навязанного в 1919 году побежденной Германии Антантой, рейхсвер (армия республиканского Германского рейха) подлежал радикальному сокращению. В числе многих других частей рейхсвера, был расформирован и III батальон 2-го стрелкового полка. С августа 1919 года «Оберланд» был переформирован в батальон временных добровольцев (нем.: «Цейт-Фрейвиллиген-Батальон»). В этом качестве он и пребывал до марта 1920 года.

На Руре все спокойно...

В марте 1920 года силами добровольческих корпусов, возмущенных принятым республиканским правительством Германского рейха, под давлением Антанты, решением о роспуске фрейкоров, была совершена попытка захвата государственной власти вворуженным путем, вошедшая в историю под названием «путча Каппа-фон Лютвица» (по фамилиям главных организаторов путча), или просто «Капповского путча». Путчистам удалось овладеть Берлином и еще целым рядом германских городов. Однако республиканское имперское (первый параграф принятой в январе 1919 года в г. Веймаре конституции гласил: «Германская империя является республикой»!) правительство во главе с лидером Социал-Демократической партии Германии (СДПГ) Фридрихом Эбертом сумело ускользнуть и призвать рабочих и служащих к всеобщей забастовке. В результате путч провалился и его руководитель доктор Вольфганг Капп бежал за границу.

Воспользовавшись путчем, германские левые – коммунисты-спартаковцы и независимые социал-демократы («неза-висимцы») -, давно уже готовившие свой собственный путч против «продавшегося буржуазии социал-реформистского режима Фридриха Эберта»), в свою очередь, выступили против него с оружием в руках.

В Рурской области – «промышленном сердце Германии» – левыми была поставлена под ружье 50-тысячная «Красная Армия Рура» и разгорелась настоящая гражданская война. Фридриху Эберту срочно понадобилась помощь белых фрейкоров.

Временные добровольцы, сведенные в 17-ю роту «Оберланд» под командованием капитана Горадама, получили приказ вернуться в строй и сформировали, как и было предусмотрено на этот случай, VI батальон временных добровольцев. Все остальные батальоны временных добровольцев, приданные 21-й стрелковой бригаде, получили боевое крещение в Рурской области. До сих пор остается не ясным, почему переформирование «оберлендеров» заняло столь долгое время, что батальон прибыл в Рурскую область лишь 8 апреля 1920 года. Как бы то ни было, к моменту прибытия «оберлендеров» бои правительственных войск с «Красной Армией Рура» уже завершились разгромом последней. «Оберлендерам» пришлось удовлетвориться лишь участием в разоружении капитулировавших рурских красноармейцев в г. Дортмунде. На тот момент численность батальона, находившегося под командованием капитана Горадама, составляла 420 штыков. Адьютантом батальона был старший лейтенант «Беппо» Ремер.

«Оберлендеры» были переброшены обратно в Мюнхен. 30 апреля 1920 года, во дворе Турецкой казармы (нем.: Тюркенказерне), капитан Горадам принял последний парад «Оберланда». В тот же день был издан приказ о его расформировании. Временные добровольцы были отправлены по домам. При этом каждому из них было разрешено прихватить с собой винтовку и 50 патронов к ней.

Фрейкор нам дом родной...

Но связи между добровольцами фрейкора «Оберланд» сохранялись и после роспуска корпуса временных добровольцев. Все они состояли в «Ополчения жителей

Баварии» (нем.: «Эйнвонервер Байерн») лесного советника Эшериха и старшего землемера Канцлера (известной также под названием «Организации Эшериха» или, сокращенно. «Оргэш»).

Со временем часть «оберлендеров» как-то устроилась в гражданской жизни, но сохранилось определенное ядро, кадр, состоявший из людей, которых по-прежнему, даже в мирных условиях, неудержимо влекла к себе «солдатская жизнь». Это были, главным образом, люди, неуютно чувствовавшие себя «на гражданке», для которых не нашлось места и в сильно сокращенном по Версальскому договору рейхсвере (или «фриденсгеере», т. е. «армии мирного времени»). Для них добровольческий корпус «Оберланд», а для многих, впоследствии, и Союз «Оберланд» стал чем-то вроде «малой родины».

Эти люди вели себя «на гражданке» вызывающе и были склонны к насилию. Вместе с капитаном Эрнстом Ремом, руководителем СА (штурмовых отрядов гитлеровской партии НСДАП) и его свитой они сидели в мюнхенских кафе и требовали, чтобы пианист играл патриотическую «Песню о Германии» («Германия, Германия, превыше всего...»), а все присутствующие хором пели эту песню. Кто отказывался петь, того нередко избивали.

Постепенно численность фрейкора увеличивалась, достигнув к весне/лету 1921 года 9600 (по другим сведениям – 9800) человек, что позволило «Оберланду» образовать в составе «Ополчения жителей Баварии» Эшериха и Канцлера собственную «земскую хоругвь» (нем.: «Ландфане»). К описываемому времени «Оберланд» (обладавший даже тяжелым оружием) являлся наиболее боеспособным вооруженным формированием в Баварии (из числа не входивших в баварский рейхсвер). Не удивительно, что боевики «Оберланда», полностью осознававшие военную мощь своего объединения, так петушились. Они ни в грош не ставили баварское земельное правительство. Последнее, вероятно, было только радо, когда услышало призыв о помощи, прозвучавший из столицы Силезии – г. Бреслау -, в связи с 3-м польским восстанием, охотно разрешив

забиякам-«оберлендерам» отправиться в Верхнюю Силезию, чтобы в Баварии хотя бы на некоторое время воцарилось спокойствие. В Верхней Силезии, после начала 3-го польского восстания в мае 1921 года и вторжения отрядов польских инсургентов в ту часть Верхней Силезии, население которой, в ходе объявленного по воле Антанты, плебисцита, высказалось за сохранение провинции в составе Германии, местными германскими властями была предпринята попытка спешно сформировать для защиты от белополяков «Верхнесилезскую самооборону». Как же было в этом деле обойтись без «Оберланда»?

В описываемое время Мюнхен представлял собой настоящий заповедник тайных союзов, «ударных отрядов» и прочих секретных и полусекретных организаций, порой ожесточенно боровшихся не только с «красными», но и друг с другом. Вот и «Беппо» Ремер создал внутри Союза «Оберланд» из 62 «оберлендеров», поклявшихся в верности лично ему, строго засекреченную организацию, перешедшую в последующие годы на позиции «национал-коммунизма» («национал-большевизма»). Особый вес данному обстоятельству придавал авторитет «Беппо» Ремера (казненного национал-социалистами в 1944 г.), как крупнейшего военного и политического деятеля добровольческого корпуса «Оберланд», а впоследствии – Союза «Оберланд». Данная тема представляется весьма интересной, однако дальнейшее углубление в перипетии внутреннего развития добровольческого корпуса «Оберланд» и пришедшего ему на смену одноименного союза вышло бы за рамки основного содержания настоящей исторической миниатюры. Возможно, в будущем мы вернемся к данной теме в рамках отдельной статьи.

Верхняя Силезия

С началом 3-го польского восстания в Верхней Силезии пробил час германских добровольческих корпусов. Вняв

призыву о помощи из Бреслау, земельное руководство «Ополчения жителей Баварии» срочно довело его до сведения «Оберланда», воспринявшего этот призыв с патриотическим воодушевлением. Повышенный к описываемому времени в чине до майора, Горадам, командир мгновенно поднятой по тревоге и мобилизованной «Земской хоругви», незамедлительно отправился в Бреслау, где был с распростертыми объятиями принят в «Центре Верхнесилезской Самообороны», когда выяснилось, что он, в отличие от многих других командиров фрейкоров, привез с собой на помощь Самообороне, не только штаб или слабый, малочисленный отряд, а сильное, испытанное в боях подразделение, которое (несмотря на то, что не все его чины были надлежащим образом вооружены и экипированы – многие «оберлендеры» щеголяли в штатском или же в живописных баварских народных костюмах), представляло собой наиболее боеспособное германское формирование во всей провинции.

11 мая 1921 года кадр фрейкора прибыл в верхнесилезский город Нейштадт. 17 мая «Оберланд», в составе 3 батальонов, был приведен в состояние полной боевой готовности и, в качестве «души немецкого сопротивления» (по выражению современной силезской прессы), после непродолжительного пребывания на квартирах в г. Оберглогау, направился в зону боевых действий.

Командиром I батальона «Оберланда» – так называемой Боевой хоругви (нем.: «Штурмфане») «Тейя» (названной в честь последнего короля древнегерманского племени остготов Тейи, долго, хотя и безуспешно, оспаривавшего, в середине VI века, власть над Италией у полководцев византийского императора Юстиниана Великого), был капитан Эстрейхер, командиром II батальона – капитан Риттер фон Финстерлейн (согласно другим источникам – Финстерлин), командиром III батальона – капитан Зибринггаузен (по другим источникам – Зибринггауз, по третьим – Зибрингер). Однако подлинным главой и организатором всей операции являлся капитан «Беппо»

Ремер. 21 мая 1921 года фрейкор «Оберланд» принял участие в знаменитом штурме Аннаберга, а также в последовавших за взятием Аннаберга прорыве польской линии обороны и рейде по тылам белополяков. В память об этих событиях майор Горадам учредил для награждения их участников особый почетный знак – «Крест Аннаберга» (нем.: «Аннаберг-Крейц»), а майор Эстрейхер – особую памятную медаль (нем.: «Денкмюнце»).

Крутые баварские парни

Волонтеры фрейкора «Оберланд» произвели неизгладимое впечатление на Верховного Главнокомандующего «Верхнесилезской Самообороны» генерала Гефера, оставившего не лишенные интереса записки, содержащие, между прочим, оценку этого добровольческого корпуса и его чинов. Правда, при чтении этих записок не следует забывать, что отношения, сложившиеся между «оберлендерами» и генералом Гефером, а также командующим Южным участком (Абшнитт Зюд) Верхнесилезского фронта генералом фон Гюльзенем, были далеко не безоблачными, а напротив, достаточно напряженными.

Генерал Гефер писал в своих мемуарах об «Оберланде» и «оберлендерах», в частности, следующее:

«Самым ярким отрядом...был корпус «Оберланд», отличавшийся высокой боеспособностью, хорошо организованный и неплохо вооруженный добровольческий корпус, являвшийся стеновым хребтом германских наступательных сил. Это формирование было организовано в Баварии для борьбы с коммунизмом. Уже расформированное, оно был мгновенно воссоздано и, не взирая на огромные препятствия, одним из первых, поспешило в Верхнюю Силезию, не дожидаясь, пока его позовут на помощь (здесь генерал явно что-то запечатовал или не менее явно лукавил! – В. А.). Прибытие баварцев, к которым присоединился и отряд тирольцев («Тирольский

штурмовой взвод», впоследствии – «Тирольская штурмовая рота» – В. А.), освободило многих жителей Верхней Силезии от мучительного страха (перед поляками – В. А.), но некоторые испытывали перед баварцами ничуть не меньший страх. Их чрезвычайно грубое, беспардонное и, особенно поначалу, возможно не всегда абсолютно безупречное поведение создало им немало врагов (среди местного населения – В. А.). Недоверие к соотечественникам, обладавшим чуждым (силезцам – В. А.) менталитетом, не скрывавшим своих радикальных воззрений, и страх перед ними были столь велики, что неоднократно приводили к выдвиганию требования немедленно отправить их восвояси, невзирая на опасность, исходившую от поляков. Правда, после того, как они наилучшим образом зарекомендовали себя при Аннаберге, как сильнейший и добившийся наибольших успехов ударный отряд, им стали повсеместно оказывать уважение; однако во многих случаях к ним все же сохранилось определенное недоверие. В большинстве своем эти баварцы были отличными парнями, проникнутыми истинным добровольческим духом, но они были преисполнены столь бешеного, неукротимого стремления к подвигам и неистовства, что легко могли выйти из повиновения и пойти своим собственным путем. Слепленные своим успехом под Аннабергом, они, вероятно, стали несколько переоценивать свою внутреннюю силу, и их небольшая, лихая ватага (составлявшая, после пополнения в Силезии, не более 1000 человек) стала недооценивать силы противника и воображать себя способной одерживать над ним победы и громить его наголову на всех участках фронта. При всей радости, испытываемой в связи с активностью этих молодежных ватаг, и при всем желании иметь как можно больше таких войск, их было нелегко держать в узде. Лишь подыгрывая им, в определенной степени, было возможно подчинять их своему влиянию. Дисциплина у них хромала – но бойцы они были что надо!

Корпусу «Оберланд» выпало счастье иметь превосходных командиров во всех своих подразделениях. Особенно яркой личностью в корпусе был его офицер

службы Генерального Штаба, капитан Ремер, буквально покоривший многих добровольцев – и не только «оберлендеров» – своим внешним видом, своими пламенными речами, прежде всего, своим личным героизмом... Характерно, что друзья Беппо Ремера считали именно его организатором и подлинным руководителем штурма Аннаберга и дальнейших наступательных действий Южной Группы (боевой группы Южного участка Верхнесилезского фронта – *В. А.*). Сознание собственной силы, находившее явное выражение в поведении баварских «оберлендеров», и окружавший их нимб победителей – хотя они одержали победу (при Аннаберге – *В. А.*) не только собственными силами, ибо под Аннабергом, плечом к плечу с ними, не менее храбро и успешно сражались и другие формирования – производили на окружающих неизгладимое впечатление. К тому же в то время было широко распространено представление, будто только баварцы призваны и способны спасти Германию... Если призыв к действию звучал из уст какого-нибудь «оберлендера», он быстрее и легче других встречал одобрение и приобретал сторонников. Почет, доставшийся в удел «Оберланду» за победу в битве при Аннаберге, пробуждал в руководителях отрядов, не участвовавших в ней, стремление к совершению не менее славных дел. Когда же стало известно, что штурм Аннаберга произошел против воли нерешительного Центра («Верхнесилезской Самообороны» – *В. А.*), многие командиры вознамерились повторить подвиг «оберлендеров» и, если повезет, захватить, со своей маленькой ватагой, всю Польшу». А что? Чем черт не шутит?

2. О Союзе «Оберланд» и о его «Знаке заслуг»

Несколько общих замечаний

Прежде всего, следует сделать следующее принципиальное замечание. В период существования добровольческого корпуса «Оберланд» (с апреля 1919 по октябрь 1921 года) им не учреждался и не вручался никакой почетный или памятный знак. Сказанное относится и ко всем случаям участия фрейкора в боевых действиях – в боях с Баварской Красной Армией за Мюнхен в 1919 году (за участие в них фрейкоровцы получили почетную грамоту – так называемый «Памятный листок», или, по-немецки, «Эриннерунгсблатт», учрежденный и подписанный генералом Мелем; кроме того, руководство «Общества Туле» наградило их упомянутым выше руническим крестом), в боях с Красной Армией Рура за Рурскую область в 1920 и в боях с белополяками за Верхнюю Силезию в 1921 году.

За особые заслуги в боях с поляками за Верхнюю Силезию чины добровольческого корпуса «Оберланд», подобно всем прочим бойцам добровольческих корпусов, были награждены учрежденным Центром «Верхнесилезской Самообороны» знаком – так называемым «Силезским орлом» I и (или) II степени. Информация о знаках, награждениях и награжденных публиковалась в газете ветеранов добровольческих корпусов «Всадник, скачущий на Восток» (нем.: «Дер Рейтер ген Остен»).

Однако вернемся к Союзу «Оберланд» и к его «Знаку заслуг». После завершения боев с поляками в Верхней Силезии и возвращения добровольческого корпуса в Мюнхен, в сентябре 1921 года он, как и все прочие добровольческие корпуса, был, под нажимом Антанты, окончательно расформирован. Вместо него в октябре 1921 года был учрежден и зарегистрирован в надлежном

порядке Союз «Оберланд» (нем.: «Бунд Оберланд»), в который перешла значительная часть прежних чинов одноименного добровольческого корпуса. Союз «Оберланд» в первоначальный период своего существования являлся, в основном, организацией гражданской самообороны. Одновременно с учреждением Союза был учрежден и его «Знак заслуг», сокращенно: «З.З.» (нем.: «Бэверунгс-Цейхен», сокращенно: «Б. Ц.», В. Z.). Знак выдавался Правлением Союза «Оберланд» заслуженным членам Союза по предложению земельных представительств (нем.: «ландесштеллен») организации.

Награжденному выдавалась также наградная грамота с изображением знака «Оберланда» в левом (а не в правом, как почему-то указывал в своих воспоминаниях руководитель «Оберланда» доктор Фридрих Вебер). Приводим ниже текст этой наградной грамоты:

Оригинальный немецкий текст:

URKUNDE

Dem Herrn...

Ist fuer hervorragende Verdienste um Oberland
das Oberlandbewaehrungszeichen heute verliehen worden.

Muenchen...

Bundsvorsitzender

Перевод текста наградной грамоты на русский язык:

«ГРАМОТА

Господину (имярек)

был за выдающиеся заслуги перед «Оберландом»

Знак Заслуг «Оберланда» №...

сегодня вручен

Мюнхен (дата, месяц, год).

Председатель Союза (в правом нижнем углу – В. А.)»

«Знак Заслуг», как и другие знаки, учрежденные впоследствии руководителями Союза «Оберланд» – не имел статуса государственной награды, а носил чисто частный характер. После прихода к власти в Германии национал-социалистов в 1933 году и принятия Закона об орденах все эти знаки не разрешалось носить на военной, полицейской или партийной форме. Правда, руководству СА (штурмовых отрядов гитлеровской партии НСДАП) удалось добиться исключения (в форме специального разрешения) для «оберлендеров», ставших членами СА. В этом специальном разрешении говорилось:

«3.3. (Знак Заслуг) Союза «Оберланд» на протяжении многих лет присуждается этим Союзом за особые заслуги перед Союзом и участие в его боевых действиях в Германии. Я разрешаю ношение этого знака со служебной формой. В соответствии с волей учредителя награждение 3.3. производится только после точнейшей проверки того, достоин ли кандидат награждения. Проверку я поручил имперскому руководителю (рейхсфюреру) зарегистрированного объединения «Союз «Оберланд», Мюнхен, Габельберггерштрассе 41/1, по каковому адресу и надлежит направлять все прошения о награждении знаком. После проведения проверки Союзу «Оберланд» надлежит известить о награждении знаком соответствующий штандарт (полк СА, в котором состоит награжденный – В. А.). На основании данного согласования штандартам надлежит указать в членской книжке (награжденного «Знаком Заслуг» штурмовика СА – В. А.) разрешение на ношение 3.3. (на униформе СА – В. А.)».

По данным доктора Вебера

Доктор Фридрих Вебер, участник мюнхенского «путча Гитлера-Людендорфа» (8-9 ноября 1923 года), на протяжении многих лет возглавлявший Союз «Оберланд», в ноябре 1938 г. (будучи министриаль-директором в

имперском министерстве внутренних дел), в своем ответе историку доктору Клитману, собиравшему сведения о знаках добровольческих корпусов, писал, в частности, следующее:

«Знак Заслуг «Оберланд» был учрежден не добровольческим корпусом, а Союзом «Оберланд» в ноябре 1921 года, одновременно с учреждением Союза «Оберланд».

Добровольческий корпус «Оберланд» пришлось расформировать, как и все прочие немецкие добровольческие корпуса, по требованию Антанты, в сентябре 1921 года. Вместо него было учреждено и в надлежащем порядке зарегистрировано одноименное объединение, цели которого практически не отличались от целей распущенного добровольческого корпуса, однако способное к более всестороннему развитию (что конкретно имел в виду доктор Вебер, не совсем ясно – *В. А.*), чем добровольческий корпус – Союз «Оберланд». Одновременно с учреждением этого Союза был учрежден Знак «Оберланд-да» за особые заслуги в освободительной борьбе Германии. Его официальное название: «Знак Заслуг «Оберланда» (нем.: «Оберланд-Бэверунгсцейхен»). Документ об учреждении Знака заслуг, как и соответствующий Приказ по Союзу, имелись в наличии, но были 09.11.1923 года (после подавления «путча Гитлера-Людендорфа» баварскими сепаратистами – *В. А.*), вместе с прочими материалами, конфискованы полицией, перевезены в Дирекцию полиции г. Мюнхена и не возвращены даже после отмены запрета «Оберланда» (25.02.25). В ходе поисков материалов «Оберланда» в 1933 году (после прихода Гитлера к власти – *В. А.*) мне пришлось убедиться в том, что все документы, касавшиеся «Оберланда» и хранившиеся в Дирекции полиции г. Мюнхена, пропали бесследно.

В Документе об учреждении Знака Заслуг содержались определенные директивы относительно присуждения Знака Заслуг, из которых явствовало, что им должны были награждаться, прежде всего, члены Союза, сражавшиеся за Германию после войны с оружием в руках, а также

члены Союза, добившиеся выдающихся достижений в деле достижения целей Союза и выполнения его задач. Право присуждения Знака Заслуг принадлежало Вождю Союза (Бундесфюреру).

Награждения Знаком заслуг «Оберланда» происходили в период с ноября 1921 до Пасхи 1929 года. В виде исключения несколько награждений были произведены в 1933-1934 гг. Знаком награждались, в первую очередь, бойцы «Оберланда», отличившиеся в боях за Верхнюю Силезию в 1921 году, участники акции «Гейнц Орбис» в Пфальце (в декабре 1923 года), а также участники борьбы за Рейнскую область (прежде всего – на Руре) в 1923-1924 гг., а, кроме того, «оберлендеры», получившие ранения 09.11.1923 года (в дни мюнхенского «путча Гитлера-Людендорфа» – *В. А.*) и особенно отличившиеся участники акции 8-9.11.1923 (упомянутого выше путча – *В. А.*). В общей сложности было вручено около 800 Знаков заслуг «Оберланда». Кроме «оберлендеров». Знак был вручен Фюреру и имперскому канцлеру (Адольфу Гитлеру – *В. А.*) и Начальнику штаба (штаб-шефу) Союза, подполковнику в отставке Крибелю (09.11.1923).

Я не могу припомнить еще каких-либо распоряжений относительно «Знака Заслуг “Оберланда”».

На дополнительные вопросы, содержащиеся в очередном письме доктора Клитмана, доктор Вебер дал в своем письме от 25 ноября 1938 г. следующие ответы:

«Я не могу сообщить Вам, во всяком случае, в настоящее время, точную дату учреждения (Союза «Оберланд» и его «Знака Заслуг»– *В. А.*)... Однако его учреждение состоялось не в ноябре, а 25 или 28 октября 1921 года.

– Насколько мне не изменяет память, документ об учреждении «Знака Заслуг» был подписан тогдашним Руководителем Союза (Бундеслейтером) и капитаном Ремером.

– Выражение «за особые заслуги в деле освободительной борьбы Германии» взято из документа

об учреждении («Знака Заслуг» – В. А.).

– Награжденным вручалась наградная грамота, содержащая текст на белой, картонированной бумаге, с эдельвейсом на голубом поле в правом верхнем углу.

– Велся список награжденных, в соответствии с выбитыми на оборотной стороне «Знака заслуг» порядковыми номерами, заносившимися также в наградную грамоту».

Следует заметить, что из списка награжденных «Знаком Заслуг «Оберланд» после 1933 года были вычеркнуты фамилии ветеранов-фрейкоровцев Йозефа Ремера и Гейнца Оскара Гауэнштейна, как противников Гитлера и возглавляемой им НСДАП. Правда, со временем фамилия Гауэнштейна была по каким-то причинам возвращена в список награжденных.

Члены Союза «Оберланд», способные носить оружие и награжденные «Знаком Заслуг», были объединены в строго организованный и действовавший в обстановке строгой секретности «союз внутри союза» (о существовании которого другим членам «Союза «Оберланд», не входившим в этот «внутренний круг», ничего не было известно).

«Знак заслуг» (З.З.) представлял собой ромб с изображением цветка эдельвейса на голубом поле (современниками было многократно засвидетельствовано ношение «оберлендерами» петличных знаков в форме цветка эдельвейса, а также касок с нанесенным масляной краской изображением эдельвейса). Награжденное знаком лицо официально именовалось «носителем» (нем.: «трэгер», Traeger) «Знака Заслуг». Рядовые члены Союза «Оберланд» носили «Знак Заслуг» под левым лацканом, а руководители земельных, окружных и муниципальных представительств Союза – на правом лацкане. Чем объясняется это обстоятельство, нам до сих пор выяснить не удалось.

В случае нарушения Устава организации, совершения уголовно наказуемых преступлений, недостойного

поведения и других поступков, вредивших имиджу «Оберланда», члены Союза, награжденные «Знаком Заслуг», могли быть, по решению Почетного совета «Оберланда» («суда чести и совести») лишены этой награды руководителями ее земельных, окружных и муниципальных представительств (навсегда или на определенное время). Причем существовало 2 варианта процедуры лишения награды:

1) лишение награжденного награды руководителем, без присутствия третьих лиц;

2) лишение награжденного награды руководителем в присутствии собрания лиц, награжденных «Знаком Заслуг».

Автором проекта «Знака Заслуг» был ветеран добровольческого корпуса «Оберланд» профессиональный художник Карл Дибич – будущий профессор и разработчик униформы и символики СС, автор штандарта полка личной охраны фюрера Третьего рейха («Лейбштандарта СС Адольфа Гитлера»), дослужившийся в «Черном Ордене» Генриха Гиммлера до оберфюрера. Сам он вспоминал о разработке «Знака Заслуг» в следующих выражениях:

«В основе созданного мной проекта («Знака Заслуг» – *В. А.*) тогда лежали следующие идеи: эдельвейс, как знак добровольческого корпуса «Оберланд», на голубом поле должен был напоминать о происхождении добровольческого корпуса, а именно – о Баварии» (белый и голубой – геральдические цвета Баварии – *В. А.*).

В свете вышеизложенного, совершенно необоснованными представляются предположения некоторых авторов, согласно которым эдельвейс на «Знаке Заслуг» указывал на то, что чины добровольческого корпуса «Оберланд» в годы Мировой войны служили в Баварском Альпийском (горнострелковом) корпусе. Кстати, в большинстве случаев они в нем как раз не служили. Правда, и сам профессор Дибич высказывал не обоснованное предположение, что существовали (или, по крайней мере, были задуманы) 2 степени (класса)

спроектированной им награды. По его мнению, знак 1-й степени предназначался для ношения на левой стороне груди (по аналогии с Железным крестом 1-й степени). К сказанному он счел необходимым добавить следующее:

«Мне ничего не известно о существовании положений о награждении («Знаком Заслуг» – *В. А.*) в письменном виде, потому что в период моей службы в добровольческом корпусе награждения производились крайне редко, как, впрочем, и на поле боя, перед лицом противника, очень редко вручались награды 1-й степени».

В данном случае Карл Дибич ошибался, ибо в период существования добровольческого корпуса «Оберланд» награждения «Знаком Заслуг» не производились вообще, да и не могли производиться, поскольку, как мы уже знаем, «Знак Заслуг» был учрежден только в момент создания Союза «Оберланд» (или несколько позднее), в конце 1921 года. А Союз «Оберланд», хотя и произошел от добровольческого корпуса «Оберланд», все-таки не был полностью идентичен последнему. Кстати, данное обстоятельство часто игнорировалось не только различными авторами, но даже, как это ни странно, бывшими членами «Оберланда» (может быть, в силу преклонного возраста последних).

3. «Знак Заслуг» «Оберланда» с точки зрения фалеристики

Внешний вид «Знака Заслуг»

Знак Заслуг Союза «Оберланд» состоит из вертикального ромба – геральдической фигуры, распространенной в Баварии со времен раннего Средневековья, часто встречающейся на баварских знаменах и гербах. Аверс ромба (размером 45[^]31,5 мм) покрыт голубой эмалью. В центре ромба расположен белый цветок эдельвейса с 8 лепестками (неодинаковой величины) и светло-желтой сердцевинкой (4 тычинки неодинакового размера). Аверс ромба обрамлен узкой посеребренной каймой.

До наших дней дошли «Знаки Заслуг «Оберланда» 3-х типов.

1-й тип. Реверс гладкий, с припаянной (по вертикали) булавкой посередине. Слева от булавки на гладкой поверхности реверса заглавными латинскими литерами по вертикали выгравирована надпись «ДЕШЛЕР И СЫН» (нем.: DESCHLER U. SOHN), а строчкой ниже (также по вертикали): «МЮНХЕН» (нем.: MUENCHEN). Справа от булавки аналогичным образом располагается надпись: «ЗАЩИЩЕНО» (авторским правом – В. А.), нем.: GESCHUETZT, а строчкой ниже – порядковый номер наградного матрикула.

2-й тип. На реверсе ромба аналогичная надпись расположена под булавкой, DESCHLER u. SOHN, вместо «МЮНХЕН» выгравировано «МЮНХЕН 9», а номер наградного матрикула отсутствует.

3-й тип. Вдоль булавки слева выгравирована надпись: «ДЕШЛЕР/МЮНХЕН/9» (нем.: DESCHLER/MUENCHEN/9), а справа, в 2 строчки: «ЗАЩ(ИЩЕНО – В. А.). ЗАЩ»(ИЩЕНО – В. А.) (GESCHGESCH.). Номер наградного матрикула отсутствует.

Скорее всего, экземпляры без порядкового номера на реверсе являются подделками (или же не были вручены в надлежащем порядке, а возможно, были изготовлены по заказу награжденных позднее – например, после утери ими «уставных» знаков, в период, когда Союз «Оберланд» уже был распущен), поскольку точно известно, что Правлением Союза «Оберланд» велся список (матрикул) награжденных, и к каждому выданному знаку полагалась наградная грамота за тем же номером, что и выданный знак.

До наших дней дошли и миниатюрные, «фрочные» знаки (размером 24x12 мм), о которых в Положении о «Знаке Заслуг «Оберланда» не сказано ровным счетом ничего.

Материал, размеры, изготовитель

«Знаки Заслуг «Оберланда» были изготовлены из бронзы (реже – из меди), серебрились, а реверс их покрывался эмалью (цветок эдельвейса – белой и желтой, поле – голубой). Знак имел в высоту 45 мм, в ширину – 31,5 мм. Изготовителем знаков была мюнхенская ювелирная фирма «Дешлер и сын» (нем.: Deschler & Sohn). Мастерская этой фирмы была разрушена англо-американскими бомбардировщиками в конце Второй мировой войны. В ходе бомбардировок были уничтожены и штампы для изготовления «З.З.». Уже после окончания войны другая мюнхенская фирма, «Лерх» (нем.: Gg. Lerch) вплоть до начала 70-х гг. XX века изготовила, по заказу ветеранов «Оберланда», утративших свои «Знаки Заслуг», некоторое количество знаков-«новоделов». Последние отличались от оригиналов меньшими размерами (46x30 мм) и материалом (они были также изготовлены из бронзы, но не посеребренной, а позолоченной). Эмалевое покрытие аверса по расцветке соответствовало оригиналу.

Серебряный «Знак Заслуг» «Оберланда»

До наших дней дошел «Знак Заслуг «Оберланда», изготовленный целиком из серебра. О нем ходят слухи, будто он принадлежал самому Адольфу Гитлеру. И в самом деле, Гитлер, по сообщению доктора Фридриха Вебера, был, по решению руководства Союза «Оберланд», награжден «почетным знаком Союза». Правда, неизвестно, носил ли Гитлер когда-либо этот знак. Уже упоминавшийся нами член руководства СС, профессор Карл Дибич, входивший в круг приближенных Адольфа Гитлера, считал это предположение не далеким от истины, допускал, что этот знак действительно мог принадлежать Гитлеру. Возможно, серебряный «Знак Заслуг» мог быть изготовлен в мюнхенской ювелирной мастерской супругов Яр, близко знавших Гитлера. Ювелир Яр был одним из лучших серебряных дел мастеров г. Мюнхена и всей Баварии. По мнению Карла Дибича, Гитлер никогда (или почти никогда) не носил присужденный ему серебряный «Знак Заслуг», поскольку был решительным противником участия «Оберланд» в боевых действиях против поляков в Верхней Силезии. Дибич вспоминал о том, какой ледяной прием оказал ему Гитлер в 1921 году, когда художник (являвшийся членом НСДАП) явился к нему сообщить о том, что отправляется в Верхнюю Силезию в рядах фрейкора «Оберланд».

Вообще Адольф Гитлер крайне холодно относился к «Оберланду». Так, например, во время мемориальных траурных маршей к «Галерее (Залу) полководцев» («Фельдгеррнгалле») 9 ноября, в годовщину мюнхенского «путча Гитлера-Людендорфа» (в свою очередь приуроченного, между прочим, к пятой годовщине Ноябрьской революции 1918 года), ничто не напоминало об «Оберланде», хотя «оберлендеры» приняли активное участие в путче 1923 года и составляли немалую часть маршевой колонны путчистов, расстрелянных на площади Одеонсплатц перед Галереей полководцев 9 ноября 1923 г. рейхсвером и «зеленой» полицией «бело-голубых» баварских сепаратистов Густава Риттера фон Кара. В тот день от пуль рейхсверовцев погиб и знаменосец Союза «Оберланд», Клаус фон Папе. Между тем, начиная с 1933 года, в траурных маршах в Мюнхене принимал участие

только эсэсовец Якоб Гриммингер, несший так называемое «Окровавленное знамя» (нем.: «Блутфане») НСДАП (которое 9 ноября 1923 года было залито кровью несшего его баварца Андреаса Бауридля, погибшего от пуль солдат фон Кара). Об «Оберланде» же ничто не напоминало (возможно, в связи с переходом «Беппо» Ремера и его приверженцев в стан немецких национал-большевиков).

Период награждения «Знаками Заслуг» «Оберланда» и количество выданных знаков

Регулярные награждения «Знаком Заслуг» производились в период с ноября 1921 до Пасхи 1929 года. В последующие годы (1932-1934) бывшим Вождем (Фюрером) Союза «Оберланд», доктором Фридрихом Вебером (впоследствии – главным врачом-ветеринаром «Третьего рейха»), было произведено несколько отдельных награждений. Относительно числа награжденных мнения исследователей расходятся. Если верить самому доктору Фридриху Веберу (кому бы, казалось бы, лучше знать!), «Знаком Заслуг» было награждено около 800 человек. По мнению ветерана «Оберланда» Карла Грисмайера, самого награжденного «Знаком Заслуг», число награждений «не превышало 1500». Упомянувшийся выше исследователь доктор Клитман, ссылаясь на наличие знаков с соответствующими номерами, считал, что их было выдано «не более 1800». Между тем, до наших дней дошли знак (вне всякого сомнения, подлинный) под № 1858 и подписанная лично доктором Фридрихом Вебером наградная грамота под № 1993 от 19.06.1933 года! В общем, как говорится, «темна вода во облацех...»

«Знак Заслуг» «Оберланда» с мечами

До наших дней дошло несколько экземпляров «Знака Заслуг «Оберланда», отличающихся от «уставного»

варианта тем, что голубой ромб с белым эдельвейсом наложен на 2 перекрещенных серебряных обнаженных меча остриями вверх. Следует заметить, что официально никакого «З.З. с мечами» никогда не существовало. Как впрочем, и «З.З. с дубовыми листьями» (а ведь такие экземпляры дошли до наших дней). Правда, вопрос «З.З. с мечами» сложнее, поскольку этот знак покрыт такой же желто-бело-голубой эмалью, как и «уставной». Причем, реверс знака с мечами абсолютно гладкий, безо всяких надписей. А вот «З.З. с дубовыми листьями» отличается от «уставного» варианта. Его аверс покрыт не голубой, а красной эмалью. В центре ромба изображен белый цветок эдельвейса, соответствующий по форме «уставному», однако не с желтой, а с черной сердцевинкой. Нижняя часть ромба обрамлена двумя позолоченными дубовыми веточками. Знак имеет размеры 47,9x32,32 мм. На реверсе знака выгравирована надпись «ДЕШЛЕР и СЫН» (нем.: DESCHLER u. SOHN).

Что же касается «З.З. “Оберланда” с мечами», то не исключена возможность его учреждения какой-либо фракцией «Оберланда», отколовшейся от «головной» организации Союза, постоянно сотрясаемой внутренними конфликтами на протяжении всей своей истории. В результате этих внутренних распрей «бунтовщики» и «фракционеры» исключались из Союза, но при этом создавали собственные Союзы, являвшиеся, по их убеждению, «истинными хранителями и продолжателями традиций «Оберланда». Нам, в России, это более чем знакомо...

Членский знак Союза «Оберланд»

Необходимо также заметить, что на протяжении всего существования Союза «Оберланд» его членам при вступлении выдавался членский знак, имевший форму ромба и вообще весьма походивший на «Знак Заслуг «Оберланда» (за исключением расцветки).

С конца 1921 по конец 1923 года членский знак Союза «Оберланд» покрывался золотисто-желтой (иногда – оранжевой) краской.

В 1925 году (когда объявленный после ноябрьского мюнхенского путча 1923 года запрет Союза «Оберланд» был снят) был введен новый членский знак, представлявший собой ромб, покрытый темно-красной эмалью, в центре которого находился белый цветок эдельвейса с 3 (а не с 4, как на «Знаке Заслуг») черными тычинками.

Отколовшаяся от «головного» Союза «Оберланд» и перешедшая на национал-коммунистические позиции фракция, именовавшая себя «Товариществом (нем.: «Камерадшафт») «Оберланд» и сплотившаяся вокруг Эрнста Никиша, в 1930 (или 1931) году учредила для своих сторонников особый членский знак, представлявший собой ромб, покрытый темно-коричневой (впоследствии – черной) эмалью с белым цветком эдельвейса (с 3 красными тычинками).

В послевоенной Германии (ФРГ) было создано Товарищество ветеранов добровольческого корпуса и Союза «Оберланд», для членов которого (не позднее 1960 года) был учрежден знак в виде ромба (более вытянутого по вертикали, чем довоенный), покрытого темно-красной эмалью, с белым цветком эдельвейса (с 3 черными тычинками).

Знак добровольческого корпуса «Оберланд» в память освобождения Мюнхена

Данная награда, как уже упоминалось выше, была учреждена «Обществом Туле» (связанным с фрейкормом «Оберланд» через его основателя, барона Рудольфа фон Зеботтендорфа унд

фон дер Роза), в качестве памятного знака, выдававшегося бойцам добровольческого корпуса «Оберланд», участвовавших в мае 1919 г. в освобождении

Мюнхена от войск Баварской Красной Армии. Знак имел форму покрытого черным лаком (или черной эмалью) «крюковидного креста» («гакенкрейца»-свастики) с укороченными верхними перекладинами, наложенного на белый уширенный крест (близкий своей формой к Железному кресту и изготовленный из серебра или из белого металла).

В центре черного «крюковидного креста» расположены 3 (выпуклые) руны-символа «Общества Туле» («Одаль», «Ингуз» и «Феху»). На верхней перекладине черного крюковидного креста выпуклыми заглавными латинскими литерами написано «ТУЛЕ» (THULE), на правой – «МЮНХЕН» (MUENCHEN), на нижней – «ОБЕРЛАНД» (OBERLAND), на левой – дата освобождения столицы Баварии от красных: «1 МАЯ 1919» (1. MAI 1919). Нижний, уширенный крест, в свою очередь, наложен на 2 скрещенных обнаженных меча (остриями вниз), изготовленных из того же самого металла, что и белый уширенный крест. Знак, изготовленный мюнхенской ювелирной фирмой Линднер (о чем свидетельствует надпись, выгравированная на реверсе (нем.: «Gg. Lindner») носился на вертикально припаянной к его реверсу булавке, имеет слегка выпуклую форму. Размеры

знака: 42,2 x 42, 2 мм, ширина лучей креста: 16,8 мм, длина мечей: 45,5 мм.

Доктор Клитман упоминал о наличии в его коллекции фрейковровских наград 2 «крестов «Общества Туле» 1919 года, один из которых принадлежал капитану Эстрейхеру – ветерану «Оберланда» снискавшему себе особую известность в качестве командира ударной роты «оберлендеров», сыгравшей решающую роль в победе над поляками при Аннаберге в 1921 году, в ходе обороны Верхней Силезии.

Данным знаком награждались члены «Общества Туле», принимавшие участие в освобождении Мюнхена от красных в рядах добровольческого корпуса «Оберланд». Для «Туле» это событие (и последовавшие за ним карательные меры в отношении сторонников Баварской Советской Республики) носило характер «праведной мести», поскольку в период власти Советов в Мюнхене были расстреляны 8 (по другим сведениям – 9) членов «Общества Туле», взятые красными в качестве заложников. На траурной церемонии, посвященной памяти расстрелянных, барон Рудольф фон Зеботтендорф назвал их «первыми мучениками, пролившими свою кровь за крюковидный крест».

Что же нам еще остается сказать об «Оберланде» и «оберлендерах»?

Добровольческий корпус «Оберланд» и пришедший ему на смену одноименный Союз представляли собой, в отличие от многих других добровольческих корпусов, не случайное, Кратковременное объединение национально мыслящих бойцов. Это были настоящие союзы единомышленников, в истории которого наглядно отразились разброд и шатания в среде немецкой молодежи, характерные для всего периода недолговечной «Веймарской республики». На многих из дошедших до нас фотографий «оберлендеров» они запечатлены в форме

организаций НСДАП. Немало членов Союза «Оберланд», верных духу одноименного, добровольческого корпуса, приняли участие в мюнхенском «путче Гитлера-Людендорфа» (известном также как «пивной путч») 8-9 ноября 1923 года. В рядах Оберланда числились такие видные нацисты, как будущий командир «Лейбштандарта СС Адольфа Гитлера» Йозеф Дитрих, будущий начальник Главного Имперского Управления Безопасности (РСХА) Эрнст Кальтенбруннер и др. Но можно ли на основании всех этих несомненных фактов назвать «Оберланд» как таковой национал-социалистической группировкой *par excellence*?

Ответить на этот вопрос однозначно мешают иные, столь же несомненные, исторические факты – например, наличие в рядах Союза фракции «Беппо» Ремера – ярого противника Гитлера и НСДАП, казненного национал-социалистами в 1944 году после многолетнего (двукратного) заключения в концентрационном лагере.

Союз «Оберланд» не мог не распасться, и действительно распался, когда большинство его членов в начале 30-х гг. XX века оказалось расколотым на фракции, придерживавшиеся самых разных политических взглядов и направлений. Решающим фактором распада Союза стала также изменившаяся внутривнутриполитическая обстановка в Германии, переставшей, после прихода Гитлера к власти, оставаться ареной то тайно, то явной гражданской войны, для ведения которой требовались добровольцы. С приходом к власти НСДАП, открыто заявившей о своем непризнании Версальского диктата, стала ненужной и как бы «лишней» главная уставная цель Союза «Оберланд», заключавшаяся в «освобождении Германии от пут Версаля».

Надо сказать, что рейхсфюрер (имперский руководитель) СС Генрих Гиммлер (сам бывший фрейкоровец, служивший (хотя и недолго) в белом добровольческом корпусе «Имперский Военный Флаг» («Рейхскригсфлагге») и принявший участие в мюнхенском «путче Гитлера-Людендорфа» 8-9 ноября 1923 года именно в качестве боевика этого фрейкора,

сделал Союзу «Оберланд» предложение, перейти в полном составе в ряды возглавляемого им «Черного Ордена» (как это сделал другой, не менее известный, добровольческий корпус – «Военно-морская бригада Эргардта»). Однако руководство Союза «Оберланд» на это по каким-то причинам не пошло.

В заключение нам представляется небезынтесным привести мнение немецкого «национал-большевика» Эрнста Никиша о Союзе «Оберланд», высказанное им в своих «Мыслях о германской политике»:

«Лишь небольшая часть поколения фронтовиков смогла вырваться из пут связей с отжившими свое порядками; она объединилась в немногочисленные группы. Наиболее решительным и мужественным из этих союзов, был, возможно «Оберланд». В его рядах пережитое на фронте не выродились в самодовольные воспоминания о войне, на которой все были, якобы, настоящими героями!; в нем культивировалось восприятия пережитого на фронте как призыв к совести фронтовиков, с таким же бесстрашием, как на войне, смотреть в лицо роковой действительности, мужественно одобряя и принимая самые необычные решения, лишь бы они были необходимы Германии».

Приложение 2. Тирольцы в Силезии.

Из истории малоизвестного австро-германского добровольческого корпуса и его наградного знака

1. Тирольский штурмовой взвод

В мае 1921 года в числе белых германских добровольческих корпусов (фрейкоров) в боях с польскими (или «белопольскими», выражаясь языком советских газет той поры) инсургентами в Верхней Силезии принял участие и так называемый «Тирольский штурмовой взвод» (нем.: «Штурмцуг Тироль», Sturmzug Tirol), переименованный впоследствии в «Штурмовую роту «Немецкая Австрия» (нем.: «Штурмкомпани Дейчэстеррейх»). Этот штурмовой взвод, вошедший в состав баварского добровольческого корпуса «Оберланд», состоял, главным образом, из австрийских студентов – вчерашних офицеров-фронтовиков Императорской и Королевской армии австро-венгерской монархии Габсбургов.

3 мая 1921 года в Верхней Силезии (германской провинции, населенной подданными Германии как немецкой, так и польской национальности) произошло инспирированное Антантой «польское народное восстание» (уже третье по счету). Польские повстанцы, взорвав почти все мосты через реку Одер (по-польски: Одру), отделявшую провинцию от остальной Германии, захватили обширные территории, чтобы «исправить» в пользу свежеепеченного нового европейского государства – «панской» Польши – результаты проведенного среди силезского населения плебисцита (референдума), в ходе которого большинство жителей провинции (как немцев, так и поляков) высказалось за сохранение ее в составе Германского рейха. Настал великий час для немецких добровольческих корпусов, призванных на помощь сформированным в городе Бреслау

(Бреславле, по-польски: Вроцлаве) «Центром Самообороны Верхней Силезии», ЦСВС (нем.: Selbstschutz Oberschlesien, SSOS). Без помощи фрейкоров Верхняя Силезия непременно досталась бы белополякам, поскольку имперское (центральное) правительство Германии и, соответственно, его вооруженные силы (рейхсвер), под сильнейшим нажимом Антанты – покровительницы «панской» Польши – отказались от всякого вмешательства в дела далекой провинции. Призыв о помощи не остался неуслышанным. В скором времени члены добровольческих корпусов (хотя, в массе своей, очень плохо вооруженные и в гражданской одежде), начали в большом количестве прибывать в Восточную Силезию.

Когда австрийские студенты университета старинного города Инсбрука, расположенного в живописных горах Тироля, как всегда, коротавшие вечер в кафе «Макс», узнали о нападении польских инсургентов на Верхнюю Силезию, эта новость и просьба ЦСВС о помощи произвели эффект разорвавшейся бомбы. Поначалу огромное число волонтеров, принадлежавших ко всем академическим (студенческим) корпорациям, объявило о своей готовности немедленно покинуть университетский город Инсбрук и отправиться на защиту Верхней Силезии. В описываемое время австрийцы считали себя немцами. Парламент «Немецкой Австрии» («Дейчэстеррейх» – так официально называлась австрийская часть распавшейся в результате поражения в мировой войне Двуетной австро-венгерской монархии Габсбургов), в 1918 году принял постановление о присоединении Австрии к Германской республике, однако статья 88 навязанного Антантой австрийцам Сен-Жерменского договора запретила Австрии объединяться

(а фактически – воссоединяться) с Германией. Когда первый порыв энтузиазма прошел, часть студентов, пожелавших выступить на войну с поляками, передумала, и в Силезию направилась только группа членов корпорации «Ретия». Под командованием студента Людвиг Дракслера (возглавлявшего впоследствии, в

1935-1936 гг., австрийское министерство финансов при диктаторе Энгельберте Дольфусе, прозванном острыми на язык австрияками, за непомерные политические амбиции и малый рост, «Миллиметтернихом») инсбрукские добровольцы прибыли в столицу Баварии Мюнхен, чтобы там присоединиться к одному из отбывавших в Верхнюю Силезию баварских добровольческих корпусов. После продолжительных переговоров с руководством добровольческого корпуса «Оберланд», австрийские волонтеры вошли в его состав. Корпус («Ландфане») «Оберланд», отличившийся в кровавом 1919 году при разгроме Баварской Советской Республики и освобождении Мюнхена от красных, поставивший себе целью защищать всю территорию Германского рейха, сумел не только пробиться в Верхнюю Силезию, но и доставить туда крупную партию винтовок и пулеметов (и частей к ним), а также несколько артиллерийских орудий. Университетские власти Инсбрука всецело одобрили и поддержали участие инсбрукских студентов в этой рискованной военной экспедиции.

В период своего пребывания в Мюнхене австрийские добровольцы вступили и в контакт с лидером Национал-Социалистической Германской Рабочей Партии (НСДАП) Адольфом Гитлером, своим земляком. Но, вопреки ожиданиям, урожденный австриец Гитлер отказался направить членов своей партии драться с поляками в Верхней Силезии, не приведя при этом веских (по крайней мере с точки зрения австрийских фрейкоровцев) аргументов. Впоследствии один из австрияков, участвовавших в переговорах с Гитлером в Мюнхене – князь Эрнст-Рюдигер фон Штаремберг, в своих мемуарах, изданных в Вене и Мюнхене в 1971 году, вспоминал о нем в следующих выражениях: «Это был очередной партийный идиот, смотрящий на все только через партийные очки и не способный мыслить в масштабах всего Отечества и всей Нации, выходя за рамки своих узко партийных интересов» (Starhemberg Fuerst Ernst Ruediger. Memoiren, Wien/Muenchen, 1971, S. 80). Данная уничтожающая характеристика не помешала, впрочем, князю Штарембергу впоследствии сблизиться с Гитлером

и даже принять участие в мюнхенском «пивном» путче Гитлера-Людендорфа 8-9 ноября 1923 года. Но это так, к слову...

12 мая 1921 года группа инсбрукских студентов-добровольцев прибыла в верхнесилезский город Краппитц – пункт сбора частей добровольческого корпуса «Оберланд». Там австрийские волонтеры изготовили для своего отряда боевое знамя (нем.: Штурмфане), сшитое из двух полос ткани – зеленой и белой – красной масляной краской изобразив в центре полотнища герб австрийской провинции Тироль – одноглавого орла. Этот пробитый пулями в боях, примитивный, изготовленный довольно-таки неловкими руками студентов стяг со временем стал одним из символов войны, которую немецкие фрейкоры вели с превосходящими силами белополяков в Верхней Силезии за свободу этой провинции, о которой еще прусский «король-философ» Фридрих Великий как-то сказал: «Отличная земля эта Силезия, за нее стоит воевать». По иронии судьбы, в свое время именно Фридрих Великий («Старый Фриц»), в ходе нескольких, так называемых «Силезских», войн, отнял Силезию у Австрии и присоединил ее к Пруссии! Впрочем, в 1921 году об этом мало кто вспоминал. После возвращения тирольцев в родной Инсбрук они передали свое боевое знамя на вечное хранение в Тирольский земельный музей. К сожалению, за прошедшие с момента передачи бурные десятилетия знамя куда-то пропало. Но это так, к слову...

«Тирольский штурмовой взвод» в составе 60 штыков был придан батальону самообороны капитана Людвиг Эстрейхера (I батальону фрейкора «Оберланд»), известному также как Боевая хоругвь (Штурмфане) «Тейя» (названная в честь последнего короля древнегерманского племени остготов Тейи, долго, хотя и безуспешно, оспаривавшего в VI веке власть над Италией у полководцев восточно-римского императора Юстиниана I Великого – Велизария и Нарзеса). Днем формирования батальона «Тейя» традиционно считается 11 мая 1921 года.

Австрийский добровольческий отряд составил отдельный взвод в составе 2-й роты I батальона фрейкора «Оберланд». Командиром 2-й роты батальона «Тейя» был ветеран боев в Прибалтике («балтикумкемпфер», или просто «балтикумер») лейтенант Карл Дибич (будущий профессор и разработчик символики СС). Интересно, что командиром Тирольского штурмового взвода в составе 2-й роты батальона «Тейя» был старший лейтенант (оберлейтенант) Людвиг Дракслер (подчинявшийся лейтенанту Карлу Дибичу, хотя и был старше его по званию; явление, типичное для добровольческих формирований той поры – причем не только в Германии, но и у нас в России). Капитан австрийской армии Вильгельм Грёгер стал адъютантом батальона «Тейя». После того, как старший лейтенант Дракслер выбыл из строя, Грёгер возглавил австрийский добровольческий отряд (который к описываемому времени вырос до размеров Штурмовой роты), командиром которого оставался до окончания боев с поляками в Верхней Силезии и роспуска формирования.

Командир батальона «Тейя» капитан Людвиг Эстрейхер (по прозвищу «Лулу») был офицером выдающейся отваги, но отличался довольно мрачным характером. Последнее обстоятельство не особенно сближало его со своими австрийскими подчиненными, людьми веселого, общительного нрава (хотя, по иронии судьбы, его фамилия «Эстрейхер» по-немецки означает «Австриец»)! После нескольких столкновений с «Лулу», Людвиг Дракслер, воспользовавшись своим ранением как поводом, сложил с себя командование Тирольским взводом «оберландовцев» (или, по-немецки, «оберлендеров») и покинул ряды I батальона. О характере капитана Эстрейхера и о его «чувстве юмора» (диаметрально противоположных характеру и чувству юмора подчиненных ему австрияков) наглядно свидетельствует следующий эпизод, описанный в «Иллюстрированной хронике добровольческого корпуса и союза «Оберланд», изданной в 1974 году в Мюнхене «Обществом ревнителей традиций добровольческого корпуса и Союза «Оберланд».

После взятия добровольцами «Оберланда» горы Аннаберг в Верхней Силезии (оплота польского сопротивления), Людвиг Эстрейхер приказал, ввиду усиливавшейся жары, похоронить валявшиеся повсюду трупы польских инсургентов в братской могиле. В похоронную команду он назначил исключительно местных жителей, высказавшихся в пользу присоединения Верхней Силезии к Польше (специально опрошенных на этот счет по его приказанию). В довершение всего Эстрейхер приказал установить на братской могиле деревянную табличку с издевательской надписью «Бандитам, павшим за свободу Верхней Силезии»... (Traditionshgemeinschaft der Freikorps und Bund Oberland (Hrsg.). Bildchronik zur Geschichte des Freikorps und Bundes Oberland. Muenchen 1974, S. 88).

С другой стороны, этот и схожие поступки можно правильно понять и оценить лишь в свете чудовищных зверств, совершавшихся некоторыми польскими инсургентами в отношении силезских немцев, что, разумеется, не могло не вызвать в последних ответных чувств ненависти и мести. Боевые действия в Верхней Силезии велись с беспощадной жестокостью, причем обеими враждующими сторонами.

Заняв исходную позицию для наступления в ночь на 21 мая 1921 года, Тирольский штурмовой взвод в 2:30, в составе первого эшелона поднявшегося в атаку батальона «Тейя» (в рядах которого сражался ветеран кайзеровских танковых войск Йозеф «Зепп» Дитрих – будущий командир эсэсовского полка личной охраны Гитлера, выросшего в годы Второй мировой войны до размеров 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт СС Адольфа Гитлера»), при поддержке горных орудий артиллерийской батареи старшего лейтенанта Шлагетера, пошел на штурм «священной» (как для поляков, так и для немцев Верхней Силезии) горы Аннаберг с расположенным на ее вершине древним католическим монастырем. После ожесточенного боя и отражения мощнейшей польской контратаки селение Аннаберг с монастырем, превращенным в настоящую крепость, были к полудню 21 мая взяты штурмом. К

половине первого были подавлены последние очаги сопротивления белополяков и помогавших полякам французских «военных советников». На монастырской колокольне был торжественно поднят германский флаг (причем не черно-красно-золотой республиканский, а черно-бело-красный монархический). При этом Вильгельм Грёгер лично звонил в монастырский колокол.

В последующие дни фрейковровцы успешно развивали наступление, пока положение польских инсургентов не стало совершенно катастрофическим. Штурмовой взвод захватил деревню Личиня, выйдя глубоко в тыл белополякам и продвинувшись до железнодорожной станции Канджин. Там тирольцы вошли в соприкосновение с фрейковровцами однорукого ветерана Великой (первой мировой) войны капитана Петера фон Гейдебрека, командира одноименного добровольческого батальона (позднее, в 1934 году, в знак признания заслуг последнего в борьбе с поляками, селение и станция были – до 1945 года – переименованы германскими властями в Гейдебрек).

В том же самом 1934 году Петер фон Гейдебрек (ставший к описываемому времени видным командиром гитлеровских штурмовиков – группенфюрером СА) был, вместе с другими лидерами «коричневорубашечников», по воле национал-социалистического руководства «Третьего рейха», расстрелян эсэсовцами во дворе мюнхенской тюрьмы Штадельгейм в «Ночь Длинных Ножей», как «участник путча Рёма» (при не выясненных до конца обстоятельствах). Однако городок и станция сохранили прежнее название Гейдебрек, что дало повод бывшим фрейковровцам, со свойственным им мрачноватым юмором (перераставшим порой в типичный «юмор висельников»), именовать станцию Гейдебрек станцией «У мертвеца» (нем.: «Бангоф Цум Тотен Манн»).

Будущий федеральный предводитель (бундесфюрер) австрофашистских штурмовых отрядов «геймвера» (или, в ином написании, «хаймвера») и министр внутренних дел Австрии в правительстве Вогуана (1930-1934), князь Эрнст-Рюдигер фон Штаремберг (ставший при диктаторе

Дольфусе его заместителем – вице-канцлером – лишенный в 1938 году, после присоединения Австрии к Германскому рейху, гражданства, вынужденный бежать за границу, поступивший на службу в британские Королевские Военно-Воздушные Силы и бомбивший немецкие и австрийские города), служил в описываемое время рядовым в Тирольском штурмовом взводе. Если верить его мемуарам, период боев в Силезии запомнился ему как череда незабываемых впечатлений и как время свежей, радостной, честной войны, которую вели добровольческие корпуса (нем.: «frisch-froehlicher, ehrlicher Freikorpskrieg») (Starhemberg, Op. cit., S. 48 ff.). Конечно, с современной точки зрения, подобная оценка может вызывать законные сомнения в своей объективности... Впрочем, это так, к слову...

После взятия городка и станции Канджин бои между немцами и поляками прекратились. Немецкие добровольцы считали их результаты удовлетворительными. Фрейкоры вышли на линию, хотя бы частично совпадавшую с будущей границей Германского рейха. 6 июня белополяки предприняли последнюю, отчаянную атаку с целью освободить из окружения тысячи попавших в «котел» инсургентов. Однако атакующие цепи жолнеров Жечи Посполитой полегли под огнем «оберлендеров», и в первую очередь – бойцов «Тирольской штурмовой роты». К 10 июня 1921 года части «Оберланда» оказались размещенными на достаточно удаленных друг от друга квартирах. Тирольцы были расквартированы в имении графа Штольберга-Штольберга Петерсвальдау. Первоначально граф не хотел пускать их на постой, но, узнав, что среди непрошенных квартирантов его гостеприимством пришли воспользоваться два баварских офицера – граф Вальдердорф и барон Штангель, бывших с ним в родстве, сменил гнев на милость.

В течение следующего квартала 1921 года капитан Грёгер постепенно распустил Штурмовую роту, которую к этому времени все именовали не иначе как «Штурмовой хоругвью «Немецкая Австрия» («Штурмфане

Дейчэстеррейх»). Постоянно уменьшающаяся численно, она была расквартирована в Петерсвальдау, затем в расположенной недалеко от имения графа Штольберга-Штольберга местечке Крейц-Габельшвердт, затем (после передачи Крейц-Габельшвердта полякам) – в городке Моозиннинг и, наконец, в монастыре Литгаль. А тирольские студенты, вслед за своим первым командиром Дракслером, вернулись на родину продолжать учебу в университете.

2. Наградной Орел Тирольского штурмового взвода

Наградной знак Тирольского штурмового взвода в составе батальона «Тейя» добровольческого корпуса «Оберланд» принадлежит к числу самых редких наградных, или памятных знаков, учрежденных командирами белых добровольческих германских корпусов периода 1918-1923 гг. Это, несомненно, связано, прежде всего, с крайней малочисленностью данного добровольческого формирования, насчитывавшего в начале своего боевого пути (под названием «Тирольского штурмового взвода») всего 60, а на «пике» своего развития – не более 120 штыков. Только эти 120 человек и могли по праву получить «Тирольского орла». Разумеется, не исключена возможность награждения «Тирольским орлом» не только чинов «Тирольского взвода» («Тирольской роты»), но и соратников тирольских волонтеров, их товарищей по оружию из состава других фрейкоров, сражавшихся с ними плечом к плечу. В пользу данного предположения свидетельствует факт награждения «Тирольским орлом» лейтенанта Гельмута Клейбера (пруссака из Потсдама) и Ганса Вебера, рядового добровольца 1-й роты I батальона (Штурмового батальона, или Штурмовой хоругви «Тейя»). Как уже упоминалось выше, «Тирольский штурмовой взвод» входил во 2-ю роту этого батальона.

Наградной знак тирольских волонтеров официально именовался «Тирольским орлом с мечами Тирольского Штурмового взвода» (нем.: *Tiroler Adler mit Schwertern des Sturmzuges Tirol*). Знак представлял собой геральдическое изображение смотрящего влево коронованного одноглавого орла (герба австрийской коронной земли, или провинции, Тироль), изготовленное из желтого металла и покрытое карминно-красной эмалью. Под голову орла был подложен покрытый зеленой эмалью лавровый венок в форме полумесяца (рогами вверх). На груди орла располагались 2 горизонтальные изогнутые позолоченные ленты, образующие как бы овал. На верхней ленте была

расположена выполненная латинскими литерами надпись «IM KAMPFE FUER» («В БОРЬБЕ ЗА»), на нижней – «OBERSCHLESIEN» («ВЕРХНЮЮ СИЛЕЗИЮ»). Над головой орла, увенчанной короной, было закреплено круглое металлическое «ушко», в которое продевалась зелено-бело-зеленая лента. К ленте были прикреплены 2 позолоченных скрещенных обнаженных меча из желтого металла.

Следует отметить, что красный одноглавый орел являлся гербом Тироля на протяжении – как минимум – тысячи лет. Традиция его использования в качестве военной эмблемы также насчитывает немало столетий. Так, Тирольский орел был эмблемой знаменитых Тирольских Императорских Стрелков (нем.: Тиролер Кайзерегер). В годы Великой (Первой мировой) войны 1914-1918 гг. отборные части тирольских стрелков (нем.: Тиролер Штандшютцен) носили петличные знаки в форме серебряных петличных тирольских орлов.

На знаке отсутствовали указания на изготовителя и на место изготовления. Знак имел ширину и высоту 40 мм, высота знака с «ушком» составляла 50 мм. Лента

трапециевидной формы имела длину 24 мм, ее вертикальные полосы (зеленая-белая-зеленая) имели ширину 8 мм каждая.

Памятный знак Орла Тироляского штурмового взвода имел 2 класса (степени):

1. В обычном исполнении (описанном выше, для ношения на нагрудной ленте);

2. Степень Большого Тироляского орла (нем.: «Гроссадлер фон Тироль»).

Большой Тироляский орел считался высшей степенью награды. Как он выглядел, сегодня доподлинно не известно. Автору данных строк до сих пор не приходилось видеть ни в натуре, ни в печатных или электронных каталогах этот чрезвычайно редкий наградной знак. Однако капитан Грёгер, командир Штурмового взвода (Боевой хоругви «Немецкая Австрия») после выбытия из строя старшего лейтенанта Дракслера, совершенно однозначно упоминает не только об учреждении Большого Тироляского Орла, но и о 3 случаях награждения им чинов вверенного ему добровольческого формирования (не считая командира батальона «Тейя»). Согласно Грёгеру, Большим Тироляским орлом были награждены:

1) капитан Людвиг Эстрейхер (командир батальона «Тейя»);

2) капитан Грёгер-Пани (адъютант батальона, а впоследствии – командир взвода);

3) старший лейтенант Дракслер (командир взвода);

4) лейтенант Кассио Кастельпьетра.

«Тироляский орел с мечами» был учрежден по единодушному решению всех чинов Тироляской штурмовой роты в день взятия Канджина и в связи с героической гибелью в бою добровольца Баума из Бреслау (являвшегося также студентом Инсбрукского университета). Знак был заказан в ювелирной фирме «Макс Рейх» в столице Силезии – городе Бреслау. Дракслер не был согласен с описанным нами выше

вариантом надписи («В борьбе за Верхнюю Силезию»). Он предложил украсить знак другой, более длинной, надписью: «Сынам Тироля за честь Германии» (нем.: «Tirols Soehnen fuer Deutschlands Ehre»). Но был выбран все-таки первый, более простой вариант, требовавший меньше времени на изготовление.

Одновременно в Бреслау было заказано новое знамя (поскольку старое было буквально изорвано пулями и осколками в клочья). Зелено-бело-зеленые цвета ленты «Тирольского орла» соответствовали старинным геральдическим цветам Тироля (еще более древним, чем восходящие к эпохе осады Акры в период Третьего Крестового похода красно-бело-красные цвета австрийского государственного флага).

Тирольские добровольцы носили на левом рукаве ромбовидную нашивку с изображением красного Тирольского орла. Новое знамя Штурмовой роты «Немецкая Австрия» было трехполосным (зелено-бело-зеленым), с красным тирольским орлом во все полотнище.

После возвращения тирольских волонтеров в Австрию они попытались побудить австрийские власти приравнять «Тирольского орла» к официальным наградам австрийской федеральной земли Тироль, в чем, однако, не преуспели.

В заключение следует еще добавить, что было засвидетельствовано несколько случаев ношения «Тирольского орла» не на зелено-бело-зеленой «тирольской», а на красно-белокрасной «австрийской» ленте (с широкой белой вертикальной полосой по центру и 2 узкими красными вертикальными полосками по краям ленты; на некоторых дошедших до нас экземплярах «Тирольских орлов» на «австрийской» ленте красные полоски от времени выцвели до почти оранжевого цвета). Кроме того, на сохранившейся фотографии князя Эрнста-Рюдигера фон Штаремберга среди орденов и медалей на его груди ясно виден «Тирольский орел» на ленте не с 3, а с 2 вертикальными полосами. До сих пор мы не смогли найти вразумительное объяснение этому феномену.

Приложение 3. О бригаде Эргардта

Крюковидный крест на
касках,
В лентах черно-бело-
красных...

Марш бригады Эргардта

Хорошо известно, что все первые телохранители лидера Национал-Социалистической Германской Рабочей Партии (НСДАП) Адольфа Гитлера, входившие в его «Штабную охрану» («Штабсвахе»), являвшуюся, по сути дела, «зародышем» будущего Шуцштаффеля (СС), были выходцами из рядов добровольческой 2-й (Вильгельмсгафенской) военно-морской бригады Эргардта. Однако степень осведомленности современных российских (да и не только российских) читателей об этом белой добровольческом формировании Веймарской Германии, как нам кажется, оставляет желать много лучшего. В данном кратком очерке мы попытались по мере сил и возможностей восполнить этот пробел.

Итак, «аб ово»... Военно-морская бригада Эргардта (нем.: Маринебригаде Эргардт) была сформирована в г. Вильгельмсгафене вскоре после окончания Великой войны 1914-1918 годов под командованием бывшего капитана 3-го ранга (корветтенкапитана) Императорского военно-морского флота («Кайзерлихе Марине») Германа Эргардта. Несмотря на слова «военно-морская», содержащиеся в названии данного белого добровольческого корпуса, преобладавшие в его составе на момент формирования бывшие военные моряки со временем, по мере численного роста бригады, оказались в незначительном меньшинстве. Бригада Эргардта, первоначально входившая в состав

белой добровольческой Гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии (нем.: Гардекаваллери-Шютцендивизи-он), отличилась при подавлении вооруженного коммунистического мятежа «спартаковцев-смелых бойцов» в январе 1919 г. в Берлине, в «мартовских боях» с красными 1919 года, при ликвидации Баварской Советской республики в том же 1919, в разгроме Рурской Красной Армии в 1920 и в боях с поляками за Верхнюю Силезию в 1921 году.

Бригада Эргардта сражалась с красногвардейцами, красноармейцами и белополяками под военным (являвшимся одновременно и военно-морским) флагом кайзеровской Германии (использовавшимся также двумя другими белыми добровольческими военно-морскими бригадами – Ганса-Эммо фон Родена и Вильфрида фон Левенфельда, целым рядом белых добровольческих корпусов – например, «Железной ватагой» капитана Рудольфа Бертольда и организацией фронтовиков – ветеранов Первой мировой войны «Стальной Шлем» Теодора Дюстерберга и Франца Зельдте). Этот флаг представлял собой белое полотнище с прямым черным, с белой каймой, крестом. В перекрестье находился круглый белый медальон с черным одноглавым прусским орлом в золотой короне, а в крыже флага – изображение прусского Железного креста, наложенного на трехполосный черно-бело-красный флаг «Второго рейха» Гогенцоллернов.

Утверждения современного российского автора из Нижнего Новгорода А. Ю. Москвина, содержащиеся в его послесловии к переводу труда Т. Уилсона «История свастики с древнейших времен до наших дней» (Нижний Новгород, 2008, стр. 488), о существовании у бригады Эргардта «знамени со свастикой», которая, якобы, была помещена «на национальном триколоре, увенчанная стальным шлемом», являются плодом фантазии нижегородского автора, компетентность которого заставляет его также утверждать, что «бригада Эрхардт» (как он ее именуется), якобы, «участвовала во время Первой мировой войны в боях с русскими в Прибалтике (!)». Комментарии, как говорится, излишни...

После провала «Капповского путча» («путча Каппа-фон Люттвица») белых добровольческих корпусов-«фрейкоров» против социал-демократического правительства Фридриха Эберта в марте 1920 года, в котором добровольцы капитана Германа Эргардта играли ведущую роль (именно они, с вертикальными белыми «крюковидными крестами»-свастиками на касках, броневиках и транспортных средствах, первыми вступили в Берлин), бригада была расформирована, однако ее чины вошли, на правах «ассоциированных членов», в местные группы различных союзов ветеранов войны. Сам капитан Эргардт бежал из страны, но вскоре тайно вернулся в Германию. Из числа бывших чинов бригады Эргардта были сформированы секретная «Организация К», она же – «Организация Консул» (Эргардт скрывался под псевдонимом «консул Эйхман»), формально подчиненная капитан-лейтенанту Манфреду фон Киллингеру и действовавшая в глубоком подполье, а также официально зарегистрированный военно-патриотический Союз «Викинг» (нем.: «Викингбунд»). В рядах Союза «Викинг» состоял, до своего вступления в НСДАП, Хорст Вессель, автор партийного гимна НСДАП, ставшего в годы Третьего рейха «вторым государственным гимном Германии».

24 июня 1922 года тишину раннего берлинского утра разорвали выстрелы из автоматического пистолета и оглушительный взрыв. В тот день автомобиль министра иностранных дел «Веймарской республики» Вальтера Ратенау подвергся вооруженному нападению. 2 ветерана-«фрейкоровца» в кожаных пальто и автомобильных шлемах, сидевшие в автомобиле, выскочившем из-за поворота наперерез машине министра, были офицерами кайзеровского военно-морского флота («Кайзерлихе Марине») в отставке и членами «Организации Консул». Один из них выпустил в Ратенау 5 пуль из автоматического пистолета, другой бросил в машину министра ручную гранату. Вальтер Ратенау был убит на месте. Его убийство всколыхнуло всю Германию.

Имя еврея-миллионера Ратенау, члена руководства буржуазной Немецкой Демократической партии (Дейче Демо-кратише Партей, ДДП), слухи о принадлежности которого к «тайному мировому правительству» ширились день ото дня (именно Ратенау принадлежала крылатая фраза о том, что ему хорошо известны «те 300 человек, которые правят Европой и всем миром»), сторонника строгого соблюдения Германией всех условий навязанного ей Антантой «похабного» Версальского мирного договора – такие на жаргоне правой «национальной оппозиции» именовались «эрфюллунгсполитикер», что в переводе с немецкого языка на русский означает «политики-исполнители» (условий Версальского диктата и, тем самым, воли Антанты), заключившего в то же время в 1922 году с большевицким народным комиссаром по иностранным делам Георгием («Коко») Чичериным германо-советское Рапалльское соглашение, было ненавистно многим германским патриотам (не меньше, чем нынешним советским и российским – имя Чубайса, Ельцина или Горбачева). Не зря во всех пивных распевали песенку следующего содержания:

Шлагт тот ден Вальтер Ратенау,
Ди готтферфлукте юдензау!,
(Schlagt tot den Walter Rathenau,
Die gottverfluchte Judensau!)

что в переводе с немецкого на русский язык означало:

Убейте Вальтера Ратенау,
Богом проклятую иудейскую свинью!

По степени ненависти к нему немцев, придерживавшихся правых взглядов, с Ратенау мог сравниться разве что другой «эрфюллунгсполитикер» – лидер левого крыла католической партии Центра Маттиас

Эрцбергер, имевший несчастье собственноручно подписать в ноябре 1918 года от имени Германии перемирие с державами Антанты в печально знаменитом железнодорожном вагоне-ресторане на станции Компьен (и убитый боевиками капитана Эргардта – бывшими офицерами «Кайзерлихе Марине» Генрихом Шульцем и Генрихом Тиллессеном – за год до Ратенау). Но не все, похоже, обстояло так просто с этими политическими убийствами, в особенности же – с убийством министра иностранных дел. Убийцы Ратенау – лейтенанты флота Герман Фишер и Эрвин Керн – окруженные полицией в заброшенном замке, покончили с собой. Арестованный водитель, доставивший их к месту покушения – Эрнст фон Саломон (Заломон), ветеран-«фрейкоровец» (и, кстати, кузен Франца Феликса Пфедфера фон Саломона, обергруппенфюрера СА и Верховного фюрера СА в 1926-1930 гг.), не был посвящен во все детали операции. Связь участников покушения с капитаном 3-го ранга Эргардтом так и не удалось формально доказать, хотя в наличии этой связи, похоже, ни у кого не было ни малейших сомнений. Дело было совсем в другом.

Против капитана Эргардта сразу же после покушения на «веймарского» министра было выдвинуто обвинение в том, что он организовал убийство Ратенау вовсе не из патриотических соображений, а в интересах и по поручению французов, которым совершенно не нравилась перспектива союза Германии с Россией (тем более – большевицкой) – союза поначалу политического и экономического, а впоследствии, возможно, и военного. И надо сказать, что французы были не особенно далеки от истины. Ныне больше ни для кого не является секретом, что уже в описываемое время – несмотря на непрекращающиеся попытки Коминтерна разжечь, наконец, в «веймарской» Германии пламя «пролетарской революции»! – полным ходом налаживались тайные контакты между германским рейхсвером и советской «Рабоче-Крестьянской Красной Армией» (РККА). По секретному соглашению между Чичериным и Ратенау Германия получила возможность производить и испытывать в Советской России запрещенные ей

Версальским договором виды оружия и обучать на советской территории своих офицеров: немецкие танкисты (в том числе знаменитый в будущем «отец германских танковых войск» Гейнц Гудериан) стажировались в Казани, немецкие военные летчики – в Липецке, специалисты немецких химических войск – в Подосинках. В 1922 г. фирма «Юнкерс» открыла авиационный завод в подмосковных Филях. Красная Армия, в свою очередь, получила доступ к новейшей германской военной технике. Все это, конечно, мало радовало державы Антанты и, в первую очередь, Францию.

Да и в дни мюнхенского «путча Гитлера-Людендорфа» 8-9 ноября 1923 года капитан Герман Эргардт вел себя крайне нерешительно, если не сказать, двусмысленно. Наотрез отказавшись присоединиться со своими людьми к путчистам, он согласился вести от имени правительства баварских сепаратистов (против которых, в первую очередь, был направлен возглавленный Адольфом Гитлером и генералом Эрихом Людендорфом «пивной путч») переговоры с путчистами, захватившими, во главе с Эрнстом Ремом, здание баварского военного министерства, чем еще больше дискредитировал себя в глазах «национальной оппозиции», в среде которой, как мы уже указывали выше, и без того ходили упорные слухи о том, что «консул Эйхман» является французским «агентом влияния». Впрочем, в описываемое время подобные слухи распускались не только о Германе Эргардте, но и о самом Адольфе Гитлере, отказавшимся присоединиться со своей партией к борьбе против франко-бельгийской оккупации Рурской области – сердца тяжелой индустрии и угольной промышленности Германии.

Не зря ветеран-«фрейкоровец» Альберт Лео Шлагетер, расстрелянный французскими оккупационными властями за совершение диверсий на железных дорогах в Рурской области, призванных помешать вывозу французами германского угля (в счет уплаты военных репараций) и превращенный после прихода Гитлера к власти в поистине «культовую фигуру» национал-социалистического

движения (Шлагетеру ставили памятники, о нем сочиняли драмы и романы, в честь него называли корабли и авиационные эскадрильи и пр.), в действительности в момент совершения подвига, обессмертившего его имя (по крайней мере, в «Третьем рейхе») состоял уже не в НСДАП, а в Великогерманской Рабочей партии (Гроссдейче Арбейтерпартей, ГДАП), отколовшейся от партии Гитлера именно вследствие отказа последнего поддержать всенародную общегерманскую борьбу за изгнание франко-бельгийских оккупантов из Рурской области.

С Альбертом Лео Шлагетером после смерти произошло точно такое же «преображение», как с матросом-анархистом Анатолием Железняковым – тем самым, что, как поется в известной песне советских времен, «шел на Одессу, а вышел к Херсону», разогнавшим Всероссийское Учредительное Собрание сакраментальными словами: «Караул устал. Предлагаю закрыть заседание и разойтись по домам!», объявленным наркомвоенмором Л. Д. Троцким вне закона, убитым выстрелом в спину приставленным к нему большевицким киллером и лишь посмертно превращенным советской пропагандой в «беззаветно преданного делу Ленина пламенного большевика – матроса партизана Железняка».

В августе 1933 года Адольф Гитлер, в своем качестве Верховного фюрера (предводителя или руководителя) штурмовых отрядов (Оберстер СА-Фюрер, ОСАФ), отдал распоряжении включить местные группы ветеранов бригады Эргардта, на правах «ассоциированных членов», в местные подразделения СС (СС тогда еще входили в состав СА), сохранив при этом свою специфическую организационную структуру, согласно которой их бригада подразделялась (по нисходящей) на:

- 1) фербанды (полки), во главе с фербандсфюрерами;
- 2) фербандсгруппы (батальоны), во главе с фербандсгруп-пенфюрерами;
- 3) эйнгейты (роты), во главе с эйнгейтсфюрерами;

4) цуги (взводы), во главе с цугфюрерами;

5) группы (отделения), во главе с группенфюрерами.

Впрочем, вскоре «автономия» эргардтовцев в рамках Шуцштаффеля была ликвидирована, и большинство из них (но не сам капитан Герман Эргардт) влилось в ряды СС в индивидуальном порядке, на общих основаниях. В период своего «автономного» существования в составе СС они носили свою прежнюю форму, почти ничем (за исключением отсутствия погон) не отличавшуюся от полевой военной формы кайзеровской армии периода Великой войны и «фрейкоровского» периода (1918-1923): китель серо-зеленого цвета «фельдграу» с матовыми серебряными (или защитными) пуговицами, штаны и фуражки того же защитного цвета «фельдграу» и черные сапоги (в отличие от военного и «фрейкоровского» периодов, когда, вследствие нехватки в Германии кожи для сапог, нижним чинам пришлось перейти на ботинки с защитного цвета обмотками, а офицерам – на ботинки с кожаными крагами).

Петличные знаки чинов бригады Эргардта, представлявшие собой старую эмблему Гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии (стальной солдатский шлем, наложенный на 8-лучевую звезду прусского Ордена Черного орла, опирающуюся на две скрещенные дубовые веточки), украшали как правую, так и левую петлицы, имевшие черный «эсэсовский» цвет (в отличие от «фрейкоровского» периода, в который, судя по сохранившимся немногочисленным фотографиям, добровольцы Эргардта носили свои петличные знаки либо на защитных петлицах, либо непосредственно на воротнике, безо всяких петлиц – если носили их вообще)! Войдя, на правах «ассоциированных членов», в состав Шуцштаффеля, они сменили свою прежнюю, «старорежимную» черно-бело-красную «имперскую» кокарду на околыше защитной фуражки на серебряный «общеэсэсовский» череп с костями («тотенкопф»=«мертвая голова») «прусского типа» (в полоборота, без нижней челюсти), а «земельную» кокарду на тулье заменили общим для всех формирований НСДАП

серебряным одноглавым орлом с распростертыми крыльями и вращающимся крюковидным крестом в круглом дубовом венке.

Рядовой состав бригады Эргардта подразделялся (в восходящем порядке) на:

1) гефольгсманнов («дружинников»), не служивших в (кайзеровской) армии;

2) гефольгсманнов, служивших в (кайзеровской) армии, нем.: «гефольгсманн (гединт)»;

3) группенфюрер-штелльфертретеров (заместителей группенфюреров, заместителей командиров отделений);

4) группенфюреров (командиров отделений).

Командный состав бригады Эргардта подразделялся (опять-таки, по восходящей) на:

1) цугфюреров (командиров взводов);

2) эйнгейтсфюреров (командиров рот, лейтенантов);

3) фербандсгруппенфюреров (командиров батальонов, майоров);

4) фербандсфюреров (полковников).

Знаки различия нижних чинов бригады Эргардта представляли собой вышитые алюминиевой нитью белые шевроны углом вниз (одинарный – у гефольгсманна, служившего в армии; двойной у группенфюрер-штелльфертретера; тройной – у группенфюрера), носившиеся на левом рукаве выше локтевого сгиба, под бригадным нарукавным знаком.

Знаки различия командного состава, также вышитые алюминиевой нитью, представляли собой горизонтальные галунные полосы («шпалы»), носившиеся над левым обшлагом мундира (1 полоска – у цугфюрера, 2 – у эйнгейтсфюрера, 3 – у фербандсгруппенфюрера, 4 – у фербандсфюрера).

Выше шевронов на левом рукаве эргардтовцы носили бригадный нарукавный знак овальной формы,

изготовленный из серебристого металла и изображавший плывущую по морским волнам, с надутыми парусами и вымпелом на мачте, драконоголовую ладью-«драккар» викингов в рамке из корабельного каната, с надписью «Эргардт» над пучком дубовых листьев в нижней части эмблемы. В «фрейкоровский» период истории бригады Эргардта в нижней части нарукавного знака первоначально вместо надписи «Эргардт» была надпись «Вильгельмсгафен» (название города, в котором бригада была сформирована в 1918 году).

С гражданской одеждой многие чины и ветераны бригады Эргардта носили миниатюрный значок-фрачник овальной формы (на булавке), представлявший собой уменьшенную копию описанного выше нарукавного знака с ладьей викингов и надписью «Эргардт» под изображением ладьи.

В период своего пребывания в составе Шуцштаффеля на правах «ассоциированных членов», чины бригады Эргардта носили на левом рукаве, над обшлагом, также черную, с белой (серебряной) каймой, манжетную ленту с белой (серебряной) сдвоенной руной СС. Кайма манжетной ленты и сдвоенная эсэсовская руна «Сиг» («Совуло») были вышиты алюминиевой нитью. Существовал и вариант манжетной ленты с каймой и сдвоенной эсэсовской руной, вышитыми светло-серой шелковой нитью.

Приложение 4.

О военно-морской бригаде фон Лёвенфельда

Хотя 3-я военно-морская бригада фон Лёвенфельда (нем.: 3. Маринебригаде фон Лёвенфельд) очень хорошо проявила себя в ходе боев белых германских добровольческих отрядов с красными и белополяками в послевоенный период 1918-1920 гг., и по единодушному мнению современников была одним из лучших добровольческих соединений Веймарской республики (что объяснялось как ее многочисленностью, так и ее превосходным вооружением), история оказалась к ней несправедливой. О ее боевом пути в настоящее время известно сравнительно мало (по сравнению, например, со 2-й военноморской бригадой Эргардта).

Не подлежит никакому сомнению, что бригада Лёвенфельда зарекомендовала себя (в особенности в период боев с крас-нармейцами в Рурской области в 1920 году) в качестве одного из наиболее боеспособных соединений белых волонтеров. Эта бригада, насчитывавшая 6000 штыков, послужила ядром военно-морского флота «Веймарской республики» («рейхсмарине»). 3-я военно-морская бригада, которой со дня ее основания и до последнего дня ее существования командовал корветтенкапитан (капитан 3-го ранга) Вильгельм Фридрих (Вильфрид – а не «Винфрид», как часто неправильно пишут и думают!) фон Лёвенфельд, по завершении своего формирования, вошла в состав добровольческой дивизии фон Леттов-Форбека (генерал Пауль фон Леттов-Форбек в годы Первой мировой войны командовал германскими охранными, то есть колониальными, войсками в Восточной Африке), в свою очередь входившей в состав Гвардейского кавалерийского стрелкового корпуса (нем.: Гардекаваллери-Шютценкор).

3-я военно-морская бригада, содержавшаяся за счет внепланового финансирования из средств военно-морского бюджета «Веймарской республики», состояла из следующих частей:

1) 5-го военно-морского полка (командир – майор Клёбе), I и II батальоны которого ранее составляли самостоятельный военно-морской полк Мадлунга;

2) штурмового батальона Арно де ла Перьера;

3) 5-го военно-морского артиллерийского отряда (командир – майор Герике), состоявшего из батареи горной артиллерии Шлагетера и 3-х батарей полевой артиллерии;

4) инженерно-саперного батальона (командир – лейтенант Й. Борнеман);

5) авиационного отряда;

6) автомобильного отряда.

Кроме того, в распоряжении бригады Лёвенфельда находился дислоцированный в г. Киле («колыбели Ноябрьской революции») так называемый «Балтийский батальон» («Ост-зеебатальон»), решавший задачи снабжения и пополнения бригады.

Сформированная при бригаде Лёвенфельда флотилия под командованием капитан-лейтенанта фон Ботмера была в апреле 1918 года передана в распоряжение Балтийского военно-морского управления (Марине-Штацион Остзее) новой республиканской «рейхсмарине».

Наряду с набором первых добровольцев в бригаду в г. Киле, по инициативе назначенного губернатором депутата германского рейхстага от Социал-Демократической партии Германии (СДПГ) и будущего военного министра Густава Носке, в ноябре 1918 года была сформирована так называемая «Железная бригада» (нем.: «Эйзерне Бригаде»), состоявшая, главным образом, из офицеров и унтер-офицеров бывшего германского Императорского военно-морского флота (нем.: «Кайзерлихе Марине»). Это добровольческое формирование, находившееся под командованием бывшего полковника (и будущего генерал-майора) Ганса-Эммо фон Родена, позднее вошло в историю под названием «1-й военно-морской бригады фон Родена» (нем.: «1. Маринебригаде фон Роден»). Густав

Носке (и, соответственно, социал-демократическое правительство республиканской Германии) считали бригаду фон Родена абсолютно лояльной республиканскому правительству, тон в котором задавали социал-демократы.

Между тем, при ближайшем рассмотрении, а в особенности – после ознакомления с книгой «Германские солдаты» (Deutsche Soldaten), изданной Гансом фон Роденом в 1935 г., возникают вполне обоснованные сомнения в правильности мнения Носке.

Что же касается эпитета «Железная», то он и ему подобные – «Стальная», «Несокрушимая» и т. д. – широко использовались в годы революционных потрясений (причем не только в Германии, но и у нас в России) с целью приободрить и воодушевить на подвиги стремительно теряющую боеспособность и деморализующуюся под влиянием подрывной пропаганды солдатскую массу, хотя многие подразделения, объявленные «Железными» оказались на практике не достойными столь пышного эпитета. В качестве примера можно привести сформированную в конце 1918 года в Прибалтике «Железную бригаду», оказавшуюся абсолютно не надежной и не боеспособной, так что майору Йозефу Бишофу, срочно вызванному в Прибалтику, пришлось отправить ту ее часть, которая не успела разбежаться к моменту его прибытия, в Германию (за исключением небольшого отряда, на базе которой Бишоф сформировал новое соединение, получившее название «Железной дивизии» и действительно обладавшей железной дисциплиной и выдающимися боевыми качествами).

Повествуя о боевом пути 3-й военно-морской бригады фон Лёвенфельда, необходимо уяснить себе следующее. В своей враждебности «Веймарской республике» чины этой бригады ни в коей мере не уступали чинам 2-й Вильгельмсгафенской военно-морской бригады Эргардта (нем.: «2. Маринебригаде Вильгельмсгафен», или «2. Маринебригаде Эргардт»), сыгравшей решающую роль в антиреспубликанском «путче Каппа-фон Люттвица»

(«Капповском путче») 1920 года, захватив на несколько дней столицу Германского рейха город Берлин.

3-я военно-морская бригада состояла в значительной степени из бывших кайзеровских морских офицеров, инженеров и унтер-офицеров прежнего Императорского военно-морского флота. В ее штурмовом батальоне офицеры даже стояли в солдатском строю в качестве рядовых бойцов. Это обстоятельство придавало бригаде фон Лёвенфельда (как, впрочем, и бригаде Эргардта) высокую степень сплоченности (и в то же времени – радикализма), выгодно отличавшую ее от других белых добровольческих формирований. Только включенные в состав бригады, перед самым началом боев с Рурской Красной Армией в 1920 году, мелкие добровольческие отряды, возвратившиеся из Прибалтики и принесшие с собой «крюковидный крест» («гакенкрейц», то есть свастику, или, по-нашему, по-русски, коловрат) в качестве эмблемы на касках, оказались на поверку настроенными еще более радикально, беспощадно и непримиримо по отношению к республиканскому режиму (не говоря уже о большевиках).

При рассмотрении истории 3-й военно-морской бригады принципиального внимания заслуживает один, сугубо специфический и характерный для нее элемент, не игравший роли в других добровольческих корпусах. Морской офицерский корпус испытывал особо тяжелое чувство морального дискомфорта, связанное с тем, что именно на флоте, а в особенности – на Флоте Открытого Моря («Гохзеефлотте») – в ноябре 1918 года (да и раньше – летом 1917 года) произошли матросские бунты, сделавшие флот ответственным за Ноябрьскую революцию в Германии. Офицерский корпус бывшего Императорского флота находился в состоянии перманентного шока. Морские офицеры, «недоглядевшие» за матросами и «недорасстрелявшие» бунтовщиков, считали именно себя виновниками революции, а тем самым – и военного крушения Германской империи. Это ощущение глубочайшей нравственной травмы и постоянного чувства «вины перед нацией» (судя по

воспоминаниям высокопоставленных морских офицеров) сохранялось в период службы в белых добровольческих корпусах, затем – в период службы в республиканском флоте («рейхсмарине») и, наконец, в период службы в военно-морском флоте национал-социалистического «Третьего рейха» («Кригсмарине»). В этих кругах считалось святотатством и кощунством хотя бы на йоту усомниться в правильности лозунга: «Ноябрь 1918 года не должен повториться!» (нем.: «Nie wieder ein November 1918!»).

Справедливость нашей констатации подтверждается, в частности, следующей цитатой из воспоминаний самого фон Лёвенфельда:

«Национально мыслящие ветераны прежнего Императорского военно-морского флота, в каких бы чинах они ни были, больше, чем кто-либо и где-либо еще, стремились искупить этот позор».

Характеризуя настрой своей бригады, фон Лёвенфельд считал необходимым особо подчеркнуть следующее:

«Бригада поставила перед собой честолюбивую задачу стать самым лучшим из добровольческих корпусов».

Не исключено, что упомянутые выше болезненные воспоминания о позоре ноября 1918 года, так и не изжитые высшими представителями офицерского корпуса «кригсмарине», служившими до этого в «рейхсмарине», а еще раньше – в белых добровольческих корпусах, сформированных бывшими чинами Императорского военно-морского флота, заставили их продолжать бессмысленное сопротивление до самых последних дней Второй мировой войны, хотя еще задолго до ее окончания всякому мало-мальски разумному человеку было совершенно ясно, что и эту войну Германии не выиграть.

Однако вернемся к дням формирования 3-й военно-морской бригады. Капитан 3-го ранга фон Лёвенфельд был одним из первых кайзеровских военно-морских офицеров, принявших решение сформировать собственный добровольческий корпус («фрейкор», или, в другом

написании, «фрайкор»). В конце ноября 1918 года Лёвенфельд самостоятельно начал набирать в свой отряд волонтеров – главным образом, офицеров. К числу первых офицеров-добровольцев, вступивших в отряд фон Лёвенфельда, принадлежали, в частности, капитан-лейтенант (в будущем – капитан 3-го ранга) Лотар фон Арно де Ла Перьер (самый результативный германский подводник в период Великой войны), капитан-лейтенант Вильгельм Канарис (будущий адмирал и шеф германской разведки – абвера – в «Третьем рейхе» Адольфа Гитлера), и Карл Дёниц (будущий адмирал и последний имперский президент «Третьего рейха»). Именно Вильгельму Канарису удалось уговорить Густава Носке дать 3 февраля 1919 года фон Лёвенфельду официальное разрешение на формирование в г. Киле подразделения в форме добровольческого корпуса.

В ходе последующих боев и походов за спасение режима Веймарской республики от германских большевиков-«спартаковцев» наибольшую известность своей исключительной доблестью снискали себе такие офицеры 3-й военно-морской бригады, как капитан 3-го ранга Арно де Ла Перьер, капитан-лейтенанты Клаассен, Карлс, Вольф и фон Фишель, майор Клёбе, капитаны фон Шпехт и фон Боссе, старший лейтенант флота Куккат, и, конечно, прогремевший на всю Германию (и даже на весь мир) обер-лейтенант Шлагетер.

Не лишенной интереса представляется военная карьера командира нового добровольческого формирования. Вильгельм Фридрих (Вильфрид) Гёффер фон Лёвенфельд был отпрыском дворянского рода из южногерманской области Швабия, первые упоминания о котором датируются началом XVII в. Его отцом был майор прусской королевской армии Юлиус Гёффер фон Лёвенфельд. Вильфрид родился 25 сентября 1879 г. в Шпандау и поступил на службу в Императорский военноморской флот. Незадолго до начала Первой мировой войны, в 1914 г., он служил 1-м офицером на малом крейсере «Бреслау», оперировавшем, вместе с тяжелым крейсером «Гёбен», под турецким флагом,

против Русского Императорского Флота на Черном море (первые добровольцы, вступившие во фрейкор Лёвенфельда в 1918 году, – в том числе Карл Дёниц – в годы войны служили вместе с ним на борту этого крейсера). В 1916 году Вильфрид фон Лёвенфельд был назначен командиром вспомогательного минного заградителя «Дейчланд», а затем – офицером штаба Адмиралтейства. Служил в этом качестве в завоеванной немцами российской прибалтийской области Курляндии, а затем – во Фландрии. Летом 1918 г. адмиралом Рейнгард Шеер назначил фон Лёвенфельда офицером отдела морской войны Большой Ставки (Гроссес Гауптквартир).

В этой должности Вильфрид фон Лёвенфельд принимал деятельное участие в планировании последней крупной операции германского «Гохзеефлотте», намеревавшегося нанести всеми наличными силами сокрушительный удар по военно-морскому флоту Великобритании в Северном море. Самоубийственный характер этого оперативного плана, сведения о котором, несмотря на все предпринятые меры предосторожности, все же дошли до нижних чинов, были одним из главных факторов, вызвавших матросский бунт в ноябре 1918 года.

После роспуска военно-морской бригады фон Лёвенфельда летом 1920 года его не сразу приняли на службу в «рейхсмарине», поскольку его участие в «Капповском путче» было сочтено республиканскими властями отягчающим обстоятельством. Вильфриду фон Лёвенфельду пришлось даже на некоторое время бежать из страны (сам он назвал это в своих мемуарах «необходимостью удалиться в изгнание»). Однако Веймарская республика, проявив великодушие, все-таки приняла его на службу в «рейхсмарине», как ценного «военспеца» из «бывших». Получив чин капитана 1-го ранга (капитаном 2-го ранга он стал еще в марте 1920 года) Вильфрид фон Лёвенфельд был назначен командиром учебного крейсера «Берлин», вскоре совершившего – первым из военных кораблей Германской республики (продолжавшей, впрочем, официально именоваться «Германским рейхом», то есть «Германской

империей или «Германской державой») – зарубежное плавание. В 1928 году фон Лёвенфельд, дослужившийся до вицеадмирала и Командующего германскими военно-морскими силами на Балтийском море («Бефельсгабер дер Зеештрейткрефте Остзее»), вышел на пенсию. Он умер 4 июля 1946 года в Шлезвиге и был похоронен там на гарнизонном кладбище среди могил умерших или погибших к тому времени чинов прославившейся под его командованием 3-й военно-морской бригады.

Бригада фон Лёвенфельда, официально принятая на службу правительством Веймарской республики 1 марта 1919 года, на тот момент насчитывала в своих рядах всего навсего 400 добровольцев. Однако вскоре ее численность стала возрастать неожиданно высокими темпами. Уже спустя два месяца бригада Лёвенфельда достигла численности 2000, спустя четыре месяца – 4000, а к весне 1920 года – 6000 штыков. Для дальнейшего переформирования и обучения она была переведена из Киля в военно-учебный лагерь Ютербог (а не «Ютеборг», как часто неправильно пишут и думают!), а оттуда (в первой половине 1919 года) в охваченный беспорядками Берлин. В мае 1919 года 3-я военно-морская бригада несла охранные функции и занималась обеспечением порядка в Берлине, а в июне приняла участие в подавлении забастовки железнодорожников и вспыхнувшей вскоре всеобщей забастовки транспортников. Части бригады взяли под контроль несколько вокзалов г. Берлина, занялись регулированием движения. По воспоминаниям командира бригады, его добровольцам также приходилось неоднократно разгонять пикеты бастующих железнодорожников, выставленные перед вокзалами и железнодорожными станциями.

23 июня 1919 года чины бригады фон Лёвенфельда приняли участие в акции неповиновения Антанте, вызвавшей фурор не только в Германии, но и по всей Европе. В тот день ударный отряд штурмового батальона бригады фон Лёвенфельда под командованием старшего лейтенанта флота Кукката ворвался в Берлинский цейхгауз. Лёвенфельдовцы (или, по-немецки,

«лёвенфельдеры») похитили из цейхгауза трофейные французские знамена, захваченные пруссаками в войнах с Наполеоном I Бонапартом в 1811-1815 и с его племянником Наполеоном III в 1870-1871 гг. и подлежащие возвращению во Францию, согласно условиям Версальского договора. Несколько знамен, под ликование сбежавшейся огромной толпы берлинцев, было при всем честном народе сожжено перед конным памятником прусскому «королю-философу» Фридриху Великому на центральной улице Берлина – Унтер-ден-Линден. Остальные знамена были спрятаны в надежном месте и в октябре 1933 года возвращены в Цейхгауз ветераном бригады фон Лёвенфельда, капитаном-подводником Лотаром фон Арно де ла Перьером (дослужившимся к описываемому времени до контр-адмирала).

Капитан Ульрих фон Бозе, офицер службы Генерального штаба при 3-й военно-морской бригаде, впоследствии вспоминал, что вышеперечисленные акции «лёвенфельдеров» должны были напомнить берлинцам, что не перевелись и в «рейхсмарине» моряки старого пошиба. Правда, не так-то просто было скрыть тот факт, что на первый взгляд чины бригады фон Лёвенфельда совершенно не походили на военных моряков (или, как их именовали в народе, «блауйккен», то есть, буквально: «синие бушлаты»). Все лёвенфельдовцы были обмундированы не в морскую форму, а в солдатские мундиры и шинели цвета «фельдграу». Об их принадлежности к флоту говорили только миниатюрные петличные знаки с морскими якорями.

Эти петличные знаки были изготовлены из томпака (желтого металла) методом штамповки. Знак «лёвенфельдеров» представлял собой венок, состоявший из лавровой (справа) и дубовой (слева) ветвей, и перевитый лентой со свисающими вниз двумя концами. На венок был наложен морской корабельный якорь, обвитый канатом. Ширина знака равнялась 36 мм, высота – 42 мм. Знак был изготовлен берлинской фирмой «Пауль Кюст».

В период борьбы с Рурской Красной Армией в 1920 году чины 3-й военно-морской бригады (подобно чинам 2-й военно-морской бригады Эргардта и некоторым другим белым добровольцам, вернувшимся в Германию из Прибалтики) носили на своих касках прямостоящий крюковидный (гамматический) крест-гакенкрейц, нанесенный белой масляной краской.

За весь период своего существования 3-я военноморская бригада так и не обзавелась собственным знаменем. Все ее роты (за исключением 4-й и 6-й) пользовались в качестве знамен «старорежимными» флагами Императорского военноморского флота. Эти флаги были сняты и поднесены в дар бригаде Лёвенфельда сошедшими на берег командирами торпедных катеров и подводных лодок расформированного по воле Антанты кайзеровского флота. Никаких почетных или памятных лент знамена не имели. Лишь незадолго до расформирования 3-й военноморской бригады на некоторых знаменах ее частей появились почетные памятные ленты, преподнесенные благодарными жителями городов и селений Восточной Силезии и Рурской области, освобожденных чинами бригады Лёвенфельда от белополяков и красноармейцев.

По некоторым сведениям, чины отдельных частей, входивших в бригаду фон Лёвенфельда, носили на рукавах мундиров над обшлагом манжетную ленту черного цвета с вышитой (или вытканной) желтыми (золотыми) заглавными латинскими литерами надпись «3. ВОЕННО-МОРСКАЯ БРИГАДА» (3. MARINE BRIGADE). Иногда надпись (якобы) наносилась краской при помощи трафарета (способ, заметим, не способный обеспечить сохранность надписи в условиях боев и походов на маломальски долгий срок). Однако, насколько известно автору данной исторической миниатюры, фотографий, изображающих чинов бригады с такими манжетными лентами, не сохранилось, а подлинность дошедших до нас манжетных лент вызывает сомнения у специалистов (хотя некоторые из них включены даже в специальные каталоги).

Вернемся, однако, к истории фрейкора Лёвенфельда. В начале августа 1919 года добровольческая бригада была переброшена в развитый промышленный регион Верхней Силезии, которой угрожало восстание польских инсургентов, пользовавшихся поддержкой режима Юзефа Пилсудского и Антанты. Сразу же по прибытии в верхнесилезский г. Гинденбург, штурмовой батальон 3-й военно-морской бригады прямо «с колес» разгромил польское вооруженное бандформирование Хайока. Вспыхнувшее 17-18 августа 1919 года так называемое «Первое польское восстание в Силезии» немцам удалось подавить довольно быстро. 5-й военно-морской полк и I батальон 6-го полка бригады Лёвенфельда в бою при Тушау отбросили совершивших вторжение в Силезию польских инсургентов обратно на территорию Польши. Одновременно штурмовой батальон бригады под командованием капитана 3 ранга Лотара фон Арно де ла Перьера в ходе ожесточенных боев при Бобреке уничтожил еще несколько польских бандформирований. При этом был убит в бою капитан-лейтенант Вольф, бывший 1-й офицер прославившегося в годы мировой войны вспомогательного крейсера «Мёве» («Чайка»). К 21 августа инспирированное Антантой и Пилсудским польское «народное» восстание в Силезии было полностью подавлено.

3-я военно-морская бригада приступила к выполнению задач по охране государственной границы Германии. В начале 1920 года в ее состав были включены белые добровольческие формирования из состава русско-немецкой монархической Западной Добровольческой армии генерал-майора князя П. М. Авалова (Бермондта), доставленные четырьмя транспортными эшелонами из Прибалтики – отряд особого назначения (деташемент) фон Мальцана, части полка фон Петерсдорфа и батарея Шлагетера. В начале февраля 1920 года германским добровольческим частям, в связи с предстоящим плебисцитом (в ходе которого населению Верхней Силезии предстояло решить, останется ли провинция в составе Германии или перейдет в состав Польши), пришлось очистить всю Верхнюю Силезию. Бригада фон

Лёвенфельда была расквартирована в районе столицы провинции – г. Бреслау. Здесь она 13 марта 1920 года узнала о «путче Каппа-фон Лютвица», направленном против правительства Веймарской республики, вознамерившегося, под нажимом Антанты, распустить все добровольческие корпуса, выбросив всех белых добровольцев (штыки которых спасали веймарский режим от красных, по крайней мере, на протяжении первых шести месяцев его существования) на улицу без сохранения содержания.

Много лет спустя, в изданной в 1963 году «Товариществом ветеранов 3-й военно-морской бригады» брошюре об истории бригады Лёвенфельда, утверждалось, что бригада, якобы, не имела с «Капповским путчем» ничего общего и даже не подозревала о планах свержения республиканского режима. При этом авторы брошюры ссылались на результаты расследования, проведенного по распоряжению Имперского суда. Между тем, никто иной, как сам командир бригады Вильфрид фон Лёвенфельд приводил в своих воспоминаниях совершенно иные сведения на этот счет (правда, в книге, изданной не в 1963, а несколько ранее – в 1935 году):

«Откликнувшись на просьбу Бреслауского Генерального командования о помощи, я, с моим штабом, в сопровождении нескольких грузовиков, битком набитых добровольцами, поспешил в Бреслау и успел не допустить самого худшего – перехода столицы Силезии под власть большевизма. 15 марта бригада, усиленная силезскими добровольческими корпусами фон Аулока, Кюме и Паульсена, вступила в Бреслау и освободила Бреслау и всю Силезию от власти социал-демократического большинства (СДПГ – *В. А.*). Будучи абсолютно успешным в военном отношении, «Капповский путч» через несколько дней потерпел неудачу по внутривнутриполитическим причинам. 18 марта 1920 года Капп ушел в отставку, и недовольные добровольческие корпуса ушли из столиц (столицы рейха – Берлина – и столиц отдельных германских земель – *В. А.*)».

Если внимательно вчитаться в процитированные выше строчки, станет ясно, что фон Лёвенфельд не побоялся признать свое участие в провалившемся путче. Ведь «социал-демократическое большинство», от власти которого командир 3-й военно-морской бригады освободил Бреслау и всю Силезию, не имело ничего общего с «большевизмом». Это было как раз социал-демократическое правительство Фридриха Эберта, враждебное германским «большевикам» – коммунистам, анархистам и части членов Независимой Социал-Демократической Партии Германии (НСДПГ). Впрочем, это так, к слову...

Расквартированный в «колыбели» бригады Лёвенфельда – г. Киле – II батальон 5-го военно-морского полка, направленного туда командиром бригады, пытался действовать в том же духе, что и сам фон Лёвенфельд в Бреслау, однако натолкнулся на упорное сопротивление сторонников правительства Фридриха Эберта и понес тяжелые потери в уличных боях, потеряв только убитыми 27 человек. Командир батальона капитан 3-го ранга Франц Клаассен был тяжело ранен. Он рассчитывал на то, что путч в Берлине начнется 16 марта, но нанес удар раньше, 15 марта 1920 года, намереваясь захватить социал-демократическое руководство Киле в полном составе. Слишком поспешно проведенная, плохо подготовленная акция закончилась для II батальона полной неудачей. После телефонных переговоров с командиром своей бригады, капитан Клаассен с большим трудом сумел пробиться из Киле в военный лагерь Локштедт.

Под предлогом подавления выступлений сторонников Каппа-фон Лютвица по всей Германии перешли в наступление коммунисты и другие левые силы. Наиболее угрожающая обстановка сложилась в промышленном «сердце» Германии – Рурской области, где коммунистами была сформирована 50-тысячная Красная Армия Рура. Перед лицом этой угрозы республиканское правительство Фридриха Эберта приняло поистине гениальное решение использовать только что участвовавшие в антиреспубликанском «Капповском путче» белые

добровольческие корпуса, которые было уже решено распустить, для подавления большевицкого мятежа на Руре, угрожавшего молодой германской демократии (на этот раз не справа, как Капп и фон Люттвиц, а слева). И добровольческие корпуса действительно спасли молодую германскую демократию (хотя, фактически, и против своей воли, сочтя большевизм еще большим злом, чем «Веймар»).

Подобно прочим добровольческим соединениям, 3-я военно-морская бригада отбыла из Бреслау 16 эшелонами в направлении мятежного Рура, подойдя к охваченной восстанием области с севера. 26 марта 1920 года «лёвенфельдеры» отразили наступление полка имени Розы Люксембург Красной Рурской Армии (состоявшего, в значительной своей части из революционных матросов, носивших в знак своей верности идеям Мировой революции, красные ленты на бескозырках; другие бойцы полка щеголяли красными шарфами и кумачовыми нарукавными повязками!), разгромив полк наголову, после чего, вместе с другими фрейкорами, форсировали реку Липпе и перешли в наступление в южном направлении. Особенно тяжелыми и кровопролитными были бои с красными за г. Боттроп, в которых бригада понесла тяжелые потери (в Боттропе по сей день каким-то чудом – несмотря на несколько попыток переименования! – сохранилась улица Лёвенфельдштрассе, названная благодарными горожанами в честь волонтеров Лёвенфельда, освободившими их от власти коммунистов). Повсюду фрейкоры оказывались более боеспособными, чем части Красной Армии Рура (хотя и те, и другие, в большинстве своем, не уступали друг другу в боевой выучке и имели за плечами четырехлетний опыт мировой войны). 7 апреля 1920 года бригада фон Левенфельда вступила в г. Эссен. Борьба за Рур тем самым завершилась. В июле 1920 года прошли выборы в рейхстаг, сделавшие положение Веймарской республики более-менее стабильным.

Сразу же после завершения боев в Рурской области бригада Лёвенфельда была переброшена в Зеннелагер

близ г. Падерборна. 7 мая 1920 года было официально объявлено о ее расформировании. Однако лёвенфельдовцам повезло. Командование «рейхсмарине» замолвило словечко за своих подопечных. Значительная часть личного состава бригады была переведена в состав кадровых корабельных дивизий, а затем – в состав расширяющейся «рейхсмарине». Вопреки требованиям левых партий и, прежде всего, левой и либеральной прессы немедленно отправить в отставку всех чинов бригады, 2500 «лёвенфельдеров» были приняты на службу в маленький, насчитывавший всего 15 000 человек, республиканский военно-морской флот, 60 – в сухопутные войска (Геер), а 70 – в полицию Веймарской республики.

Вне всякого сомнения, тон в «рейхсмарине», зачислившей на службу также ветеранов других белых добровольческих военно-морских бригад (в том числе даже считавшейся наиболее радикальной, или, как сказали бы сейчас, «экстремистской»! – бригады Эргардта), с самого начала задавали тон вчерашние фрейкоровцы. Чины бригады Лёвенфельда, принятые в «рейхсмарине», послушно присягнули на верность республике, однако, разумеется, не изменили своим прежним консервативным, или, если угодно, «реакционным» воззрения проникнутым духом воинствующего национализма. В «рейхсмарине» были зачислены почти все офицеры и кандидаты в офицеры 3-й военно-морской бригады, многие из которых дослужились со временем до адмиральских чинов.

А те, кого в «рейхсмарине» все-таки не взяли, пошли служить в сформированную ветераном 3-й военно-морской бригады Гейнцем (в некоторых источниках – Гансом) Гауэнштейном полулегальную «Специальную полицию» Верхней Силезии, входившую в состав «Самообороны Верхней Силезии» («Верхнесилезской самообороны») и в добровольческий корпус (штурмовой батальон) Гейнца, принявший, вместе с баварским добровольческим корпусом «Оберланд», участие в штурме Аннаберга в мае 1921 года. Битва при Аннаберге вошла в историю как «первое военное столкновение с внешним агрессором, выигранное германскими солдатами после

1918 года». Очистив, при активной огневой поддержке батареи горной артиллерии ветерана 3-й военно-морской бригады Альберта Лео Шлагетера, гору Аннаберг с расположенным на ней старинным монастырем от поляков (и активно помогавших полякам французских «военных советников»), германские добровольцы подняли над Аннабергом «старорежимный» черно-бело-красный кайзеровский стяг, уже запрещенный к описываемому времени в ненавистной белым фрейковцам «черно-красно-золотой» Веймарской республике.

3-я военно-морская бригада была расформирована в период с мая по август 1920 года. 31 мая 1920 года – в день памяти морского сражения с английским флотом при Скагерраке – капитан 3-го ранга Вильгельм-Фридрих фон Лёвенфельд принял прощальный парад чинов своей бригады в Зеннелагере.

Особым распоряжением по военно-морской бригаде № 12 от 19 июня 1920 года. Вильфрид фон Лёвенфельд, идя навстречу пожеланиям чинов своей бригады, учредил «Знак заслуг» – так называемый «Крест Лёвенфельда» («Лёвенфельдкрейц») 2-х степеней. Официально днем учреждения креста считался день 31 мая 1920 года.

Крест Лёвенфельда 1-й степени предназначался для награждения добровольцев, безупречно прослуживших в 3-й военно-морской бригаде шесть месяцев, а крест 2-й степени – добровольцам, безупречно прослужившим в ней три месяца. К кресту полагалось удостоверение на право ношения (выдававшееся до 1934 года лично Вильфридом фон Лёвенфельдом, являвшимся к тому времени уже вице-адмиралом в отставке).

Специальная комиссия, состоявшая из офицеров 3-й военно-морской бригады, занималась рассмотрением различных проектов креста, пока предпочтение не было отдано проекту лейтенанта флота Коллинза. Крест был изготовлен берлинской фирмой «Кюст» (изготовителем петличных знаков для чинов бригады Лёвенфельда). Кстати, кресты весьма напоминали эти петличные знаки. Было выдано в общей сложности 6000 крестов (причем

крестов 1-й степени было выдано больше, чем крестов 2-й степени).

Крест Лёвенфельда был изготовлен из темно-желтой бронзы, имел расширяющиеся к концам лучи (как у прусского Железного креста; в геральдике кресты такой формы именуются «лапчатыми»), узкий кант по краям, его поверхность была слегка зернистой. На крест были наложены две ветви (справа – лавровая, слева – дубовая) сплетенные в венок, перевитый лентой. На венок был наложен морской якорь, перевитый канатом. На верхнем конце креста имелась дата «31 мая (31. Mai)», на поперечной перекладине креста справа от якоря была изображена латинская буква «ф» (дворянская приставка «фон»), слева от якоря – заглавная латинская буква «Л» («Лёвенфельд»), а на нижнем конце креста – дата «1920».

Оборотная сторона креста была гладкой, с надписью, расположенной в три строки:

GES. GESCHUETZT/R. KUEST BERLIN C
19/SEYDELSTR. 19A.

(ЗАЩИЩЕНО ЗАКОНОМ/Р. КЮСТ БЕРЛИН С 19/
ЗАЙДЕЛЬШТРАССЕ 19А)

Крест Лёвенфельда имел в высоту и ширину 40 см.

Крест 1-й степени был предназначен для ношения на булавке. Крест 2-й степени – для ношения на желтой (шириной 25 мм) желтой ленточке с черной (шириной 8 мм) вертикальной полосой по центру и 2 черными узкими (1 мм) вертикальными полосками по краям. Цветовая символика объясняется очень просто. Желтый (золото) и черный (чернь или чернедь) – гербовые цвета рода фон Лёвенфельдов.

До наших дней дошло и несколько миниатюрных, так называемых «фрачных», знаков ветеранов-«левенфельдеров», предназначенных для ношения на гражданской одежде (некоторые из которых изготовлены даже из золота). Однако своей формой они повторяют не Крест Левенфельда, а петличный знак чинов 3-й военно-морской бригады.

После прихода к власти национал-социалистов в 1933 году ношение креста Лёвенфельда (как и всех прочих наград белых добровольческих корпусов, кроме Балтийского креста, Бременского Железного Роланда и Силезского Орла) было запрещено законом.

Приложение 5.

Ганс Адам Отто Петер фон Гейдебрек и его добровольческий корпус

1. О «людях длинной воли»

Ганс Адам Отто Петер (будем в дальнейшем для краткости именовать его просто Петером – как он, впрочем, при жизни всегда делал и сам) фон Гейдебрек (род. 1 июня 1889 года в померанском г. Кеслине), сын прусского генерала, был типичным командиром добровольческого корпуса, порождением эпохи хаоса, наступившей в побежденной Германии после окончания Великой войны. Воспитанник Кеслинского, а затем – Лихтерфельдского кадетского корпуса, выпущенный в армию в чине лейтенанта и дослужившийся в годы войны до капитана (и командира 2-го Силезского егерского батальона №6, расквартированного до войны в г. Эльс), он был, так сказать, «пруссакom до мозга костей». Несмотря на тяжелое ранение, полученное им в 1914 году в Аргоннском сражении (ему отняли по локоть левую руку), он продолжал службу в рядах своей части не только до последнего дня войны, но и после ее окончания (воевал, главным образом, на Западном фронте – во Франции, где принимал участие в сражениях под Верденом и на Сомме, а также на Итальянском фронте и в Румынии). Фон Гейдебрек, награжденный в годы Великой войны за доблесть прусскими Железными крестами обоих классов, был непримиримым врагом «Веймарской республики», очевидно, не способным понять, что с лета 1918 года Германия была уже не в состоянии выиграть войну и что немецкий народ истощил в этой войне все свои силы. А если он и был способен это понять, то уж точно не способен был с этим примириться.

С одной стороны, он был «военной косточкой», типичным офицером, насквозь проникнутым корпоративным духом своей касты, с другой – авантюристом, склонным к хулиганству, кондотьером

чистой воды. Набранные им в добровольческий корпус волонтеры – прошедшие четырехлетнюю кровавую бойню фронтовики, как и он, никак не вписывавшиеся в послевоенную жизнь (типичные «пассионарии», или «люди длинной воли», по Л. Н. Гумилеву), были преданы ему не на жизнь, а на смерть. Судя по всему, Петер фон Гейдебрек обладал сильной харизмой.

Возвратившись с фронта в свой гарнизонный город Эльс, он отказался сложить с себя командование батальоном и сформировал на Рождество 1918 года из его кадра добровольческий корпус. Начальство посмотрело на это сквозь пальцы (в условиях послевоенной неразберихи, развала старой кайзеровской армии, революционных выступлений спартаковцев внутри страны и нападений войск соседних государств на пограничные области Германии буквально каждый штык был на счету). Прибыв, пешим порядком, на германо-польскую границу, фрейкор был включен в состав «Восточной пограничной стражи» («Гренцшутц Ост», нем.: Grenzschutz Ost). Там Гейдебрек, если верить его военным мемуарам «Мы – вервольфы» (Wir Wer-Woelfe, Leipzig, 1931), самостоятельно и по своим собственным правилам, почти без оглядки на начальство, вел партизанскую войну с поляками. В мае 1921 года пробил его великий час – польские инсургенты развязали в Верхней Силезии уже третье по счету восстание, направленное на присоединение этой германской провинции к свежее испеченному польскому государству. Не успевший в 1920 году принять участие в боях германских белых добровольцев со спартаковцами в Рурской области, он спешно сформировал «Батальон самообороны фон Гейдебрека» (Зельбштшутцбатальон ф. Гейдебрек, нем.: Selbstschutzbataillon v. Heydebreck) из ветеранов своей армейской части, добровольцев «Южно-Бранденбургского соединения самообороны» (Зельбштшутцфербанд Бранденбург-Эюд, Selbstschutzverband Brandenburg-Sued), а также группы офицеров-«балтикумеров» и отправился в Верхнюю Силезию. В нарушение приказа генерала Гёфера, Верховного Главнокомандующего Верхнесилезской самообороной (Зельбштшутц Обершлезия, нем.:

Selbstschutz Oberschlesien), Гейдебрек сразу же по прибытии к месту назначения, буквально с марша, успешно атаковал белополяков. Взбешенный нарушением приказа генерал Гёфер, после неприятного объяснения со своевольным Гейдебреком, включил его отряд в состав добровольческих частей, которым было приказано отбить у поляков имевшую важное стратегическое значение гору Аннаберг с расположенным на ней средневековым монастырем.

Однако Гейдебрек опять не поспел вовремя – Аннаберг был взят фрейковровцами без него и без его сорвиголов, чем он был страшно раздосадован (легенда о том, что Гейдебрек все-таки принял участие в штурме Аннаберга и потерял при этом руку, основана на неверных сведениях; в действительности, как уже указывалось выше, ему ампутировали левую руку по локоть еще в 1914 году). Поэтому встречающиеся в литературе утверждения, будто «Гейдебрек прославился по всей Германии, как герой Аннаберга», лишены всяких оснований. Зато 5 июня 1921 года, перед самым завершением боев фрейковровцев с польскими инсургентами, ему все же представился последний шанс прославиться – и он воспользовался им вполне. Молодецким ударом Гейдебрек выбил значительно превосходящий его часть по численности отряд польских инсургентов из г. Канджин, что сделало его не просто популярным, но прямо-таки знаменитым во всей тогдашней Германии. Генерал Гёфер (несмотря на трения, постоянно возникавшие между ним и одноруким «пассионарием») в своих военных мемуарах «Верхняя Силезия в период восстаний 1918-1921 гг.» писал о фрейкоре фон Гейдебрека, как о «добровольческом корпусе выдающейся храбрости во главе с энергичным командиром».

Прекращение военных действий ознаменовалось для батальона самообороны фон Гейдебрека приказом о расформировании, который, судя по реакции фрейковровцев, прозвучал для них совершенно неожиданно, как гром среди ясного неба. Приказ довел до предела ненависть этой добровольческой части к новому

имперскому правительству. Однако тут уж было ничего не поделать. Встав во главе 50 бойцов своей бывшей части («самых отпетых»), Петер фон Гейдебрек перешел границу между Германией и занятой поляками (не вследствие своих военных успехов, а по решению Антанты) Верхней Силезией. Там его «вервольфы» (сам фон Гейдебрек всегда писал это слово, применительно к своим добровольцам, через дефис), под видом дровосеков, развязали против «польских панов» форменную партизанскую войну, которую вели на свой страх и риск, причем весьма успешно.

На Пасху 1922 года Петер фон Гейдебрек был схвачен бело-поляками, но сразу же освобожден своими «людьми длинной воли». После освобождения он отступил в более безопасный район силезского города Нейштадта, где продолжал формировать все новые добровольческие отряды в рамках так называемого «Народнического (Фёлькишского) движения» («Фёлькише Бевегунг», нем.: Voelkische Bewegung). Гейдебрек установил контакт с генералом Эрихом Людендорфом в Мюнхене и весной 1923 года был привлечен капитаном баварского рейхсвера Эрнстом Рёмом, основавшим в свое время «Акционерное Общество отечественных боевых союзов» («АГ дер Фатерлендишен Кампффербэнде», нем.: AG der vaterlaendischen Kampfverbaende), именуемое сокращенно «Фронтбанн» (нем.: Frontbann), в состав этой ассоциации радикальных боевых союзов. В начале 1924 года фон Гейдебреку было поручено поставить на ноги «Фронтбанн» на Севере и Востоке Германии, однако из этого ничего не вышло. Он стал все больше отходить от Рёма и сближаться с национал-социалистами, группировавшимися вокруг Адольфа Гитлера. Весной 1925 года Петер фон Гейдебрек официально вступил в ряды Национал-Социалистической Германской Рабочей Партии, образовав в этом же году, вместе со своими ветеранами-фрейкоровцами, ядро Верхне-Силезского штурмового отряда (Штурмабтей-лунг Обершлезииен, нем.: Sturmabteilung Oberschlesien) в составе штурмовых отрядов НСДАП (СА). Вскоре Гейдебрек был приглашен Эрнстом Рёмом в Мюнхен, где ему была поручена

ответственная должность уполномоченного по особым поручениям в руководстве СА. В 1931 году он прошел курс обучения в Школе (Училище) высших руководителей СА (СА-Рейхсфюрершколе, нем.: SA-Reichsfuehrerschule), получив право, как и все ее выпускники, носить на левом плече коричневой формы СА черную, с серебряной каймой «боевую» руну «Тейваз» («Тюр»).

В 1933 году Петер фон Гейдебрек был переведен в г. Бреслау. Его старый соратник Эдмунд Гейнес (известный исполнитель смертных приговоров, вынесенных тайным судом «Фемы») помог ему получить пост командующего IV группы СА «Померания» (нем.: SA-Gruppe IV Pommern), что было связано с присвоением фон Гейдебреку ранга (чина) группенфюрера СА. Там он опять оказался в своей родной стихии, среди старых «вервольфов» – ветеранов добровольческих корпусов. Товарищи называли его, полушутя, полусерьезно «герцогом (воеводой) Померанским».

На протяжении своей недолгой жизни он дважды становился депутатом германского рейхстага. В первый раз – депутатом от Национальной Народной Партии Свободы (в которую вошли многие активные члены временно запрещенной НСДАП; вместе с фон Гейдебреком, депутатами от этой партии прошли в рейхстаг также генерал Эрих Людендорф и Эрнст Рём) в период с мая по декабрь 1924 года (после чего его кандидатура некоторое время не выставлялась, поскольку он – видимо, будучи в подпитии – организовал в здании рейхстага состязание по стрельбе из пистолетов по мишеням), а во второй – депутатом от НСДАП с ноября 1933 по 30 июня 1934 года (в этот день он был убит). 15 мая 1934 года власти «Третьего рейха» оказали Петеру фон Гейдебреку высокую честь, переименовав силезский г. Канджин, штурмом которого он прославился на всю Германию в 1921 года, в Гейдебрек.

Накануне 30 июня 1934 года однорукий «вервольф» был в Берлине в гостях у своего старого друга, ветерана-фрейкововца и писателя Эрнста фон Саломона. Позднее Саломон вспоминал в своей послевоенной книге мемуаров

«Анкета» (Der Fragebogen), что Гейдебрек стал злоупотреблять алкоголем, чтобы заглушить постоянную боль от обрубка левой руки (каждый год его оперировали, отрезая от искаленной руки кусок за куском). На критическое замечание, сделанное фон Саломоном в адрес Гитлера, фон Гейдебрек заявил ему в тот их последний совместный вечер, чтобы он не смел в таком тоне говорить с ним о его вожде, ради которого он живет и мысль о котором – единственное, что еще поддерживает в нем волю к жизни.

Говорил ли фон Гейдебрек искренне или искусно притворился, так и осталось неизвестным. Через 48 часов после этого памятного разговора он был расстрелян эсэсовцами «Зеппа» Дитриха из полка личной охраны фюрера – «Лейб-штандарта Адольфа Гитлера» – в мюнхенской тюрьме Штадельгейм, по обвинению в заговоре против Гитлера (так называемом «путче Рёма»). До сих пор остается не совсем ясным, был ли он действительно замешан в заговоре, по каким причинам он был приговорен к смерти и почему возникла столь срочная необходимость в ликвидации именно фон Гейдебрека, что его включили в самую первую группу приговоренных к расстрелу. По воспоминаниям очевидцев, фон Гейдебрек подтвердил свою верность Эрнсту Рёму (в виновность которого перед вождем и партией не верил), но в то же время – свою верность Гитлеру, крикнув перед расстрелом: «Да здравствует фюрер! Хайль Гитлер!» (совсем как советские комиссары и чекисты, кричавшие: «Да здравствует товарищ Сталин!» под пулями ежовских и бериевских палачей) Вряд ли это было искусным притворством и лицемерием перед лицом неминуемой гибели... Немецкий историк Вольфрам Зелиг в своей книге «Убит именем фюрера» предполагает, что фон Гейдебрека настигла запоздалая месть Гитлера за то, что Гейдебрек, после провала Мюнхенского («Пивного») путча Гитлера-Людендорфа 8-9 ноября 1923 года, ареста, осуждения и тюремного заключения фюрера, перешел на сторону Эрнста Рёма (фактически на некоторое время расколовшего, со своим «Фронтбанном», НСДАП). Кстати, в своей книге Зелиг допускает две неточности. Во-

первых, фон Гейдебрек потерял руку не в ходе штурма Аннаберга (в котором, как мы уже знаем, он даже не участвовал), а в сентябре 1914 года в Аргоннах. Вторых, группенфюрер СА Карл Эрнст был расстрелян не в Штадельгейме, вместе с Петером фон Гейдебреком, а в казармах «Лейбштандарта Адольфа Гитлера» в Берлине-Лихтерфельде. Аутентичные подробности взаимоотношений фон Гейдебрека с фюрером Третьего рейха содержатся в книге Генриха Беннеке «Гитлер и СА», а достоверные подробности расстрела фон Гейдебрека и верхушки СА – в книге Эрвина фон Аретина «Корона и цепи», на с. 365 которой приведены воспоминания вахмистра Цинка – очевидца экзекуции.

Независимо от отношения к Петеру фон Гейдебреку, его ликвидацию очень многие считали убийством – хотя немало немцев приветствовало это первое массовое убийство, совершенное национал-социалистами, как освобождение от «неорганизованного» террора коричневых батальонов.

2. О корпусном знаке фрейкора фон Гейдебрека

Корпусной (батальонный) знак добровольческого корпуса (фрейкора) Ганса Адама Отто Петера фон Гейдебрека, или же «батальона самообороны фон Гейдебрека», как этот добровольческий отряд именовался в период его участия в боях с белополяками в Верхней Силезии в 1921 году, и относившегося (наряду с добровольческим корпусом Россбаха и др. к числу «диких» фрейкоров, сформировавшихся практически нелегально, самочинно, и никогда не признаваемых официальным рейхсвером, представлял собой позолоченный металлический значок в форме германской («оттоновской») императорской короны. Знак имел 30 мм в высоту (если мерить по центру, от нижней кромки короны до увенчивающего ее креста) и 26 мм в ширину. Аналогичного вида эмблема использовалась в германском Императорском Военно-Морском Флоте (Кайзерлихе Марине, нем.: Kaiserliche Marine). Офицеры кайзеровского ВМФ носили ее на обоих рукавах над золотыми галунными полосками, обозначавшими чин, а также на фуражках. Почему командиру «батальона самообороны» Петеру фон Гейдебреку – ветерану кайзеровской армии, заслуженному офицеру-фронтовику, лишившемуся в 1914 году, вследствие тяжелого ранения, левой руки, но продолжавшему, несмотря на увечье, службу в рядах прусских королевских егерей и награжденному в годы Великой войны за доблесть, проявленную им в боях в Аргоннах, под Верденом, на Сомме, в Италии и Румынии, прусскими Железными крестами обоих классов, вдруг пришло в голову избрать в качестве опознавательного знака сформированного им добровольческого корпуса именно эту военноморскую эмблему, так и осталось неизвестным, ввиду отсутствия на этот счет каких-либо документальных материалов. Предположение, что Петер фон Гейдебрек, сын германского генерала (но не адмирала!) и отпрыск древнего прусского дворянского рода, многие поколения представителей которого служили в прусской армии (но не во флоте!), воспитанный в духе

беззаветной верности не только Отечеству, но и Престолу, желал, избрав в качестве эмблемы своего корпуса имперскую корону, продемонстрировать тем самым свои симпатии к свергнутой династии Гогенцоллернов, ничем не подтверждается (тем более, что в дальнейшем фон Гейдебрек ни в одной из монархических организаций, весьма многочисленных в Веймарской республике, не состоял). Не только лично он, но и его отряд не имел никаких исторических связей с военно-морским флотом (в отличие, к примеру, от некоторых других добровольческих частей – таких, как военно-морские бригады фон Родена, фон Левенфельда и Эргардта или штурмовой отряд Гейнца). Все добровольцы, составившие первоначальный кадр фрейкора фон Гейдебрека (как и сам он) до революции служили в прусских королевских егерях. Существует версия, что при выборе эмблемы для фрейкора его организатор, возможно, руководствовался чисто меркантильными соображениями. Дело в том, что у изготовителей эмблемы ВМФ после окончания мировой войны наверняка остались на складах немалые запасы этих знаков, сбыть которые ввиду изменившихся обстоятельств не было никакой надежды и которые по этой причине можно было приобрести по дешевке – что и сделал практичный фон Гейдебрек. Вместо того, чтобы тратить время, силы и деньги на разработку проекта отдельного знака для своего фрейкора и на его последующее изготовление, он воспользовался тем, что имелось на складах в наличии. Правда, это чисто умозрительная версия, ибо сам фон Гейдебрек ни в своих упоминавшихся выше военных мемуарах «Мы – вервольфы», ни в каких других дошедших до нынешнего дня документах ничего об этом не писал.

Как бы то ни было, этот знак, прикрепленный к круглому куску сукна армейского серо-полевого цвета «фельдграу» при помощи нарезного винта и круглой металлической гайки, превратился в опознавательный знак добровольческого корпуса фон Гейдебрека. Обычно его носили в виде нашивки на левом рукаве (в том числе и гражданской одежды, поскольку, судя по сохранившимся фотографиям, не у всех «вервольфов» – имелась военная

форма). Однако этот знак могли носить также на фуражке или шляпе, как это явствует из дошедшего до нас довольно примитивного рисунка (сделанного одним из гейдебрековских «вервольфов» в период боев с поляками в Верхней Силезии в 1921 году). На рисунке изображен сам командир «батальона самообороны» в военного покроя френче без карманов, погон и петлиц, но с прусским Железным Крестом I класса (степени), и в шляпе, на загнутой вверх левой поле которой явственно виден прикрепленный к ней батальонный знак в форме императорской короны. Рисунок (автор которого остался неизвестным) был впервые опубликован в книге немецкого историка Гюнтера Кёрнера «Боевые операции Самообороны в Верхней Силезии в 1921 году». В своей книге «Мы – вервольфы» Петер фон Гейдебрек упоминает именно этот знак на своей шляпе. Впрочем, не исключено, что подобную вольность мог себе позволить только сам фон Гейдебрек, как командир фрейкора.

Таким образом, можно считать не подлежащим никакому сомнению следующий факт: хотя знак в форме позолоченной германской императорской («оттоновской») короны имел военно-морское происхождение, он, тем не менее, являлся обычным знаком принадлежности к части (такие знаки добровольцы почти всех – весьма многочисленных – белых германских фрейкоров 1918-1923 гг. носили в качестве опознавательной эмблемы).

В некоторых фалеристических каталогах – например, в каталоге немецкого фалериста Йорга Ниммергута – эта императорская корона атрибутируется как «знак за выслугу лет» (нем.: Bewaehrungsabzeichen) добровольческого корпуса фон Гейдебрека. Но версия, согласно которой такие знаки не являлись принадлежностью формы, а дозволение носить их давалось только добровольцам, прослужившим во фрейкоре определенное время (в качестве своеобразного «знака за выслугу лет») ни на чем не основана. Если бы это было так, то учреждение впоследствии целым рядом командиров различных добровольческих корпусов подлинных «знаков за выслугу лет» было бы лишено

всякого смысла. Нам представляется, что знаки, о которых идет речь, были предназначены только для указания принадлежности тех, кто их носил, к совершенно определенной, конкретной части и, после получения их командиром части от производителя, безо всяких церемоний (в том числе – без торжественного вручения перед строем) прикреплялись к мундиру (либо к пиджаку или куртке, в случае отсутствия военной формы). Заметим, «в скобках», что с течением времени появляется все больше все более странных знаков такого рода, что порой заставляет усомниться в их подлинности... Но это так, к слову.

Относительно количества выданных «вервольфам» Петера фон Гейдебрека корпусных знаков в упоминавшемся выше каталоге немецкого фалериста Йорга Ниммергута речь идет о примерно 1000 штук. Другие фалеристы оспаривают это мнение, исходя из более скромных цифр.

Периодически в каталогах и у продавцов появляются знаки в форме позолоченной германской императорской («оттоновской») короны с горизонтальной булавкой для крепления их к одежде, атрибутируемые как «Знак Заслуг» фрейкора фон Гейдебрека. В действительности же это не только не «знаки заслуг», но даже и не знаки принадлежности к данному добровольческому корпусу, а украшения, которые носили бывшие чины германского Императорского Военно-Морского Флота в память о флотской службе (или, возможно, дарили их супругам или подругам в качестве оригинальной броши).

3. О «Знаке заслуг» фрейкора фон Гейдебрека

Наряду с упомянутым нами выше корпусным знаком (знаком принадлежности к подразделению), в добровольческом корпусе («батальоне самообороны») фон Гейдебрека имелся и свой особый «Знак Заслуг». Подтверждением данному факту служат фотодокумент и экспонат, хранящийся в частной коллекции.

Фотодокумент представляет собой фотографию Петера фон Гейдебрека, на которой он изображен в коричневой рубаше штандартенфюрера СА, на левом кармане которой, ниже Железного креста I класса (степени), ясно различим знак, точно соответствующий экземпляру, хранящемуся в одной из частных коллекций.

При сравнении знака, который носил фон Гейдебрек, с экземпляром из коллекции, к нижней части которого подвешен маленький щиток-жетон с надписью «Егерская ватага фон Гейдебрека» (нем.: «Егершар ф. Гейдебрек»), позволяет сделать вывод, что «Знак Заслуг» (в существовании которого не раз высказывались сомнения, ввиду отсутствия документов об его учреждении и о награждении им) существовал в действительности.

Знак, изготовленный из бронзы, представляет собой изображение оленьей головы. К двум нижним отросткам на оленьих рогах (справа и слева) подвешен на цепочках щиток, напоминающий своей формой геральдический тарч или картуш, с выгравированной на нем надписью (в 2 строки): «Егерская ватага ф. Гейдебрека» (нем.: Jaegerschar v. Heydebreck). Между оленьими рогами помещен накладной (прикрепленный двумя штырями, видными с внутренней стороны знака), покрытый черной, белой и красной эмалью (цветов германского кайзеровского флага) и увенчанный позолоченной «оттоновской» германской императорской короной (служившей корпусным знаком фрейкора фон Гейдебрека) щиток «норманнской» («варяжской») формы (на белом поле – стилизованный черный прусский Железный крест с

круглым красным медальоном в перекрестье, на который наложено контурное изображение герба рода фон Гейдебреков – 2 скрещенных опахала из павлиньих перьев на склоненном вправо «норманнском» щите, увенчанном горшковым – или, согласно немецкой геральдической терминологии – ранне-готическим – шлемом с буйволиными рогами, султаном и наметом). Знак крепился к одежде при помощи тонкой, круглой шарнирной булавки. Высота знака – 65 мм (с подвесным щитком), 59 мм (без подвесного щитка). Изготовитель знака на его реверсе не указан. В отличие от корпусного знака отряда фон Гейдебрека – императорской короны (заимствованной из символики кайзеровского Военно-Морского Флота) – «Знак Заслуг» явно символизирует своим внешним видом связь фрейкора фон Гейдебрека с егерским батальоном, ветераны которого послужили ядром добровольческого корпуса.

Можно не сомневаться в том, что фон Гейдебрек награждал своих «пассионариев» этим «Знаком заслуг» крайне редко. Вероятно, награждения им удостоивались только добровольцы, принадлежавшие к самому тесному кругу его фрейкоровцев, особо приближенных к командиру, вступивших в добровольческий отряд на самом раннем этапе его существования, когда фрейкор, разросшийся в период боев с поляками в Верхней Силезии в 1921 году до размеров усиленного батальона, был еще крайне малочисленным. Впрочем, все эти рассуждения носят чисто умозрительный характер. Как уже говорилось выше, документов на этот счет не сохранилось, а сам фон Гейдебрек ничего не упоминал в своих военных мемуарах «Мы – вервольфы» о «Знаке Заслуг», в отличие от «флотской» императорской короны, избранной им в качестве знака принадлежности к корпусу.

До наших дней, впрочем, дошел указ (декрет) «Заместителя фюрера» – Рудольфа Гесса – от 9 ноября 1934 года (представлявший собой, в несколько измененной редакции, повторение его же указа 1933 года), опубликованный в журнале ветеранов добровольческих

корпусов «Дер Рейтер ген Остен» («Всадник, скачущий на Восток») № 4 за 1934 год.

Согласно указу Рудольфа Гесса, позволялось ношение в гитлеровской Третьем рейхе целого ряда (хотя и далеко не всех) «Знаков заслуг» добровольческих корпусов на служебной форме одежды. Речь в указе шла о знаках перечисленных ниже 8 добровольческих корпусов:

- 1) «Знаке заслуг» добровольческого корпуса фон Эппа;
- 2) «Знаке заслуг» Союза «Оберланд»;
- 3) «Знаке заслуг» добровольческого корпуса фон Аулока;
- 4) «Знаке заслуг» добровольческого корпуса Россбаха (вероятно, имелся в виду наградной Крест Россбаха);
- 5) «Знаке заслуг» добровольческого корпуса фон Левенфельда (3-й военно-морской бригады);
- 6) «Знаке Заслуг» добровольческого корпуса фон Гейдебрека;
- 7) «Знаке заслуг» добровольческого корпуса Кюме;
- 8) «Знаке заслуг» военно-морской бригады Эргардта.

Следует заметить, что распоряжением от 14 ноября 1935 г. (опубликованном в «Бюллетене имперских законов» I, с. 1341) в Третьем рейхе было запрещено ношение со служебной формой одежды всех знаков добровольческих корпусов и «Пограничной стражи» («Гренцшц»), за исключением знаков «Балтийского креста» (которым награждались немецкие добровольцы, сражавшиеся в 1918-1919 гг. за освобождение Прибалтики – главным образом, Латвии и Эстонии – от красных) и «Железного Роланда» (Бременской гражданской самообороны).

Что же касается указа Рудольфа Гесса относительно «Знаков заслуг», то его формулировки представляются довольно неточными. Например, не существует никаких данных о том, чтобы в добровольческом корпусе (фон) Эппа когда-либо существовал «Знак Заслуг» (известны лишь петличные и нарукавные знаки с головой льва –

геральдического зверя Баварии). Сказанное в полной мере относится и к добровольческому корпусу Кюме, в котором имелась только нарукавная эмблема (то есть знак принадлежности к подразделению). Но это так, к слову...

4. О знамени фрейкора Гейдебрека

О знамени добровольческого корпуса («батальона самообороны») фон Гейдебрека известно, что оно было передано 8 ноября 1933 года, в день десятилетия начала мюнхенского («пивного») путча Гитлера-Людендорфа (подавленного на следующий день войсками и полицией баварских сепаратистов Густава Риттера фон Кара) начальнику штаба (штабсшефу) штурмовых отрядов гитлеровской Национал-Социалистической Германской Рабочей Партии (НСДАП), Эрнсту Рёму. Эта передача произошла в ходе торжественной церемонии на площади Кёнигсплац столицы Баварии г. Мюнхена. В тот памятный день гитлеровским штурмовикам были переданы знамена добровольческих корпусов Кюме, «Оберланд», Россбаха, Гауэнштейна («Штурмового отряда Гейнца»), Виккинга (а не «Викинг», как часто неправильно пишут и думают!), фон Аулока, Лаутенбахера (Лаутербахера), фон Гейдебрека и фон Пфэффера. Знамена были переданы представителям СА делегатами ветеранских организаций перечисленных выше добровольческих корпусов, некоторые из которых явились на церемонию в своей старой форме, другие (уже вступившие в ряды гитлеровских штурмовиков – как, например, Петер фон Гейдебрек) – в коричневой форме СА. Официально считалось, что передача знамен штурмовикам СА произошла по инициативе бывших командиров фрейкоров, хотя известно, что некоторые из них весьма неохотно расстались со своими боевыми знаменами, овеянными славой боев с внутренними врагами – спартаковцами – и внешними врагами рейха в 1918-1923 гг. Переданные штурмовикам знамена добровольческих корпусов были помещены на вечное хранение в Знаменный зал Коричневого Дома (штаб-квартиры НСДАП) на улице Бриеннерштрассе г. Мюнхена и сгорели вместе с ним во время бомбардировки столицы Баварии англо-американской авиацией в 1945 году.

То знамя, которое было передано гитлеровским штурмовикам ветеранами фрейкора фон Гейдебрека, не

было (в отличие от старых боевых знамен других добровольческих корпусов, сданных на вечное хранение в Коричневый Дом) его первоначальным знаменем, под которым «батальон самообороны фон Гейдебрека» снискал себе славу, взяв 5 июня 1921 года штурмом занятый превосходящими силами польских инсургентов г. Канджин в период польско-германского вооруженного конфликта в Верхней Силезии. Сам командир корпуса капитан Петер фон Гейдебрек описывал это первое знамя в своих мемуарах «Мы – вервольфы», как «черно-белое полотнище со старым, славным орлом королей Пруссии посредине».

Переданное штурмовикам 8 ноября 1933 года в Мюнхене знамя было репликой (изготовленной, вероятнее всего, в 1923 или 1924 году). Судьба первого знамени осталась неизвестной. К сожалению, на единственном фотографическом изображении этого знамени, дошедшем до наших дней, запечатлен только одна из сторон знамени, совершенно отличная от другой. На этой стороне изображен наклонный черный крюковидный крест-«гакенкрейц» в белом круге на красном поле, обрамленном сверху полукруглой надписью белыми готическими литерами «Германия, проснись». Изображения другой стороны знамени «вервольфов» фон Гейдебрека, переданного в 1933 году на хранение в мюнхенский Коричневый Дом НСДАП, судя по всему, до наших дней не дошло.

Однако сохранилось ее весьма точное и подробное описание в статье «Знамена (гитлеровского – В. А.) Движения в Коричневом Доме в Мюнхене», опубликованной в 1937 году в немецком униформологическом журнале «Униформен-Маркт». Автором статьи был известный тогдашний специалист в области вексиллологии доктор Оттфрид Нейбеккер. Согласно его описанию, знамя фрейкора фон Гейдебрека, переданное 8 ноября 1933 года штурмовикам СА, выглядело так:

«Аверс знамени представляет собой полотнище с крюковидным крестом; довольно узкий крюковидный

крест, нашитый на полотнище, изготовлен из черного бархата; надпись гласит: «Германия, проснись!» (на сохранившейся фотографии «свастичной» стороны знамени гейдебрековцев восклицательный знак в конце лозунга не просматривается – *В. А.*). Верхняя половина полотнища знамени белая, нижняя – желтая (геральдические цвета Верхней Силезии – области, на территории которой фрейкор фон Гейдебрека вел бои с польскими инсургентами, стремившимися, при поддержке официальной Варшавы и стран Антанты, отторгнуть эту промышленно развитую провинцию от Германии – *В. А.*), полотнище расшито сложной эмблематикой (так в оригинальном немецком тексте – *В. А.*). Изображения на знамени представляют собой, в верхней (белой – *В. А.*) половине, оленьи рога с черепом, между которыми помещен большой Железный крест; на середину Железного креста наложен красный круг, на котором изображен фамильный герб фон Гейдебреков, а именно, на белом щите два скрещенных опахала и на раннеготическом шлеме два буйволиных рога (на варианте фамильного герба рода фон Гейдебрек, помещенном нами в качестве иллюстрации в заголовке настоящей военно-исторической миниатюры, шлем имеет также намет и султан из павлиньих перьев между буйволиными рогами; намет и султан просматриваются также и на изображении герба, украшающего «Знак Заслуг» добровольческого корпуса фон Гейдебрека – *В. А.*). Над Железным крестом парит германская императорская корона (эмблема фрейкора фон Гейдебрека – *В. А.*). Оленья голова парит над маленьким щитком в центре знамени, на котором написано название подразделения (все это очень похоже на «Знак Заслуг» фрейкора фон Гейдебрека, описанный нами выше – *В. А.*). Все обрамлено уходящим глубоко в нижнее (желтое) поле широко раскрытым венком, сплетенным справа из зеленых дубовых листьев, а слева – из зеленых лавровых листьев, и переплетенным с обеих сторон черно-бело-красной лентой (цветов государственного флага кайзеровской Германии – *В. А.*). В перекрестье креста помещен наклоненный в сторону древка стальной шлем (стальная солдатская каска – *В. А.*)

с крюковидным крестом на лобовой стороне. Под стальным шлемом две перекрещенных винтовки. Знамя окаймлено золотой бахромой, его навершие представляет собой крюковидный крест, заключенный в кольцо».

Приложение 6.

О добровольческом корпусе Лютцова

1. История добровольческого корпуса фон Лютцова в самом сжатом очерке

Добровольческий корпус Лютцова принадлежал к числу фрейкоров, отличившихся в период боев со «спартаковцами» в 1918-1923 гг. – в первую очередь, в ходе мартовских боев 1920 года в Рурской области (и, в частности, в районе, называемом по-немецки «Бергишес Ланд», буквально: «Бергская земля», бывшем владении герцогов Бергских). Не кто иной, как Густав Хайнеман (Гейнеман), федеральный президент Федеративной Республики Германии (1969-1974), считал именно поведение чинов добровольческого корпуса Лютцова (наряду с поведением чинов фрейкора Лихтшлага) основной причиной возникновения очага гражданской войны в Рурской области. Об этом свидетельствуют датированные 1920 годом записи в его дневнике, который будущий федеральный президент, еще в свою бытность студентом, вел в 1919-1920 гг., и который был опубликован в 1980 году в Мюнхене под названием «Мы должны быть демократами».

Следует напомнить уважаемым читателям, что в истории Германии уже был один добровольческий корпус фон Лютцова. В период Освободительной войны против наполеоновской тирании (1813-1815) немецкий патриот и майор прусской армии Адольф-Вильгельм барон (фрейгерр) фон Лютцов сформировал (в значительной степени из студентов) добровольческий корпус «черных егерей», названный его именем. «Черные егеря» Лютцова носили черные сюртуки с красными воротниками и обшлагами и золотыми пуговицами (что впоследствии послужило поводом к созданию черно-красно-золотого национального флага борцов за единую Германию). Самоотверженной борьбе «черных егерей» с французами и датчанами (тогдашними союзниками Наполеона I) была

посвящена песня на стихи поэта-партизана Теодора Кернера («немецкого Дениса Давыдова»), служившего в добровольческом корпусе Лютцова и павшего в бою с французами – «Дикая, отчаянная охота Лютцова» (нем.: «Лютцовс вильде, фервегене ягд», Luetzows wilde, verwegene Jagd), в которой майор фон Лютцов, по сути дела, сравнивался с древнегерманским богом воинов – Вотаном (аналогом скандинавского Одина), а его «черные егеря» (буквально: «черные охотники») – со свитой Вотана, состоящей из павших в боях героев-эйнгериев (именуемой в германских народных сказаниях «Дикой Охотой» – «Вильде Ягд»). Сам майор Адольф-Вильгельм фон Лютцов был пленен врагами и допрошен лично Императором французов Наполеоном I Бонапартом накануне битвы при Ватерлоо (разгром которого в этой битве спас командира «черных егерей» от грозившей ему смертной казни).

После объединения Германии, в результате победы над Императором Наполеоном III Бонапартом (племянником и пасынком Наполеона I, допрашивавшего в 1815 году майора фон Лютцова), и провозглашения Германской империи в 1871 г., в составе германского Императорского флота (нем.: Кайзерлихе Марине, Kaiserliche Marine) имелся линейный крейсер «Лютцов». Впоследствии, в годы Второй мировой войны, в составе гитлеровского Военно-Морского Флота (нем.: Кригсмарине, Kriegsmarine) имелся тяжелый крейсер «Лютцов», а в составе германских вооруженных сил – 37-я добровольческая кавалерийская дивизия СС «Лютцов». Но это так, к слову...

В конце 1919 года чины добровольческого корпуса Лютцова издали в Берлине собственными силами и за свой собственный счет оставшийся почти неизвестным, но весьма содержательный мемориальный (памятный) фотоальбом под названием «Меморандум о добровольческом корпусе Лютцова 18131919». Однако содержание данного альбома, начинающееся с описания боевого пути первого добровольческого корпуса Лютцова (времен Освободительной войны против Наполеона I),

охватывает лишь начальный период существования белого фрейкора начала XX века, (основанного потомком Адольфа фон Лютцова – майором Гансом фон Лютцовом), завершаясь его участием в разгроме Баварской Советской республики и освобождении Мюнхена от красных в мае 1919 года. Таким образом, за рамками альбома остались кровопролитные бои со «спартаковцами» в марте 1920 года. Любопытно, что министр рейхсвера (обороны) Веймарской республики Густав Носке лично написал одну из глав фрейкоровского памятного альбома (в котором было опубликовано и фото самого министра). Данное обстоятельство позволяет предположить, что в 1919 г. командир фрейкора, майор Ганс фон Лютцов, был с видным социал-демократом Носке в превосходных отношениях.

Если верить мемориальному альбому, то в конце 1919 года весь 40-тысячный добровольческий Гвардейский Кавалерийский Стрелковый корпус (Garde-Kavallerie-Schuetzenkorps), в который входил и добровольческий корпус Лютцова (Freikorps Luetzow), планировалось в полном составе включить в ряды рейхсвера. Однако ближайшее будущее показало, что этим планам не суждено было осуществиться. Крупное войсковое соединение силой в 40 000 штыков и сабель никак не могло быть включено в состав крохотной «армии мирного времени» (рейхсвера) Германского рейха (принявшего форму республики), численность которой, по требованию держав Антанты (и – прежде всего – Франции), торжествовавших победу над Германией в Великой (Первой мировой) войне 1914-1918 гг., не должна была превышать 100 000 человек.

В данной связи нам представляется необходимым подчеркнуть, что добровольческий корпус Лютцова не следует путать (как это нередко делается) с «Гессенским батальоном самообороны Вольфа» (нем.: Hessisches Selbstschutz-Bataillon Wolf), чины 3-й роты которого носили, в период боев с бело-поляками за Верхнюю Силезию, манжетную ленту (а не «нарукавную повязку», как часто ошибочно пишут и думают!) с надписью

«Лютцов» (нем.: Luetzow). Не следует путать добровольческий корпус «Лютцов» и с добровольческим корпусом «Силезия» (нем.: Freiwilligen-Korps Schlesien), известным в русскоязычной литературе также под названием «Силезского добровольческого корпуса» и послужившим впоследствии ядром полка пограничной стражи (охраны) «Лютцов» (нем.: Grenzschutz-Regiment «Luetzow»), принимавшего участие только в боевых операциях на восточной границе Германского рейха.

Скажем несколько слов о главных этапах жизненного пути Ганса фон Лютцова – командира (фюрера) добровольческого корпуса своего имени.

Ганс фон Лютцов родился 1 ноября 1876 года в Мангейме, а умер 15 октября 1940 года в Готе.

Этот отдаленный потомок майора Адольфа-Вильгельма барона фон Лютцова, начав службу в королевском прусском пехотном полку фон Лютцова (1-м Рейнском) № 25 (нем.: Koeniglich Preussisches Infanterie-Regiment von Luetzow (1. Rhein.) Nr. 25), выступил на Великую войну (получившую впоследствии название Первой мировой) в должности командира пулеметной роты Магдебургского егерского батальона №4 (нем.: MGK im Magdeburgischen Jaeger-Bataillon Nr. 4). Впоследствии командовал батальоном Ангальтского пехотного полка № 93 (нем.: Anhaltisches Infanterie-Regiment Nr. 93), а в дни сражения во Фландрии – резервным пехотным полком №57 (Reserve-Infanterie-Regiment Nr. 57).

1 октября 1918 года был переведен в отдел полевых железных дорог (нем.: Feld-Eisenbahnwesen) Генерального Штаба.

С началом Ноябрьской революции 1918 года в Германии офицер-фронтовик, совместно с гауптманом (капитаном) запаса Эрихом фон Бибовым, закончившим Великую войну в должности адъютанта 227 пехотной дивизии (нем.: 227. Infanteriedivision), и лейтенантом запаса Вальтером Деном, закончившим войну в рядах Генерал-Фельдмаршала Принца Карла Прусского (8-го Бранденбургского) полка № 64 (нем.: Infanterie-Regiment

GFM Prinz Fiedrich R'arl von Preussen (8. Brandenburtgisches) Nr. 64), сформировал добровольческий корпус своего имени. В опубликованном в 1926 году в Берлине «Почетном списке чинов бывших Германских сухопутных сил» (нем.: Ehren-Rangliste des ehemaligen Deutschen Heeres) Ганс фон Лютцов значится как майор в отставке, а в качестве его последней должности указана должность командира Магдебургского егерского батальона № 4(нем.: Megdeburgisches Jaeger-Bataillon Nr. 4).

В рейхсвер он, судя по всему, зачислен не был – вероятно, по причине своего участия в антиреспубликанском военном путче Каппа-фон Люттвица (более известном как «Капповский путч») 1920 года. Числясь офицером запаса, он был демобилизован (уже из рядов вермахта) 30 сентября 1938 года, однако вновь призван в 1939 году, повышен в чине до подполковника (оберст-лейтенанта), а в скором времени – и до полковника (оберста), исполняя до конца жизни должность командира Готского военного округа (верберейха, нем.: Wehrbereich).

С этой должности он и был, как говорят немцы, «призван в Великую Небесную Армию».

Днем основания добровольческого корпуса фон Лютцова считается 18 января 1919 года. Именно в этот день майор Ганс фон Лютцов издал воззвание, выдержанное в несколько патетическом стиле, типичном для тревожного и многотрудного времени Великой Смуты (и опубликованное впоследствии, в 1919 году, на стр. 11 упоминавшегося выше мемориального альбома):

«И ВНОВЬ, как и сто лет тому назад, страдания Отечества достигли высшей точки. Для его защиты от большевизма и польской наглости необходимы надежные войска под предводительством опытных командиров.

И ВНОВЬ лютцовский добровольческий корпус призывает всех, кто способен держать в руках оружие, кто сохранил в себе прежнюю верность германскому Отечеству и любовь к нему, в особенности же бывших

чинов егерских частей и пехотного полка фон Лютцова (1-го Рейнского) № 25, вступить в его ряды в качестве добровольцев-егерей.

И вновь наш корпус должен стать образцом радостного служению Отечеству, добровольно соблюдаемой строжайшей дисциплины и немецкой доблести, и тогда корпус ВНОВЬ заслужит благодарность Отечества в устной и письменной форме, в песнях и молве.

Формирование корпуса проходит с дозволения и по заданию Имперского Правительства в составе испытанной в боях Гвардейской Кавалерийской Стрелковой Дивизии.

Корпусным знаком является охотничий рожок на обеих петлицах.

Условия зачисления: мобильная выплата жалования, ежедневная прибавка к жалованью в размере 5 марок, бесплатное проживание, питание и снаряжение.

Для посторонних (т. е. тех, кто ранее не служил в егерях или в пехотном полку фон Лютцова (1-м Рейнском) – В. А.): по возможности получить проездной билет в части, из которой увольняешься; в случае отсутствия такового, военный проездной билет будет предоставлен добровольческим корпусом, после подписания контракта и зачисления.

Регистрация: в пункте записи добровольцев в Гвардейскую Кавалерийскую Стрелковую дивизию по адресу: Берлин, Немецкий Художественный Театр, Нюрнбергер штрассе 70-71, а также в деловой конторе корпуса по адресу: Берлин В 9б Бельвюштрассе, 15. Пароль «Дикая, отчаянная охота Лютцова». Обмундирование и снаряжение приносить с собой.

ПРОМЕДЛЕНИЕ СМЕРТИ ПОДОБНО!

Добровольческий корпус Лютцова»

Это воззвание, опубликованное в целом ряде газет, а также распространявшееся в устной форме через громкоговорители, установленные на грузовиках, в сочетании с превосходным агитационным плакатом «Твое Отечество в опасности, записывайся добровольцем!» (работы известного немецкого графика Инспеовена) оказалось чрезвычайно эффективным. В первые же дни после публикации воззвания добровольцами пожелали стать 4 600 человек. 1700 из них лично явились в пункты записи добровольцев на собеседование, остальные прислали свои заявки по почте. Поначалу число добровольцев показалось командованию фрейкора чрезмерным. Было зачислено менее половины желающих. Уже в начале февраля 1919 года в здании Вильгельмовской гимназии г. Берлина был сформирован I отряд (батальон) фрейкора. После краткого пребывания севернее Берлина этот отряд в начале марта 1919 года, вместе с одной артиллерийской батареей, двинулся на охваченный революционными беспорядками Берлин, чтобы помочь Гвардейскому Кавалерийскому Стрелковому Корпусу (под командованием генерал-лейтенанта фон Гоффмана) разгромить незаконные бандформирования «спартаковцев».

В боях за берлинский дворец прусских королей (превращенный «спартаковцами» в настоящую крепость) и Дом народного Военно-Морского Флота (Фольксмаринегауз, Volksmarinehaus – штаб-квартиру красной Народной Военно-Морской дивизии), а также в ходе уличных боев в различных частях столицы Германии добровольческий корпус получил свое боевое крещение. Уже тогда «лютцовцы», позволившие себе расстрелять без суда 10 взятых в плен с оружием в руках мятежников, стали объектом особой ненависти левых политиков всех мастей и их сторонников.

Затем в жизни «лютцовцев» наступила непродолжительная фаза реформирования и подготовки в армейском учебном лагере Цоссен. В этот период был сформирован еще один, II, отряд (батальон) добровольческого корпуса.

Его формирование еще не было завершено, когда поступил новый приказ. 16 апреля 1919 года фрейкор Лютцова был переброшен в Брауншвейг, где власть захватило леворадикальное земельное правительство, разом отменившее все постановления и приказы имперского правительства (такая лихорадка провозглашения множившихся, как грибы после дождя, самозванных «правительств» и «республик», не желавших никому подчиняться, была характерна и для России после большевицкого октябрьского переворота 1917 года).

Вместе с Земским егерским корпусом Меркера (нем.: Landesjaegerkorps Maerker) и другим снискавшим себе впоследствии известность добровольческим корпусом, вошедшим в историю под названием «Военно-Морской бригады Эргардта» (нем.: Marinebrigade Erhardt), «лютцовцы» быстро подавили брауншвейгский мятеж. В период боев за Брауншвейг фрейкор Лютцова действовал в составе 11-й Кавалерийской Стрелковой Команды (нем.: Kavallerie-Schuetzen-Kommando 11) подполковника Франца графа фон Магниса.

Не успели егеря Лютцова возвратиться в учебный лагерь Цоссен, где был сформирован последний, III, отряд (батальон) их фрейкора, как они были в очередной раз подняты по тревоге и 29 апреля двинулись в Мюнхен для участия в ликвидации самопровозглашенной Баварской Советской республики. Данная операция официально носила название «Имперской экзекуции», нем.: Reichsexekution).

Красный Мюнхен был окружен белыми частями, верными социал-демократическому берлинскому Имперскому правительству Фридриха Эберта и Филиппа Шейдемана.

Добровольческий корпус Лютцова, имевший теперь в своем составе пехотные, кавалерийские и артиллерийские части, выполнял боевые задачи на восточном участке кольца окружения, все туже стягивавшегося вокруг мюнхенского гарнизона. Во второй половине дня 1 мая 4-й и 5-й эскадрон фрейкора (первыми из прусских воинских

частей) вступили в Мюнхен. Вслед за тем последовали ожесточенные уличные бои, сопровождавшиеся ликвидацией красных снайперов, засевших на крышах и чердаках. После подавления последних очагов сопротивления баварской Красной Армии фрейкор Лютцова был переброшен в мюнхенский район Перлах, где вновь стал поводом для скандальной кампании и травли в прессе, расстреляв без суда 12 пленных красноармейцев, взятых с оружием в руках.

О военных и учебных буднях фрейкоровцев Лютцова в период между их возвращением из замиренной Баварии в Цоссен и очередной переброской, в начале февраля 1920 года, в Рурскую область, охваченную целым рядом восстаний «спартаковцев», грозивших слиться в одно, у нас, к сожалению, не имеется на сегодняшний день надежных сведений.

Вероятно, в этот период майор Ганс фон Лютцов установил тесные связи с закулисными организаторами готовившегося втайне «путча Каппа-фон Люттвица». Если верить, документам, захваченным Рурской Красной Армией (Красной Армией Рура, нем.: Rote Ruhr-Armee), фон Лютцов якобы возражал против переброски подчиненного ему добровольческого корпуса в Рурскую область, утверждая, что он принесет больше пользы в Берлине. Кроме того, фон Лютцов, якобы, оставил при себе корпусную артиллерию, намереваясь использовать ее в ходе путча Каппа-фон Люттвица в Берлине против республиканского Имперского правительства.

Однако генерал-лейтенант барон фон Ваттер, командующий VI (Мюнстерским) военным округом (нем.: VI. Wehrbereich, Muenster), якобы, воспротивился этому и не дал майору фон Лютцову придержать свою артиллерию для берлинского путча.

Данная версия представляется достаточно сомнительной. Дело было вовсе не в стремлении фон Лютцова удержать артиллерию при себе, а в строжайшем запрете военного командования держав Антанты на ввоз германскими войсками своей артиллерии в 10-

километровую зону, прилегающую к западногерманским землям, оккупированным войсками Антанты. Именно этот запрет чрезвычайно осложнил положение оставшегося без артиллерийской поддержки добровольческого корпуса Лютцова в дни его боев с красными за г. Ремшейд. При этом рурские красноармейцы преспокойно применяли в этих боях против белых добровольцев артиллерию (ни много, ни мало – 7 полевых орудий), без каких-либо протестов или вмешательства со стороны представителей Антанты.

Перед белыми добровольцами и войсками рейхсвера (в значительной части состоявшими из тех же вчерашних белых добровольцев) была поставлена задача водворить спокойствие в г. Ремшейде (расположенном в непосредственной близости от Кельнского плацдарма английских оккупационных войск), захваченном красными «рабочими дружинами» (известными также под названием «красной рабочей милиции» и прославившимися своим левацким экстремизмом по всей Германии).

С этой целью генерал барон фон Ваттер направил туда II батальон 110-го пехотного полка (добровольческий корпус «Генерал-фельдмаршал фон Гинденбург»).

В начале 1920 года, в поддержку ему, туда же был направлен III отряд (батальон) добровольческого корпуса Лютцова под командованием капитана Бейера. I отряд (под командованием ротмистра Мюльдера) проследовал дальше, в Гуммерсбах, а оттуда – в Эйторфна-Зиге.

II отряд фрейкора Лютцова (под командованием полковника Шмиттендорфа – в белых добровольческих отрядах в период гражданской войны, причем не только в Германии, но и в России, были сравнительно частыми случаи, когда офицеры в более высоких чинах служили под командованием офицеров в чинах более низких), имевший на вооружении артиллерию, германское командование было вынуждено, из-за резкого протеста английских оккупационных властей против присутствия немецкой артиллерии в 10-километровой зоне, перебросить в Гольцминден.

Так «лютцовцы» остались без артиллерийской поддержки.

4 февраля 1920 года части фрейкора Лютцова вступили в г. Ремшейд, причем не под официальным государственным черно-красно-золотым республиканским флагом, а под черно-бело-красными знаменами монархии, демонстрируя тем самым ремшейдским большевикам свою «старорежимную, реакционную сущность».

Получив 13 марта 1920 года известие о начале антиреспубликанского «Капповского путча» в Берлине, майор фон Лютцов, решил еще ярче продемонстрировать эту сущность, чем привел ремшейдских «спартаковцев» в еще большую ярость. Он приказал своим войскам продефилировать по городу, после чего провел парад на площади перед ратушей (городским советом). Там он обратился к добровольцам с «краткой, но пламенной речью», сообщив им, что прежнее правительство свергнуто, крикнул: «Да здравствует Император Вильгельм!» (нем.: «Noch Kaiser Wilhelm!») и приказал поднять над всеми импровизированными казармами, в которых были размещены его люди, черно-бело-красные флаги. На следующий день майор забаррикадировался со своим штабом в здании ратуши, над которой также было поднято знамя Германской монархии.

Кроме того, майор фон Лютцов стал позволять себе нарушать военную субординацию. На призыв о помощи своего начальника, генерала фон Гилльгауссен, окруженного со своими войсками в г. Эльберфельде красными и приказавшего поддержать его силами I батальона «лютцовцев», командир фрейкора счел возможным направить в Эльберфельд только малочисленный отряд на восьми грузовиках. Данному ему 17 марта 1920 года приказу двинуться на Эльберфельд со всеми своими силами, фон Лютцов отказался подчиниться, под тем (не полностью необоснованным) предлогом, что он не может «разорваться со своим корпусом надвое». Майор, наоборот, стал стягивать силы своего фрейкора воедино, перебросив свой I батальон из гг. Гуммерсбаха и Леннепа в Ремшейд.

Но положение фрейкора в Ремшейде осложнялось с каждым часом – в город ежечасно прибывали все новые «красные пролетарские сотни», хорошо вооруженные и преисполненные боевого пыла.

К описываемому времени стало совершенно ясной невозможность претворения в жизнь первоначального плана генерала барона фон Ваттера очистить район Бергишес Ланд, отвести все дислоцированные там войска в Дюссельдорф и вырваться таким образом из красного «котла». Единственный остававшийся еще свободным путь отхода из г. Эльберфельда вел в расположенный на возвышенности г. Ремшейд, окраинные кварталы которого примыкали на юге и западе к английскому плацдарму близ Кельна. В соответствии со сложившейся обстановкой, генерал фон Гильягауссен отдал своим войскам в Эльберфельде приказ отходить на Ремшейд. После тяжелого ночного перехода отходящие части фон Гильягауссена, в составе добровольческого корпуса «Гаккетаяу» (нем.: Freikorps Hacketau), Эльберфельдской полиции безопасности (СП, зипо, Sipo, или «зеленой полиции», grüne Polizei), и отряда эльберфельдских временных добровольцев (нем.: Elberfelder Zeifreiwillige), под утро 18 марта достигли Ремшейда. Авангард растянувшейся на многие километры маршевой колонны составляли части I отряда «лютцовцев», пришедшие на помощь войскам Гильягауссена в Эльберфельде, храбро сражавшиеся, но оказавшиеся не в состоянии изменить ситуацию к лучшему.

Тем временем, майор Ганс фон Лютцов уже 16 марта призвал к оружию Ремшейдский корпус временных добровольцев, нем.: Zeitfreiwilligen-Korps Remscheid (гражданское ополчение). Теперь в его распоряжении имелось около 1500 штыков и сабель. Однако это было каплей в море с учетом противостоявших им 30 000 красноармейцев (имевших, в огромном большинстве своем, за плечами опыт четырехлетней Великой войны) – главным образом, членов «густо-розовой» Независимой Социал-Демократической Партии Германии (НСДПГ) и «кроваво-красной» Коммунистической Партии Германии

(КПГ), силы которых прибывали и множились день ото дня, и которые, после побед, одержанных ими в гг. Гагене (Хагене), Бохуме, Виттене и Веттера, уже ни в грош не ставили регулярные войска рейхсвера, не говоря уже о белых добровольцах...

В течение 18 марта Ремшейд был постепенно окружен частями Красной Армии Рура со всех сторон. Лишь на юго-западе, вследствие ошибки военного командования красных, осталась маленькая лазейка, через которую казалось возможным выйти из окружения.

После того, как окруженные белые, не имевшие артиллерии, провели, под обстрелом неприятельских орудий, в тяжелых боях весь день, а вслед за тем – и ночь, их командование осознало необходимость, как можно скорее (особенно с учетом того, что боеприпасы были на исходе), попытаться выскользнуть через эту лазейку, чтобы избежать позора капитуляции и сдачи своего вооружения красноармейцам.

В 10 часов утра 19 марта 1920 года был отдан приказ отходить. Вскоре, после короткой подготовки, начался отход. В авангарде шли «зеленая полиция» и ремшейдские временные добровольцы, хорошо знавшие местность и потому служившие проводниками.

За ними двигались главные силы – фрейкоры Лютцова и «Гаккетау», а также корпус временных добровольцев. Однако в скором времени, вследствие интенсивного неприятельского огня, связь между авангардом и главными силами была нарушена. Штабному эскадрону «лютцовцев» (под командованием ротмистра фон Моцкого) и некоторому числу чинов I отряда фрейкора удалось, вместе с авангардом, вырваться из огненного кольца, добраться до английского плацдарма в районе г. Бург-ан-дер-Вуппер и оттуда беспрепятственно отступить в г. Золинген (знаменитый своими стальными изделиями).

Совсем иная судьба ожидала главные силы колонны. В районе Фирлингсгаузена красные перерезали ей путь отхода. Колонна свернула в направлении г. Мюнгстена, однако, при проходе через глубокую долину реки

Морсбах, попала в устроенную красными засаду. Под убийственным огнем засевавших на господствовавших над долиною высотах «спартаковских» пулеметчиков около ста белогвардейцев предпочли сдачу в плен казавшейся неминуемой гибели.

Лишь очень немногим белым удалось с боем вырваться из «мешка» по железнодорожному мосту через реку Вуппер и пробиться к Кельнскому плацдарму английских оккупационных войск.

Более успешно сложилась судьба других маршевых частей главных сил белых, прибывших к месту событий примерно через четверть часа. Им удалось рассыпаться в стрелковые цепи, прорваться и перейти реку Вуппер по упомянутому выше железнодорожному мосту (проходящему на высоте 100 метров над рекой).

Между тем, арьергард отходившей из Ремшейда колонны белых, в составе основной массы III отряда фрейкора фон Лютцова, I батальона добровольческого корпуса «Гаккетау» (включая будущего известного германского полководца времен Второй мировой войны и генерал-фельдмаршала – Вальтера Моделя) и 107-го эскадрона рейхсвера, прошел из района Вендунга через лесистую местность и оттуда беспрепятственно добрался до моста через Вуппер.

В районе Золингена вырвавшиеся из окружения белые части наконец соединились, но были пленены англичанами, разоружены и интернированы под издевательские выкрики и злорадное улюлюканье толпы зевак из числа «спартаковцев» и их сторонников.

В числе сдавшихся в плен английским оккупантам было 36 офицеров (в том числе сам командир корпуса майор Ганс фон Лютцов) и 404 обер-егеря (унтер-офицера) и егеря (нижних чина). И только 11 апреля 1920 года интернированные белые добровольцы были переданы англичанами германским военным властям и размещены в учебном лагере Зеннелагер.

В боях за Ремшейд добровольческий корпус Лютцова потерял около 35 процентов своего личного состава. Тела убитых егерей, которые оказалось невозможно взять с собой, были изувечены победителями. Типичный большевицкий «почерк», хорошо знакомый всем, кто читал воспоминания участников нашей, российской, гражданской войны...

Остававшийся до сих пор в Гуммерсбахе, окруженный «спартаковцами», 3-й эскадрон фрейкора Лютцова был вынужден начать переговоры с Рурской Красной Армией. После сдачи затворов своего ручного огнестрельного оружия, «лютцовцы», в сопровождении красноармейского конвоя, были доставлены железнодорожным транспортом в г. Падерборн. Правда, по приезде в г. Билефельд красных конвоиров ожидал неприятный сюрприз. Оказалось, что на соседний путь только что прибыл из Баден-Вюртемберга эшелон с батальоном 13-й бригады рейхсвера (Гааза). Теперь уже красноармейцы были, в свою очередь, взяты в плен и обезоружены белыми. «Лютцовский» эскадрон присоединился к своим освободителям и, по прибытии в г. Мюнстер, соединился со своим II отрядом.

Тем временем Рурская Красная Армия, выступив из г. Гагена, своей оперативной базы, захватила гг. Гельзенкирхен, Бохум и Эссен. После взятия Эссена «спартаковцы» расстреляли 40 защитников города без суда у городской водонапорной башни. Однако правительственным войскам удалось, хотя и с величайшим напряжением сил, удержать гг. Дюссельдорф, Дуйсбург, Мюльгейм и Мюнстер. Тем не менее, 20-23 марта 1920 года часть войск рейхсвера была вынуждена под нажимом красноармейцев отойти в район г. Везеля.

Обе противоборствующие стороны были настолько истощены, что заключили перемирие. В результате переговоров между Имперским правительством (в лице известного социал-демократического политика Карла Зеверинга) и красными повстанцами, завершившихся 24 марта 1920 года, правительство, пойдя навстречу требованиям «спартаковцев», обещало незамедлительно

распустить особенно ненавистные красным белые добровольческие корпуса Лихтшлага, Лютцова и Шульца. Однако до выполнения этого обещания дело так и не дошло, поскольку наиболее радикальная часть симпатизировавших красным рабочих, под влиянием КПГ (подчинявшейся, в свою очередь, указаниям Коминтерна из красной Москвы), отказалась прекратить объявленную незадолго перед этим всеобщую забастовку, чтобы использовать сложившуюся ситуацию для навязывания правительству дальнейших политических требований. Не было выполнено и соглашение о разоружении красной рабочей милиции.

22 марта Красная Армия перешла в новое наступление севернее реки Липпе, а 23 марта – в направлении Везеля. Однако к описываемому времени начали сказываться последствия прибытия в район конфликта правительственных войск – Группы рейхсвера «Мюнстерская дивизия» (нем.: Reichswehrgruppe Division Muenster) и Группы рейхсвера «Гааз» (нем.: Reichswehrgruppe Naas). 27 марта правительственные войска перешли в первое крупномасштабное контрнаступление. После того, как вокруг Рурской области были сконцентрированы новые сильные группировки рейхсвера и добровольческих корпусов, 5 апреля 1920 года началось генеральное наступление на рурскую Красную Армию. В результате этого наступления последняя была разбита наголову всего за 3 дня, прекратив к 7 апреля всякое организованное сопротивление.

II отряд добровольческого корпуса Лютцова, счастливо избежавший Ремшейдской катастрофы, был, перед началом наступления на Эссен, придан (боевой) группе Кебича (нем.: Gruppe Kebitsch). Однако после завершения боев в Рурской области и окончательного разгрома красных, «лютцовцев», вопреки данным им в январе 1919 года торжественным обещаниям их командира (выпущенного, как мы уже знаем, из английского плена только 11 апреля 1920 года), ждала не «благодарность Отечества», а спешное расформирование их

добровольческого корпуса. Лишь немногие из них удостоились зачисления в 30-й егерский батальон (нем.: Jaeger-Bataillon 30) рейхсвера.

2. О петличном знаке добровольческого корпуса фон Лютцова

Уже в воззвании майора Ганса фон Лютцова от 18 января 1919 года о начале формирования белого добровольческого корпуса (фрейкора) его имени для борьбы с внутренним врагом (немецкими большевиками-«спартаковцами») и внешним врагом («панской» Польшей, покушавшейся на восточные земли Германии), содержалось указание на эмблему (опознавательный знак) нового подразделения:

«Корпусным знаком является охотничий рожок на обеих петлицах».

Тем самым майор фон Лютцов, вне всякого сомнения, взывал к традициям егерских частей (ведь «егерь», нем.: «der Jaeger», в переводе на русский язык означает буквально «охотник», ибо на заре своего существования егерские части действительно формировались из числа охотников-егерей, являвшихся отменными стрелками). Сказанное относится и к введенному для нового фрейкора зеленому воротнику мундира, о котором в выпущенном ветеранами-«лютцовцами» в Берлине в 1919 году (хотя и без официального указания года издания) мемориальном альбоме («меморандуме») говорилось:

«...(чины добровольческого корпуса Лютцова – В. А.) с гордостью носят охотничий рожок на зеленом воротнике».

Этот охотничий рожок был изготовлен из серебристого металла и предназначен для ношения на обеих петлицах (как уже упоминалось выше).

В весьма содержательной книге Веркуйлена Эйджера (Verkuilen Ager) «Эмблемы фрейкоров» («Freikorps Insignia»), не переводившейся (насколько нам известно) с английского языка на какие-либо другие языки и дающей читателю весьма полное представление об эмблемах белых германских добровольческих корпусов 1918-1923 гг., изображение данного знака, однако, отсутствует.

В то же время петличная эмблема добровольческого корпуса Лютцова был изображен немецким художником Петером Ваккером на таблоиде 8 своего сборника рисунков опознавательных знаков белых германских добровольческих корпусов и частей Пограничной стражи (охраны).

Кроме того, петличный знак добровольческого корпуса Лютцова изображен (наряду с петличными знаками других добровольческих корпусов) в весьма редкой книге «Новый германский рейхсвер», Часть Вторая (Лейпциг, 1919), на одном из приложенных к тексту книги таблоидов, под общим заглавием «Добровольческие отряды и их опознавательные (буквально: «характерные» – В. А.) знаки», автором которых был военный художник Карл Генкель (Хенкель).

И, наконец, петличный знак добровольческого корпуса Лютцова можно найти и в специализированном каталоге Лотара Гартунга (Хартунга) «Германские добровольческие корпуса 1918-1923 гг.». К сожалению, в этом специализированном каталоге отсутствуют данные о размере знака, металле, из которого он изготовлен, фирме-изготовителе и т. д.

Изображение петличного «охотничьего рожка» чинов фрейкора Лютцова было помещено (вместе с баронской короной фон Лютцова, заглавной латинской литерой «Л», т. е. «Лютцов», еловыми веточками и звездой высшего прусского ордена Черного Орла – эмблемой Гвардейской Кавалерийской Стрелковой дивизии, в составе которой был сформирован фрейкор Лютцова) и на их имевший овальную форму, обрамленный лавровым венком, ветеранский памятный знак.

3. Место послесловия

В качестве иллюстрации мы поместили в заголовке настоящей военно-исторической миниатюры таблоид с изображениями петличных знаков некоторых белых германских добровольческих корпусов периода

вооруженной борьбы с внутренними и внешними врагами Германии (1918-1923), включая петличный знак добровольческого корпуса Лютцова в форме охотничьего рожка (второй справа во втором ряду сверху).

Добровольческий корпус «Фельдмаршал Гинденбург»: дубовая веточка по диагонали, снизу вверх, слева направо;

Генеральная команда «Люттвиц»: дубовая веточка с 2 желудями по бокам, по диагонали, внизу вверх, слева направо;

Гвардейская Кавалерийская Стрелковая дивизия: звезда прусского ордена Черного Орла – эмблема всех прусских гвардейских частей – на 2 скрещенных дубовых веточках;

Земские егеря: дубовая веточка с одним желудем сверху и с одним маленьким листиком снизу, по диагонали. снизу вверх, слева направо;

Земские стрелки: круглый дубовый венок, перевязанный в нижней части лентой;

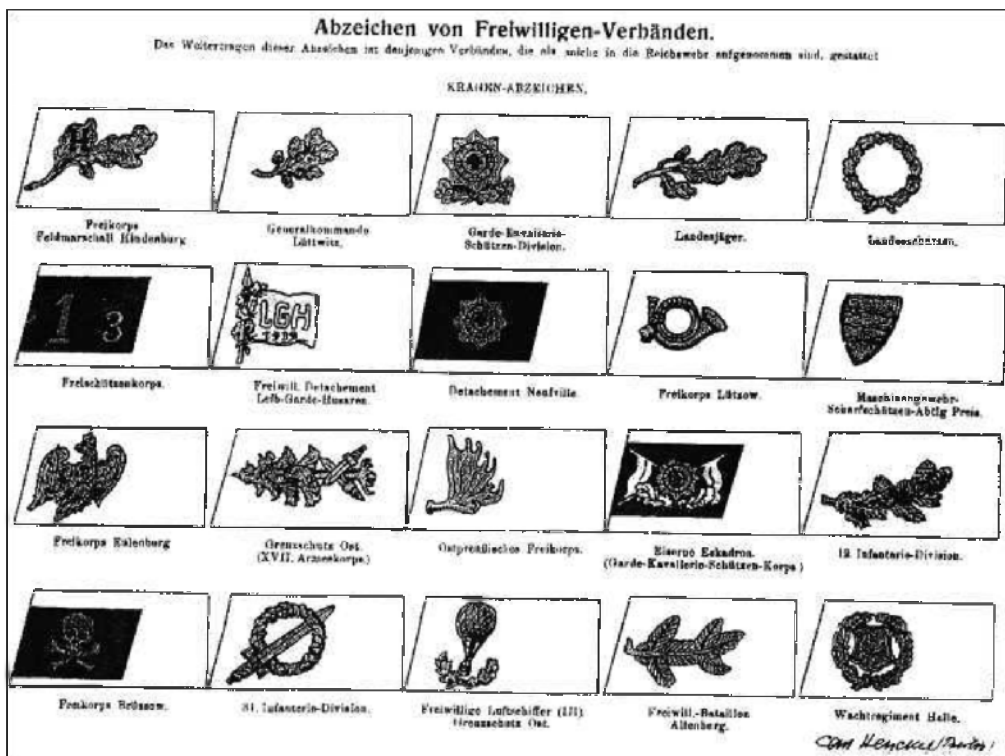
Второй ряд:

Корпус вольных стрелков: большая цифра 1 и маленькая цифра 3, на черном поле;

Добровольческий отдельный отряд особого назначения «Лейб-гвардии гусары»: верхняя часть кавалерийской пики, оплетенная дубовыми листьями, с флюгером, украшенным белыми заглавными латинскими литерами LGH (т. е. Leib-Garde-Husaren), а под ними – мелкими черными цифрами год основания Лейб-гвардии гусарского полка – 1839;

Отдельный отряд особого назначения Нефвиля: звезда прусского ордена Черного Орла на черном поле;

Добровольческий корпус Лютцова: охотничий (егерский) рожок;

Пулеметно-снайперский отряд Прейза: норманнской (варяжской) формы геральдический щит с изображением 3 расположенных вертикально оперенных стрел (оперением влево, наконечниками вправо);

Третий ряд:

Добровольческий корпус Эйленбурга: прусский королевский коронованный орел, собирающийся взлететь;

Восточная Пограничная Стража (XVII армейский корпус): расположенная горизонтально вырванная с корнями ель, перекрещенная над корнями двумя обнаженными прямыми мечами;

Восточнопрусский добровольческий корпус: лосиный рог;

Железный эскадрон (Гвардейский Кавалерийский стрелковый корпус): звезда прусского ордена Черного Орла, наложенная на 2 скрещенные кавалерийские пики с флюгерами, над 2 скрещенными дубовыми листьями;

12-я пехотная дивизия: расположенная горизонтально еловая веточка с 6 ответвлениями и 2 шишками;

Четвертый ряд:

Добровольческий корпус Брюссов: мертвая (Адамова) голова, т. е. человеческий череп над 2 скрещенными берцовыми костями, на черном поле;

31-я пехотная дивизия: перевязанный лентами круглый дубовый венок, пересеченный снизу вверх и слева направо по диагонали прямым обнаженным;

Добровольческий отряд привязных аэростатов (III) Восточной пограничной стражи: воздушный шар (аэростат) с гондолой над изогнутыми в форме полумесяца (рогами вверх) двумя скрещенными дубовыми листьями;

Альтенбургский добровольческий батальон; расположенная горизонтально еловая ветка с 4 ответвлениями;

Охранный полк г. Галле: щит-тарч с гербом города (полумесяц с рогами вверх между 2 мальтийскими крестами)/22/ в круглом дубовом венке, перевязанного снизу лентой;

Таблоид заимствован нами из II части небольшой униформологической брошюры «Новый германский рейхсвер», опубликованной в 1919 г. в Лейпциге, под названием «Добровольческие части и их опознавательные знаки в сделанных с оригиналов рисунках Карла Хенкеля».

Приложение 7. Последний фрейкоровец

Россбах странствовал с
молокососами по стране и
разыгрывал мистерии на радость
попам и школьным учителям...

Вольфганг Кёппен.

Смерть в Риме

1. Вождь добровольцев и его отряд

Имя командира добровольческого корпуса Гергарда Россбаха (которого все, кому довелось послужить под его черным знаменем, именовали неизменно и уважительно «шефом») в 1919 году прогремело на всю Германию, что помогло ему добиться необычайной популярности: в консервативных и национал-революционных кругах Веймарской республики (так неофициально именовался режим, установившийся в Германии после падения монархии в результате Ноябрьской революции 1918 года, поскольку принявшее новую республиканскую конституцию Национальное Собрание заседало в тюрингском городке Веймаре – подальше от беспокойного Берлина) Россбах пользовался поистине непререкаемым авторитетом до самого прихода к власти национал-социалистов в 1933 году.

Причиной этих необычайных популярности и авторитета послужила память о стремительном «марше-броске» добровольческого корпуса Россбаха силой в 1200 штыков (усиленного присоединившимся к нему, вопреки строжайшему запрету военного руководства, 3-м батальоном 21-го пехотного полка рейхсвера под

командованием майора Курца из крепости Торн) в Прибалтику, пылавшую в огне гражданской войны.

Россбах выступил в свой легендарный «поход на Восток» из городка Кульмзее, места дислокации его части, 23 октября 1919 года, спеша на помощь сражавшимся из последних сил с войсками «белых» латышской главы Временного правительства Латвии (милостью Антанты) доктора Карлиса Ульманиса в рижском пригороде Торенсберге (Торнакалнсе) частям белой русско-немецкой Западной Добровольческой армии князя Авалова (Бермондта).

Обстановка для подобного мероприятия была совершенно неподходящей, причем со всех точек зрения. Стоявшее во главе Веймарской республики правительство вождя немецких социал-демократов Фридриха Эберта, давно уже настоятельно требовавшее возвращения всех немецких добровольческих корпусов из Курляндии в Германию, потеряло, наконец, всякое терпение и перекрыло все каналы для получения «балтийскими бойцами» материальной помощи и подкреплений. Тем не менее, Россбах все-таки решился на этот 550-километровый «марш-бросок» пешим порядком – и таким образом автоматически попал в категорию мятежников.

Население Восточной Пруссии, через которую шли ускоренным маршем бойцы фрейкора Россбаха, повсюду встречало их сочувственно и помогало, чем только могло. Расквартированные в городах, через которые проходили россбаховцы, части рейхсвера (в который фрейкор Россбаха входил в качестве 37-го егерского батальона), и не подумали выполнить отданный из Берлина приказ воспрепятствовать их маршу-броску, поскольку также симпатизировали «ослушникам». После перехода Россбахом германо-литовской границы у Таурогена (Таурог) литовские войска дважды пытались остановить его, но были оба раза сметены неудержимым порывом германских белых добровольцев.

Как мы уже знаем, Россбах достиг своей цели буквально в самый последний момент и сумел отчаянным ударом (в

ходе которого пошло в ход «буквально все – от огнеметов до прикладов и штыков»), под звуки егерских рожков, ценой немалых собственных потерь, прорвать кольцо окружения, в котором находился попавший в западню в горящем Торенсберге добровольческий корпус «Железный отряд» Бертольда (Франконский отдельный крестьянский отряд особого назначения), дав тем самым всем удерживавшим Двинские позиции белым германским добровольческим частям возможность «отступить галопом» по единственному еще не перерезанному «белыми» латышами и эстонцами шоссе на Митаву (Елгаву).

Но и в ходе дальнейшего отступления фрейкор Россбаха героически сражался, прикрывая отход поспешно отступавших, до предела истощенных русских и германских белых добровольцев князя Авалова до самой германской границы, которую он пересек 26 декабря 1919 года. То и дело смело контратакуя наседавшего противника и отбрасывая его, фрейкоровцы добились того, что латыши, а затем и не в меру расхрабренные литовцы (напавшие на россбаховцев 14 декабря при Ретове и отбитые с большим уроном) в конце концов, предпочли преследовать отступавших белых добровольцев, держась от них на почтительном расстоянии.

Что же за человек был этот Гергард Россбах?

Он родился 28 февраля 1893 года в г. Керберге (правительственный округ Штеттин в прусской провинции Померании) и, прожив долгую, богатую событиями жизнь, скончался 30 августа 1967 года в Гамбурге. Его отец был арендатором имения, принадлежавшего одному из членов Прусского королевского дома Гогенцоллернов; мать Россбаха была певицей и преподавательницей музыки. От матери будущий предводитель белых добровольцев унаследовал любовь к музыке и умение превосходно играть на фортепиано.

Закончив прусские кадетские корпуса в Кезлине и Лихтерфельде, Гергард Россбах в августе 1913 года в чине лейтенанта был зачислен в 175-й Прусский королевский

пехотный полк (2-й Западно-Прусский), в рядах которого в августе 1914 года отправился на Великую войну (как тогда называли Первую мировую, не ведая, что за ней будет еще одна). Приняв активное участие в боях на Восточном фронте, молодой офицер был затем переброшен на Западный и в 1916 году тяжело ранен под Сен-Кантенем (пуля пробила легкое).

Россбах наградили прусскими Железными крестами II, а затем и I степени, а 13 июля 1918 года он удостоился награждения редким орденом Королевского Дома Гогенцоллернов с мечами. Начиная с октября 1918 года, Гергард Россбах командовал пулеметной ротой, но в связи с резким ухудшением здоровья, вследствие тяжелых ранений, был переведен с фронта в тыл, в г. Грауденц, где его заботам была поручена учебная команда из 1000 рекрутов в учебном лагере Группе. Образовавшийся там после Ноябрьской революции «Совет рабочих и солдатских депутатов» поручил Россбаху сформировать на базе учебной команды добровольческий корпус, чтобы остановить начавшееся наступление поляков.

Это был типичный случай формирования добровольческого корпуса не по приказу «реакционного офицерства», а по инициативе «снизу», вследствие волеизъявления самих «масс» (к тому же охваченных достаточно левыми настроениями), каких в тогдашней Германии было немало.

Впрочем, самого Россбаха, хотя он и не был застрельщиком формирования собственного добровольческого корпуса, «рачьим и собачьим» депутатам особенно долго уговаривать не пришлось. На первых порах весь его «корпус» состоял из 46 нижних чинов и 4 офицеров (не считая его самого).

С этими, прямо скажем, мизерными силами, он выступил в направлении государственной границы и взял на себя охрану «священных рубежей германского Отечества» (как тогда было принято выражаться) на участке от Торна до Страсбурга. В конце декабря 1918 года его крохотный отряд был усилен до размеров

отдельного отряда особого назначения, состоявшего из нескольких родов войск, получившего название «Добровольческий штурмовой отряд Россбаха» («Фрейвиллиге Штурмабтейлунг Россбах», нем.: Freiwillige Sturmabteilung Rossbach), под которым он и вошел в историю гражданских войн в России и Германии.

Россбаховцы приняли активное участие в обороне гг. Бризена, Кульмзее и Данцига от белополяков. Именно в этот период отношение Россбаха к Веймарской республике, поначалу достаточно сочувственное, перешло в резко отрицательное. Его штурмовой отряд был включен в состав Временного (предварительного) рейхсвера в качестве 37-го егерского батальона, но самому Россбаху, несмотря на свое безупречное прошлое боевого офицера, пришлось крайне долго дожидаться своего зачисления в офицерский корпус «веймарской» Германии.

Летом 1919 года вся германская Восточная пограничная стража (Гренцшутц Ост, нем.: Grenzschutz Ost) с нетерпением ожидала приказа о начале наступления на Польшу, надеясь вернуть захваченные поляками прусские земли. Однако ничего не произошло. Лишь в Курляндии шли бои между расквартированными там германскими частями и большевицкими отрядами. Когда уставшему ждать во всеоружии приказу о наступлении батальону Россбаха стало известно о планах министерства рейхсвера перебросить его в Померанию и там расформировать, Россбах решил на установление прямых контактов с офицерами белой русской Западной Добровольческой армии князя Авалова, после чего принял решение самостоятельно выступить в Прибалтику.

Курляндский поход превратил Россбаха в поистине легендарную фигуру. Но, невзирая на проявленные им и его бойцами в рядах Западной Добровольческой армии превосходные боевые качества, шансов быть зачисленным в республиканский рейхсвер у Россбаха стало еще меньше, чем до курляндской «авантюры». Военный министр Веймарской республики Густав Носке и Главнокомандующий рейхсвером генерал Ганс фон Сект

нуждались только в людях, готовых к абсолютному послушанию.

По возвращении из Курляндии, добровольческий корпус Россбаха был расформирован в г. Ратцебурге (Ратиборе) 28 января 1920 года – и это было только первым из многих расформирований, уготованных судьбой данному подразделению! Однако фрейкоровцам удалось, при благожелательном бездействии втайне симпатизировавших им воинских начальников рейхсвера – найти себе прибежище в качестве сельскохозяйственных рабочих в целом ряде имений в Померании, где они, в свободное от работы время, могли продолжать военное обучение, в ожидании грядущих новых боев. Во всяком случае, штаб добровольческого корпуса продолжал существовать на полулегальном положении, разместившись в небольшой вилле в берлинском пригороде Ваннзее.

С началом в марте 1920 года давно уже ожидаемого многими фрейкоровцами военно-монархического «путча Каппафон Лютвица» (организаторы которого, возмущенные продиктованным державами Антанты приказом правительства Веймарской Германии о роспуске всех добровольческих корпусов, намеревались свергнуть республиканский режим и привести к власти германского кронпринца), восставшие незамедлительно призвали «Отдельный отряд особого назначения Россбаха» к оружию. В качестве места дислокации россбаховцам был указан военный аэродром Геррис.

Первое боевое задание, полученное Россбахом от руководителя путча Вольфганга Каппа, заключалось в освобождении добровольческого корпуса присоединившегося к капповцам генерала-«африканца» фон Леттов-Форбека, блокированного в г. Шверине войсками, сохранивших верность Фридриху Эберту.

Успешно выполнив поставленную ему боевую задачу, отряд Россбаха принял участие в вооруженных столкновениях с красными боевиками в портовых городах Висмаре и Ростоке на Балтийском побережье Германии. За

это время «Капповкий путч» потерпел неудачу, сам Вольфганг Капп бежал в Швецию, мятежные войска покинули Берлин и началось новое вооруженное восстание против правительства Веймарской республики – на этот раз коммунистическое.

В г. Бютцове отряд Россбаха был остановлен на марше приказом вернувшегося в Берлин министра рейхсвера Носке, объявлен подразделением верных правительству войск (что, надо думать, немало удивило как самого Россбаха, так и его подчиненных!) и получил новую боевую задачу – двигаться на Рурскую область («Красный Рур»), охваченную вооруженным коммунистическим восстанием, инспирированным Коминтерном из Москвы.

Намалевав себе на касках белую диагонально повернутую оперенную стрелу (что должно было символизировать резкую «смену курса» – от борьбы против веймарского режима к его поддержке в борьбе с «еще худшим злом» – рурскими коммунистами), россбаховцы успешно выполнили боевую задачу, приняв участие в боях белых добровольцев с вооруженной до зубов (вплоть до тяжелых пулеметов и артиллерии) пятидесятитысячной Рурской Красной Армией и особенно отличившись в боях за гг. Эссен и Мюльгеймна-Руре. После подавления коммунистического мятежа в Рурской области, Добровольческий корпус Россбаха был – в очередной раз! – расформирован 20 мая 1920 года в г. Гюстров.

И снова чины добровольческого корпуса, по испытанной схеме, были размещены в ряде имений в качестве сельскохозяйственных рабочих-членов «Трудового сообщества Россбаха» («Арбейтсгемейншафт Россбах», нем.: Arbeitsgemeinschaft Rossbach). Рейхсвер не проявлял по этому поводу особых признаков беспокойства. Многие россбаховцы не были склонны безропотно переносить свое превращение в дешевую рабочую силу – особенно те из них, которым слишком полюбилась беззаботная, хотя и опасная, солдатская доля. Однако даже у тех, кто готов был начать новую жизнь «на гражданке», не было иных альтернатив. Дело в том, что

германские профсоюзы (в которых традиционно задавали тон социал-демократы) объявили всегерманский бойкот бывшим фрейковровским бойцам, требуя, чтобы никто в стране не брал их на работу.

Россбах разделил свое «Трудовое сообщество» на три области (обозначив их древнегерманским словом «гау», которым впоследствии воспользовались и национал-социалисты) – Померанию, Силезию и Мекленбург. В каждой из этих областей насчитывалось от 1000 до 1500 членов «Трудового сообщества». Левые публицисты утверждали, что Россбах, якобы, постоянно держал в этих 3 традиционных аграрных областях в состоянии полной боевой готовности до 8000 вооруженных до зубов бойцов, день и ночь ожидавших от него сигнала к новому выступлению.

С начала осени 1920 и до конца 1925 года для разбросанных как на территории 3 вышеназванных «гау», так и в других областях Германии россбаховцев выходил еженедельник «Соратник», или «Товарищ» («Камерад»), служивший для них как бы идейным связующим звеном. Издателем и главным редактором еженедельника бесценно являлся Курт Оскар Барк (по прозвищу «Куба») бывший офицер-ординарец штаба добровольческого корпуса Россбаха.

Тот факт, что официально запрещенные правительством Веймарской республики негосударственные вооруженные формирования по-прежнему находились в Пруссии (в отличие от, например, Баварии) на полулегальном положении, стал совершенно очевидным в ходе их боевого применения в ходе Третьего польского восстания в Верхней Силезии, разразившегося в мае 1921 года. Начальник штаба Верхнесилезской самообороны, полковник фон Шварцкоппен, сразу же поднял по тревоге корпус Россбаха.

Однако Россбах, наученный горьким опытом, выступил быстрым маршем на Крейцберг лишь после того, как получил официальные заверения от германских республиканских властей, что его действия не будут

признаны незаконными и не будут приравнены к попытке вооруженного мятежа. Получив новое, причем достаточно «нейтральное» в политическом отношении, название «Силезский полк», фрейкор Россбаха, включенный в состав Северной группы, принял активное и успешное участие в боях с польскими инсургентами и поддерживавшими их частями польской регулярной армии, особенно отличившись в боях под Альт-Розенбергом, Вендрином, Питченом и Крейцбургом.

«Силезский полк» был вторым по численности и боевой мощи германским добровольческим подразделением во всей Верхней Силезии, уступая в этом отношении только прибывшему на Силезский фронт из Верхней Баварии добровольческому корпусу «Оберланд» (нем.: Freikorps Oberland). Одним из наиболее отличившихся в этой кампании против поляков чинов добровольческого корпуса Россбаха был лейтенант Эдмунд Гейнес (будущий обергруппенфюрер СА и командир берлинских штурмовиков, со временем, подобно Вальтеру Стеннесу, заподозренный в связях с немецкими национал-большевиками, с КПГ и с советской разведкой и убитый эсэсовцами в ходе подавления так называемого «ремовского путча» 30 июня 1934 года, вошедшего в историю под названием «Ночи Длинных Ножей»).

После завершения боев в Силезии 24 ноября 1921 г. «Трудовое сообщество Россбаха» было, по приказу имперского правительства расформировано. Тем не менее, Гергард Россбах всеми силами пытался сохранить кадры своего подразделения, окончательно перешедшего теперь на нелегальное положение. С целью маскировки он вынужден был несколько раз воссоздавать его, меняя, после очередного запрещения правительством, названия своей организации – вплоть до самых фантастических, как, например: «Союз немецких вело— и автотуристов», «Союз силезских сельских хозяев для обучения местных сельскохозяйственных рабочих», «Национальное страховое объединение Берлин-Ваннзее», «Союз защиты интересов жителей немецкого Пограничья» и т. д.

На подобные ухищрения в те годы, кстати, приходилось идти не только россбаховцам, но и другим бывшим фрейкорам – так, например, запрещенный Веймарским правительством добровольческий Охранный полк Большого Берлина был вынужден продолжать свое существование под прикрытием вполне безобидного, на первый взгляд, названия «Спортивный союз «Олимпия». Тем не менее, несмотря на все попытки Россбаха придать своей организации легальный статус, его существование в Пруссии становилось все более сложным. Он несколько раз подвергался арестам, а в 1923 году даже провел 7 месяцев в камере предварительного заключения, хотя и был, в конце концов, освобожден за недоказанностью выдвинутых против него обвинений в создании незаконных вооруженных формирований и подготовке военного мятежа с целью насильственного свержения конституционного строя.

Освобожденный из-под стражи (хотя на этот счет существуют и иные версии, согласно которым приказ о его освобождении был подделан или же ему помогли бежать из камеры предварительного заключения), Гергард Россбах покинул ставшую для него столь негостеприимной родную Пруссию и направился в столицу Баварии Мюнхен – тогдашнее прибежище бывших военных и полувоенных формирований, находившихся под запретом в остальных частях Германии, где у власти стояли социал-демократы и партнеры Социал-Демократической партии Германии (СДПГ) по правительственной коалиции.

Вслед за Россбахом не замедлили всеми правдами и неправдами пробраться в Баварию и многие из его бывших добровольцев. 9 ноября 1923 года «шеф» принял участие в «пивном путче» Гитлера-Людендорфа (направленном, в первую очередь, не против левого берлинского правительства, а против баварских сепаратистов, лидеры которых – Риттер фон Кар и фон Зейссер – планировали отделить Баварию от остальной Германии, «зараженной», по их мнению, «марксистской чумой»). Россбаху удалось убедить курсантов

Мюнхенского пехотного училища рейхсвера присоединиться к путчистам, лично возглавить их и привести к Людendorфу. Кстати, из числа россбаховцев, последовавших за своим «шефом» в Мюнхен, в составе Мюнхенского полка гитлеровских СА (ставшего первым полком штурмовиков НСДАП) был сформирован 2-й батальон, так и называвшийся «батальоном Россбаха» (нем.: Bataillon Rossbach). Командовал батальоном вышеупомянутый отставной лейтенант Эдмунд Гейнес, будущий командир берлинских СА и, возможно, «по совместительству», советский агент.

После провала «пивного путча» Россбах был вынужден искать спасения в бегстве и укрылся на территории Австрии. Кстати, до сих пор доподлинно не известно, состоял ли он в гитлеровской партии НСДАП. Сам Россбах это отрицал. Хорошо знавший своего «шефа» лично, бывший «россбаховец» Генрих Беннеке, член НСДАП с 1922 года, дослужившийся со временем до звания обергруппенфюрера СА, утверждал, что Россбах состоял в гитлеровской партии, но очень недолго, и вышел из нее после провала мюнхенского путча 1923 года. Кстати, членство в нацистской партии, как это ни покажется странным, не было обязательным ни для членов СА, ни даже для членов СС (хотя, по широко распространенному мнению, СС были задуманы как часть этой партии и даже как ее элита).

Сохранились фотографии самого Гергарда Россбаха и его людей с нарукавными повязками, украшенными знаком свастики («гакенкрейца», нем.: Hakenkreuz). Правда, свастика на их повязках помещалась не в круге, как у нацистов, а в квадрате, как у дружинников РОНД князя Авалова. К тому же в то время свастику уже довольно активно использовали многие противники большевизма и вообще марксизма (в особенности ветераны боев в Прибалтике в 1918-1919 гг.), а не только нацисты.

По удивительной иронии судьбы, примерно в то же самое время в Советской России свастику – являющуюся, между прочим, излюбленным символом Царской Семьи

(Император Николай II ездил в автомобиле с укрепленным на капоте знаком свастики в кольце, а Императрица Александра Федоровна изображала знак свастики на своих личных вещах, альбомах, поздравительных открытках, стенах комнат и даже на страницах своего молитвенника!), активно использовали в качестве эмблемы на денежных банкнотах, печатях, головных уборах и нарукавных нашивках красноармейских частей (вплоть до 1923 года!) ленинцы-большевики! Но это так, к слову...

С другой стороны, сохранилась фотография Эдмунда Гейнеса и 2 других ветеранов фрейкора Россбаха – знаменосца добровольческого корпуса Риша и офицера штаба Шульца – на параде национал-социалистических штурмовых отрядов (СА) в Мюнхене 8 ноября 1933 года (то есть уже после прихода Гитлера к власти) в стальных солдатских касках, сапогах, бриджах и коричневых рубашках, но при этом не с нацистскими нарукавными повязками, украшенными свастикой, а со своими собственными «россбаховскими» нарукавными повязками (черными, с белой латинской литерой «R», наложенной на 2 горизонтальные белые полосы) – хотя на том же фото рядом с ними стоят начальник штаба СА Эрнст Рем со своими штурмовиками под штандартами со свастикой!

Кстати, ниже мы еще коснемся подробнее вопроса о коричневых рубашках, потому что вокруг истории их происхождения и превращения в униформу СА и вообще национал-социалистов, как и вокруг многих вопросов раннего периода нацизма существует немало легенд, при ближайшем рассмотрении оказывающихся несостоятельными.

2. Россбах во главе «Шиллевской молодежи»

Выше мы рассмотрели первый этап в жизни Гергарда Россбаха, на протяжении которого он был командиром добровольческого корпуса. Но, бежав в Австрию, Россбах отнюдь не «ушел на покой», а, так сказать, сумел создать из пепла своего добровольческого корпуса и под его прежним черным, с 2 белыми полосами и белой же литерой «R», знаменем, увенчанным наверху в форме оленьего черепа с крестом между рогами, нечто новое и в то же время являвшееся, в значительной мере, продолжением старого – консервативно-националистическую молодежную организацию, вскоре занявшую видное место в политическом ландшафте Веймарской республики.

О преемственности и глубоком внутреннем родстве этой новой организации с прежним Добровольческим штурмовым отрядом Россбаха свидетельствовало, в первую очередь, использование ими одних и тех же эмблем (знамени, знаков отличия и значков).

Правда, лишь немногие из его бывшие соратников по добровольческому корпусу вступили в новую организацию Россбаха. Одним из них был бесконечно лояльный и преданный «шефу» офицер-ординарец Курт Оскар Барк (Куба), о котором уже упоминалось выше. Во время своего вынужденного пребывания в Австрии Гергард Россбах – быстрее, чем многие другие неисправимые путчисты – понял, что одним голым насилием невозможно добиться того, что он понимал под «улучшением внутривнутриполитической обстановки».

В 1924 году он познакомился в австрийском г. Зальцбурге с небольшой группой националистически настроенной молодежи и создал на ее базе Оборонительный молодежный союз «Шилль», названный в честь прусского гусарского офицера и командира добровольческого корпуса Фердинанда фон Шилля, погибшего в борьбе против Наполеона Бонапарта в 1809 г.

Дождавшись в 1926 году амнистии, Гергард Россбах возвратился из Австрии в веймарскую Германию и занялся организацией новых ячеек возглавляемой им молодежной организации. Очень скоро густая сеть этих ячеек покрыла всю территорию Германской империи. Идеология россбаховских групп представляла собой смесь взглядов фрейкоровцев и популярного националистического молодежного движения «Перелетных птиц» («Вандерфогель», нем.: Wandervogel), эмблемой которого служило изображение летящего журавля (или грифа).

О символике «Перелетных птиц» уже упоминавшийся нами выше нижегородский автор А. Ю. Москвин в своем послесловии к переводу труда Т. Уилсона о свастике сообщает (на той же стр. 488), что «в эпоху Веймарской республики свастику использовало немецкое молодежное движение «Перелетные птицы» – в комбинации с карающим врагов нации мечом» (и даже приводит под № 172 рисунок этой эмблемы левоза-крученной свастики-колодрата, наложенной на меч острием вниз).

Чуть ранее г-н Москвин приводит, в качестве примера использования свастики как символа в Веймарской Германии, описание и рисунок (под № 171) «вымпела немецкой добровольческой бригады Wandervogelsoldaten («воины – перелетные птицы»), где на красном фоне нарисован контрастный желтый солнечный круг, в который вписана черная свастика (на этот раз – правозакрученная – В. А.), украшенная щитком с изображением перелетной птицы – как видим (пишет А. Ю. Москвин – В. А.) Гитлеру не надо было ничего придумывать в качестве своей партийной эмблемы – все уже было готово для него».

Звучит забавно, учитывая черно-красно-золотую (черно-красно-желтую) республиканско-веймарскую цветовую гамму описанного выше вымпела, столь ненавистную как для Гитлера, так и для всех остальных немецких националистов, признававших только черно-бело-красные цвета. Впрочем, правильность приведенных г-ном Москвиным описаний и рисунков представляется весьма сомнительной – особенно с учетом его ни на чем не

основанного утверждения, будто «на знамени «Свободного корпуса Россбах» (так А. Ю. Москвин именует Добровольческий корпус Россбаха) также красовалась большая свастика вкупе с мертвой головой, а по углам были вышиты лавровые венки».

В россбаховских молодежных группах царила по-военному жесткая дисциплина. Молодежный союз «Шилль» был настроен против парламентской демократии, но не желал примыкать ни к одной из оппозиционных правых политических партий Веймарской Германии.

Некоторое время он сотрудничал с другими национально-революционными молодежными организациями, в частности, с Союзом «Орлы и Соколы» (Адлер унд Фалькен) Вильгельма Котцде-Коттенродта, а несколько позднее – с Союзом «Штурмфольк-Германская младость» («Бунд Штурмфольк-Дейче Юнгеншафт», нем.: Bund Sturmvolk-Deutsche Jungschaft) Вернера Ласса. В конце 1926 года молодежная организация Россбаха была переименована в «Шиллевскую молодежь» («Шилльюгенд», нем.: Schilljugend) и официально зарегистрирована под этим названием в германском министерстве юстиции. Между прочим, в ряды этой организации вступил Эрнст Юнгер, знаменитый писатель-фронтвик, командир ударного отряда и кавалер ордена «За заслуги» (Pour le Merite), начиная с 1926 года исполнявший в организации «Шиллевской молодежи» обязанности руководителя отдела германской литературы.

В новом союзе также царила армейская дисциплина. В ряды «Шиллевской молодежи» принимались только юноши. Каждый из новичков, вступавших в организацию, был обязан в течение года нести добровольную трудовую повинность. В этот период проживание и питание было совместным, никакой платы за труд не полагалось и выдавались лишь небольшие карманные деньги.

Трудовая повинность, однако, не была связана с тяжелым физическим трудом – как, например, в трудовых лагерях, организованных для молодежи «Стальным

Шлемом» («Штальгельмом», нем.: Der Stahlhelm) или национал-социалистами Адольфа Гитлера – а отбывалась в рядах «Эккегардтовской скоморошьей ватаги», или «Скоморошьей ватаги Эккегардта» («Шпильшар Эккегардт», нем.: Spielschar Eckeardt), объединения молодежных коллективов художественной самодеятельности, организованных наподобие ватаг средневековых немецких скоморохов-«шпильманов», и призванных противостоять идеологическому воздействию на умы населения бригад коммунистического агитпропа «Синяя блуза».

В «Шпильшар Эккегардт» принимались и девушки, но при этом они не могли стать членами собственно «Шиллевской молодежи». Ватага была названа в честь аббата Санкт-Галленского монастыря – Эккегардта I, записавшего (или сочинившего) в раннем Средневековье на латинском языке древнегерманскую героическую «Песнь о Вальгари», повествующую о битвах древних германцев с гуннами Аттилы-Эт-целя (некто вроде раннего варианта более известной у нас в России «Песни о Нибелунгах»).

«Скоморошья ватага» Россбаха организовала в период с 1926 по 1934 год не менее 2000 фольклорных вечеров народного искусства, бесплатно проводившихся в церквях и даже кафедральных соборах многих немецких селений и городов.

В 1929 году в г. Арнштадте состоялся IV Всегерманский съезд «Шиллевской молодежи», на котором Гергард Россбах подчеркнул первостепенное значение культурно-массовой работы «в борьбе за умы и сердца немецкого народа» в качестве главной задачи Союза. Было принято решение о допущении девушек в ряды «Шиллевской молодежи» и о слиянии последней с «Эккегердтвской ватагой скоморохов» в единую организацию, зарегистрированную под названием «Союз Эккегардта-Шиллевская молодежь» («Бунд Эккегардт Э. Ф. Шилльюгенд», нем.: Bund Eckeardt e. V. Schilljugend).

Гергард Россбах также открыл в мекленбургском курортном городке Бад Штюор спортивное училище «Эккегардт» (нем.: Sportschule Eckeardt), которое, однако, вскоре пришлось закрыть из-за отсутствия финансирования. Начиная с 1930 года Россбах начал склоняться к политическому сотрудничеству между рейхсвером (во главе с дослужившимся до генеральского чина Куртом фон Шлейхером, также являвшимся одним из первых организаторов добровольческих корпусов в период Ноябрьской революции) и профсоюзами. На Троицу 1933 года в окрестностях городка Шензееан-дер-Рен состоялся V (и последний) Всегерманский съезд россбаховского молодежного союза «Бунд Эккегардт э. Ф. Шилльюгенд». На тот момент в рядах союза, испытывавшем сильный отток членов, осталось не более 1000 человек (главным образом, юношей). Вскоре после своего последнего съезда россбаховский союз, как, впрочем, и все другие организации «союзной молодежи» («Бюндише Югенд»), был расформирован новыми, национал-социалистическими властями Германии, а его члены – «унифицированы», т. е. включены в нацистскую молодежную организацию «Гитлеровской молодежи» («Гитлерюгенд», нем.: Hitlerjugend, сокращенно: HJ).

Еще в апреле 1932 года Гергард Россбах, распознавший знамения времени, попытался продлить существование своей молодежной организации, переименовав ее, по согласованию с министерством рейхсвера, в «Учебный отряд противовоздушной обороны «Эккегардт» (нем.: Luftschutz-Lehrabteilung Eckeardt) – своеобразную передвижную школу на манер советского «Осоавиахима», разъезжавшую по Германии и обучавшую население азам поведения в случае воздушного нападения. Юношам и девушкам, вступавшим в «Учебный отряд», проведенное в его рядах время засчитывалось государственными органами в качестве трудового стажа.

В отряд вступили даже некоторые из старых ветеранов фрейкора Россбаха. Однако вскоре их уволили за «политическую неблагонадежность», после того, как сам Россбах впал в немилость у национал-социалистов после

подавления так называемого «рёмовского путча» 30 июня 1934 года, стоившего жизни его бывшему офицеру Эдмунду Гейнесу и многим другим россбаховцам.

Гергард Россбах был смещен с поста вице-президента Имперского Союза противовоздушной обороны и инспектора по обучению основам ПВО, на которые был назначен незадолго перед «ночью длинных ножей», и арестован. Некоторое время ему пришлось провести в концентрационном лагере. Выйдя на свободу, он написал книгу мемуаров «Мой путь через время». Остаток жизни он провел в качестве частного лица и умер в 1967 году в полной неизвестности, всеми забытый.

3. Награды добровольческого корпуса Россбаха, «Шиллевской молодежи» и «Союза Эккегардта»

Крест Россбаха

Добровольческий корпус Россбаха входил в относительно небольшое число белых германских добровольческих корпусов, имевших, наряду с почетным знаком в форме ордена, еще и собственный значок. Но и этот значок, в определенном смысле, также можно рассматривать в качестве знака за заслуги.

Почетный знак фрейкора Россбаха представлял собой покрытый на аверсе белой эмалью, с серебряным кантом, мальтийский крест с позолоченными оленьими черепами между лучами креста и окаймленным серебром и покрытым черной эмалью круглым медальоном в перекрестье, с заглавной серебряной латинской литерой «R» (Россбах) в центре медальона. Основу знака составлял белый мальтийский «крест Келлера», служивший первоначальной эмблемой белой русской Западной Добровольческой Армии князя Авалова.

«Крест Россбаха» был изготовлен из бронзы и имел 2 степени. «Крест Россбаха» I степени – «боевой крест» – имел 49 мм в диаметре (с медальоном 11 мм в диаметре) и носился на булавке слева на груди, наподобие «Железного креста» I степени. «Крест Россбаха» II степени – «крест за заслуги» – имел несколько меньшие размеры (42 мм x 42 мм с медальоном диаметром 10 мм) и носился на черной ленте с двумя вертикальными белыми полосками по краям (цветов знамени фрейкора Россбаха).

Награда была учреждена еще в период кампании в Прибалтике в конце 1919 года, но реально награждение «Крестом Россбаха» началось лишь во время 3-го польского восстания в Верхней Силезии и последовавших вслед за этим восстанием военных действий, в мае 1921 года. Еще в ходе боев была получена из Германии первая

партия «боевых крестов». Вручение наград производилось лично Россбахом, в торжественной обстановке, что вызвало немалое чувство зависти у бойцов других белых германских добровольческих корпусов, чьи командиры оказались не столь расторопными.

Вплоть до 1923 года Россбах производил лишь награждения фронтовиков «боевыми крестами» за отвагу, проявленную в боях, а именно – в ходе боевых действий в Западной Пруссии, Мекленбурге, Курляндии, в Рурской области и в Верхней Силезии. В числе первых награжденных был бывший Главнокомандующий белой Русской Западной Добровольческой Армией (в составе которой на заключительном этапе Балтийской кампании 1919 года сражался «Штурмовой отряд Россбаха») генерал князь Авалов (П. М. Бермондт), которому крест был вручен лейтенантом Куртом Оскаром Барком по личному поручению «шефа». Кстати, князь Авалов направил немалое число русских солдат своей Западной Армии на помощь германским фрейкоровцам в Верхнюю Силезию, где они плечом к плечу сражались против польских инсургентов.

Со временем возникла необходимость учреждения особого вида награды для спонсоров добровольческого корпуса. И «шеф» учредил специально для их награждения «Крест Россбаха» II степени, отличавшийся от креста I степени, во-первых, несколько меньшими размерами, а, во-вторых, тем, что этот «крест за заслуги» носился не на булавке, а на черной широкой муаровой ленте с 2 белыми полосками по краям.

Тем не менее, к величайшему неудовольствию россбаховцев-фронтовиков, было проведено и несколько награждений «боевым крестом» тыловиков, хотя и «за особые заслуги». Так, «боевым крестом» был награжден некий отставной лейтенант Мюллер за свои «исключительные заслуги» в дни гитлеровского «пивного путча» 8-9 ноября 1923 года в Мюнхене, что, по мнению россбаховцев-фронтовиков, не могло быть приравнено к участию в боевых действиях, несмотря на то, что в эти ноябрьские дни на улицах Мюнхена также свистели пули,

лилась кровь и умирали люди. Всего было выдано 120 «крестов Россбаха» I и около 500 крестов II степени. Последние награждения были проведены на церемонии торжественной передачи знамен бывших добровольческих корпусов штурмовикам гитлеровских СА 6 ноября 1933 года в Мюнхене.

К крестам обеих степеней выдавалось специальное наградное удостоверение, украшенное в левом верхнем углу значком «Трудового сообщества Россбаха-Шиллевской молодежи» (представлявшего собой знамя фрейкора Россбаха в миниатюре), и значков следующих организаций (в которые Гергард Россбах был вынужден преобразовывать свой добровольческий корпус): Добровольческого штурмового отряда Россбаха, Добровольческого корпуса Россбаха, 37-го егерского батальона рейхсвера, «Трудового сообщества Россбаха», Силезского добровольческого полка и т. д., а также Великогерманской рабочей партии (нем.: Гроссдейче Арбейтерпартей), в которую россбаховская организация вошла в качестве «коллективного члена» (в этой партии, кстати, состоял и «мученик нацистского движения» Альберт Лео Шлагетер).

Знаки отличия фрейкоровцев Россбаха

Знаки отличия россбаховцев очень часто менялись – не в пример знакам отличия бойцов других добровольческих корпусов. Так, чины россбаховской пулеметной роты пограничной охраны с января 1919 года использовали в качестве знака отличия узкую красно-черно-белую ленточку (цвета были расположены именно в таком порядке, противоположном порядку расположения цветных полос на черно-бело-красном кайзеровском флаге). Затем Россбах отменил ношение этой ленточки, потому что ее часто путали с орденской. Вместо ленточки россбаховцы-пограничники стали носить на левом рукаве белую повязку с надписью черными буквами «Пограничная охрана (Гренцшущ)».

С начала лета 1919 года добровольцы Россбаха стали носить на воротнике металлические петличные знаки западнопрусской пограничной охраны (вырванная с корнями ель, перекрещенная 2 мечами остриями вверх в нижней части ствола), на тулье бескозырок и фуражек – круглую кайзеровскую черно-бело-красную кокарду, на околыше головных уборов – обрамленную дубовыми заглавную металлическую литеру «R» (начальную букву фамилии «шефа»), а на правом рукаве френча или шинели – «знак Святого Губерта» (на котором мы еще остановимся).

Кроме того, многие из них (но не все) носили заглавную белую литеру «R» на своих черных погонах. Россбах ввел «знак Святого Губерта» в качестве отличительного знака своего добровольческого корпуса в продолжение традиций егерского батальона, существовавшего в Кульмской земле (где теперь был расквартирован его фрейкор) еще при прусских королях. По той же причине он ввел в своем добровольческом корпусе охотничье (егерское) приветствие «Горридо!» (соответствующее крику: «Улюлю!» во время загонной охоты в России) и ответ на него: «Йохо!». Кстати, этой же самой традиции придерживалась и «Шиллевская молодежь».

После возвращения фрейкора Россбаха из Курляндии 28 января 1920 года «шеф» отменил в своем фрайкоре ношение как петличных знаков Восточной пограничной охраны (ель с 2 мечами), так и «знака Святого Губерта». В период участия россбаховцев в боях с Красной Армией Рура они носили на касках белое изображение оперенной стрелы, а в период боев с поляками в Верхней Силезии – общую для всей Силезской самообороны желто-белую нарукавную повязку, а также желто-белый, «варяжской» формы нагрудный или нарукавный щиток Силезской самообороны с изображением меча, вонзенного в клубок извивающихся змей.

Кроме того, засвидетельствовано ношение многими россбаховцами, в память о службе в рядах Восточной пограничной охраны, «варяжской» формы щита с гербом рыцарей Тевтонского Ордена (для офицеров он был

изготовлен из серебра с выгравированной на обороте памятной надписью).

Россбаховский «знак Святого Губерта» состоял из 2 частей: нарукавного шеврона из красно-черно-белой ленты углом вниз и крепившегося над шевроном изображения оленьего черепа из серебристого металла с крестом между рогами. Этот серебряный олений череп, по воспоминаниям уже упоминавшегося выше лейтенанта Курта Оскара Барка (Куба), являлся не просто знаком отличия, но и своего рода «наградой за верность отряду», ибо его дозволялось носить лишь тем, кто прослужил в добровольческом корпусе Россбаха не меньше полугода. По своему внешнему виду знак был полностью идентичен с оленьими черепами, которые носили чины кайзеровских Гвардейского стрелкового и Гвардейского егерского полков (хотя, в отличие от них, не был увенчан германской императорской короной).

Россбаховцы, прослужившие во фрейкоре год и больше, получали право на ношение аналогичного оленьего черепа, но уже позолоченного. Интересно, что чины белого добровольческого корпуса Йорка фон Вартенбурга носили на рукаве аналогичный олений череп с крестом между рогами, но только выгравированную на овальной металлической бляхе (также серебристого или золотистого цвета, в зависимости от выслуги лет).

Знаки отличия «Трудового сообщества Россбаха» и Организации Россбаха

Начиная с 1921 года, демобилизованные россбаховцы стали носить синие фуражки со значком в форме покрытого черной эмалью флажка своего фрейкора с позолоченными литерой «R» и 2 горизонтальными полосками. Многие носили такой значок и на лацкане штатного костюма. Аналогичные значки носили позднее и члены организации «Шиллевская молодежь-Союз Эккегардта». «За проявленную особую верность»

некоторые из них достаивались также права на ношение поверх флажка маленькой золотистой короны из томпака.

Так, по воспоминаниям того же Барка, 150 ветеранов-россбаховцев, собравшихся в Мюнхене на празднование четырехлетней годовщины основания своего добровольческого корпуса, были в синих фуражках с литерой «R» на черном флажке и маленькой золотой короной, вместо кокарды, и с черными нарукавными повязками с серебряной (белой) литерой «R», пересеченной по горизонтали 2 серебряными (белыми) полосками.

Интересно, что корпусная песня россбаховцев пелась на мотив русской волжской песни про Стеньку Разина и княжну («Из-за острова на стрежень...»), хотя текст ее был совершенно иным. Они пели о любви к униженному Отечеству и о необходимости сплотиться для его защиты.

Униформа и знаки отличия «Шиллевской молодежи» и «Союза Эккегардта»

С течением времени члены этих россбаховских молодежных организаций стали, наряду с черным флажком-значком, перенятым у «Трудового сообщества», носить свой собственный «союзный значок». Этот значок представлял собой овальную металлическую брошь на булавке с выгравированным схематичным оленьим черепом с крестом между рогами на фоне 2 горизонтальных полос, взятых с россбаховских знамени и нарукавных повязок, описанных выше. Олений череп, крест и полосы были золотистыми на черном эмалированном фоне. Начиная с 1931 года, знак стал не овальным, а круглым, изготовленным целиком из золоченой бронзы. Изображение оленьей головы с крестом между рогами стало настолько стилизованным, что скорее напоминало древнегерманскую руну «одал (отилия)». Знак так и назывался – «союзная руническая брошь».

Вплоть до роспуска россбаховской молодежной организации национал-социалистами в 1934 году, ее униформа состояла из светло-коричневой рубашки, коричневого берета с короткой черно-серебряной полоской («россбаховских» цветов) на правой стороне, и черного шейного платка (типа бойскаутского или пионерского галстука). Таким образом, она весьма походила на форму молодежной организации НСДАП – так называемой «Гитлеровской молодежи» («Гитлерюгенд»).

Сохранилась фотография самого Гергарда Россбаха и руководства его молодежной организации в этой форме, собравшихся вокруг черного россбаховского знамени с 2 продольными белыми полосками и наложенной на них белой заглавной латинской литерой «R». На этом основании, во многих исторических (и псевдоисторических) трудах именно Россбаху приписывается «изобретение» нацистской коричневой рубашки. Сам он, однако, это энергично отрицал, справедливо указывая на то, что рубашки членов его организации отличались от гитлеровских рубашек как цветом, так и покроем.

Рубашки гитлеровских штурмовиков и прочих членов НСДАП были также коричневого цвета, но имели гораздо более темный оттенок и застегивались на черные кожаные пуговицы. А россбаховские рубашки, введенные «шефом» первоначально для членов «Трудового сообщества», а с 1924 года – и для «Шиллевской молодежи» (их носили до 1933 года!) были бледно-кофейного цвета, причем с белыми перламутровыми пуговицами. Россбах по случаю купил партию этих рубашек, предназначенных для офицеров германских охранных (колониальных) войск в Восточной Африке (где, кстати, служили генерал фон Леттов-Форбек, командир Железной дивизии майор Йозеф Бишоф и многие другие будущие бойцы добровольческих корпусов!). Правда, в последующие годы члены «Шиллевской молодежи» могли приобрести аналогичные рубашки в Цейхгаузе своего Союза в Мюнхене, по цене 7 рейхсмарок 80 пфеннигов за штуку.

В заключение можно упомянуть еще и о том, что с 1930 года для участников коллективов художественной самодеятельности «Скоморошьей ватаги Эккегардта» было также введено ношение на левом рукаве выше локтя овальной металлической броши с совершенно реалистичным изображением оленьего черепа с крестом Святого Губерта между рогами. Эта брошь очень напоминала нарукавную эмблему фрейкора Йорка фон Вартенбурга. Единственное различие между ними заключалось только в цвете. «Скоморошья» брошь была коричневого цвета, а эмблема вартенбурговцев – серо-полевого («фельдграу»).

Приложение 8. Добровольцы Лаутербахера.

Краткая история фрейкора Лаутербахера в контексте размышлений о патриотизме

Анализируя причины катастрофы, приведшей к крушению Российской Империи в 1917 году и к установлению большевицкой диктатуры над Россией, всякий вдумчивый исследователь не сможет не обратить внимания на тот столь же парадоксальный, сколь и очевидный факт, что, невзирая на провозглашенный еще в правление Императора Николая I и особенно активно проводившийся в жизнь при его внуке, Императоре Александре III лозунг «Самодержавие, Православие и Народность», носителями патриотической идеи во Всероссийской империи (как официально именовалась Императорская Россия до февраля 1917 года), оставались исключительно ее Императорские Армия и Флот, что находило свое самое краткое и в то же время емкое выражение в словах известной солдатской песни «Взвейтесь, соколы, орлами»:

Слава матушке-России, слава батюшке-Царю!
Слава Вере Православной и солдату-молодцу!

Пока авторитет Российских Императорских Армии и Флота, овеянный громкими победами XVIII и первой половины XIX вв., в народе был высок, положение еще нельзя было считать особенно тревожным. Когда же, после несчастной Крымской войны, впервые вошло в моду открытое (и безнаказанное, в условиях наступившей эпохи либеральных реформ) третирование отечественных Вооруженных сил, ситуация стала резко меняться к худшему. Как подчеркивал ком. Гренадерским корпусом 4-й армии Западного фронта генерал от инфантерии А. Н.

Куропаткин в своем письме начальнику штаба Верховного Главнокомандования генералу М. В. Алексееву от 22 ноября (5 декабря) 1915 года:

«Мы в России долго преследовали военных (с 1856 года), считали их дармоедами, боялись милитаризации деревни, отдались в руки западников, убивших русский патриотизм.

Даже вполне определенное Высочайшее повеление – дать детям начальных школ военную выправку назначением учителями гимнастики запасных унтер-офицеров – не было выполнено.

Народная масса земледельческого населения России... оставалась без должного руководства и попечения. Фабричное же и...городское население развращалось нравственно (пьянство, сифилис) и... растлевалось революционной пропагандой».

Одним словом, общегосударственный патриотизм во Всероссийской Империи, к сожалению, развит не был. После незаконного, с точки зрения законов Российской Империи, отречения Государя Императора Николая II, падения Временного Правительства (столь же незаконно объявившего Россию республикой, не дожидаясь решения на этот счет Учредительного собрания), захвата власти большевиками в союзе с левыми эсерами (опять-таки незаконного) и разгона ими Учредительного собрания, противникам большевиков из Белого стана не пришло на ум никакого другого лозунга, кроме борьбы за «Единую, Великую и Неделимую Россию» – лозунга, подозрительно напоминавшего лозунг французских якобинцев – «Республика Единая, Великая, Неделимая – или смерть» – и не говорившего народным массам ничего – именно в силу неразвитости в населении России общегосударственного патриотизма.

Естественно, русские люди сопротивлялись, в том числе и силой оружия (а как иначе?) большевицким грабежам и разбою, но только в местах своего проживания – в своем уезде, в своей волости, в своей губернии, в своем крае, но дальше этого не шли («не наше дело», «мы – скопские,

калуцкие, тверские» и т. д.). Так говорили представители «необразованных классов общества». Но и с образованными дело, при ближайшем рассмотрении, обстояло не лучше.

Русское студенчество на протяжении нескольких поколений поставляло едва ли не основные кадры для подрывной, антигосударственной и, по сути дела, антинациональной деятельности так называемых «революционеров». Одиозная фигура «скубента-бонбиста» стала в России притчей во языцех. Мало того! «Прогрессивная демократическая» российская общественность буквально «на руках носила», как «героя», студента Карповича, застрелившего министра народного просвещения Боголепова (прозванного левыми «Чертонелеповым»!) за то, что тот велел «сдать в солдаты» студентов-бездельников, проводивших время, вместо учебы, на политических митингах и сходках под лозунгом «Долой самодержавие»! И суд присяжных оправдал убийцу, как в свое время – Веру Засулич!

Как же обстояло дело с патриотизмом вообще и среди студентов, в частности, в другой великой Империи – недавней противнице России в войне – Германии, оказавшейся поздней осенью 1918 года, после падения Империи и отречения Императора Вильгельма II в сходной ситуации?

Прочитируем еще раз упомянутое выше письмо А. Н. Куропаткина М. В. Алексееву:

«Главное преимущество немцев в борьбе с нами было... до последнего времени в следующем: немцы воевали против нас, мобилизовав не только армию, но и весь народ, воевали «вооруженным народом», мы же мобилизовали лишь армию и ею только и воевали.

Перевес не только материальных, но и духовных сил оказался на стороне наших противников...

Немцы начали мобилизацию духовных сил с сороковых годов прошлого (XIX – В. А.) столетия. Школа и жизнь учили немца стать горячим патриотом, верить в великое

будущее своей родины, учили упорному, точному труду, приучали к дисциплине, сообщали ему воинственность, развивали со школьной скамьи его физические силы, давали ему военные навыки».

Будущий главный военный священник белых Вооруженных Сил Юга России, а затем – Русской армии генерала барона П. Н. Врангеля, протопресвитер о. Г. Шавельский, вспоминал о своем участии, по повелению Государя Императора, в юбилейных торжествах по поводу столетия Битвы народов под Лейпцигом, вместе с Синодальным хором в освящении русского православного храма-памятника:

«Рано утром 5/18 октября началось Лейпцигское торжество... Приехав в церковь незадолго до начала служб, я с высокой паперти. наблюдал бесконечно тянущуюся мимо церкви к немецкому памятнику, пеструю, как разноцветный ковер, меняющуюся, как в кинематографе, ленту войск, процессий и разных организаций. Прошли войска: пехота, кавалерия, артиллерия. Пошли студенты. Они шли по корпорациям, со знаменами и значками, каждая корпорация – в своих костюмах, красивых, иногда вычурных. Студенты шли стройными рядами, как хорошо выученные полки. Порядок не нарушался нигде и ни в чем. Народ чинно следовал по бокам дороги, как бы окаймляя красивую, пышную ленту войск и студенческих корпораций.

У меня замерло сердце: вот она, Германия! Стройная, сплоченная, дисциплинированная, патриотическая! Когда национальный праздник, тут все – как солдаты; у всех одна идея, одна мысль, одна цель и всюду стройность и порядок. А у нас все говорят о борьбе с нею... Трудно нам, разрозненным, распропагандированным, тягаться с нею... Эта мысль все росла у меня по мере того, как я вглядывался в дальнейший ход торжества... (о. Г. Шавельский, Воспоминания, т. I, с. 111, Нью-Йорк, 1954).

В гогенцоллерновской Германии (как, впрочем, и в габсбургской Австрии), пользовавшейся в довоенном мире репутацией «главного оплота милитаризма» (репутацией,

усиленно раздувавшейся ее недругами и не преодоленной в сознании многих людей и по сей день), в отличие от Всероссийской империи, не существовало школьной, студенческой и гимназической формы. Единственным отличительным знаком гимназистов и студентов (и предметом их гордости) являлись разноцветные форменные фуражки. Но по торжественным дням немецкие студенты – члены университетских корпораций – надевали свое праздничное облачение – расшитые погусарски шнурами венгерки, лосины, сапоги-ботфорты, белые перчатки с раструбами, шапочки и шарфы цветов своих корпораций, опоясывались шпагами, поднимали корпорантские знамена – и чувствовали себя сродни офицерам (а не «романтикам с большой дороги», сиречь «борцам за народное счастье» – в отличие от – увы! – столь многих своих сверстников, обучавшихся, или, вернее, числившихся студентами высших учебных заведений Всероссийской империи!).

Они никогда не забывали о своих предшественниках-патриотах – ведь именно немецкие студенты первыми записывались в добровольческие корпуса, поднявшиеся в 1813 году на борьбу с наполеоновской тиранией. От цветов униформы первого из них – добровольческого корпуса «черных егерей» барона Адольфа фон Лютцова (перекрашенных в черный цвет студенческих сюртуков с красными воротниками и золотистыми латунными пуговицами) – пошел черно-красно-золотой флаг единой Германии. В рядах «черных егерей» фон Лютцова погиб в бою с французскими захватчиками поэт-партизан Теодор Кернер, прозванный «немецким Денисом Давыдовым».

А в 1817 году тысячи студентов собрались на грандиозный праздник, посвященный 4-летней годовщине «битве народов» под Лейпцигом, в тюрингском замке Вартбург, открыто призвав к объединению Германии. На этой встрече студенты впервые подняли черно-красно-золотой общегерманский флаг. Правда, флаг, поднятый студентами на этой встрече, отличался от современного флага единой Германии. Он был сшит из 3 горизонтальных полос (красной, черной и красной), с

золотой дубовой ветвью на центральной, черной полосе. Тем не менее, именно благодаря энтузиазму студентов черно-красно-золотой флаг стал зримым символом стремления молодых немцев к свободе, единству и национальной независимости. Среди немецких корпорантов чувство чести было развито не меньше, чем в германском офицерском корпусе. Закон давал им право и даже требовал восстанавливать свою честь в сабельном единоборстве.

Не случайно лица столь многих бывших студентов-корпорантов украшали так называемые «шмиссы» – шрамы от сабельных ударов. Левые, вроде Максимилиана Гардена и Генриха Манна, издевались над всем этим (последний нарисовал наиболее одиозную карикатуру на немецкого патриота-националиста в своем романе-пасквиле «Верноподданный», излив на него особенно много яда в главах, посвященных жизни студентов-корпорантов). Однако подавляющее большинство немцев – и в тылу, и на фронте мировой войны – действительно оказались верноподданными своего монарха, несмотря на злостную клевету, на целые ушаты грязи, выливаемые на кайзера Вильгельма II его явными и тайными врагами – как внешними, так и внутренними!

А надо сказать, что этот монарх был глубоко верующим христианином. Вильгельм II даже распорядился изготовить в 2-х экземплярах копию «лабарума» (украшенного монограммой Христа знамени Императора Константина Великого); один экземпляр лабарума был им подарен папе римскому, а второй хранился в Потсдамской гарнизонной церкви, откуда был похищен в первые дни революции, разразившейся в Германии 9 ноября 1918 года.

Словом, когда началась мировая война, германское студенчество было в первых рядах защитников Бога, Кайзера и Отечества. Особенно много бывших студентов – буршей и корпорантов – сражалось на самых опасных участках фронта, в составе штурмовых и ударных батальонов. Как писал Эрнст Юнгер в своем военном дневнике «В стальных грозах»: «Наши чувства диктовались яростью, опьянением и жаждой крови. По

мере нашего упорного, неуклонного продвижения к вражеским линиям, я весь кипел от ярости, непостижимым образом охватывавшей меня и всех нас. Непреодолимое желание убивать придавало мне силы. Ярость выжимала слезы из моих глаз. Оставался лишь первобытный инстинкт».

Но и после проигрыша Германией и Австрией войны едва ли не главную ударную силу белых немецких «добровольческих корпусов», в жестоких боях не допустивших установления большевицкой диктатуры над опутанной цепями Версаля Германией составляло как раз германское студенчество, прошедшее сперва школу корпораций и «буршеншафтов», а затем и горнило Великой войны.

Одним из наиболее известных «академических» (студенческих) добровольческих корпусов была «Добровольческая ватага (Фрайшар) Лаутербахера», сформированная в апреле 1919 года в охваченной большевицкой революцией Баварии из числа студенческой молодежи под командованием бывшего студента-правоведа, награжденного за выдающуюся храбрость Железными Крестами II и I степени и дослужившегося до обер-лейтенанта пехоты Людвиг Лаутербахера (иногда встречается несколько иное написание – «Лаутенбахер»), вошедшая в середине мая того же 1919 года в 21-ю Баварскую стрелковую бригаду в качестве 20-й маршевой роты. Столица Баварии Мюнхен была во власти революционного диктатора Курта Эйснера-Космановского, бывшего кумира левой мюнхенской богемы (без ложной скромности именовавшего себя «Куртом I»), правившего с помощью засланных из красной Москвы агентов мировой революции Левина, Левине и Аксельрода, а также писателя-анархиста Эриха Мюзамы – издателя журнала с характерным названием «Каин» (видно, ему не давали покоя «лавры» российских большевиков, вознамерившихся летом 1918 года поставить в г. Свияжске на Волге памятник... Люциферу, но затем передумавших и «ограничившихся» установкой памятника «всего лишь» Иуде Искариоту; другой памятник Иуде был поставлен

большевиками в г. Козлове в присутствии наркомвоенмор тов. Троцкого лично!).

21 февраля 1919 года Курт Эйснер был застрелен офицером-фронтовиком графом Антоном фон Арко цу (ауф) Валлей, в свою очередь, раненым на месте покушения охраной Айз-нера и брошенным в тюрьму. В ответ на убийство Эйснера в баварский парламент-ландтаг ворвались мясники и кельнеры из мюнхенских пивных во главе с леваком Алоизом Линднером, и открыли дикую пальбу, застрелив министра Ауэра и двух депутатов ландтага. В Баварии было объявлено чрезвычайное положение и был распространен призыв к всеобщей забастовке. Когда мюнхенское студенчество выступило в поддержку графа фон Арко цу Валлей, сочтя его поступок патриотическим, Мюнхенский университет был по распоряжению красных властей закрыт и начались многочисленные аресты. Баварские большевики брали заложников, в том числе из числа непокорных студентов. Была введена беспощадная цензура, начались конфискации, «буржуазия» была объявлена «пораженной в правах», банки и общественные здания были захвачены отрядами спешно сформированной баварской Красной армии, на улицах появились бронеавтомобили и грузовики с красными солдатами, грозившими через громкоговорители «отомстить буржуазии и ее наемникам за товарища Эйснера»!

В течение месяца вся исполнительная власть оказалась сосредоточенной в руках самопровозглашенного революционного Центрального совета во главе с национал-большевиком Эрнстом Никишем, и лишь затем был сформирован кабинет министров, состоявший из представителей левых партий. Когда же в начале апреля из Венгрии пришло известие о захвате там власти большевиком Белой Куном и провозглашении «диктатуры пролетариата», что свидетельствовало о распространении советской системы уже и за пределы захваченной большевиками России, только что несколько стабилизировавшаяся ситуация в Баварии снова заколебалась. Под лозунгом: «Германия идет вслед (за

Россией и Венгрией – к мировой революции – В. А.)!» парламентское меньшинство, состоявшее из леворадикальных утопистов, провозгласило в Баварии, вопреки очевидной воли большинства баварцев, их традициям и чувствам, «Баварскую Советскую республику». Вскоре Мюзам и другой поэт-анархист – Эрнст Толлер – выгнали большинство министров из Мюнхена в Бамберг (Эрнст Никиш вышел из состава правительства), Бавария вообще оказалась «без руля и без ветрил», оказавшись в руках группы беспощадных профессиональных революционеров – вождей советского эксперимента во главе с Куртом Эгльгофером, Густавом Ландауэром и прибывшим из Совдепии Евгением Левине. Против их-то кровавого режима и повел своих вчерашних студентов, вновь надевших солдатские шинели добровольцев, обер-лейтенант Людвиг Лаутербахер.

К 3 мая 1919 года Мюнхен был очищен от большевиков совместными усилиями северогерманских, вюртембергских и баварских белых добровольцев. В этом была и заслуга «Добровольческой ватаги Лаутербахера». После своего участия в «путче Каппа-фон Лютвица», направленного против республиканского правительства Эберта-Носке-Шейдемманна, маршевая рота была распущена. Вскоре на ее базе был сформирован «Штурмовой батальон Лаутербахера» (800 штыков, в том числе пулеметный взвод с 6 пулеметами, 4 миномета, огнеметный взвод с 6 огнеметами и 1 батарею пехотных артиллерийских орудий 7,6 cm Infanteriegeschuetz L/16 Krupp, способных вести огонь фугасными снарядами с взрывателями как мгновенного, так и замедленного действия на дальность до 1600 м – 6 орудий, 3 офицера, 76 нижних чинов), принявший активное участие в боях против «Красной армии Рура» и белопольских инсургентов в Восточной Силезии.

После окончательного расформирования этой части в 1923 году ее бойцы перешли частью в Союз «Оберланд», частью – в «Стальной Шлем», частью – в СА. Отличительным знаком чинов «Добровольческой ватаги (а затем – и штурмового батальона) Лаутербахера» служила

черная нарукавная повязка из шерстяной ткани, окаймленная по верхнему и нижнему краю бело-голубой ленточкой (цветов ленты баварской медали «За храбрость»), с заглавной прописной латинской литерой «L» (Lauterbacher). Таких повязок было выдано 750 штук, по числу бойцов «ватаги». В 1920 году по распоряжению обер-лейтенанта Лаутербахера для его студенческой части было изготовлено черное знамя с белой заглавной прописной литерой «L» в голубом овале. После подавления Капповского путча эта литера была заменена на знамени изображением льва – геральдического символа Баварии. В 1923 году Людвиг Лаутербахер учредил для награждения своих бойцов корпусной знак «За заслуги» (Bewahrungsabzeichen) в форме ромба, для ношения на булавке на правой стороне груди (по другим сведениям, мог носиться также на левой стороне головного убора). Знаком «За заслуги» было награждено 150 добровольцев «ватаги».

Описание знака «За заслуги» фрейкора Лаутербахера

Черный, с бело-голубой каймой, ромб со стилизованной белой прописной заглавной латинской литерой «L» (Lauterba-cher) в центре ромба.

Ну что, уважаемые читатели? Почувствовали разницу? Поняли, почему Россия – не Германия? И почему Германия – не Россия?

Приложение 9. «Стальной Шлем»

1. История «Стального Шлема» в самом сжатом очерке

Союз солдат-фронтовиков «Штальгельм» («Стальной Шлем», по-немецки: «Stahlhelm, Bund der Frontsoldaten»), еокращенно: «Шта» (нем.: Sta) был сформирован из числа ветеранов Великой (Первой мировой) войны 25 декабря 1918 г. офицером-фронтовиком, обер-лейтенантом кайзеровской армии Францем Зельдте в качестве организации для защиты народа и рейха от сотрясавших побежденную Антантой Германию социалистических и коммунистических вооруженных восстаний и мятежей.

В соответствии с этой концепцией Франц Зельдте планировал привнести «дух фронтового товарищества» («Фронткаме-радшафт», нем.: Frontkameradschaft) в политическую жизнь «Веймарской республики», пришедшей в Германии на смену свергнутой в результате Ноябрьской революции 9 ноября 1918 г. монархии Гогенцоллернов, в 1871 г. объединившей Германию «железом и кровью» (по известному выражению канцлера князя Отто фон Бисмарка), но рухнувшей на сорок восьмом году своего существования под комбинированными ударами внешних и внутренних врагов.

В качестве эмблемы своей организации фронтовиков Франц Зельдте избрал фронтовую стальную каску («штальгельм», нем.: Stahlhelm; это слово принято переводить на русский язык буквально, как «стальной шлем»), одинаковую для офицеров, унтер-офицеров и рядовых и ставшую, благодаря своей характерной форме, напомилавшей средневековый «салад» (по-немецки: «шаллерн», Schaller) символом германского солдата Первой (а со временем и Второй мировой войны) не в меньшей степени, чем одноглавый орел и знак Железного Креста.

Бойцы («верманы», нем.: Wehrmaenner или Wehrmannen) «Стального Шлема», а также его молодежного крыла – так называемого «Молодого Стального Шлема» («Юнгшталь-гельма», нем.: «Jungstahlhelm») принимали активное участие во всех вооруженных столкновениях и боевых действиях против немецких левых – «спартаковцев»-коммунистов, анархистов и «независимцев» (членов Независимой Социал-Демократической партии Германии). Этот корпус «штальгельмовцев»-комбатантов именовался «Вооруженным (военизированным) «Стальным Шлемом» (Верштальгельм», нем.: «Wehrstahlhelm), сокр.: «Вершта», нем.: «Wehrsta»), в отличие от корпуса «сочувствующих»-некомбатантов.

Кроме того, в состав «Штальгельма» входила, на правах ассоциированного члена, полувоенная молодежная организация «Шарнгорстюгенд» (Scharnhorstjugend, т. е. «Молодежь Шарнгорста»), названная в честь прусского генерала-реформатора Шарнгорста, героя Освободительной войны с Наполеоном 1813-1815 гг.

«Штальгельмовцы» помогли баварским «Силам восстановления порядка» («Орднунгсверу», нем.: Ordnungswehr), белым добровольческим корпусам и рейхсверу разгромить Баварскую Советскую республику, участвовали в разгроме Рурской Красной Армии в 1920 г. и в обороне Верхней Силезии от польских инсургентов и интервентов в 1921 г., и в том числе в знаменитой битве при Аннаберге, которую современники считали «первой победой германского оружия над внешним врагом после 1918 г.» (после которой над очищенным от пил-судчиков и активно помогавших им французских «военных советников» Аннабергом был поднят довоенный черно-белокрасный германский флаг!).

В то же время «Стальной Шлем», занимавшийся также военно-патриотической подготовкой немецкой молодежи в условиях, когда в Германии, по условиям «похабного» Версальского договора была отменена всеобщая воинская повинность и численность «Вооруженных сил мирного времени» («Фриденсгеер», нем.: Friedensheer) была

ограничена 100 000 штыков и сабель, в соответствии со своими программными установками, был резко враждебен «Веймарской республике», что вскоре проявилось в борьбе «Стального Шлема» против «системы» (как германские правые и консервативно-революционные силы именовали веймарский режим) и ее ведущих сил.

«Стальной Шлем», входивший, вместе с другими организациями ветеранов Великой войны 1914-1918 гг. – «Вервольфом» (нем.: Wehrwolf), «Младотевтонским Орденом» (нем.: «Юнг-дейчер Орден», Jungdeutscher Orden, сокр.: Jungdo), «Объединением остмеркеров» («Ферейн ден Отсмеркер», «Остмер-керферейн», нем.: Verein der Ostmaerker, Ostmaerkerverein) и другими, в «Союз Киффгейзера» («Киффгейзербунд», нем.: Kyffhaeuserbund), солидаризовался в своей идеологии с основными положениями, взглядами и установками люден-дорфовского «Союза Танненберга» («Танненбергбунд», нем.: Tannenbergbund) и националистически-авторитарных партий «Веймарской республики», направляя основное острие своей пропагандистской деятельности против «надгосударственных сил» – католицизма (как интернационального «орудия папского Рима»), масонства и «мирового еврейства». Членство иудеев в «Стальном Шлеме» и «Молодом Стальном Шлеме» исключалось посредством своеобразного «арийского параграфа», подобного тому, что позднее содержался в Нюрнбергских расовых законах, введенных в силу в 1935 г., уже при национал-социалистическом режиме Адольфа Гитлера (в «Третьем Рейхе»).

Правда, «штальгельмовцы» (в отличие от национал-социалистов и некоторых других германских националистов, «народников» и «консервативных революционеров») понимали под иудеями и не принимали в свою среду исключительно лиц, исповедующих иудейскую веру (но не выкрестов, которых в Германии было довольно много).

В 1923 г. Франц Зельдте разработал и обнародовал план, по которому вся власть в Германии планировалось

передать в руки «Директории для восстановления общественного порядка и спокойствия». В качестве «временного Директора» Зельдте выдвинул диктатуру командующего рейхсвером генерала Ганса фон Зекта (Секта) и даже подготовил для него текст первой прокламации.

Прокламация должна была гласить:

*«Имперский президент назначил меня, ввиду возможности дальнейших беспорядков, правителем государства с диктаторскими полномочиями. Рейхстаг распускается. Полиция переходит под мое командование, и ее состав увеличивается. Забастовки запрещаются вплоть до отмены чрезвычайного положения. Немедленно учреждаются военно-полевые суды («штандгерихте», нем.: *Standgerichte*) с правом присуждать к смертной казни за попытку мятежа, сопротивления правителю государства и призывы к забастовке».*

По восстановлении порядка и спокойствия, правителю (временному Директору) надлежало вернуть власть законному главе государства – германскому Императору, пребывающему в изгнании – на тот момент «Стальной Шлем» не скрывал своего откровенно монархического характера. Недаром на всех демонстрациях и парадах «Стального шлема» почетными гостями глав организации – Зельдте и Дюстерберга (а не «Дуйстерберга», как часто неправильно пишут и думают!) были сыновья бывшего германского кайзера и прусского короля Вильгельма II Гогенцоллерна, другие германские принцы, князья и короли, фельдмаршалы и генералы кайзеровской армии и высокопоставленные чиновники бывшего императорского режима. Поэтому парады «Стального Шлема», по воспоминаниям очевидцев, всегда смотрелись как исторические фильмы, воспроизводившие «труды и дня» Германской Империи Гогенцоллернов («Второго рейха»).

В 1924 г. «Стальной Шлем» выступил против «плана Дауэса», направленного на приведение суммы требуемых Антантой с побежденной Германией репараций (сумма которых была снижена в 1923 г. до 226 миллиардов марок

золотом) в соответствии с финансовыми возможностями предельно истощенной войной и революцией германской экономики и, в частности, на прекращение франко-бельгийской военной оккупации Рурской области (промышленного «сердца» Германии), вызывавшей массовый саботаж и, в результате, задержку с выплатой репараций. Борьба «Стального Шлема», НСДАП и других политических сил Германии против плана Дауэса (названного так по имени его автора – американского банкира, лауреата Нобелевской премии мира 1925 г.), в конце концов привела к его замене на так называемый «план Юнга (Янга)», по которому сумма репараций была снижена до 34,5 миллиардов марок (которые предполагалось выплачивать равными долями до 1988 г.).

К 1925 г. в рядах «Стального Шлема» и «Молодого Стального Шлема» насчитывалось более 400 000 активных членов. На парадах «Стального Шлема» на Темпельгофском летном поле в Берлине не считали для себя зазорным присутствовать имперские канцлеры (главы правительства Германии) Франц фон Папен и Курт фон Шлейхер (прозванный в народе «генералом-социалистом», за свои попытки заигрывать с рабочим движением и Социал-Демократической партией Германии).

Первоначально главным конкурентом «Стального Шлема» был упоминавшийся выше, сформированный на базе добровольческой Кассельской офицерской роты «Младотевтонский (Младонемецкий) орден» Марауна-Борнемана. Подобно «Штальгельму», «Юнгдо» преследовал цели военного характера, собирал и тайно хранил оружие германской армии, подлежащее сдаче комиссии Антанты по разоружению Германии. В 1923 г. «Младотевтонский орден», как и «Стальной Шлем», боролся за осуществление планов Главнокомандующего вооруженными силами послевоенной Германии (рейхсвера) генерала Ганса фон Секта, намеревавшегося организовать вооруженное сопротивление французским и бельгийским войскам, оккупировавшим промышленную Рурскую область Германии. В 1925 г. орден Марауна поддержал кандидатуру генерала фон Секта на пост

президента Германии. Своей основной внутривластной задачей «Юнгдо» провозгласил борьбу против красного террора внутри страны, своими основными внешнеполитическими задачами – освобождение Отечества от пут Версаля и возвращение германских колоний.

С 1924 г. соперничество между «Младотевтонским орденом» и «Стальным Шлемом» приобрело особенно острый характер. Главную роль в этой внутривластной конкурентной борьбе играли связи обеих организаций в министерстве рейхсвера, а также сугубо местнические интересы. Как говорил в рейхстаге в 1923 г. министр рейхсвера Гесслер, «между офицерами рейхсвера разгорелся спор о том, какой из двух союзов лучше служит Отечеству». В конце 1925 г. имперский комиссар по охране общественного порядка передал министерству рейхсвера данные об установлении контактов между «Младотевтонским орденом» и союзом «Рейхсбаннер» («Имперский стяг») – полувоенной организацией, созданной Социал-Демократической партией Германии (СДПГ), наподобие штурмовых отрядов (СА) гитлеровской Национал-Социалистической Германской Рабочей партии (НСДАП) или боевых отрядов «Союза Красных Фронтовиков» («Ротер Фронткемпфербунд», сокращенно: «Ротфронт») Коммунистической партии Германии (КПГ) Эрнста Тельмана. Конфликт «Юнгдо» со «Стальным Шлемом» и контакты Марауна с «Рейхсбаннером» стали причиной разрыва между министерством рейхсвера и «Младотевтонским орденом». Во второй половине 20-х гг. орден Марауна/Борнемана в значительной степени утратил свое прежнее влияние, число его членов и сторонников резко уменьшилось, а влияние и численность «Стального Шлема», соответственно, возросли, за счет перетока в его ряды многих бывших «младотевтонов».

В 1929 г. «Штальгельм», издававший собственную газету «Дер Штальгельмер» («Штальгельмовец»), объединился с другими правыми организациями и партиями – НСДАП, Немецкой (Германской)

Национальной Народной партией (Deutschnationale Volkspartei) Альфреда Гугенберга, «Рейх-сландбундом» (Reichslandbund) и «Всегерманским (Пангерманским) Союзом («Алльдейчер Фербанд», нем.: Alldeutscher Verband)», теперь уже против «плана Юнга» и в конце концов вошел вместе с ними в так называемый «Гарцбургский фронт» («Гарцбургер Фронт», нем.: Harzburger Front). Последний был задуман как единый фронт «национальной оппозиции» против правительства имперского канцлера Брюнинга, но оказавшийся не в состоянии выдвинуть единого кандидата на очередных выборах в рейхстаг.

Внутри самого «Стального Шлема» шла почти не прекращающаяся борьба между Францем Зельдте и его заместителем подполковником Теодором Дюстербергом. Чтобы лучше понять характер и причины этого противостояния, дадим краткую характеристику обоих вождей «Стального Шлема».

Франц Зельдте (род. 29 июня 1882 г. в Магдебурге, скончался 1 апреля 1947 г. в г. Фюрте), сын фабриканта-производителя винно-водочных изделий и газированных напитков, изучал в университете химию. В 1914 г. ушел добровольцем на фронт, дослужился до обер-лейтенанта, командовал пулеметной ротой и был, вследствие тяжелого ранения (он лишился левой руки), комиссован. Основав «Стальной шлем» 25 декабря 1918 г. для борьбы с «ноябрьской демократией», руководил им, начиная с 1924 г., вместе со «2-м председателем» «Штальгельма», Теодором Дюстербергом. Еще в 1918 г., пользуясь своим опытом, вынесенным из окопов Великой войны, Зельдте предложил организовывать добровольческие отряды для борьбы с красными исключительно в форме пулеметных рот. По соглашению с социал-демократическим министром рейхсвера Густавом Носке Зельдте сформировал первую такую добровольческую пулеметную роту в своем родном г. Магдебурге. Носке выдал Зельдте следующую доверенность, которая, фактически, стала чем-то вроде учредительного документа «Стального Шлема»:

«Предъявитель всего, владелец фабрики и обер-лейтенант Зельдте, намеревается, в контакте с местными властями, организовать в Магдебурге охрану из представителей всех слоев населения, преимущественно из рабочих, Вооружение этой охраны и снабжение ее боеприпасами должны быть осуществлены при содействии штаба IV армейского корпуса. Охрана подчиняется командованию Гвардейской стрелковой дивизии.

Военный министр Носке».

Полученные несколько вагонов боеприпасов, винтовок и пулеметов Зельдте спрятал на складах экспедиторов и крупных торговцев своей продукцией. Когда по приказу местного Совета рабочих и солдатских депутатов («Арбейтер-унд-Зольдатенрата», нем.: Arbeiter-und Soldatenrat) подозрительные товарные вагоны были задержаны красногвардейцами, Зельдте заявил, что в них доставляются вина и спирт для его винно-ликеро-водочного завода.

Конфискация части оружия, направленного командованием IV армейского корпуса добровольческому корпусу Зельдте, послужила для министра Носке поводом организовать поход белых войск на красный Магдебург. Именно так, в огне боев гражданской войны в Германии, родилась организация «Стальной Шлем». Франц Зельдте закончил гражданскую войну в звании капитана рейхсвера (новой республиканской армии Германии).

С целью поддержки членов организации, потерявших работу в годы мирового экономического кризиса, Зельдте основал при «Стальном Шлеме» организацию «Стальной взаимопомощи», помогавшую бывшим фронтовикам в трудоустройстве. Немалое внимание уделялось тому, чтобы организации «Стального Шлема» и получавшие при его посредстве работу трудящиеся и молодежь активно занимались спортом (правда, попутно со спортом, они обучались и военному ремеслу – занимались метанием

гранат, рытью окопов, устройству и уничтожению проволочных заграждений и т. п.).

С 1931 г. Франц Зельдте, в отличие от настроенного откровенно монархически Теодора Дюстерберга, начал сближаться с Адольфом Гитлером, в особенности после создания «Гарцбургского фронта» в 1931 г. Безо всякого согласования с Дюстербергом, Зельдте заявил по радио: «Мы («Стальной Шлем» – В. А.) признаем германскую революцию (т. е. гегемонию Гитлера и НСДАП – В. А.) и подчиняемся вождю этой революции Адольфу Гитлеру!», участвовал во главе своих фронтовиков в организованном нацистами и право-консервативными организациями «Марше победы» по Унтер-ден-Линден в Берлине после прихода Гитлера к власти и 30 января 1933 г. был введен вождем германских национал-социалистов в свой кабинет в качестве имперского министра труда.

27 апреля 1933 г. Франц Зельдте вступил в гитлеровскую Национал-Социалистическую Германскую Рабочую партию (НСДАП) и одним росчерком пера включил «Стальной Шлем», включая ассоциированную с ним военизированную молодежную организацию «Молодежь Шарнгорста», в состав гитлеровских штурмовых отрядов (СА). С тех пор чины «Штальгельма» и всех его членских организаций стали носить на левом рукаве выше локтевого сгиба красную, с черной «вращающейся» свастикой в белом круге, «боевую повязку» («НС-Кампфбинде», нем.: NS-Kampfbinde) гитлеровских штурмовиков, а «юнгманы» (нем.: Jungmannen) из «Молодежи Шарнгорста» – нарукавную повязку со свастикой образца, предписанного членам молодежной организации НСДАП – «Гитлеровской молодежи» («Гитлерюгенд»).

С марта 1933 по июль 1934 г. Зельдте являлся Имперским комиссаром по «Трудовой повинности» («Арбейтсдинст», нем.: Arbeitsdienst), начало которой было положено организациями «Стального Шлема» еще до прихода Гитлера к власти, после чего был назначен прусским министром экономики. С течением времени влияние Зельдте, однако, стало уменьшаться, в связи с

тем, что «Трудовой фронт» («Дейче Арбейтсфронт», нем.: Deutsche Arbeitsfront) доктора Роберта Лея (некто вроде советского «добровольно-принудительного» профцентра ВЦСПС), «Ведомство по Четырехлетнему плану» Германа Геринга и Фриц Зауккель (Генеральный уполномоченный по труду) отнимали у него все больше полномочий.

В 1935 г. Франц Зельдте подал Гитлеру прошение об отставке, отклоненное фюрером «Третьего рейха». В конце Второй мировой войны Зельдте был арестован американскими военными властями, приговорен к тюремному заключению, но сумел избежать обвинения в военных преступлениях, своевременно скончавшись в американском военном лазарете.

Теодор Дюстерберг (родился 19 октября 1875 г. в Дармштадте, скончался 4 ноября 1950 г. в Гамельне), профессиональный военный, кадровый офицер, участник Восточно-Азиатской военной экспедиции 1900-1901 гг., в ходе которой объединенный экспедиционный корпус западноевропейских держав и Российской империи под общим командованием германского генерал-фельдмаршала фон Вальдерзее подавил т. н. «боксерское восстание» членов китайского тайного общества «Ихэтуань» (что принято переводить как «Кулак во имя мира и справедливости», или «Большой Кулак» – отсюда наименование китайского восстания «боксерским, хотя более точный перевод слова «Ихэтуань» – «Большой Нож») и взял штурмом Пекин, столицу Срединной Империи. Дюстерберг с первого до последнего дня прошел всю Великую войну 1914-1918 гг., закончив ее в чине майора кайзеровской армии.

Прослужив некоторое время в министерстве обороны, он был уволен в запас в чине подполковника. Глубоко уязвленный сокрушительной катастрофой, постигшей Германию в 1918 г., стал ярым противником веймарского республиканского режима и с 1924 г. начал бороться с ним в качестве «2-го председателя» организации «Стальной Шлем». Однако Дюстерберг, не скрывавший своих монархически-реставраторских взглядов, с подозрением относился к вступлению «Стального Шлема», под

давлением Зельдте, 11 октября 1931 г. в «Гарцбургский фронт» и к заключенному им «тактическому союзу» с гитлеровской НСДАП, лево-революционная риторика которой всегда отталкивала Дюстерберга – монархиста и консерватора до мозга костей и личного друга прусского кронпринца (наследника королевского престола Пруссии) Оскара фон Гогенцоллерна – члена «Стального Шлема», носившего на парадах «Штальгельма» его главное знамя (копию военного/военно-морского флага кайзеровской Германии, отличающуюся от своего прообраза лишь отсутствием короны на голове черного орла в центральном медальоне).

Кстати, до 1929 г. в «Стальном Шлеме» состоял и другой сын отрекшегося от престола Германской империи (но не от престола королевства Пруссии!) кайзера Вильгельма II – полковник прусской армии принц Август-Вильгельм фон Гогенцоллерн («Ауви»), впоследствии перешедший к Гитлеру и ставший членом руководства НСДАП, дослужившись до звания обегруппенфюрера СА. Взаимное отчуждение между Дюстербергом, с одной стороны, и нацистами и заигрывавшими с ними Зельдте, с другой, возрастало по мере ожесточения нападков нацистов на Дюстерберга за его «неарийское» (то есть еврейское, по матери) происхождение, в период президентских выборов 1932 г., на которых Дюстерберг выступал в качестве единого кандидата «Стального Шлема» и Немецкой (Германской) Национальной Народной партии (НННП, нем.: DNVP), объединившихся в предвыборный блок «Черно-БелоКрасный Боевой фронт» («Кампффронт Шварц-Вейсс-Рот», нем.: Kampffront Schwarzweissrot) – по цветам государственного флага кайзеровской Германии.

В итоге Дюстерберга постигла неудача на выборах, и Президентом Германии был в очередной раз избран престарелый генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург унд Бенкендорф.

Сопредседатель Дюстерберга по «Штальгельму», Зельдте, фактически перешел на сторону Гитлера, да и лидер НННП, Гугенберг, отказался прислушаться к голосу

Дюстерберга, предостерегавшего его от опасностей альянса с национал-социалистами.

После разгрома так называемого «заговора Рёма» (известной также как «Ночь Длинный Ножей» расправы эсэсовцев, полиции и рейхсвера с руководством СА во главе с Эрнстом Рёмом 30 июня 1934 г.) Дюстерберг был арестован эсэсовцами и заключен в концентрационный лагерь Дахау в Баварии. Выйдя на свободу после двухлетнего заключения, он сблизился с антигитлеровскими заговорщиками, входившими в т. н. «кружок Герделера» (оппозиционно настроенного по отношению к гитлеровскому режиму обер-бургомистра Лейпцига), но ухитрился избежать репрессий после неудачного покушения на Гитлера в июле 1944 г.

В 1949 г., незадолго перед смертью, Дюстерберг, в качестве попытки оправдать возглавлявшуюся им организацию фронтовиков перед историей, написал книгу воспоминаний «Стальной Шлем» и Гитлер». Но, несмотря на его попытки оправдаться, не подлежал сомнению тот факт, что «Стальной Шлем» фактически помог Гитлеру и национал-социализму утвердиться во власти в переходный период 1933-1934 гг.

Члены молодежного крыла «Стального Шлема» были включены в состав гитлеровских штурмовых отрядов СА еще в апреле 1933 г., а основной костяк «Штальгельма» («Старый Стальной Шлем», «Альтштальгельм», нем.: Altstahlhelm) – переименован в марте 1934 г. в «Национал-социалистический германский союз бойцов-фронтовиков/Стальной шлем («Национальсоциалистишер Дейчер Фронткемпфер-бунд/Штальгельм», нем.: «Nationalsozialistischer Deutscher Frontkämpferbund/Stahlhelm»). В ноябре 1935 г. – после Нюрнбергского «Съезда свободы» НСДАП – «Штальгельм» был распущен. Попытка восстановить «Стальной шлем», предпринятая в Федеративной Республике Германии в 1951 г., оказалась безуспешной.

2. Знамена и флаги «Стального Шлема»

Монархически-реставрационистский характер «Стального Шлема» совершенно недвусмысленно явствовал из его символики, геральдики и эмблематики. Флаги и знамена организации являлись копией военного/военно-морского или же государственного флагов кайзеровской Германии (с 1934 г. – с добавлением каски/стального шлема, постепенно вытеснившей старого прусского орла а позднее – свастики-«гакенкрейца»).

Ведомственные флаги организации также сочетали в себе стальной шлем и «контрреволюционные» черно-бело-красные цвета. Вместе с флагами «Стального Шлема» на парадах выносился и флаг объединения всех правых союзов фронтовиков – «Киффгейзербунда» («Союза Киффгейзера», нем.: Kyffhaeuserbund). Эта организация (кстати, существующая и в современной Федеративной Республике Германии) ведет свое название от названия одноименной горы в Тюрингии, в недрах которой, по старинному преданию, спит со своими рыцарями беспробудным сном кайзер средневековой Священной Римской Империи Германской нации Фридрих I Барбаросса («Рыжебородый»), усмиритель папского Рима, непокорных германских князей и мятежного города Милана, доставивший оттуда, в качестве трофея, ракуреликварий с мощами троих святых царей-волхвов Каспара, Валтасара и Мельхиора, первыми поклонившихся младенцу Христу (эта рака до сих пор хранится в Кельнском соборе) и утонувший при переправе через сирийскую реку Салефу в ходе Третьего Крестового похода.

По легенде (смешивающей Барбароссу с его не менее знаменитым внуком – правителем Германии и Сицилии Фридрихом II Гогенштауфеном – о котором итальянцы, правда, говорят и иное – будто черт утянул его в жерло вулкана Этны!) он спит в недрах горы Киффгейзер, прикованный к месту своей проросшей сквозь стол бородой, а два его ворона (явно «скалькированные» с двух

воронов – Гугина и Мунина – древнегерманского верховного бога Вотана, или Одина!) за день облетают весь круг земной, чтобы вечером возвратиться в Киффгейзер, сесть на плечи спящего Барбароссы и поведать ему о творящихся без него повсюду в мире злодеяниях. Когда же мера злодеяний переполнится, рыжебородый император проснется. Воспрянув в час величайших испытаний для рейха, он соберет войска, разгромит всех врагов и объединит Германию (после чего, в некоторых вариантах легенды, покорит Рим, а затем и весь мир; согласно другим вариантам легенды, ему будет предшествовать крестьянин с обнаженным мечом в руках и «отсекать этим мечом голову у всякого, кто сочтет себя лучше крестьянина»!).

Нечто схожее англичане рассказывали о «удалившемся на время на волшебный остров Авалон» короле Британии Артуре Пендрагоне, французы – об основателе Священной Римской империи («Первого рейха») Карле Великом (Шарлемане), армяне – о своем вооруженном молнией-мечом и заключенном в пещере царе Артавазде (или герое Мгере Сасунском) и т. п. Во всяком случае, после объединения Германии в результате победы над Францией в 1871 г., на горе Киффгейзер был построен величественный монумент со статуями длиннородого Фридриха I Гогенштауфена – символа «Первого Рейха» – и кайзера Вильгельма I Гогенцоллерна – символа «Второго Рейха». Именно этот монумент был изображен черным силуэтом в центре круглого белого медальона в центре черного, с серебряной каймой, Железного креста на красном квадратном полотнище флага «Союза Киффгойзера».

«Молодежные дружины» («юнгманншафты»– Jungmann-schaften) организации «Шарнгорстюгенд» имели белые треугольные флаги-вымпелы с изображением окаймленного черным белого гербового щита с черным изображением Железного креста. Древки белых флагов-вымпелов дружин «Молодежи Шарнгорста» были черного цвета, с острием в виде наконечника копья.

3. Обмундирование и знаки отличия чинов «Стального Шлема»

Рядовые члены «Стального Шлема» именовались «верманами».

Унтер-офицерский состав организации подразделялся на «обверманов», «группенфюреров» и «фельдмейстеров».

Офицеры отрядов «Штальгельма» именовались «фюрерами» (нем.: Fuehrer), как в гитлеровских штурмовых отрядах СА (Штурмабтейлунген, нем.: Sturmabteilungen, SA) и охранных отрядах СС (Шуцштаффель, нем.: Schutzstaffel, SS). Отряды «Штальгельма» подразделялись на взводы («цуги», нем.: Zuege) во главе с «цугфюрерами» (нем.: Zugfuehrer), роты («компаниен», нем.: Kompanien) во главе с «компанифюрерами» (нем.: Kompaniefuehrer), батальоны («батальонен», нем.: Bataillonen) во главе с «батальонсфюрерами» (нем.: Bataillonsfuehrer) и полки (региментер», нем.: Regimenter) во главе с «региментсфюрерами» (нем.: Regimentsfuehrer). Выше по рангу стояли «ландесфюреры» (нем.: Landesfuehrer), возглавлявшие все силы «Штальгельма» в той или иной земле, из которых состояло устроенное по федеративному признаку «Веймарское» германское государство – например, Пруссии, Баварии, Саксонии или Вюртемберга.

На парадах, учениях, маневрах и военно-патриотических мероприятиях члены «Старого Стального Шлема» (ветераны-фронтовики) носили серо-зеленую полевую форму (френч с отложным воротником и 4 карманами и брюки) цвета «фель-дграу», ботинки с обмотками – «виккельгамашен» (реже – сапоги или ботинки с кожаными крагами – «ледергамашен») и серо-зеленые полевые, с черным околышем и 2 круглыми кокардами (имперской черно-бело-красной кокардой на тулье и «земельной» кокардой цветов соответствующей земли, т. е. области Германии, на околыше, как было принято при кайзере) фуражки, весьма напоминавшие

употреблявшиеся в кайзеровской армии «Второго рейха» Гогенцоллернов.

Мундиры «штальгельмовцев» подпоясывались кожаным ремнем с портупеей и металлической пряжкой. Офицерская («фюрерская») пряжка была двухшпеньковой. Пряжка унтер-офицерского и рядового («верманского») состава представляла собой массивную, квадратной формы поясную бляху с изображением эмблемы организации – стального шлема, обрамленного по кругу надписью «Стальной Шлем – Союз солдат-фронтовиков» («Штальгельм – Бунд дер Фронтзоль-датен», Stahlhelm – Bund der Frontsoldaten).

Знаки различия офицеров-фюреров «Стального Шлема», носившиеся на черных петлицах отложных воротников серозеленых полевых френчей, состояли из серебряных веточек с 3 дубовыми листьями и серебряных же галунных полосок, число которых возрастало в зависимости от ранга фюрера. У членов молодежного крыла организации – «Молодого Стального Шлема» – дубовые листья на черных петлицах заменял горизонтально расположенный серебряный «меч Зигфрида».

Унтер-офицеры «Стального шлема» подразделялись на «обверманов» (нем.: Obwehrmaenner или Obwehrmannen), «группенфюреров» (нем.: Gruppenfuehrer) и «фельдмейстеров» (нем.: Feldmeister). Эти чины различались наличием, соответственно, 1, 2 или 3 черных, окаймленных серебром шевронов углом вниз на правом плече. Погон штальгельмовцы, в отличие от чинов кайзеровской армии, не носили. Знаками различия служили черные петлицы на отложных воротниках френчей, имевших разноцветные выпушки, как-то: белые – у активных членов организации, зеленые – у «резервистов», голубые у отрядов т. н. «гейматшутца» (нем.: Heimatschutz; в русскоязычной литературе встречается и написание «хаймат-шущ»), т. е. «обороны родного края» (нечто вроде местных отрядов самообороны). На правом плече чуть выше локтевого сгиба бойцы «Стального Шлема» носили также круглые

знаки-эмблемы военных специальностей или принадлежности к родам войск:

1) две расположенные параллельно, слегка по диагонали, пики с флюгерами «земельных» цветов (например, черно-белые для Пруссии) у кавалеристов;

2) пылающая гренадка с тремя языками пламени – у артиллеристов;

3) скрещенные в форме буквы X саперная лопатка и кирка (шанцевый инструмент) – у саперов;

4) колесо с восемью спицами – у водителей броневых автомобилей;

5) пулемет на треноге – у пулеметчиков;

6) якорь – у военных моряков;

7) рубка подводной лодки – у подводников;

8) журавль, летящий над морем в направлении восходящего солнца – у бывших чинов германских охранных (т. е. колониальных) войск;

9) пикирующий аэроплан – у военных летчиков;

10) заглавная готическая буква «K» («Kraftfahrer», нем.: Kraftfahrer – у водителей грузовиков и легковых автомобилей, а также самокатчиков и мотоциклистов).

На левом плече выше локтя носилась овальная эмблема «земельной» членской организации «Стального Шлема» – например, с надписью «Земельный союз Саксония» («Ландесбунд Заксен», нем.: Landesbund Sachsen) и гербом Саксонского королевства.

Единственной «штальгельмовской» нарукавной эмблемой, имевшей не круглую, а овальную форму, был знак принадлежности к пехоте – окаймленные дубовыми листьями 2 скрещенные в форме буквы «X» винтовки над стоящей вертикально «бутылочной» ручной гранатой (интересно, что гораздо позднее, в годы Второй мировой войны, данная эмблема была почти без изменений позаимствована эсэсовской бригадой Дирлевангера (состоявшей преимущественно из браконьеров и особо

«отличившейся» при подавлении Словацкого восстания 1943 г. и Варшавского восстания 1944 г).

«Юнгманны» из «Молодежи Шарнгорста» были обмундированы в рубашки (с 2 нагрудными накладными карманами), галстуки, бриджи и кепи (все – серо-зеленого полевого цвета «фельдграу») и сапоги. Поясные ремни, ремешки кепи и сапоги «юнгманнов» были черного цвета.

Знаком принадлежности к организации «Штальгельм» служило изготовленное из серебристого металла изображение солдатской каски с надписью «Стальной Шлем» (Der Stahlhelm) и знаком Железного креста (для ветеранов-фронтовиков), носившийся под левым нагрудным карманом. Члены «Молодого Штальгельма» носили знак «меча Зигфрида» в дубовом венке.

Существовали и памятные металлические значки серебристого цвета для участников слетов организации. На этих металлических значках (обычно круглой формы, но иногда имевших форму геральдического щита) был изображен стальной шлем, под шлемом = 2 скрещенных дубовых листка, а под ними – год слета – например, «1928».

4. Изменения после включения «Штальгельма» в состав СА

После включения «Стального Шлема» в состав штурмовых отрядов НСДАП (СА) «штальгельмовцы», как уже упоминалось выше, стали носить на левом рукаве выше локтевого сгиба красную «боевую повязку» («Кампфбинде») гитлеровских штурмовиков с наклонным (под углом в 45 градусов) черным крюковидным крестом-«гакенкрейцем» (свастикой), вписанным в белый круг, а «юнгманны» из «Шарнгорстюгенда» – повязку, аналогичную повязке членов «Гитлерюгенда».

Членский значок организации также изменился. Теперь он представлял собой кружок серебристого металла (иногда окруженный сиянием), с изображением стального шлема, наложенного на наклонный (под углом в 45 градусов) крюковидный крест.

Со временем было введено ношение на фуражке общего для всех чинов штурмовых отрядов гитлеровской партии «имперского (партийного) орла», держащего в когтях вписанную в круглый дубовый венок свастику-гакенкрейц (крюковидный крест). На фуражках чинов «Стального Шлема» этот орел помещался ниже круглой черно-бело-красной имперской кокарды и выше земельной кокарды.

Была реорганизована и структура «Штальгельма». Отныне во главе «Стального Шлема» стояли уже не 2 (как в эпоху «Веймарской республики»), а только 1 «бундесфюрер» (нем.: Bundesfuehrer), т. е. «Руководитель (Вождь) Союза». «Бундесфюреру» (Францу Зельдте) непосредственно подчинялись члены «Ведомства Союза» («Бундесамт», нем.: Bundesamt) «Штальгельма», подразделявшегося на отделы («абтейлунген», нем.: Abteilungen) во главе с руководителями отделов («абтейлунгслейтерами», нем.: Abteilungsleiter). «Бундесфюреру» подчинялись «ландесфербандсфюрер-ры» (нем.: Landesverbandsfuehrer), «ландесфербандсфюрерам» – «гауфюреры» (нем.: Gaufuehrer), «гауфюрерам»

- «крейсфюреры» (нем.: Kreisfuehrer), «крейсфюрерам»
- «ортсgruppenфюреры» (нем.: Ortsgruppenfuehrer), «орт-сgruppenфюрерам» – «камерадшафтсфюреры»(нем.: Ka-meradschaftsfuehrer).

Все эти чины различались шириной и цветом каймы своих темно-желтых кожаных поясных ремней.

«Бундесфюрер» носил широкий ремень с круглой, окруженной сиянием, серебристой эмблемой «Штальгельма», украшенной в центре изображением стального шлема.

Чины «Бундесамта» носили широкие поясные ремни со светло-коричневой каймой.

«Ландесфербандсфюреры» (букв.:»руководители земельных объединений») – широкие ремни с белой каймой.

«Гауфюреры» (букв.: «руководители областей») – аналогичные широкие ремни с белой каймой.

«Крейсфюреры» (букв.: «руководители округов») – широкие ремни с оранжевой каймой.

«Оргсgruppenфюреры», возглавлявшие местные группы (ортсgruppen Ortsgruppen) численностью более 200 человек) – широкие ремни с зеленой каймой.

Руководители отделов «Бундесамта» – узкие ремни со светло-коричневой каймой.

«Ортсgruppenфюреры» (букв.: «руководители местных групп»), возглавлявшие местные группы численностью менее 200 человек – узкие ремни с зеленой каймой.

«Камерадшафтсфюреры» (букв.: «руководители товариществ») – узкие ремни с голубой каймой.

При «бундесфюрере» существовали Интендантство («Интендантур», нем.: Intendantur) и Казначейство («Кассенвезен», нем.: Knssenwesen), а также рефераты (Referate, департаменты) печати, культуры и по социальным вопросам. Чины, служившие в этих подразделениях, носили витые серебристо-черные погоны.

Петлицы у интендантской и казначейской службы были не черного, а серого цвета, с белой выпушкой и двумя серебристыми дубовыми листьями. Чины рефератов печати, культуры и по социальным вопросам имели светло-коричневую выпушку и были украшены двумя серебристыми дубовыми листьями.

Служебные флаг «Бундесамта», «ландесфербандов» и самостоятельных «гау» (не входивших в состав «ландесфербандов»), а также обычных «гау» (входивших в состав «ландесфербандов») представлял собой трехполосное черно-бело-красное полотнище с наложенным на него контурным изображением стального шлема с нанесенным на него черными буквами названием организации (Der Stahlhelm), вписанным в белый круг, с добавлением 2 клиньев голубого (на флаге «Бундесамта»), зеленого (на флагах «ландесфербандов» и самостоятельных «гау») или белого цвета (на флагах обычных «гау»). Служебные флаги «округов» (в традиционном произношении -«крейсе», в современном произношении – «крайзе», нем: Kreise) имели форму треугольных трехполосных черно-бело-красных вымпелов с контурным изображением стального шлема с выполненным черными буквами названием организации, вписанным в белый круг.

5. Награды «Стального Шлема»

Наградой для членов «Стального Шлема» служили т. н. «Союзная звезда» («Бундесштерн», нем.: Bundesstern), и «Знак за спортивные достижения» («Шпортлейстунгсабцейхен», нем.: Sportleistungsabzeichen, известный также под названием «Военно-спортивный крест», «Вершпорткрейц», нем.: Wehrsportkreuz).

«Бундесштерн» представлял собой серебряное изображение стального шлема в центре круглого красного медальона в серебряном, с черными кромками, кольце, с 4 черными прусскими коронованными (!) орлами по углам,

наложенное на четырехугольную серебряную звезду со «штралами».

«Военно-спортивный крест» представлял собой серебряное изображение стального шлема с названием организации по-немецки: «Дер Штальгельм» (Der Stahlhelm) черными буквами (как на нагрудном знаке), с 4 черными прусскими королевскими орлами по углам, наложенное на 12-лучевую белую звезду с каймой из повторяющихся 2 раза черно-бело-красных полос цветов государственного флага Германской Империи 1871-1918 гг.

6. Нечто вроде эпилога

Любопытно, что в начале 90-х гг. в послеперестроечной России был учрежден Союз офицеров, ветеранов и друзей Ракетных войск «Стальной Шлем» (!!!), с заместителем Председателя которого, Владимиром Юрьевичем Садковым (являвшимся одновременно помощником Председателя «Союза офицеров России») автору этих строк довелось быть знакомым лично. Так причудливо порой повторяется история на своих крутых поворотах!

Приложение 10.

«Младотевтонский орден» («Юнгдо»)

«Младотевтонский (Младонемецкий) орден» («Юнгдойчер орден», сокращенно «Юнгдо») Артура Марауна (создатель и руководитель этой правой военизированной организации был очень похож на молодого Германа Геринга) возник на основе добровольческого корпуса под названием «Кассельская офицерская рота», переняв его эмблему – черный восьмиугольный мальтийский крест (отличавшийся по форме от прямого или уширенного черного креста «старого», основанного в раннем Средневековье, Тевтонского, или немецкого, духовнорыцарского ордена, о котором будет подробнее сказано ниже), помещенный на белые знамена и белые щитовидные нагрудные знаки марауновцев. В русскоязычной литературе организация, учрежденная Марауном, часто неправильно именуется «Младогерманским орденом» – подобно тому, как Немецкий (Тевтонский) рыцарский орден порой неправильно именуется «Германским рыцарским орденом». Артур Мараун сознательно создал свой «младотевтонский» орден в подражание упомянутому выше «старому» рыцарскому Тевтонскому (Немецкому) ордену (к описываемому времени возвращенному революцией в Австрии в свое первоначальное состояние госпитальерского католического монашеского братства), став его «Верховным Магистром» (Гохмейстером, или, правильнее: Гохмайстером), имевшим в своем подчинении собственных «комтуров» (командоров) и «братьев-рыцарей» (а также «орденских сестер»).

«Младотевтоны» Марауна носили полевую форму цвета «фельдграу» (френчи армейского образца поверх белых парадных или защитных повседневных рубашек с черными галстуками, армейской кожаной амуницией, брюки с ботинками или же бриджи, сапоги или ботинки с кожаными крагами или обмотками). На левом рукаве (выше локтевого сгиба) они носили нашивку в виде щитка

с черным восьмиугольным мальтийским крестом на белом поле. Бляхи поясных ремней «младотевтонов» также были украшены эмблемой их ордена – упомянутым выше мальтийским крестом. Поясные бляхи командного состава «младотевтонов» были медными, круглой формы, с обрамлявшей изображение мальтийского креста надписью «Трой дойч аллеwege» (Treu Deutsch Allewege), что, в переводе с немецкого означает «Верные (и) немецкие (тевтонские) навеки», с изображением пары дубовых листьев по бокам. На околыше фуражки «юнгдойчи» («младотевтоны») Марауна носили кокарду в форме щитка с черным мальтийским крестом на белом поле, на тулье – круглую «земельную» кокарду (Landeskokarde) армейского образца.

Территориальные подразделения «Юнгдо» именовались «бальяжами» («баллеями»), местные группы – «братствами» («брудершафтами»). Численность его временами достигала 200 000 человек.

«Орденские братья» марауновского «Юнгдо» носили с формой и гражданской одеждой значки в форме белого щитка с черным мальтийским крестом, а «орденские сестры» – такие же значки (но с трехлучевыми крестами).

У «Юнгдо» имелась и собственная награда – «Крест Младотевтонского ордена», представлявшая собой металлический восьмиугольный мальтийский крест, покрытый черной эмалью (или черным лаком). Эта награда напоминала аналогичные по форме черные мальтийские кресты белой русско-немецкой Западной Добровольческой Армии генерал-майора князя П. М. Авалова (Бермондта) и отдельного добровольческого отряда фон Рандова, из-за чего их нередко путают (однако ласточкины хвосты на концах «младотевтонского» креста были несколько короче).

Знамя «Юнгдо» представляло собой белое полотнище с черным мальтийским крестом. Возведя сам себя в сан Верховного магистра учрежденного им «Младотевтонского ордена», Артур Мараун пользовался внутри ордена непререкаемым авторитетом, опираясь на

свои собственные капитулы, баллеи и комтурства, скопированные с аналогичных структур «старого» («головного») Тевтонского ордена. Правой рукой Гохмейстера Марауна был канцлер «Младотевтонского ордена» Борнеман. Видную роль в «Юнгдо» играл также генерал в отставке Зальценберг. Особенно многочисленными были земельные организации «Младотевтонского ордена» в Тюрингии и Саксонии, а его мелкие филиалы – «брудершафты» (братства) – имелись на всей территории Германии.

«Юнгдо» издавал собственную газету «Младотевтон» (нем.: «Дер Юнгдойче») под девизом участников Первого Крестового похода (и рыцарей ордена Святого Гроба Господня) «Так хочет Бог!» (нем.: «Готт вилль эс!», лат.: «Деус вульт»).

Первоначально орден Марауна/Борнемана являлся главным конкурентом право-консервативного союза фронтовиков – ветеранов мировой войны «Стальной Шлем» (нем.: «Дер Штальгельм», Der Stahlhelm). Подобно «Штальгельму», «Юнгдо» преследовал цели военного характера, собирал и тайно хранил оружие германской армии, подлежавшее сдаче комиссии Антанты по разоружению Германии. В 1923 г. «Младотевтонский орден», как и «Стальной Шлем», боролся за осуществление планов Главнокомандующего вооруженными силами послевоенной Германии (рейхсвера) генерала Ганса фон Секта (Зекта), намеревавшегося организовать вооруженное сопротивление французским и бельгийским войскам, оккупировавшим промышленную Рурскую область Германии. В 1925 г. орден Марауна поддержал кандидатуру генерала фон Секта на пост президента Германии. Своей основной внутривнутриполитической задачей «Юнгдо» провозгласил борьбу против красного террора внутри страны, своими основными внешнеполитическими задачами – освобождение Отечества от пут Версаля и возвращение германских колоний.

В качестве дополнительного источника финансирования своей деятельности – строительства Нового Тевтонского

(Немецкого) Дома – руководства и отдельные братства «Юнгдо» выпускали специальные боны – «бауштайны», т. е. «строительные камни» («камни, предназначенные для строительства Нового Тевтонского Дома»), распространявшиеся, в частности, на слетах и других мероприятиях ордена. В качестве примера мы дадим ниже описание несколько таких «младотевтонских» бонов.

2. Благотворительный бон, достоинством 5 марок, выпущенный Билефельдским «брудершафтом» (братством) «Юнгдо» в 1922 г. с портретом (на аверсе) основателя и Гохмейстера Младотевтонского ордена Артура Марауна (в левом верхнем углу бона помещен герб Марауна – три красных стропила на белом поле, в правом углу помещен герб «Юнгдо» – черный мальтийский крест на белом поле) и девизом: «Верность братьям! Верность магистрам! Кто больше даст, тот больше послужит Отечеству!»; на реверсе – изображение орденского замка со знаменем «Юнгдо» (черный мальтийский крест на белом полотнище) на фоне восходящего солнца и девизом: «Честь! Слава! Отечество!»;

3. Благотворительный бон, достоинством 1 марку, выпущенный Финансовым комитетом руководства «Младотевтонского ордена». Аверс: спешенный «младотевтонский» рыцарь с гербом ордена (черным мальтийским крестом) на белом щите «норманнской» («варяжской») формы поражает копьем «змея розни между немцами»; надпись: «Змей розни должен пасть – для нас должен возникнуть Тевтонский (Немецкий) Дом!». На реверсе – портрет Гохмейстера Артура Марауна и надпись «Ты дашь один раз 1 марку – многие дадут помалу – и их вклад станет весомым»; «Тевтонский (Немецкий) Дом должен быть восстановлен – Ты дал на это 1 марку».

4. Благотворительный бон «Младотевтонского ордена» достоинством 2 марки, выпущенный Финансовым комитетом орденского руководства, с изображением на аверсе спешенного «младотевтонского» рыцаря-змееборца, а на реверсе – восточнопрусского Мариенбургского замка «старого», основанного в Средние века, Тевтонского ордена и надписями: «Добрый Дом

древнего Тевтонства, дай нам новые стимулы!», а также: ««Ты дашь один раз 2 марки – многие дадут помалу – и их вклад станет весомым»».

5. Рекламный бон («вербешайн») «Младотевтонского ордена» достоинством 1,5 марки, выпущенный Кильским брудершафтом «Юнгдо» с изображением древних германских героев в рогатых шлемах, гербом ордена (черным мальтийским крестом на белом поле) и надписью «Младотевтонский (Младонемецкий) орден».

Подобные благотворительные и рекламные боны «Юнгдо» были выпущены в немалом количестве.

С 1924 г. разгорелось соперничество между «Младотевтонским орденом» и «Стальным Шлемом», главную роль в котором играли связи обеих организаций в министерстве рейхсвера, а также сугубо местнические интересы. Как говорил в рейхстаге в 1923 г. министр рейхсвера Гесслер, между офицерами рейхсвера разгорелся спор о том, какой из двух союзов лучше служит отечеству. В конце 1925 г. имперский комиссар по охране общественного порядка передал министерству рейхсвера данные об установлении контактов между «Младотевтонским орденом» и союзом «Рейхсбаннер» («Имперский стяг») – полувоенной организацией, созданной Социал-Демократической партией Германии (СДПГ), наподобие штурмовых отрядов (СА) гитлеровской Национал-Социалистической Германской Рабочей партии (НСДАП) или боевых отрядов «Союза Красных Фронтвиков» («Ротер Фронткемп-фербунд», сокращенно: «Ротфронт») Коммунистической партии Германии (КПГ) Эрнста Тельмана. Конфликт «Юнгдо» со «Стальным Шлемом» и контакты Марауна с «Рейхсбаннером» стали причиной разрыва между министерством рейхсвера и «Младотевтонским орденом». Во второй половине 20-х гг. орден Марауна/Борнемана в значительной степени утратил свое прежнее влияние, число его членов и сторонников резко уменьшилось.

В 1928 году «Юнгдо» совместно с Христианскими профсоюзами основал «Народное Немецкое Имперское

Объединение» (ННИО), а в 1930 году объединился с Немецкой (Германской) Демократической партией в Немецкую (Германскую) Государственную партию и участвовал в парламентских выборах. Вследствие враждебности «Юнгдо» гитлеровскому национал-социализму, орден Артура Марауна был запрещен после прихода Гитлера к власти в 1933 году, а сам Мараун – арестован. В «Младотевтонском ордене» состоял, между прочим, и советский разведчик, офицер германских военно-воздушных сил Харро (Гарро) фон Шульце-Бойзен, внучатый племянник адмирала Альфреда фон Тирпица и член подпольной анти-нацистской организации «Красная капелла» («Красный оркестр»), казненный национал-социалистами.

Поскольку экстремистские политические организации, преследующие сходные цели, наиболее яростно борются не с главным, идеологическим врагом, а друг с другом (как это происходило до недавних пор и в нашем многострадальном Отечестве), гитлеровская партия НСДАП и «Младотевтонский орден» друг друга на дух не выносили, но, тем не менее, сходство между ними было во многом разительным, как, впрочем, и сходство с коммунистами. Не зря ведь товарищ Сталин говорил о своей, Коммунистической, партии, как об «ордене меченосцев», а рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер о своей «черной гвардии» как о военном «ордене нордических мужей» (с его легкой руки СС и стали называть «Черным орденом»). Поэтому представляется вполне логичным, что после прихода Гитлера к власти «Младотевтонский орден» был распущен, а сам Артур Мараун арестован и заключен в концентрационный лагерь (где лишился глаза).

Наряду с «Младотевтонским орденом» Артура Марауна и «старым» католическим военно-монашеским Тевтонским (Немецким) орденом, в Германии и Австрии описываемой эпохи существовали также полусекретный националистический союз «Дейчер Орден» («Немецкий орден», одноименный со «старым») и более глубоко засекреченный «Германен-Орден» («Германский орден» или «Орден германцев»), для членов которого было

характерно увлечение древнегерманскими рунами и неоязычеством в духе ариософа Г(в)идо фон Листа. На разных этапах своего существования «Германский орден» (эмблемой которого служила вращающаяся «солнечная» косовидная свастика-«зензенкройц», наложенная первоначально на равносторонний крест, а позднее – на четырехлучевую звезду) включал в свой состав организации различной ориентации – например, баварское ариософское «Общество Туле», прусский монархический «Союз прямодушных» («Бунд дер Ауфрехтен») и даже Германскую Национал-Социалистическую Рабочую партию (НСДАП). В силу сходства названий вышеперечисленных «орденов» современники и особенно позднейшие авторы нередко путали (и продолжают путать!) их друг с другом и со «старым» католическим духовно-рыцарским Тевтонским (Немецким) орденом Пресвятой Девы Марии.

Приложение 11. Добровольцы фон Рандова

1. Краткий очерк истории белого добровольческого корпуса (отдельного отряда особого назначения) фон Рандова

В ночь с 4 на 5 января грозного 1919 г. гауптман (капитан) германской армии Альфред фон Рандов, прибывший в Литву во главе 85 добровольцев, набранных им в Германии для службы в рядах Пограничной Стражи («Гренцшущ»), явился доложить о своем прибытии в штаб Верховного Командования 8 армии (АОК 8.), расположенный в городке Шавли (нем.: Шаулен, литовск.: Шяуляй). Штабные офицеры уже, как говорится, сидели на чемоданах, готовясь к эвакуации в Либаву (нем.: Либав, латышск.: Лиелаю). Сложившаяся ситуация представлялась поистине катастрофической. Только что пала Рига, взятая советскими войсками, переименованными сразу же после захвата ими столицы Латвии из 7-й армии Р.С.Ф.С.Р. в «советскую латышскую армию». Весь Прибалтийский антибольшевицкий фронт, удерживаемый, главным образом, германскими оккупационными войсками, грозил рухнуть с минуты на минуту. Распропагандированные красными агитаторами, засылаемыми как с Востока, из Москвы, так и с Запада, из Берлина, германские армейские части (совсем как русские солдаты летом и осенью кровавого 17-го года) бросали свои позиции и спешно уходили в тыл, чтобы оттуда «на перекладных» вернуться в Фатерланд (конечно, не «делить землю», но тоже ради достижения каких-то целей, более важных, чем верность воинскому долгу и присяге). Только остатки германской добровольческой «Железной бригады» (силой не более 450 штыков) и сформированная Балтийским Национальным Комитетом (БНК) добровольческая Охрана Прибалтийского Края (именовавшаяся по-немецки «Балтийский Ландесвер»), состоявшая из российских подданных – главным образом,

«остзейских немцев» и русских (уроженцев Прибалтики) – силой в 1200 штыков и сабель еще кое-как удерживали (а вернее сказать – обозначали собой) тонкую, как готовая ежесекундно оборваться ниточка, линию фронта.

Доложив по всей форме о своем прибытии, гауптман фон Рандов узнал от оберст-лейтенанта (подполковника) Бюркера из штаба заново сформированного накануне Верховное Командование 8-й армии (прежнее АОК 8. было, в полном составе, снято приказом Верховного Командования Сухопутных сил), что ему и его людям надлежит прикрывать отход еще ведущих боевые действия против красных остатков антибольшевицких частей и организовать охрану железнодорожных путей между Шавлями и восточнопрусским городом Тильзитом – конечным пунктом отступления германских войск. Конкретно же речь шла пока об обеспечении безопасности железнодорожного участка Лидовяны-Тауроген (нем.: Тауроген, польск.: Тауроги, литовск.: Таураге).

На следующий день гауптман фон Рандов приказал сцепить стоявшие на путях «бесхозные» железнодорожные вагоны, прицепить их к составленным «гуськом» трем пока еще исправным паровозам и, после короткой, но жаркой дискуссии с заведующим складом, нагрузить состав провиантом. Приняв провиант, эшелон, подобно гигантской змее, оставив за собой Шавли, со скоростью улитки двинулся в юго-западном направлении, взяв курс на Ботоки. И правильно сделал, потому что уже 8 января 1919 г. Шавли были взяты частями Красной Армии. С величайшей осторожностью, опасаясь возможной засады, в полной боеготовности, поезд медленно приблизился к Лидовянскому железнодорожному мосту. К счастью для эшелона, мост оказался не только не взорванным, но и нисколько не поврежденным. Миновав его, фон Рандов приказал своим людям взорвать за собой пути. Во всех важных местах вдоль железнодорожной линии с поезда были высажены посты, чтобы обеспечить хотя бы минимальную охрану трассы. Вероятнее всего, добровольцы фон Рандова,

высаженные из поезда с этой целью, сочли это боевое задание верным «пропуском в рай», хотя... кто его знает?

Если верить воспоминаниям 1-го адъютанта фон Рандова, лейтенанта Г. Негенданка (опубликованным, правда, много лет спустя в журнале ветеранов белых добровольческих корпусов «Всадник, скачущий на Восток»), отряд фон Рандова, по прибытии в Ботоки, не нашел там обещанного ему в качестве подкрепления эскадрона 16-го драгунского полка. Бравые драгуны, не дождавшись ожидаемого ими эшелона, предпочли «смотреть удочки» – как, впрочем, и взбунтовавшийся 26-й ландверный пехотный полк, которому также было приказано обеспечивать охрану железнодорожной линии. Единственными живыми существами, найденными на станции Ботоки, были табунившиеся там брошенные лошади, числом около сотни.

В отличие от воспоминаний лейтенанта Негенданка, в соответствующих материалах потсдамского Центра исследования военной истории и истории сухопутных войск /7/, посвященных истории отступления германских оккупационных войск из Прибалтики, сказано, что изменили воинскому долгу и без приказа отступили со станции Ботоки части не 1-го драгунского и 26-го ландверного пехотного, а 17-го и 18-го драгунских полков и 23-й дивизии ландвера. Мы склонны более доверять информации потсдамского Центра, поскольку, как уже упоминалось выше, Негенданк писал свои мемуары спустя много лет после описываемых событий и мог ошибиться. Как бы то ни было, германским войскам сильно повезло. Части Красной Армии преследовали их достаточно вяло, не особо торопясь вступать в боевое соприкосновения с отступающим противником, не говоря уже о том, чтобы попытаться опередить и перехватить его и отрезать ему пути отхода, не дав ему передохнуть и вновь собраться с силами.

Уважаемого читателя, вероятно, несколько шокируют подобные неприглядные картины из истории доблестных германских вооруженных сил, пользующихся в глазах многих непрекаемым авторитетом самой

дисциплинированной и верной долгу армии в мире, но, как говорится, «из песни слова не выкинешь»... Вот до чего доводит большевицкая агитация и пропаганда, если ее вовремя не пресечь.

Отдельный отряд особого назначения фон Рандова, быстро увеличивший свою численность, за счет присоединявшихся к нему мелких германских отрядов и солдат, отбившихся или отставших от своих частей, до 700 штыков, продолжил свой путь из Боток пешим порядком по покрытым льдом и заметенным снегом дорогам, чтобы достичь реки Дубиссы до продвигающихся к ней частей Красной Армии и своевременно занять линию обороны вдоль этой естественной водной преграды.

В ходе этого «Ледяного похода» к Дубиссе к отряду особого назначения подходили все новые подкрепления: сперва саперная, а потом пулеметная рота. За счет этого пополнения общая численность отряда возросла до 2000 штыков, после чего гауптман фон Рандов разделил свой отряд на две части, чтобы обеспечить более успешную оборону. Все атаки красных частей были отбиты, однако положение белых добровольцев было, прямо скажем, «аховое». Вокруг горели деревни, хутора и усадьбы, шли перестрелки между частями литовской «белой» (национальной) армии (сформированной под командованием германской службы полковника Генерального Штаба Шредера) и местными красными, твердо вознамерившихся незамедлительно осуществить на практике свой боевой революционный лозунг: «Всех панов и тиранов загоним в ад!». Однако постепенно ситуация стабилизировалась, так что уже в феврале-марте 1919 г. белым удалось перейти в контрнаступление, развивавшееся все успешней день ото дня.

Надо сказать, что с 18 января 1919 г. отряд фон Рандова сменил свое прежнее название «Железнодорожная охрана-8» (нем.: Баншуц 8) на новое – «Добровольческий корпус фон Рандова» (нем.: «Фрайкор фон Рандов»)/, хотя время от времени его по старой памяти продолжали называть «Отдельным отрядом особого назначения фон Рандова», что создавало определенную путаницу. Отныне

часть фон Рандова подчинялась в тактическом отношении сформированному в Инстербурге (Восточная Пруссия) новому 52-му армейскому корпусу, а впоследствии – 1-й пехотной бригаде оберста (полковника) фон Оюдова. Генеральное Командование планировало сформировать на базе части фон Рандова полк с другим командиром (видимо, начальство не было довольно фон Рандовым). Однако вследствие протеста личного состава (еще одна «примета революционного времени» – нечто совершенно немыслимое, неслыханное и даже невообразимое в «нормальной», не революционной, германской армии!!!) предполагавшееся новое назначение так и не состоялось.

Если верить лейтенанту Негенданку, добровольческий корпус фон Рандова, по приказу командования 52-го армейского корпуса, перешел 14 марта 1919 г. с занимаемых им на Дубиссе позиций в наступление на Шавли, взяв штурмом ряд населенных пунктов. «Белое» литовское национальное правительство поддержало это наступление, предоставив в распоряжение фон Рандова несколько пехотных рот полного состава и сильный кавалерийский отряд. Особенно ожесточенный характер носили бои за город Поневеж (литовск.: Паневежис), при взятии которого были захвачены в качестве трофеев две тяжелые мортиры. Среди обнаруженных в Поневеже убитых неприятельских солдат были бойцы 46-го, 60-го и 61-го полков Красной Армии. Однако своевременно предупрежденным 24-му и 41-му полкам Красной Армии удалось, спешно погрузившись в стоявшие на железнодорожной станции эшелоны, вырваться из окружения.

Так вспоминал о штурме Паневежиса на склоне лет лейтенант Негенданк. Но он, вероятно, забыл включить в свои мемуары описание того, что случилось потом. А вот в материалах, собранных, обработанных и изданных Центром исследования военной истории и истории сухопутных сил в Потсдаме, то, что случилось потом, было описано, причем достаточно беспристрастно. Согласно этим материалам, советские войска вскоре «выбили из города Поневежа литовскую роту и приданные

ей – вопреки приказанию командования (оказывавшей военную помощь «белым» литовским войскам германской добровольческой – В. А.) Шауленской бригады (нем.: Бригаде Шаулен») части отряда Рандова, однако продолжили их дальнейшее преследование лишь слабыми силами. Вследствие этого отряд Рандова смог удержать Сьонцскую линию, а Шауленская бригада успела своевременно разместить за его правым флангом свои слабые резервы». К сказанному следует добавить, что общая численность добровольческого корпуса достигла к концу февраля 1919 г. 2 663 штыков и сабель. Как уже упоминалось выше, он был разделен фон Рандовым на две части, точнее – группы (Южную и Северную). Боевой состав фрайкора выглядел следующим образом:

Командир: гауптман фон Рандов;

Адъютант: лейтенант Негенданк;

Офицер связи: лейтенант Шреве;

Офицер-провиантмейстер: лейтенант Баух (кстати, «Баух» по-немецки означает «живот» – типичный пример «говорящей» фамилии офицера, вполне соответствующей занимаемой им должности)!

1) Южная группа (Командир: гауптман Эберт):

1-я и 2-я роты, 1 взвод 99-мм пушек, пехотный взвод железнодорожной охраны, конно-пулеметный отряд, пехотный отряд;

Резерв: 3-я пехотная рота, кавалерийский взвод.

2) Северная группа (командир: капитан Майер):

4-я и 5-я роты, 2 пулеметные роты, кавалерийский взвод, взвод полевых гаубиц.

Резерв: 6-я пехотная рота.

На марше: саперная рота, взвод 100 мм артиллерийских орудий.

В стадии формирования: расчет легкой полевой радиостанции.

Получив пополнение в лице Отдельного вюртембергского контингента в составе 300 добровольцев при 5 офицерах под командованием гауптмана Эрбе, добровольческий корпус фон Рандова разросся до 3000 штыков и сабель. Станным образом, столь значительное увеличение его численности не нашло отражения в соответствующих публикациях. Возможно, данное обстоятельство связано с тем, что вюртембергский контингент, именовавшийся также группой «Швабия» (группой «Швабы» или «Швабской группой»), считавшийся главным резервом добровольческого корпуса фон Рандова, был выделен из его состава и переброшен на левый фланг, для заполнения разрыва, образовавшегося между соседями фон Рандова – добровольческим корпусом Брандиса и «Железной дивизией» майора Бишофа.

26 марта 1919 г. в судьбе добровольческого корпуса произошло важное изменение. Вместе с добровольческим батальоном фон Бюлова и полком Гюникена он был переведен в состав переформированной Шауленской бригады (командиром которой был назначен оберст-лейтенант Энгелин). В июле 1919 г. вся Шауленская бригада (230 офицеров и 5 000 добровольцев) была переброшена в Германию и, с конца августа 1919 г., дислоцирована в городе Целле. Там она была переформирована в I батальон 71-го стрелкового полка рейхсвера в составе 36-й бригады рейхсвера (новой республиканской армии послевоенной Германии).

Что же касается лично гауптмана фон Рандова, то он, по не выясненным по сей день причинам, был отстранен от командования своей частью еще 17 апреля 1919 г. Новым командиром вместо него был назначен гауптман Майер, командовавший до этого Северной группой добровольческого корпуса фон Рандова. По некоторым данным, фон Рандов сам испросил себе у начальства отпуск, но в свою часть больше так и не вернулся. 8 июня 1919 г. был отстранен от командования и гауптман Майер, замененный в этой должности гауптманом Вюртом фон Вюртенау, ставший последним командиром

добровольческого корпуса (отдельного отряда особого назначения).

Добровольческому корпусу фон Рандова не довелось принять участие в успешном совместном наступлении белых германских добровольческих частей и русско-немецкого Балтийского ландесвера, в результате которого в мае 1919 г. вся Курляндия (латышск.: Курземе) была очищена от красных. Адъютант фон Рандова лейтенант Негенданк, с некоторым разочарованием, вспоминал об этом периоде в истории своей части:

«Рандов (имеется в виду добровольческий корпус фон Рандова – *В. А.*), невзирая на все потери и лишения, стоял на передовом посту, прикрывая левый фланг переформированной Шауленской бригады».

2. Гауптман Альфред фон Рандов

Альфред фон Рандов, сын генерал-лейтенанта Прусской Королевской Армии Германа Георга фон Рандова, родился 8 февраля 1879 г. в г. Нейссе. Избрав для себя, в духе семейных традиций, карьеру кадрового офицера, он 28 марта 1898 г. вступил фанен-юнкером (кандидатом на первый офицерский чин) в ряды Прусской Королевской Армии. 17 октября 1899 г. был произведен в чин лейтенанта, 17 сентября 1909 г. – в чин обер-лейтенанта (старшего лейтенанта). Молодой прусский офицер принял участие в Великой войне и дослужился до гауптмана (капитана), будучи произведен в этот чин 22 мая 1915 г. С конца 1918 по начало 1920 г. Альфред фон Рандов служил командиром батальона в добровольческом корпусе (фрайкоре) своего собственного имени (отдельном отряде особого назначения фон Рандова), отличившемся в боях с частями Красной Армии в Прибалтике (Латвии и Литве).

По возвращении в Германию, Альфред фон Рандов учредил для награждения ветеранов своего добровольческого корпуса (и некоторых других белых добровольческих корпусов, воевавших с красными, а впоследствии – с «белыми» латышскими, эстонскими и литовскими националистами) особый «Почетный (Памятный) Знак добровольческого корпуса ф. Рандова» («Тевтонский Рыцарский Крест»). «Тевтонский Рыцарский Крест» фон Рандова имел четыре степени: Большой (шейный) Крест; нагрудную Звезду (первоначально задуманную как «приложение» к шейному Большому Кресту, но вскоре превратившуюся в отдельную награду); Крест I степени (для ношения на булавке) и Крест II степени (для ношения на черной ленте).

С 1931 по 1933 г. Альфред фон Рандов проходил дальнейшую военную службу в Гёрлитцком, а с 1933 по 1934 в в Швиднитцком полку Пограничной стражи. С 1935 по 1938 г. он трудился в должности чиновника Имперской Трудовой Службы (Райх-сарбайтсдинст, РАД) в г. Алленштейне (Восточная Пруссия).

С 9 сентября 1938 по 31 мая 1939 г. фон Рандов проходил курсы офицерской переподготовки в качестве кандидата на замещение офицерской должности. 31 января 1939 г. последовало его увольнение (в соответствии с присвоением ему персонального кода «С»), на основании письма тогдашнего генерал-лейтенанта фон Бока, командира 11-й дивизии, как непригодного для службы в качестве офицера. Причина: изгнание вс позором из рядов Имперской Трудовой Службы с формулировкой: «Личность фон Рандова, вследствие его сомнительных склонностей и характера, делает его неподходящим для продолжения службы в другом подразделении (Имперской Трудовой Службы – В. А.) и совершенно недопустимым его службу в рядах вермахта (Вооруженных сил гитлеровской Германии – В. А.)». Однако с началом Второй мировой войны в сентябре 1939 г. высшее начальство все-таки сочло возможным использовать фон Рандова в качестве офицера. Его персональный код был изменен с «С» на «В». 14 сентября 1939 г. он был вновь призван на действительную военную службу, которую проходил в качестве офицера при штабе 51-го учебного авиационного полка, в чине майора. 1 апреля 1940 г. Альфред фон Рандов, зарекомендовавший себя, в качестве штабного офицера, самым наилучшим образом, был награжден Крестом за военные заслуги (нем.: Кригсфердинсткрейц) и представлен на повышение. Однако в связи с существовавшими в описываемое время должностными инструкциями, фон Рандов, оставаясь на занимаемой им должности, мог рассчитывать на присвоение очередного чина оберст-лейтенанта (подполковника) только, прослужив в этой должности три года (т. е. не ранее 1 апреля 1944 г.). Все приведенные выше сведения содержатся в рапорте офицера особого отдела, составленном в Берлине и датированном 28 июля 1941 г.

Странным образом, никаких данных о гапутмане Альфреде фон Рандове и о его дальнейшей военной карьере после 28 июля 1941 г. не сохранилось ни в Федеральном Архиве в Аахене, ни в Институте современной истории в Мюнхене. А вот в Германской

службе оповещения ближайших родственников павших военносдужающих бывшего германского вермахта в Берлине кое-какие сведения на его счет все-таки сохранились.

5 сентября 1939 г. Альфред фон Рандов был произведен в чин майора. Начиная с 5 сентября 1939 г. он проходил действительную военную службу в штабе 51-го учебного авиационного полка, с 1 сентября 1942 г. – в штабе 51-го авиационного полка (эта часть была сформирована 1 апреля 1939 г. в Веймар-Нора, в 1941 г. передислоцирована в Антверпен и там переименована в 51-й авиационный полк).

Согласно списку Фридландского пограничного контрольно-пропускного лагеря от 24 декабря 1949 г., майор Альфред фон Рандов 22 июля 1949 г. попал в советский плен, из которого был освобожден только 20 октября 1955 г. Вероятнее всего, фон Рандов недооценил в свое время риск, связанный с его возможным намерением вернуться в свое довоенное место жительства, оказавшееся после 1945 г. в советской оккупационной зоне, или хотя бы съездить туда на какое-то время. Как бы то ни было, он попал в руки советских органов, которые наверняка не забыли его «контрреволюционного антисоветского прошлого» и участия в вооруженной борьбе на стороне «наемников германских империалистов и литовских буржуазных националистов» в 1919 г. За это старому фрейкоровцу пришлось отсидеть шесть лет в ГУЛАГе «на просторах Родины чудесной» пролетариев всех стран (впрочем, после 1943 г. большевицкие пропагандисты СССР больше так, «по-довоенному», в духе «Мировой революции» и «Земшарной Республики Советов», уже не называли).

После освобождения из советского лагеря Альфред фон Рандов прожил еще около трех лет в полной неизвестности в тогдашнем кёльнском пригороде Кальк и тихо переселился в лучший мир 22 декабря 1958 г.

3. Как был учрежден знак фрейкора фон Рандова

Что касается внешнего вида и, соответственно, описания знаков всех четырех классов (степеней) «Тевтонского Рыцарского Креста» (Deutschritterkreuz), учрежденного гауптманом Альфредом фон Рандовым для ветеранов возглавляемого им в 1919 г. и сражавшегося в Прибалтике против красных добровольческого корпуса (Отдельного отряда особого назначения фон Рандова), следует, прежде всего, подчеркнуть следующее обстоятельство. Предназначенный для ношения на булавке (слева на груди) Знак I класса (степени), учрежденный Альфредом фон Рандовым, почти не отличим (если вообще отличим) от так называемого знака Западной Добровольческой Армии (мальтийского креста), учрежденного Главнокомандующим этим добровольческим формированием, генерал-майором русской службы князем П. М. Аваловым (Бермондтом).

Чрезвычайная редкость знаков, учрежденных гауптманом Альфредом фон Рандовым, явствует уже из сведений, приводимых самим учредителем, содержащихся в его опубликованных письмах. Так, согласно утверждениям фон Рандова, им не было произведено ни одного награждения высшей степенью «Тевтонского Рыцарского Креста» – так называемым Большим (шейным) Крестом, изготовленным в одном единственном экземпляре и находившимся в личном владении самого учредителя. Даже учрежденный фон Рандовым знак II класса (степени) – нагрудная звезда, задуманная как награда всем чинам добровольческого корпуса, прослужившим в его рядах шесть месяцев подряд – был выдан только пяти ветеранам фрейкора.

Но и знак II степени (крест на черной ленте), награждение которым производилось довольно часто, так что многие из 3000 добровольцев фон Рандова должны были его получить на фронте или впоследствии – по возвращении в Германию, почему-то встречается в наше время крайне редко.

Итак, перейдем к описанию награды:

Большой (шейный) Крест

Аверс: покрытый черной эмалью, посеребренный иоаннитский крест (именуемый также мальтийским). Между двумя верхними углами креста тонкий серебряный сегмент (сектор круга – *В. А.*) через который продеты два посеребренных кольца, к которым припаяны два посеребренных, обнаженных, скрещенных меча остриями вверх, а также ушко для шейной ленты.

Реверс: аналогичный аверсу, покрытый черной эмалью.

Размеры: диаметр креста: 55 мм, длина мечей: 32 мм.

Предназначен для ношения на шейной черной шелковой муаровой ленте.

Количество награждений: ни одного.

Звезда

Аверс: посеребренная восьмиконечная звезда со «штралами» и с наложенным на нее покрытым черной эмалью иоаннитским (мальтийским) крестом I класса (степени). Через середину креста проходят два скрещенных, посеребренных, обнаженных меча остриями вверх.

Реверс: вертикальная массивная булавка на шарнире.

Размеры: диаметр звезды: 80 мм, диаметр наложенного на звезду креста: 46 мм.

Предназначена для ношения на левой стороне груди.

Крест I класса (степени)

Аверс: покрытый черной эмалью иоаннитский крест с узким серебряным кантом.

Реверс: гладкий, посеребренный, с вертикальной булавкой на шарнире.

Размеры: диаметр: 46 мм.

Предназначен для ношения на левой стороне груди.

В некоторых фалеристических каталогах приводится также изображение креста I класса с мечами. Внешний вид этой награды отличается от описанной выше лишь наличием двух проходящих через центр креста прямых посеребренных обнаженных мечей остриями вверх. Однако сам Альфред фон Рандов ни разу не упоминал об этом виде или степени учрежденной им награды.

Крест II класса (степени)

Аверс: посеребренный, покрытый черной эмалью иоаннитский крест, с ушком между двумя верхними углами креста и с двумя продетыми через это ушко кольцами для крепления к ленте (колодке).

Реверс: гладкий, посеребренный.

Размеры: диаметр креста: 46 мм.

Предназначен для ношения на черной муаровой ленте на левой стороне груди или в петлице.

Согласно известному каталогу Клитмана, на черной ленте знака II класса (степени) могли крепиться два скрещенных, позолоченных, обнаженных меча остриями вверх, увенчанных прусской королевской короной (что соответствует принятой в год Великой войны 1914-1918 гг. манере ношения степени Рыцарского креста Ордена Дома Гогенцоллернов на ленте). Однако это утверждения не подтверждается ни сведениями, приведенными самим фон Рандовым, ни какими-либо иными источниками.

Ко всем выдаваемым гауптманом фон Рандовым наградам прилагалось соответствующее наградное

удостоверение, отпечатанное полиграфическим способом на особом бланке, с приложением печати добровольческого корпуса, собственноручно подписанное его командиром.

4. О награждении Тевтонским Рыцарским Крестом фон Рандова

При изучении вопросов, связанных с учреждением «Тевтонского Рыцарского Креста» командиром белого добровольческого отдельного отряда особого назначения гауптманом Альфредом фон Рандовым, мы сталкиваемся с тем довольно редким случаем, когда создатель или учредитель почетного (или памятного) знака, не считая приказа по части, датированного 1919 г., никогда не сообщал о конкретных положениях относительно правил награждения этим знаком. Лишь по прошествии почти целого десятилетия он удосужился сообщить о них – в общих чертах – в письме немецкому военному историку и фалеристу Курту-Гергарду Клитману. Впрочем, информация, сообщенная Альфредом фон Рандовым в ответ на письменные запросы Клитмана, носила достаточно противоречивый и путанный характер. При этом она далеко не всегда соответствовала содержанию его приказа по части, датированного 1919 г.

Из писем фон Рандова, прежде всего, следует, что с течением времени условия награждения четырьмя учрежденными им почетными знаками (которые он назвал «Тевтонским Рыцарским Крестом») существенно образом изменились. Сказанное касается не только того обстоятельства, что эти «тевтонские кресты», которые были первоначально задуманы им лишь в качестве памятных знаков, напоминающих о совместной фронтовой службе, стали, в конце концов, выдаваться в качестве наград за боевые заслуги. Кроме того, сообщенная фон Рандовым информация вызывает целый ряд вопросов военно-исторического и фалеристического характера, прояснить которые в настоящее время вряд ли представляется возможным, с учетом почти полного

отсутствия соответствующих архивных документов и материалов. Ибо все, что имелось в архивах на этот счет и было доступно довоенным исследователям (например, тому же Клитману), включая военный дневник добровольческого корпуса фон Рандова, было уничтожено в последние месяцы Второй мировой войны (при налете англо-американских бомбардировщиков на Потсдамский Военный Архив в 1945 г.).

Что касается четырех классов «Тевтонского Рыцарского Креста», учрежденного Альфредом фон Рандовым в 1919 г., то представляется необходимым заметить следующее. В упомянутом выше приказе по части 1919 г. содержится письменное подтверждение учреждения командиром фрейкора только лишь Звезды и Креста I класса (степени). Исключительно благодаря личной инициативе Клитмана Потсдамский Армейский Архив предоставил в его распоряжение в 1938 г. выписку из этого приказа по части, оказав не только ему, но и всем последующим поколениям фалеристов, военных историков и любителей, интересующихся белыми германскими добровольческими корпусами 1918-1923 гг., немаловажную услугу.

В мае 1919 г., согласно данным Клитмана, имевшего в 1937 и 1938 гг. возможность ознакомиться с хранившимися в Потсдамском Армейском Архиве оригиналами соответствующих документов (которых, впрочем, и там хранилось не слишком-то много), Альфредом фон Рандовым были учреждены Большой Крест и Крест II класса (степени). К сожалению, Клитман не привел никаких ссылок на источники, на основании которых он датировал учреждение этих двух знаков. Единственное, на что в настоящее время можно кое-как опереться при попытках датировки их учреждения, это информация, приведенная Альфредом фон Рандовым в его письме от 12 сентября 1938 г., согласно которой он в мае 1919 г. выслал из местечка Жадова Звезду (в золоте) германскому генералу фон Вельману, а также его пометка на полях письма, отосланного им обратно Клитману (от которого он его получил) – этой ремарки мы чуть позднее коснемся более подробно.

Однако самым странным в этой датировке учреждения Большого Креста и Креста II класса (степени) представляется то обстоятельство, что гауптман фон Рандов в мае 1919 г. уже не был командиром добровольческого корпуса своего имени (в составе белой германской добровольческой «Шауленской бригады»), поскольку еще 12 апреля 1919 г. его сменил в этой должности гауптман Майер, после чего фон Рандов отбыл в отпуск и больше в свою часть не возвращался.

Кстати, в своей переписке с Клитманом фон Рандов ни разу не касается вопроса своей замены гауптманом Майером в должности командира добровольческого корпуса 17 апреля 1919 г. Напротив, в одном из своих писем Клитману (к сожалению, не поддающемся точной датировке) он сообщает, что все документы его добровольческого корпуса были утеряны в ходе поспешного отступления осенью 1919 г. из Литвы или Прибалтики (в описываемое время Литва еще не считалась частью Прибалтики, в отличие от Латвии и Эстонии). При этом из письма фон Рандова, содержащего упоминание об этом печальном событии, никоим образом не явствует, что он в описываемое время уже не пребывал в рядах своей части. Данное обстоятельство позволяет предположить, что Альфред фон Рандов, с частью своих добровольцев, в июле-августе 1919 г. отказался подчиниться приказу о возвращении в Германию (подобно многим военнослужащим германской армии, не пожелавшим возвращаться в республиканскую Германию и перешедшим, приняв российское подданство, в ряды русско-немецкой белой Западной Добровольческой Армии генерал-майора князя П. М. Авалова) и какое-то время продолжал оставаться на Прибалтийском фронте. Если наше предположение верно, то у фон Рандова действительно было достаточно времени для второго этапа учреждения своих корпусных наград и производства награждения. Однако данная версия, к сожалению, является чисто умозрительной, ибо не подтверждается документальными свидетельствами.

В данной связи следует указать и на то, что упомянутый нами выше русский генерал-майор князь П. М. Авалов (Бермондт), Главнокомандующий белой монархической русско-немецкой Западной Добровольческой Армией (ЗДА), также учредил памятный крест «мальтийской формы», покрытый черной эмалью или лаком (так называемый «мальтийский крест», «крест Бермондта-Авалова» или «Крест Авалова») – правда, не в качестве боевой награды, а в качестве знака отличия (этот крест был предназначен для ношения на груди всеми чинами ЗДА). Известно также, что в ходе боевых действий «аваловцев» в Прибалтике (главным образом, против поддерживаемых военными кораблями и бронечастями армий стран Антанты «белых» латышских и эстонских националистов, не желавших пропускать ЗДА через территорию Латвии на помощь наступавшим на красный Петроград белым частям русской «непредрешенческой» и проантантовской Северо-Западной Армии генерала от инфантерии Н. Н. Юденича) не все из них успели получить «мальтийский крест», так что некоторые из них получали его от своего бывшего Главнокомандующего уже «задним числом», в Германии, в 1920 г. и в последующие годы. Все дело в том, что «крест Авалова» (знак ЗДА) как две капли воды похож на «Тевтонский рыцарский Крест» I класса, учрежденный Альфредом фон Рандовым. Очередная загадка!

Однако вернемся к немногим сохранившимся документам. Важнейшим из них представляется приказ по части, отданный фон Рандовым 12 апреля 1919 г. Приводим ниже сохранившийся текст выписки из его «Приказа по отдельному отряду особого назначения», предоставленная в распоряжение Клитмана Потсдамским Армейским Архивом 7 сентября 1938 г.:

«12. Я намерен распорядиться изготовить памятный знак в форме черного креста (эмалированного) с серебряным кантом, предназначенный для ношения на левой стороне груди. Этот крест должны получить все бойцы отдельного отряда особого назначения, способные

подтвердить свою непрерывную службу в отдельном отряде особого назначения в течение 4 месяцев.

Этот же крест на серебряной звезде должны будут получить все бойцы отдельного отряда особого назначения, прослужившие в отдельном отряде особого назначения Рандова полные 6 месяцев.

Насколько средств отдельного отряда особого назначения окажется достаточно для безвозмездной выдачи этого памятного знака боевого товарищества, сегодня сказать не представляется возможным. Не исключено, что каждый имеющий право на получение этого знака в память о пережитых нами вместе печальных и радостных часах должен будет приобрести его по соответствующей небольшой цене.

Подпись: фон Рандов, Гауптман (капитан – В. А.) и командир Отдельного отряда особого назначения».

Приводим ниже письма Альфреда фон Рандова, адресованные Курту-Гергарду Клитману и датированные 27 августа и 12 сентября 1938 г., а также еще одно письмо, написанное фон Рандовым в промежутке между двумя вышеназванными письмами, но, к сожалению, не поддающееся точной датировке:

«27.08.1938

1. _____

2. _____

3. Учрежденный мною, в качестве первого командира добровольческого корпуса, «Тевтонский Рыцарский Крест», представляет собой иоаннитский крест, покрытый черной эмалью, с узкой серебряной каймой. II класс (степень) предназначен для ношения на черной муаровой ленте, I класс – для ношения без ленты, на левой стороне груди, Большой Крест (размером вдвое больше Креста) – на широкой черной муаровой ленте на шее с серебряными скрещенными мечами на кольце. К Большому Кресту полагается также звезда, предназначенная для ношения на левой стороне груди, восьмиконечная, с

расположенными между лучами над крестом золотыми мечами. На звезду наложен крест I класса. Документа об учреждении не имеется, есть только приказ по части, которым вводится этот орден и в котором сообщаются условия его получения (хранится в Имперском архиве). Звезда в золоте была подарена мною в 1919 г. генералу пехоты фон Вельману по случаю его прощания с частью, в которую входил и мой добровольческий корпус.

Подпись: ф. Рандов».

В следующем письме (без указания даты) Альфред фон Рандов сообщает следующие сведения:

«При поспешном отступлении из Литвы, находясь под постоянной угрозой попасть в засаду, организованную местным населением и литовскими войсками, часть которых находилась под моим командованием, не было возможности своевременно обеспечить сохранность документации добровольческого корпуса. Среди них находились и наградные удостоверения, заполнявшиеся в свое время вахмистром Кремером. Все документы, списки части, персональные дела, заявления о зачислении в часть, расписки в получении жалованья и т. д. попали в руки большевиков.

Большой Крест со Звездой был первоначально задуман в качестве ордена для награждения не входящих в наш добровольческий корпус выдающихся командиров других добровольческих корпусов, сражавшихся вместе с нами (Пфеффера, Брандиса, Авалова-Бермондта, Дибича), некоторые из которых также награждали нас своими орденами и звездами. Только звездой, если мне не изменяет память, были награждены лишь командиры моих двух групп (отдельный отряд особого назначения фон Рандова был в ходе боевых действий разделен им на две группы – Северную и Южную – В. А.), мой 1-й адъютант и окружной начальник (край-самтман – В. А.) Фюнфитюк в Скаудвиле, последний был главой администрации района, в котором находился театр военных действий моего добровольческого корпуса.

II класс был изначально предназначен только для награждения рядового состава. Однако выяснилось, что проведение четкого разделения между I и II классом не осуществимо, исходя из психологических соображений, так что Звезда, в определенном смысле, является наградой за совершенный подвиг, в то время как I класс становился во все большей степени подтверждением стойкости добровольца, выражавшейся в длительности срока его службы в рядах части. Командиры-литовцы получали только I класс, но никто из них не получил Звезды. Кстати, никак не удавалось убедить бойцов больше не носить II класс после получения I. Многие из них – по сей день! – носят оба класса, подобно тем, кто носит свой Балтийский Крест II класса на ленте на груди рядом с крестом I класса (на булавке – В. А.).

Подпись: фон Рандов».

«Белые» войска литовских «буржуазных» (выражаясь языком советской пропаганды той поры) националистов (по иронии судьбы, организованные немцами под руководством полковника Генерального Штаба Шредера), не раз вероломно наносили удары по отступающим частям русско-немецкой Западной Добровольческой Армии князя и ослабленным боями (в том числе за независимость Литвы!) германским добровольческим корпусам. А еще раньше, во второй половине октября 1919 г., «белые» литовцы неожиданно ударили в тыл частям ЗДА (сражавшимся с «белыми» эстонцами и латышами, не желавшими, под нажимом Антанты, пропустить их через территорию «белой» Латвии на помощь белой русской Северо-Западной армии генерала Юденича, штурмовавшей красный Петроград) на южном участке Двинского фронта, захватив у них несколько железнодорожных платформ с пушками, пулеметами и боеприпасами, 6 военных самолетов и т. д. Так что гауптман Альфред фон Рандов совершенно справедлив в своих оценках, данных им в письме.

В своем третьем письме от 12 сентября 1938 г. Альфред фон Рандов сообщил по поводу учрежденных им наград

следующее:

«Я уже писал Вам (это явное указание на то, что фон Рандов написал Клитману еще одно письмо, о котором Клитман, однако нигде не упоминает и который не сохранился в коллекции Клитмана, хранящейся ныне в архиве геральдического союза «Герольд» в Берлине – *В. А.*), что фирма Майбауэр, Берлин, Юнкерштр(ассе – *В. А.*) 19, в свое время изготовила знаки. Возможно, там еще находится образец (для их изготовления – *В. А.*), в противном случае мне придется выслать их Вам.

Награждения Большим Крестом не производилось, он находится у меня. А установить количество врученных тогда наград не представляется возможным. Многие приобрели их гораздо позднее в магазинах по продаже орденов.

Жив ли еще генерал ф(он – *В. А.*) Вельман, мне неизвестно. Тогда я выслал ему Звезду в письме – если не ошибаюсь, из Жадова. Я так и не узнал, получил ли он ее, во всяком случае, сейчас припомнить это не могу (ведь дело было в мае 1919 г.). Проекты орденов разработаны мною. Изготовитель – Майбауэр. Мотивы – те же самые, что и на знамени (добровольческого корпуса фон Рандова – *В. А.*). Мой добровольческий корпус был фактически первым, носившим (в качестве эмблемы – *В. А.*) щит тевтонских рыцарей. С 31.08.1938 главная улица Тильзита носит название «Фрайкор фон Рандов Штрассе» (улица добровольческого корпуса фон Рандова – *В. А.*)».

Под «щитом тевтонских рыцарей» (нем.: «Дейчриттершилльд») Альфред фон Рандов подразумевал нарукавную нашивку (на левом рукаве мундира выше локтевого сгиба) и петличные знаки чинов своих добровольцев, имевшие форму белого гербового щитка «норманнского» («варяжского») типа с черным крестом тевтонских рыцарей (прямым, а не мальтийским, как на корпусных наградах). Первоначально эти нарукавные «тевтонские щитки» были матерчатыми, а впоследствии – металлическими, покрытыми черной (крест) и белой (поле

щитка) эмалью, обрамленными дубовым венком из серебристого металла.

На знамени отряда фон Рандова был изображен черный крест иоаннитской (мальтийской) формы.

Имеется и еще одно, дополняющее его сохранившееся письма, сообщение фон Рандова, в форме пометки, сделанной им на полях письма, полученного им от Клитмана (и отосланного им обратно Клитману) от 16 сентября 1949 г. В своей ремарке он указал следующее: «Экземпляры для фотографирования имеются, знаки I класса, учрежденного уже в марте 1919 г.» (что неверно, поскольку данный знак был учрежден в действительности 12 апреля 1919 г.).

В ответ на заданный Клитманом вопрос, был ли Большой Крест учрежден одновременно с наградами, упомянутыми в приказе по части от 12 апреля 1919 г., Альфред фон Рандов сделал пометку: «Нет, лишь в мае 1919 г.», а на вопрос, долго ли награжденные носили свои знаки: «До расформирования отряда осенью 1919 г.».

Приложение 12. Либавские стрелки

Сметая красные отряды, В мечте
лелея Петроград, Мы шли, не
ведая пощады, Не зная окрика
«назад»!

(«Ливенцы, аллаверды!»)

В хаосе распада деморализованной событиями Ноябрьской революции в Германии 8-й германской армии в конце 1918 года в Курляндии, одной из прибалтийских губерний России (южной части современной Латвийской республики) Георгиевским кавалером ротмистром гвардии Светлейшим князем Анатолием Павловичем Ливеном был сформирован добровольческий отряд бывших военнослужащих Российской Императорской армии, являвшихся, в большинстве своем, офицерами немецко-балтийского («остзейского») происхождения. Этот небольшой отряд, ядро которого было сформировано в г. Либаве (по-немецки: Либау, по-латышски: Лиепая), вошел в состав «Охраны Прибалтийского Края», или «Балтийского ландесвера» (нем.: Baltische Landeswehr, сокр.: BLW) и оставался в составе ландесвера, пока последний не утратил летом 1919 года, под нажимом Антанты, своей самостоятельности. После этого «Либавский стрелковый отряд», став, подобно ландесверу, объектом британских интересов, был, под названием «Ливенской дивизии», переброшен англичанами под Петроград для усиления «непредрешенческой» белой русской Северной (позднее – Северо-Западной) армии генералов Н. Н. Юденича, А. П. Родзянко и А. Ф. Дзерожинского, наступавшей на удерживаемый превосходящими силами большевиков красный Питер. После неудачи операции по освобождению Петрограда разоруженная и интернированная «белыми» эстонцами

Ливенская дивизия погибла в конце 1919 года в лесах Эстляндии (Эстонии) от голода, холода и сыпного тифа. Попытаемся в нескольких строках напомнить уважаемым читателям о ее славной (хотя и короткой) и почти забытой к нашему времени истории.

1. Ливенцы в составе Балтийского ландесвера

Еще до начала распада безмерно уставших от четырех лет войны частей 8-й германской армии в Прибалтике командование германских сухопутных войск дало согласие на формирование белого русского добровольческого корпуса в занятом немцами г. Пскове. Первоначально этот добровольческий корпус (Отдельный Псковский Добровольческий корпус Северной армии, именовавшийся с декабря 1918 года Северным корпусом, а с июня 1918 года – Отдельным корпусом Северной армии), формирование которого, как части русской Северной армии, началось в Пскове с сентября 1918 года по инициативе русских офицеров ротмистра В. Г. фон Розенберга и ротмистра А. К. Гершельмана, находился под командованием бывшего генерала Российской Императорской армии А. Е. Вандама (с 21 октября по 22 ноября 1918 года, впоследствии – под командованием бывших офицеров Царской армии полковника Г. Г. (Карла) фон Нефа (с 22 ноября по декабрь 1918 года), полковника А. И. Бибикова (в первой половине декабря 1918 года), полковника В. В. фон Валя (с 17 декабря 1918 по январь 1919 года), полковника А. Ф. Дзерожинского (с января по май 1919 года) и генерал-майора А. П. Родзянко (с 1 июня 1919 года).

Формирование Псковского Добровольческого корпуса было допущено немцами, между прочим, и для прикрытия отступления германских оккупационных войск с территории Псковской губернии. Однако начавшееся 26 ноября 1918 года наступление большевиков, следовавших по пятам за отступающими немцами, застало белый русский добровольческий отряд, еще не готовый к

ведению самостоятельных боевых действий и недостаточно вооруженный, врасплох.

С огромным трудом и неся тяжелые потери, части застигнутого врасплох отряда удалось, перейдя по льду реку Великую, спастись на ее еще не захваченный большевиками западный берег и дойти до г. Валги (Валка) в Лифляндии. Оттуда русские белые добровольцы двинулись дальше в глубь эстляндской территории, присоединились к молодой эстонской армии и в течение зимы 1918 года принимали активное участие в боях «белых» эстонцев с большевиками. Весной 1919 года они образовали ядро сформированного при поддержке Антанты Северного корпуса (будущей белой русской Северо-Западной армии) героя Великой войны генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича, созданного, в первую очередь, для освобождения Петрограда от большевиков.

Часть офицеров этого сформированного в Пскове добровольческого корпуса в хаосе, последовавшем за началом германского отступления, своевременно отделилась от главных сил отряда и сумела пробиться в Ригу.

В Риге в описываемое время балто-немецкое население (и в особенности – многочисленные представители балтийского дворянства – «остзейских баронов») было крайне обеспокоено приближением большевицких войск, не скрывавших своего намерения подвергнуть именно дворянство – и в первую очередь дворянство! – поголовному истреблению. Ситуация дополнительно усугублялась традиционной ненавистью местного латышского населения к русским и немцам («фрицам», как выражались латышские националисты).

В этой обстановке в конце ноября-начале декабря 1918 г. была – главным образом, на немецкие деньги, сформирована «Охрана Прибалтийского Края» («Балтийский ландесвер»). Часть вооружения это добровольческое формирование получило с германских, часть – с захваченных немцами русских армейских

складов. Наряду с чисто балто-немецкими отрядами, в состав Балтийского ландесвера (ландсвера, ландвера) вошли также латышский (состоявший главным образом из националистически и антикоммунистически настроенных студентов) и чисто русский добровольческие отряды.

В то же время белый русский генерал Алексей Павлович Родзянко планировал свести бежавших в Ригу от большевистского террора многочисленных офицеров бывшей Российской Императорской армии в подчиненное лично ему отдельное формирование.

Однако в ходе переговоров генерал-майора Родзянко с Верховным Главнокомандованием 8-й германской армии, командованием Балтийского ландесвера и с британским адмиралом сэром Уолтером Коэном, на борту его флагманского корабля в Либаве, русскому генералу поначалу не удалось добиться успеха в связи с расхождением интересов сторон.

В сложившейся ситуации на арене впервые появился ротмистр Кавалергардского полка Российской Императорской гвардии Светлейший князь Анатолий Павлович Ливен.

Князь Анатолий-Леонид (его двойное имя связано с лютеранским вероисповеданием) Павлович Ливен родился 16 ноября 1872 года в Санкт-Петербурге и умер 3 апреля 1937 года в Кеммерне (по-латышски – Кемери) под Ригой. Он был отпрыском одной из древнейших немецко-балтийских фамилий, происходившей от вождя («короля») прибалтийского племени ливов Каупо (Коппе), принявшего, вместе со своими соплеменниками, Святое Крещение от рижского (лифляндского) епископа Мейнгарда и ставшего вассалом епископа, ливонского Братства Христова (Ордена меченосцев), а впоследствии – Тевтонского Ордена Приснодевы Марии. Каупо был убит ударом копья в бою с врагами Святого Креста. Его сын также погиб в борьбе за обращение язычников в Христианскую веру, сложив свою голову в битве с эстонскими дикарями на реке Юмере. С момента «Рижских капитуляций» 1721 года, по которым

прибалтийское рыцарство (дворянство) присягнуло Государю Петру Великому, род Ливенов верно служил Всероссийской Империи. Титулованная статс-дама Ш. К. Ливен была воспитательницей сыновей Царя-Рыцаря Павла Петровича – Великих князей Николая (Будущего Императора Николая I) и Михаила Павловичей. После вступления на Престол Императора Николая I, в 1826 году, род Ливенов был возведен в княжеское достоинство.

Отец Анатолия Павловича, Светлейший князь Павел Иванович Ливен, был Обер-Церемониймейстером Российского Императорского Двора в Санкт-Петербурге. Его мать происходила из другого знатного балтийского рода – графов фон дер Пален.

Анатолий Павлович Ливен закончил классическую гимназию и юридический факультет Санкт-Петербургского Государственного университета. После завершения обучения он в 1893 году поступил юнкером в Кавалергардский полк русской Императорской гвардии. В 1897 году Ливен служил корнетом в эскадроне Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны. Однако в 1898 году, после смерти своей первой жены, дочери князя Николая Салтыкова, Анатолий Павлович вышел в запас, уединившись в своем курляндском имении Мезотен (по-латышски: Межотне). В течение всего нескольких лет ему удалось превратить имение в образцовое «культурное хозяйство». В 1901 году Анатолий Павлович был назначен Государем Императором Николаем II камергером Императорского двора. В том же году он занял должность судьи, а вскоре избран Бауским уездным предводителем дворянства. В 1908 году Ливен вышел в запас. В 1915 году он вернулся в ряды Кавалергардского полка. За подвиг, совершенный в ходе Виленской операции, был награжден Военным орденом Святого Георгия Победоносца IV степени.

В бою с германскими войсками 31 августа 1915 года, Анатолий Павлович, как было сказано в приказе о награждении, «будучи выслан со своим взводом для содействия эскадрону при атаке деревни Якяны с юга, скрытно развернул свой взвод и неожиданно атаковал

превосходного в силах, не менее полуэскадрона противника, выбил его из деревни Якяны, причем сам зарубил офицера и нескольких нижних чинов. Большая часть противника была изрублена. Немцы бросились бежать. Увлекая своей храбростью нижних чинов взвода, он на плечах уходящего противника ворвался в деревню Акбарты, где изрубил взвод, захватил походную кухню и выюк с документами и картами. Своей лихой атакой корнет Светлейший князь Ливен способствовал всеобщему наступлению».

19 сентября Светлейший князь А. П. Ливен был произведен в поручики, 19 сентября 1916 года – в штабс-ротмистры, в апреле 1917 года представлен к производству в ротмистры.

В ходе Великой войны Анатолий Павлович, кроме Военного ордена Святого Георгия Победоносца, был награжден орденом Святого Станислава с мечами и бантом и орденом Святой Анны IV степени с надписью «За Храбрость» (Аннинским оружием – так называемой «клюквой»).

После начала революции 1917 года он одним из последних покинул ряды своего полка, адъютантом которого был назначен еще в 1916 году. После демобилизации возвратился в свое курляндское имение Мезотен.

18 февраля 1918 года Светлейший князь А. П. Ливен был арестован большевиками в г. Венден (по-русски: Кесь, по-латышски: Цесис, по-эстонски: Вынну) – древней резиденции ливонских ландмейстеров (провинциальных магистров) Тевтонского Ордена – вместе с женой и несовершеннолетней дочерью и взят заложником.

В марте 1918 года, в соответствии с условиями § 6 Брест-Литовского договора об освобождении большевиками всех заложников из Прибалтийского края, Анатолий Павлович с семьей был передан красными германским военным властям в г. Орше.

Вместе с генерал-майором А. П. Родзянко и бывшим офицером Российской Императорской армии полковником Алексеем графом фон дер Паленом, Светлейший князь А. П. Ливен сразу же после своего освобождения направил свои усилия на то, чтобы сформировать из бежавших в Либаву, после взятия большевиками Риги, Митавы и других курляндских городов, сотен русских офицеров белый русский добровольческий отряд. Однако на это согласились весьма немногие. Большинство ссылалось на свое желание вступить в успешно сражавшуюся против большевиков «непнредре-шенческую» Добровольческую армию (впоследствии – Вооруженные Силы Юга России) под командованием генерала Антона Ивановича Деникина. Удрученный своей неспособностью уговорить их вступить в его отряд, генерал-майор Родзянко перебрался в Эстонию, где формировался упомянутый выше белый русский Северный корпус (будущая Северо-Западная армия).

После отъезда генерала Родзянко, Светлейшему князю А. П. Ливену (хотя его чин ротмистра соответствовал по уровню всего лишь чину армейского капитана) и полковнику графу Палену пришлось взять на себя дальнейшее ведение переговоров о создании русского добровольческого отряда на территории Курляндии.

13 января 1919 года они провели важные для дальнейшей судьбы задуманного ими предприятия переговоры с представителями формировавшегося русского отряда под командованием капитана бывшей Российской Императорской армии Климента Ивановича Дыдорова, «белой» латышской роты и руководством Балтийского ландесвера. Партнеры по переговорам пришли к решению о незамедлительном формировании новой русской добровольческой части в качестве составной части «Охраны Прибалтийского края». После жаркой дискуссии была, наконец, достигнута договоренность о г. Либаве как единственном возможном месте формирования этого отряда. Таким образом, 13 января 1918 года стало днем создания русской Либавской добровольческой группы, вскоре переименованной в

Либавский (или Ливенский) добровольческий стрелковый отряд. Впоследствии отряд стали называть только «Ливенским». Командиром «Либавских стрелков» был избран полковник граф Пален, его заместителем – Светлейший князь Ливен.

Уже на следующий день, 14 января, о создании нового отряда было доложено Балтийскому Национальному Совету (БНС) под председательством адвоката Адольфи. Эта новость вызвала неоднозначную реакцию многих членов БНС. Графа Палена и Светлейшего князя Ливена открыто упрекали в том, что они служат только своему Российскому Отечеству, всецело подчиняя его интересам интересы своей «малой родины» – Курляндии, рассматриваемой ими лишь в качестве прибалтийской губернии Всероссийской Империи. Между тем, многие члены Балтийского Национального Совета были склонны к тому, чтобы в дальнейшем отделить Курляндию от России. Некоторые из них мечтали о провозглашении Курляндии независимым государством, другие – о ее включении в состав охватывающего всю Прибалтику «Балтийского герцогства» («Балтенланда»), а третьи – даже о присоединении к Германии или, по крайней мере, об унии с Германией (не случайно в качестве герба и флага будущего государства они избрали прямой черный «тевтонский» крест на белом поле). Само собой разумеется, власть в «независимой Курляндии» или «Курляндии в составе Балтийского герцогства» должна была, по мнению упомянутых членов Балтийского Национального Совета, принадлежать «остзейским немцам» (немцам-балтийцам). Кроме того, некоторыми членами БНС в ходе этой жаркой дискуссии была поставлена под сомнение способность графа Палена надлежащим образом командовать вверенным ему отрядом. Граф был настолько возмущен высказанными ему в крайне резкой форме сомнениями в его компетентности, что незамедлительно сложил с себя командование отрядом, сел на пароход и отправился в Ревель (ныне – Таллинн), где вступил в ряды белого русского Северного корпуса (будущей Северо-Западной

армии, в составе которой впоследствии командовал 1-м армейским корпусом).

Светлейший князь Ливен возглавил Либавский стрелковый отряд (который еще предстояло сформировать). В деле формирования отряда его поддерживали бывшие офицеры Российской Императорской армии полковник В. Ф. Рар и подполковник В. Г. Бирих. Полковник В. Ф. Рар стал помощником А. П. Ливена. После смерти полковника Рара в апреле 1919 года его должность занял капитан К. И. Дыдоров, а после Дыдорова – полковник А. Беккер. Должность начальника штаба занимал подполковник В. Г. Бирих, которого впоследствии сменил полковник Чайковский, смененный, в свою очередь, генерал-майором Г. Д. Яновым. Начальником артиллерии стал полковник Беляев, начальником инженерной части – полковник Ионас, судебной – полковник Энглер, инженерной – полковник Колошкевич, санитарной – доктор Стороженко. Адьютантами Светлейшего князя стали бывшие Царские офицеры – «остзейские бароны» ротмистр Курт фон Браатц и ротмистр Николай фон Беннинггаузен-Будберг (нем.: Nikolai von Voeninghausen genannt Budberg), обычно фигурирующий в соответствующей литературе под сокращенной фамилией «фон Будберг».

«Белое» латвийское Временное правительство доктора Карл(ис)а Ульман(ис)а, в лице военного министра Ян(ис)а Залит(ис)а, обещала Ливену всестороннюю помощь и полную поддержку, однако ничего не сделало, ссылаясь на нехватку денежных средств. Гораздо больших успехов, чем в переговорах с «белыми» латышами, Светлейшему князю Ливену удалось добиться в ходе переговоров со штабом 8-й германской армии, но прежде всего – с германским майором Альфредом Флетхером (именуемым в большинстве русскоязычных источников, да и в некоторых немецкоязычных ситочниках «Флетчером»), недавно назначенным Главнокомандующим («Бефельсгабером») Балтийского ландесвера.

Майор Флетхер принял новый русский добровольческий отряд, как говорится, с распростертыми объятиями,

предоставив ему полную автономию (при условии признания его верховного командования).

31 января 1918 г. первая рота ливенцев (65 штыков) выступила на фронт.

К 9 февраля 1919 г. в ливенском отряде насчитывалось около 100 штыков и сабель (более половины отряда составляли офицеры бывшей Российской Императорской армии). Штат отряда был определен в 440 человек.

Вскоре Ливенский отряд уже включал:

- 1) 2 пехотные роты (250 штыков и 8 пулеметов);
- 2) пулеметную команду (100 штыков и 4 пулемета);
- 3) кавалерийский отряд (50 сабель и 2 пулемета);
- 4) артиллерийскую батарею (2 орудия).

Несколько позднее, в ходе наступления на столицу Курляндии г. Митаву (по-немецки: Митау, по-латышски – Елгаву), в состав «ливенцев» влился русский отряд капитана К. И. Дыдорова, сражавшийся до этого с большевиками как отдельная добровольческая часть в составе Балтийского ландесвера.

Ливенский отряд в составе кавалерийского эскадрона ротмистра Родзевича (100 сабель), пулеметной команды штабс-капитана В. Эшшольца (125 штыков при 4 пулеметах), артиллерийской батареи капитана Зауэра и офицерской роты полковника Пясецкого (300 штыков), вместе с частями «белой» латвийской армии и Балтийского ландесвера принял участия в боях с большевицкими войсками в Курляндии, постоянно пополняясь за счет бывших пленных русских офицеров, прибывавших из Германии.

Офицерский корпус «Либавских стрелков» состоял, главным образом, из представителей балто-немецкого дворянства. Ливенцы были обмундированы в германскую полевую военную форму серо-зеленого цвета «фельдграу» и германские стальные каски. Они носили знаки различия и кокарды Российской Императорской армии (каска «ливенцев» были украшены коронованными российскими

двуглавыми орлами). Светлейший князь Ливен и его офицеры, в отличие от «белых» латышей и от германского командования, стремились не только к освобождению Курляндии от большевиков. Они считали это только «половиной дела», стремясь очистить от большевиков также Петроград, а в перспективе – и московский Кремль. По их глубочайшему убеждению, без этого мир на Земле был невозможен. Ливенцы надеялись, что мир осознает международное значение их миссии, и надеялись на поддержку западных союзников, пока те самым что ни на есть бесстыдным и бессовестным образом не бросили их на произвол судьбы.

В отличие от командования Балтийского ландесвера (огульно зачислявшего всех без разбору латышей в «красные»), Светлейший князь А. П. Ливен постоянно стремился к поддержанию добрых отношений с «белым» латвийским Временным правительством доктора Карлиса Ульманиса. Он неоднократно обращался к избранному Верховным Правителем России адмиралу А. В. Колчаку с просьбой уважительно отнестись к стремлению латышей к независимости. Однако его предложения наталкивались на глухую стену непонимания.

Уже 31 января 1919 года только что сформированный Ливенский отряд (насчитывавший всего-навсего 65 штыков) вступил в бой с большевиками. Однако его силы быстро возрастали. В состав отряда влился белый русский эскадрон ротмистра Родзевича.

24 февраля Ливенский отряд принял участие в освобождении Виндавы (Виндау), а 13 марта – в наступлении, приведшем его к берегам реки Курляндской Аа к северу от Митава. Усиленные влившейся в их состав русской ротой капитана Дыдорова, «ливенцы» 19 марта подошли к ожесточенно обороняемой большевиками Митаве, приняв участие в кровопролитном бою на Рижском шоссе.

Ротмистр барон Карл фон Ган из Балтийского ландесвера в своих воспоминаниях о боях за Митаву, опубликованных на немецком языке в изданной

Объединением Балтийского Ландесвера «Книге памяти Балтийского ландесвера», изданной в Риге в 1929 года, описал отвагу белых добровольцев-ливенцев, которой он сам стал свидетелем, особо подчеркнув личное мужество и доблесть командира отряда Либавских стрелков (Kvg! Baron von Hahn. «Kaempfe um Mitau» in: «Die Baltische Landeswehr; ein Gedenkbuch»; Hrsg. Der Baltische Landeswehrverein, Riga 1929, S. 99).

Ливенцы преследовали разбитого неприятеля до Кальнецема (расположенного в 22 верстах севернее Митава). Там ливенцы оставались на позициях в течение двух месяцев. В этот период отряд был пополнен и прошел дополнительную военную подготовку.

В описываемый период в рядах Балтийского ландесвера произошел единственный случай невыполнения боевого приказа. Виновным в этом воинском был баварский кавалерийский офицер О. Гольдфельд. Причиной невыполнения приказа Гольдфельдом было отклонение его прошения зачислить его в состав Ливенского отряда. Светлейший князь Ливен отклонил прошение Гольдфельда из принципиальных соображений (за все время он, как русский патриот, не принял в состав вверенной ему части ни одного «имперского немца», то есть ни одного подданного Германской Империи). Впоследствии О. Гольдфельд с частью своего кавалерийского отряда перешел на службу к «белым» латышам, принял латвийское гражданство, поселился в Латвии и был репрессирован НКВД после включения Латвии в состав СССР по условиям секретных протоколов к «пакту Молотова-Риббентропа».

Впрочем существует и другая версия этой истории. По сведениям, сообщенным автору данной исторической миниатюры Вальтером Розенвальдом, речь в данном случае, якобы, шла не об О. Гольдфельде, а о другом баварском кавалерийском офицере, по фамилии Гольдберг. Но это так, к слову...

16 апреля 1919 года в Либаве произошел путч «пассионариев» из «Ударного отряда» («Штосстрuppe») –

отборного формирования Балтийского ландесвера -, направленный против латвийского Временного правительства. Ситуация грозила вылиться в открытый вооруженный конфликт между «Охраной Прибалтийского края» и «белым» латышским правительством доктора Карлиса Ульманиса. Светлейший князь Ливен был приглашен, в качестве посредника, в Либаву, куда и прибыл аэропланом 20 апреля. В Либаве ландесверовцы предложили ему установить в Латвии враждебную Ульманису и поддерживавшей Ульманиса Антанте военную диктатуру вместе с полковником Я. Баллодом (Балодом, Балодисом), командиром «белого» латышского отряда в составе Балтийского ландесвера. Однако Ливен и Баллод отклонили предложение «остзейцев», полностью отдавая себе отчет в том, что, в случае установления ими в Латвии военной диктатуры, неминуемо разгорелся бы вооруженный конфликт с латышами, составлявшими большинство населения Латвии.

В ночь с 21 на 22 мая 1919 года Балтийский ландесвер принял участие в германском наступлении на Ригу, освободившем город от террористического режима ставленника большевиков Петра (Петериса) Стучки. Ливенский отряд наступал вдоль южного берега озера Бабит. Достигнув Риги с западного направления, ливенцы зачистили городские районы у Вейдендамма и Красной Двины. 24 мая ливенцы, в ходе рейда на Магнусгоф, захватили несколько тысяч пленных и богатую военную добычу. На следующий день, 25 мая, ливенцы продолжили своей рейд в восточном направлении, через густые леса, в направлении Мюльграбен-Роденпойс. Под Роденпойсом Светлейший князь А. П. Ливен, как обычно, ехавший верхом во главе своего отряда, попал в устроенную большевиками засаду и был тяжело ранен в бедро пулей, раздробившей кости таза. Адьютант Светлейшего князя капитан барон Курт фон Браатц позднее жаловался, что князь, как уже не раз в прошлом, слишком легкомысленно относился к опасности.

Тяжелое ранение, надолго лишившее Анатолия Павловича возможности лично предводительствовать

своими войсками, повлекло за собой крайне затруднило формирование белых русских войск в Курляндии. Выздоровление князя Ливена (весьма харизматической личности, «способной без особого труда сформировать 200-тысячную армию») потребовало очень долгого времени. Ранение оставило его инвалидом на всю жизнь. Ему пришлось передать командование Либавскими стрелками своему заместителю, капитану К. И. Дыдорову. Князь Ливен оставил за собой политическое и организационное руководство, однако практика показала, что его физическое состояние не позволяло ему в полной мере выполнять даже эту задачу.

К июню 1919 года Ливенский отряд насчитывал 3500 штыков и сабель, включая:

- 1) 3 пехотных полка;
- 2) стрелковый дивизион;
- 3) легкую батарею капитана Зауэра (3 орудия);
- 4) гаубичную батарею поручика Андерсона (4 орудия);
- 5) 2 броневедомоцикла (один из них – трофейный, захваченный в боях за Ригу у большевиков);
- 6) авиационный отряд (3 аэроплана);
- 7) кадр железнодорожного батальона;
- 8) бригаду по эксплуатации железных дорог.

Ливенский отряд (все еще остававшийся частью Балтийского ландесвера) был передислоцирован в ранен расположенного к северо-востоку от Рига озера Егельзее (по-латышски: Егелзерс). Там отряд, состав которого постоянно усиливался, оставался до 1 июня 1919 года, после чего начал продвижение на Венден. Тяжко страдающий от раны Светлейший князь Ливен отдал своему заместителю строжайший приказ не участвовать в неумолимо надвигающемся военном конфликте между объявленным сорвиголовами из Балтийского ландесвера низложенным (и замененным пастором Андрисом Недрой) латышским премьер-министром Карлисом Ульманисом и дислоцированными в Эстонии, вооруженными

англичанами до зубов северолатышскими войсками под командованием латышского полковника Земитан(с)а (Заметана), с одной стороны, и «Охраной Прибалтийского края» – с другой. Князь Ливен, после некоторых колебаний, объявил свой отряд нейтральным и приказал своим батальонам отступить в район Либавы и Риги.

Его Верховный Главнокомандующий, майор Альфред Флетхер (иногда встречается неправильное написание «Флетчер»), ни в коей мере не был согласен с этим решением Ливена, поскольку оно абсолютно противоречило намерениям политического и военного руководства Балтийского ландесвера окончательно очистить Лифляндию от большевиков. Флетхер и командир союзной Балтийскому ландесверу германской добровольческой Железной дивизии, майор Йозеф Бишоф, приняли решение продолжать наступление в глубь Лифляндии без ливенцев. Они не верили в возможность серьезного вооруженного столкновения с неприятельскими войсками – во всяком случае, не с войсками полковника Земитан(с)а и не с эстонской армией.

Все попытки майора Флетхера переубедить Светлейшего князя Ливена остались безуспешными. Кстати, отчаянные сорвиголовы из «Ударного отряда» Балтийского ландесвера, не боявшиеся никаких опасностей, на этот раз высказались против предстоящей операции. Но этот так, к слову...

Судя по всему, майор Флетхер так никогда и не простил Светлейшему князю Ливену этой «измены». Письмо, написанное Анатолием Павловичем в Германию Флетхеру уже после войны, в качестве попытки примирения, было оставлено германским майором без ответа.

В битве под Венденом объединенным силам эстонских войск и северолатышских войск полковника Земитан(с)а удалось нанести поражение частям Балтийского ландесвера. Однако «остзейским немцам» было нанесено не только военное, но и политическое поражение. Оказалось самым коренным образом и навсегда подорванным их положение в новом латвийском государстве. Одной из причин проигрыша «остзейцами» битвы под Венденом были не только усталость от войны некоторых немецких добровольческих частей, не желавших больше «воевать за баронов», но и серьезное ослабление Балтийского ландесвера вследствие ухода из его рядов Ливенского отряда (и частей латышского полковника Баллода). В результате обескровленные непрерывными боями «остзейские немцы» были вынуждены, под сильнейшим английским давлением, заключить с «белыми» латышами Карлиса Ульманиса и с «белыми» эстонцами Константина Пятса перемирие, имевшее для них тяжелейшие политические последствия.

Тем временем в Митаве произошли серьезные изменения. Там, при активной поддержке германской стороны, и в особенности Верховного Главнокомандующего дислоцированных на территории Курляндии германских войск, генерала Рюдигера графа фон дер Гольца, начала формироваться белая русская добровольческая часть – Отряд имени графа Келлера – под командованием полковника Павла Михайловича Бермондта (князя Авалова). Об этом деятеле времен

Гражданской войны в России ходило (и продолжает ходить) много разных слухов и домыслов, однако, несмотря на откровенно монархические взгляды (вопреки расхожим представлением, отнюдь не разделявшиеся большинством «убеленных сединами доблестных вождей» Белых армий) и некоторые авантюристические черты своего характера, он проявил недюжинные организаторские способности (что, в общем-то, не нуждается в доказательствах – совершенно ясно, что в противном случае практичные немцы не стали бы ему помогать). Одновременно в литовском городе Шавля (Шаулене, Шяуляе) под командованием бывшего Царского полицейского офицера полковника Е. П. Вырголича был сформирован еще один белый русский добровольческий отряд.

Оба отряда пополнялись главным образом за счет русских военнослужащих, отпущенных из германского плена. Вместе с отрядом Светлейшего князя Ливена они образовали армейский корпус трехполкового состава, вскоре переименованный в «Русскую Западную Добровольческую армию». Согласно некоторым источникам, князь П. М. Авалов и Е. П. Вырголич (вероятно, скорее номинально, чем фактически) подчинились Светлейшему князю Ливену, как своему Верховному Главнокомандующему.

Совместно ими была разработана оригинальная идея официально провозгласить себя «восстановителями Российской Государственности», Либаву русским городом, а Курляндию – российской губернией. Однако эту идею, в силу целого ряда причин, так и не удалось претворить в жизнь.

В середине июля Светлейший князь Ливен, совершенно неожиданно для себя, получил от генерала Н. Н. Юденича, Главнокомандующего белого Северного корпуса (которому в ближайшем будущем предстояло стать Северной, а впоследствии – СевероЗападной армией), приказ незамедлительно перебросить весь корпус по морю из Курляндии в Эстонию и присоединить его к Северному корпусу под Нарвой. Барон фон Браатц позднее сообщал,

что Светлейшему князю Ливену пришлось пережить тяжелую внутреннюю борьбу. Он никак не мог решиться выполнить приказ Юденича. Официально Ливенский отряд, вместе с Отрядом имени графа Келлера и Отрядом полковника Вырголича, вошел дивизией в Западный корпус Северной армии генерала от инфантерии Юденича. Однако оба подчиненные Светлейшему князю Ливену командиры отрядов (полков) – князь П. М. Авалов и Е. П. Вырголич – отказались выполнить приказ Юденича под тем предлогом, что их части еще не боеспособны.

Если верить Курту фон Браатцу, Светлейший князь Ливен долго колебался и в последний момент направил полковника Дыдорова, в качестве своего представителя, в Либаву, чтобы спасти то, что еще можно было спасти. Однако британцы, обладавшие абсолютной монополией на морские транспортные средства, не желали слушать никаких доводов, продолжая в крайней спешке грузить русские белые войска на свои корабли. Таким образом, Светлейший князь Ливен был поставлен перед лицом свершившихся фактов и остался в Курляндии без войск – всех его добровольцев злокозненные англичане морем переправили в Эстонию к генералу Юденичу.

Злой рок не дал сформироваться, Как Ливен-князь хотел, и нам Пришлось с Либавою расстаться И плыть по северным волнам...

(Из «Ливенцы, аллаверды!»)

Впоследствии генерал граф Рюдигер фон дер Гольц в своих военных мемуарах «Моя миссия в Финляндии и в Прибалтике» (Ruediger von der Goltz. «Meine Sendung in Finnland und im Baltikum». Leipzig 1920, S. 200) упрекал Светлейшего князя Ливена в «проявлении недопустимой слабости в данном вопросе». Князь Авалов, отношения которого с Анатолием Павловичем всегда оставляли желать много лучшего (впрочем, он и генерала Родзянко характеризовал в своих мемуарах крайне отрицательно, как интригана, недоброжелателя Германии и тайного

сторонника Антанты) утверждал, что не замечал в А. П. Ливене никаких признаков сомнений или внутренней борьбы. Напротив, Ливен, по утверждению Авалова в его военных мемуарах «В борьбе с большевизмом» (опубликованных на двух языках – немецком и русском), высказывался в том смысле, что «как солдат, обязан выполнять приказы своих начальников без всяких возражений» (Awaloff-Bermond. «Im Kampf gegen den Bolschewismus». Glueckstadt-Hamburg 1925, S. 196).

Действительно, Светлейший князь Ливен, в отличие от князя П. М. Авалова и Е. П. Вырголича, в политическом отношении всецело делал ставку на британцев. Не случайно он впоследствии удостоился от них награждения Военным крестом (англ.: Military Cross). Разумеется, в то время он еще не мог знать, что обреч свое формирование на поражение в ходе операции, проведенной, в полном смысле слова, на дилетантском уровне. Такого мнения, во всяком случае, придерживался князь Авалов.

Ливен ненадолго съездил в Нарву, где его отряд был включен в белый русский «непредрешенческий» Северный корпус под названием 5-й (Ливенской) дивизии. Тогда же началось прибытие из Германии через Польшу эшелонов с бывшими русскими военнопленными из Германии и подкреплений из Польши (где записалось добровольцами до 15 000 человек). В составе 5-й (Ливенской) дивизии 1-й Ливенский полк был переименован в 17-й Либавский, 2-й – в 18-й Рижский, 3-й – в 19-й Полтавский.

Поскольку Анатолий Павлович не мог вновь вступить в командование своими людьми из-за упомянутого выше тяжелого ранения, командиром 5-й (Ливенской) дивизии стал его заместитель, Климент Иванович Дыдоров. Светлейший князь Ливен, повышенный (как и Дыдоров) генералом Юденичем в чине до полковника, возвратился в Митаву, где получил от князя Авалова обещание в ближайшее время выступить на штурм Петрограда. Заручившись обещанием Авалова, Анатолий Павлович направился на лечение своего ранения в Германию, а оттуда – в Париж.

2. Пятая (Ливенская) дивизия в составе Северного корпуса, Северной и Северо-Западной армии

После провозглашения Эстонии независимым государством в первой половине 1919 года «белым» эстонцам удалось не только очистить почти всю территорию своей страны от большевицких войск, но и, перейдя Нарову и озеро Пейпус (Чудское озеро), углубиться в неприятельскую территорию. Этих военных успехов им удалось добиться при поддержке «Балтийского полка» («Балтенрегимента»), состоявшего исключительно из «остзейских немцев» – уроженцев Эстляндии (носивших черные погоны с черно-белыми выпушками, бело-черные шевроны углом вверх с белым равноконечным крестом в основании шеврона на левом рукаве выше локтевого сгиба, и, в редких случаях – повязку с тремя эстонскими геральдическими леопардовыми львами на правом рукаве выше локтевого сгиба) – а также белых русских, финских, датских и шведских добровольцев. До наступления лета 1919 года численность дислоцированной на эстонской территории белой русской добровольческой армии (именовавшейся первоначально Северным корпусом, затем – Северной и, наконец, Северо-Западной армией) непрерывно возрастала. Данные о ее численности, приводимые разными источниками, колеблются от 17 500 до 25 000 штыков и сабель. К их числу относились и первые части ливенцев, постепенно прибывавших на фронт.

Ливенцы выгодно выделялись на общем фоне «северо-западников» своей безупречной дисциплиной, высокой боевой выучкой, превосходным вооружением и обмундированием (все – германского образца, вплоть до касок). Когда прибывший на фронт с инспекцией глава военной миссии Антанты в Прибалтике, британский генерал Г. Гоф удивленно спросил сопровождающих его офицеров Юденича, что среди вверенных им русских войск делают немцы, то услышал в ответ, что это вовсе не немцы, а ливенцы, обмундированные и вооруженные немцами, в то время как другие добровольцы Северо-Западной армии, плохо вооруженные и одетые, и даже оборванные – это те, заботу о которых взяли на себя снабженцы Антанты. Британский генерал остался весьма недоволен таким ответом – правда всегда «глаза колет»...

13 мая 1919 года ливенцы приняли участие в первом летнем наступлении (Первом походе) белого Северного корпуса на Петроград (достаточно плохо спланированном и подготовленном стратегами сторонников Антанты). Впоследствии уцелевшие участники этого первого этапа борьбы за Петроград получили награду в форме прямого равносоставленного белого эмалированного креста с золотой каймой, предназначенного для ношения на бело-сине-

красной розетке русских национальных цветов. Хотя награда была учреждена в виде простого «гладкого» белого креста (безо всяких надписей), на поперечной перекладине большинства сохранившихся «крестов за Первый поход на Петроград» имеется выполненная золотыми славянскими литерами надпись «13 МАЯ 1919» (а на одном, миниатюрном, так называемом «фрачном», знаке – даже «12 (мая – В. А.) 1919» – видимо, в память того, что наступление белых войск на Петроград началось в ночь с 12 на 13 мая).

Уже в ходе этого Первого похода на Петроград ливенцы заслужили безупречную военную репутацию. В ходе последующего, осеннего наступления (Второго похода на Петроград) именно они стали основной ударной силой армии Юденича.

19 июня 1919 года Северный корпус был переименован в Северную, а 1 июля – Северо-Западную армию.

Белый доброволец Георгий фон Крузенштерн из «Балтийского полка» наблюдал за действиями офицерской роты ливенцев (силой в 300 штыков) 17 июня под Павловском (переименованном красными в Слуцк), в 30 верстах южнее Петрограда. В его военных мемуарах «Пулеметчик в Балтийском полку», изданных на немецком языке в столице Эстонии Таллинне в 1938 году, содержится и описание формы офицеров-ливенцев: «Германские стальные каски (с двуглавым Царским орлом – В. А.), германские мундиры, но русская кожаная амуниция и блестящие, широкие, золотые царские погоны» (Georg von Krusenstjern. «MG-Mann im Baltenregiment», Tallinn, 1938, S. 30 f.).

Надо сказать, что свои германские мундиры ливенцы старались носить, по возможности, с русскими пуговицами.

Как писал в эмиграции Председатель Русского Обще-Воинского Союза (Р.О.В.С.) генерал-майор А. А. фон Лампе в своей изданной в 1939 году в Берлине на немецком языке (в спецвыпуске журнала военных коллекционеров-униформистов «Униформен-Маркт»)

статье «Белые русские знаки послереволюционного времени», «в качестве опознавательного знака все чины Ливенской дивизии (как, впрочем, и все «северо-западники» – *В. А.*) носили выше (или ниже) локтевого сгиба бело-сине-красный нарукавный шеврон углом вверх, а под шевроном – белый прямой равносторонний («греческий» или «женевский» – *В. А.*) крест. (*A. von Lampe* (russ. Generalmajor). «Weissrussische Abzeichen aus der Nachrevolutionenszeit». Sonderdruck «Uniformen-Markt», Berlin 1939, S. 263). Иногда ограничивались только бело-сине-красным «углом», без белого креста.

В отличие от ливенцев (и других «северо-западников»), аваловцы носили на левом рукаве своих (преимущественно германских) мундиров не равносторонний, а восьмиконечный православный крест (серебряный у офицеров и белый у нижних чинов).

11 октября 1919 года началось осеннее наступление (Второй поход) «северо-западников» на красный Петроград. Поначалу белым войскам сопутствовал успех. 17 октября 5-я (Ливенская) дивизия штурмом взяла Царское (переименованное большевиками в Красное) Село, выйдя к южным пригородам Петрограда. 20 октября передовые разъезды ливенцев увидели на горизонте озаренный вечерним солнцем золотой купол петроградского Собора Святого Исаакия Далматского.

Мы много наших положили, Но твердо к цели шли все, шли. Мы у заставы Нарвской были, Исакий высился вдали...

(Из «*Ливенцы, аллаверды!*»»)

Теперь все зависело от двух факторов:

1) удастся ли «северо-западникам» своевременно перерезать железнодорожную магистраль Москва-Петроград, по которой войскам Троцкого и Зиновьева в Северной столице поступали подкрепления;

2) поддержит ли британский флот, как это было запланировано, наступление белых на Петроград огнем своих тяжелых корабельных орудий («чудовищной длиннОты», по выражению «пролетарского поэта» Владимира Маяковского).

Нарушив приказ, генерал Д. Р. Ветренко, командир 3-й дивизии «северо-западников», вместо удара по железнодорожной линии, повернул на Петроград, обуреваемый честолюбивым желанием войти в историю его освободителем от большевицкой диктатуры. В тот же день, 24 октября 1919 года, ливенцы, стремительно продвигавшиеся на самом острие белого наступления, дошли до петроградского предместья Лигово. Здесь на них обрушилось яростное контрнаступление войск Троцкого (получившего по оставшейся не перерезанной белыми железной дороге Москва-Петроград подкрепления общим числом 50 000 штыков и сабель). Красные опрокинули 2-й ливенский (18-й Рижский) полк и отбросили его до самого Царского Села. Контратака 1-го (17-го Либавского) полка ливенцев завершилась неудачей, поскольку в самый решающий момент артиллерия белых осталась без боеприпасов. Командир 1-го ливенского полка генерал-майор барон Фердинанд Владимирович фон Раден был убит в бою. 1-й полк, понесший большие потери, отступил до Русского Копорского (или Русского Высоцкого, расположенного в 30 верстах юго-восточнее Петрограда). Ожидаемой поддержки со стороны британского флота так и не поступило. В ходе боев на Петроградском фронте наступил перелом в пользу красных.

Увы, Господь не дал отрады, -Кто виноват, – не здесь судить. И от родного Петрограда Мы злобно стали отходить...

(Из «Ливенцы, аллаверды!»)

В сложившемся положении генералу от инфантерии Юденичу следовало отвести всю свою Северо-Западную армию от Петрограда, спасая живую силу. Вместо этого он

растратил свои резервы впустую, в ходе отдельных, плохо подготовленных, изолированных наступлений. В период Второго похода на Петроград прославленный генерал, герой Кавказского фронта Великой войны, оказался, в качестве Главнокомандующего, мягко говоря, не на высоте. Когда ситуация на фронте ухудшилась донельзя, Юденич просто укрылся от «треволнений военной жизни» в номере нарвской гостиницы, предоставив своим подчиненным «самим промышлять о своих головах» (и о том, как им вытащить эти головы из петли, в которую он их заманил)...

25 октября большевики перешли в генеральное наступление. Под ударами красных фронт Северо-Западной армии окончательно рухнул. Колонны отступающих «северо-западников», вперемешку с массами гражданских беженцев, нескончаемым потоком потянулись к эстонской границе, спасаясь от красного террора. На российской территории «северо-западникам» не оставалось больше места для необходимой перегруппировки сил. Остатки ливенцев, заняв наспех оборудованные позиции в лесах и болотах вдоль железнодорожной линии Нарва-Ямбург, вступили в последний, безнадежный (но от того не менее отчаянный) бой с наседавшими большевиками. Этот бой завершился для уцелевших разоружением и интернированием... нет, не большевиками, а «белыми» эстонцами (в мановение ока превратившимися из «соратников» и «братьев по оружию» в злобных, мстительных врагов)! Только небольшой группе ливенцев удалось пробиться в «белую» Польшу.

Почти всех интернированных «либавских стрелков» ждала неминуемая гибель. Тысячи из них, как писал Карл Тиандер в своей изданной в 1934 году в Вене и Лейпциге книге «Генерал Юденич и Северо-Западная армия. Пробуждение Восточной Европы. Национальные движения в России и во время Мировой войны», ослабленные голодом и холодом, погибли от сыпного тифа. (Karl Tiander. «General Judenitsch und die Nordwestarmee. Das Erwachen Osteuropas. Die

Nationalitaetenbewegung in Russland und im Weltkrieg». Wien/Leipzig 1934, S. 127 ff.).

26 февраля 1920 года уцелевшие ливенцы были демобилизованы в ходе ликвидации остатков Северо-Западной армии. Некоторые нижние чины решились возвратиться в Россию, изнывавшую под игом красных. Офицеры, по понятным причинам, предпочли этого не делать.

Пройдя курс лечения в Германии и Париже, Светлейший князь Анатолий Павлович Ливен вернулся в свое сильно урезанное латвийскими республиканскими властями родовое имение Мезотен. Так он и провел остаток жизни сельским хозяином, пока не скончался 3 апреля 1937 года от сердечного приступа. Милосердная смерть уберегла его от трагических переживаний, связанных с насильственным переселением всех «остзейских немцев» из Латвии в германские провинции Позен (польск.: Познань) и Западную Пруссию в 1939-1940 гг., в соответствии с условиями советско-германского «пакта Молотова-Риббентропа».

В 1926 году известный балто-немецкий журналист и историк доктор Эрнст Серафим в своем «Памфлете», опубликованном на страницах журнала «Балтийские листки» («Baltische Blaetter») подверг резкой критике стремление барона Курта фон Браатца любой ценой защитить в своей монографии о Светлейшем князе А. П. Ливене доброе имя, политическую позицию и действия своего бывшего полкового командира. Пером Серафима, несомненно, водило мнение многих тогдашних балто-немецких националистов и сепаратистов об их соотечественнике Анатолии Павловиче Ливене, которого они перестали считать «своим»: «Вследствие своей службы при Царском Дворе в Петербурге Ливен стал русским монархистом, утратившим всякую связь с балтийскими немцами» (Ernst Seraphim. «Ein Pamphlet», in: «Baltische Blaetter» Nr. 16 vom 15. 8. 1926, S. 235 f.).

3. Объединение ливенцев в эмиграции

«В рассеянии сущие» эмигранты-ливенцы, которым Светлейший князь Ливен старался оказывать посильную помощь, подобно ветеранам других белых частей (корниловцев, дроздовцев, марковцев, «северо-западников» и др.) создали в 20-е гг. собственное объединение под названием «Союз взаимопомощи ливенцев». В 1930 году «Союз взаимопомощи ливенцев» был, по просьбе самого князя Ливена, приказом по Р.О.В.С. № 43 переименован в «Объединение ливенцев».

До самой своей смерти Анатолий Павлович Ливен являлся Председателем и наиболее активным членом этого объединения ветеранов своего отряда. Дважды в год ливенцы и «северо-западники» (создавшие в эмиграции собственное объединение) издавали свой собственный журнал под названием «Служба связи северо-западников и ливенцев». Журнал выпускался в немецком городе Данциге (по-польски: Гданьске). Первый номер «Службы связи» вышел в свет в мае 1929, последний (седьмой) в апреле 1934 года.

Кроме того, ливенцы издали в 1929 году, к десятилетней годовщине создания своего добровольческого отряда, на русском языке юбилейный сборник под названием «Памятка Ливенца». «Памятка» была напечатана в рижской типографии Акционерного общества печатного слова «Саламандра».

Светлейший князь А. П. Ливен был подавляющим большинством голосов избран делегатом русско-балтийских эмигрантов на Парижский Конгресс русской эмиграции (1926 года).

В день торжественных похорон Светлейшего князя А. П. Ливена в 1937 году в г. Бауске ему были оказаны воинские почести чинами 13-го Туккумского полка, сформированного командованием национальной латвийской армии на базе бывшего Балтийского ландесвера и сохранившего в качестве полкового знамени

четырёхчастное бело-голубое знамя «Охраны Прибалтийского края», а в качестве нагрудного полкового знака – Крест Балтийского ландесвера (правда, с заменой черного прямого «тевтонского» креста на белом сердцевом щитке знака на черную букву «Т»-«Туккум(с)»). У гроба Анатолия Павловича был выставлен почетный караул ветеранов-ливенцев. На крышке гроба лежали белая, с красным околышем, кавалергардская фуражка Светлейшего князя, и бархатная подушечка с Военным орденом Святого Георгия IV степени, награждения которым покойный удостоился за доблесть, проявленную в годы Великой войны.

Во всех русских (и не русских) публикациях – от П. Пашкова до А. Кузнецова – о наградах Белого движения приводится изображение и описание Памятного знака (Знака, или Креста ливенцев), учрежденного Светлейшим князем А. П. Ливеном в 20-е гг. для награждения бывших чинов его отряда (Ливенской дивизии) – или же, по мнению авторитетнейшего отечественного фалериста В. Дурова – для награждения членов «Союза взаимопомощи (Объединения) ливенцев».

Знак представляет собой покрытый белой эмалью уширенный крест (иногда не совсем точно именуемый «лапчатым»), напоминающий по форме Георгиевский и перекрещенный двумя золотыми (позолоченными) прямыми мечами рукоятями вниз (в некоторых источниках – например, в книге П. Пашкова о знаках Белого движения и в «Памятке ливенца» – мечи на знаке расположены рукоятями вверх). В перекрестье знака ливенцев расположен увенчанный золотой княжеской короной гербовый «варяжский» («норманнский») щиток, с расположенными (если верить изданной в 2000 году в Париже Марией фон дер Пален истории рода Паленов) на нем по диагонали «трия полосами цветов Дома Романовых – черной, желтой и белой» (Maria v. d. Pahlen. «Les Pahlens», Paris, 2000, S. 117), что должно было символизировать монархические взгляды самого А. П. Ливена и его ливенцев. Поверх полос на щит была

наложена золотая литера «Л» («Ливенцы»), а под литерой стояла дата «1919» (золотыми цифрами).

Согласно утверждениям П. Пашкова, А. Кузнецова, В. Дурова, А. Рудниченко и многих других русских эмигрантских и отечественных фалеристов, полосы на сердцевом щитке ливенского памятного знака были не черно-желто-белых «романовских» (как утверждала Мария фон дер Пален), а бело-сине-красных «русских национальных» цветов, полностью соответствующих русской национальной бело-сине-красной символике «непредрешенческой» (а отнюдь не монархической) Северо-Западной армии, составной частью и даже главной ударной силой которой являлась Ливенская дивизия. Лично мы склоняемся к точке зрения Пашкова, Кузнецова и Дурова.

В распоряжении автора находится очень редкая фотография «Памятного знака ливенцев», которым в конце 1919-начале 1920 гг. был награжден упоминавшийся в нашей миниатюре офицер Ливенского добровольческого отряда ротмистр Николай барон фон Беннингаузен-Будберг, адъютант Светлейшего князя Анатолия Павловича Ливена. В эмиграции ветеран-ливенец довольно варварским (с точки зрения коллекционера-фалериста) способом припаял свой ливенский памятный знак (рядом с «Крестом Балтийского ландесвера», которого он был также удостоен в конце 1919-начале 1920 г. г.) к крышке своего серебряного портсигара, украшенного изображением двуглавого коронованного Государственного Орла Российской Империи. Насколько известно автору данной миниатюры, указанный снимок является одним из очень немногих (если не единственным) аутентичным фотографическим изображением «Памятного знака ливенцев». Сердцевой щиток знака – бело-синекрасный. Позолоченные мечи на знаке расположены рукоятями вниз.

Предъявитель сего прапорщик Томс, служивший в Либавском стрелковом Отряде, а затем в 5-ой (Ливенской) Дивизии Северо-Западной Добровольческой Армии с 24 мая 1919 г. по август 1919 г. имеет право носить установленный мною нагрудный знак в память похода против большевиков на Северо-Западном фронте в 1919 году, в составе вверенного мне Отряда и Дивизии.

*Быв. Начальник Отряда и Дивизии,
Полковник Светлейший Князь Ливен.*

(Текст удостоверения к Знаку «Союза взаимопомощи ливенцев» взят из книги А. И. Рудниченко и В. А. Дурова «Награды и знаки белых армий и правительств. Гражданская война в России 1917-1922». М., 2005, с. 375).

Марш ливенцев

1. Штыками на солнце сверкая,
Под песни лихих молодцов,
По улицам пыль поднимая,
Проходил полк стрелков-удальцов

(Вариант: Проходил первый Ливенский полк).

Припев:
Марш вперед!
Россия ждет!
Ливенцы, в атаку!
Долг святой
Зовет нас в бой!
Нагоним красным страху!

2. В полку есть лихие ребята,
То Ливена-князя отряд

Не раз вспоминали солдаты
Геройский поход в Петроград.

Припев.

3. Там стойко дрались солдаты,
Геройски стоял офицер.
Все дружные были ребята,
Что может служить всем в пример.

Припев.

4. Лишь двинутся наши отряды,
Коммуна от страха бежит.
И нет ей, проклятой, пощады.
Попался – так, значит, висит.

Припев.

5. И снова, штыками сверкая,
Шагает наш доблестный полк.
О новых боях он мечтает,
Чтоб говор коммуны замолк.

Припев:

Марш вперед!
Россия ждет!
Ливенцы, в атаку!
Долг святой
Зовет нас в бой!
Нагоним красным страху!

Марш исполнялся на мотив «Оружьём на солнце сверкая», слова А Северина.

Ливенцы, аллаверды!

Уж десять лет промчались мимо
От той поры, когда всех нас
Спасти жизнь родины любимой
Звал долг, и в этот грозный час
Со всех сторон: через Варшаву,
Чрез Лондон, Прагу и Берлин
Стремилась в скромную Либаву
Все офицеры... Здесь один
России прежней сын примерный
Отряд бойцов формировал,
И каждый воин, долгу верный,
В него с надеждою вступал.
Одним желанием объаты,
С одною целью впереди
Слились в едино и солдаты,
И офицеры... В их груди
Один порыв, одно стремленье:
Не зная на пути преград,
Нести России возрожденье,
Идти грозой на Петроград!
Злой рок не дал сформироваться,
Как Ливен-князь хотел, и нам
Пришлось с Либавою расстаться
И плыть по северным волнам
В седую Нарву... С места в битву
Пошел Князь-ливенский отряд.
Творя в душе своей молитву
И в даль стальной вперяя взгляд,
Сметая красные отряды,
В мечте лелея Петроград,
Мы шли, не ведая пощады,
Не зная окрика «назад»!
Мы много наших положили,
Но твердо к цели шли все, шли

(Вариант: Но с честью белый крест несли),
Мы у заставы Нарвской были,
Исакий высился вдали...
Увы, Господь не дал отрады,-
Кто виноват – не здесь судить,
И от родного Петрограда
Мы злобно стали отходить...
Но Ты в делах, о Боже, дивен!
Придет и красным ведь закат!
И верим мы, что прежний Ливен
Войдет с отрядом в Петроград!

Б. С-ов.

Кексгольм, 14-го дек. 1928 г.

**Позабытая война
Германские добровольческие
корпуса в составе Западной
Добровольческой Армии
генерала князя Авалова-
Бермондта. 1919 год**

Был у меня товарищ,
Вернейший друг в беде.
Наш барабан бил к бою,
Он в ногу шел со мною,
И рядом был везде.
Вот просвистела пуля,
Как будто нас дразня.
Мне умереть, ему ли?
Он пал от этой пули -
Часть самого меня!
Упал, раскинув руки, -
Объятья мне раскрыв.
И не обнимет боле...
Но, пусть лежишь ты в поле,
Мой друг, ты вечно жив!

Людвиг Уланд

Историческое своеобразие германских добровольческих корпусов («фрайкоров», нем.: Freikorps) 1918-1923 годов заключалось, прежде всего, в том, что в них по доброй воле служили люди, чудом уцелевшие в кровопролитной мировой войне, и тем не менее готовые вновь и вновь рисковать своей жизнью, ибо они в полной мере осознавали свою ответственность не только за судьбы

своей собственной нации, ставшей разменной картой бессовестных политиков и жертвой самых разнузданных и низменных страстей, не только за судьбу возникшего на обломках рухнувшей Империи государственного образования весьма сомнительной легитимности, вошедшего в историю под названием «Веймарской (Ваймарской) республики». Страной заправляли «жирные коты» – невиданно обогатившиеся на войне нувориши, спекулянты-инфляционеры, конъюнктурщики, парламентские болтуны, не говоря уже об откровенных подрывных силах в лице «ноябрьских преступников» – коммунистов всех мастей – начиная с засланных агентов Коминтерна и кончая национал-большевиками местного, немецкого «розлива».

«Веймарская республика», изменившая имперскому германскому флагу, всячески шельмовала и унижала своих единственных защитников – добровольцев, и в то же время нуждалась в их штыках. Защищая ее, добровольцы сражались не только за судьбу этого государственного образования, но и за судьбу всей европейской, да и мировой христианской цивилизации, оказавшейся перед лицом непосредственной угрозы со стороны засевшего в завоеванной Москве воинствующего большевизма, рвавшегося (под аплодисменты всего «прогрессивного человечества») к мировому господству под хорошо известными нам лозунгами: «Мир хижинам – война дворцам!», «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!» и «Даешь Варшаву – дай Берлин!».

Вся послевоенная история Германии, да и Центральной Европы в целом, по сути дела, связана с историей добровольческих корпусов, ибо везде – в России, Прибалтике, Германии, Австрии, Венгрии путь большевицким ордам преграждали не регулярные армии (которых побежденные страны Тройственного Союза были лишены по воле победоносной Антанты), а добровольцы, эти «наемники без жалованья», как они сами себя не без юмора называли. Ценой своей жизни они дали войне «выдохнуться» на дальних подступах к сердцу Европы – подобно тому, как это на бескрайних просторах России сделали их братья по духу – русские добровольцы.

Подобно нашим белым, они были свободны от какой-либо идеологической «зашоренности»; они закрывали своими телами бреши, возникавшие по вине государственных властей республики, не имевших ни представления о каких бы то ни было государственных целях, ни собственной военной доктрины, но плоды их подвигов пожинало не доверявшее им «веймарское» государственное образование. Там, где проходили добровольцы, возвращались в лоно Рейха отторгнутые от него провинции, освобождались города, укреплялись

границы, восстанавливались закон и порядок и снова реял черно-бело-красный флаг «старорежимной» Германской Империи.

Все эти многочисленные подразделения, закаленные в боях и походах, не были представлены в парламенте; они стояли в стороне от официозных политических дискуссий, но зато сами, подобно добровольческим армиям в России, на деле воплощали в себе государственное начало в эпоху позорного бессилия того, что формально считалось государством, в действительности же покорно выполняло распоряжения, поступавшие из-за рубежа. Их мысли и дела диктовались сознанием членов единой, соборной народной общности – впервые в истории солдаты действовали не по приказу, а по велению совести, сердца и долга – добровольцы, поднявшие меч во имя победы и спасения нации от растворения в историческом небытии. Символом и архетипом русского героя-добровольца на все времена стал генерал Марков, а немецкого – Альберт Лео Шлагетер.

Этот германский патриот (1894-1923) в Великую войну пошел на фронт добровольцем, был награжден Железными крестами II и I степени и дослужился до лейтенанта. В 1918 году вступил в добровольческий корпус, в 1919 году в составе Балтийского ландесвера участвовал в освобождении Риги от красных, а затем воевал в составе русской Западной Добровольческой Армии в Прибалтике; в составе 3-й военно-морской бригады фон Левенфельда участвовал в подавлении коммунистического мятежа в Рурской области. Сражался с польскими инсургентами в Верхней Силезии и участвовал в битве за Аннаберг в 1921 году, закончившейся разгромом поляков. С 1922 года состоял в Великогерманской рабочей партии (Гроссдойче Арбейтерпартай, нем.: Grossdeutsche Arbeiterpartei), отколовшейся от НСДАП. С началом франко-бельгийской оккупации Рурской области Шлагетер, призывавший немцев к переходу от объявленного правительством Фридриха Эберта пассивного сопротивления к активному, организовал ряд

акций саботажа и диверсионных актов (в частности, взрывов на железных дорогах).

После удачного подрыва железнодорожного моста на линии Дюссельдорф-Дуйсбург Шлагетер был схвачен французскими оккупационными властями и приговорен ими к смерти 8 мая 1923 года. Несмотря на всегерманскую волну протестов, французский президент Раймон Пуанкаре (по прозвищу «Пуанкаре-война») своим личным распоряжением утвердил смертный приговор. Шлагетер был расстрелян французами на Гольцгеймской (Хольцхаймской) пустоши 26 мая 1923 года. Как это ни покажется читателю парадоксальным, но даже «идеологический противник» и «классовый враг» – «пламенный интернационалист» и Председатель Исполкома Коминтерна тов. Карл Бернгардович Радек считал необходимым почтить память Шлагетера хвалебным панегириком:

«Мы не должны замалчивать судьбу этого мученика германского национализма, имя его много говорит германскому народу... Шлагетер, мужественный солдат контрреволюции, заслуживает того, чтобы мы, солдаты революции, мужественно и честно оценили его... Если круги германских фашистов, которые захотят честно служить германскому народу, не поймут смысла судьбы Шлагетера, то Шлагетер погиб даром...» и т. д.

В 1931 году ветераны добровольческих корпусов воздвигли в честь Шлагетера на месте его казни памятник в форме 30-метрового креста. В 1933 году известный литератор Ганс Йост посвятил Шлагетеру одноименную драму. Все эти факты в разное время стали достоянием гласности. По и сегодня далеко не всем еще за рубежом, да и у нас в России известно, что Шлагетер, который, в качестве командира батареи, плечом к плечу с балтийскими (необходимо заметить, что в начале XX века балтийцами, прибалтами, или балтами именовались отнюдь не латыши или эстонцы, а проживавшие в Прибалтике с XIII века потомки немецких колонистов!) и русскими добровольцами освобождал от большевиков Ригу в 1919 году, был российским подданным и имел

дарственную грамоту на 100 моргенов земли в Курляндии в награду за верную службу. Между тем такая дарственная на владение землей имеется в наличии, и вот дословный текст этого любопытного во многих отношениях документа:

Немецкий легион

Баденский полк Курляндия, 1 ноября 1919 г.

На основании заключенного 6 октября 1919 г. договора между Немецким легионом и Главнокомандующим Русской Западной Армией, согласно которому признается договор между Германским правительством и временным Латвийским правительством от 9 и 24 декабря 1918 г. (касающийся права немецких бойцов в Прибалтике на гражданство и поселение), настоящим

лейтенанту артиллерии Альберту Шлагетеру удостоверяется, что он имеет право на владение 100 моргенами земли для поселения в Курляндии.

Обладатель данного удостоверения тем самым, в соответствии с вышеназванным договором, получает российское гражданство.

Подпись: Крауссе д'Авис,

ротмистр и командир.

Прежде чем мы перейдем к описанию боевых действий Железной дивизии в составе русской Западной Добровольческой Армии (ЗДА) генерала князя Авалова (Бермондта), необходимо сказать несколько слов об этом незаслуженно забытом, но, тем не менее, поистине выдающемся деятеле русского Белого Движения.

На князя Павла Михайловича Авалова (1887-1974), одного из несправедливо обойденных вниманием неблагодарного потомства белых военачальников периода

Гражданской войны в России, было навешано немало нелестных и даже оскорбительных ярлыков (вроде «обормот Авалов» вместо «Бермондт-Авалов» и т. п.), причем не только большевицкими историками, враждебными ему, так сказать, «по должности». Хотя на пике возглавляемого им движения князь Авалов имел под своим командованием более 50 000 штыков и сабель, которые, при определенном раскладе сил, могли сыграть решающую роль в разгроме большевизма, о нем – даже в среде белой эмиграции! – предпочитали не упоминать. Не с теми дружил! В отличие от большинства других вождей Белого движения, преданных демократически-республиканским идеалам и слепо уповавших на помощь двуличной Антанты, монархист князь Авалов, подобно Донскому Атаману генералу П. Н. Краснову, нашел в себе достаточно политической мудрости и протянул руку недавним противникам – германцам.

Вот краткие вехи боевого пути этого доблестного русского офицера. В составе 1-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска в чине прапорщика участвовал в Русско-японской войне. Был награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степени. В 1906 году принят в казаки Уссурийского войска. В 1908 году произведен в хорунжий. Участвовал в Великой (Первой мировой) войне адъютантом командующего II Кавказским корпусом генерала Мищенко. За годы службы 7 раз ранен и награжден, помимо Георгиевских крестов, орденом Святой Анны IV степени (почетным Аннинским оружием с надписью «За храбрость», так называемой «клюквой»). После февральского переворота 1917 года – командир уланского Санкт-Петербургского полка. Входил в конспиративную монархическую офицерскую организацию в Петрограде, готовившую свержение продавшего интересы России Антанте Временного правительства и установление национальной военной диктатуры. Летом 1918 года, в Киеве, уже в чине полковника, участвовал в формировании ориентированной на кайзеровскую Германию монархической Южной Армии под командованием герцога Г. П. Лейхтенбергского, и был начальником контрразведки Южной Армии. Собрал из

бывших русских военнопленных добровольческий отряд имени графа Келлера, позднее переброшенный германцами в Митаву (Латвия).

В Прибалтике, не подчинившись приказу командующего Северо-Западным фронтом генерала от инфантерии Н. Н. Юденича (запретившего ему, по требованию Антанты, военные действия против латвийских войск), об отстранении его от командования отрядом, окончательно решился на военный союз с германцами. Тогда же Павел Бермондт был усыновлен князем Михаилом Антоновичем Аваловым, и с октября 1919 года официально именуется князем Аваловым-Бермонд-том. К 20 июля в его подчинении находилось около 12 000 штыков и сабель, в том числе германских и балто-немецких добровольцев. Из нескольких отрядов он сформировал монархическую Западную Добровольческую Армию, насчитывавшую к 5 сентября до 52 000 штыков и сабель, 600 пулеметов, 100 артиллерийских орудий, 50 минометов и бомбометов, 3 бронепоезда, 120 самолетов (!) и 10 броневедомостей.

Нетрудно заметить, что силы Западной Армии князя Авалова многократно превышали силы Северо-Западной Армии генерала Юденича, насчитывавшей к концу сентября 1919 г. всего 18 500 штыков и сабель. В октябре войска князя Авалова, вследствие конфликта с временным латвийским правительством доктора Карла Ульмана (Карлиса Ульманиса), фактически переметнувшись на сторону врагов исторической России, вступили в Ригу, но были отброшены и вытеснены из Прибалтики опиравшимися на поддержку военного флота Антанты «белыми» эстонцами при частичной поддержке «белых» латышей. С 1 декабря 1919 года князь Авалов – генерал-майор.

По окончании кампании в Прибалтике продолжал в Германии подготовку нового выступления против большевиков. Способствовал коронации претендента на Российский престол Великого Князя Кирилла Владимировича (двоюродного брата убитых большевиками в 1918 г. Императора Николая II и Великого

Князя Михаила Александровича) «Императором в изгнании» (Кириллом I) в 1924 году В 20-е годы, в духе продолжения рыцарских традиций Императора Павла I учредил из числа бывших соратников по Западной Добровольческой Армии «Русский Императорский Рыцарский Орден Святого Иоанна» («Державный Русский Императорский Мальтийский Орден»), а в начале 30-х годов, вместе с офицером Российской Императорской Армии и белым добровольцем-балтийцем А. П. Светозаровым-Пильхау (Пельхау), сформировал из них РОНД (Российское Освободительное Народное Движение) под знаком заключенной в ромб наклонной свастики, увенчанной изображением двуглавого орла Российской Империи с образом Святого Великомученика и Победоносца Георгия на груди.

После запрета РОНД (в числе других правых организаций, не вошедших в НСДАН), князь Авалов был арестован нацистами и, после полуторагодового заключения в гитлеровском концлагере, в сопровождении русских и немецких соратников, переехал в Белград. После проанглийского (и одновременно – просоветского) путча генерала Душана Симовича в 1941 году князь Авалов был вынужден уйти в подполье. В 1945 году он переехал в США, где и умер в Нью-Йорке на 74-м году жизни.

А теперь дадим краткий абрис событий в Прибалтике, предшествовавших участию Железной дивизии и других германских добровольческих частей в борьбе войск князя Авалова за спасение России от Коминтерна и Антанты.

После свержения кайзера Вильгельма II Гогенцоллерна в Германии 9 ноября 1918 года командование VIII германской армии получило приказ очистить прибалтийские провинции России, обеспечив сохранность вывозимого военного имущества. Состоявшая главным образом из пожилых старослужащих VIII армия вскоре начала разлагаться под влиянием большевицкой агитации и практически перестала существовать как серьезная боевая сила. Хотя «советы солдатских депутатов», сокращенно именуемые просто «солдатскими советами»

(нем.: Soldatenraete), образованные в оккупационных войсках после победы революции в Германии, и заявили о своем намерении защитить Прибалтику от большевиков, старослужащие, обеспокоенные слухами о воцарившемся на родине хаосе, думали только о возвращении домой.

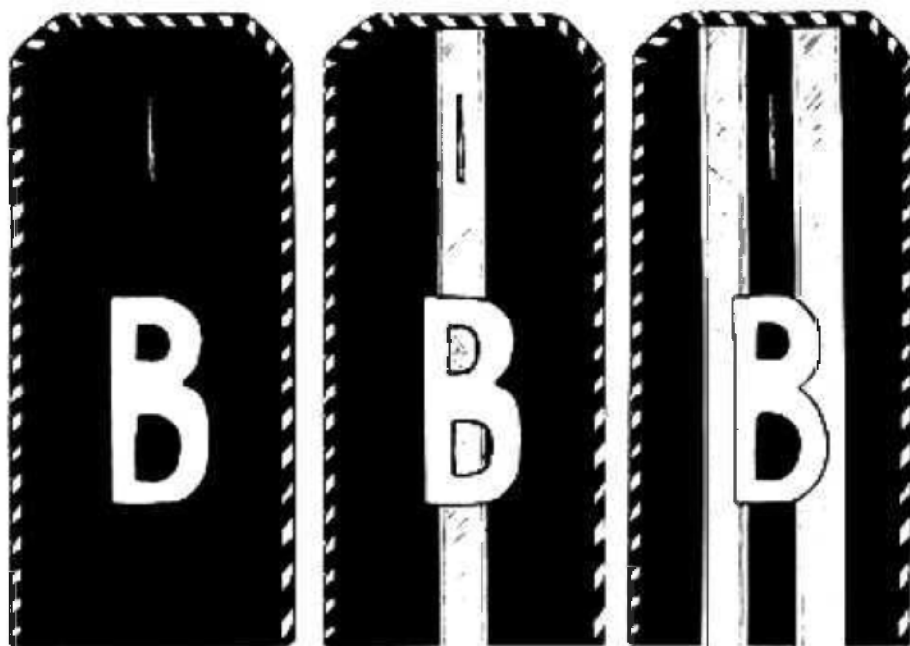
Для обеспечения упорядоченного вывода войск и вывоза армейского имущества командование VIII армии объявило о формировании в ее составе добровольческих частей из наиболее стойких офицеров и солдат, готовых противостоять всеобщему разложению – наподобие русских «ударных частей» и «частей смерти» в период аналогичной деградации армии бывшей Российской Империи шестью месяцами ранее.

Свежеиспеченные, но уже успевшие заручиться признанием со стороны Антанты, временные правительства Эстонии, Латвии и Литвы также приступили к формированию отрядов самообороны против угрожавших их самостоятельности советских дивизий. Балтийское население, в свою очередь, стало формировать добровольческие корпуса. Как уже говорилось выше, в то время балтийцами именовали прибалтийских немцев, предки которых поселились в Прибалтике лет за 700 до описываемых событий, так что их можно называть «пришлым» народом в Прибалтике не в большей степени, чем, например, татар в Крыму, Казани, Сибири и Астрахани или русских – в Москве.

В Эстляндии (Эстонии) был сформирован добровольческий Балтийский батальон, вскоре преобразованный в Балтийский полк (Бальтенрегимент) под командованием бывшего полковника Царской Армии и Георгиевского кавалера Константина фон Вейса (Вайса), добровольцы которого носили черные погоны с черно-белыми выпушками (нижние чины) и белыми просветами (офицеры), а также бело-черные шевроны углом вверх с белым равноконечным крестом в основании шеврона на левом рукаве выше локтевого сгиба). В то же время в Лифляндии и Курляндии был сформирован Балтийский ландесвер (буквально: «Земская оборона» или «Краевая оборона», иногда не совсем точно именуемый в

русскоязычной литературе, в том числе в воспоминаниях современников «ландсвером» или – например, в мемуарах баронессы С. В. Фрейтаг (Фрайтаг) фон Лорингофен – «ландвером»), а также «Охраной Прибалтийского (Балтийского) края». Инициатором создания Балтийского ландесвера, под названием «Рижского отряда охраны Балтийского края», выступил в октябре 1918 года русский морской офицер, капитан I ранга барон Г. Н. Таубе, ветеран Цусимского сражения.

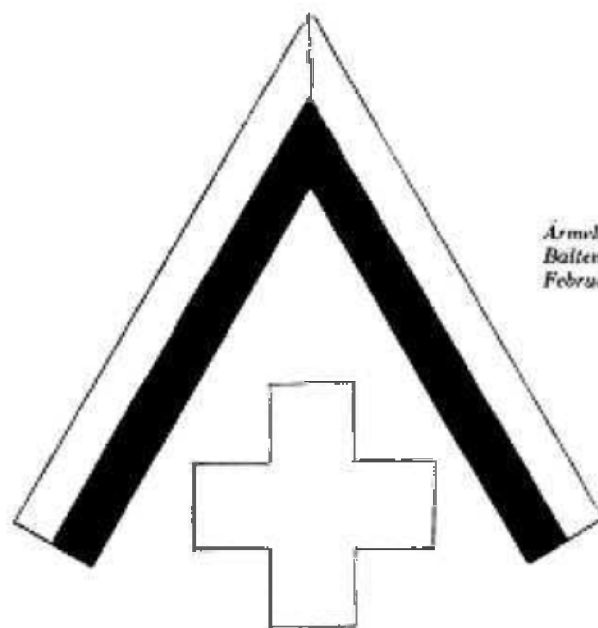
Обучением всех балтийских добровольцев руководил русский офицер полковник П. фон Струве. Из командиров ландесверовских подразделений наибольшую известность снискали лейтенант барон Г. фон Мантейфель (Мантойфель)-Цеге, полковник барон В. Ф. Рар, капитан К. И. Дыдоров и др. В составе ландесвера имелись батальоны, составленные почти полностью из офицеров. Ротами и эскадронами командовали русские офицеры из остзейских немцев. Балтийским ландесвером первоначально командовал русский генерал барон фон Фрейтаг-Лорингофен (октябрь 1918 – январь 1919), затем – подполковник германской службы Эбергард фон дер Гаген (январь-февраль 1919), а с февраля 1919 года – немецкий майор Альфред Флетхер (Флетчер), сменивший на этом посту полковника фон Рихтера. Начальником штаба у Флетхера стал капитан Генрих Лотар граф цу Дона-Вилькюнен (Вилькинен).

Manschaften / Unteroffiziere

Offiziere

Regimentskommandeur

*Armelaubzeichen des
Balttenregiments ab
Februar 1919*

В состав Балтийского ландесвера, кроме добровольцев из числа прибалтийских немцев, вошли также отряды русских белогвардейцев под командованием кавалергарда ротмистра Светлейшего князя А. П. Ливена (Либавский добровольческий стрелковый отряд) и капитана К. И. Дыдорова (общей численностью около 1000 штыков и сабель). Все эти части вооружались и снабжались со складов VIII германской армии, и снабжались, надо

сказать, превосходно. В этом сходятся все современники, участники и очевидцы событий.

Формировавшиеся при VIII армии германские добровольческие части были сведены под командованием полковника Куммера в Железную бригаду – нечто вроде нашего российского Корниловского ударного отряда, имевшую даже знамя, похожее на корниловское – черное, с белой «мертвой (Адамовой) головой» (т. е. черепом с костями) прусского типа (в три четверти оборота) и девизом: «И ВСЕ ЖЕ» (нем.: UND DOCH). На значке командира Железной бригады был изображен на черном поле окруженный белым лаврово-дубовым венком и увенчанный двумя перекрещенными мечами под германской императорской короной белый щит с латинским крестом.

Все чины Железной бригады носили на головных уборах череп с костями, наряду с черно-бело-красными кокардами старой кайзеровской армии. Уже в январе 1919 года Железная бригада сражалась под Ригой с наступавшими большевицкими войсками. С середины января белые германские, балтийские и латышские части с трудом удерживали Виндавскую линию, последнюю пригодную к обороне позицию перед германской границей. На фронте общей протяженностью более 80 верст (линия Гольдинген-Шемеляны) Железная бригада имела 300 штыков и сабель, Балтийский ландесвер – 500, а единственный «белый» латышский батальон бывшего офицера Русской Царской Армии и Георгиевского кавалера подполковника Оскара Колпака (Оскарса Калпакса), сформированный в Южной Латвии – всего 200 штыков.

Совершенно новый поворот события приняли после назначения командиром Железной бригады германского майора Йозефа Бишофа. Начав службу в 166-м пехотном полку в г. Бич (Эльзас), он затем 8 лет прослужил офицером в Имперских охранных (то есть колониальных) войсках, первоначально в Германской Восточной, а позднее – в Юго-Западной Африке (нынешней Намибии).

В 1917 году Бишоф, будучи командиром 461-го пехотного полка, награждается высшим прусским военным орденом «За заслуги» (нем.: Pour le Merite) за успешное форсирование реки Серет. И, наконец, 16 января 1919 года германское командование поручило ему возглавить добровольческие части на Курляндском фронте. Его начальник, назначенный командующим VI (резервной) германской армией (VI резервным Корпусом) в Прибалтике генерал-майор граф Рюдигер фон дер Гольц, характеризовал майора Бишофа следующим образом:

«Познакомившись с ним, я не раз задавался вопросом, чего в нем больше – офицера, африканца или студента-корпоранта. Во всяком случае, он был рожден командовать добровольческими частями».

Здесь представляется необходимым сказать несколько слов о самом фон дер Гольце, сыгравшем поистине колоссальную роль в борьбе с большевизмом на северо-востоке Европы.

Генерал-майор граф Густав Адольф Йоахим Рюдигер фон дер Гольц (1865-1946), прусский дворянин, один из виднейших германских монархистов и «восточных политиков» (нем.: «остполитикер») пангерманского толка, служил в германском Генеральном Штабе и участвовал в Великой войне последовательно командиром полка, бригады и дивизии на Западном и Восточном фронтах. В 1918 году, командуя германской десантной дивизией, помог финским белогвардейцам русского кавалергарда барона Карла Густава Эмиля фон Маннергейма подавить большевицкую революцию в Финляндии. С 1 февраля по 14 октября 1919 года граф фон дер Гольц командовал VI резервным корпусом (VI резервной армией) и был Главнокомандующим всеми германскими оккупационными войсками в Прибалтике и Балтийским ландесвером. За служившими под его началом добровольцами из Германской Империи в литературе закрепилось общее название «бойцы добровольческих корпусов» («фрайкоркемпферы»), а за всеми военнослужащими, входившими в группу войск фон дер

Гольца – название «балтийские бойцы» («балтикумпферы») или просто «балтикумеры».

В «программу-минимум» графа Рюдигера фон дер Гольца, Балтийского ландесвера, Железной дивизии и прочих добровольческих корпусов входило активное участие в свержении большевицкой диктатуры в Прибалтике и недопущение наметившегося сговора между Советской Россией и «белой» Эстонией; в «программу-максимум»:

1) освобождение, в союзе с русскими белогвардейцами, Петрограда и Москвы от большевицкой диктатуры;

2) свержение Советской власти во всей России;

3) восстановление в России монархии во главе с Царем из династии Романовых (Великим Князем Кириллом Владимировичем, кузеном последнего русского Царя Николая II);

4) заключение с возрожденной монархической Россией военно-политического союза, направленного против Антанты;

5) ревизия Версальского договора.

В своих воспоминаниях «Моя миссия в Финляндии и в Прибалтике» генерал граф фон дер Гольц писал об этом как о «великой идее» своей и своих единомышленников. Он считал Прибалтийскую группу войск «последним (антибольшевицким – *В. А.*) оборонительным валом Империи на Востоке» и подчеркивал необходимость «заложить под знаменем борьбы с большевизмом основу для экономического и политического сближения с будущей (монархической – *В. А.*) Россией, которая испытывает, после истребления своей интеллигенции (большевиками – *В. А.*), тягу к немецким купцам, техническим специалистам и руководителям и разоренные, обезлюдевшие прибалтийские провинции которой, с их плодородными землями, тоскуют по заботливым немецким крестьянам». Характерно, что этот «ярый пангерманец» ни словом не заикнулся об аннексии

хотя бы части прибалтийских провинций России Германией.

18 января 1919 года, в день очередной годовщины основания Германской Империи, майор Бишоф свел остатки Железной бригады и других частей в Железную дивизию. Ее тактика, по замыслу Бишофа, должна была сводиться в наступлении – к одновременной концентрической атаке нескольких ударных отрядов в 10-20 штыков каждый с несколькими пулеметами, во фланг и тыл противнику, а в обороне – к созданию ряда оборонительных опорных пунктов с обеспечением возможности взаимной фланговой поддержки отдельных боевых групп. 20 января 1919 года в состав Железной дивизии под командованием майора Бишофа вошли Балтийский конный отряд русского офицера барона фон Драхенфельса (подполковника 19-го Архангелогородского драгунского полка), добровольческий отряд капитана фон Борке и новоприбывший добровольческий корпус «Шлезвиг-Гольштейн» под командованием капитана Гейберга (Гайберга). I офицером штаба (нач. отделения личного состава) в Железной дивизии был назначен генерального штаба капитан Бизе.

Многие солдаты пошли добровольцами на Курляндский фронт, надеясь получить за службу землю. Уже в ноябре 1918 г. Балтийский Национальный Комитет вел с Верховным главнокомандованием германской армии переговоры о найме германских добровольцев для защиты «Балтенланда» (или «Балтии» – проектировавшегося первоначально прибалтийского государства, власть в котором принадлежала бы местным этническим немцам-«остзейцам») от Советов.

Входившие в состав Балтийского Национального Комитета курляндские и ливонские землевладельцы во главе с бароном фон Мантейфелем-Кацдангеном проявили готовность предоставить треть своих земельных владений (около 1 миллиона моргенов) для поселения на них германских военных колонистов. Каждый германский доброволец, подписавший контракт о военной службе не

менее чем на 6 месяцев, должен был получить 80 моргенов земли для поселения.

Наряду с балтийцами, с просьбой о военной помощи против большевиков к правительству Германской Империи обратилось также временное латвийское правительство доктора Карлиса Ульманиса. 18 декабря 1918 года германский имперский комиссар в Прибалтике, Август Винниг, заключил с латвийским правительством договор, согласно которому все германские солдаты, готовые защищать Латвию от внешнего врага, по завершении военных действий получали латвийское гражданство и землю, обещанную балтами германским военным поселенцам. Договор был ратифицирован латвийским премьер-министром 29 декабря 1918 года. Позднее, когда Железная дивизия вошла в состав русской Западной Добровольческой Армии, стоявшей за единую и неделимую Россию, он был подтвержден с некоторыми изменениями (германские добровольцы получали от русского командования по 100 моргенов земли и российское гражданство).

Идея колонизации нашла большой отклик среди добровольцев Железной дивизии и явилась одним из решающих факторов военных успехов этого соединения.

Бежавшие 2 января 1919 года из Риги от красных латвийское правительство и германский уполномоченный Август Винниг 6 января перебрались в Либаву (по-немецки: Либау, по-латышски: Лиепая) под защиту германского «солдатского совета»-«зольдатенрата».

13 января 1919 года в захваченной красными Риге состоялся «Вселатвийский Съезд Советов», объявивший Латвию советской социалистической республикой и принявший для Латвии конституцию, почти дословно скопированную с конституции РСФСР. Что, впрочем, было и не удивительно, поскольку главарь латышских коммунистов Петр (Петерис) Стучка занимал в первом правительстве Ленина пост наркома юстиции. Действие всех изданных в РСФСР советской властью декретов автоматически распространялось и на Латвию. Начались

массовые аресты и экспроприации. Была введена жесточайшая цензура. Газеты запестрели списками расстрелянных «контрреволюционеров».

Между тем, Карлис Ульманис, в ходе своего зарубежного вояжа, провел переговоры с эстонским правительством, обещавшим ему военную поддержку против Красной Армии, а также помощь при создании латышских частей на севере Латвии.

К этому времени «белая» эстонская армия под командованием бывшего полковника Царской Армии и Георгиевского кавалера Ивана (Иоганна) Лайдонера, имевшая в своем составе, под названием «Северо-Западного Корпуса», также белую русскую Северную Армию под командованием генерала от инфантерии Н. Н. Юденича (3500 штыков и сабель), добровольческий полк балтийских немцев, 2000 финских, некоторое количество шведских и даже датских белых добровольцев, вытеснив из Эстляндии 35 полков Красной Армии (из которых было только 4 эстонских!) бывшего полковника Царской Армии Иоахима (Юкумса) Вацетиса и выбив 1 февраля 1919 года из г. Валки окопавшееся там 5 неделями ранее после бегства из Риги правительство Латвийской Советской Республики, к началу февраля очистила от красных всю Эстонию и теперь была в состоянии оказать Ульманису реальную военную помощь.

Формирование верных Ульманису северо-латвийских частей осуществлялось под руководством капитана-латыша Йорга Земитана (Йоргиса Земитанса), фамилия которого в некоторых источниках пишется «Заметан». Но сами они подчинялись верховному командованию эстонских вооруженных сил, теснейшим образом связанному с Антантой. Так возник своего рода «второй фронт» против Красной Армии, вынужденной, чтобы избежать окружения, отступать на юго-восток, в Латгалию.

К началу марта 1919 года в распоряжении германского Главнокомандующего графа фон дер Гольца было около 20 000 штыков и сабель плюс около 1000 солдат «белых»

латвийских войск под командованием Оскара Колпака, повышенного в звании до полковника (1 латышская «офицерская» рота, состоявшая из бывших офицеров и унтер-офицеров Царской Армии; 1 «студенческая» рота, сформированная в Риге по призыву двух латышских студенческих корпораций; 1 рота, сформированная под Венденом (по-латышски: Цесисом, по-русски: Кесью, по-эстонски: Вынну) к северу от Риги и неплохо показавшая себя в боях с большевиками, и, наконец, так называемый «Елгавский», или «Митавский» кавалерийский отряд в количестве 30 сабель).

3 марта 1919 года началось долгожданное контрнаступление объединенных антибольшевицких войск на Ригу. В ходе первых же боев выяснилось, что боевой пыл красных войск за пять месяцев господства коммунистов в Латвии, ознаменовавшегося, как и повсюду в России, разрухой, голодом и вакханалией бессудных расправ, заметно поостыл.

В ходе успешных операций «Оттепель», «Ледоход» и «Весенний ветер» Железная дивизия, совместно с балтийскими и русскими белогвардейскими частями, нанесла ряд поражений большевицким войскам. Между прочим, входивший в ее состав добровольческий корпус «Люнебург» под командованием старшего лейтенанта Герберта Фолька 22 марта 1919 года в боях на реке Эккау наголову разгромил поддерживаемый большевицкими бронепоездами немецкий «Коммунистический полк имени Карла Либкнехта», состоявший из бывших матросов кайзеровского военно-морского флота, перебежавших на сторону красных. Сам обер-лейтенант Фольк был тяжело ранен в бою со своими красными соотечественниками.

В боях с 3 по 22 марта 1919 года потери Железной дивизии составили 13 офицеров и 159 нижних чинов, из них треть убитыми. Временно подчиненный Железной дивизии Балтийский Ударный отряд (Бальтише Штосструппе) был возвращен в состав ландесвера. Вследствие этого численность Железной дивизии несколько уменьшилась, но ненадолго, ибо нарастал приток добровольцев из Германии.

1 марта доктор Карлис Ульманис вернулся из дипломатического турне по Европе во временную резиденцию своего правительства – Либаву и возобновил переговоры с Балтийским Национальным Комитетом. В своей представленной на рассмотрение правительства программе из 14 пунктов (невольно напрашивается аналогия с 14 пунктами мирных предложений президента США Вудро Вильсона, сделанных им Германии и ее союзникам, которые Антанта и не подумала выполнить!) – как основе для выработки конституции независимой Латвии – Балтийский Национальный Комитет, в частности, требовал предоставления права на поселение для всех защитников молодого государства.

Но Ульманис (национализировавший в пользу Латвийской республики, то есть попросту укравший к тому времени всю собственность Российского государства и его подданных на территории Семигалии, Латгалии и Курляндии) был склонен рассматривать все обязательства своего правительства перед германскими добровольцами как утратившие силу... в результате заключения Версальского договора!

6 марта 1919 года, в ходе маневра по окружению красных частей, произошло вооруженное столкновение между латышскими белогвардейцами Колпака и балто— и немецкими белогвардейцами барона фон Борха, якобы принявшими друг друга за большевиков (?). В стычке было убито несколько немцев и латышей, в том числе Георгиевский кавалер полковник Оскар Колпак. Перед смертью он успел назначить своим преемником на посту командира «белых латышских стрелков» подполковника Яна Балода (Яниса Балодиса). Надо сказать, что в документах той поры и воспоминаниях участников событий одни и те же люди и населенные пункты очень часто именуется то по-немецки и по-русски, как это было принято в России до катастрофы 1917 года, то по-латышски, по-литовски и по-эстонски – Ульман-Ульманис, Земитан (Заметан)-Земитанс, Балод (Баллод)-Балодис, Колпак-Калпакс, Зегевольд-Сигул-да, Гольдинген-Кулдига, Дуббельн-Дубулты, Майоренгоф-Майори, Торенсберг-

Торнакалнс, Динаминде (Усть-Двинск)-Даугавгрива, Курляндия-Курземе, Эзель-Сааремаа и т. д. Но это так, к слову...

К моменту таинственной гибели полковника Колпака доктор Карлис Ульманис успел получить от англичан большие партии оружия – винтовок, пулеметов и боеприпасов. Правительство Ульманиса реквизировало суда, стоявшие в Либавском порту, в том числе русский пароход «Саратов», чтобы обеспечить себе возможность бегства морем, «в случае чего». Полученное от англичан вооружение доктор Ульманис распорядился хранить на борту «Саратова», что было явным признаком нарастания напряженности в отношениях между этим ставленником Антанты и немецкими белогвардейцами – как Балтийским ландесвером, так и германскими добровольческими частями.

Очередное совместное заседание должно было начаться 16 апреля 1919 года, ровно в 15. 00. Однако незадолго до его начала один из командиров добровольческих корпусов, капитан Франц Пфедфер фон Саломон, применив вооруженную силу, освободил германского офицера, заключенного в латвийский следственный изолятор. Заседание было отложено до выяснения причин этого конфликта.

В описываемое время Ударный отряд Балтийского ландесвера во главе со своим командиром бароном Гансом Георгом фон Мантейфелем-Цеге и его адъютантом ротмистром Томасом (Томом) Гиргензоном (будущим известным фюрером СА в Третьем рейхе), получив увольнение, как раз находился в Либаве (Лиепая). Вечером 16 апреля чины Ударного отряда во главе со своими офицерами Бриммером, Мантейфелем и фон дер Рекке ворвались в здания латвийских министерств, разоружили латышских часовых и арестовали двух министров. Остальные члены латвийского правительства успели укрыться в здании британской миссии. Сам доктор Карлис Ульманис был принят на борт британским военным кораблем, чувствуя себя в большей безопасности под защитой морских орудий англичан. Обезоружив и интернировав, в общей сложности, до 300 солдат латвийской армии, добровольцы Балтийского ландесвера взяли город под контроль.

Все германские официальные лица, в том числе и граф фон дер Гольц поспешили заявить, что ничего не знали о подготовке «Либавского путча» и не имели к нему никакого отношения. Однако латвийское правительство возложило всю ответственность за случившееся на

«немецкую сторону» (не делая никакого различия между немецко-балтийским ландесвером, германскими добровольческими частями и официальными представителями Германской Империи) со всеми вытекающими из этого последствиями, в том числе и юридическими. Оно в одностороннем порядке объявило заключенный им 29 декабря 1918 года с верховным представителем Германии Августом Виннигом договор утратившим всякую силу.

После разрыва с правительством Ульманиса «немецкая сторона» попыталась привести к власти альтернативное латвийское правительство, не поддерживающее столь тесных контактов с Антантой, как Ульманис. Разумеется, в создании такого правительства были больше всего заинтересованы официальные представители Германской Империи.

Нервноначально планировалось установление своеобразной военной диктатуры во главе с латышским подполковником Яном Балодом, преемником убитого при невыясненных обстоятельствах Оскара Колпака, и командиром Либавского отряда русских добровольцев Светлейшим князем А. Н. Ливеном. Однако Балод отказался и запретил своим офицерам принимать подобные предложения. Солидаризовался с Балодом и князь Ливен.

Через 10 дней пост лютеранский пастор и писатель Андрис Недра (Ниедра, Недрис), согласился возглавить латвийское правительство под германским контролем. В отличие от Ульманиса, Недра был непримиримым врагом не только большевизма, но и социализма вообще. В любых его проявлениях.

С этого момента «немецкая сторона» признавала в качестве законного правительства Латвии только правительство Андриса Недры. Тем более, что Недра дал, наконец, германским добровольцам долгожданное разрешение на поселение в Латвии.

Балтийцы с самого начала сражались как за полное освобождение страны от большевицкого режима, так и за

сохранность своей земельной собственности. Добровольцы из Германии первоначально присоединились к их борьбе только ради обеспечения безопасного вывода VIII германской армии и охраны германской границы. Однако мысль о колонизации и родившееся в ожесточенных сражениях боевое братство с балтийцами постепенно привели и германских солдат к осознанию необходимости окончательного освобождения и замирения страны. Символом этой борьбы стало освобождение от красных древнего ганзейского города Риги. Рига была освобождена 22 мая 1919 года исключительно силами балто-немецких, русских и германских добровольцев, и безо всякого участия «белых» латышей.

Командир Балтийского Ударного отряда Ганс-Георг фон Мантейфель-Цеге, капитан фон Медем и старший лейтенант Альберт Лео Шлагетер с двумя пулеметами и одним орудием под шквальным огнем противника прорвались по Любекскому мосту, который большевики заминировали, но так и не успели взорвать, на восточный берег Западной Двины и создали там первый небольшой плацдарм. Во главе всего 12 добровольцев они пробились к цитадели, чтобы спасти арестованных, которых большевики держали в заложниках. При этом были убиты сам Мантейфель, граф Рейтерн-Нолькен и лейтенант Ольбрих и получил контузию командир русского добровольческого корпуса Светлейший князь А. П. Ливен. Тем не менее, большевики успели расстрелять в цитадели 8 священнослужителей, а в центральной тюрьме на Александровской улице – еще 23 мужчин и 10 женщин. Общее число жертв большевицкого режима в Латвии составляло на тот день более 5000.

Находившаяся в Риге в момент освобождения города от красных баронесса С. В. Фрейтаг фон Лорингофен в своей дневниковой записи от 22 мая 1919 года сохранила дополнительные подробности рижского подвига барона Ганса-Георга фон Мантейфеля-Цеге:

«Перегнувшись в окно, мы увидели, – Боже, глазам не верится! – отряд в немецких Feldgraue (серо-зеленой

полевой форме «фельдграу» – В. А.), в касках, с ружьями шел по нашей улице.

Поминутно раздавались выстрелы. По улице бежали люди в противоположную сторону; некоторые останавливались и поднимали руки, очевидно сдавшиеся большевики. Через пять минут все, что было в доме – стар и млад, интеллигент, простолюдин, богатый и бедный – выбежало на улицу встречать своих спасителей. Они еще нам кричали не выходить, подождать, запереть двери и окна, так как еще идет стрельба, но никто не обращал внимания на эти предостережения. «Спасены» – вырвался, как один, крик из сотен грудей. Плакали и смеялись от радости, увидев трех из ландвера. Я подбежала узнать, где мой муж и beau-frere (зять – В. А.). «Идут, все идут», – весело подтвердили они. Поручив Люшу хозяйке, я с прибежавшей сияющей Паташей, конечно, предварительно обнявшись и поцеловавшись, отправилась в город. Еще везде стреляли, и поминутно приходилось укрываться в подъездах и за выступами. По Суворовской и Александровскому пр. люди, лошади, обозы, – все это смешалось в одну беспорядочную обезумевшую массу, старавшуюся уйти. Немецкие части их преследовали.

Па улице показался автомобиль с военным начальством и быстро промчался; за ним следовали другие, с солдатами.

– Мантейфель! Мантейфель! – раздавалось со всех сторон.

Он торопился в тюрьму на спасение заключенных. В одну тюрьму ему удалось попасть и всех спасти, но в другой большевики многих успели уже в последний момент перед уходом расстрелять. Роковая пуля одной из Flintenweiber («флинтенвайбер», буквально: «женщин с ружьями» – предшественниц латышских снайперш, стрелявших по русским солдатам в 90-е гг. XX века в Чечне – В. А.) сразила и храброго Мантейфеля, который рисковал жизнью, влетая на своем автомобиле в занятые еще большевиками части города для спасения несчастных заключенных.

Вся Рига была на улице, встречая своих спасителей. Когда же по улицам потянулись обозы, повозки, походные кухни, общий вздох облегчения вырвался из тысяч грудей. Благодарностям и восторгу не было границ. Здесь можно было увидеть трогательные картины встреч матерей со своими сыновьями, мужей с женами. Мы тоже искали своих, но напрасно. Избегая улицы, мы наконец решили идти домой. На площади ярко горели памятники большевиков. Усталые и счастливые, мы вернулись домой».

После окончательного освобождения города Гансу фон Мантейфелю-Цеге были устроены торжественные похороны, напоминавшие церемониал погребения тевтонских рыцарей эпохи Средневековья.

В то время, как части Балтийского ландесвера и немецкие добровольческие корпуса вступили в Ригу с юга, русские добровольцы Светлейшего князя Ливена, продвигаясь с боями по южному берегу озера Бабит, вошли в северные кварталы Риги к ночи 22 мая 1919 года.

К вечеру 22 мая ливенцы очистили от красных северную часть Риги, включая Царский лес, а отряд капитана Дыдорова – правый берег Западной Двины до устья. При штурме русскими добровольцами Дыдорова 23 мая рижского Магнусгольмского форта, весь гарнизон которого (более 600 красноармейцев) сдался без боя, ливенцы захватили большевицкий броневедомоуль, переименованный ими в «Россию» (и потом дошедший с ними до предместий захваченного большевиками Петрограда).

Светлейший князь А. П. Ливен собрал многочисленных пленных красных на территории рижского завода «Проводник» и навел порядок в освобожденной русскими добровольцами части Риги. К сожалению, вскоре, во время преследования красных, беспорядочно отступавших из Риги в направлении Пскова, ливенцы 24 мая попали в устроенную большевиками засаду у железнодорожной станции Роденпойс; в этом бою князь Ливен был тяжело ранен в живот и в бедро, что сделало невозможным его

дальнейшее активное участие в военных действиях под Ригой.

Белая (якобы) латышская «бригада Балода» странным образом «опоздала» к освобождению столицы Латвии и прибыла в Ригу лишь на следующий день. После некоторых колебаний «белым латышским стрелкам» поручили очистить территорию страны до побережья от остатков большевицких войск. Но Балод и его люди, при «моральной» поддержке английского флота, занялись спасением своих соотечественников-латышей, мобилизованных коммунистами в Красную Армию якобы «насильно», от рук ландесверовцев, разъяренных открывшимися большевицкими зверствами.

После освобождения Риги от красных майор Йозеф Бишоф без обиняков заявил чинам своего штаба «Мы с вами, господа, напобеждались до смерти!» Он сразу же попытался объяснить высшему начальству следующее. Необходимой предпосылкой для присутствия германских войск в Прибалтике являлась большевицкая угроза прибалтийским странам. Теперь же, после освобождения Курляндии и Лифляндии от красных войск, Антанта не замедлит потребовать вывода победоносных германских войск, ибо нисколько не заинтересована в германском протекторате над свежееиспеченными лимитрофами. Лишь сохранение или создание нового фронта против Советов могло бы служить оправданием продолжающегося присутствия германских войск. Поэтому необходимо исключить всякие дальнейшие военные действия в направлении Северной Лифляндии или Эстляндии, пока там не произойдет новой концентрации советских войск.

Однако, вопреки всем доводам майора Бишофа, Железная дивизия получила от генерала фон дер Гольца приказ продолжать наступление в Лифляндии. К концу мая 1919 г. последние большевицкие части были вытеснены Железной дивизией с территории Латвии.

Балтийский ландесвер, согласно приказу, также продолжал наступление до тех пор, пока 19 июня близ древнего замка ливонских рыцарей Вендена не вошел в

соприкосновение с «белыми» эстонскими войсками и двумя сформированными эстонцами латышскими полками верного Ульманису полковника Земитана, блокировавшими дальнейшее продвижение балтийцев. Главнокомандующий «белой» эстонской армией Лайдонер (бывший полковник Российской Императорской армии и Георгиевский кавалер, награжденный Золотым оружием!) ультимативно потребовал, чтобы ландесвер не пересекал линию севернее реки Гауя – Сигулды – Нитауре – Яунгулбене, а там, где это уже произошло, отступил бы за эту линию не позднее 12 часов 5 июня. По истечении срока ультиматума он направил 2-й и 4-й эстонские бронепоезда проверить, отступил ли ландесвер за обозначенную линию. На проверку выехал также представитель армии США полковник Доули.

Вблизи моста через реку Амата, разрушенного при столкновении эстонцев с ландесвером еще утром, разведывательный отряд 2-го бронепоезда был обстрелян «балтийскими бойцами». Передовое подразделение ландесвера предприняло попытку отрезать и захватить бронепоезд, но было отбито пулеметным огнем. Эта стычка послужила началом ожесточенных и кровопролитных боев между Балтийским ландесвером и выступившими единым фронтом войсками Эстонии и северной Латвии в районе Лемзаль (по-латышски: Лимбажи) – Гросс-Рооп (Страупе) – Венден (Цесис) – Ронненбург (Рауна).

В 3 часа утра 6 июня части ландесвера пошли на штурм Вендена и выбили из города значительно превосходившие их силы северо-латвийской бригады Земитана. Эстонцы также почли за благо увести свои бронепоезда. Ландесвер активно устремился на соединение с русским белым Северным корпусом, преследуя конечную цель – совместным ударом выбить большевиков из Петрограда и привести к власти национальное Русское правительство. Вскоре эстонцы, извещенные об этих планах своей агентурой, получили убедительное подтверждение правильности полученной информации.

8 июня на восточном берегу реки Наровы (Нарев) под огнем подразделения 4-го полка 1-й эстонской дивизии был принужден совершить посадку германский аэроплан, на котором из Риги в штаб генералов Родзянко и Юденича летели российский сенатор Нейдгардт и два немецких офицера для координации действий Балтийского ландесвера с русским Северным корпусом. 9 июня близ Нарвы были сбиты эстонцами еще два немецких пилота, летевших с аналогичным заданием. Антанта не на шутку встревожилась. «Союзников» совсем не радовала перспектива восстановления сильной монархической России «под сенью дружеских штыков» немецких добровольцев.

По требованию военной миссии «союзников» в Прибалтике в Венден на переговоры прибыли представители враждующих сторон. В 7. 50 утра 10 июня под нажимом представителей Антанты было заключено перемирие, подписанное со стороны Балтийского ландесвера А. Флетхером, а со стороны Эстонии – Я. Ринком.

Представитель США В. Грин счел убедительной аргументацию балтийцев, справедливо указывавших на фактическую оккупацию Северной Латвии эстонцами и разжигание ими там братоубийственной гражданской войны между латышами, и предложил последним, в интересах общей борьбы против большевизма, незамедлительно вывести все эстонские войска из Северной Латвии, с тем, чтобы Эстония взяла под свою ответственность оборону Южного фронта против советских войск вплоть до Яунгулбене. Однако эстонцы этот план отвергли.

Лайдонер категорически заявил представителям Антанты о своей готовности передать Северную Латвию лишь правительству Ульманиса. Он отдал эстонским войскам и северолатвийской бригаде Земитана приказ быть в полной боевой готовности для нанесения удара по Балтийскому ландесверу. 13 июня прибывший в Ревель глава военной миссии Антанты в Прибалтике, британский генерал Гоф, настроенный в отношении эстонцев более

чем доброжелательно, а в отношении русских и тем более немцев – откровенно враждебно, остановил начавшуюся эвакуацию эстонских войск из Северной Латвии. По его требованию Флетхер и Ринк подписали соглашение о продлении перемирия.

В тот же день 13 июня Гоф направил графу фон дер Гольцу телеграмму, в которой говорилось:

Как руководитель военной миссии в Прибалтийских странах, приказываю Вам:

1. Отвести подчиненные Вам войска к югу от линии Гауя – Сигулда – Яунгулбене;

2. Половину подчиненных Вам войск отправить в Германию.

3. Разрешить г-ну Ульманису образовать национальное правительство и беспрепятственно заниматься в Латвии организацией и обучением латышских войск...

И так далее, в том же духе бессмертных творений сэра Редьярда Киплинга, подобных, по образному выражению Константина Георгиевича Паустовского, наглому крику военной трубы перед конной атакой на толпу безоружных рабов. По генерал Гоф, вероятно, забыл, что он не в Амритсаре!

Ответ фон дер Гольца был краток и полон достоинства:

Я решительно отвергаю присвоенное Вами себе самому право приказывать мне. Я – германский генерал и подчиняюсь лишь приказам моих высших германских инстанций.

17 июня майор Флетхер, со своей стороны, предъявил Иогану Лайдонеру ультиматум:

Требую, теперь уже от имени Правительства Латвии, незамедлительного согласия очистить территорию Латвии, как это предложили союзники 10 июня.

Вместо Лайдонера на ультиматум ответил генерал Гоф, приказавший Флетхеру немедленно усилить антибольшевицкий фронт частями ландесвера, а самому

прибыть в 12 часов дня 20 июня в Валк (Валгу) для новых переговоров. Однако Флетхер не явился. Новое столкновение стало неизбежным. В период затянувшегося перемирия Антанта лихорадочно готовилась к решающему контрудару. Результаты этой подготовки не замедлили сказаться в ходе развернувшихся вскоре боев. Великолепно вооруженные и оснащенные англичанами «белые» эстонско-латышские части постепенно начали одолевать серьезно ослабленный в боях за Ригу Балтийский ландесвер. Большую поддержку эстонцам оказывали их бронепоезда и бронев автомобили (как правило, с английскими экипажами).

Крейсировавшие у побережья эстонские военные корабли своей артиллерией оказывали сухопутным силам наймитов Антанты мощную огневую поддержку. Позднее в бои на стороне латышей и эстонцев напрямую вмешались и британские военные корабли. И тогда командование 6-й германской армии, вопреки всем предостережениям майора Бишофа, решило прислать на помощь балтийцам германские части. Под командование Балтийского ландесвера из состава Железной дивизии были переведены, в частности, Баденский штурмовой батальон (вскоре разросшийся до размеров полка) и пулеметно-снайперский отряд фон Петерсдорфа.

Так, совершенно неожиданно, Железная дивизия попала в водоворот событий, на развитие которых она не могла иметь никакого влияния и которые происходили против воли ее командира и его соратников.

19 июня 1919 года комиссия Антанты ультимативно потребовала от Балтийского ландесвера очистить всю северную Лифляндию. Как майор Флетхер, так и новый латвийский премьер-министр Андрис Педра отклонили это требование Антанты, и одновременно попросили помощи у командования VI германской армии. По приказу генерала графа фон дер Гольца Железная дивизия на две недели перешла на службу к Латвийской республике (то есть к правительству пастора Педры) и поступила в подчинение его военного министра доктора Ванкина.

19 июня 1919 года Бишоф получил приказ силами пяти батальонов поддержать наступление Балтийского ландесвера на Венден. Его просьба использовать для этого всю Железную дивизию в полном составе была отклонена. Уже на следующий день ландесвер тремя колоннами перешел в наступление. Главные силы балтийцев, поддержанные сильным огнем артиллерии, бронепоездом и аэропланами, двигались вдоль железной дороги Рига – Венден – Валк и по шоссе Рига – Псков к границам Эстонии. Наступавшие на Венден колонны возглавляли германские офицеры (1-ю колонну – майор Бокельман, 2-ю – капитан Геннер фон Мальмеде, 3-ю – ротмистр фон Йена).

1-я боевая группа Железной дивизии под командованием майора фон Клейста (Кляйста) форсировала у Гинценберга реку Лифляндскую Аа. 2-я боевая группа капитана фон Бланкенбурга продвигалась на Лемзаль. Сломив упорное сопротивление эстонцев и поддерживавших их латышей полковника Земитана, сохранивших верность правительству Ульманиса, Клейст штурмом взял местечко Гросс-Рооп (Страупе).

Отступление 2-го Цесисского латвийского полка бригады Земитана и 3-го эстонского полка с бронепоездом напоминало паническое бегство. На участке фронта 3-й эстонской дивизии севернее Вендена образовался 6-километровый разрыв, куда в направлении железнодорожной станции Лоде неудержимо устремились ударные части ландесвера. Однако Северная группа ландесвера была вынуждена отступить от Лемзала (Лимбажи), после того как был убит в бою ее командир.

Латыши и эстонцы, в свою очередь, большими массами перешли в наступление на Гросс-Рооп и вовлекли группу Клейста в кровопролитное оборонительное сражение. В самые критические дни боев 21-22 июня эстонцы получили сильные подкрепления: Тартусский «мертвоголовый» партизанский батальон Куперьянова (бойцы которого носили череп с костями на головных уборах и нарукавной нашивке), батарею тяжелых орудий, 3-й бронепоезд с десантным батальоном, дружину

спортивного общества «Калев», 1-й полк с 4 броневедомобилем и ряд других свежих подразделений, обеспечив за собой значительный перевес над ландесвером в пулеметах, артиллерийских орудиях, аэропланах и кавалерии.

Особенно ожесточенные бои развернулись в районе города Вендена, важного стратегического узла. Всего за несколько дней потери каждой из противоборствующих сторон убитыми и ранеными превысили 400 человек. Утром 23 июня «белые» эстонские войска перешли в общее наступление. Но их удар пришелся в пустоту – под покровом ночи основные силы добровольцев ландесвера и Железной дивизии уже отступили по всему фронту в направлении Риги. Только Венден оборонялся еще балтийским бронепоездом и несколькими пехотными подразделениями добровольцев. Но уже в 7. 30 город был взят десантными частями эстонских бронепоездов.

Прибывший к тому времени в боевую группу Клейста майор Бишоф получил радиограмму о поражении ландесвера под Венденом и о том, что самостоятельно двинутые офицером штаба Железной дивизии Гейнцем Гудерианом из Риги подкрепления по приказу Генерального Командования были приданы не Железной дивизии, а Балтийскому ландесверу. Ввиду этих обстоятельств Бишоф прервал сражение за Гросс-Рооп и отдал приказ отступить к реке Аа.

В последующие дни вдоль всего фронта, проходившего по реке Аа (Гауя), продолжались ожесточенные бои. Так, например, егерскому батальону под командованием старшего лейтенанта Бюхнера пришлось 22 июня врукопашную отбивать захваченную противником батарею. В ходе оборонительных боев фронт Железной дивизии получил подкрепление в лице 2-го Либавского полка и частей бывшего уже на подходе добровольческого корпуса Кордта фон Брандиса, что позволило успешно отразить все попытки противника прорвать фронт.

В ходе боев с 23 по 27 июня эстонские войска, наступавшие из района Вендена, достигли подступов к

Риге, выйдя в район устья реки Гауя – озера Балтезерс – озера Югла, где, с учетом благоприятного для обороны характера местности, еще в период мировой войны была сооружена полоса мощных долговременных оборонительных сооружений. Железная дивизия и ландесвер рассчитывали прочно закрепиться на этой линии, перегруппировать силы и начать контрнаступление в северном направлении. Между тем главнокомандующий эстонской армией Лайдонер отдал вечером 29 июня приказ захватить Ригу любой ценой, не считаясь с потерями. Похоже, «белые» эстонцы успешно перенимали «передовой опыт» у большевиков, чьими противниками они (в отличие от своих британских покровителей) все еще продолжали формально считаться.

Подписание 28 июня 1919 года Версальского договора, в параграфах 292 и 293 которого содержалось требование всем германским войскам очистить Прибалтику, ускорило роковой ход событий.

Если бы не фактическая измена «белых» латышей и эстонцев общему делу борьбы с большевизмом, вполне реальным был бы следующий сценарий: без вовлечения группы войск графа фон дер Гольца в конфликт с эстонской стороной, наступление белых Русского Северного корпуса и Северо-Западной Армии, при участии белой финской и более активных антибольшевицких боевых действиях «белой» эстонской армий, непременно привело бы к освобождению Петрограда от красных генералом Юденичем. А уж потом балтийские немцы, вместе с германскими добровольческими корпусами и русскими белогвардейцами, не замедлили бы вернуть Прибалтику в лоно восстановленной Российской Империи.

Такой вариант рассматривали как реальную возможность многие ведущие политики Антанты, включая самого британского военного министра сэра Уинстона Леонарда Спенсера Черчилля. Очень жаль, что по вине Антанты и ее наймитов в очередной раз оказался упущенным исторический шанс одним ударом покончить с большевизмом.

С 30 июня по 2 июля развернулись ожесточенные бои на подступах к Риге. Части ландесвера и Железной дивизии были оттеснены за озеро Кишезерс. Наконец, 2 июля 9-й эстонский полк, успешно продвигавшийся на правом фланге, вышел к северной окраине Риги, готовясь ворваться в город. Одновременно дивизион эстонских бронепоездов рвался в Ригу с северо-востока, из района озера Кишезерс.

Крепость Динаминде (по-русски: Усть-Двинск, по-латышски: Даугавгрива) в устье реки Даугавы (Западной Двины) была атакована дивизионом военных кораблей эстонского Балтийского флота. Военные корабли «Лембит», «Леннук» и «Вамбала» огнем своих орудий подавили артиллерию крепости и сопротивление гарнизона, состоявшего из бойцов Балтийского ландесвера и Железной дивизии.

1 июля 1919 года на рейде замолчавшего Усть-Двинска появилось соединение британского военно-морского флота. Британские корабли под эстонским флагом, продвигаясь по Двине, начали обстреливать г. Ригу. Со станции Ропажы эстонцы из корабельных пушек, установленных на железнодорожных платформах, вели обстрел мостов через Двину, рижского вокзала и других стратегических объектов города.

Под обстрелом Балтийский ландесвер был вынужден оставить рижскую станцию водоснабжения, которая незамедлительно была захвачена латышскими войсками, верными Ульманису, и выведена из строя, так что город лишился воды. Под аккомпанемент обстрела Риги с моря в городе активизировались латышские ульманисовские и большевицкие банды, участились акты саботажа и убийства отдельных немецких солдат. И только благодаря энергичным и решительным действиям рижского коменданта, майора Сикста фон Арнима (бывшего начальника артиллерии Железной дивизии) удалось пресечь возникновение серьезных беспорядков.

Вследствие обстрела с моря на северном участке фронта сложилось критическое положение. Поскольку

одновременно возникла угроза разрушения мостов через Двину, граф фон дер Гольц 2 июля 1919 года отдал войскам приказ оставить город Ригу. В ночь со 2 на 3 июля 1919 года Железная дивизия отошла на западный берег Двины. Эвакуация раненых и военного имущества проходила под прикрытием егерского батальона, который затем, 4 июля 1919 года, в качестве последней белой германской войсковой части, оставил Ригу.

Представители Антанты сочли неуместным вступление в «освобожденную от чужеземных захватчиков» латвийскую столицу победоносных эстонских (то есть, опять-таки, «чужеземных»!) войск. Поэтому «белые» эстонцы пока что остались на позициях, занятых ими 3 июля 1919 года. Вместо эстонцев в Ригу в роли «освободителей» вступили северолатышские части Йорга Земитана. Доктор Карлис Ульманис со своими министрами высадился в Риге с борта английского военного корабля. Управление Ригой взяла на себя смешанная комиссия, состоявшая из представителей стран Антанты и латвийского Временного правительства.

Национальное латвийское правительство пастора Педры под давлением Антанты заключило перемирие с эстонцами и с революционными латышскими частями. Согласно условиям перемирия, верные Педре войска должны были очистить также удерживавшиеся ими предместья Риги, расположенные на западном берегу Двины – Гагенсберг и Торенсберг. После этого оказалось невозможно удерживать Двинскую линию обороны, и Генеральное командование приказало всем немецким частям и соединениям вернуться на свои исходные позиции под Митавой. Повинуясь этому приказу, Железная дивизия 26 июля 1919 года оставила Двинские позиции, и добровольцы, не имевшие представления о взаимосвязи событий, вдруг увидели себя на исходных позициях, с которых они начинали свое наступление 22 мая.

При этом самым решительным образом изменилось и положение их балтийских братьев по оружию. Под давлением Англии правительство пастора Педры в полном

составе подало в отставку. Карлис Ульманис снова стал премьер-министром Латвии. 26 июля 1919 года Балтийский ландесвер был вынужден перейти под командование английского подполковника Александра и занять позиции северо-восточнее Риги, получив в качестве боевой задачи «зачистку» территории Латгалии от недобитых красных и охрану латвийской границы с Совдепией. Находившиеся ранее в подчинении ландесвера германские части были выведены из состава ландесвера. Командир ландесвера майор Альфред Флетхер и все его германские офицеры были уволены, русский добровольческий корпус князя Ливена был эвакуирован в Эстонию и перешел под командование генерала Н. Н. Юденича.

При поддержке Северного Верховного Армейского Командования (АОК Норд) ранней весной 1919 года в Прибалтике под верховным командованием полковника князя Авалова-Бермондта (немцы предпочитали называть его просто князем Аваловым) были сформированы два русских добровольческих отряда – Русский (первоначально именовавшийся Западным Добровольческим) Корпус имени графа Келлера (увеличивший свой состав с 4000 штыков и сабель в начале августа до 8000 штыков и сабель в начале сентября) под командованием Царского генерал-майора Д. В. Альтфатера – в Митаве, и бригада под командованием полковника Е. П. Вырголича (2500 штыков и сабель) в Шаулене.

Эти 2 подразделения 5 сентября 1919 года были сведены в русскую Западную Добровольческую Армию под командованием князя Авалова, действовавшего на основании полномочий и от имени эмигрантского Военно-политического совета, созданного в Берлине под председательством барона Л. К. Кнорринга, при участии предводителя лифляндского дворянства барона Пилара (Пиляра) фон Пильхау, сенатора Туган-Барановского, полковника П. Дурново, предпринимателя фон Берга и других. Западная Добровольческая Армия князя Авалова, в отличие от подавляющего числа других русских белых

армий, открыто выступала под монархическими лозунгами, а ее политический отдел разработал специальную программу «монархистов-демократов».

Финансирование обеспечивали германские промышленники (в частности, Густав Крупп фон Болен унд Гальбах), создавшие «Русско-немецкий финансовый синдикат». Позднее этот военно-политический комитет был преобразован в Центральный Совет Западной России и, наконец, в Западнорусское правительство, премьер-министром которого был назначен генерал В. В. Бискупский, а военным министром – П. М. Дурново. По иронии судьбы, оно в самый разгар кампании в Прибалтике направило послание с выражением «благодарности за исключительные заслуги немецких войск в деле спасения окраинных областей России от большевизма»... германскому правительству – как если бы не это самое правительство Эберта и Поске вставляло, как могло, палки в колеса оперировавшим в окраинных областях России германским добровольцам!

Русские белогвардейцы в Прибалтике самой логикой событий были заинтересованы в теснейшем сотрудничестве с Германской Империей, и, прежде всего, с размещенными в прибалтийском регионе германскими войсками. Однако русско-германское сотрудничество никоим образом не входило в планы Антанты, и английский генерал Гоф в своем письме генералу Юденичу от 4 августа 1919 года предупредил его, что «... кто будет сотрудничать с Германией, тот лишится всякой поддержки союзников».

Уже в июле 1919 года между князем Аваловым и майором Бишофом были установлены первые контакты с целью налаживанию военного сотрудничества. 28 июля германский капитан, I штаб-офицер Железной дивизии, Гейнц Гудериан обобщил ситуацию в меморандуме, содержащем следующие тезисы:

1. Глава временного латвийского правительства Ульманис аннулировал все обещания, данные германским добровольцам в Прибалтике, что означает полный провал германской политики сотрудничества с Латвией.

2. Версальский договор требует вывода всех германских войск из Прибалтики и тем самым обрывает прямые связи между Германией и Россией. В случае ухода из Прибалтики Германия оказывается в окружении малых государств, всецело зависимых от Антанты. Во имя будущего развития необходимо сохранить путь в Россию через Прибалтику. Эта задача должна быть обеспечена силами германских солдат и колонистов в Прибалтике.

Именно Гудериану удалось добиться согласия германского военного руководства на переход оперировавших в Прибалтике германских войск в армию князя Авалова. Кстати, именно в 1919 году на сумрачном небе Прибалтики впервые возшла военная звезда не только Гейнца Гудериана (прославившегося при Гитлере как один из лучших генералов германских танковых войск), но и многих других военных и политических деятелей последующих десятилетий, таких, как майор фон Фрич (начштаба подчиненного фон дер Гольцу генерала фон Кваста, позднее ставший организатором вермахта), капитан фон Штюльпнагель из добровольческого корпуса фон Плеве (известный немецкий генерал времен Второй мировой войны), боевой офицер Российской Императорской Армии и балтийский юнкер Макс-Эрвин фон Шейбнер (Шойбнер)-Рихтер (один из организаторов мюнхенского «путча Гитлера-Людендорфа» 8-9 ноября 1923 года, убитый баварской полицией в перестрелке у Фельдгеррнгалле), командир добровольческого корпуса Франц Пфэффер фон Саломон (ставший в 20-е годы командиром всех штурмовых отрядов ПСДАП), капитан фон Кюхлер – I офицер штаба Курляндской бригады в 1919 году (будущий генерал-фельдмаршал вермахта) и многие другие.

Со ссылкой на соответствующие статьи Версальского договора Антанта все более настойчиво требовала эвакуации всех германских войск из Прибалтики. 27

августа 1919 года французский маршал Фош предъявил германскому правительству прямой ультиматум, угрожая в случае его отклонения применить против Германии репрессии на Западе. В ответ министерство рейхсвера (германское министерство обороны) отдало командованию VI армии приказ незамедлительно начать эвакуацию германских частей, готовых по собственному желанию вернуться в Германию. Генерал граф фон дер Гольц отказался от предложенной эвакуации морским транспортом, предложив со своей стороны поэтапно вывезти вверенные ему войска в течение двух месяцев по железной дороге.

К этому моменту численность Железной дивизии составляла 14 000 штыков и сабель. По своей организационной структуре она соответствовала германской дивизии военного времени. На 20 августа 1919 года в ее состав входили:

1) 1-й, 2-й и 3-й Курляндские пехотные полки (причем 3-й полк включал в свой состав пулеметно-снайперскую роту и Вюртембергскую пулеметную роту);

2) отдельная пулеметно-снайперская команда фон Лютца;

3) Курляндский конный полк четырехэскадронного состава (включавший самокатную роту);

4) 1-й артиллерийский полк в составе 3 батарей полевой артиллерии, отдельной Баденской батареи трехорудийного состава, дивизиона зенитных орудий (3 орудия), и дивизиона пешей артиллерии в составе 2 батарей пешей артиллерии и приданной полку отдельной артиллерийской батареи фон Пфеффера;

5) авиаотряд в составе 103-го взвода полевых аэростатов, 101-й авиационной эскадрильи поддержки артиллерии (корректировавшей огонь артиллерии) и 427-й авиаэскадрильи;

6) бронепоезд (включавший 2 бронепоезда, из которых один был вооружен 2 орудиями, а другой – 2 орудиями и 5

пулеметами, и 2 броневедомобиля, вооруженные 2 пулеметами каждый);

7) радиоотряд;

8) телефонно-кабельный отряд;

9) отдел связи;

10) речная флотилия (состоявшая из 3 «канонерских лодок» – по некоторым данным, переоборудованных под «канонерские лодки» гражданских речных пароходов – вооруженных 1 револьверным орудием и 1 пулеметом каждая и действовавших на реке Аа);

11) саперный батальон в составе 2 саперных рот и инженерно— мостостроительного отряда,

12) грузовая автотранспортная колонна N 097;

13) легковая автоколонна;

14) служба продовольственного снабжения (включавшая полевую скотобойню и полевую хлебопекарню);

15) 2 колонны конно-гужевого транспорта (колонна Вернера и колонна Кернера);

16) конно-ветеринарный лазарет;

17) полевой госпиталь;

18) отряд эвакуации раненых и пострадавших;

19) передвижной склад запасного оборудования и оснащения;

20) 383-я станция полевой почты;

21) рота железнодорожной охраны;

22) конный отряд полевой жандармерии;

23) полицейский батальон.

Командир Железной дивизии с полным основанием опасался, что Антанта и правительство Веймарской республики задумали расчленить дивизию и расформировать ее под предлогом эвакуации. Его опасения вполне оправдались, когда дивизион пешей

артиллерии был эвакуирован насильно, против воли офицеров и нижних чинов. 23 августа 1919 года аналогичный приказ прибыть в Митаву для эвакуации получил и батальон лейтенанта флота фон Рикгофа. Явившись на митавский вокзал в сопровождении капитана Гудериана, майор Бишоф отдал приказ батальону Рикгофа выгрузиться в Шаулене и расквартироваться в ожидании дальнейших приказаний. На следующий день Бишоф, в целях разъяснения обстановки, обратился к войскам со следующим воззванием:

Солдаты Железной дивизии!

Я намеревался обеспечить Вам возможности для проживания в этой стране. На основании договоров, заключенных с латвийским правительством в соответствии с нормами международного права, я принял Вас на службу и обещал Вам, что вы сможете здесь поселиться.

Поэтому Вы оставили дома и родных, поспешили сюда и в тяжелых боях ценой собственной крови завоевали и освободили от большевизма эту страну.

И вот теперь латвийское правительство отказывается от соблюдения договоров. Германское правительство подписало позорный мир и тем самым лишило меня возможности сдержать данные мной Вам обещания. Тем самым правительство само взяло на себя ответственность за все дальнейшие события, и я намерен защитить перед ним Ваши права.

Поэтому я обратился к нему с нижеследующим посланием.

Прошу понять меня правильно – речь идет лишь о том, чтобы добиться соблюдения Ваших заслуженных законных прав. Я далек от мысли нести в Германию какую бы то ни было контрреволюцию. Я хочу лишь позаботиться о Вас. А потому – поддержите меня все как один! Я один несу ответственность за все, причем беру ее на себя совершенно сознательно, ибо знаю, что Вы

оказали мне высокое доверие, которое я намерен оправдать и оправдаю.

Подпись: Бишоф.

Приложенное к этому воззванию послание командира Железной дивизии правительству Германской Империи (как официально продолжало называться германское государство и при республиканском режиме) содержало подробное изложение пожеланий Бишофа касательно снабжения его солдат и обещание не предпринимать никаких военных действий против демократического правительства. В то же время из него совершенно недвусмысленно явствовало, что Железная дивизия в полном составе останется в Курляндии до получения соответствующих правительственных гарантий.

Примеру Железной дивизии на следующий день последовали добровольческий Немецкий (иногда именовавшийся современниками Германским) легион и добровольческий корпус капитана Карла фон Плеве. Немецкий легион, сформированный в июле 1919 года из остатков германской 1-й Гвардейской резервной дивизии, состоял на тот момент из добровольческих корпусов Кордта фон Брандиса, графа Йорка фон Вартенбурга, Вейкмана (Вайкмана), Штевера и Дибича, добровольческого полка «Бал(ь)тенланд», Баденского штурмового батальона, добровольческого пулеметно-снайперского отряда фон Петерсдорфа, отрядов фон Йена и Михаэля, а также авиационной эскадры (авиаполка) старшего лейтенанта Готтгардта Саксенберга и нескольких более мелких подразделений.

Командовал Немецким легионом капитан I ранга Пауль Зиверт, его начштаба был гауптманн (капитан) Отто Вагенер. Эмблемой легиона была избрана лосиная голова, заимствованная со старинного герба Митавы, столицы герцогства Курляндского.

Вечером 24 августа германские добровольцы Железной дивизии, совместно с русскими солдатами князя Авалова, срывая латвийские флаги, прошли факельным шествием

ΠΟ

Митаве и потребовали начать совместную борьбу с большевизмом. Казалось, состоялась новая встреча в Таурогах и обрела новую жизнь давняя мечта о германо-русском братстве по оружию. Отныне ничто более не препятствовало вступлению Железной дивизии в ряды русской Западной Добровольческой Армии.

По воспоминаниям участников событий (в частности, писателя Э. Э. Двингера), русские и немецкие офицеры клялись князю Авалову в верности на старинном мече рыцаря Тевтонского Ордена, снятом со стены Рыцарского зала Митавского замка герцогов Курляндских (построенного знаменитым Растрелли для Бирона и впоследствии разрушенного в ходе боевых действий «к великой радости всех местных и не местных латышей»).

Вот краткая хроника событий последующих недель, за которыми с трудом успевали следить солдаты Железной дивизии. 26 августа 1919 года Верховное Главнокомандование рейхсвера (райхсвера) в лице генерала Гренера потребовало от Железной дивизии и Немецкого легиона «безусловного подчинения» указаниям германского правительства. 5 сентября берлинское правительство распорядилось о закрытии границы с Прибалтикой. 11 сентября 1919 года германская военная прокуратура по приказу министра рейхсвера, социал-демократа Густава Поске, возбудила против капитана I ранга Зиверта и майора Бишофа дело по обвинению в «злонамеренном неподчинении приказам».

21 сентября 1919 года граф фон дер Гольц и князь Авалов заключили соглашение, по которому все германские войска в Курляндии переходили под командование русской Западной добровольческой Армии. Договор включал в себя, в частности, следующие пункты:

1. Русские войска берут на себя оборону участка фронта от Риги до Митавы и обеспечивают прикрытие эвакуации германских частей.

2. При нападении на позиции русских войска германские войска обязуются оказывать им незамедлительную помощь.

3. Германские добровольцы переходят на русскую службу по контракту.

4. Митавская (Курляндская) губерния и германское войсковое имущество под расписку переходят в распоряжение русского Верховного командования.

5. Русский главнокомандующий обязуется выполнять военные и политические директивы Военно-политического Совета в Берлине.

Этот договор, переданный по телефону, был 26 сентября 1919 года одобрен и признан германским министром рейхсвера Густавом Носке. Однако всего через три дня тот же самый Носке, не моргнув и глазом, публично заявил о том, что отдал приказ без предупреждения открывать огонь по каждому, кто попытается пересечь германо-прибалтийскую границу. 3 октября 1919 года граф фон дер Гольц был отозван в Германию, и командование VI резервным корпусом взял на себя генерал-лейтенант фон Эбергардт. Позднее фон дер Гольц принял участие в «Капповском путче» командования добровольческих корпусов, направленном против правительства Эберта-Носке, и после провала путча был заключен в тюрьму.

4 октября князь Авалов отправил послание главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России генералу А. И. Деникину послание, оповещая его о том, что Западная Добровольческая Армия сначала возьмет Ригу, а затем продвинется в направлении Двинск – Великие Луки – Невель – Новосокольники на соединение с русскими частями, находящимися под командованием других белых генералов. Ответ Деникина, целиком и полностью зомбированного на «верность союзникам» (то есть вероломной Антанте), хорошо известен: «К черту Бермондта и его немцев»!

Аналогичное послание князя Авалова Верховному Правителю России Адмиралу А. В. Колчаку вообще осталось без ответа.

5 октября берлинское правительство распорядилось об усилении охраны границы между Германией и

Прибалтикой, а военные корабли Антанты возобновили блокаду Балтийского побережья.

6 октября 1919 года князь Авалов в качестве консультативного органа при главнокомандующим армией по вопросам гражданского управления сформировал Правящий Совет во главе с царским сенатором графом Константином фон дер Паленом. Военным губернатором очищенных от врага областей был назначен полковник Шнедеман.

В тот же день 6 октября Железная дивизия, Немецкий легион и добровольческий корпус фон Плеве перешли на службу в русскую Западную Добровольческую Армию на следующих условиях:

1) Германские добровольческие части остаются под командой и руководством своих прежних германских офицеров, сохраняют свою прежнюю немецкую военную форму и по-прежнему подсудны органам германской военной юстиции.

2) Добровольцы обязуются бороться с большевизмом вплоть до прихода к власти в России нового русского правительства и признания такового, по меньшей мере, тремя великими державами.

Таким образом, был сделан окончательный и решающий шаг к русско-германскому боевому братству. Солдаты Железной дивизии, первоначально добровольно взявшие винтовку для защиты германских восточных границ и обеспечения немецкой колонизации Курляндии, окончательно и бесповоротно стали борцами против идей большевицкой мировой революции.

Они украсили левый рукав своих шинелей и мундиров эмблемой Западной Добровольческой Армии, представлявшей собой восьмиконечный белый православный крест (у офицеров крест был из серебряного галуна), а головные уборы – русской «Царской» овальной кокардой (грубовато-шутливо именуя ее на своем солдатском жаргоне «ди гроссе лауз», то есть «большая вошь»).

Некоторые, правда, сохранили на тульях своих фуражек над русскими овальными кокардами (прикрепленными к околышу фуражки, на месте прежних «земельных», или «земских», кокард) свои старые «имперские» черно-бело-красные круглые кокарды «кайзеровского» образца, которые в самой Германии были уже запрещены «веймарским» правительством и заменены «республиканскими» черно-красно-золотыми.

Русская Западная Добровольческая Армия имела несколько знамен:

1). Русский трехцветный национальный стяг, состоявший из белой, синей и красной горизонтальных полос, с наложенным на них белым восьмиконечным православным крестом (впоследствии похожее знамя имела боевая антибольшевицкая организация «Братство Русской Правды»).

2) . Знамя, состоявшее из синей, белой и синей горизонтальных полос, с бело-сине-красным русским «трицветом» в крыже и черным коронованным орлом Российской Империи в центре полотнища (на груди орла были расположены гербовые щитки трех прибалтийских провинций России – Эстляндии, Курляндии и Лифляндии).

3) . Синее знамя с изображенным в середине в белом круге красным восьмиконечным православным крестом и красными литерами «З» (Западная) и «А» (Армия) по бокам верхней части креста.

4) . Знамя из трех горизонтальных полос – красной, синей и белой (расположенных в обратном порядке по отношению к полосам русского национального трехцветного флага), с черным коронованным двуглавым орлом Российской Империи в белом круге и синими славянскими литерами «С» и «З» по бокам (вероятно, это знамя использовалось до разрыва между князем Аваловым и генералом Н. Н. Юденичем, пока аваловские войска считались, по крайней мере официально, частью белой Северо-Западной Армии генералов Юденича и Родзянко).

Нагрудным знаком Западной Добровольческой Армии служил белый восьмиугольный мальтийский «крест Келлера» (в память о генерале графе Ф. А. Келлере, «первой шашке России», единственном корпусном командире Царской Армии, отказавшемся присягнуть Временному правительству и давшем согласие возглавить формировавшуюся в начале 1918 года в Пскове белую монархическую Северную Армию, получившем на это – в отличие от других Белых вождей! – благословение Святейшего Патриарха Тихона и образ Богоматери Державной, но в декабре 1918 года убитом в Киеве украинскими социалистами-петлюровцами).

Позднее введенный для Северной Армии белый мальтийский крест «терпения и неутомимой борьбы» был, в знак траура по графу Келлеру, заменен на черный крест такой же формы («крест Авалова-Бермондта»). Хотя упомянутое нами выше главное знамя Западной Добровольческой Армии представляло собой бело-синекрасное полотнище с восьмиконечным белым православным крестом, черный мальтийский крест, преимущественно на белом поле, изображался на многих значках и знаменах входивших в нее частей и подразделений, а также на денежных знаках Западной Добровольческой Армии (в некоторых публикациях встречается ошибочное утверждение, будто на денежных знаках Западной Армии был изображен «германский Железный крест»). Эмблемой военно-воздушных сил ЗДА (120 аэропланов – больше, чем во всех других белых армиях!) стал восьмиконечный черный православный крест в белом круге.

В этой связи стоит отметить следующее обстоятельство. Хотя православные кресты украшали только самолеты Западной Добровольческой Армии, аэропланы других белых армий также были украшены символами Добра – державными двуглавыми орлами (хотя, к сожалению, и без корон!), изображениями русских богатырей и национальными цветами Великой России. А вот на большевицких самолетах той поры зловеще ухмылявшиеся черепа и кости сочетались с черными и

кровавыми пентаграммами, вампирами, ведьмами, красными дьяволятами (в буквальном смысле слова!), бутылками водки, чертями-куроцапами и прочей бесовщиной!

На вооружении Западной Добровольческой Армии имелось 4 бронепоезда (столько же, сколько в Северо-Западной Армии генерала Юденича) с аналогичной символикой.

В эмиграции князь Авалов учредил «Русский Державный Императорский Рыцарский Орден Святого Иоанна Иерусалимского», большинство членов которого составили бывшие чины Западной Добровольческой Армии. Знаком принадлежности к ордену «аваловских иоаннитов», протектором которого был Великий Князь Кирилл Владимирович, коронованный в 1924 года в немецком г. Кобурге, под именем Императора Кирилла I, служил белый восьмиугольный мальтийский крест с золотым восьмиконечным православным крестом на верхнем луче. Автору данных строк приходилось видеть этот «аваловский иоаннитский крест» в натуре. Но это так, к слову...

Пока «в верхах» происходили вышеперечисленные события, солдаты Железной дивизии оставались на своих позициях вдоль р. Эккау. То и дело на передовой происходили стычки с латышскими патрулями, а в тылу – с большевицкими бандами, что, впрочем, не мешало процессу интенсивной боевой подготовки. Курляндский пехотный полк, с начала июля 1919 года обеспечивавший безопасность железнодорожной линии Шаулен-Тильзит, был смещен добровольческим отрядом Шаурота и вернулся в состав Железной дивизии. Пользовавшийся всеобщим уважением капитан Гудериан был отозван в Германию 15 сентября 1919 года и переведен в крепость Кольберг.

В конце сентября из Германии в Митаву прибыл Железный отряд прославленного военного летчика и кавалера ордена «За заслуги» (Нур ле Мерит), капитана Рудольфа Бертольда в количестве 700 штыков. Это боевое

соединение имело и другое название, полученное им по месту формирования – «Франконский отдельный крестьянский отряд особого назначения». Отряд Бертольда был, в качестве 3-го батальона, придан 2-му пехотному полку. 5 октября князь Авалов, под чьи знамена собрались уже более 15 000 русских и 40 000 немецких добровольцев, объявил всю латвийскую государственную территорию операционной базой русской Западной Добровольческой Армии и призвал «белых» латышей и литовцев к совместной борьбе с большевизмом.

В то время как «белые» литовцы, в обмен на гарантию их автономии, проявили готовность участвовать в этой борьбе, правительство Ульманиса, науськиваемое Антантой, категорически отказалось от какого-либо участия Латвии в войне с Советами.

Карлис Ульманис (являвшийся, как и лидер «белой» Эстонии Константин Пятс, старым революционером и давним ненавистником Российской Империи, приговоренным к смерти за подрывную деятельность еще в 1905 году и ухитрившимся бежать из Риги, накануне вступления в нее русских карательных войск генералов Орлова и Мейнгардта и полковника графа Граббе, лишь благодаря попустительству либерального царского губернатора Сологуба) категорически отказался даже пропустить Западную Армию через территорию Латвии на фронт против большевиков.

Мало того! Латвийское «национальное» правительство, еще 24 сентября 1919 года начавшее мирные переговоры с большевиками, стянуло под Ригу 15 000 штыков и сабель. Эти – якобы «белые»! – латышские войска угрожающе нависали над левым флангом русской Западной Добровольческой Армии, готовой к наступлению на Двинск. Одновременно русское белое Северо-Западное Правительство, не без нажима со стороны Антанты (заставившей генерала Юденича передать часть своей немногочисленной артиллерии «белым» латышам, не замедлившим повернуть эти пушки против аваловских добровольцев!), обратилось к солдатам русской Западной Добровольческой Армии с призывом не подчиняться более

князю Авалову. Князь не замедлил с ответом:

Радио. Митава. № 1250113

Северо-Западному правительству. Ревель.

Ваше предательское воззвание к моим войскам доложено, прежде всего, мне; иначе не могло быть там, где существует воинская дисциплина. Попытки ваши пошатнуть ее подобными приемами в стиле Керенского – наивны. В ваших же интересах не дать этому произведению более широкого распространения, а то мои молодцы-солдаты могли бы дать вам ответ крепким русским языком. Со своей стороны, прошу передать солдатам на Нарвском фронте, столь много претерпевшим от вашей политики заискивания перед эстонцами, что мой совет – строго соблюдать дисциплину и быть уверенными, что, обеспечив свой тыл, я в недалеком будущем стану рядом с ними для совместного удара по большевикам.

Командующий Западной Армией полковник князь Авалов.

В данной связи необходимо заметить, что в Северо-Западной Армии генералов Юденича и Родзянко в отношении «монархистов» и «германофилов», под нажимом «верной демократическим принципам» Антанты (во главе с Британской монархией!), велась форменная «охота на ведьм». Известный всей России депутат Государственной Думы, черносотенец Н. Е. Марков (Марков 2-й), служивший обер-офицером для поручений при Военно-гражданском управлении Северо-Западной Армии и с начала июля 1919 года издававший в г. Ямбурге газету «Белый Крест», распространявшуюся офицерами – членами основанной им организации «Союз верных», был вынужден скрываться под именем «Льва Николаевича Чернякова». В случае установления его личности, Маркову 2-му, как известному всей «прогрессивной»

общественности России «монархическому зубру» и «верному цепному псу царского режима», грозило немедленное изгнание из рядов Северо-Западной Армии. Но и без «разоблачения» Маркова 2-го учрежденные им «Союз верных» и газета «Белый Крест» были, под давлением либеральных деятелей, задававших тон на белом Северо-Западе России, закрыты тогдашним командующим Северо-Западной Армией генералом А. П. Родзянко (племянником М. В. Родзянко, Председателя «февралистской» Государственной Думы). Марков 2-й всячески пытался организовать антибольшевицкую пропаганду, распространял листовки, призывавшие красноармейцев обратить свои штыки против красных поработителей России, однако обстановка в руководстве Белого движения (переполненного масонами, кадетами, эсерами, меньшевиками и прочими «февралистами»

– революционерами «первого призыва», оттесненными более хваткими, жестокими и беспринципными большевиками от кормила государственной власти, обманом вырванного «февралистами» из Царских рук) не позволяла ему развернуть на белом Северо-Западе мало-мальски широкую и эффективную пропаганду. Впрочем, на других фронтах Гражданской войны 1917-1920 гг. в России дело обстояло, к сожалению, не лучше. Единственным отрядным исключением (не считая «оперативной зоны» генерал-лейтенанта барона Р. Ф. фон Унгерн-Штернберга, оперировавшего в далекой Монголии) была ситуация в Белом Приморье в 1921-1922 гг., где Приамурский Земский Собор под эгидой Воеводы Земской Рати генерала М. К. Дитерихса провозгласил (хотя и слишком поздно!) восстановление Монархии в России. Впрочем, это уже другая история. «Мы же на прежнее возвратимся», как любили выражаться в таких случаях древнерусские летописцы...

6 и 7 октября латыши атаковали позиции Железной дивизии в районе Олая.

Перед князем Аваловым возникла военная необходимость ликвидировать угрозу своему левому флангу. 8 октября 1919 года Бермондт отдал приказ к

наступлению на Ригу. Для этой боевой операции были сформированы 3 боевые группы.

Немецкий легион под командованием капитана I ранга Зиверта должен был наступать через Кеккау на Торенсберг.

Железной дивизии под командованием майора Бишофа предписывалось через Янсон пробиваться прямо на Ригу.

Русский Корпус имени графа Келлера под командованием самого князя Авалова должен был атаковать Ригу через Шлок (Слоку, ныне – часть территории г. Юрмалы).

Бригада Вырголича, усиленная несколькими мелкими германскими отрядами, обеспечивала прикрытие правого фланга наступающей армии. Прикрытие левого фланга было поручено русскому отряду генерала Билинского, усиленному бронепоездом.

2-й пехотный полк Железной дивизии наступал вдоль Рижского шоссе, 3-й пехотный полк – на Бонде, 1-й пехотный полк – на Шварценгоф. В качестве дивизионного резерва оставались кавалерийский полк и егерский батальон. Все сложности рельефа местности были известны по предыдущему, успешному наступлению на Ригу.

Погодные условия были неблагоприятными – проливной дождь и сильный, налетавший резкими порывами ветер с востока. Оборону Риги возглавил лично прибывший в Латвию французский генерал Писсель. Рижский гарнизон был усилен свежей эстонской дивизией. Хорошо вооруженный и обученный Антантой противник засел на сильно укрепленных позициях, ошетинившись жерлами орудий, пулеметными стволами, штыками дивизий и корпусов.

8 октября Немецкий легион в ходе ожесточенного боя взял Кеккау. Батальону Бертольда удалось очистить от латышей Янсон, а 3-му пехотному полку под командованием капитана Кивица – взять штурмом мызу Рудзе. С наступлением ночи во фланг и в тыл Бертольду

под Тюрингсгофом ударили латышские танки, броневики и бронепоезд. Большинство экипажей латышской и эстонской военной техники составляли британские офицеры. Бертольд ухитрился вырваться из огненного кольца в западном направлении, но был вынужден оставить на поле боя 27 раненых и одного унтер-офицера санитарной службы. Все 28 добровольцев, попавшие в лапы осатанелых латышей, были после зверских пыток забиты насмерть кузнечным молотом.

9 октября 1919 года Железная дивизия перегруппировалась. 1-я рота 1-го пехотного полка закрепились в Шварценгофе, 2-й пехотный полк занял Янсон, а на правом фланге 2-я и 3-я роты 3-го пехотного полка совместно с егерским батальоном и 1-м русским стрелковым полком атаковали Торенсберг. Вечером того же дня 2-я рота 3-го пехотного полка и Баденский штурмовой батальон под командованием ротмистра Крауссе д' Ависа на плечах поспешно отступавших латышей ворвались в это предместье Риги.

При подходе войск князя Авалова к Риге полковник Земитан со штабом в панике бежал из Риги, отдав войскам приказ занять позиции у Югльских озер.

На подступах к Риге князь Авалов, проявив добрую волю, попытался при посредничестве представителей Антанты вступить с правительством Ульманиса в мирные переговоры и убедить его пропустить Западную Армию на антибольшевицкий фронт. Однако «союзники», поначалу согласившись способствовать примирению сторон, неожиданно отказались от взятой ими на себя посреднической роли.

10 октября германские добровольцы Западной Армии очистили от латышских войск все предместье Торенсберг. В тот же день правительство Ульманиса в полном составе, включая военного министра генерала Симонсона, бежало из Риги в Венден. В Риге воцарилась паника, колонны беженцев потянулись из города в сторону Юглы. Части Железной дивизии и Немецкого легиона приготовились к решающему штурму, захвату мостов через Двину и

вступлению в Ригу. Тем временем русские части на левом фланге заняли Дален, большой остров на Двине между Болдера и Динаминде. Таким образом, весь западный берег Двины оказался под контролем русской Западной Добровольческой армии. До оперативной цели наступления, города Риги, было, казалось, рукой подать. У многих добровольцев Железной дивизии еще был в памяти победный день 22 мая, когда они, совместно с русскими частями и Балтийским ландесвером, освободили от большевиков этот древний ганзейский город, одну из драгоценнейших жемчужин в короне Российской Империи.

Вероятно, тот радостный день запомнился им таким, каким описал его в своей автобиографической повести «Кадет» Леонид Зуров, русский писатель и будущий секретарь И. А. Бунина в эмиграции, который юношей по долгу совести вступил в Белую армию и участвовал в освобождении Риги:

«— Белые в городе! — донесся отчаянный крик скакавшего во весь опор ординарца...

— Наши! — радостно крикнул Митя.

Женщина подбежала к окну...

— Что вы? — нервно засмеявшись, сказала она по-русски и прижала руку к сердцу.

Несколько солдат в немецких касках шли посередине дороги и изредка прикладывали к плечам винтовки. За ними несли на руках пулемет. Тахали выстрелы. Колонна шла сзади. Солдаты остановились у Окружного суда. Из здания кто-то выбежал, за ним погнались и закололи его ударом в спину.

Мальчики выбежали на улицу. Еще метался на бульварах самокатчик, делая круги, но, сбитый выстрелом, свалился у собора и остался недвижим, а у лежащей на земле машины кружилось колесо. Вдалеке незнакомые люди часто перебежали через дорогу, ложились, и тогда эхо выстрелов тупо отскакивало от стен. Солдаты в касках побежали туда. Впереди них шел совсем еще мальчик. Он

останавливался, смотрел в бинокль, потом, взмахнув рукой, бросился вперед. В переулке кучка солдат затопталась на месте, прокричала и побежала дальше. На тротуаре осталось два трупа. Аэроплан выпустил не то серебряный шар, не то ракету. Квартал был занят.

Митя со Степой подбежали к пулемету, стоявшему в конце бульвара. Степа, говоря что-то по-немецки, жал солдатам руки, а потом сел верхом на пулемет и, размахивая руками, что-то запел. По улицам бежали, смеясь и плача, люди... Мальчишки на Эспланаде подожгли революционные арки, и они горели ярким высоким пламенем. К гипсовой статуе Карла Маркса поднесли жердь и, ударив статую под подбородок, снесли хрупкую белую голову... Немцы подходили. Их колонн-вагены солидно громыхали. Немцы шли, увешанные снаряжением, куря огромные сигары, и ели куски хлеба, намазанные медом. Дамы их обнимали, целовали и предлагали им кофе. Немцы кивали головами, прихлебывали из кружек и снова затягивались сигарным дымом.

На тротуарах лежали убитые с лицами, закрытыми фуражками...

В город вступили русские части. Они повели наступление с утра, от Кальнецемского моста, где на пулеметной горке были расположены их позиции. Русские разведчики, отыскав тропу, идущую через ржавое болото, вывели по ней на грунтовую дорогу ударный отряд ландесвера. Латышские части пошли по открывшейся дороге прямо на город, а по Митавскому шоссе двигалась немецкая Железная дивизия. Аэропланы держали связь.

Еще было светло. Солнце начинало заходить, германские часы показывали цифру пять, а большевицкие восемь, когда отряд, миновав затихший форштадт, вышел к мосту.

– Русские идут!.. русские идут! – слышались крики из толпы.

На темно-гнедом коне ехал князь, худощавый, длиннолицый, но-гвардейскому отдавал толпе честь, улыбался, слегка обнажая зубы и, задергивая голову, весело кричал командиру русской роты, коренастому капитану:

– Климент Петрович! А! Как нас встречают?

Полнолицый капитан (несомненно – Климент ИВАНОВИЧ Дыдоров – здесь память Зурова явно подвела – *В. А.*), с опущенными вниз усами, мелко и рассыпчато в ответ засмеялся и, посмотрев на толпу, прищурил глаза.

– Изголодались! – крикнул он.

Рядом с ним шел адъютант отряда, высокий офицер. Эскадрон дробил копытами настилы моста. Отряд веселых добровольцев, одетых в немецкую форму с русскими погонами на плечах и двуглавыми орлами на касках, шел бодро. Солдаты перекликались с горожанами и раздавали им сигареты. Исхудалая женщина, признав в молоденьком добровольце своего сына, шла рядом с ним, держа его за рукав. Черноглазый капитан, ехавший верхом, играл на блестящем на солнце кларнете веселый марш, добровольцы подпевали, колотили ложками по манеркам, а посредине роты митавский волонтер нес трехцветный флаг, взятый из своего дома...».

В то время, как 11-я рота 1-го пехотного полка перешла Двину по Любекскому мосту и закрепилась на восточном берегу, Бишоф неожиданно послал связных во все вовлеченные в бой подразделения с приказом прекратить наступление. Была отозвана на западный берег Двины и только что закрепившаяся на восточном берегу 11-я рота лейтенанта фон Борриса. Добровольцы, видевшие долгожданную, а теперь – ускользавшую от них на глазах цель своего наступления, отказывались что-либо понимать. Они на чем свет стоит ругали «высшее начальство», отдавшее этот «нелепый» приказ, но все-таки подчинились. Прошло всего несколько дней – и правота командира Железной дивизии, следовавшего какому-то непостижимому военному инстинкту, была доказана со всей убедительностью.

Майор Бишоф приказал отступить, руководствуясь как политическими, так и тактическими соображениями.

1. Политические соображения заставляли его любой ценой избежать угрозы суверенитету Латвии, который в результате не подготовленного политически захвата Риги мог быть поставлен под вопрос, ибо Латвия практически стала бы сферой безраздельного влияния русского Центрального Совета Западной России. Ввиду отсутствия предварительных попыток политического зондажа вопроса о будущем статусе Латвии Антанта непременно воспользовалась бы этим как поводом для военного вмешательства. А ведь командование Западной Добровольческой Армии на данном этапе планировало посредством наступления на Ригу всего лишь склонить латвийское правительство к военному сотрудничеству с русской Западной Армией.

2. Военные соображения сводились к тому, что овладение Ригой не имело бы решающего значения для планировавшегося похода в глубь России, конечной целью которого было провозглашено взятие Петрограда с последующим освобождением Москвы от большевиков. Наличных сил все равно не хватило бы для наступления вглубь России и одновременного удержания линии фронта против латышей (и пришедших к тем на выручку эстонцев) восточнее Риги. Все снабжение должно было бы осуществляться через рижские мосты, находившиеся под постоянной угрозой нападения английского флота (как в свое время в июле месяце). В то же время оборонительные позиции на западном берегу Двины были весьма удобными с точки зрения возможности удержания их наличными силами, выжидая возможного улучшения обстановки в будущем.

На северном участке фронта русский 1-й стрелковый полк генерала Билинского 12 октября 1919 года взял штурмом Динаминде. Однако уже 14 октября противник выбил русских добровольцев с двинского острова Дален. Впрочем, незамедлительная контратака егерского батальона под командованием старшего лейтенанта Бюхнера ликвидировала этот прорыв.

В ходе боев за Ригу стала проявляться все нарастающая нехватка боеприпасов, военного снаряжения, медицинского имущества и перевязочных средств. Основная причина этой нехватки заключалась в очередном ужесточении контрольно-пропускного режима на германо-прибалтийской границе, введенного берлинским правительством 10 октября 1919 года.

В результате, всякое снабжение оперировавших в Прибалтике белых войск было прекращено. И, наконец, 19 октября 1919 года в полной мере оправдались и наихудшие опасения майора Бишофа. «Бульдожья Британия» в очередной раз показала клыки русским и немцам.

В устье р. Западной Двины вошло соединение английских военных кораблей под латвийским флагом (4 крейсера новейшего типа, 1 крейсер-истребитель типа F-85, 2 канонерки и 2 эскадренных миноносца, не считая прибывших из Либавы 4 французских миноносцев и американского крейсера «Питтсбург») под командованием британского адмирала Коэна. 9 английских кораблей открыли артиллерийский огонь по Болдера и Динаминде. Огнем своих тяжелых орудий британская эскадра разметала русских пластунов Авалова-Бермондта и облегчила латышской пехоте взятие Динаминде.

Пленных латыши не брали, и всех, включая и раненых, беспощадно добивали на месте, в соответствии с полученным приказом русских и немцев в плен не брать. Одновременно другие британские военные корабли под Либавой обстреляли позиции добровольческого корпуса фон Плеве, роты которого уже почти очистили город от латышских войск. По воспоминаниям участников событий, «земля кругом буквально кипела от разрывов тяжелых снарядов».

Под защитой корабельной артиллерии британского флота латыши усилили свой нажим по всему Двинскому фронту. В довершение ко всему, на южном участке фронта позиции Немецкого Легиона были неожиданно атакованы советскими и... литовскими (!) полками. В ходе внезапного нападения «белым» литовцам (обученным,

обмундированным и вооруженным немцами «на свою голову» в период оккупации Литвы германской армией!) удалось отбить у фрайкоровцев несколько железнодорожных платформ с пушками, пулеметами, боеприпасами и даже шестью аэропланами.

20 октября 1919 года в бою под Фридрихштадтом (Яунелгавой) пал смертью храбрых доблестный ротмистр фон Йена. В тот же день добровольческие корпуса Брандиса и Дибича разгромили под Радзивилишками 3 литовских батальона, наступавших на железнодорожную ветку Шаулен-Мемель.

Части Западной Армии продолжали успешно продвигаться в Курляндии. 22 октября они взяли Салдус, 30 октября Тался и Сабиле, 9 ноября Кулигу.

В то же время истекавшие кровью на Северном участке фронта русские добровольческие части оттеснялись латышами все дальше на запад. По мере своего наступления латыши в роковой (с точки зрения белых добровольцев) день 9 ноября 1919 года (годовщина Ноябрьской революции в Германии!) охватили левый фланг Железной дивизии. Контратака егерского батальона 10 ноября отбросила наседавшего противника, однако была остановлена концентрированным огнем английской и эстонской корабельной артиллерии.

В этой ситуации майор Бишоф был вынужден отдать Железной дивизии приказ оставить Торенсберг и отойти на исходные митавские позиции. В ночь на 12 ноября произошло новое обострение обстановки. 3-й батальон 2-го пехотного полка под командованием капитана Бертольда был отрезан в охваченном пожарами Торенсберге. Однако контратака пулеметной роты и самокатной роты подоспевшего штурмового отряда (СА) Россбаха прорвала кольцо вражеского окружения.

Эта помощь пришла в самый последний момент и совершенно неожиданно. Добровольческий штурмовой отряд Россбаха в составе 1200 штыков и сабель под командованием старшего лейтенанта Россбаха, в нарушение приказа министра рейхсвера, 31 октября 1919

года перешел границу у Таурога. Фрайкор Россбаха, покрывший себя славой в боях с поляками в Силезии и зачисленный в состав «временного рейхсвера» в качестве 37-го егерского батальона, потребовал перебросить его в Прибалтику.

Поскольку Россбаху было отказано в предоставлении железнодорожного транспорта, он, покинув 23 октября 1919 года свои казармы, расположенные в Кульмзее, на польско-германской демаркационной линии, и, совершив во главе фрайкора (и присоединившегося к нему 3-го батальона 21-го пехотного полка рейхсвера майора Курца из Торна), полутысячекилометровый «марш-бросок», привел свой сводный отряд на фронт пешим порядком, хотя и не поспел к началу контратаки на Динаминде, запланированной майором Бишофом. Тем не менее, россбаховские роты, отчаянным штыковым ударом отбросив наседавших «белых» латышей, смогли обеспечить эффективное прикрытие отхода Железной дивизии. Ситуация чем-то напоминала другой эпизод гражданской войны в России – своевременный приход Дроздовского полка на подмогу Добровольческой армии генерала Деникина, отступавшей от Екатеринодара после гибели генерала Корнилова...

Наконец Бишоф собрал остатки Железной дивизии под Митавой. Бойцы были на пределе своих физических возможностей. К тому же повторное отступление весьма негативно сказалось на боевом духе войск. Единственным, что еще удерживало остатки добровольческих рот и батальонов вместе под черным «знаменем Смерти» Железной дивизии, было общее бедственное положение и верность командиру. Но когда опьяненные успехом «белые» латыши и эстонцы усилили натиск, им, несмотря на бронепоезда и танки, пришлось еще не раз испытать на собственной шкуре, что у немецко-русских белых (без кавычек!) добровольцев «не иссяк еще порох в пороховницах». Белые русские и немцы постоянно грызались.

Так, 18 ноября 1919 года россбаховцы контратаковали и отбросили наседавших латышей до Олая, «усеяв поле

трупами». На следующий день егерскому батальону удалось в ближнем бою вернуть русской Западной Армии г. Альт-Ауц. Тем не менее, всем было ясно, что продолжение вооруженной борьбы в составе начавшей разлагаться Западной Добровольческой Армии лишено всякой перспективы на успех. Поэтому майор Бишоф 20 ноября 1919 года возвратил Железную дивизию в состав VI германской армии и принял решение очистить Курляндию.

К отступавшей Железной дивизии присоединился удерживавший дотопе южный участок фронта Немецкий легион. 16 ноября 1919 года в бою под Цоденом пал его командир, капитан I ранга Зиверт. Командование принял на себя майор Левенфельд.

Раненые попеременно с многочисленными прибалтийскими и немецкими беженцами эвакуировались железнодорожным транспортом, в то время, как Железная дивизия и Немецкий легион – потрепанные в боях, но непобежденные! – тремя маршевыми колоннами отступали к границам Восточной Пруссии. Для обеспечения безопасного вывоза беженцев по железной дороге егерский батальон, 2-й и 3-й пехотные полки 3 декабря 1919 года нанесли контрудар под Окмянами и далеко отбросили наседавшие латышские части.

12 декабря 1919 года штаб Железной дивизии перешел близ Мемеля (нынешней литовской Клайпеды) тогдашнюю границу Германской Империи. Арьергард Железной дивизии прибыл туда 25 декабря, а последние подразделения Немецкого легиона вступили на территорию Германской Империи в морозную новогоднюю ночь 1919-1920 гг.

В Восточной Пруссии собрались около 5 800 добровольцев Железной дивизии. В своем приказе по дивизии от 31 декабря 1919 года майор Бишоф сообщил им, что дальнейшее боевое использование дивизии как единой военной части более не представляется возможным и, следовательно, Железная дивизия распускается. Кавалерия и артиллерия переводится в

Мюнстерлагер, а пехота и все прочие части – в район между Везером и Эльбой для последующей демобилизации.

Так завершило свой боевой путь одно из лучших германских добровольческих соединений. Но и в боях последующих лет бывшие бойцы Железной дивизии, продолжавшие держать порох сухим, были в первых рядах германских белогвардейцев.

Так, например 15 марта 1920 года кавалер прусского королевского ордена «За заслуги» и бывший командир 2-й роты 2-го Курляндского пехотного полка, военный летчик-ас капитан Рудольф Бертольд, награжденный князем Аваловым за кампанию в Прибалтике русскими орденами святого Станислава 2-й степени и святой Анны 4-й степени («клюквой» на Аннинском оружии), во главе своего Железного отряда пал в бою с отрядами красногвардейцев в Гарбурге (под Гамбургом). Истекавший кровью из многочисленных ран, Бертольд так и не отдал спартаковцам своего ордена.

Осатанелые красногвардейцы удавили раненого офицера его же шейной орденой лентой и отрезали ему голову (в полной мере оправдав закрепившуюся за ними репутацию головорезов)...

23 марта 1920 года сохранившийся кадр 3-го Курляндского пехотного полка под командованием Кивица в бою под Геннингсдорфом (пригород Берлина) наголову разгромил коммунистический батальон силою в 450 штыков при 36 пулеметах... В рядах фрайкоровцев в Германии, кстати, доблестно сражались с добравшимся и туда большевизмом также многие ушедшие с ними офицеры и чины русской Западной Добровольческой Армии.

Награды и знаки отличия ЗДА

В 1920 году генерал-майор князь Авалов, как Верховный Главнокомандующий русской Западной Добровольческой Армией, учредил для награждения ветеранов Железной дивизии особую медаль, а командир дивизии майор Бишоф – особый памятный знак.

Медаль Железной дивизии, носившаяся на черной ленте с белой каймой по краям (как у прусского Железного креста), имела форму круглого древнегерманского щита с эмблемой Железной дивизии – черепом и перекрещенными костями в центре и девизом ЖД: «И ВСЕ ЖЕ»(нем.: UND DOCH) вдоль нижнего края медали (на аверсе) и гербом ливонских рыцарей Тевтонского ордена («варяжским» геральдическим щитом с прямым латинским крестом), а также цифрами «19-19» по бокам гербового щита (на реверсе).

Памятный знак Железной дивизии, носившийся на булавке, имел овальную форму. В его центре был изображен Железный крест, обрамленный дубовым венком, с надписью «Железная» (нем.: EISERNE) над и «Дивизия» (нем.: DIVISION), а также цифрами «1919» под крестом.

Сохранились сведения о награждении как русских, так и немецких солдат, унтер-офицеров и офицеров Западной Добровольческой Армии русскими военными орденами и медалями. Автору данного очерка приходилось видеть германскую офицерскую саблю так называемого «блюхеровского» типа с «клюквой» (знаком ордена Святой Анны IV степени), алым Аннинским темляком и обычной для этой награды надписью «ЗА ХРАБРОСТЬ» – но только не по-русски, а по-немецки: «FUER TAPFERKEIT» – на гарде!

Что же остается сказать в заключение нашего краткого очерка? Если бы все белые вожди думали так, как князь Авалов или атаман Краснов, а союз русских и германских белогвардейцев был реализован в масштабах всего Белого движения, то борьба с международным сбродом, захватившим власть в столицах и нескольких центральных губерниях Российской Империи, непременно завершилась бы победой белых. Ведь вся тогдашняя военная опора советской власти состояла в основном из латышских, мадьярских, китайских и прочих «интернационалистов». И потому с моральной и патриотической стороны позиция П. Н. Краснова и П. М. Авалова, рассчитывавших на вполне реальную тогда помощь германских войск, давала единственный шанс на успех.

Увы – история не знает сослагательного наклонения...

Приложения

Приложение 1

Балтийский ландесвер (Охрана Прибалтийского Края)

Одним из наиболее известных белогвардейских добровольческих соединений, сформированных и оперировавших в Прибалтике, был Балтийский ландесвер (именуемый в разных источниках по-разному: Прибалтийский ландесвер, Балтийский ландесвер, Балтийский ландвер, Охрана Балтийского края), организованный первоначально в качестве одного из трех отдельных стрелковых батальонов («Прибалтийский батальон», «Балтенбатальон» или «Бальтенбатальон»), сформированных в 1918 году в Риге для защиты Латвии от большевизма. Этот «Прибалтийский батальон» состоял из «остзейских» немцев (уроженцев Прибалтики немецкого происхождения – бывших подданных Российской Империи), а также бывших солдат и офицеров германской кайзеровской армии, и находился под германским командованием. В октябре 1918 года Балтийский Регентский Совет, с согласия и при поддержке Верховного командования расквартированной в Прибалтике VIII (германской кайзеровской) армии, начал формирование собственных вооруженных сил под названием Балтийского ландесвера (Охраны Балтийского, или Прибалтийского, края). После крушения Германской Империи Гогенцоллернов и последовавшего незамедлительно вторжения советской Красной Армии в Прибалтику, для балтийцев – «остзейских немцев» – составлявших, по разным подсчетам, от 8 до 10 % населения, но принадлежавших преимущественно к военной аристократии Российской Империи и уж, во всяком случае, к «эксплуататорским классам» (с точки зрения большевиков), началась в буквальном смысле слова борьба за выживание, ибо офицерство и дворянство были объявлены красными фактически вне закона, а жестокость

чекистов-латышей значительно превосходила средний уровень большевицкого зверства.

Официальной датой основания Балтийского ландесвера считается 11 ноября 1918 года. В этот день в балтийской газете «Ригаэр Цайтунг» был опубликован призыв записываться в добровольцы, поскольку, как выяснилось, балтийцам не на кого надеяться, кроме как на самих себя. В действительности же формирование балтийских частей началось несколько раньше. В конце декабря 1918 года, когда военное положение для белых стало катастрофическим, «Охрана Прибалтийского края» была брошена навстречу красным под Гинценбергом – и потерпела поражение, в результате которого была оставлена Рига. Балтийскому ландесверу пришлось отступать почти через всю Курляндию, пока не был остановлен под Виндавой германской Железной дивизией, другими добровольческими корпусами и 1-й Гвардейской резервной дивизией.

Верхнее командование всеми войсками взял на себя генерал-майор граф фон дер Гольц, командование Балтийским ландесвером – майор Альфред Флетхер (Флетчер) и его начальник штаба капитан Лотар граф цу Дона-Вилькюннен. Во главе отборного отряда ландесвера – Ударного отряда (нем.: «Штосstrupпе») – встал лейтенант Ганс-Георг барон фон Мантейфель-Цеге.

После отступления из Риги Балтийский ландесвер был переформирован в январе 1919 года в районе Либавы и по прошествии всего лишь нескольких недель превратился в полноценную воинскую часть, отличавшуюся высокой боеспособностью. Единственным недостатком ландесвера было характерное для его бойцов «озлобление, приводившее к беспощадному истреблению противника даже там, где по политическим мотивам эта система борьбы должна была считаться вредной, так как она, в свою очередь, озлобляла население».

К концу января 1919 года в Балтийский ландесвер входили: 1-й Ударный – барона Ганса-Георга фон Мантейфеля-Цеге (с 1 артиллерийской «батареей

сопровождения» и 1 кавалерийским эскадроном), 2-й (фон Йена) и 3-й (Мальмеде) отряды, 1-й (Гана), 2-й (фон Драхенфельса), 3-й (фон Энгельгардта) и 4-й (фон Паппенгейма) кавалерийские отряды и саперный отряд Штромберга, 2 русских добровольческих отряда (ротмистра Светлейшего князя Ливена и капитана Дыдорова) и латышский отряд полковника Колпака.

Весной состав Балтийского ландесвера был расширен. Теперь в него входили: штаб, караульная рота (рота охраны), Ударный отряд, Немецко-балтийский боевой (капитана Мальмеде) батальон (позднее – полк), Немецко-балтийский (Б. Ф. графа цу Эйленбурга) батальон, латышский отряд Балода (ранее – Колпака), прикомандированный к ландесверу Баденский отряд фон Медема, 6 небольших кавалерийских отрядов (в том числе 1 русский и 1 латышский), депо, санитарные и пионерные части, части связи и даже собственная военная авиация – так называемый 625-й авиаотряд, переданный (вместе с пилотами) в состав Балтийского ландесвера из состава VI германского резервного корпуса генерала графа фон дер Гольца (15 германских аэропланов марки «фоккер»).

Опознавательными знаками балтийской авиации служили простые белые квадраты, изображенные на фюзеляжах и крыльях самолетов – там, где у немецких аэропланов были нарисованы «железные кресты». Надо заметить, что ландесверовские военные летчики очень хорошо зарекомендовали себя в боях, особенно в плане поддержки действий сухопутных частей (каждый «фоккер» нес бомбовую нагрузку до 300 килограммов, а пилоты отличались большой меткостью и точностью бомбометания).

Балтийский ландесвер многократно подтверждал свои превосходные боевые качества в ходе сражений с большевиками весной и летом 1919 года. Он покрыл себя славой при освобождении Курляндии и взятии Риги 22 мая 1919 года. К этому времени Балтийский легион (с учетом приданных ему германских добровольческих контингентов) насчитывал до 6 000 штыков и сабель. После освобождения Риги от красных он, по приказу

пришедшего к власти в результате «Либавского путча» латвийского премьер-министра пастора Недры, продолжил наступление в восточном направлении, пока не столкнулся под Венденом с северо-латышскими отрядами полковника Земитана, находившимися на содержании эстонцев и Антанты, и с эстонскими войсками, хорошо обученными и вооруженными англичанами.

После поражения балтийских добровольцев 9 (22) июня в бою с латышскими и эстонскими частями, заключения перемирия 3 июля 1919 года и возвращения германских войск в Германию под давлением Англии, Балтийский ландесвер был реорганизован, передан под покровительство военных миссий стран Антанты в Прибалтике, подчинен командованию латвийской «белой» армии и переброшен на антибольшевицкий фронт в Латгалию. Командующим Балтийским ландесвером был назначен подполковник английской службы Гарольд Р. Александер (будущий маршал Британской Империи и герой Второй мировой войны). С июля по декабрь 1919 года его заместителем являлся бывший царский морской офицер, капитан I ранга барон Георгий Таубе – герой морского сражения при Цусиме, в котором участвовал старшим артиллерийским офицером (в чине лейтенанта) броненосца «Генерал-Адмирал Апраксин» в составе 3-й Тихоокеанской эскадры Российского Императорского Флота.

В конце марта 1920 года Балтийский ландесвер был включен в состав 13-го Туккумского пехотного полка латвийской армии, сохранив, однако, свое прежнее четырехчастное белоголубое знамя. Впрочем, «белые» латыши поспешили поскорей уволить всех балтийских добровольцев, хотя некоторые из них впоследствии добились высоких чинов в вооруженных силах Первой Латвийской республики (1918-1940) – так, бывший офицер Российского Императорского Флота и Балтийского ландесвера граф Кейзерлинг (Кайзерлинг) даже стал Главнокомандующим военно-морскими силами независимой Латвии.

Немецкий легион

Для уточнения вопросов, связанных с положением германских добровольческих частей в Прибалтике, командиры многочисленных германских добровольческих корпусов, отрядов и других подразделений, выделенных из состава Балтийского ландесвера после его реорганизации и переподчинении Антанте, собрались 25 августа 1919 года в Митаве у командира стрелкового полка «Бал(ь)тенланд» (именовавшегося в русской мемуаристике «Балтийским стрелковым полком»), капитана I ранга Зиверта, в присутствии капитана Генерального Штаба Отто Вагенера, уполномоченного Командующим VI резервным корпусом германской армии, генералом Рюдигером графом фон дер Гольцем. В тот день командиры добровольческих подразделений приняли решение слить их в одну дивизию и единогласно избрали ее командиром капитана I ранга Зиверта, а капитана Вагенера – начальником штаба.

После решения в течение нескольких дней всех организационных вопросов, объединившиеся в новую дивизию отряды издали прокламацию «Германские добровольческие корпуса в Курляндии – германскому Отечеству и всем культурным нациям Земли». Это обращение подписали следующие подразделения: Стрелковый полк «Бал(ь)тенланд», добровольческий корпус Штевера, группа фон Плеве, добровольческий корпус фон Брандиса, Баденский штурмовой батальон «Курляндия», группа фон Йена, добровольческий корпус фон Вильдемана, добровольческий корпус фон Вейкмана, добровольческий корпус фон Медема, добровольческий корпус Рикгофа, авиаполк Саксенберга, 424-й и 426-й авиаотряды, экипажи бронепоездов и бронеавтомобилей, транспортные части, части связи, колонны и лазареты, от чьего имени документ подписал капитан I ранга Зиверт.

Кроме того, от Генерального командования VI Резервного корпуса было получено разрешение свести все вышеперечисленные части в дивизию под названием

Немецкий легион – в память о Русско-немецком (или Российско-германском) легионе, сражавшемся в составе русских войск против наполеоновской Франции при Императоре Александре I. В русской мемуаристике он иногда именовался и «Германским легионом».

После начала формирования Немецкого легиона со штаб-квартирой в Митаве 1 сентября 1919 года легион в середине сентября влился в состав русской Западной Добровольческой Армии и перешел под верховное командование князя П. М. Авалова (Бермондта).

1 октября 1919 года штаб Немецкого легиона был, в целях подготовки планировавшегося наступления на Динабург-Витебск, переведен из Митавы в Мезотен (Межотне) близ Бауска (Бауске). Одновременно в район Бауска стягивались подразделения легиона. Развертывание войск было завершено к вечеру 7 октября.

Вошедшие в состав легиона добровольческие корпуса и прочие подразделения были сведены первоначально в группы, а затем в полки и дивизионы. Структура бригад легиона и входивших в них подразделений неоднократно изменялась. На 25 октября боевой состав Немецкого легиона выглядел следующим образом: штаб, штабная рота, связной кавалерийский взвод, рота связи Вортера, баденский штурмовой батальон «Курляндия», пулеметная группа Дамма, Балтийский стрелковый полк (полк «Бал(ь)тенланд»), отряды фон Йена и фон Медема, подразделения фон Вейкмана, фон Брандиса и Штевера, артиллерийские группы фон Медема, фон Брандиса, Штевера, фон Вейкмана и фон Йена, батарея Шредера, 2-й авиационный дивизион, обозы и парки, бронепоезд Зиверта, продовольственный отдел, полевая почта и жандармерия. Пехотой легиона командовал майор Гетце, артиллерией – майор Миленц. Численность боевого состава Немецкого легиона достигала 9 000 штыков и сабель с 43 легкими орудиями и 1 тяжелой батареей (а вместе с тыловыми частями – около 12 000 человек).

Между тем от плана наступления на Динабург-Витебск пришлось отказаться, поскольку Главнокомандующий

русской Западной Добровольческой Армией князь Авалов и командир Железной дивизии майор Бишоф сочли первостепенной задачей выбить латышей из Торенсберга (Торнакалнса) и очистить от них левый берег Западной Двины (Дины, Дюны, Даугавы). С этой целью Немецкому легиону было поручено нанести фланговый удар по Торенсбергу и прикрыть правый фланг Западной Армии от контрудара советских и литовских войск.

8 октября Немецкий легион повел наступление через Кеккау на Торенсберг. После ожесточенных и кровопролитных боев его авангарду (Баденскому штурмовому батальону) вечером 10 октября удалось войти в Торенсберг и закрепиться там. Вслед за тем Немецкий легион был переброшен в район другого пригорода Риги – Фридрихштадта – и 17 октября вместе с добровольческими корпусами Рикгофа, Йена и Петерсдорфа, под общим командованием майора Гетце, атаковал латышские войска, засевшие в Фридрихштадте. Невзирая на большие потери, добровольцы выбили латышей из пригорода и подступили вплотную к самой Риге. Но 19 октября во время штурма укреплений у моста через Двину был убит ротмистр фон Йена. Поскольку с его гибелью шансы на решающий успех на данном участке фронта резко снизились, основные силы легиона, смененные во Фридрихштадте добровольческим корпусом фон Вейкмана, были стянуты в район Бауск-Бруновишки.

В ноябре 1919 года общее положение стало еще более критическим. После усиления позиций Западной Армии под Олаем силами стрелкового полка «Бал(ь)тенланд» 4 октября, последний был в тот же день брошен в бой за Торенсберг, однако не смог добиться коренного улучшения обстановки. Тяжелые и кровопролитные бои в начале ноября ослабили позиции и части русской Западной Добровольческой Армии. С целью концентрации сил Немецкого легиона, 2-я бригада которого, под командованием ротмистра Крауссе д'Ависа, была разбросана тремя отдельными группами по районам Шенберг, Фридрихштадт и Гросс-Эккау, 1-я бригада под командованием майора Кунца удерживала силами своего

1-го полка Радзиви-лишки, а силами своего 2-го полка – район севернее Митавы, в то время, как слабые части легионеров под командованием майора Миленца охраняли железную дорогу Янишки-Тауроги.

12 ноября легиону было приказано сконцентрироваться в районе Бауск-Гросс-Эккау. Однако выполнению этого приказа помешали яростные атаки латышей на легион, повлекшие за собой тяжелые потери для последнего. Из войск, входивших в состав Немецкого легиона, в районе Бауска, согласно приказу, смогли сконцентрироваться лишь весьма ослабленные части 2-й бригады. Остальные части легиона были втянуты в изнурительные, кровопролитные бои. 16 ноября был убит командир легиона, капитан I ранга Зиверт. После его гибели командование легионом взял на себя его начштаба, гауптман (капитан) Генерального Штаба Вагенер. Ситуация как на латвийском, так и на литовском фронте оставалась крайне напряженной.

20 ноября развернулись ожесточенные бои у Гросс-Швиттена и Штальгена, где латыши попытались обойти легион с фланга, но в результате целой серии контрударов были отбиты с большим уроном. В последующие дни латыши продолжали неустанно атаковать медленно отходивший легион. В арьергардных боях особенно хорошо проявил себя Баденский полк (состоявший из Баденского штурмового батальона и отряда фон Медема). 22 ноября основным удар наседавших латышей приняли на себя добровольческий корпус фон Брандиса и 1-я бригада Немецкого легиона. Отступление Немецкого легиона в направлении на Янишки сопровождалось непрерывными боями.

23 ноября легионеры заняли Янишки, где и закрепились для выполнения своей новой боевой задачи – прикрытия стоявших севернее Шаулена эвакуационных железнодорожных эшелонов. В тот же день командование легионом, по приказу командующего 1-м (Кенигсбергским) военным округом, принял на себя майор Генерального Штаба фон Левенфельд. Капитан Вагенер вновь стал начальником штаба.

В боях с русско-балто-немецкими белыми добровольцами «белые» латыши и эстонцы применяли самую современную по тем временам военную технику, полученную ими от Антанты, в том числе бронепоезда, аэропланы, броневые автомобили и танки. Латышскими и эстонскими танками и броневыми автомобилями управляли, как правило, опытные британские экипажи. Однако белым добровольцам удалось подбить или захватить неповрежденными многие из них (например, латышский тяжелый броневик «Лачплесис») и весьма успешно использовать трофейную технику против наседавших неприятелей.

29 ноября начался отход Немецкого легиона из района Янишки в район Шаулена. 3 и 4 декабря он был атакован литовскими войсками, но с боями пробился в пункт назначения. В Шаулене капитан Вагенер был вынужден из-за ранений, полученных под Торенсбергом и в последующих боях, покинуть ряды легиона. Он был срочно эвакуирован в Германию на лечение. В должности начштаба Вагенера сменил капитан Генерального Штаба Шелле.

8 декабря последние транспортные части легиона, уничтожив вооружение и боеприпасы и взорвав за собой железнодорожное полотно, выехали с Шауленского вокзала в Германию. Основные силы легиона пешим порядком проследовали через Кельми-Скаудвиле и Тауроги до германской границы и перешли ее 13 декабря, разместившись близ Тильзита в Восточной Пруссии.

18 декабря майор фон Левенфельд издал свой последний приказ, в котором объявил о роспуске Немецкого легиона.

Эмблемы, награды и знаки отличия Немецкого легиона

Поскольку Немецкий легион включал в себя многочисленные добровольческие части, каждая из

которых имела свои эмблемы, и постоянно пребывал в боевой обстановке, в нем официально не вводилось никаких собственных общих эмблем, единых для всего легиона. Неофициальной эмблемой считалась голова лося, взятая с герба бывшей столицы герцогства Курляндского, Митавы, где находилась штаб-квартира легиона в момент его формирования. Данная эмблема пользовалась среди германских и балтийских добровольцев большой популярностью. Так, например, чины добровольческого корпуса капитана III ранга Михаэля носили на левом рукаве щиток с лосиной головой и названием своего фрайкора, чины добровольческого корпуса фон Брандиса носили на воротнике металлические «лосиные рога», и т. д.

В период существования легиона и, в частности, в период его участия в боевых действиях, не учреждалось и не вручалось никаких специальных легионерских орденов, наград или памятных знаков. Лишь позднее, в начале 1920 г., майором фон Левенфельдом был учрежден памятный знак для бывших чинов Немецкого легиона. Знак, слегка выпуклый и посеребренный, представлял собой квадрат, наложенный на овальной формы венок из дубовых листьев, с изображением стилизованной лосиной головы в четырехугольной рамке с немецкой надписью заглавными латинскими буквами: «Немецкий» (вверху) «Легион» (внизу) «Курляндия» (слева) «1919» (справа).

Памятный знак, предназначенный для ношения на левой стороне груди, вручался лично капитаном Вагнером, подписывавшим и наградное удостоверение.

Штандарты и флаги Немецкого легиона

При формировании в Митаве Немецкого легиона, по приказу его командира, капитана I ранга Зиверта, для штаба легиона был введен штабной флаг-значок в форме треугольного вымпела, вместо принятого в германской кайзеровской армии дивизионного штандарта.

Этот командирский вымпел использовался штабом легиона в течение всего периода боевых действий, вплоть до отступления в Шаулен, Шавли или Шауляй (Литва).

Когда чины Штаба передвигались верхом на лошадях, их сопровождал, также верхом, кавалерист охраны Штаба со значком – как это было принято в германской кайзеровской армии. Когда чины Штаба спешивались (например, при отдаче приказов), кавалерист со значком также спешивался. После ранения капитана Вагенера под Торенсбергом и после принятия им на себя командования легионом он не мог ездить верхом, и вынужден был передвигаться на автомобиле. В этот период значок крепился на автомобиле, а иногда его держал чин охраны Штаба, сидевший в автомобиле вместе с раненым командиром.

Значок был изготовлен по проекту капитана Вагенера. Он сам вспоминал об этом: «Мы избрали серебряный лосиный рог на черном поле символом нашей борьбы на Северо-Востоке».

Этот штабной значок, укрепленный на кавалерийской пике, имел форму обычного германского дивизионного штандарта. Значок был изготовлен из черного шелка с вышитым серебром с обеих сторон лосиным рогом.

По прибытии в Янишки легион перешел под командование майора фон Левенфельда. Последний ввел для штаба легиона уставной дивизионный командирский знак-вымпел германской кайзеровской армии.

При передвижении Штаба верхом, кавалерист охраны Штаба, также верхом, возил вымпел на кавалерийской пике за Штабом. Если же командир легиона передвигался в автомобиле, вымпел крепился на машине. Этот «уставной» штабной вымпел использовался в легионе вплоть до его роспуска.

Вымпел был треугольной формы, с тремя поперечными полосами – черной, белой и красной (цветов германского кайзеровского флага).

Отдельные добровольческие части, входившие в состав Немецкого легиона, по фрайкоровской традиции, имели собственные флаги, значки и знамена. Так, например, добровольческий батальон фон Либермана (1-й батальон 2-го Курляндского пехотного полка) сражался под трехполосным черно-бело-красным кайзеровским флагом с золотой готической литерой «L» (Либерман) под золотой дворянской короной. 2-й батальон Баллы того же 2-го Курляндского пехотного полка – под черным знаменем с изображением Железного креста, обрамленного сверху дугообразной надписью белыми готическими буквами: «ЛУЧШЕ УМЕРЕТЬ, ЧЕМ БЫТЬ РАБОМ!» (нем.: LIEBER TOT ALS SKLAV!); 3-й батальон того же полка (Железный отряд Бертольда) – под кайзеровским военным (военно-морским флагом).

3-й Гвардейский батальон фон Штюльпнагеля 1-го Курляндского пехотного полка Железной дивизии – под черным знаменем с «мертвой (Адамовой) головой» смешанного «брауншвейгско-пруссского» типа (белый череп анфас поверх скрещенных белых костей), черно-бело-красным имперским крыжем и полным названием части белыми буквами под черепом. Кассельская офицерская рота Марауна сражалась под белым знаменем с черным мальтийским крестом. Добровольческий штурмовой отряд Россбаха имел увенчанное наверху в форме оленьего черепа с латинским крестом между рогами черное знамя, пересеченное по горизонтали двумя белыми полосами с наложенной на них белой заглавной латинской литерой «R» («Россбах»), к которой позднее было добавлено изображение Железного креста в крыже, и т. д.

Обмундирование и знаки отличия

Немецкие части, входившие в состав Балтийского ландесвера, носили мундиры германской армии образца 1915 года серо-стального (серо-зеленого) цвета «фельдграу» с выпушками на воротнике и обшлагах по

цветам отдельных отрядов: белый – для Ударного отряда, желтый – для отряда Мальмеде и светло-синий (голубой) – для отряда цу Эйленбурга. Это касалось как «остзейских немцев» (балтов, балтийцев), составлявших основной костяк Балтийского ландесвера, так и германских добровольцев, служивших в ландесвере. Однако вышеуказанная форма одежды соблюдалась далеко не всегда, в чем можно убедиться при ознакомлении с фотографиями начального периода формирования ландесвера. Нередко цветным был только воротник, а зачастую лишь его передний или нижний кант; порой цветных отличий просто не было.

Первоначально в частях Балтийского ландесвера вообще не было предусмотрено никаких знаков различия. Их ношение было введено со временем вступившими в ряды «Охраны Прибалтийского края» бывшими офицерами Российской Императорской и германской кайзеровской армий, еще долгое время продолжавшими носить и в ландесвере свои прежние знаки различия. Но в течение первых месяцев существования Балтийского ландесвера в отдельных его частях стали постепенно появляться свои, новые знаки различия, которые, однако, обозначали лишь должностное и служебное положение чинов ландесвера.

Они представляли собой серебряные звездочки и галунные полоски (Litzen – лычки), носившиеся на воротнике. Звездочки на воротниках у офицеров Балтийского ландесвера были четырехугольными (как это было принято в германской армии). Вероятно, вступившие в ряды ландесвера бывшие офицеры русской армии согласились сменить принятые в ней пятиконечные звездочки на четырехугольные, не в последнюю очередь, из чувства глубочайшего отвращения к имевшей однозначно масонские корни большевицкой символике, в которой пятиконечная звезда (именуемая у масонов «звездой Соломона» или «звездой пылающего разума») играла первостепенную роль.

Знаки различия офицеров:

Командующий (командир всех частей Балтийского ландесвера) – 4 звездочки;

Командир (отдельного подразделения) и майор – 3 звездочки;

Ротмистр (чаще всего – командир роты) – 2 звездочки;

Корнет (чаще всего – командир взвода)– 1 звездочка;

Фенрих (прапорщик) – звездочек не носил/

Знаки различия унтер-офицеров:

Вахмистр (вахтмайстер)и фельдфебель -1 широкую галунную полосу;

Оберфельдмайстер – 3 узких галунных полосы;

Фельдмайстер (чаще всего – командир группы) – 2 узких галунных полосы;

Ефрейтор (гефрайтер) – 1 узкая галунная полоска.

Унтер-офицеры и рядовые ландесвера носили очень узкие плетеные погоны-жгуты («плечевые шнуры», нем.: *Schulterschnuere*) гусарского типа цвета «фельдграу» с белоголубой выпушкой – цветами Балтийского ландесвера вообще были белый и голубой (по бело-голубому флагу города Риги). При этом оттенки голубого могли варьироваться вплоть до синего.

Офицеры бывшей Российской Императорской Армии, служившие в Балтийском ландесвере на должностях рядовых, носили вдоль всей длины погона серебряный галун шириной 20 мм. По уставу, все офицеры ландесвера, без различия чинов, должны были носить узкие витые погоны из серебряного галуна с вплетенной в них голубой (или синей) нитью. Однако в действительности такие плетеные погоны с синей нитью носили только бывшие офицеры Российской Императорской Армии, или же вновь назначенные офицеры. Офицеры же, перешедшие в ландесвер из германских частей, продолжали носить свои прежние германские погоны, даже если занимали в

Балтийском ландесвере более высокие должности, чем в кайзеровской армии.

Все бойцы Балтийского ландесвера, кроме кавалеристов, носили фуражки цвета «фельдграу», в большинстве случаев с синим околышем. У кавалеристов же фуражки были чаще всего белые, со светло-синим (голубым) околышем и белыми выпушками. Кокарда для всех чинов Балтийского ландесвера была единая, и не овальная, как в Русской Армии, а скорей напоминавшая германскую – небольшая, круглая, голубая с белым ободком, окруженная круглым серебряным «сиянием».

Бойцы отборного подразделения – Ударного отряда – Балтийского ландесвера первоначально носили на тулье фуражки «Адамову голову» (по-немецки: Totenkopf, букв.: «мертвая голова»), т. е. эмблему в виде черепа со скрещенными костями, затем – белый щиток с черным (прямым латинским, а не лапчатым «железным», как часто неправильно пишут и думают!) крестом Тевтонского (Немецкого) ордена. Дело в том, что в бою с большевиками 5-6 января 1919 года добровольцы Балтийского ландесвера оказались брошенными на произвол судьбы своими соседями справа и слева – 2 батальонами германской Железной бригады – и лишь с величайшим трудом смогли вырваться из вражеского окружения.

Бойцы Ударного отряда ландесвера были настолько возмущены этим инцидентом, что сняли со своих фуражек «мертвую голову», которую до этого носили, наравне с чинами Железной бригады. Несколько позднее для бойцов Ударного отряда ландесвера и входившей в его состав батареи сопровождения Эмке была введена особая круглая голубая кокарда с наложенным на нее серебряным «варяжским» («норманнским») щитком с черным латинским крестом, окруженная круглым серебряным «сиянием». Ранее бойцы Ударного отряда носили этот «тевтонский» щиток не на кокарде, а на тулье фуражки.

Стальные шлемы (каска), вооружение и снаряжение балтийских ландесверовцев были германского армейского

образца.

Многие чины немецких добровольческих корпусов (причем не только в Прибалтике, но и в самой Германии) изображали на своих касках белой масляной краской (а иногда и просто мелом) череп с костями или же свастику (именуемую в христианском изобразительном искусстве гамматическим крестом, в русской геральдике – головчатым крестом, а в русском народном искусстве – «яргой», «конем» или «коловоротом»), именовавшуюся у них часто «балтийским крестом». Вероятнее всего, они действительно заимствовали ее из Прибалтики.

Во всяком случае, впервые массивное наличие свастики в качестве эмблемы на касках, автомобилях и броневиках в самой Германии было зафиксировано во время «Капповского путча» против правительства Веймарской республики в 1920 году, в котором наиболее активное участие приняли германские добровольцы, возвратившиеся из Прибалтики.

Интересно, что свастика, под названием «крест свободы», или, чаще, «огненный крест», активно использовалась и противостоящими германским и балтийским добровольцам латышскими националистами.

Так, например, бойцы рижской «Студенческой» роты в составе латышского батальона полковника Колпака за участие – совместно с русскими, германскими и балтийскими добровольцами – в освобождении Риги от красных, а затем – в обороне Риги от белых русско-немецких войск князя Авалова, получили в награду «бегущую» янтарную свастику с наложенным на нее серебряным мечом острием вниз (в некоторых случаях наложенный на янтарную свастику меч был позолоченным).

Свастика, по-латышски: *ugunskrusts* – «огненный крест», или *perkonkrusts* – «крест Перкон(с)а», древнелатышского бога-громовника, отчего ее называли еще «громовый крест» (связанная, по крайней мере, этимологически, с именем еще одного божества древних латышей – бога огня и солнца Свастикса), украсившая

собой знамена почти всех полков национальной латвийской армии, стала эмблемой латвийских офицерских, в частности, авиационных училищ и латвийской авиации как таковой.

С 1918 года опознавательным знаком латвийской военной авиации служила темно-красная (вишневая) «вращающаяся» («бегущая») свастика, причем обращенная иногда вправо («солнечная»), то влево («лунная»), а эмблемой финской авиации – синяя (голубая) «лунная» свастика (финск.: hakaristi). Высшим военным знаком отличия отстоявшей свою независимость Латвийской республики стал орден «Раздирателя медведя» («Лачплесиса») в форме белой свастики. Свастика вошла в символику «Медали борцам за свободу Латвии». Крест «За заслуги» латышских территориальных войск («айзсарги») и знак «Союза ветеранов латвийской армии» также имели форму свастики.

Возможно, свастика нашла столь широкое распространение среди бойцов обоих противостоявших друг другу лагерей в Прибалтике в связи с тем, что в 1918 году белые финны, победившие «своих» красных при помощи обученных в Германии финских егерей и германского экспедиционного корпуса генерал-майора Рюдигера графа фон дер Гольца, активно использовали свастику («гакаристи», «хакаристи») в качестве эмблемы на бронетехнике и аэропланах, равно как и в орденской символике («орден Свободы», «крест Маннергейма») – вплоть до включения свастики в штандарт президента Финляндии, что не могло не оказать влияния и на Латвию, борющуюся за свою независимость в аналогичных условиях, с тем лишь отличием, что «белые» латыши, не в пример белым финнам, со временем повернули штыки против своих бывших немецких братьев по оружию.

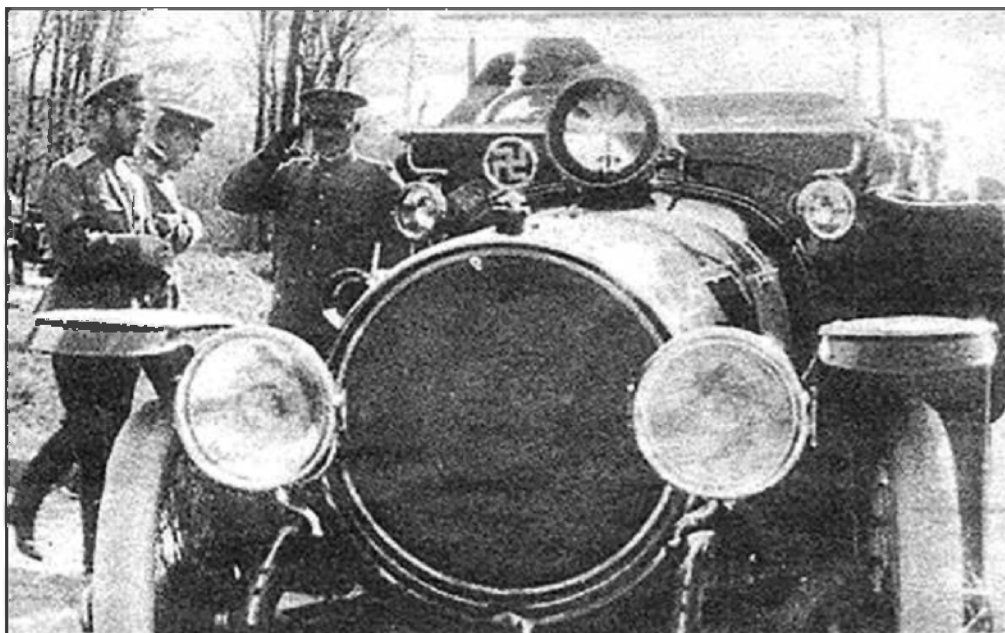
В Германии же свастика (Hakenkreuz, то есть буквально: «крюкообразный крест») до возвращения добровольцев из Бал(ь)тенланда в 1919-1920 гг. была известна лишь десятку-другому геральдистов и адептов карликовых эзотерических лож типа «новых тамплиеров», «Германен-Ордена» или пресловутого «Общества Туле», о которых,

перефразируя известные слова Ленина о декабристах в статье «Памяти Герцена», с полным основанием можно было сказать:

«Узок круг этих (консервативных – В. А.) революционеров, страшно далеки они от (немецкого – В. А.) народа».

В то же время хорошо известно, что последняя Императрица Всероссийская, Святая Мученица Царица Александра Федоровна имела обыкновение ставить знак свастики (гамматический крест) на своих личных вещах, как знак благополучия. Государыня нарисовала свастику и на обоях у своей кровати и на дверном косяке с надписью «17/30 Апр. 1918 г.» (день прибытия Царской Семьи в Екатеринбург) в доме Ипатьева, где вскоре Царской Семье было суждено претерпеть мученическую кончину. А на капоте автомобиля Царя-Мученика Николая II (судя по многочисленным сохранившимся фотографиям) была в вертикальном положении установлена свастика в кольце.

Пехотинцы Балтийского ландесвера носили ботинки с обмотками (нем.: «виккельгамашен») цвета «фельдграу», кавалеристы – сапоги. Офицерам также полагались сапоги, либо ботинки с кожаными крагами (нем.: «ледергамашен»). Кавалерийские дозорные Ударного отряда ландесвера, в качестве дополнительного вооружения, имели стальные трубчатые пики с бело-голубыми (или бело-синими) флюгерами.

Обмундирование входивших в состав Балтийского ландесвера добровольческих частей было весьма разнообразным, что, в общем-то, было обычным явлением в период Гражданской войны. Так, бойцы подразделения барона фон Медема, сформированного на базе Баденской горной батареи, в которую влилось большое число добровольцев, были одеты в мундиры или ветровки («виндьяки») цвета «фельдграу» с такого же цвета погонями, имевшими красную выпушку, и носили на воротнике цветок эдельвейса белого металла с желтой сердцевинкой. Эдельвейс украшал также и левую сторону их «лыжного» кепи.

Сам барон фон Медем носил мундир германской кайзеровской армии образца 1910 года со шведскими обшлагами и закругленным стоячим воротником (и то, и другое – с черной выпушкой), с цветком эдельвейса на

воротнике и на кепи, а на плечах – капитанские погоны. Поскольку отряд фон Медема провоевал в составе Балтийского ландесвера совсем недолго, сам барон не успел обзавестись четырехугольными звездочками на воротнике.

Кавалеристы подразделения барона Вильгельма фон Энгельгардта при мундирах цвета «фельдграу» носили белую кавалерийскую фуражку с голубым (или синим) околышем без выпушек. Сам Энгельгардт носил белую фуражку с голубым околышем, плетеные жгуты на плечах (так как ранее в армии не служил) и 3 четырехугольные звездочки на воротнике. На нем была именно эта форма, когда в конце 1920 году он близ своего родового имения попал в засаду латышских коммунистов и был смертельно ранен разрывной пулей с надпиленным концом (так называемой пулей «дум-дум»). Барон отказался от ампутации раздробленного пулей «латышского стрелка» предплечья и вскоре умер от заражения крови.

Точно такую же белую кавалерийскую фуражку с голубым околышем носил с британской полевой военной формой цвета хаки и назначенный командующим Балтийским ландесвером английский подполковник Гарольд Р. Александер.

Командир германского добровольческого отряда «Курляндия», лейтенант Р. Гольдфельд, (позднее запятнавший себя изменой) сохранил для своих людей прежние форменные отличия. Поскольку сам Гольдфельд в Великую войну служил в баварской тяжелой кавалерии кайзеровской армии, весь его отряд в память о прошлом месте службы своего командира, имел желтые околыши фуражек, а также желтую выпушку на воротнике и погонах; желтые же нити были вплетены в узкие серебряные погоны офицеров отряда «Курляндия».

Чины принимавшего в свои ряды только российских подданных русского добровольческого Либавского стрелкового отряда Светлейшего князя А. П. Ливена, сражавшегося под трехцветным бело-сине-красным национальным русским стягом с белым прямым

равноконечным крестом, имевшим в перекрестье славянскую литеру «Л» («Ливен») под княжеской короной, первоначально носили русское обмундирование, но вскоре получили германское, включая немецкие стальные каски.

Светлейший князь Ливен писал об униформе своих добровольцев следующее:

«Обмундирование в отряде было германское, но с русскими погонами и, по мере возможности, с русскими пуговицами. Фуражка имела голубой околышек с русской кокардой. На левом рукаве носилась угловая нашивка бело-сине-красного цвета, а под ней – четырехгранный белый крест». Этот добровольческий «национальный угол» (аналогичный шеврону Северо-Западной Армии генерала Юденича) мог располагаться выше или ниже локтя.

В бою ливенцы носили германские стальные шлемы (каска) с изображением русского двуглавого орла. Существуют отдельные свидетельства, согласно которым ливенцы, подобно белым немецким и балтийским фрайкоровцам, носили на своих германских стальных касках белое изображение черепа с костями. И вообще, «Адамова (мертвая) голова», судя по всему, играла немаловажную роль в символике русских «либавских стрелков». Во всяком случае, сохранились фотографии ливенцев на боевых позициях, «украшенных» самими что ни на есть настоящими человеческими черепами с парочкой берцовых костей – «на радость нам, на страх врагам»!

Сам светлейший князь А. П. Ливен, как бывший ротмистр Лейб-гвардии Кавалергардского полка, в торжественных случаях появлялся перед своими добровольцами в парадной белой форме кавалергарда Российской Императорской Гвардии, но обычно носил русскую рубаху («гимнастерку»), кавалергардскую фуражку (с белой тульей и красным околышем) и погоны из серебряного галуна с красной выпушкой и просветом.

В русском добровольческом отряде полковника Е. К. Вырголича, ставшего позднее командиром корпуса в

Западной Армии князя Авалова, и в отряде капитана Дыдорова, если верить барону Питеру Гану (Baron Peter Hahn, 127 Westminster N., Montreal, O Qc Canada, Нух 123), внуку офицера Либавского стрелкового отряда Светлейшего князя Ливена, носили шеврон русских национальных цветов углом вверх, подобный шеврону ливенцев, но крест в его вершине был не чисто белый, а бело-сине-красный. Иногда на шевроне ставилась печать части.

Латышский отряд полковника О. Колпака (позднее – полковника Я. Балода) был, в основном, обмундирован в русскую военную форму из бывших запасов Царской Армии. Форменными отличиями латышских белогвардейцев были темнокрасный (вишневый) околыш на фуражке и такие же вишневые петлицы с белыми диагональными полосками на них (цветов латвийского национального флага).

Чины латышского кавалерийского отряда Гартмана носили обычную форму Балтийского ландесвера, но вместо сине-белых выпушек и околышей фуражек у них были темно-красные.

Нередко офицеры Балтийского ландесвера обмундировывались по собственному вкусу. Так, Командующий ландесвером, бывший германский майор Альфред Флетхер, носил полевой мундир германской армии цвета «фельдграу» с погонами майора кайзеровской армии и 4 четырехугольными звездочками на воротнике.

Командир Ударного отряда Балтийского ландесвера, барон Ганс-Георг фон Мантейфель-Цеге, бывший лейтенант германской службы, носил полевой мундир германской армии цвета «фельдграу» без выпушек с лейтенантскими погонами и 3 четырехугольными звездочками на воротнике и свою старую фуражку баварских шеволежеров темно-зеленого цвета с темно-красными выпушкой и околышем. Его брат Генрих фон Мантейфель-Цеге, начальник штаба Балтийского ландесвера, носил фуражку цвета «фельдграу» с желтым

околышем. Из-за столь резкого различия в цвете фуражек братьев прозвали «красным» и «желтым» Мантейфелями.

Знамена и флаги Балтийского ландесвера

Знамя Балтийского ландесвера имело полотнище цветов флага г. Риги, разделенное на 4 части. 1-е и 4-е поле знамени были светло-синего (голубого), 2-е и 3-е поле – белого цвета. После включения Балтийского ландесвера в состав 13-го Туккумского полка латвийской армии бело-голубое четырехчастное знамя балтийских добровольцев стало знаменем этого полка. Отдельные добровольческие части и подразделения, входившие в состав Охраны Прибалтийского края, имели свои собственные флаги и значки. Так, Либавский стрелковый отряд Светлейшего князя Ливена сражался под национальным русским бело-сине-красным флагом с прямым белым крестом, в перекрестье которого была изображена славянская литера «Л» («Ливен») под княжеской короной,

Боевые награды и знаки отличия балтийских добровольцев

Как уже упоминалось выше, знаком отличия для всех чинов Западной Добровольческой Армии служил черный крест мальтийской формы (на винте с гайкой), учрежденный князем Аваловым в марте 1919 года в знак траура по «первой шашке России» – генералу графу Ф. А. Келлеру – и предназначенный для замены введенного ранее белого мальтийского креста. Тем не менее, белый «крест Келлера» также продолжал выдаваться, о чем сохранились неоднократные упоминания в архивных документах, в том числе и на немецком языке.

Черный мальтийский «крест Бермондта-Авалова», покрытый эмалью или лаком, иногда носили на розетке из

чернооранжевой георгиевской ленты или же на бело-сине-красной розетке цветов русского национального флага.

Поскольку Пажеский Корпус, выпускники которого носили белый мальтийский крест, подобный «кресту Келлера», был основан Императором Павлом I в его бытность Великим Магистром Державного Ордена рыцарей-странноприимцев Святого Иоанна Иерусалимского, в качестве «Академии мальтийских рыцарей», князь Авалов в 20-е гг. учредил в эмиграции свой собственный «Русский Императорский Рыцарский Орден Святого Иоанна» («Державный Русский Императорский Мальтийский Орден»), просуществовавший до начала 40-х годов и объединявший в своих рядах ветеранов Западной Добровольческой Армии, стоявших на «легитимистских» монархических позициях (то есть являвшихся сторонниками Великого князя Кирилла Владимировича, а позднее – его сына Владимира Кирилловича, в качестве претендента на Российский престол). Знаком принадлежности к «аваловскому» Ордену Святого Иоанна служил белый восьмиугольный мальтийский крест с изображением золотого восьмиконечного православного креста (эмблемы Западной Добровольческой Армии) на верхнем луче.

В Западной Армии князя Авалова существовало еще несколько знаков отличия и принадлежности к той или иной части либо соединению, входившим в состав Западной Добровольческой Армии.

Наиболее известен среди них «Балтийский крест», он же – «Железный крест балтийцев», носить который имели право все германские добровольцы, участвовавшие в боях в Прибалтике в 1918-1919 гг.

Любопытно, что «Балтийский крест» был учрежден Председателем Балтийского Национального Комитета бароном Вильгельмом фон Фирксом в начале июля 1919 года и предназначался первоначально для награждения германских добровольцев, принявших участие в освобождении Курляндии, но вовсе не для награждения немецко-балтийских белогвардейцев (служивших в

Балтийском ландесвере или в Балтийском стрелковом полку), равно как и не для награждения чинов белой русской Западной Добровольческой Армии князя Авалова.

Тем не менее, очень скоро «Балтийским крестом» стали награждать не только русских и немецких аваловских добровольцев из рядов белой Западной Армии, и не только чинов Балтийского ландесвера, но даже бойцов оперировавшего в Эстляндии против красных Балтийского полка – например, барона Вольдемара (Владимира) фон Штакельберга, и др.

Знак представлял собой прямой (именуемый в геральдике греческим) черный (оксидированный или покрытый черным лаком) крест с наложенным на него подобным же золоченым (или просто желтого металла) крестом меньшего размера, с золотыми геральдическими лилиями на концах лучей (заимствованный с герба Верховного Магистра Тевтонского ордена, чья история была неразрывно связана с историей Прибалтики и колонизовавших ее «остзейских немцев»). Нижний, прямой черный крест был эмблемой Тевтонского ордена (и его прибалтийского – ливонского – филиала). Наложенный на него более узкий золотой крест являлся упрощенным по форме вариантом золотого костыльного (усиленного или выступного) креста Иерусалимского королевства, пожалованного королями Иерусалимскими тевтонским рыцарям за доблесть, проявленную теми при обороне Святой земли от неверных. Аналогичной наградой, полученной рыцарями-тевтонами уже от французского короля-крестоносца Людовика Святого, были и золотые геральдические лилии – символ Французского королевского дома. Но на практике Верховные Магистры Тевтонского ордена нередко пользовались упрощенным вариантом герба в виде наложенного на черный прямой орденский крест прямого же, более узкого, золотого креста с лилиями на концах (лилиевидного креста). Именно этот упрощенный вариант и был взят за основу авторами дизайна «Балтийского креста» в 1919 году.

«Балтийский крест» имел всего одну степень и мог носиться как на булавке, так и на бело-голубой (бело-

синей) струистой (муаровой) ленте цветов Балтийского ландесвера. В центре белой ленты (шириной около 25 мм) проходила синяя (голубая) полоса шириной около 6 мм, обрамленная двумя узкими полосками того же цвета, проходящими примерно в 4 мм от краев ленты. В последнем случае к верхнему лучу креста приделывались ушко и дужка для продевания ленты. Нередко вместо креста носилась только бело-синяя ленточка в петлице (как в случае с прусским Железным крестом).

Были засвидетельствованы даже случаи одновременного ношения нагрудного «Балтийского креста» на булавке и бело-синей ленточки в петлице. Сохранилось также немало различных «неуставных» вариантов «Балтийского креста» – с нижним, черным, крестом не прямой, а лапчатой формы (приближающейся к форме прусского Железного креста или к форме креста католического рыцарского Тевтонского ордена образца 1929 года). Существовали кресты из оксидированного белого металла, покрытые черным лаком или черной эмалью, патинированные, изготовленные из посеребренной латуни или даже из чистого серебра. Автором дизайна «Балтийского креста» считается барон фон Рапп.

С июля 1919 по конец 1921 года было выдано всего 22 839 «Балтийских крестов».

Все чины Западной Добровольческой Армии в память боевых действий в Курляндии осенью 1919 года получили право носить светло-бронзовую медаль с изображением на аверсе Святого Великомученика и Победоносца Георгия, а на реверсе – восьмиконечного православного креста с датой «1919». Несмотря на присутствие в символике награды православного креста, медалью награждались не только русские, но и германские добровольцы, входившие в состав Западной Армии. Медаль крепилась на черно-оранжевой георгиевской ленте.

Впоследствии князь Авалов учредил для своих добровольцев еще одну награду (Орден Западной Добровольческой Армии) – черный мальтийский крест с

серебряной каймой, перекрещенный мечами (для военнослужащих) или без мечей (для гражданских лиц). Над верхним лучом креста помещалась серебряная «Адамова (мертвая) голова» над скрещенными костями. Этот «крест Русского корпуса» имел две степени. Крест I степени был шейным, II – нагрудным. Лента – черная, с узкой каймой, с одной стороны русских национальных цветов (бело-сине-красная), с другой – германских дореволюционных (черно-бело-красная). Православные символы на данной награде отсутствовали (видимо, князю Авалову пришлось учесть, что больше половины его армии составляли немцы – в основном, католики, лютеране или кальвинисты).

Кроме того, существовала еще и медаль «Курляндского союза солдат-колонистов» на двухцветной ленте, состоявшей из двух вертикальных полос – черной и белой. На аверсе этой железной медали (которой борцам за свободу Прибалтики от большевизма пришлось удовлетвориться вместо обещанных им «белым» латвийским правительством 100 моргенов доброй курляндской земли!) был изображен средневековый рыцарь на коне, едущий шагом, с копьем на плече; на реверсе – герб Верховных магистров Тевтонского ордена.

До нас дошли сведения о награждении, с одной стороны, не только русских, но также немецких и балтийских чинов Западной Добровольческой Армии князя П. М. Авалова (Бермондта) военными орденами и медалями «старорежимной» Русской Армии, а с другой – русских солдат, унтер-офицеров и нижних чинов этой армии германскими боевыми наградами (в частности – Железным крестом). Автору данного очерка приходилось видеть германскую офицерскую саблю армейского образца, украшенную львиной головой на эфесе, с «клюквой» (знаком русского ордена Святой Анны IV степени) и алым Аннинским темляком. Русские чины Западной Добровольческой Армии с Железным крестом на мундире запечатлены, в частности, на фотографии Конвоя Главнокомандующего ЗДА князя П. М. Авалова (Бермондта).

Балтийский ландесвер имел целый ряд (до 28!) собственных наград и знаков отличия самых разнообразных размеров и форм. К их числу относилась, например, 8-лучевая «Звезда Дибича» (или «Звезда Мальплакэ»), перекрещенная мечами, с латинским девизом «SUUM CUIQUE», лавровым венком и германским одноглавым орлом в центре звезды (нарукавным знаком добровольцев Дибича служила аналогичная звезда, но меньшего размера, на ленте с девизом и без мечей; петличной эмблемой Железного эскадрона – та же звезда, но перекрещенная двумя пиками с флюгерами и подложенная двумя скрещенными дубовыми листьями), или черный мальтийский «крест Дибича» с шифром своего командира в центральном круглом медальоне, увенчанный баронской короной и также перекрещенный двумя мечами остриями вверх. И все же на нескольких наградах Балтийского ландесвера стоит остановиться подробнее. Это:

Крест ландесвера

Из всех наград «Охраны Прибалтийского края» наибольшей известностью пользуется, пожалуй, «крест (Балтийского) ландесвера», учрежденный зимой 1919-1920 гг.; его выдавала Комиссия Главного штаба (оберштаба) Балтийского ландесвера, состоявшая из представителей отдельных добровольческих частей, входивших в ландесвер. По воспоминаниям «балтийского бойца», бывшего царского офицера Георгия фон Крузенштерна, «все наградные удостоверения датировались 1 марта 1920 года и подписывались членами Комиссии (командирами, ротмистрами, корнетами или фенрихами-прапорщиками)».

Право на награждение «крестом ландесвера» имели только добровольцы, «исправно прослужившие в рядах Балтийского ландесвера не менее 3 месяцев (для вступивших в ряды ландесвера после 6 июля 1919 года этот срок продлевался до 6 месяцев)».

«Крест ландесвера», предназначенный для ношения (на винте с гайкой) слева на груди (хотя сохранились и кресты во «фрачном», или «миниатюрном», исполнении), напоминал по форме русский офицерский Георгиевский крест (такой крест в геральдике именуется уширенным) и был покрыт белой эмалью с узкой голубой каймой по краям креста (цветов Балтийского ландесвера). В центре креста был расположен серебряный (или покрытый белой эмалью) щиток с прямым черным крестом ливонских рыцарей Тевтонского ордена, наложенный на меч острием вниз (для комбатантов) или без меча (для некомбатантов).

Точно такой же серебряный (белый) щиток с прямым черным крестом (без меча) носили на тульях фуражек (а позднее – на своих кокардах) чины Ударного отряда Балтийского ландесвера.

Некоторые экземпляры лапчатого «креста Балтийского ландесвера» были плоскими, другие – несколько более выпуклыми. Размеры ландесверовских крестов колебались от 37 на 37 до 41 на 41 мм. Некоторые экземпляры крестов были пронумерованы с обратной стороны, некоторые – нет. Цвет каймы по краям креста колебался от темно-синего до светло-голубого, крестовина меча в центре креста имела различную форму, сам меч и наложенный на него «тевтонский» щит имели различные размеры.

Сохранились экземпляры «креста ландесвера», изготовленные целиком из серебра. Официально «крест ландесвера» именовался «Почетным знаком Балтийского ландесвера за верность в тяжелое время», причем на наградных удостоверениях он почему-то именовался почетным знаком «с мечами» или «без мечей» – во множественном числе, хотя реальный крест для комбатантов был украшен не 2, а всего 1 мечом, направленным острием вниз. Вероятнее всего, первоначально планировалось изготовление крестов с 2 мечами (по типу памятного знака добровольцев-ливенцев, о котором еще пойдет речь ниже), но позднее был выбран другой вариант креста, а удостоверения к нему остались прежними.

Кроме «крестов ландесвера» для комбатантов и некомбатантов, существовал также особый вид креста для награждения сестер милосердия, выдававшийся «Немецко-балтийским Союзом сестер милосердия в Риге» (Deutsch-Baltischer Schwesternverband zu Riga). Это был уширенный крест, покрытый белой эмалью, с синей (голубой) каймой по краям креста, подобный «кресту ландесвера», но без гербового «тевтонского» щитка и меча в середине.

Интересно, что барон Ганс-Георг фон Мантейфель-Цеге, избранный после «Либавского путча» представителем Ударного отряда Балтийского ландесвера в Балтийский Национальный Комитет (БНК, нем.: Baltischer National-Ausschuss, BNA) и в «Комиссию по делам ландесвера (ландвера)», незадолго до своей гибели от пули латышской снайперши (далекой предшественницы тех прибалтийских «белых колготок», что стреляли по русским солдатам в годы I и II Чеченской войны в 90-е гг. XX века) при освобождении Риги в 1919 году, отклонил предложение германских военных властей о награждении чинов Балтийского ландесвера прусскими Железными крестами, с той мотивацией, что – в отличие от германских добровольцев – «балтийцы ведут свою борьбу за выживание, а не ради чинов и наград».

Почетный знак Ударного отряда Балтийского ландесвера

Об этой ландесверовской награде нам ныне мало что известно. Судя по всему, она была учреждена в конце 1919 года по инициативе командования самого Ударного отряда и присуждалась «Орденским капитулом», в который входили наиболее уважаемые балтийские «ударники». Получить ее было гораздо труднее, чем, к примеру, «Крест ландесвера» поскольку для этого требовалось исправно прослужить в Ударном отряде не менее года.

Почетный знак Ударного отряда ландесвера представлял собой серебряный, с прямым латинским черным крестом «варяжский» («норманнский») щит, подобный гербу Тевтонского ордена, наложенный на меч острием вниз, обрамленный овальным венком из дубовых листьев с желудями (высотой 51 мм, шириной 35 мм, весом с гайкой 15 г, без гайки 10 г). Знак был изготовлен из серебра, крест на центральном орденском щитке покрыт черной эмалью. На некоторых сохранившихся экземплярах награды орденский щиток покрыт белой, а прямой крест на нем – черной эмалью. Почетный знак, подобно «Кресту ландесвера», крепился к мундиру при помощи винта и гайки, что, в общем, типично не для германской, а для русской военной традиции.

«Знак за заслуги» караульной роты Главного штаба Балтийского ландесвера

Данная награда принадлежала к числу наиболее редких из всех наград белых добровольческих подразделений, сражавшихся в Прибалтике в 1918-1920 гг. В конце лета 1919 года командир караульной роты Главного штаба Балтийского ландесвера ротмистр фон Бергман учредил «знак за заслуги» для чинов своего подразделения, которым были награждены всего 12 «балтийских бойцов».

Каждое награждение заносилось в соответствующий журнал. Награждение осуществлялось комиссией из 4 чинов караульной роты (Председателем комиссии К. Бурмейстером, членами комиссии Ф. фон Паулем и А. Гагеном, а также секретарем Т. Кауфманом – автором дизайна «знака за заслуги»). Для получения знака необходимо было исправно прослужить в караульной роте не менее 3 месяцев и оплатить стоимость «знака за заслуги». В отличие от самих знаков, наградные удостоверения к ним были выданы награжденным лишь 30 июня 1920 года, после фактического роспуска Балтийского ландесвера, в г. Риге.

«Знак за заслуги» представлял собой серебряный, покрытый голубой эмалью мальтийский крест (50 мм в диаметре) с наложенной на его перекрестье уменьшенной копией кокарды Балтийского ландесвера – круглой, с голубой серединкой и белым ободком, окруженным серебряным «сиянием». На горизонтальных лучах мальтийского креста – черные латинские буквы «W» («acht», т. е. «караульная» (справа) и «K» («отрапие», т. е. «рота». (слева).

Почетный знак 2-го Немецко-балтийского боевого полка Мальмеде

Данный знак являлся, вне всякого сомнения, редчайшей из наград Балтийского ландесвера. Он был учрежден незадолго до роспуска 2-го Немецко-балтийского боевого полка Мальмеде в августе 1919 года его командиром капитаном Мальмеде по настоятельной просьбе ряда офицеров данного добровольческого подразделения. Автором дизайна был подпоручик Долгой.

«Почетный знак», имевший всего 1 степень (класс), представлял собой серебряный лапчатый крест (напоминающий по форме тамплиерский, мантуанский или прусский Железный крест), покрытый белой эмалью, с узкой голубой каймой по краям, и перекрещенный по диагонали 2 золотыми мечами остриями вверх, с наложенным на перекрестье равносторонним ромбом с дугообразно вогнутыми сторонами и посеребренной поверхностью.

В ромбе были изображены 3 золотых перекрещенных стрелы остриями вверх (заимствованных с печати подразделения или же с аналогичной печати Главного штаба Балтийского ландесвера). На горизонтальных лучах креста – надписи заглавными серебряными латинскими буквами: «2 B.» (2. Baltisches) справа, «KR.» (Kampf-Regiment) слева и «MALMEDE» – на нижнем луче креста. Бело-голубой цвет креста соответствовал цветам

Балтийского ландесвера (и бело-голубым цветом флага г. Риги).

Крест Ливенцев

Светлейший князь А. П. Ливен учредил для награждения чинов своего русского Добровольческого стрелкового отряда (Либавских стрелков) особый памятный знак. Данная награда представляла собой крест белой эмали в форме русского офицерского Георгиевского креста (с расширяющимися к концам лучами), перекрещенный 2 золочеными мечами рукоятями вниз и имевший в центре увенчанный золотой княжеской короной гербовый щиток русских национальных цветов (бело-сине-красный, с полосами, расположенными по диагонали), с наложенной на щиток золотой славянской литерой «Л» («ливенцы») и памятной датой «1919». Известны, впрочем, также варианты «ливенского креста», перекрещенные 2 мечами рукоятями вверх, как и сведения о наличии крестов с бело-желто-черными «романовскими» (а не бело-сине-красными «национальными» щитками в перекрестье). «Ливенский крест» был задуман в двух вариантах – более крупном, для ношения на мундире, и несколько меньшем, для ношения в петлице штатского костюма. Но, скорее всего, был реализован лишь его второй – «фрачный», вариант.

Приложение 2.

Документальные свидетельства

Объявление генерал-губернатора Риги майора Альфреда Флетхера

Объявляю о введении в Риге осадного положения и приказываю:

1. Каждый, у кого имеется оружие (огнестрельное и холодное), боеприпасы или взрывчатые вещества, обязаны сдать их в течение двенадцати часов в ближайший полицейский участок. Каждый, у кого позднее окажется оружие, будет казнен.

2. Все, кто в период господства большевиков являлись служащими административных органов, членами комитетов, милиционерами и так далее, военнослужащие Красной Армии и все остальные, кто боролся против освободительных войск, обязаны в течение сорока восьми часов после опубликования этого объявления явиться в ближайший полицейский участок.

3. Каждый, кто скрывает кого-либо из перечисленных выше лиц, кормит его или помогает ему бежать, а также каждый, кто знает о местопребывании кого-либо из этих лиц и не сообщает об этом немедленно в ближайший полицейский участок, будет казнен.

4. Если из какого-либо дома будет открыта стрельба по войскам, все жители этого дома заплатят жизнью.

5. Каждый штатский, который появится на улице без разрешения полиции с шести часов вечера до шести часов утра, будет казнен.

6. Пользование частными телефонами запрещается. Все частные лица, пользующиеся телефонами, а также владельцы домов и квартир, где установлены телефоны,

обязаны немедленно явиться в полицию. Не явившиеся будут казнены.

7. Каждый, кому известно, где находятся оружие, боеприпасы, предметы снаряжения и другое военное имущество, а также значительное количество съестных припасов и так далее, обязан немедленно сообщить об этом в ближайший полицейский участок. Не сообщившие будут казнены.

8. Обо всех награбленных и украденных, а также приобретенных в нарушение законов, действовавших до захвата власти большевиками вещах – мебели, одежде, белье и так далее – теперешние их владельцы, независимо от того, как они вступили во владение вещами, обязаны в течение сорока восьми часов сообщить в ближайший полицейский участок, по возможности с указанием прежнего владельца. Сообщающий получит в полицейском участке свидетельство с точным перечислением предметов, о которых он сообщил. Каждый, у кого по истечении указанного срока будет найдено имущество, о котором он не сообщил, будет казнен.

9. Печатание и распространение всевозможных изданий, не одобренных губернаторством, запрещается. Виновные в нарушении этого запрета будут казнены.

Командующий ландесвером

Флетхер Рига, май 1919 года.

Послание начальника военной миссии Антанты бригадного генерала Альфреда Берта графу фон дер Гольцу от 10 сентября 1919 года

Генералу-командующему VI германским, резервным Корпусом.

В Вашем письме № 584 от 4 сентября, между прочим, сказано, что Ваше правительство предвидело незаконные действия германских солдат в Курляндии. Принимая во внимание тот срок, который прошел со дня приказа об эвакуации германских войск, и имея в виду

колониционную пропаганду, которая за это время проводилась среди германских солдат, я уверен, что за положение дел в настоящий момент нужно признать ответственным только высшее командование германским Корпусом.

Поэтому, во избежание каких-либо недоразумений в будущем, я требую немедленно прислать мне список тех лиц, которые сами поставили себя вне закона.

Альфред Берт, Бригадный генерал, Начальник военной миссии Антанты.

Ответ графа фон дер Гольца генералу Берту

Начальнику военной миссии Антанты. Рига.

Ваше письмо от 10 сентября В. М. д. 34 получено 15 сентября. По поводу мыслей, высказанных в первых двух положениях Вашего письма, я отказываюсь войти в переписку.

В последнем положении Вашего письма Вы осмеливаетесь обратиться ко мне с требованием о выдаче моих единоплеменников в качестве преступников. В этом требовании я вижу тяжкое оскорбление моего личного и национального чувства. Поэтому я хочу дать Вам совет впредь не обращаться ни ко мне, ни к моим подчиненным с подобными гнусными требованиями. В противном случае я вынужден буду прервать с Вами какие бы то ни было сношения и выселить всякого англичанина из области, занятой германскими военными силами, так как исключена возможность гарантировать безопасность союзным миссиям, которые грубо и преднамеренно затрагивают честь германского народа.

Ваше письмо я представлю своему правительству и убежден, что оно через министра иностранных дел даст Вашему правительству достойный ответ на это грубое требование, которое союзная миссия осмеливается предъявлять германскому генералу за границей.

Граф фон дер Гольц.

Из книги воспоминаний князя П. М. Авалова (Бермондта) «В борьбе с большевизмом».

Глюкштадт и Гамбург. 1925., с. 247:

К концу января 1919 г. были образованы следующие группы войск:

I. Германского образца, с германским командным составом и добровольцами из числа балтийцев («остзейских немцев» – В. А.) и германских солдат:

1-ый ударный отряд с одной батареей и эскадроном кавалерии под командою барона Мантейфель;

2-ой отряд под командою гауптмана фон-Иена;

3-ий отряд под командою ротмистра Мальмеде;

1-ый кавалерийский отряд барона Ган;

2-ой кавалерийский отряд барона Драхенфельс;

3-ий кавалерийский отряд барона Энгельгарт;

Саперный отряд барона Штромберг.

II. Русского образца, с русским командным составом и добровольцами из числа балтийцев, не служивших в германских войсках, и из русских солдат-военнопленных:

1. Русский отряд из 3-х родов оружия ротмистра князя Ливен,

2. Русский отряд капитана Дыдорова.

III. Русского образца, с латышским (бывшем на русской службе) командным составом и с добровольцами-латышами, служившими и не служившими в русской (Царской – В. А.) армии:

С. 248. Латышский отряд полковника Колпака.

29.10.1919 г. – упоминание «Железной дивизии Немецкого Легиона»: «... она... участвовала в бывших боях с 8 по 10.10.1919 под г. Ригой и ныне, в боевой обстановке...»

(Приказ по Западной Добровольческой Армии № 60 от 29.10.1919г.).

Из секретного доклада полковника Владимирова о состоянии Петрограда к 11 июля 1919 года и о положении на Северо-Западном Фронте (впервые опубликован Братством

Святого Архистратига Божия Михаила в журнале «Михайлов День», Ямбург, 2000, с. 23-25):

«Положение рабочих

Экономические, санитарные и технические условия труда во много раз уступают условиям, существовавшим до 1917 года. Характерны требования рабочих: «Долой призывы в красную армию, долой обещания, дайте хлеба и порядок!». Рабочие высказывали сожаление об уничтожении технического и санитарного надзора над заводами и фабриками. Ропщут на политический надзор... Обыски в рабочих кварталах производятся на общих основаниях с прочими жителями. Хранение оружия рабочими не коммунистами вызывает расстрел виновных наравне с представителями других классов. Отдельные вспышки подавляются вооруженной силой. 11 июля при подавлении забастовки мастерских Николаевской ж. д. убито 6, ранено 19 рабочих.

Многие отрасли городского труда – как-то, домашней прислуги, рассыльных, извозчиков, швейцаров – частью сами собою уничтожились, частью уничтожены большевиками. Таким образом, значительный % населения лишился заработка и выброшен на улицу.

Военное положение

Удовлетворительность поддерживается всеми мерами и преимущественно перед остальными отраслями управления. Постоянное применение элемента насилия и игра на психологии страха дают несомненные результаты. Большевики поставили себе две общие задачи: сделать из красной армии беспрекословное орудие в руках советской

власти и одновременно развалить армию противника. Первая задача достигается напряженным политическим сыском в рядах самой армии, институтом комиссаров и коммунистов и особых коммунистических ячеек, и широким применением смертной казни. Известен следующий случай: в начале июля в части, расположенной в районе Ропши (под Петроградом) командир полка расстрелял солдата, отлучившегося из лагеря за молоком в соседнюю деревню.

В бою коммунисты идут в первой линии и в последней – в тылу дерущихся – с пулеметами. Отступающие и дезертиры расстреливаются. Меры эти, усиливаемые суровой расправой над командным составом в случаях неудач и массовых переходов, сократили число последних и повлияли на поддержание боеспособности фронта. Особенно это стало заметно на Петроградском фронте после сдачи 7000-отряда у Красной Горки, в июле с. г. С этих пор красноармейцы перестали сдаваться нам большими группами...

Вторая задача достигается пропагандой, а в последнее время и прямым подкупом. На подкуп ассигнованы миллиарды рублей, специально печатаемые для этой цели советской властью...Подкуп введен в систему: в каждой боевой части организуются специальные группы убежденных коммунистов, обязанные переходить на сторону противника с задачей пропаганды и разложения фронта.

Положение на Петроградском фронте генерала Юденича

Большевики решили, после случившейся заминки в наступлении, оборонять Петроград, во что бы то ни стало. Стянуто до пяти дивизий со ста орудиями (не считая десятитысячного карельского отряда со ста орудиями) – всего до пятидесяти тысяч человек. В резерве около двадцати тысяч (Новгород и Петроград). Пополнение потерь организовано вполне удовлетворительно (нормально около двух тысяч в день). Сила армии

генерала Юденича на южном берегу Финского залива достигает в настоящее время 35 тысяч на боевом фронте и 15 тысяч в тылу для подготовки. Из первых 35 тысяч хорошо вооружена и снабжена едва одна треть, винтовки имеются, безусловно, у двух третей, патронов не хватает. Орудий имеется всего 35, артиллерийских снарядов 30 тысяч (взято взаймы у финнов и у эстов). Войска постепенно получают организацию, не прекращая боевых действий. Сводятся в четыре дивизии. Боеспособность этих сил характеризуется тем, что, несмотря на очевидную бедность вооружения и снабжения, они не только удержали завоеванную у большевиков полосу Ямбург-Псков, но и ведут успешную активную борьбу.

Это заставляет признать, что, если формирующаяся армия получит вооружение и будет срочно снабжена, то армия получит возможность от решения полуоборонительных задач перейти к решительным и самостоятельным наступательным операциям для овладения Петроградом».

Из мемуаров Рудольфа Гёсса (нем.: Hoess), будущего коменданта концентрационного лагеря Аушвиц (Освенцим), служившего с 1919 по 1923 гг. в германских добровольческих корпусах, «Моя душа, формирование характера, жизнь и переживания», изданных в 1958 году (цит. по отрывкам, приведенным в статье польского профессора А. Кемпиньского «О психопатологии «сверхлюдей»», опубликованной в журнале «Польша» № 1 за 1987 год, сс. 26-27, 29):

с. 29: «Боевые действия в прибалтийских странах характеризовались дикостью и ожесточенностью, с какими я не встречался ни раньше, в годы первой мировой войны, ни потом, во время проведения добровольческими корпусами других операций... Любое столкновение превращалось в кровавую резню на полное уничтожение... Сколько раз мне приходилось видеть ужасающие картины: сожженные избы и обуглившиеся тела женщин и детей». Неплохой школой были и действовавшие в этих корпусах тайные судилища.

«Поскольку правительство – пишет Гесс – не могло признать добровольческих корпусов, оно не могло расследовать и наказывать преступления, совершаемые в рядах этих соединений, такие, как кража оружия, разглашение военных тайн, измена родине и т. д. Поэтому при добровольческих корпусах, а затем при пришедших им на смену организациях действовал самосуд (нем.: Vehmegericht или Femegericht – В. А.) – тайное судилище, созданное по древнегерманским образцам. Любая измена каралась смертью. Сколько предателей было казнено»!

Из книги воспоминаний Эрнста фон Оаломона, участника покушения на министра иностранных дел Веймарской республики Вальтера Ратенау, сражавшегося в рядах добровольческих корпусов в Силезии и Прибалтике, «Изгой»

«Мы гнали латышей, как зайцев по полю, палили по каждому дому, взрывали каждый мост, валили каждый телеграфный столб. Мы швыряли трупы в колодцы и бросали им вдогонку ручные гранаты. Мы убивали все, что попадалось нам под руки, и сжигали все, что могло гореть. Там, где мы проходили, стонала земля. Там, где мы шли на штурм, на месте домов оставались груды развалин. Громадный столб дыма отмечал наш путь».

Открытое письмо к англичанам

Генерала Князя Авалова Главнокомандующего Русскою Западною Добровольческою Армией (опубликованное в русском эмигрантском монархическом журнале «Двуглавый Орел» в Берлине 15.05.1921)

«Русская газета «Руль» в № 123 напечатала довольно грубое письмо пресловутого английского генерала Гофа к генералу Юденичу.

Всех русских офицеров, которые для блага своей Родины склонны идти заодно с Германией, генерал Гоф называет идиотами, короткой памяти. С точки зрения генерала Гофа, несомненно одаренного качествами

ловкого коммерсанта, такое суждение, пожалуй, правильно, так как все эти генералы, которые работали и работают с Антантою, приобрели виллы, ордена подвязки (hopu soit qui mal у pense), фунты и франки, между тем, как мы, к великому нашему нравственному удовлетворению, работающие заодно с Германией, не имеем ни одного пфеннига. Это происходит от того, что никто из нас не был способен продавать свое отечество. Никогда Германия не позволила бы себе так злоупотребить нашею дружбою и так использовать затруднительность нашего положения, как это сделала Антанта.

В виду этих обстоятельств я считаю своим долгом ответить на письмо генерала Гофа, так как слабодушный генерал Юденич, несомненно, не последовал примеру генерала графа фон-дер-Гольц, который, на попытку одного из английских генералов оскорбить немецких солдат, ответил так, как и можно было ожидать со стороны истинного патриота и офицера лучшей в мире армии.

В минувшую войну храбрая русская армия в течение одного года не раз спасала положение Антанты, потеряв при этом лучших своих офицеров и солдат. Союзники готовились торжествовать победу, которую должна была подготовить им русская армия. Походом в Восточную Пруссию был спасен Париж и т. д. – Нас завело бы слишком далеко подробное перечисление дальнейших событий.

Помощь союзников во время борьбы с большевизмом была проникнута такою «искренностью» и была так «хорошо организована», что много раз русские офицеры и солдаты, попадая во власть большевиков, находили там свою гибель (смерть адмирала Колчака). Одним словом – одною рукою давали яд, а другою молоко в противоядие.

Русские офицеры, не пожелавшие признать большевизма, изгнаны из отечества и несут такую тяжелую долю, какой никогда не переживали офицеры других стран. От души желаю врагам России и их

офицерам пройти через такие же испытания, и тогда обнаружится, кто достоин своей родины – те ли, которые, оставаясь равнодушными свидетелями пролития русской крови во время бессмысленного и неподготовленного похода на Петроград, сами в это время с успехом играли на бирже, или те русские офицеры, которые в течение 11 месяцев не получали ни жалования, ни продовольствия, ни обмундирования.

Перехожу к опровержению письма Гофа по пунктам:

1) . То, что со стороны немцев никогда не было никаких интриг, это знаю я, как единственный главнокомандующий, указавший русским путь, открытый перед ними для спасения родины, а именно «идти рука об руку с Германией». Такое мое убеждение я подтвердил моим совместным выступлением с Германией.

2) . Вполне понятно, почему Северо-Западная Армия до прибытия генерала Гофа действовала успешно и была большевиков: просто потому, что ей никто не мешал. Если потом наступил некоторый упадок духа, то объясняется это тем, что многие из состава армии невольно вспоминали свои тяжёлые переживания в Одессе и в Киеве, где за оказанную Антантой помощь пришлось расплачиваться кровью.

Помощь Антанты приносила мало пользы, потому что ее агенты во все вмешивались. Дальновидными оказались те русские, которые пытались перерезать нити, связующие нас с Антантой: они, очевидно, уже тогда предвидели такие случаи, как принудительная эвакуация тех несчастных 6.000 казаков, которые были выданы большевикам на явную смерть. Большой смелостью, чтобы не сказать более, представляется требовать от русских, чтобы они памятовали статьи мирного договора. Только какой-нибудь генерал Гоф способен предъявить такое требование, и принять его может только какой-нибудь генерал Юденич. Русские не подписывали мирного договора и потому не намерены даже его читать. Так же, как и я, мои единомышленники предвидели, что у благородных рыцарей Антанты, к их

стыду, хватит мужества утверждать, что за пролитую кровь можно уплатить испорченными танками и иною подобною дрянью. К тому же за эту, так называемую, помощь выставлялись несообразно высокие цены.

Неправда, будто бы русская армия развращена немцами при посредстве большевизма. Пусть ответственность за это несут господа Керенский и Гучков, так же, как их воздь и пособник, бывший английский посол сэра Бьюкенен. В первые дни революции к Бьюкенену являлась возглавляемая мною депутация офицеров, и этой депутации Бьюкенен сказал, что надо углублять революцию для спасения России.

Если Германия также причастна проникновению большевизма в Россию, то сделала она это для победы над врагом, потому что, ведя войну, не играла в футбол, а упорно боролась. Это говорю я, четыре раза раненный немецкими пулями.

В заключение объявляю всем желающим слышать:

Если год тому назад моя Западная Армия не заняла Москвы, то произошло это только от того, что Антанты, преследуя собственные, эгоистические цели, вступления в Москву не хотела. Для этого она закрыла немецкую границу и одновременно запретила наступление на большевиков (об этом имеется на лицо документ, подписанный английским полковником Робинсон). Иначе я сумел бы дать всем врагам России надлежащую отповедь, как я не раз доказывал это в Балтийском крае.

Я хотел бы действительно напомнить генералу Гофу следующее характерное происшествие. Когда линия Торенсберг-Больдера была занята моими войсками, к командиру I батальона пластунского полка приехал английский офицер. Убедившись в том, что Больдера занята русскими войсками, этот офицер отправился на квартиру батальонного командира полковника Ревелина и тил чай из кружки русского солдата; а двадцать минут спустя, когда английский офицер вернулся на свое судно, со всех судов был открыт жестокий огонь по русским позициям, и конечно, с ведома генерала Гофа происходил

этот обстрел русских солдат, которые только что перед тем гостеприимно встретили английского офицера.

В своем письме генерал Гоф высказывает мнение, что в России будет править «демократия». Станет вполне ясно, о какой «демократии» говорит генерал Гоф, если сопоставить, с одной стороны, ту сомнительную помощь, которую Антанта оказывает в борьбе против большевиков, и, с другой стороны, тот договор, который она с ними заключила. Вот где зарыта собака!

Все это было для меня совершенно ясно уже три года тому назад, почему я и отказался от сотрудничества с «союзниками». Но, кстати, пусть генерал Гоф запомнит, что не ему решать вопрос о том, кто будет править в России. Это мы, русские, и сами знаем.

Я намереваюсь издать в ближайшем будущем мои воспоминания с приложением документов. Эти документы дадут возможность судить о том, кто заслуживает клички «идиота». Те ли русские офицеры, которые для спасения своего отечества шли рука об руку с Германией, или тот, кто им дает эту кличку, чтобы не сказать о нем более.

Всякому, кто почувствует себя оскорбленным настоящим моим письмом, я готов дать удовлетворение – конечно, поскольку он вообще имеет право на таковое. Дистанция – шесть шагов».

Марш Аваловцев (Бермондтовцев) Воспоминания о Курляндии 1919 г.

Вспоили Вы нас и вскормили
Отчизны родные поля,
И мы беззаветно любили
Тебя, святорусская земля (3 раза)

Припев:

Теперь же грозный час борьбы настал настал

Коварный враг на нас напал (2 раза)
И каждому, кто Руси сын (2 раза)
На бой с врагом лишь путь один (2 раза)
Вперед, вперед смелее.

Приюты наук опустели
Аваловцы готовы в поход
Так за отчизну к заветной цели
Пусть каждый с верою идет

Припев.

Мы жили мечтою великой,
Мечтою тебе посвятить
Ума и души все порывы
И кровью тебя оросить

Припев.

Аваловцы, Вы дети России
Припомним заветы отцов
И также умрем, как и деды
Геройскою смертью бойцов.

Припев.

Пусть каждый и верит и знает
Блеснут из-за тучи лучи
И радостный день засияет
И вложим мы в ножны мечи.

Припев.

Батальоны борцов за Россию

Батальоны борцов за Россию,
Бойцов за Русский Народ,
Мерным шагом проходят равнину,
Впереди наш первый отряд.
Поведет нас наш Вождь Светозаров
(зачеркнуто, написано: Кн. Авалов)
На победу иль верную смерть.
И будет свободна Россия
Или с нами она вместе умрет.
Пролетариев не будет в России.
И не будет советских рабов
И не будет сановников царских
И не будет жирных жидов
*(«не политкорректно», но «что написано пером...» –
В. А.).*
Будет право и воля Народу
Слава вечная будет Вождю
Память вечная борцам за свободу
Освободившим родную страну.
Вот прошли уже, слышны разрывы
И русское слышно «Ура»!
В могучем национальном порыве
Будет победа нам Богом дана.

Н. Иванов

Песнь дружинников Р.О.Н.Д.а

Ряды тесней! Поднимем выше знамя!
Наш мерный шаг спокоен и тяжел.
Незримо здесь, в ряды собравшись с нами,
Витают те, кто прежде в штурмы шел. (2 раза)

Дорогу нам! Полки и батальоны
Ведет вперед убитых братьев тень,
И ждут с надеждою и верой миллионы,
Когда взойдет заветный всеми день. (2 раза)
Готовы все, все жаждой боя дышит,
Труби, трубач! Труби в последний раз!
Наш Крестный стяг приветный ветер колышет.
Смелей, друзья! Свободы близок час! (2 раза)

Или:

Наш Православный Стяг приветный ветер колышет.
Смелей друзья! Свободы близок час!

В книге Д. Стефана «Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции» (с. 151) приведен еще один текст этой песни, уже в качестве гимна ВФО. Мелодия, да и некоторые особенности текста все равно выдают нам «Песню Хорста Весселя»— известный гимн немецких национал-социалистов.

Приложение 3.

Историческая справка – гибель Северо-Западной армии генерала Юденича в Эстонии в 1919-1920 гг.

Прежде всего, необходимо отметить, что эстонского государства никогда не существовало. Территория эстов была с древних времён под влиянием Русского государства, затем была захвачена Ливонским орденом, а у него Эстляндию отняла Шведская держава. Россия получила эту землю после жестокой Северной войны в 1721 году по условиям Ништадского мира, заплатив за неё 2 миллиона золотых талеров.

То есть, купила земли, на которых сегодня располагается Эстония, у Швеции.

Никто и никогда не подвергал законность обладания ими Российской короной.

В так называемой «тюрьме народов» – Российской империи – были довольно либеральные условия жизни, шёл процесс формирования национальных интеллигенций.

Самосознание эстонцев доросло до такого уровня, что к началу XX века они почувствовали себя отдельным народом.

Или, что вероятнее всего, они не чувствовали ничего, потому что никакого освободительного движения на территории будущей Эстонии в царской России не было.

Но нам все равно надо попросить у наших соседей прощения.

Ведь «отсталая» и «нецивилизованная» Россия не применяла к населению присоединенной Прибалтики стандарты, принятые в то время во всем «цивилизованном мире».

Стоит извиниться за то, что подобно апачам и могиканам, эстонцы не перекочевали с нашей грешной

земли на страницы романов Фенимора Купера, чтобы только там и сохраниться в памяти благодарных потомков.

Требует отдельного прощения и отсутствие резерваций – без них, увы, «цивилизованное человечество» обходиться в то время не могло, а Россия их так и не завела.

1 августа 1914 г. грянула Первая мировая война.

В 1917 году в России произошли «Февральская революция» и т. н. Октябрьский большевицкий переворот.

По условиям позорного Брестского мира, заключенного большевиками с Кайзеровской Германией в 1918 году, эстонская территория была оккупирована германскими войсками, попав под власть Императора Вильгельма II.

24 февраля 1918 года Эстония объявляет о своей независимости – точнее, это делает кучка политиканов во главе с Константином Пятсом, которую никто не выбирал и не уполномочивал, за считанные часы до вступления германских войск в Ревель (Таллин).

«Независимость» Эстонии была фиктивной – она опиралась на немецкие штыки.

Под скипетром Кайзера Эстония становится марионеточным государством, во главе которого ставится немецкий принц.

Но Первая мировая война была Германией проиграна, немцам стало не до Прибалтики. Едва в Берлине произошла революция, как в Таллине посчитали за благо снова поменять форму государственности и хозяина – переориентироваться на Антанту. Истинным распорядителем прибалтийской земли становится Антанта, ориентируясь на которую эстонцы начинают строить свое государство.

Но начавшееся наступление Красной армии осенью 1918 года очень быстро уменьшает территорию «независимой» Эстонии.

К началу 1919 года соединения Красной армии занимали значительную часть эстонской территории и

стояли всего в 35 километрах от Ревеля.

При активной помощи Белогвардейских отрядов эстонцы сумели остановить наступление красных.

Кроме того, Русские воевали и в «белой» Эстонской народной армии, в рядах которой даже были созданы Русские подразделения ротного и батальонного состава. Части Красной армии были вытеснены из Эстонии.

Причем основную роль в выдворении красных с территории Эстонии играют Русские белогвардейские формирования Северо-Западной армии под командованием генерала Н. Н. Юденича.

После этих событий, Белая Северо-Западная армия дважды предпринимала наступление на Петроград.

К середине ноября 1919 года небольшая Белогвардейская армия генерала Юденича вынуждена была начать отход из предместий Петрограда.

Необходимо отметить, что здесь свою предательскую негативную роль сыграли эстонские части, которые неожиданно бросили фронт, полностью открыв его красным для прорыва.

Но об этом речь впереди.

Сегодня мало кто помнит, как «суверенная» Эстония, плясавшая под дудку британского и французского кабинетов, отплатила своим Русским освободителям осенью и зимой 1919-1920 годов.

Невозможно переоценить значение Северо-Западного фронта на театре военных действий Гражданской войны.

В 1919 году приоритет Северо-Запада понимали в Омске – столице Белой России, где работало Русское Политическое Собрание.

Из Омска Верховный Правитель России адмирал А. В. Колчак поручил командование Северо-западным фронтом генералу от инфантерии Николаю Николаевичу Юденичу.

Выдвижение столь авторитетной фигуры, как Юденич, несло огромное политическое значение.

В военном смысле оно тоже было верным: в то время как генерал Родзянко предполагал развитие наступления по линии Псков-Новгород; генерал Юденич отдал предпочтение более важной стратегически линии Ямбург-Петроград.

Это привело бы:

1. К облегчению положения Северной Белой армии генерала Е. К. Миллера, удерживавшей выход во внешний мир через Архангельск;

2. При успехе наступления – к захвату нового выхода во внешний мир через Петроград;

3. При большой удаче – к освобождению от большевиков всего Севера, что в конечном итоге неизбежно привело бы к крушению власти большевиков на территории всей России и быстрому восстановлению законной власти.

Петроград был прежде всего нравственной целью, а именно нравственные победы решают исход войны.

«Взятие Петрограда явится, несомненно, громадным психическим ударом, ударом набатного колокола, который встряхнет замученное большевиками, изнуренное большевизмом, павшее на колени в какой-то болезненной покорности и апатии, но еще могучее народное тело...» – так видели положение дел в штабе генерала Николая Юденича.

Белая Северо-западная армия (СЗА) в 1919 году базировалась в Финляндии и Эстонии. Но у нее была своя ахиллесова пята.

Ею оказалась проблема признания независимости Финляндии, Польши, Эстонии. Здесь важно понять позицию адмирала Александра Васильевича Колчака, как Верховного Правителя военного времени.

Адмирал Колчак не считал себя ни в коей мере уполномоченным решать вопросы подобного рода (в отличие от большевиков, всегда готовых ради власти раздавать земли Российской империи).

Не диктатор, не русский Бонапарт: адмирал Колчак сам устанавливал ограничение своей власти единственной задачей – военной.

Той же позиции придерживался в роли главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерал Юденич.

Применительно к Эстонии это сыграло роль, совершенно фатальную для России.

Осеннее наступление Белой Северо-Западной армии (СЗА) на Петроград в 1919 году стало совершенной неожиданностью для большевиков и развивалось более чем успешно.

Стремительность, с которой Белая СЗА прошла от Ревеля до Гатчины, была головокружительной.

Большевики бегут, почти не сражаясь, идёт массовая сдача в плен. Такого быстрого краха Красной Армии не ожидал никто и прежде всего сами белогвардейцы!

Невероятный успех понятен, если учесть то, что в Красной Армии процветает дезертирство.

За один только 1919 год во всей Советской республике было 1 761 104 дезертира! И это – только задержанные и добровольно явившиеся назад!

А ведь ещё многие, так и не вернулись, и перешли к белым, либо ушли в леса и стали «зелёными».

Сколько всего русских людей воевать за большевиков не хотело, наверное, точно не скажет никто.

Но вывод напрашивается сам собой: в 1919-м году Красная армия – это не армия, а балаган!

Вот это «воинство» и начало невероятно быстро откатываться под ударами крохотной белой армии.

Красноармейцы не просто в массовом порядке сдаются в плен, а переходят на сторону противника!

Формирование новых частей в Северо-Западной армии идёт за счет красных.

Чтобы Белые взяли Петроград, эстонцам и Антанте надо было лишь немного поддержать Белых активностью на фронте и поставками вооружений.

Но такое развитие событий не устраивало не только эстонцев, но и «союзников» белых по Антанте, которые начали «принимать меры», чтобы не допустить Победы Северо-Западной армии и падения Петрограда.

Выдающийся русский писатель Александр Иванович Куприн тоже служил в рядах Северо-Западной армии. В своей пронзительной повести «Купол святого Исаакия Далматского» он даёт ужасающую картину британской «помощи»:

«Англичане обещали оружие.

Снаряды, обмундирование и продовольствие.

Лучше бы они ничего не обещали!

Ружья, присланные ими, выдерживали не более трёх выстрелов, после четвёртого патрон так крепко заклинивался в дуле, что вытащить его можно было только в мастерской».

Куприн горько констатирует: «Англичане присылали аэропланы, но к ним прикладывали неподходящие пропеллеры; пулемёты – и к ним несоответствующие ленты; орудия – и к ним не разрывающиеся шрапнели и гранаты».

Снабжение армии – это половина победы.

Армия Юденича шла в бой с не стреляющими винтовками, на шести допотопных танках, стреляла не разрывающимися снарядами.

На аэродромах стояли самолёты, которые не могли взлететь.

И со всем этим бараклом, белые шли в атаку на многократно превышающего их по силам противника.

Боролись, жертвовали собой и гибли.

Потому, что английские артиллерийские снаряды... не взрывались!

Вот, что рассказывал Куприну капитан Г.:

«Должен сказать, – что виною отчасти были наши снаряды.

Большинство не разрывалось.

Мы наскоро сделали подсчёт: из ста выстрелов получалось только 19 разрывов.

Да это что ещё? Нам прислали хорошие орудия, но все без замков.

«Где замки?»

Оказывается – «забыли».

Волосы дыбом встают от такого наглого откровенного и циничного предательства «союзников».

А Куприн свидетельствует:

«Однажды они прислали тридцать шесть пароходных мест.

Оказалось – фехтовальные принадлежности: рапиры, нагрудники, маски, перчатки».

Это не анекдот, а цитата из книги Куприна!

Приходит пароход в разгар наступления: на нём патроны не того калибра, нестреляющие ружья, невзрывающиеся снаряды и рапиры, нагрудники, маски, перчатки!

Белым не хватило для успеха совсем чуть-чуть: последнего усилия, небольшой помощи оружием и боеприпасами. Всего этого они по милости Антанты и англичан не получили.

Но большевицкое руководство было в панике.

16 октября 1919 года глава Петросовета Зиновьев выпустил воззвание к «красноармейцам, командирам».

Это не агитка, это вся правда Гражданской войны, сказанная в нескольких словах:

«Опомнитесь!

Перед кем вы отступаете?

У белых банд никаких серьёзных сил нет.

Число их в пятьдесят раз меньше, чем ваше число.

У белых нет артиллерии.

У белых нет тыла.

У белых нет войска, у белых нет бронепоездов.

Пресловутые танки белых существуют только в воображении дураков.

Белые банды берут вас только на испуг... ».

Белогвардейцы Северо-Западной армии были совсем рядом с окраинами Петрограда, но так и не добрались до них. Самую малость не добрались. Белогвардейцы видели уже вдали золоченые купола Исаакиевского Собора и осеняли себя на него крестным знаменем.

Остаётся только поражаться героизму, благородству и клиническому непониманию белых генералов!

Идет прямой сговор «союзников» по Антанте с большевиками, открытое предательство, с целью ликвидации и уничтожение Белого движения. Не могли «союзники» дать белым хороших танков, винтовок, аэропланов, орудий и боеприпасов, потому что тогда белые бы выиграли войну!

Именно поэтому Белая армия намертво завязла в боях у Красного села, из-за отсутствия вооружения и боеприпасов. А из Петрограда все время поступали свежие силы красных.

Троцкий-Бронштейн спешно подтягивал резервы. Сюда перебрасывалось все, что можно, в том числе полк красных латышских стрелков, курсантские школы.

Правому флангу белых не удалось вовремя перерезать Николаевскую железную дорогу, и в районе Тосно большевиками была наспех собрана ударная группа под командованием Харламова, перешедшая в контрнаступление.

Для спасения «колыбели революции» большевики предприняли еще одну, специфическую меру – так называемую массовую мобилизацию рабочих. Необученные, наспех сколоченные отряды бросались против Юденича из Москвы, Витебска, Смоленска, Тулы, Костромы, Вятки, Котласа, Шлиссельбурга.

Троцкий-Бронштейн и его поделники объявили массовую насильственную мобилизацию в Петрограде.

22-го октября 1919 года Ленин писал Троцкому:

«Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади их пулеметы, расстрелять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича? Если есть – 5-10 тысяч хороших наступающих войск (а они у Вас есть), то наверняка такой город, как Питер, может дать за ними подмоги тысяч 30».

Нет, к осени 19-го питерские «массы» давно уже не сохранили никакого революционного энтузиазма. И не добровольцев здесь главари большевиков набирали против Юденича, а фактически создавали отряды штрафников-смертников. Причем уже без разбора, рабочих и «буржуев» – какая разница, кого гнать на пулеметы пулеметами для «массового напора»? Их даже поэтому и вооружить почти не стали. Винтовку давали одну на несколько человек, а остальным – кому полицейскую шашку, кому казачью пику, а кому и ничего с предложением взять у тех, кого убьют раньше. Ставили за их спиной заградотряды из красных латышских стрелков и чекистов, гнали насильственно мобилизованных «буржуев» вместе с рабочими на смерть, под пули и снаряды.

Юденича решили задавить человеческим мясом.

Этот план Ленина и Троцкого был блестяще выполнен.

На Пулковских высотах с красной стороны полегло около 10 000 человек – сколько среди них было действительно убежденных красных, а сколько подневольных смертников-штрафников, из числа «буржуев», неизвестно.

У генерала Юденича вся армия была немногим больше! Разве могли белые выдержать такую войну? Гораздо меньшие потери были для них невозможными.

К середине ноября 1919 года небольшая белогвардейская Северо-Западная армия генерала Юденича была вынуждена начать отступление от Петрограда.

Надо особо указать на то, что здесь прежде всего свою предательскую роль сыграли «белые» эстонские части, которые в критический момент сражения неожиданно снялись с передовых позиций и полностью открыли фронт большевикам на своем участке, пропустив красных в тыл армии Юденича, истекающей кровью.

Особенно тяжелые бои шли на правом фланге, в районе Царского Села, где одна за другой вводились в сражение свежие красные части, прибывающие по железной дороге.

Но основная угроза таилась не здесь.

Левый фланг армии Юденича, со стороны моря, должны были прикрывать эстонские войска и английский флот. В задачу эстонцев входили и переговоры с гарнизоном восстановленного красными форта Красная Горка. По данным разведки, настроение частей там было опять неустойчивым, многие склонялись к переходу на сторону белых. Эстонцы никаких переговоров так и не начали, в результате чего большевики сохранили этот стратегический плацдарм на побережье Финского залива. А английский флот на поддержку Юденичу не пришел.

Что же касается эстонских войск, то в критический момент их на приморском фланге белогвардейцев просто... не оказалось. «Белые» эстонские части

организованно бросили свои позиции и покинули фронт. Большевики беспрепятственно пошли здесь в обход – в тыл Северо-Западной армии Юденича. Без всякого противодействия большевики высадили с моря десант. Положение Северо-Западной армии стало катастрофическим. Ей грозило полное окружение, и белые вынуждены были начать отход.

Все это не случайные совпадения. Все получилось так, как и задумывали «союзники». Белые начали отступление, закончившееся катастрофой у границ Эстонии. Причина проста: катастрофу, вызванную уходом эстонских частей с фронта, ещё можно было остановить и отбить фланговый удар красных. Для этого нужны боеприпасы, много боеприпасов. Но именно в этот момент Эстония неожиданно закрывает свою границу для снабжения и пополнения Белой армии! Пограничный шлагбаум опустился.

Все действия эстонцев не могли быть самостоятельными.

За таллинскими губителями русских белогвардейцев стояли организаторы русской катастрофы из британских и французских спецслужб и их закулисные хозяева!

Северо-западники надеялись найти в Эстонии приют и рассчитывали на хорошее отношение в благодарность за то, что белогвардейцы приняли самое активное участие в освобождении эстонской земли от частей Красной армии. Но просчитались.

Командующий Северо-Западной армией генерал Юденич не мог даже предполагать, что его армия была заранее обречена на гибель сепаратным сговором Эстонии и большевиков, при согласии Антанты.

Блестящий офицер, один из сподвижников генерала Юденича в деле создания армии фон Гершельман писал впоследствии:

«Эстония считала, что роль Русской Белой армии уже окончена. После того, как наши Белые полки помогли изгнать большевиков из пределов Эстонии зимой 1919

года, после того, что мы в продолжении 9 месяцев прикрывали ее границы, Эстония решает уничтожить эту армию, как лишнюю помеху для заключения своего позорного мира с ворами и убийцами – большевиками».

Генерал Юденич телеграфирует генералу Эстонской армии И. Лайдонеру (между прочим, бывшему кадровому офицеру Российской Императорской армии и даже Георгиевскому кавалеру):

«Войска до крайности утомлены непрерывными боями. На крайне тесном пространстве между фронтом и эстонской границей, в непосредственном тылу войск, скопились все обозы, запасные, пленные, беженцы, что до крайности стесняет маневрирование войск. Это может привести к катастрофе и гибели всей армии. Необходимо не позднее завтрашнего дня перевести все тылы на левый берег Наровы».

Отметим для ясности, что сопровождение, о котором идет речь, составляло 40 000 русских беженцев, спасающихся от красного террора – в основном женщины, дети и старики.

Пленных же красноармейцев насчитывалось около 10 000, помеха огромная, и красные на месте Белых северо-западников подобный «балласт» непременно бы истребили (исходя из соображений «революционной целесообразности», чему было немало примеров).

Итак, Белая СЗА отступает по линии железной дороги на Нарву для того, чтобы попытаться закрепиться на этом рубеже, получить хоть какую-то передышку и провести перегруппировку сил, а также спасти этим тысячи беженцев. Никто из современников не воспринимал это отступление как необратимую катастрофу, да оно и не было ею...

Но когда Северо-Западная армия истекала кровью в боях под Петроградом, «буржуазная» Эстония уже вела активные сепаратные переговоры с РСФР.

В Ревеле тайно принимается решение о «нежелательности присутствия белой русской армии на

территории Эстонии».

Северо-западники сталкиваются с последствиями этого принятого «белыми» эстонцами решения уже в Нарве, к которой подступили крупные силы 7-й армии красных.

Белой Северо-Западной армии приказано оборонять Нарву, чтобы задержать большевиков и дать возможность переправить на территорию Эстонии все обременяющие обозы с ранеными, беженцами и пленными.

Белая СЗА приступает к обороне и просит эстонцев как можно скорее разрешить начать переправу беженцев.

Но командование «белой» Эстонской армии (по указке своего Правительства) отказало русским Белым в переправе через границу Эстонии.

Белые прямо на снегу (зима в 1919 году пришла рано) вынуждены были устроить жалкое подобие «лагеря».

Значительная часть раненых и беженцев вынуждены были спать на жестоком 20-градусном морозе прямо на снегу, из-за катастрофической нехватки обычных палаток. Нет никаких медикаментов и перевязочных средств. Среди раненых и беженцев начинается эпидемия тифа. От голода и холода вымирают целыми Русскими семьями.

Ежедневно измученные люди умирают сотнями.

Всюду видны трупы, застывшие на морозе, которые нет возможности даже убирать и захоронить по христиански из-за отсутствия шанцевого инструмента.

«Русские полки не пропускаются за проволочное ограждение эстонцами. Люди кучами замерзают в эту ночь», – писал великий Русский писатель А. И. Куприн, сам находившийся в гибнущей Северо-Западной армии.

Большинство замерзших – это женщины и дети.

7-я армия красных по приказу Троцкого трижды атакует Нарву. Северо-западники трижды отбрасывают ее от города.

Белые части продолжают стоять в болотах против Нарвы, отражая три атаки 60-тысячной 7-й армии

большевиков.

«Нарва – эстонский Верден.

О Нарву разбили лучшие силы большевиков!

Северо-Западная армия устояла!» – восторженно писала газета «Приневский край» (главным редактором которой был донской атаман генерал П. Н. Краснов и в которой сотрудничал А. И. Куприн).

Белые не знают, что эстонское Правительство за спинами своих защитников готовят преступный сговор с красными – Лениным и Бронштейном-Троцким.

Этот несмываемый позор Эстонии позже войдет в советские учебники как «Тартуский мирный договор между РСФР и Эстонией 1920 года».

Чем больше крови прольют русские белогвардейцы за Нарву, тем выгоднее окажется для эстонцев предательство.

Сговор между эстонцами и большевиками начинается 5 декабря 1919 года. А 17 декабря 7-я армия большевиков делает последнюю попытку штурма Нарвы, но опять безуспешную.

Поняв, что Нарву с ходу не взять, Ленин, Троцкий, Чичерин и их подельники в Москве идут на беспрецедентные «территориальные уступки» эстонскому Правительству и Антанте, также как это было сделано с немцами во время заключения позорного Брестского договора в 1918 году.

Большевики уступают своим эстонским подельникам по тайному сговору огромный кусок Псковщины и Принаровья с 60-тысячным русским населением в привесок. Так продавали обычно крепостных.

Кстати, эти-то земли эстонское Правительство в 1990-х годах и пытались обратно выцыганить у Российской Федерации.

В Эстонии в те же 1990-е годы даже печатались карты Эстонии (включая школьные), где эти земли был обозначены, как эстонская территория.

Но и это не все эстонские выгоды от предательства.

Кроме земель и признания своей независимости эстонцы получают от большевиков 15 миллионов царских рублей золотом.

Фактически это была иудина плата эстонцам за готовящееся проведение операции по разоружению, интернированию и уничтожению белой Северо-Западной армии – за русскую гибель.

То есть за уничтожение Северо-Западной армии эстонцы получают от большевиков приграничные территории Заплюсья и район Печор-Изборска и 15 миллионов золотых рублей царской чеканки.

Оборона Нарвы северо-западниками еще не завершилась, как у них в тылу эстонские военные уже начали мародерство и массовый грабеж обозов белой армии, раненых и беженцев.

По приказу эстонского генерала Лайдонера было «экспроприровано» 120 вагонов с медикаментами, боеприпасами и провиантом, которые предназначались для белой армии, истекающей кровью. Эстонцами повсеместно грабятся тыловые учреждения и склады СЗА. Мародеры не брезгают даже личными вещами Белых солдат и офицеров, обирают раненых и беженцев.

То есть еще до прекращения огня начался настоящий массовый антирусский террор, который предприняла эстонская клика Пятса в отношении десятков тысяч русских людей.

Только после этого белые северо-западники получают от эстонского командования разрешение переправиться через реку Нарову. Мелкими партиями Белые части начинают пропускаться на территорию Эстонии. Но на другом берегу, вконец обессиленных русских людей, встречают и тут же полностью обезоруживают эстонцы. Массовый грабеж и мародерство переходят в самую низменную свою фазу – при переходе границы с обессиленных, зачастую обмороженных либо раненых Белых офицеров и солдат стаскивают шинели, сдирают

золотые кресты и обручальные кольца, раздевают и грабят тысячи беженцев.

«Золотые часы отбирали даже у таких лиц как командир корпуса генерал Арсеньев» – вспоминал полковник Климент Дыдоров.

Русских людей, пытающихся возмущаться и сопротивляться, эстонцы немедленно убивают, многих в одном нижнем белье выгоняют на берег реки Наровы и гонят толпами в сторону красных, которые их расстреливают.

Только сейчас белые ясно поняли, что это конец – они преданы; позади красные с пулеметами, а впереди эстонцы-предатели.

Так, по свидетельству чудом спасшегося офицера Кузьмина, погиб весь Талабский полк белых.

Талабский полк – один из лучших полков Северо-Западной армии – ведя бои с наседающими красными, вышел к эстонской границе последним.

Как было оговорено, солдаты и офицеры Талабского полка сдали все свое оружие, но в Эстонию их не пустили, а раздев, загнали по пояс в студеную воду Наровы.

После этого весь Талабский полк был расстрелян шквальным огнем из пулеметов с двух противоположных берегов: в спину стреляли красные, в лицо – «белые» эстонцы-предатели.

Об этом злодеянии впоследствии сообщил чудом спасшийся из этой бойни упомянутый белый офицер Кузьмин.

Нарова долго была на этом месте красна от крови, а по весне, когда вскрылся лед, свинцовые воды много дней несли сотни русских трупов.

Современные власти РФ и Эстонии стараются, чтобы туристы, переезжая сегодня из Иван-города в Нарву, не знали и не думали о том, что находятся на месте чудовищной гибели Русских Белых героев.

По воспоминаниям северо-западников эстонские начальники «издевались бесчеловечным образом над русскими».

Русским беженцам было запрещено свободно перемещаться по стране.

«С беженцами из Петроградской губернии, число коих было более 10 тысяч, обращались хуже, чем со скотом. Их заставляли сутками лежать при трескучем морозе на шпалах железной дороги», – писал очевидец о кошмаре, творившемся в Эстонии.

В записках подпоручика-ливенца Г. Гана описаны характерные случаи отношения эстонцев к русским белогвардейцам:

«Холод все усиливается. О сне и думать нечего. Ежимся у костра и прожигаем по неосторожности то одеяло, то пальто или сапоги. С полверсты от нашего лагеря эстонские солдаты напали на подпоручика Силгайля, побили его и отняли револьвер и кинжал с поясом. Среди эстонских солдат сильно развито хулиганство. Ежедневно нападения с грабежами, особенно воруют лошадей.

Говорят, что в Нарве такие же хулиганы убили русского офицера, князя Вяземского, бросив его со скалы в Нарову.

... Мы во власти эстонцев».

Генерал Родзянко вспоминал как «начальник 1-й Эстонской дивизии Теннисон (Тыннисон – В. А.) позволял себе определенные издевательства: на вопрос, как и где обогреть людей, он ответил: «Стройте землянки», когда не было ни топоров, ни лопат, стоял мороз около 20 градусов...».

2 февраля 1920 года представители Эстонии и Совдепии подписали в Тарту договор, по которому большевики признали независимость и самостоятельность Эстонского государства, прекращали войну с ним и шли на огромные

территориальные уступки, устанавливая новую линию госграницы.

В современной русофобской Эстонии в этот день отмечают подписание Юрьевского мирного договора, потому что на момент подписания договора, такого города, как Тарту не было.

Несмотря на неоднократные попытки получить признание в Лиге Наций, до подписания Юрьевского мирного договора Эстонию не признало НИ ОДНО государство.

Ценою же этого позорного договора стали жизни Белых солдат и офицеров Северо-Западной армии (СЗА), а также беженцев, которые отступали вместе с армией.

Статья 7-я договора предполагала так называемые взаимные военные гарантии.

В частности, то, что территории Эстонии и России не будут использоваться в качестве плацдарма для войск, враждебных другой стороне.

В этой статье также говорилось о необходимости разоружения и нейтрализации таких войск.

По сути, Таллин обязался полностью уничтожить Северо-Западную армию, своего недавнего союзника в борьбе с большевиками.

Бойцов северо-западников и беженцев размещают на станции Нарва-2 в помещениях двух пустующих фабрик.

Вокруг них снова колючая проволока.

Так и должно быть, ведь эти фабрики, по сути, концентрационный лагерь! Условия в эстонском лагере хуже, чем в нацистском: нет кроватей, одеял, теплой одежды. Нет медикаментов, нет вообще ничего!

Рядом на путях стоят десятки вагонов с имуществом гибнущей русской армии.

Там все это есть, но командующий эстонской армией генерал Лайдонер приказал реквизировать составы со всем их содержимым в пользу Эстонии.

Все уцелевшие бойцы белой Северо-западной армии и тысячи беженцев, которых пустили на территорию Эстонии, были интернированы и брошены в концентрационные лагеря смерти, в том числе в концлагерь, устроенный в Пяэскюла на сланцевых коях.

Там военных и гражданских ждали медленная смерть от тифа, голода и истощения, полного отсутствия какой либо медицинской помощи.

В условиях эстонских концлагерей вспыхнула эпидемия тифа. От него умерли тысячи людей.

В полках насчитывалось по 700-900 больных при 100-150 здоровых. Число больных, не помещенных в госпитали, достигало 10 000. Общее число заболевших составляло 14 000.

Части Северо-Западной армии помещались в огромных бараках-«гробах». Вместе с солдатами размещались и беженцы из Псковского, Гдовского и Ямбургского уездов.

Как было сказано выше, при большой скученности людей в бараках с первых же дней начались тифозные заболевания. Смерть вырывала заживо обреченных людей сотнями. Трупы наваливали на повозки в несколько ярусов, вывозили за город и сбрасывали на так называемое «трупное поле». Случалось, что целые грузовики с трупами застревали в снегу и стояли по несколько дней.

Очевидец фон Зауэр писал по этому поводу:

«Ввиду преступного отношения эстонцев, эпидемия приняла грозные размеры, и эти месяцы в Нарве – сплошной кошмар.»

На некоторых дворах и в некоторых помещениях трупы валялись неделями. Мертвых вывозили на санях, сложенных как дрова и бросали часто без всякого погребения за город. Каждый день многочисленные похоронные процессии. Санитарные условия были ужасны. Отсутствие белья. Эстонцы запретили русских пускать в бани. В некоторых лазаретах стояла такая грязь и вонь, что было невозможно дышать. Больные

ходили под себя, и никто этого не убирал. Моча просачивалась из верхних этажей и капала на больных в нижних».

Вот воспоминания очевидца этого кошмара С. В. Рацевич: «Никогда не забуду жуткую картину, открывшуюся мне...

Один за другим на кладбище в Сиверсгаузен мчались грузовики с голыми скелетами, чуть прикрытыми рваными брезентами, парусами поднимавшимися кверху. Тела были кое-как набросаны».

Швейцарец по происхождению, убежденный патриот старой России, один из организаторов «Боевого санитарного отряда», боровшегося в Нарве с тифом, писал: «Измученных, больных и голодных не впускали в жилые помещения, а загнали в лес и болота, где несчастные при морозе в 10 градусов должны были провести несколько ночей под открытым небом. Множество людей замерзло, многие умерли от истощения.

...Русским, сражавшимся бок о бок с эстонцами, был уготовлен нарвский мешок со вшами, куда после нечеловеческих глумлений эстонцы впустили несчастные, измученные боями белые части».

«Наши союзники англичане («Антантины сыны», как их стали называть в армии) молча смотрели на это организованное истребление русских белых полков» – писал фон Гершельман – «и пальцем не пошевелили, чтобы как-нибудь помочь нам».

Эстонское правительство намеревалось как можно быстрее избавиться от русских белогвардейцев.

О путях осуществления этой задачи говорилось в беседе двух эстонских полковников.

Н. Реэк сообщал полковнику Ринку:

«... Если все они придут с фронта, то мы не сможем использовать тиблов как рабочую силу для укрепления позиций...»

Куда девать этих чертовых генералов и прочую дребедень, которая именуется штабами, эту большую банду в 20 тысяч человек...».

Н. Резк сообщил также, что дивизия генерала Ярославцева в Пюхтицах находится до сих пор при оружии, на что Ринк отвечал:

«По моему мнению и мнению командующего все тиблы, находящиеся внутри страны должны быть без оружия.

... Но что могут сделать эти 2000, пошлем на них партизан, и от этих 2000 останется пепел и пыль.

*Главное то, что если первая и вторая дивизия будут убраны с фронта, то мы можем считать Северо-Западную (армию – В. А.) как таковую ликвидированной. Есть большая банда, которая годится здесь и сейчас для работы, но армии нет... той или иной хитростью попытайтесь избавиться от них, при этом не забывайте одну красивую поговорку: *tzel orgaiduuaH sredstva*».*

Уже 5 января Н. Резк предложил Й. Ринку сосредоточить белых в районе Чудского озера, где находятся большие русские деревни:

«Если там распространится тиф, то нам не будет столь болезненно и печально, если число русских на Чудском берегу немного уменьшится».

Те немногие русские люди, которым «посчастливилось» остаться в Эстонии на свободе, не могли устроиться даже на самую тяжелую черную работу и также гибли от голода и холода.

Ибо эстонское правительство запретило гражданам Эстонии давать какую-либо работу русским беженцам в городах и деревнях, накладывая на ослушавшихся огромные штрафы.

Начались многочисленные случаи ухода солдат северо-западников к красным.

Генерал Родзянко вспоминал:

«Уходя к красным, многие солдаты оставляли записки с просьбой не думать, что они сделались большевиками, и с объяснением, что они уходят только для того, чтобы отомстить эстонцам. Вообще против эстонцев солдаты были чрезвычайно озлоблены...».

Горько читать об отчаянных попытках генерала Юденича спасти свою армию – совсем недавно живую и боеспособную, теперь – во всех смыслах умирающую.

Обезумев от голода и издевательств, многие бежали из-за «эстонской проволоки» концлагерей обратно в Совдепию.

Бежали на заведомую смерть в подвалах ЧК, зачастую – лютую, страшную, но лишь бы покончить со всем – разом.

22 января генерал Юденич подписал приказ о роспуске армии.

Надо отдать должное главнокомандующему Николаю Николаевичу Юденичу. Он до последнего оставался с армией, пытаясь её спасти.

Ликвидационной комиссии Юденичем были выданы для обеспечения чинов бывшей армии и их семей 277 000 английских фунтов, полмиллиона финских марок и около 115 миллионов эстонских марок.

Эстонские власти «заинтересованно» требовали передать валюту им, а не Ликвидационной комиссии, на что Николай Николаевич ответил категорическим отказом.

Ревельские газеты назвали такой поступок русского генерала «рыцарским бескорыстием» и соблюдением офицерской чести.

В первой половине января начался повальный грабёж обозов, складов с личным имуществом русских офицеров по всей Эстонии.

Только с 9 по 12 января были зарегистрированы нападения на обозы Талабского, Красногорского, Темницкого и Волынского полков.

В Ивангороде действовали отряды эстонских солдат из Скаутского полка, отнимавшие у русских офицеров обмундирование и вооружение.

12 января пьяные эстонские солдаты вломались в квартиру начальника штабного конвоя северо-западников.

По воспоминаниям генерала М. Ярославцева, командовавшего 3-й стрелковой дивизией, после ее разоружения начался грабеж обозов, складов и военных со стороны эстонских солдат, против чего эстонские офицеры ничего не предпринимали.

Зато 13 января генерал Тыниссон приказал расстреливать на месте русских, обвиненных в воровстве.

Так 24 января был расстрелян доброволец с одного бронепоезда, обвиненный в краже... мешка с мукой.

Адмирал В. К. Пилкин, ближайший друг и помощник Н. Н. Юденича, на случай встречи с эстонскими патрулями в Нарве, не только носил с собой револьвер, но и клал в карман ручную гранату.

За время грабежа Эстония забрала у Северо-Западной армии 52 000 винтовок, 500 пулеметов, 98 артиллерийских орудий, 25 бомбометов, 2 гранатомета, 12 минометов, 12 аэростатов, 30 грузовых и легковых авто, 26 паровозов, 1237 вагонов, 3 броневика.

Во владение Эстонии отошли все корабли северо-западни-ков, исключая тральщик «Китобой» с 37 смельчаками на борту, который 15 февраля бежал из Ревельского порта. Опасаясь захвата «Китобоя» эстонцами, контр-адмирал В. К. Пилкин заранее снабдил командира судна некоторым количеством денег, запасами угля и провизии, достаточными для похода в Копенгаген, и приказал ему, по возможности, пробраться в Крым, к генералу барону П. Н. Врангелю.

Воровство и предательство были основами «эстонской независимости», как и сейчас.

Один за другим принимались предписания, создававшие невыносимые условия для пребывания русских в Эстонии.

Эстонское командование стало практиковать принудительный арест бывших чинов северо-западников и отправку их в тифозную зону в качестве так называемых «санитаров» и на смерть в Советскую Россию.

На протесты русского военного представителя атамана Петра Николаевича Краснова, генерал Лайдонер (Георгиевский кавалер!) ответил, что своего решения не изменит.

Так например доброволец Семеновского полка был выслан за то, что он не смог получить документов на выезд к семье в Латвию а в следствии перенесенного тифа не был в состоянии работать.

3 февраля генерал Тыннисон отдал приказание об аресте и заключении в тюрьму сроком на 1 месяц командира Темницкого полка полковника А. Данилова, командира Волынского полка полковника Сидорович-Рвойко и командира Семеновского полка полковника К. фон Унгерн-Штернберга.

Дошло до ареста самого генерала Юденича.

Вечером 27 января в его квартиру в гостинице «Коммертс» ворвались эстонские полицейские во главе с «атаманом» С. Н. Булак-Булаховичем.

Юденич под угрозой оружия был посажен на товарный поезд, который двинулся в сторону Юрьева.

В это время соратники Юденича обратились за помощью к миссиям союзников с требованием заставить эстонское правительство вмешаться.

Поезд был остановлен только на станции Тапс, когда, видимо, направлялся уже в Россию.

«Так эстонскому правительству и не удалось выполнить один из пунктов мирного договора с большевиками, или что-то выторговать от них ценою выдачи генерала Юденича» – вспоминала супруга генерала А. Юденич.

Тогдашний министр внутренних дел Эстонии Александер Хеллат впоследствии признался в своих

воспоминаниях что Юденич был арестован с его ведома и согласия.

В феврале появились приказы эстонского правительства о запрете ношения русскими военными погон и кокард русской армии, а несколько позже появилось распоряжение о сдаче ими всего оставшегося личного холодного и огнестрельного оружия в течении трех дней.

По республике прокатилась волна избиений и убийств офицеров Северо-западников.

В Ревеле на Петровской площади (ныне площадь Вабадузе) толпой эстонцев под крики «Бей русского офицера!» был убит полковник Конно-Егерского полка О. Баннер-Фогт.

Вскоре эстонским солдатом был застрелен у себя на квартире полковник Новицкий. Убийце эстонский суд назначил... один месяц тюремного заключения.

К концу февраля 1920 года армия Юденича перестала существовать.

В марте 1920 года МВД Эстонии издало приказ о высылке из Ревеля всех безработных чинов Северо-Западной армии.

Вместе с тем, согласно Уставу о гражданской службе было запрещено принимать на государственную службу иностранцев или вообще не эстонских граждан.

Однако издевательства и истребление оставшихся в живых борцов за Россию на этом не закончилось.

В марте 1920 года в Эстонии резко ощущалась нехватка отопительных материалов, стране грозил отопительный кризис.

Были немедленно приняты «соответствующие» меры.

Выжившие после эпидемии тифа русские люди не имели тогда никакой работы, были оборваны, обессилены и истощены.

Поэтому 2 марта 1920 года эстонское Учредительное собрание приняло закон о 2-месячных обязательных

лесных работах для всех мужчин от 18 до 50 лет, не занимающихся никаким постоянным трудом.

Общее число мобилизуемых было определено в 15 000 человек – именно такое количество русских Северо-западников и беженцев оставалось на тот момент в Эстонии. И хотя указывалось, что работы обязательны независимо от подданства, именно под этим предлогом 15 000 русских людей были отправлены на лесоповал.

То есть, новый закон касался только русских белогвардейцев – эстонское правительство фактически отправило их на каторгу!

Это не преувеличение. Ослабленных тифом людей посылают валить лес. Законов, определяющих зарплату и норму выработки, нет, военные рубить и пилить деревья не умеют.

В условиях отсутствия в республике закона об охране труда, это постановление правительства превратило Русских людей, из числа бывших подданных Российской империи, как писали газеты, в положение «белых рабов».

В каторжных бараках была ужасная грязь, масса насекомых-паразитов, холод, сырость. Баня была редкостью, стирка белья и мыло – мечтою.

С мизерной оплатой труда, которой не хватало даже на кружку молока, загнанные в леса и болота Русские мужчины вынуждены были прозябать на каторге в нечеловеческих условиях...

14 марта 1920 года генерал-майор Тыниссон отдал приказ полиции арестовывать всех русских, не пошедших на лесные работы и высылать в Советскую Россию – фактически на расправу и уничтожение большевикам.

11 июня 1920 года эстонская полиция опубликовала сообщение, по которому все Северо-западники должны были в течении 7 дней найти себе работу либо будут высланы за восточную границу, то есть выданы в руки большевиков!

О жизни северо-западников на лесных работах рассказывали их письма направленные в Комитет русских эмигрантов.

Вот что писали Русские с эстонской каторги на станции Эламаа:

«Мы обречены здесь без теплого белья на явную смерть. С утра до вечера работаем... Кредит нам не дают (потому что мы не эстонские граждане), на наше жалованье едва можно прокормиться».

И подписи 53 бывших северо-западников.

А вот строки письма Русских офицеров, брошенных на принудительные каторжные лесные работы:

«Пьем воду из канав, в которых болтаются головастики. Работа тяжелая, оплата плохая. Конечно, так долго не выдержишь».

Вот жалоба Русских северо-западников, находящихся на принудительных каторжных торфоразработках:

«Мы в одежде той, что имели при ликвидации армии – все прогнило и поизносилось. Купить не имеем возможности, все переболели проклятым тифом, к тому же тяжелейший труд».

Работу оставить было нельзя.

Русские рабочие, удалившиеся на две версты от места работы, высылались в Советскую Россию (что означало верную смерть) или отправлялись в специальный эстонский концентрационный лагерь уничтожения в Пяэскюла (позже лагерь был перенес на остров Даго-Хийумаа).

Бывший министр Временного правительства А. И. Гучков в связи с этим направил Черчиллю письмо с протестом:

«...Из Эстонии производятся массовые выселения русских подданных без объяснения причин и даже без предупреждения...»

Русские люди в этих провинциях бесправные, незащищенные и беспомощные. Народы и правительства молодых балтийских государств совершенно опьянены вином национальной независимости и политической свободы».

Черчилль ничего не ответил.

Да и что ему сказать?

Кому есть дело до русских, когда идет бурное строительство национальных государств?

Случись такие зверства по отношению к полякам или к самим эстонцам – был бы повод по-возмущаться.

Геноцид русских, тем более желавших спасти свою страну, внимания и беспокойства не достоин.

Советские газеты той поры ликовали:

«Армия Юденича в Эстонии ликвидирована».

«Независимая и демократическая» Эстония одним росчерком пера отправляла в концентрационные лагеря, тифозные бараки, леса и болота тысячи русских людей.

Еще несколько тысяч солдат, офицеров и просто расстреляли.

Всего в невероятных мучениях погибло более 10 000 русских воинов и беженцев – безвестные могилы их сегодня разбросаны по всей Эстонии.

Герой Белого движения Светлейший князь А. П. Ливен с содроганием сердца вспоминал о тех событиях, положивших начало «эстонской независимости» и апартеиду русского населения в Эстонии:

«Вообще, картина бедствия была такова, что если бы это случилось с армянами, а не с русскими, то вся Европа содрогнулась бы от ужаса».

Свои Иудины сребреники – в количестве 15 миллионов золотых рублей, полученных от большевиков за уничтожение Белой Северо-Западной армии – эстонцы отработали на совесть.

Современные эстонские историки, пытаясь отмыть предательские действия Эстонии, рассматривают трагедию белой Северо-западной армии, как нечто само собой разумеющееся.

По их мнению, Белая Северо-Западная армия якобы никогда не была формальным союзником Эстонии и поэтому утверждения, что эстонцы её предали – несостоятельны.

На самом деле фактически действия эстонской стороны являются сознательным актом геноцида против Русских беженцев и бойцов Северо-Западной армии Юденича.

Своих вчерашних белых союзников в борьбе против Красной армии эстонцы не только обманули и продали за возможность наживы (предоставленной большевиками), но и использовали оставшихся в живых Русских солдат в качестве подневольной рабочей силы.

Кроме того, в современной эстонской исторической науке и политике, эта трагедия Русской Северо-Западной армии целенаправленно замалчивается государственной историографией.

Эстонские политики и историки делают вид, что основную тяжесть борьбы с красными вынесла исключительно одна эстонская армия.

В результате, эстонские государственные деятели фактически совершили двойную подлость: в 1920 году – цинично предав союзную Белую армию, и в настоящее время – делают вид, что ничего об этой трагедии не знают.

Как считают ангажированные русофобствующие историки РФ и Эстонии, разгромленная Северо-Западная армия и шедшие с ней беженцы были всего лишь интернированы, то есть люди были принудительно задержаны, лишены на некоторое время свободы передвижения.

Под словом «интернированы» кроется страшная трагедия многих тысяч Русских людей.

Сначала бойцов Северо-западников и Русских беженцев морили голодом и холодом, не пропуская через границу на территорию Эстонии.

Затем эстонцы разоружили, ограбили Русских людей, отняли у них все ценные вещи, конфисковали всё имущество Северо-Западной армии.

После этого «интернированных» Русских де-факто разместили в эстонских концлагерях (в том числе в помещениях двух пустых фабрик), без медикаментов, продовольствия, тёплых вещей – зимой на 20-градусном морозе.

Арьергардные части Белых, прикрывающие отход Северо-

западной армии и обозов с Русскими беженцами, вообще не пустили на территорию Эстонии.

Эти Русские белогвардейцы были уничтожены ураганным пулеметным огнём с двух сторон – эстонцев и большевиков.

В условиях концлагерей началась эпидемия тифа. От неё умерли тысячи Русских людей.

Выжившие Русские мужчины были практически обращены в рабов и отправлены на принудительные каторжные лесные работы, на которых они содержались в самых ужасных условиях.

Такова была «благодарность» эстонских властей Русским Белым воинам, которые помогли в 1918-19 годах отстоять Эстонию от большевиков.

На добро эстонцы ответили Русским геноцидом.

Поэтому, надо требовать от Правительств РФ и Эстонии официально признать действия Эстонских властей того периода геноцидом Русских и осудить их.

Официальный Таллин должен принести извинения потомкам тех Русских людей, которые погибли в 1919-1920 годах по вине эстонских властей в концлагерях, на каторжных работах, голода, эпидемий и издевательств.

Страна, желающая прочного фундамента для себя, не ведет переговоров с врагами и не сдает своих союзников.

Сдав Русских союзника врагу, эстонцы укрепили большевизм, в качестве ответного исторического возмездия получив через два десятка лет так проклинаемую ими сталинскую оккупацию, массовые депортации и ГУЛАГ – а подсунуть вместо себя кого-нибудь другого им было уже некого.

Поэтому, когда говорят, что лесоповал изобрели сталинские начальники ГУЛАГа, давайте вспомним, куда эстонцы направляли русских солдат и офицеров задолго до репрессий времен культа личности!

Мир праху Русских Белых героев – вечный позор, тем, кто их предал!

Добровольческий Корпус.

Ударный отряд Гитлера

1. Зарождение

«Шуцштаffel» (SchutzStaffel), или «Охранные отряды», Национал-Социалистической Германской Рабочей партии – НСДАП (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei – NSDAP), известные под сокращенным названием СС (SS), отнюдь не вышли из недр гитлеровской партии, после ее реформирования в 1925 году, в «готовом виде», подобно богине мудрости Афине Палладе, вышедшей, если верить древнегреческому мифу, во всеоружии из головы своего божественного отца Зевса Громовержца. Мысль сформировать отборный отряд личных истории нацистских охранных отрядов, предшествовавших возникновению «Шуцштаффеля», наибольшую известность среди которых снискал себе сформированный в 1923 году «Ударный отряд Гитлера» – СТГ (Stosstrupp Hitler – STH).

телохранителей пришла лидеру германских национал-социалистов Адольфу Гитлеру никак не позднее 1921 года. В рамках настоящего краткого очерка мы постараемся дать абрис

Подчеркивая задним числом, что он всегда прекрасно осознавал необходимость иметь под рукой отборные части, фюрер германских нацистов утверждал (если верить «Застольным разговорам Гитлера», записанным по воспоминаниям Генри Пиккером – источнику, во многих отношениях не менее сомнительному, чем «Говорит Гитлер» и «Зверь из бездны» бывшего видного национал-социалиста, данцигского бургомистра Германа Раушнинга), что в 1922-1923 гг. создал «ударные части Адольфа Гитлера», состоявшие из парней, готовых к революции и знавших, что в тот или иной день дело дойдет до необходимости нанесения сильных ударов.

В действительности же первый отборный отряд гитлеровцев был сформирован раньше, скорее всего, в 1921 году. Он получил название «Отряд по поддержанию порядка», или «Орднертруппе» (Ordnertuppe) и представлял собой крайне малочисленную группу «парней с крепкими кулаками, готовых выносить и наносить удары», чья задача заключалась в недопущении применения по отношению к Адольфу Гитлеру его политическими противниками и просто любителями почесать кулаки (часто встречающимися среди завсегдаево пивных, особенно в Баварии) мер физического воздействия во время публичных выступлений фюрера и в постоянной готовности защищать «национального барабанщика» своими кулаками и телами.

В состав «Орднертруппе» входило всего 9 членов гитлеровской партии:

1. Эмиль Морис (командир);
2. Юлиус Шрекк (заместитель командира);
3. Макс Аман (отвечавший в дальнейшем за издательскую деятельность НСДАП);
4. Вильгельм Бриман;

5. Ульрих Граф;
6. Иоганн Гауг;
7. Рудольф Гесс (в будущем – заместитель Гитлера по партии);
8. Людвиг Шмид;
9. Христиан Вебер.

Впоследствии, в 1922 году и в начале 1923 года, в «Орднер-группе» состоял и Ганс-Ульрих Клинич, будущий командир штурмовых отрядов гитлеровской партии – «Штурмабтей-лунген», или «Штурмабтайлунген» (SturmAbteilungen), сокращенно – СА (SA).

Позднее Морис, Шрекк, Бриман, Гауг и Шмид состояли в «Ударном отряде Гитлера».

Свое боевое крещение «орднеры» Гитлера приняли во время выступления фюрера в знаменитой мюнхенской пивной «Гофбройгауз» 4 ноября 1921 года, вылившегося в кровавое побоище между нацистами и их склонными к насилию оппонентами. В ходе этого побоища серьезно пострадали командир «орднеров» личный шофер Гитлера Эмиль Морис и Рудольф Гесс (оба в прошлом – военные летчики).

На протяжении 1922 и 1923 гг. Гитлер редко появлялся на публике в отсутствие чинов своего «Отряда по поддержанию порядка», неусыпно обеспечивавших его личную безопасность. При этом «Орднертруппе» считалась в организационном отношении частью СА, а СА очень скоро разрослись до размеров весьма многочисленной боевой организации, подчинявшейся приказам таких видных нацистских функционеров как Эрнст Рём, Ганс-Ульрих Клинич и Герман Крибель. Вследствие данного обстоятельства, не только сам Адольф Гитлер, но и другие видные национал-социалисты могли контролировать и использовать небольшую группу «орднеров» в своих собственных целях для решения своих собственных задач.

Однако проблема контроля над «Орднертруппе» была успешно решена Гитлером в марте 1923 года, когда общее командование всеми СА перешло в руки Германа Геринга. Одним из первых шагов Геринга на новом посту «Верховного Руководителя СА» (Oberster SA-Fuehrer) стало возвращение к первоначальной концепции «Орднертруппе» как небольшой, но находящейся под строжайшим контролем самого фюрера группы личных телохранителей Гитлера. Новый «отряд по поддержанию порядка» был переименован в «Штабсвах» (Stabswache), т. е. «Штабную охрану» (в русскоязычной литературе об СА и СС она иногда именуется «Штабной стражей») в количестве сначала 12, а впоследствии – 20 бойцов. Командиром «Штабсвах» был назначен бывший «орднер» Юлиус Шрекк. Боевики «Штабной охраны» (имена и фамилии которых нам пока что установить, к сожалению, не удалось, в отличие от имени и фамилии их командира) носили, в отличие от всех прочих гитлеровских штурмовиков, черные кепи с «мертвой головой» (черепом и костями) из белого металла под круглой черно-бело-красной кокардой (аналогичной кокарде военнослужащих бывшей кайзеровской армии), а также двустороннюю черную кайму на красной, с черной «бегущей» свастикой в белом круге, нацистской нарукавной «боевой повязке» – «кампфбинде» (Kampfbinde).

14 мая 1923 года в составе 9-й сотни Мюнхенского полка СА (9. Hundertschaft des SA Regiments Muenchen) был сформирован «Ударный отряд», или «Штосструпп» (Stosstrupp). Это малочисленное подразделение находилось под командованием Людвиг Фукса и состояло из всего лишь 10 штурмовиков. «Ударный отряд» был сформирован для того, чтобы иметь, в его лице, в составе НСДАП подразделение, соответствующее формальным критериям воинской части (на случай, если партия сможет обзавестись собственными вооруженными силами). 16 июня 1923 года численность этого крохотного подразделения была увеличена, и его командиром был назначен Йозеф Берхтольд, сменивший на этом посту Юлиуса Шрекка. К описываемому времени Шрекк уже входил в постоянное окружение Гитлера и больше не мог

уделять надлежащее время находящейся под его командованием части (кроме того, недоброжелатели обвиняли его в небрежении своими обязанностями командира). Йозеф Берхтольд был также одним из «альткемпферов» – «старых бойцов», состоявших еще в предшественнице НСДАП – основанной в 1919 году Германской Рабочей партии – ДАП (Deutsche Arbeiterpartei – DAP). Не менее (если не еще более) важным обстоятельством была принадлежность Берхтольда к числу состоявших в НСДАП и СА офицеров-фронтовиков, имевших за плечами опыт Великой (Мировой) войны.

Кроме Берхтольда, в состав «Ударного отряда» входили адъютант (согласно ряду источников – бывший командир «Орднертруппе» Эмиль Морис), вице-фельдфебель (Эргард Гейден), 3 группенфюрера (командира отделений) и 27 штурмовиков – «СА-маннов (рядовых).

Летом того же 1923 года «Штабная охрана» и «Ударный отряд» были объединены под командованием Берхтольда. Новая часть первоначально получила название «Караульной Команды», или «Вахкоммандо» (Wachkommando). Она состояла из примерно 60 человек, включая офицера-ординарца (Ordonnanz-Offizier) Вальтера Бальдениуса и адъютанта (которым был первоначально

Эргард Гейден, а затем Эмиль Морис). Заместителем Берхтольда, в должности командира «Караульной команды», стал Юлиус Шрекк.

В конце октября 1923 года «Караульная команда» получила новое название – «Ударный отряд Гитлера», по-немецки: «Штосструпп Гитлер» (Stosstrupp Hitler) -, под которым и вошла в историю.

Следует особо подчеркнуть, что лейб-гвардия Гитлера официально называлась именно так, а не «Ударный отряд Адольфа Гитлера», как часто приходится читать в литературе, посвященной Третьему рейху, гитлеровской партии вообще, СА и СС – в частности. Сам автор этих строк, грешным делом, также повторял в своих предыдущих книгах и статьях эту неточность. Многих (в том числе и Вашего покорного слугу) сбил с толку факт учреждения в 1936 году, уже после прихода нацистов к власти в Германии, почетной манжетной ленты для награждения ветеранов «Ударного отряда Гитлера», украшенной двойной черной каймой и черной надписью готическими литерами «УДАРНЫЙ ОТРЯД АДОЛЬФА ГИТЛЕРА 1923» (STOSSTRUPP ADOLF HITLER 1923) на белом фоне (из алюминиевой нити). В действительности же использование имени фюрера НСДАП «Адольф» в названии «Ударного отряда» в пору его существования не засвидетельствовано ни разу.

Название «Ударный отряд» (как, кстати, и название «штурмовые отряды») должно было напоминать об ударных и штурмовых отрядах времен недавно отгремевшей мировой войны, входивших, наряду с небольшими, но отлично зарекомендовавшими себя на полях сражений, танковыми войсками – «Панцерваффе» (Panzerwaffe), в состав «штурмовых частей», или «штурмтрuppen» (Sturmtruppen), являвшихся элитой кайзеровской армии, и о многочисленных, отличившихся в боях с красными и поляками, добровольческих корпусах времен Ноябрьской революции и последовавших за ней событий, также нередко содержавших в своих названиях определения «ударный» («штосс»-) или «штурмовой» («штурм-»). Свой Ударный отряд – «Штосструппе» –

имелся, например, у Балтийского ландесвера, да и некоторых других белых добровольческих частей.

Далеко не случайным представляется, в свете вышеизложенного, то обстоятельство, что охотно использовавшаяся «штурмовиками» и «ударниками» (в особенности же – огне-метчиками и танкистами) кайзеровской армии в годы Великой войны эмблема «мертвой (Адамовой) головы» столь органично и гармонично вошла в символику белых добровольческих корпусов-фрайкоров, а впоследствии – и в символику СС, практически вышедших из «фрайкоровской шинели» (телохранители Адольфа Гитлера из состава его «Штабной охраны», как известно, были выходцами из белой фрайкоровской военно-морской бригады Эргардта).

Предполагалось, что численность «Ударного отряда» будет соответствовать численности роты тогдашней германской армии – рейхсвера (от 80 до 100 человек). Ветеран «Штосструппа» Ганс Калленбах, участник мюнхенского «пивного путча» 1923 года, приговоренный после его провала к тюремному заключению, отбывший свой срок вместе с Адольфом Гитлером в крепости Ландсбергам-Лех и издавший в 1939 году книгу воспоминаний под названием «С Адольфом Гитлером в крепости Ландсберг» (Kallenbach, Hans. Mit Adolf Hitler auf Festung Landsberg, 1933), пишет в ней на стр. 9 немецкого издания, что «Ударный отряд» состоял из 120 человек. Эта же численность указана в списках личного состава части, датируемых 1924 годом. Тем не менее, нам удалось найти имена и фамилии всего лишь около 60 чинов «Ударного отряда Гитлера».

Гитлер рассматривал «Штосструпп» прежде всего как добровольческую воинскую часть, вследствие чего чины «Ударного отряда» под командованием Берхтольда проходили стандартную военную подготовку, как любое армейское подразделение. В октябре 1923 года «Штосструпп» был разделен на 3 секции (отделения):

1-е отделение: пехотинцы (вооруженные винтовками – В. А.), командир – Генрих фон Кноблох;

2-е отделение: автоматчики, минометчики и «артиллеристы», командир – Йоганн Шён;

3-е отделение: пулеметчики, сигнальщики и самокатчики (велосипедисты), командир: Ганс Калленбах.

Если верить Калленбаху, на вооружении «Ударного отряда» реально состояли винтовки, пулеметы и автоматы (пистолеты-пулеметы), как он утверждает на стр. 16 немецкого издания своих мемуаров. Что же касается минометов и артиллерии, то этими видами тяжелого оружия планировалось обзавестись впоследствии.

В период с мая по ноябрь 1923 года «Ударный отряд Гитлера» участвовал во всех мероприятиях, организуемых на территории Баварии не только НСДАП, но и другими «народническими», или, по-немецки, «фёлькише» (voelkische), т. е. националистическими, военизированными организациями. При обучении добровольцев своего «Ударного отряда» Йозеф Берхтольд уделял немалое внимание не только огневой, но и строевой подготовке, чтобы вид марширующих стройными рядами гитлеровских «ударников» придавал партийным мероприятиям необходимую зрелищность (с учетом традиционной для всех тогдашних немцев любви к военным парадом и торжественным шествиям). Первым публичным мероприятием с участием «Штосструппа» до мюнхенского «пивного» путча Гитлера-Людендорфа (8-9 ноября 1923 года) стал парад, проведенный в Мюнхене 4 ноября в честь кронпринца Рупрехта (наследника баварского королевского престола). Примечательно, что, судя по сохранившимся фотографиям, большинство чинов «Ударного отряда» дефилировало на параде не в полагавшихся им черных, а в серо-зеленых полевых кепи (цвета «фельдграу»), какие в ту пору носили все чины СА.

2. «Пивной путч»

Мюнхенский путч Гитлера-Людедорфа 8-9 ноября 1923 года ознаменовал собой пик популярности «Ударного отряда», но в то же время положил конец его существованию.

Премьер-министр Баварии Густав Риттер фон Кар («Риттер» – не имя и не фамилия, а баварский дворянский титул, означающий в переводе «рыцарь»), лидер баварских «белосиних» («бело-голубых») сепаратистов (прозванных так по цветам флага Баварии, сочетавшего в себе два цвета – белый и светло-синий, или голубой) заранее объявил о своем намерении выступить с речью об актуальной политике, проводимой его правительством, в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер» (Buergerbraeukeller) 8 ноября 1923 года. Гитлер воспользовался этим обстоятельством как поводом для организации вооруженного путча с целью свержения баварского правительства (проводившего откровенно сепаратистский курс на отделение Баварии от остальной Германии, «безнадежно пораженной», по мнению Кара и его окружения, «бациллами марксизма»). История «пивного путча» 1923 года (названного так, поскольку о его начале было объявлено в вышеупомянутой пивной) достаточно хорошо известна, чтобы мы подробно касались ее в настоящей миниатюре. Поэтому ограничимся лишь его кратким описанием.

Намереваясь взять фон Кара и других членов правительства баварских сепаратистов в заложники и подать тем самым знак к началу всегерманской «национальной революции», Гитлер со своим окружением явился в «Бюргербройкеллер» к 8 часам вечера 8 ноября. Примерно полчаса спустя чины «Ударного отряда» окружили здание, перекрыли все входы и выходы, никого не впуская и не выпуская из пивной. Находившийся уже внутри Адольф Гитлер выстрелил в воздух из пистолета, согнал с трибуны витийствовавшего на ней «бело-голубого» оратора – баварского сепаратиста, объявил о «начале национальной революции», о том, что его

поддерживают герой Великой войны, бывший генерал-квартирмейстер кайзеровской армии Эрих Людендорф (часто неправильно именуемый в русскоязычной, хотя и не только русскоязычной, литературе «Эрихом фон Людендорфом»), хотя хорошо известно об отказе генерала от предложенного ему императором Вильгельмом II дворянства и сопряженной с дворянским званием частички «фон», так называемого «адельспредиката») и баварский рейхсвер (райхсвер), а также о взятии всех присутствующих в заложники. В аресте членов баварского правительства принял участие боец «Ударного отряда» Йозеф Герум. В операции участвовали также Рудольф Гесс, Макс Аман, Ульрих Граф и Эрнст («Путци») Ганфштенгль. Для верности заложники были взяты под прицел установленных боевиками Гитлера в зале пулеметов.

Так начался мюнхенский путч Гитлера-Людендорфа.

Первая фаза разразившейся столь внезапно «национальной революции» завершилась довольно скоро, после того, как генерал Эрих Людендорф под честное офицерское слово освободил из-под стражи захваченных гитлеровцами членов баварского правительства, поклявшихся в верности делу путчистов (что не помешало освобожденным забыть о своем клятвенном обещании сразу после выхода на свободу). Входы и выходы из здания были открыты и для всех остальных.

Вслед за тем Верховный руководитель СА Герман Геринг приказал чинам «Ударного отряда» захватить редакцию местной газеты Социал-Демократической партии Германии – СДПГ (Sozialdemokratische Partei Deutschlands – SPD) «Мюнхенер Пост». Задание было выполнено, однако «ударникам» почему-то вздумалось привести в негодность все печатные станки, к немалой досаде Гитлера, рассчитывавшего использовать полиграфические мощности своих политических противников в собственных целях, на пользу дела «национальной революции». Чины «Ударного отряда» оставались в разгромленной редакции до появления отряда баварской земской полиции (Landespolizei),

вытеснившей их из здания без боя. Задержанные путчистами сотрудники газеты были найдены освобожденными их полицейскими целыми и невредимыми, ни один волос не упал с их головы.

Утром 9 ноября «ударники» Гитлера (включая Юлиуса Шауба) под командованием цугфюрера (командира взвода) Генриха фон Кноблоха получили от Германа Геринга приказ арестовать марксистов из числа членов Мюнхенского городского Совета. Предполагалось включить арестованных членов горсовета в головную часть колонны путчистов (намеревавшихся вечером того же дня пройти маршем по городу) в качестве заслоняющих гитлеровцев своими телами заложников, по которым, как надеялись руководители НСДАП, баварские войска и полиция, вздумай они оказать сопротивление путчистам, стрелять не решатся. Однако Гитлер отверг эту идею, не желая превращать своих политических противников в мучеников, что неминуемо случилось бы, если бы кто-нибудь из взятых заложниками марксистов был ранен или убит в случае перестрелки. В результате члены городского совета, посидев некоторое время под арестом, вышли, после провала «пивного путча», на свободу целыми и невредимыми. Судя по сохранившейся фотографии «ударников» Гитлера в компании арестованных ими членов Мюнхенского горсовета, руководивший арестом последних Генрих фон Кноблах был в тот день одет в серую полевую шинель с погонами, но без петлиц, с ленточкой Железного Креста II класса (степени), перепоясанную офицерским ремнем с пистолетом в черной кобуре и офицерским кортиком с темляком, и в серо-полевое кепи штурмовика с «мертвой головой» под круглой «имперской» кокардой. На его нарукавной «боевой повязке» с черной свастикой в белом круге ясно различимы 2 белые горизонтальные полосы, которыми в описываемое время обозначался ранг цугфюрера, но отсутствует предписанная для повязок чинов «Ударного отряда» (как и позднейших чинов СС) двусторонняя черная кайма.

Так или иначе, но чины «Штосstrupпа», передав арестованных ими городских советников-марксистов «с рук на руки», присоединились к прочим путчистам, собравшимся в «Бюргербройкеллере» в ожидании начала марша по Мюнхену (которому надлежало, по замыслу его организаторов, перерасти в «марш на Берлин», наподобие увенчавшегося успехом незадолго перед тем «марша на Рим» вождя итальянских фашистов-чернорубашечников Бенито Муссолини).

Путчисты, выступившие 9 ноября 1923 года из пивной «Бюргербройкеллер» в направлении площади Одеонсплац и Фельдгеррнгалле (Галереи полководцев), маршировали тремя колоннами. Первую колонну возглавляли бойцы мюнхенского полка СА (SA-Regiment Muenchen) Вильгельма Брюкнера. Вторую колонну – боевики Союза «Оберланд» (Bund Oberland) под командованием Фридриха Вебера. Третью колонну возглавлял «Ударный отряд Гитлера» во главе с молодым студентом Вальтером Гевелем, который нес знамя части, представлявшее собой красное полотнище с черной «бегущей» свастикой в белом круге. Хотя первоначально «Ударный отряд Гитлера», судя по сохранившимся фотографиям, использовал, подобно многим белым фрайкорам – в частности, военно-морским бригадам фон Лёвенфельда и Эргардта и Железной Ватаге Бертольда – «старорежимный» кайзеровский военный флаг. Именно с этим кайзеровским военным (и одновременно – военно-морским флагом) запечатлен на фото в день мюнхенского путча 1923 года будущий рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, состоявший на момент вооруженного выступления сторонников Гитлера и Людендорфа еще не в НСДАП, а в поддержавшем путчистов добровольческом корпусе «Имперсий военный флаг» («Рейхскригсфлагге»), именуемом в некоторых источниках несколько иначе – «Имперский флаг» («Рейхсфлагге»). Достигнув моста Людвигсбрюкке через реку Изар, путчисты наткнулись на пикеты баварской земской полиции. Чинам «Ударного отряда» было поручено разоружить полицейских. «Ударники» справились с заданием без потерь как с той, так и с другой стороны.

При подходе колонн путчистов к Фельдгеррнгалле они попали под обстрел баварских рейхсвера и полиции. В ходе разгоревшейся вслед за тем между путчистами, рейхсвером и полицией перестрелки на площади Одеонсплац, был убит один из чинов «Ударного отряда» – Карл Лафорс. Судя по дошедшей до нас фотографии, в день «пивного путча» он был одет в полевую солдатскую шинель серо-зеленого цвета «фельдграу» с 1 рядом пуговиц, без погон и петлиц, перепоясанную ремнем с 1-шпильковой пряжкой, с солдатским «окопным» кинжалом-«грабендольхом» в ножнах на ремне, и с нарукавной «боевой повязкой» 13-й роты мюнхенского полка СА (без предписанной для повязок чинов «Штосгруппа» 2-сторонней черной каймы). За поясной ремень запечатленного на последней в своей жизни фотографии Лафорса заткнуто его полевое серо-зеленое кепи штурмовика, которое он, в преддверии боевых действий, сменил на солдатский стальной шлемштальгельм (армейскую каску). В тот день перестрелка у Фельдгеррнгалле унесла жизни 14 национал-социалистов и четырех чинов баварской полиции.

Толпы мюнхенцев, заполнивших улицы столицы Баварии, чтобы выразить свою поддержку путчистам, были рассеяны кавалерией Густава Риттера фон Кара, вооруженной пиками. Факт больших симпатий населения Мюнхена к путчистам был отражен даже в советской газете «Бурят-монгольская правда» от 15 ноября 1923 года, внимательно, как и вся большевицкая пресса, следившей за событиями в Германии (вдруг наконец удастся реализовать заветный замысел Коминтерна «соединить российский серп с германским молотом?»), описывавшей в рубрике «За красным рубежом» столкновения «каровцев с гитлеровцами» и особо подчеркивавшей слова Кара, что он осознает опасность потери его правительством поддержки общественности, но не может поступить иначе, чем поступил.

Сохранилось немало фотографий, запечатлевших чинов «Ударного отряда» утром 9 ноября 1923 года. На

большинстве этих фотографий «ударники» Гитлера залезают в грузовики, вылезают из них или стоят перед ними. Почти все «ударники» – в стальных шлемах (армейских касках) без изображений свастики-гакенкрейца или «мертвой головы» (в отличие, к примеру, от белых добровольцев-фрайкоровцев 2-й Вильгельмсгафенской военно-морской бригады Эргардта и других участников антиреспубликанского «Капповского путча» 1920 года в Берлине). На фото трудно различить более мелкие детали их полевого обмундирования, но существуют обоснованные сомнения в том, что все «ударники» Гитлера действительно носили всю ту атрибутику и все те знаки различия, о которых писал в своих мемуарах Ганс Калленбах (и которых мы коснемся далее).

Единственным бросающимся в глаза атрибутом чинов «Ударного отряда» является стандартная (без двусторонней черной каймы, предписанной для повязок чинов «Штосstrupпа», если верить мемуарам Ганса Калленбаха) нацистская нарукавная «боевая повязка» со свастикой (которую, однако, в описываемое время носили не только «ударники Гитлера», но и все прочие штурмовики, а в ходе мюнхенского путча – и другие его участники).

После провала путча Гитлера-Людендорфа как НСДАП, так и «Ударный отряд Гитлера», были немедленно запрещены. С тех пор «Штосstrupп» так и не возродился, хотя лежавшая в основе его создания концепция необходимости отборного охранного отряда, исполняющего исключительно приказы фюрера, была возрождена весной 1925 года, когда Юлиус Шрекк сформировал в Мюнхене первый «Охранный отряд» (Schutzstaffel). Из этой немногочисленной части со временем выросла громадная империя СС, хорошо известная ныне всем и каждому.

3. После путча

По окончании привлечшего внимание не только германской, но и мировой общественности процесса по делу Адольфа Гитлера, Эриха Людендорфа и других главных организаторов «Пивного путча», баварские власти 29 апреля 1924 года начали новое судебное разбирательство, так называемый «Малый процесс по делу Гитлера», направленный, главным образом, против чинов «Ударного отряда». Обвинение было выдвинуто против 40 «ударников», из числа которых предстали перед судом 38 (Йозеф Берхтольд и Вернер Филер предпочли искать спасения в бегстве). Чинов «Штосstrupпа» судили за роль, сыгранную ими в пивной «Бюргербройкеллер» вечером 8 ноября 1923 года, за материальный ущерб, причиненный ими редакции газеты «Мюнхенер Пост» и за преступные действия, совершенные ими 9 ноября – арест членов Мюнхенского городского совета и разоружение баварских полицейских.

Рассмотрев выдвинутые против подсудимых обвинения, судьи освободили осужденных под залог. Столь мягкий приговор вызвал недоумение не только у стороны обвинения и у политических противников нацистов, но и в широких общественных кругах. Это заставило судебные власти пересмотреть свое решение и приговорить значительное число подсудимых (хотя и не всех) к тюремному заключению в крепости Ландсбергна-Лехе.

Со своей стороны, редакция газеты «Мюнхенер Пост» возбудила против нацистов гражданское дело, вчинив им иск за нанесенный редакции материальный ущерб, однако нацистам удалось, путем различных уловок, затягивать процесс до бесконечности, пока он не завершился оправданием национал-социалистов.

Чины «Ударного отряда», отбывавшие тюремное заключение в крепости Ландсберг, не могли пожаловаться на дурное отношение со стороны тюремщиков, многие из которых симпатизировали заключенным. Они отбывали

срок в отдельном крыле тюремного здания, а Эмиль Морис был даже размещен вместе с самыми высокопоставленными осужденными, которым оказывал услуги в качестве доверенного лица. В каждой камере размещалось от трех до четырех заключенных. Так, например в камере №11 отбывали срок Ганс Калленбах, Йозеф Герум, Герман Фобке и Пауль Гиршберг. Заключенным было разрешено организовать собственный тюремный оркестр и даже издавать свою собственную газету под названием «Почетные граждане Ландсберга – Официальный бюллетень национал-соц(иалистической – В. А.) группы в крепости Ландсбергна-Лехе» (Landsberger Ehrenbuerger – Amtsblatt der nationalsoz. Festungsgruppe Landsberg am Lech). Большинство статей, публиковавшихся в этой тюремной газете, были посвящены национал-патриотической тематике, значительную часть их составляли воспоминания заключенных о пережитом на фронтах Великой войны. В одном из номеров газеты была опубликована поэма Рудольфа Гесса «Под Верденом» (Vor Verdun).

В годы существования гитлеровского Третьего рейха большинство ветеранов «Ударного отряда» получило от властей предрезающих высокие и хорошо оплачиваемые должности в партийном и государственном аппарате. Особенно любопытной представляется, однако, судьба некоторых из них.

Йозеф Берхтольд в 1926 году сменил Юлиуса Шрека в должности командира СС. Именно Берхтольд изобрел для этой должности чин «рейхсфюрера (имперского вождя, или имперского руководителя) СС». Берхтольд оставался рейхсфюрером СС до 1927 года, после чего сложил с себя обязанности командира «Шуцштаффеля», недальновидно полагая, что ни командование СА, ни руководство НСДАП как таковой не принимают СС всерьез и не уделяют им должного внимания. Мало того! Берхтольд вышел из рядов СС (считавшихся формально частью СА) и стал делать карьеру в СА. Эта карьера оказалась достаточно успешной – Берхтольд дослужился до чина обергруппенфюрера СА. Кроме того, Берхтольд учредил

первое периодическое издание СА – газету «Дер СА-Манн» (Der SA-Mann), т. е. «Штурмовик», став ее издателем и главным редактором. Одновременно он с 1933 по 1940 год был заместителем главного редактора издававшегося в Мюнхене официального печатного органа НСДАП – газеты «Фёлькишер Беобахтер» (Voelkischer Beobachter, т. е. «Народный обозреватель»), пока не ушел с этого поста на военную службу.

Карл Филер стал Верховным бургомистром города Мюнхена, одним из рейхслейтеров (имперских руководителей) НСДАП и обергруппенфюрером СС.

Эрхард Гейден стал рейхсфюрером СС (РФСС), сменив в 1929 году в этой должности Йозефа Берхтольда. Однако его карьера на посту РФСС резко оборвалась в начале 1929 года, когда стало известно о передаче им заказов на пошив эсэсовской формы портному-иудею. Гейден не только был исключен из СС (и, соответственно, из СА), но и вышел из НСДАП (не дожидаясь исключения из партии). В должности РФСС Гейдена сменил его бывший заместитель Генрих Гиммлер. В 1932 году Гейден повторно вступил в ряды НСДАП, однако в апреле 1933 года был исключен из гитлеровской партии, арестован по приказу своего прежнего заместителя Гиммлера и погиб при невыясненных до конца обстоятельствах. Вероятнее всего, он был убит. Но, несмотря на исключение Гейдена из НСДАП, его последующие арест и гибель, Гитлер, судя по всему, продолжал придерживаться о нем положительного мнения. По крайней мере, в 1942 году фюрер НСДАП в одном из своих вечерних монологов воздал должное Морису, Шрекку и Гейдену, сформировавшим в Мюнхене первую группу «дюжих парней с крепкими кулаками».

Вальтер Гевель, который 9 ноября 1923 года нес знамя «Ударного отряда» в третьей колонне путчистов, перешел на дипломатическую службу, стал послом и постоянным представителем имперского министра иностранных дел Йоахима фон Риббентропа в штаб-квартире (ставке) Гитлера. 2 мая 1945 года Гевель покончил с собой в пылающем Берлине.

Эмиль Морис продолжал входить в ближайшее окружение Адольфа Гитлера, пока не вступил в нем в спор по поводу экстравагантного поведения племянницы (и, возможно, возлюбленной) вождя НСДАП Ангелой (Гели) Раубаль. Хотя существует и версия, согласно которой сам Морис был заподозрен в любовной связи с племянницей фюрера. Как бы то ни было, он бы изгнан из окружения Гитлера, но продолжал служить в рядах «Шуцштаффеля». Когда же Морис в 1935 году собрался вступить в законный брак, выяснилось, что он – наполовину иудей (еврей). Хотя такое означало бы для всякого другого эсэсовца полное крушение всех жизненных планов, на Морисе это, похоже, никак не отразилось. РФСС Генрих Гиммлер был крайне возмущен таким вопиющим нарушением устава СС и Нюрнбергских расовых законов, но ничего не мог поделать, ибо приказ не делать в отношении Мориса никаких «оргвыводов» был отдан лично Адольфом Гитлером. Эмилю Морису (как, впрочем, и его братьям-эсэсовцам, расследование в отношении которых также прекратили) даже было дозволено продолжать службу в рядах СС. В 1939 году бывший командир гитлеровского «Отряда по поддержанию порядка» дослужился до чина оберфюрера СС (на фотографии тех времен Морис запечатлен в эсэсовской форме со знаками различия оберфюрера и с памятной манжетной лентой «Ударный отряд Адольфа Гитлера 1923» на правом рукаве), а в годы Второй мировой войны был офицером гитлеровских военно-воздушных сил «Люфтваффе» (Luftwaffe).

Юлиус Шауб дослужился до обергруппенфюрера СС и в 1940-1945 гг. был личным адъютантом Гитлера.

Юлиус Шрекк прилагал большие усилия по сохранению кадра официально запрещенного «Ударного отряда», пока ему не было в 1925 году поручено формирование СС. Став первым командиром СС, он оставался на этом посту в 1925-1926 гг., после чего был смещен в этой должности Йозефом Берхтольдом. Интересно, что сам Шрекк никогда, ни письменно, ни устно, не именовал себя «рейхсфюрером СС». Чин рейхсфюрера был введен Йозефом Берхтольдом после назначения последнего на

пост командира СС в 1926 году. Тем не менее, Шрекка стали, задним числом, также именовать «рейхсфюрером СС». Он был по-прежнему вхож в ближайшее окружение Гитлера, став личным водителем фюрера (как когда-то – Эмиль Морис). Юлиус Шрекк скончался в мае 1936 года от цереброспинального менингита. В честь него 1-му штандарту СС (1. SS-Standarte) было присвоено почетное название «Юлиус Шрекк».

Бывшие чины «Ударного отряда Гитлера» всегда пребывали в центре внимания немецкой общественности и прессы в дни юбилейных торжеств и церемоний 9 ноября – в память «пивного путча» (или «начала национальной революции» – как кому больше нравится). Сами они воспринимали себя в качестве узкого, избранного круга «лучших из лучших», «вернейших из верных», отмечавших свои собственные торжества в этом узком кругу. Они учредили Объединение ветеранов «Ударного отряда», секретарем которого стал Фридрих Гейссельбрехт. До самого начала Второй мировой войны ветераны «Ударного отряда», чествуемые на все лады в ходе ежегодных торжеств 9 ноября, купались в лучах славы. В 1940 году Фридрих Гейссельбрехт известил своих товарищей о том, что их традиционная ежегодная встреча переносится из мюнхенского дворца Прайзинг в дом Карла Филера и что все члены их ветеранской организации должны принести с собой холодные закуски (о пиве и прочей выпивке, вероятно, позаботился хозяин).

В 30-х гг. ветераны «Ударного отряда», не бывшие под судом и не отбывавшие тюремного заключения в крепости Ландсбергам-Лех за участие в «пивном путче», создали собственное неформальное объединение во главе с Гансом Бунге. Поскольку они обычно собирались в мюнхенской пивной «Кегельбан», то и назвали свою ассоциацию «Гильдией игроков в кегли» – «Кеглергильде» (Keglergilde). Никакой политической деятельностью они, судя по всему, не занимались, посвящая свои встречи исключительно распитию пива и игре в кегли.

Список чинов «Ударного отряда Гитлера» (имена которых нам удалось установить)

Вальтер Бальдениус;

Вильгельм Бриман мл.;

Ганс Бунге;

Йоганн Вегелин;

Фридрих Гейссельбрехт;

Йозеф Герум;

Эмиль Гамм;

Ганс Гаггенмюллер;

Карл Гауэнштейн;

Йоганн Гауг;

Эргард Гейден;

Вальтер Гевель;

Пауль Гиршберг;

Гергард Гофф;

Карл Гуттер;

Эмиль Даннеберг;

Эмиль Дитль;

Вильгельм Дирр;

Михаэль Вильгельм Кайзер (убит 8 ноября 1939 года во время покушения на Адольфа Гитлера взрывом бомбы, заложенной, согласно официальной версии, террористом-одиночкой в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер», на торжественном собрании, посвященном 16-летию «пивного путча» 1923 года);

Ганс Калленбах, цугфюрер (командир взвода) «Ударного отряда Гитлера»;

Флориан Кастнер;

Филипп Китцингер;

Генрих фон Кноблах, цугфюрер «Ударного отряда Гитлера»;

Вильгельм Кнёрлейн;

Ганс Эдуард Крюгер;

Вернер Круг;

Карл Лафорс (убит в ходе «пивного путча» 9 ноября 1923 года);

Вильгельм Лафорс;

Альберт Линднер;

Франц Лутц (убит 8 ноября 1939 года взрывом бомбы во время покушения на Гитлера);

Йоганн Мар;

Гансйорг Маурер;

Эмиль Морис, адъютант Берхтольда;

Отто Рейхарт;

Алоиз Розенвинк;

Йозеф Фейхтмайр;

Карл Филер;

Вернер Филер;

Бертольд Фишер;

Йозеф Флейшман;

Герман Фобке;

Франц Фрешль;

Иоганн Фрош;

Людвиг Фукс;

Вильгельм Фукс;

Юлиус Шауб;

Фриц Швердтель;

Иоганн Шён, цугфюрер «Ударного отряда Гитлера»;

Людвиг Шмид;
Эдмунд Шнейдер;
Ганс Шультеc;
Михаэль Штейнбиндер;
Адальберт Штольверк;
Генрих Штраус Юлиус
Карл фон Энгельбрехтен;

На стр. 50 своих мемуаров «Гитлер за стенами крепости» Отто Луркер упоминает некоего лейтенанта Р. Гагера (Leutnant R. Hager), сидевшего в одной камере в Карлом Филером и Фридрихом Гейссельбрехтом. Об этом лейтенанте больше ничего не известно. В списках личного состава «Ударного отряда Гитлера» он не значится. Возможно, Р. Гагер не состоял в «Штосструппе», или же Луркер неправильно написал его фамилию.

На фотографии, опубликованной 9 ноября 1933 года в газете «Альтмеркер Анцайгер» (Altmaerker Anzeiger), запечатлена встреча ветераном «Ударного отряда Гитлера», названных в подписи к фото лишь по фамилиям. Среди этих фамилий бывших «ударников» значатся 3 фамилии, не упоминаемые ни в одном другом документе или материале, связанном с «Штосструппом»: Генг, Рейнде и Рейзер. Какая бы то ни было иная информация об этих ветеранах «Ударного отряда Гитлера» на сегодняшний день отсутствует.

4. Обмундирование чинов «Штосструнна»

В мемуарах Ганса Калленбаха содержится подробное описание обмундирования чинов «Ударного отряда Гитлера». Они носили гимнастерки (или френчи) и брюки полевых серого цвета «фельдграу», а также высокие черные кожаные сапоги. Головные уборы, идентичные по форме кепи чинов СА, первоначально черного цвета, были впоследствии заменены на кепи цвета «фельдграу», как у всех штурмовиков, отличаясь от кепи простых чинов СА только наличием «мертвой головы» из серебристого металла, крепившейся не непосредственно к кепи, а к круглой матерчатой нашивке красного цвета. До наших дней сохранились круглые значки из серебристого металла, напоминающие по форме пуговицы, с выгравированным на них изображением «мертвой головы», предназначенные для ношения на груди и крепившиеся к форменным рубашкам или гимнастеркам – «полевым блузам» (Feldblusen) при помощи булавки. По некоторым данным, эти нагрудные значки с «мертвой головой» носили члены «Ударного отряда Гитлера» (хотя Калленбах ничего о них не пишет). Гимнастерки, или «полевые блузы», гитлеровских «ударников», согласно мемуарам Калленбаха, имели по петлице с зеленой лычкой на каждой стороне воротника. Погоны, украшенные шифром «St(oss – В. А.) Tr(upp – В. А.) H(itler – В. А.)», т. е. «Уд(арный – В. А.) Отр(яд— В. А.) Г(итлера – В. А.)», вышитым желтой шелковой нитью, имели черно-бело-красные выпушки (цветов государственного флага кайзеровской Германии). С этой формой «ударники» Гитлера носили черный кожаный поясной ремень (хотя, судя по сохранившимся фотографиям, во многих случаях ремень, как, впрочем, и сапоги, были не черного, а более светлого – вероятно, коричневого, цвета; в некоторых случаях вместо сапог на фото явно различимы ботинки с обмотками или кожаными крагами). Обмундирование дополнялось партийной свастичной

«боевой повязкой» с двусторонней черной каймой (как в будущем – у чинов СС) на левом рукаве выше локтевого сгиба. В боевой (или приближенной к боевой) обстановке кепи заменялось солдатской каской (стальным шлемом – штальгельмом), на которой позволялось (хотя и не предписывалось в обязательном порядке) изображать масляной краской свастику-гакенкрейц или «мертвую голову» (по примеру добровольцев многих белых фрайкоров 1918-1921 гг.).

Так Ганс Калленбах описывал форму чинов «Ударного отряда Гитлера» на с. 9-10 второго издания своих воспоминаний. Тем не менее, не существует однозначного документального подтверждения того, что все чины «Штосструппа» действительно были обмундированы именно так. На фотографиях, сделанных в дни мюнхенского «пивного путча», запечатлены чины «Ударного отряда» без каких бы то ни было изображений на своих стальных шлемах. Не сохранилось ни погон «ударников» Гитлера с черно-бело-красными выпушками, ни фотографий чинов «Штосструппа» в таких погонах. Возможно, на их изготовление у командования «Штосструппа» просто не хватило времени, с учетом эфемерности существования этого подразделения.

Как уже упоминалось выше, 25 мая 1936 года для бывших чинов «Штосструппа» была введена почетная манжетная лента. В «Организационной книге НСДАН» (Organisationsbuch der NSDAP), изданной в 1937 году, приведено следующее описание этой ленты:

«Манжетную ленту: Ударный отряд Адольфа Гитлера 1923 по распоряжению Вождя бывшие чины Ударного отряда Адольфа Гитлера 1923 года носят на служебном кителе и форменной шинели на верхнем крае обшлага правого рукава, а на служебной блузе («динстблузе», т. е. партийной форменной коричневой рубашке – В. А.) на правом рукаве, на расстоянии примерно в 1,5 ладони от нижнего края рукава.

Внешний вид: ширина 25 мм, лента из алюминиевой нити, надпись черного цвета.»

Выше помещено изображение данной памятной манжетной ленты.

Броневик зубоскалится черепом.

Рядом – завтрашний «старый боец» Бьет винтовкой наотмашь, уверенно, Отгоняя от Мюнхена смерть.

Поседевший в атаках фрайкоровец В шлеме, смятом лобзанием пуль,

Завтра прессой совдеповской вспомнится, Как «реакции черной разгул».

И ему невдомек в этом зареве, В ураганном, свинцовом дожде,

Как судьбы переменятся в завтрашней Воле Норны, явленной в Вожде.

И спешит переулками старыми В перерез, в боковую, в заслон Комплектованный только гусарами Добровольческий «Черный швадрон». Разрядившись над красною ротою, Отличился сегодня в бою

Вездеход неуклюжий, заклепанный,
Как в железную схиму, в броню. Только так с большевицкою сворою!
Норна в сито брала урожай.

И со славой входили фрайкоровцы
Кто в земной, кто в заоблачный Райх.

Николай Носов

Список белых немецких, балтийских и русских добровольческих корпусов 1918- 1923 гг.

1. Добровольческий корпус (фрайкор, фрейкор, Freikorps) «Амберг», командир – лейтенант Видермут.

Эмблема: петличный знак в форме германской армейской каски (стального шлема), увенчанной дубовым венком.

2. Добровольческий корпус «Ангальт».

Эмблема: петличный знак в форме стоящего на всех 4-х лапах медведя.

3. Добровольческий корпус фон Аулока, командир – майор фон Аулок (в будущем – один из руководителей НСКК – моторизованного Корпуса НСДАП).

Эмблема: череп «оленья Святого Губерта» с крестом между рогами, наложенный на черно-бело-красный шеврон углом вниз, окаймленный дубовым венком, с датой основания фрайкора (10.12.1918) вверху и названием добровольческого корпуса внизу венка.

4. Баденский штурмовой батальон («Курляндия»), командир – майор Боккельман (впоследствии – генерал-майор германского вермахта).

Эмблема: петличный знак в форме гербового щита Бадена, наложенного на дубовую ветвь с 2 желудями.

5. Баденский полк, командир – ротмистр Крауссе д'Авис.

Эмблема: та же, что и № 4.

6. Добровольческий охранный отряд «Баренфельд», командир – полковник Фромм (будущий генерал

германского вермахта и участник заговора против Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года).

Эмблема: черная манжетная лента с надписью белыми литерами «Добровольческий корпус Баренфельд 1919».

7. Временный добровольческий корпус «Баренфельд», командир – майор Зивекинг.

Эмблема: та же, что и № 7.

8. Добровольческий батальон Баллы, командир – капитан Балла.

Эмблема: белая нашивка в форме расположенного по горизонтали прямоугольника на левом рукаве ниже локтя; знамя – черное квадратное полотнище с изображением прусского Железного креста, обрамленного сверху дугообразной надписью белыми готическими буквами «Лучше мертвый, чем раб!» (Lieber tot als Sklav!).

9. Балтийский ландесвер, командиры – генерал русской службы барон фон Фрейтаг-Лорингофен, после него поочередно – германские подполковник фон дер Гаген и майор Флетхер (иногда встречается написание Флетчер), капитан 1-го ранга русской службы барон Таубе, подполковник британской службы Александер (будущий фельдмаршал и герой Второй мировой войны).

Эмблемы: бело-голубые выпушки на погонах и серебряные галунные полосы на воротниках (у нижних чинов); узкие плетеные серебряные погоны с вплетенной голубой нитью и серебряные четырехугольные звездочки на воротниках (у офицеров); бело-голубые флюгера на пиках у кавалеристов; круглая голубая кокарда с белым ободком, окруженная серебряным «сиянием»; четырехчастное бело-голубое знамя цветов флага г. Риги; у входившего в состав ландесвера русского добровольческого отряда Светлейшего князя Ливена – русские погоны, бело-сине-красный нарукавный шеврон углом вверх, с прямым белым крестом в основании шеврона, русская кокарда, русские двуглавые орлы на касках; бело-сине-красный флаг с равносторонним прямым белым крестом с русской литерой «Л» (Ливен)

под княжеской короной в перекрестье. У также входившего в ландесвер русского отряда Дыдорова – такой же трехцветный шеврон, как в отряде Ливена, но не с белым, а с бело-сине-красным крестом в основании шеврона.

10. Добровольческий корпус «Бамберг».

Эмблема: круглая нарукавная нашивка с гербом г. Бамберга – рыцарем в оперенном шлеме и доспехах, с мальтийским крестом на груди, держащим в правой руке знамя города и опирающимся левой рукой на «варяжский» щит с имперским орлом, на щите, увенчанном городской короной с 5 зубцами и окаймленным дубовыми ветвями; все это обрамлено по кругу надписью «Мобильный добровольческий корпус» сверху и «Бамберг 1919» снизу.

11. Баншц (Железнодорожная охрана), командир – директор Имперских железных дорог (!) Гейгес.

Эмблема: белая нарукавная повязка с железнодорожным символом (колесо с крыльями, катящееся по рельсам).

12. Добровольческий корпус «Байрейт».

Эмблема: бело-голубой (белая полоска снизу) нарукавный шеврон (цветов баварского флага) с круглой печатью фрайкора.

13. Батальон самообороны «Бергергоф», он же – «Черная ватага» (Шварце Шар).

Эмблема: бело-желтая нарукавная повязка с 2 черными шестиконечными звездами (элементы геральдики Силезии) на желтой верхней полосе, между звездами – черный короткий меч (кинжал) рукоятью вниз, на нижней (белой) полосе, справа от кинжала – аббревиатура черными латинскими буквами S.S., слева – O.S., то есть «Самооборона Верхней Силезии».

14. Добровольческий корпус «Бергман».

Эмблема: петличный знак в форме цветка эдельвейса белого металла на стебле с листьями (середина цветка – желтая).

15. Вольнострелковый полк «Берлин».

Эмблема: овалный нарукавный знак с гербом г. Берлина – встающий на задние лапы медведь под пятибашенной городской короной, окаймленный дубовым венком, перевязанным внизу крест-накрест 2 лентами.

16. Берлинская самооборона (Берлинер Зельбштшц).

Эмблема: герб г. Берлина – встающий на задние лапы медведь под стеной короной с 3 зубцами, обрамленный по кругу надписью с названием формирования, в петлицах.

17. Железный отряд («Франконский отдельный крестьянский отряд особого назначения») Бертольда (командир – капитан Бертольд).

Эмблема: нарукавный знак в форме латинской буквы «В», обрамленной 2 дубовыми ветвями с желудями; знаменем части служил военный (военно-морской) флаг кайзеровской Германии.

18. Рота безопасности «Беш» (добровольческий корпус «Ингольштадт»). *Эмблема:* нарукавная нашивка в форме горизонтальной полосы с аббревиатурой названия подразделения в круге, обрамленном дубовыми ветвями с желудями.

19. 5-я германская рота самообороны «Бейтен».

Эмблема: желтая нарукавная повязка с узкой черной горизонтальной полосой посередине (геральдических цветов Силезии) с металлической «мертвой (адамовой) головой» так называемого «прусского» типа (череп «в три четверти оборота», наложенный на скрещенные кости) на центральной черной полосе.

20. Самооборона «Бейтен-Норд».

Эмблема: та же, что и под № 19.

21. Восточная пограничная охрана («Гренцшц Ост»)/№ армейский корпус.

Эмблема: круглый нагрудный знак в форме римской цифры V, окаймленной лавровыми (справа) и дубовыми

(слева) ветвями, переплетенными лентами с надписями «Пограничная» справа, «Охрана» вверху, «Восток» слева и «1919» внизу.

22. Добровольческая батарея фон Бока унд Поллаха, командир – майор фон Бок унд Поллах.

Эмблема: петличные знаки в форме пылающей гранаты в обрамлении дубовых ветвей.

23. Добровольческий отряд особого назначения Богендерфера, командир – капитан Богендерфер.

Эмблема: петличные знаки в форме дубовой ветви с 1 желудем.

24. Добровольческий корпус фон Брандиса, командир – капитан Кордт фон Брандис.

Эмблема: петличные знаки в форме лосиных рогов (по 1 лосиному рогу в каждой петлице).

Эмблема на головных уборах: ганноверский герб – скачущий конь – обрамленный дубовым венком. Петличный знак: «мертвая голова» (череп с костями) «брауншвейгского типа» (анфас).

26. Брауншвейгская самооборона («Зельбштшуц Брауншвейг»).

Эмблема: нагрудный знак в форме горизонтального овала с изображением сокола в профиль и надписью «Зельбштшуц» над и «Брауншвейг» под соколом.

27. Добровольческий корпус «Бремен».

Эмблема: так называемый «Бременский Роланд» («Железный Роланд») – овальный нагрудный знак с изображением статуи рыцаря Роланда – средневекового символа правосудия, с мечом и гербовым щитом г. Бремена (с изображением ключа) в руках, над башенной короной, обрамленного надписью с названием подразделения и датой «1919».

28. Бременское гражданское ополчение (Эйнвонервер Бремен).

Эмблема: та же, что и № 27.

29. Правительственное охранное подразделение «Бремен».

Эмблема: та же, что и №№ 27-28.

30. Добровольческий железнодорожный батальон «Бромберг», командир – капитан Юст.

Эмблема: желтая нарукавная повязка с круглой печатью подразделения – перекрещенные винтовка и сабля над железнодорожной эмблемой – колесом с крыльями – обрамленные надписью «Железнодорожная служба безопасности» над и «Бромберг» под эмблемой, с 2 черными шестиконечными звездами (элементы верхне-силезской геральдической символики).

31. 3-й Бромбергский батальон пограничной охраны.

Эмблема: овальный нагрудный знак в форме дубового венка, с бантом из лент в основании венка, перекрещенного 2 винтовками и увенчанного одноглавым германским орлом, с надписью «Гренцшутц Бромберг» (Бромбергская пограничная охрана) над и датой «1919» под скрещенными винтовками.

32. Добровольческий корпус Брюссова, командир – майор фон Брюссов.

Эмблемы: черные петлицы с серебряной «мертвой головой» («прусского» типа, то есть череп «в три четверти оборота»); овальный нарукавный знак в виде серебряной «мертвой головы» (черепа с костями) «прусского типа» (в 3/4 оборота), на серо-зеленом поле (цвета «фельдграу» германской армейской полевой формы) с двойной бело-красной каймой;; квадратное черное знамя с белой «мертвой головой» (черепом без костей), окаймленной по кругу белой надписью готическими буквами: «ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ КОРПУС БРЮССОВА» (FREIKORPS BRUESSOW) над и «ЗА НЕМЕЦКУЮ ЗЕМЛЮ» (FUER DEUTSCHES LAND) под «мертвой головой».

33. Добровольческий батальон Бюлова, командир – майор фон Бюлов.

Эмблема: круглый нарукавный знак в форме латинской буквы «В», окаймленный дубовым венком, пересеченным по вертикали обнаженным мечом рукоятью вниз.

34. Добровольческий корпус «Бугский охранный отряд особого назначения» (Бригада «Олита»), командир – майор Корбе фон Коппенфельз.

Эмблема: нагрудная 8-лучевая звезда со «штралами», типа орденской звезды к прусскому королевскому ордену Красного орла, с окаймленным наполовину лавровым, наполовину дубовым венком центральным круглым медальоном; в медальоне два скрещенных меча рукоятями вниз, обрамленные по кругу надписью с названием подразделения.

35. Батальон самообороны «Побережье» («Вассерканте»), командир – майор Петтер.

Эмблема: бежевая манжетная лента с названием батальона черными латинскими буквами (в кавычках).

36. Добровольческий отряд особого назначения «Векбекер».

Эмблема: овальный нарукавный знак в виде «мертвой (адамовой) головы» (череп с костями) «прусского типа» на черном фоне.

37. Батальон самообороны Вацдорфа, командир – ротмистр фон Вацдорф.

Эмблема: петличный знак в форме латинской буквы «W» в развилке угла, образованного дубовым листом и пальмовой ветвью.

38. Добровольческий корпус Вейкмана, командир – майор фон Вейкман.

Эмблема: нагрудный «варяжский» («норманнский») щит белого металла с наложенным на него изображением лапчатого черного, с серебряной каймой, нагрудного кавалерского креста Тевтонского рыцарского Ордена.

39. Добровольческий корпус «Верденфельз».

Эмблема: бело-голубая (цветов баварского флага) нарукавная повязка с эмблемой Баварского стрелкового корпуса – львиная голова в профиль в круглом медном медальоне на черном ромбе (иногда – без львиной головы) и названием фрайкора черными буквами на верхней (белой) полосе повязки.

40. Отряд самообороны Вернер-Эренфейхта, командир – капитан Вернер-Эренфейхт.

Эмблема: желто-бело-желтая (с полосами по горизонтали) нарукавная повязка с черным прусским Железным крестом (геральдических цветов Верхней Силезии); нарукавная нашивка в форме желтого знамени с белой каймой, усеянного черными звездочками, с черным прусским Железным крестом в белом круге посредине полотнища знамени, на черном древке с черными же кистями.

41. Добровольческий корпус «Везель».

Эмблема: овальный металлический нарукавный знак в форме гербового щита г. Везеля, увенчанного башенной короной с 5 зубцами, над 2 скрещенными винтовками и пылающей гранатой, обрамленный дубовым венком с 2 желудями вверху венка.

42. Добровольческий корпус фон Видемана (вошел в Германский, или Немецкий, легион, оперировавший в 1919 г. в Прибалтике).

Эмблема: петличные знаки в форме 2-х оперенных стрел остриями вниз, перекрещенных наподобие древней германской руны «Одал (Оттиля)».

43. Западная Добровольческая Армия, главнокомандующий – полковник (в дальнейшем – генерал-майор) русской службы князь П. М. Авалов (Бермондт).

Эмблемы: носившийся на левом рукаве выше локтя восьмиконечный белый православный крест (у нижних чинов – из белой матерчатой ленты, у офицеров – из

серебряного галуна); белый нагрудный мальтийский «крест Келлера»; черный мальтийский «крест Авалова»; трехцветное русское национальное бело-сине-красное знамя с белым восьмиконечным православным крестом; сине-бело=красное знамя со вписанным в белый круг черным аваловским крестом с «ласточкиными хвостами» на концах, пересеченным двумя мечами остриями вверх; черно-злато— (желто-)белое знамя со вписанным в белый круг черным аваловским крестом с «ласточкиными хвостами» на концах, пересеченным двумя мечами остриями вверх; сине-бело-синее знамя с бело-синекрасным российским «трицветом» в крыже и черным двуглавым орлом Российской империи в центре (на груди орла были расположены гербовые щитки трех прибалтийских провинций – Эстляндии, Курляндии и Лифляндии); синее знамя с изображенным в середине красным восьмиконечным православным крестом в белом круге и красными литерами «З» и «А» по бокам верхней части креста; красно-сине-белый стяг с черным двуглавым орлом Российской империи в белом круге и синими славянскими литерами «С» и «З» по бокам орла (данное знамя использовалось еще до разрыва князя Авалова с генералом Н. Н. Юденичем, пока аваловские войска считались – по крайней мере, формально! – частью белой СевероЗападной Армии Юденича, Родзянко и Дзерожинского); белые флаги и значки с черным мальтийским крестом; русская овальная кокарда (нередко носившаяся состоявшими в армии германскими добровольцами в сочетании с черно-бело-красной кокардой старой кайзеровской армии). Некоторые немецкие добровольцы Западной Армии, недостаточно хорошо знавшие русскую православную символику, носили на рукаве, вместо восьмиконечного православного креста, белый «патриарший» («лотарингский») крест с 2 поперечными перекладинами (иногда в синем круге с красной каймой – опять-таки, цветов русского национального флага).

44. Добровольческая солдатская охрана г. Вильгельмсгафена.

Эмблемы: металлический дубовый венок, внутри венка – прямоугольная пластинка с латинскими буквами F.S.W.; аналогичная эмблема меньшего размера носилась и в петлицах.

45. Добровольческий корпус Вольфа, командир – старший лейтенант Вольф.

Эмблема: петличные знаки в форме горизонтально расположенного овального медальона с выгравированной волчьей головой в профиль.

46. Гессенский батальон самообороны Вольфа.

Эмблема: общая для всего батальона черная манжетная лента с белой надписью прописными латинскими буквами «Вольф» («Волк»).

Эмблема 1-й роты батальона: черная манжетная лента с надписью белыми латинскими печатными буквами «Вервольф» («Вурдалак», или «Оборотень»).

Эмблема 2-й роты батальона: бежевая манжетная лента с черной надписью готическими буквами «Штурмфогель» («Буревестник»).

Эмблема 3-й роты батальона: черная манжетная лента с белой надписью латинскими печатными буквами «Лютцов» (в честь прусского офицера – майора Адольфа барона фон Лютцова, организатора одноименного добровольческого корпуса «черных егерей» – в освободительной войне против Наполеона в 1813 году).

47- Гражданское ополчение «Вюрмгау».

Эмблема: нарукавная повязка голубого цвета с 2 узкими белыми горизонтальными полосками по краям, перекрещенная посередине поперечной лентой той же расцветки, с нашитым на нее овальным медальоном с изображением готовящегося взлететь сокола, окаймленного надписью латинскими буквами «Гражданское» (справа) «Ополчение» (слева) «Вюрмгау» (внизу).

48. Добровольческий корпус «Вюрцбург».

Эмблема: петличные знаки в форме щитка-тарча (с вырезом для копья на правой стороне щита) с изображением знамени (элементы герба г. Вюрцбурга), наложенного на лавровую ветвь.

49. Добровольческий корпус Каспари, командир – майор Каспари.

Эмблема: узкая белая горизонтальная нарукавная лента.

50. Кассельская офицерская рота, командир – капитан Мараун (будущий Великий Магистр «Младотевтонского Ордена»).

Эмблема: белый «варяжский» щиток с черным мальтийским крестом; прямоугольное белое знамя с черным мальтийским крестом.

51. Временный добровольческий полк «Хемниц».

Эмблема: петличные знаки в форме зубчатого колеса (шестеренки) с гербом г. Хемница – черный встающий на задние лапы лев и 2 черных столба в золотом поле внутри колеса.

52. Добровольческий корпус «Химгау».

Эмблема: пришиваемый к рукаву круглый бронзовый (или посеребренный) медальон с головой орла над пальмовой ветвью (или без ветви) и надписью «Химгау» (впоследствии для ветеранов корпуса был выпущен аналогичный памятный знак для ношения на булавке). Бляха для поясного ремня с аналогичной головой орла в круглом центральном медальоне, обрамленной сверху надписью латинскими литерами «ТВЕРДЫ В ВЕРНОСТИ», а снизу – двумя скрещенными дубовыми ветвями (все вписано в круг).

53. Добровольческий штурмовой отряд «Курбьер».

Эмблема: черная манжетная лента с названием подразделения белыми прописными буквами.

54. Данцигская гражданская самооборона («Эйнвонервер Данциг»).

Эмблема: щиток «варяжской» формы с гербом г. Данцига (золотой трехзубчатой короной над двумя помещенными один над другим серебряными лапчатыми крестами) на красном поле, с серебряной кромкой; по кромке надпись латинскими буквами: «DANZIGER» (справа) «EINWOHNERWEHR» (слева) и латинский девиз NEC TEMERE NEC TIMIDE (сверху).

55. Германский (Немецкий) легион, командир – капитан 1-го ранга Зиверт, впоследствии – майор Вагенер.

Эмблема: квадрат со стилизованной лосиной головой (заимствованной с герба столицы Курляндии г. Митавы, места формирования легиона), обрамленный надписью латинскими буквами «Немецкий» (слева) «Легион» (вверху) «Курляндия» (справа) «1919» (внизу), наложенный на овальный дубовый венок; черный шелковый значок с вышитым серебром с обеих сторон лосиными рогами.

56. Восточная пограничная стража («Гренцшутц Ост»).

Эмблема: щиток «варяжской формы» с черным «латинским» крестом на серебряном поле (герб Тевтонского Ордена).

57. Германская охранная дивизия.

Эмблема: петличные знаки в форме дубового венка, пересеченного наискось слева направо обнаженным мечом острием вверх; начиная с 1920 года – петличные знаки в форме дубовой ветви с 1 желудем (серебристого металла у нижних чинов, позолоченные у офицеров).

58. Добровольческий корпус фон Дибича, командир – подполковник фон Дибич.

Эмблема: нарукавный знак в форме уменьшенной корпусной награды – восьмилучевой «звезды Дибича» с окаймленным лавровым венком и надписью «SUUM CUIQUE» (КАЖДОМУ СВОЕ) германским одноглавым орлом в центральном круглом медальоне; под звездой – металлическая лента с названием подразделения латинскими буквами.

59- Партизанский отряд «Демнинг», командир – капитан-лейтенант Фельз.

Эмблема: белый нарукавный шеврон углом вниз.

60. Добровольческий корпус «Дюссельдорф», командир – капитан Бентивеньи.

Эмблема: белый нарукавный шеврон углом вверх.

61. Военно-морская бригада фон Родена (1-я военноморская бригада, первоначально – Кильская бригада, Железная бригада, Кильская Железная бригада – первый, хотя и неофициальный – в отличие от первого официального фрайкора – добровольческого корпуса земских егерей, или ландъегерского корпуса, Меркера – белый добровольческий корпус послевоенной Германии), командир – полковник фон Роден.

Эмблем этого старейшего белого фрайкора нам пока найти не удалось. Известно, что, подобно, многим германским белым добровольцам «первого призыва» (а ветеранам бригады фон Родена довелось принимать участие еще в подавлении Кильского вооруженного восстания распропагандированных большевиками матросов кайзеровского военно-морского флота, вызвавшего в итоге Ноябрьскую революцию 1918 г.), волонтеры бригады фон Родена носили в качестве опознавательного знака белую повязку на правом или левом рукаве (в противовес красным нарукавным повязкам немецких большевиков-спартаковцев). Знаменем бригады фон Родена был военный (военно-морской) флаг кайзеровской Германии.

62. Военно-морская бригада Эргардта (2-я Вильгельмсгафенская военно-морская бригада), командир – капитан 3-го ранга Эргардт (будущий руководитель секретной террористической организации «Консул», под псевдонимом «консул Эйхман»).

Эмблема: овальный нарукавный знак в форме плывущей по морю на всех парусах ладьи викингов с вымпелом на мачте; под ладьей – лента с надписью «Вильгельмсгафен» (позднее – надпись «Эргардт»); под лентой с надписью –

пучок дубовых листьев; по краю знака – кайма в форме корабельного каната; в период борьбы с Рурской Красной Армией в 1920 г. – прямостоящий крюковидный (гамматический) крест («гакенкрейц»), нанесенный белой масляной краской, на касках; знамя – военно-морской флаг кайзеровской Германии.

Упомянутое современным российским сочинителем из Нижнего Новгорода А. Ю. Москвиным, специалистом по кельтским древностям, переводчиком с английского языка на русский фундаментального труда Томаса Уилсона «Свастика. Древнейший известный символ, его перемещение из страны в страну, с наблюдениями о перемещениях некоторых ремесел в доисторические времена» в сборнике «История свастики с древнейших времен до наших дней» и автором послесловия к нему (которому Москвин дал эпатирующее всякого христианина название «Крест без Распятого»), знамя «бригады Эрхардт» в виде «национального триколора», на котором помещалась «свастика, увенчанная стальным шлемом» (при описании данного фантастического знамени г-н Москвин ссылается на некоего Шойерманна – судя по фамилии, немца, о котором, однако, не сообщает никаких данных) является плодом вымысла то ли самого г-на Москвина, то ли цитируемого им герра Шойерманна, но скорее всего – все-таки самого Ю. А. Москвина, который, вероятно, по незнанию, утверждает, что бригада Эргардта якобы «участвовала во время Первой мировой войны(!) в боях с русскими (!) в Прибалтике(!)». Как говорится, «слышал звон, да не знает, где он». Но такое бывает...

63. Военно-морская бригада фон Левенфельда (3-я военно-морская бригада), командир – капитан 3-го (с марта 1920 г. – 2-го) ранга фон Левенфельд.

Эмблема: металлические петличные знаки в виде венка из лавровой (справа) и дубовой (слева) ветвей, перевитого лентой со свисающими вниз двумя концами, с наложенным на венок морским корабельным якорем, обвитым канатом; в период борьбы с Рурской Красной Армией в 1920 г. – прямостоящий крюковидный (головчатый, гамматический) крест («гакенкрейц»),

нанесенный белой масляной краской, на касках; знамя – военно-морской флаг кайзеровской Германии. Согласно некоторым источникам, чины отдельных частей, входивших в бригаду фон Лёвенфельда, носили на рукавах мундиров над обшлагом манжетную ленту черного цвета с вышитой (или вытканной) желтыми (золотыми) заглавными латинскими литерами надпись «3. ВОЕННО-МОРСКАЯ БРИГАДА» (3. MARINE BRIGADE). Иногда надпись (якобы) наносилась краской при помощи трафарета (способ, заметим, не способный обеспечить сохранность надписи в условиях боев и походов на мало-мальски долгий срок). Однако, насколько известно автору данной исторической миниатюры, фотографий, изображающих чинов бригады с такими манжетными лентами, не сохранилось, а подлинность дошедших до нас манжетных лент вызывает сомнения у специалистов (хотя некоторые из них включены даже в специальные каталоги).

64. Германская гражданская самооборона.

Эмблема: восьмиугольный медальон с изображением взлетающего сокола на фоне городских стен, окаймленного по кругу названием подразделения.

65. Железнодорожный ударный отряд «Рур», командир – директор Имперских железных дорог Гейгес.

Эмблема: крылатое колесо, катящееся по рельсам.

66. Железная дивизия, командир – майор Бишоф.

Эмблема: металлическая «мертвая (адамова) голова» (череп с костями) «прусского типа» (череп в ? оборота), носившаяся на головных уборах ниже «земельной» и выше «имперской» кокарды; черное с белой каймой знамя с изображением такой же «мертвой (адамовой) головы» белого цвета, с надписью белыми буквами: «И ВСЕ ЖЕ» (UND DOCH); значок комдива: черное квадратное полотнище с вышитым серебром «варяжским» щитом с обозначенным черным контуром «латинским» крестом, окаймленным серебряным лаврово-дубовым венком под 2 серебряными скрещенными мечами

остриями вверх, увенчанными короной Германской Империи.

67. Железный эскадрон.

Эмблема: петличные знаки в форме орденской звезды, перекрещенной 2 кавалерийскими пиками с флюгерами, подложенной 2 скрещенными дубовыми листьями.

68. Балтийский кавалерийский отряд («вольный эскадрон») Энгельгардта, командир – ротмистр барон Энгельгардт.

Эмблемы: как у всех кавалеристов Балтийского ландесвера.

68-а. Балтийский стрелковый полк (Балтенрегиент), сформированный в 1918 г. офицером Русской Императорской армии, Георгиевским кавалером Константином фон Вейсом из числа прибалтийских немцев – российских подданных, проживавших на территории Эстляндской губернии, сражавшийся в составе «белой» эстонской армии против большевиков. Фон Вейс учредил для ветеранов своего Балтийского стрелкового полка особый Почетный крест.

69. Добровольческий корпус фон Эппа (Баварский стрелковый корпус), командир – генерал от инфантерии Риттер фон Эпп (будущий рейхслейтер НСДАП).

Эмблемы: круглый медный медальон с львиной головой (в профиль) на черном ромбе, носившийся на левом рукаве; петличные знаки в форме таких же круглых медальонов с львиной головой на петлицах голубого цвета.

70. Добровольческий корпус «Эрланген», командир – генерал-майор Энгельгардт.

Эмблема: петличные знаки в форме металлической «мертвой (адамовой) головы», но не «пруссского», а «брауншвейгского типа» (череп анфас над скрещенными костями, перевязанными лентой).

71. Гражданская самооборона Эссена.

Эмблема: восьмиугольный медальон с изображением сокола (аналогичный № 61).

72. Добровольческий батальон «Граф цу Эйленбург», командир – майор Бото граф цу Эйленбург.

Эмблема: металлические петличные знаки в форме коронованных прусских королевских орлов с обнаженным мечом и державой в лапах.

73. Добровольческий корпус «Герлиц», или добровольческий корпус Фаупеля, командир – генерал Фаунель.

Эмблема: нарукавный металлический трехцветный черно-бело-красный шеврон углом вниз, окаймленный дубовым венком с названием подразделения в нижней части венка.

74. Добровольческий авиационный отряд № 424, командир – старший лейтенант Мартин.

Эмблема: овальный нарукавный знак с изображением расправившего крылья сокола, держащего в когтях щиток «испанской» формы с № части «424», на фоне дубового венка.

75. Добровольческий батальон № 52, командир – капитан Визе.

Эмблема: нарукавная «звезда Дибича» без скрещенных пик.

76. Добровольческий корпус Габке, командир – генерал-майор Габке.

Эмблема: петличные знаки в форме дубовой веточки с 2 листьями и 1 желудем.

77. Гвардейский кавалерийский стрелковый корпус, командиры – генерал фон Гофман.

Эмблема: белый нарукавный шеврон углом вниз.

78. Гвардейская кавалерийская стрелковая дивизия, командир – полковник граф Магнис, затем (и.о.) капитан фон Пабст (чьи добровольцы ликвидировали в ходе

январских боев 1919 г. в Берлине вождей вооруженного антиправительственного мятежа спартаковцев Карла Либкнехта и Розу Люксембург).

Эмблема: петличные знаки в форме восьмилучевой орденской звезды со «штралами», с боковым изображением стальной солдатской каски в центральном круглом медальоне, обрамленном лавровым венком; под звездой – 2 перекрещенные дубовые ветви.

79. 1-я гвардейская резервная дивизия, командир – генерал-майор Тиде.

Эмблема: металлический нарукавный знак в форме лосиного черепа анфас.

80. 2-й гвардейский резервный полк, командир – подполковник фон Плеве.

Эмблема: черная нарукавная лента с белой каймой и белой надписью латинскими буквами «FREIW.2 G.R.D.» (сокращенным названием части).

81. Отряд пограничной охраны «Германия» (Шлезвиг-Гольштейн), командир – старший лейтенант Леннекер.

Эмблемы: нарукавный «варяжский» щиток с 3 заострениями вверху, белой каймой и символическим изображением «Германии» в виде женщины в чешуйчатом панцире и в остроконечном шлеме, на черно-бело-красном фоне (полосы наискось); петличные знаки в форме дубовых веточек с 2 листьями и 1 желудем.

82. Добровольческая дивизия Герстенберга, командир – полковник Герстенберг.

Эмблема: нарукавная нашивка в форме уменьшенного дивизионного знамени, черно-желтого (по горизонтали), с черным прусским Железным крестом с латинской буквой «G», окаймленной дубовым венком, в перекрестье.

83. Восточно-пруссский егерский корпус «Герт», командир – генерал фон Эсторф.

Эмблема: белый череп с костями «прусского типа» (череп в пол-оборота) в центре черной овальной нашивки

с красной каймой.

84. Добровольческий отряд особого назначения графа Йорка фон Вартенбурга.

Эмблема: металлическая нарукавная бляха с головой «олена Святого Губерта» на поле цвета «фельдграу».

85. Восточно-пруссский егерский корпус Гизелера.

Эмблема: петличные знаки в форме головы самца козули с рогами анфас над двумя скрещенными дубовыми ветвями.

86. Батальон самообороны «Глейвиц», командир – капитан Бут.

Эмблема: желто-белая нарукавная повязка (геральдических цветов Силезии).

87. Временный добровольческий батальон «Годин».

Эмблема: кокарда в форме 2 перекрещенных горняцких молоточков под прусской королевской короной

88. Геттингенский временный добровольческий отряд особого назначения.

Эмблема: белая манжетная повязка с названием подразделения черными готическими буквами.

89. Гоголинский батальон самообороны.

Эмблема: нарукавный «варяжский» щиток, разделенный по вертикали, с черным лапчатым крестом на желто-черном поле (верхнесилезских геральдических цветов).

90. Гольдингенский добровольческий егерский корпус, командир – майор Бердинг.

Эмблема: петличные знаки в форме дубовой ветви с 4 листьями и 2 желудями.

81. Добровольческий (вюртембергский) отряд особого назначения Гретера, командир – подполковник Гретер.

Эмблема: нарукавный знак в форме горизонтального рунического знака «волчий крюк» («вольфсангель»).

92. Грейфсвальдские временные добровольцы, командир – капитан Генэ.

Эмблема: белый прямоугольник на рукаве выше локтя.

93. Добровольческая бригада Грондера, командир – майор Грондер.

Эмблема: белый варяжский щиток с черным крестом, наложенный на меч рукоятью вверх, обрамленный овальным дубовым венком.

94. Охранный полк Большого Берлина.

Эмблема: овальный нарукавный знак с рукой, поднимающей меч, обрамленной лентой с названием подразделения и дубовыми ветвями справа и слева.

95. Добровольческий корпус фон Ваттера (VII армейский корпус), командир – генерал фон Ваттер.

Эмблемы: зеленый плечевой шнур (аксельбант) с белым изображением скачущего коня (взятого с герба Вестфалии).

96. Батальон самообороны «Гуттентаг», командир – обер-лейтенант Шнеппер.

Эмблема: нарукавный знак в форме вертикального «волчьего крюка».

97. Вюртембергский добровольческий отряд особого назначения Гааза, командир – генерал-лейтенант Гааз.

Эмблема: металлические петличные знаки в виде дубовой ветви с 7 листьями и 2 желудями.

98. Добровольческий корпус «Гаккетау», командир – подполковник Ленц.

Эмблемы: металлические петличные знаки в виде заглавной готической буквы «Н» (Hacketau, от диалект.: Schlag zu, то есть: Бей, круши!), наложенной на восьмиконечную звезду со «штралами» с пылающей гренадкой в середине; черная нарукавная лента с названием добровольческого корпуса белыми латинскими прописными буквами.

99. Добровольческий корпус «Галле».

Эмблема: металлические петличные знаки в виде «варяжского» щитка с гербом г. Галлена-Заале (полумесяц между 2 шестиконечными звездами), наложенного на дубовую ветвь с 6 листьями и 2 желудями.

100. Рота временных добровольцев Гамма (в составе фрайкора фон Эппа).

Эмблема: черная ромбовидная нарукавная нашивка с белой каймой и увенчанной дворянской короной «варяжским» щитком с гербом рода Гамм.

101. Гражданское ополчение Большого Гамбурга.

Эмблема: белая нарукавная повязка с узкой красной горизонтальной полосой посередине и «испанским» щитком с гербом г. Гамбурга (серебряная крепость с воротами и 3 серебряными башнями, 2 шестиконечными звездами и крестом на красном поле).

102. Временный добровольческий корпус Большого Гамбурга.

Эмблема: овальный металлический нарукавный знак с гербом г. Гамбурга, обрамленного дубовым венком.

103. Гражданское ополчение г. Ганау.

Эмблема: металлический нагрудный знак в форме горизонтально расположенного овала с гербом г. Ганау («испанский» щиток с 2 стропилами, увенчанный городской короной с 3 зубцами и восстающим из короны лебедем с расправленными крыльями; по краю овала лента с названием добровольческого корпуса (вверху) и датой его учреждения «1919» (внизу).

104. Временный добровольческий полк «Ганновер».

Эмблема: металлические петличные знаки в форме скачущего коня (с герба Ганновера).

105. Батальон самообороны Гасфуртера, командир – майор Гасфуртер.

Эмблема: металлический нарукавный знак в виде герба Саксонии (горизонтальные полосы, пересеченные по диагонали «рутовой короной») на овальном щитке, обрамленном 2 лавровыми ветвями и увенчанного короной саксонской королевской династии Веттинов.

106. Добровольческий (австро-судето-немецкий) батальон Гауптмана, командир – капитан Гауптман.

Эмблема: металлические петличные знаки в виде дубовой ветви с 4 листьями и 4 желудями.

107. Штурмовой отряд «Гейнц», командир – капитан Гейнц О. Гауэнштейн.

Эмблема: металлический нарукавный знак в виде якоря, обрамленного справа лавровой, слева – дубовой ветвью, переплетенными лентами.

108. Добровольческий отряд особого назначения Гейнцмана, командир – майор Гейнцман.

Эмблема: металлические петличные знаки в виде дубовой ветви с 5 листьями и 2 желудями.

109. Добровольческий батальон Генке (со временем вошел в состав Железной дивизии майора Бишофа).

Эмблема: овальный металлический нарукавный знак в виде заглавной латинской буквы «Н» в лавровом венке; у пулеметной роты батальона на знаке под литерой «Н» располагались буквы MG.

110. Добровольческий корпус «Гессен-Нассау».

Эмблема: металлические петличные знаки в виде дубовой ветви с латинской аббревиатурой «FKHN».

111. Гессенский добровольческий корпус.

Эмблемы: круглая черно-бело-красная кокарда в серебряном дубовом венке; металлические петличные знаки в виде дубовой ветви с латинскими литерами «H.F.K.» (Hessisches Freiwilligen-Korps).

112. Гессенско-тюрингско-вальдекский добровольческий корпус, командир – полковник фон Корнацкий.

Эмблема: петлицы с вышитыми еловыми веточками.

113. Отдельный минометный отряд Гейшкеля.

Эмблема: металлический нарукавный знак в виде горизонтально расположенного овала с латинскими литерами «MWH» (Minen-Werfer Heuschkel) в центре овала, окаймленный лавровым венком, перевязанным лентами и увенчанным «мертвой (адамовой) головой» анфас (смешанного «пруско-брауншвейгского» типа).

114. Батальон самообороны фон Гейдебрека.

Эмблемы: металлический нарукавный знак в виде позолоченной короны Германской Империи на круглой суконной нашивке серо-полевого цвета; аналогичный знак, носившийся с левой стороны на головных уборах чинов подразделения. Почетный знак: позолоченный оленин череп, увенчанный германской императорской короной, с гербом рода фон Гейдебрек, увенчанным белым горшковым шлемом с белым наметом, белыми буйволовыми рогами и крестом, на красном поле) наложенным на черный лапчатый крест на белом поле; к знаку подвешена на золоченой цепочке золоченая табличка с названием добровольческого корпуса.

115. Отряд особого назначения (Detachment) Гирля, командир – полковник Гирль (в будущем – имперский министр труда и рейхсарбейтсфюрер – руководитель «Имперской Трудовой Службы» – «Рейхсарбейтсдинст» – в Третьем рейхе).

Эмблему нам пока найти не удалось.

116. Егерский батальон пограничной охраны фон Гиллера, командир – майор Гиллер фон Гельтринген.

Эмблема: двойной белый нарукавный шеврон углом вниз.

117. Егерский батальон пограничной охраны фон Гиллера.

Эмблемы: металлические петличные знаки в виде ели с вырванными корнями, со стволом, перекрещенным над корнями 2 обнаженными мечами остриями вверх;

нарукавная нашивка в форме «варяжского» щитка с черным «латинским» крестом на белом поле (герб рыцарей Тевтонского Ордена).

118. «Союз Гинденбурга», командир – капитан Отто.

Эмблемы: нагрудный знак в виде латинской буквы «Н», увенчанной дворянской короной с 7 зубцами и обрамленной дубовым венком, перевязанным внизу пучком лент; металлические петличные знаки в виде дубовой веточки с 2 листьями и 1 желудем; овальный нарукавный знак в виде объединенного герба рода фон Гинденбург-фон Бенкендорф на «варяжском» щитке, наложенном на картуш; под щитком – девиз Гинденбурга «DIE TREUE IST DAS MARK DER EHRE» (ВЕРНОСТЬ ЕСТЬ ОСНОВА ЧЕСТИ); картуш обрамлен дубовым венком с заглавной латинской литерой «Hindenburg» и маленькой литерой «v» (von) на щитке в форме тарча в нижней части венка. Впоследствии сходный девиз – «MEINE EHRE HEISST TREUE» (МОЯ ЧЕСТЬ ИМЕНУЕТСЯ ВЕРНОСТЬЮ) был у СС в Третьем рейхе

119. Батальон самообороны имени генерал-фельдмаршала фон Гинденбурга, командир – майор фон Вальдов.

Эмблема: черная нарукавная лента с надписью белыми латинскими буквами «Gen. Feldm. v. Hindenburg».

120. Добровольческий корпус Гюбнера.

Эмблема: круглые металлические петличные знаки в виде согнутой в локте руки в латной рукавице и в латах, держащей занесенный меч.

121. Добровольческий корпус фон Гюльзена, командир – генерал-лейтенант фон Гюльзен.

Эмблема: металлические петличные знаки в виде дубовой веточки с 2 листьями и 1 желудем.

122. Добровольческий полк «Гюникен», командир – полковник Гюникен.

Эмблема: овальный металлический нарукавный знак с золотой заглавной латинской литерой «H» (Huenicken),

наложенной на золотой обнаженный меч рукоятью вверх, на фоне черного мальтийского креста в серебряном поле.

123. 5-й гусарский полк «Гусары Штольпе».

Эмблема: овальный матерчатый нарукавный знак черного цвета с вышитым серебряной канителью изображением Смерти в образе сидящего скелета с косою в правой руке, опирающегося левым локтем на песочные часы.

124. 11-й гусарский полк.

Эмблема: металлический овальный нарукавный знак в виде меховой гусарской шапки, перекрещенной 2 пиками с флюгерами и окаймленный дубовым венком с надписями на ленточках «ЗА НЕМЕЦКУЮ ОТЧИЗНУ» (FUER DAS DEUTSCHE VATERLAND) в верхней и «Гус.11» в нижней части венка.

125. Временный добровольческий эскадрон 11-го гусарского полка.

Эмблема: круглый черный матерчатый нарукавный знак в виде металлического изображения прусского королевского орла в белом кольце.

126. Учебный пехотный полк Делиуса, командир – полковник фон Делиус.

Эмблема: металлический овальный нарукавный знак в виде латинских литер «ILR» (Infanterie-Lehr-Regiment) белого металла, обрамленных лавровым венком.

127. Гражданское ополчение области Инн (Инн-Гау).

Эмблема: нарукавный знак в виде круглого металлического медальона с соединенным гербом области («испанский» щит с изображением шагающего, увенчанного короной льва, наложенного на полукруглую ленту с надписью «Инн-Гау», над двумя другими щитками, с изображением мельничного колеса на одном и Пресвятой Богородицы с младенцем Иисусом – на другом).

128. Самооборона гау (области) Изарвинкель-Мангфаль.

Эмблема: металлический нарукавный знак в виде латунного медальона с изображением самца горной серны с сосновой ветвью в нижней части медальона и названием подразделения – по ободу.

129. 7-й егерский добровольческий корпус.

Эмблема: верхнесилезский желто-белый щиток с изображением меча, вонзенного в клубок извивающихся змей.

130. 11-й добровольческий (силезский) резервный егерский батальон, командир – майор фон Гаппиус.

Эмблема: та же, что и № 123.

131. Добровольческий отряд фон Йена, командир – ротмистр фон Йена.

Эмблематика Балтийского ландесвера.

132. Добровольческий батальон графа Капица, командир – майор граф Капиц.

Эмблематика Балтийского ландесвера.

133. Батальон самообороны «Кейт» (Иммиольчик), командир – капитан Имгоф.

Эмблема: круглый черный нарукавный знак с нашитым на него прямым «греческим» крестом из двух перекрещенных желто-бело-желтых ленточек (все вместе образует геральдические цвета Верхней Силезии).

134. Добровольческий полк Кеттнера, командир – майор Кеттнер.

Эмблема: белая нарукавная полоска.

135. Егерский батальон фон Кирхгейма, командир – майор фон Кирхгейм.

Эмблема: металлические петличные знаки в виде цветка эдельвейса на стебле с 3 листьями.

136. Добровольческий корпус «Клевиц».

Эмблема: петличные знаки в виде 2 перекрещенных дубовых веточек.

137. Добровольческий полк Клюфера, командир – майор фон Клюфер.

Эмблема: металлическая согнутая в локте медвежья лапа с когтями.

138. Добровольческий батальон Кни, командир – капитан Кни.

Эмблема: черно-белый (цветов прусского флага) шеврон углом вниз.

139. Добровольческий корпус «Кенигсберг».

Эмблема: овальный металлический нарукавный знак в виде солдатской каски, перекрещенной 2 мечами рукоятями вниз и обрамленный лавровым венком, перевязанным внизу 3 лентами.

140. Добровольческий корпус егерей-пограничников «Кернер».

Эмблема: металлический нарукавный знак в виде оленьих рогов с «осиянным крестом» Св. Губерта; ниже рогов – «испанский» (закругленный снизу) щит с черным «латинским» крестом на серебряном поле (герб Тевтонского Ордена).

141. Добровольческий корпус Кюме, командир – капитан Кюме (будущий обергруппенфюрер СА).

Эмблема: черный овальный матерчатый нарукавный знак с вышитой серебром звездой прусского королевского ордена Красного орла.

142. Добровольческий отряд фон Кюнтцеля, командир – полковник фон Кюнтцель.

Эмблема: черная готическая литера «К» (Кюнтцель) на погонах.

143. Союз (военных) поселенцев «Курляндия».

Эмблема: круглый нарукавный знак с курляндским гербовым щитком «испанской» формы, наложенным на

лилиевидный крест Верховных магистров (Гохмейстеров) тевтонских рыцарей.

144. 3-й Курляндский пехотный полк, командир – капитан Кивиц.

Эмблема: «мертвая (адамова) голова» белого металла («прусского» типа) на головных уборах.

145. Добровольческий ландъегерский корпус, командир – генерал Меркер.

Эмблема: металлические петличные знаки в виде дубовой ветви с 2 листьями и 1 желудем.

146. Добровольческий государственный стрелковый корпус, командир – генерал-майор фон Редер.

Эмблемы: круглая черно-бело-красная кокарда, обрамленная серебряным дубовым венком; металлические петличные знаки в виде дубового венка.

147. Добровольческий корпус «Ландсберг».

Эмблема: металлические петличные знаки в виде овального щитка цветом баварского «флага с ромбами», наложенного на сосновую веточку с 2 шишками.

148. Добровольческий корпус «Ландсгут», командир – обер-лейтенант Грегор Штрассер (будущий руководитель левого крыла в гитлеровской партии НСДАП, убитый эсэсовцами в «Ночь Длинных Ножей» 30 июня 1934 г.).

Эмблема: шитые петличные знаки в виде заглавной латинской литеры «L» (Landshut).

149. Добровольческая ватага «Лаутербахер» («Фрайшар Лаутербахер»), позднее: «Штурмовой батальон

Лаутербахер» (Sturmschar Lauterbacher), командир – обер-лейтенант Людвиг Лаутербахер (иногда встречается иное написание: Лаутенбахер).

Эмблемы: 1)черный, с бело-голубой каймой, ромбический знак со стилизованной прописной заглавной литерой «L» (Lauterbacher) белого цвета в центре ромба;

знак этот носился справа на груди или с левой стороны на головных убора; 2) черная нарукавная повязка из шерстяной ткани с бело-голубой каймой по краям (цветов ленты баварской медали за храбрость), с белой заглавной латинской литерой «L» (Lauterbacher) посередине, носившаяся на левом рукаве; черное знамя с белой литерой «L» в голубом овале; после путча Каппа-фон Люттвица литера «L» была заменена баварским львом.

150. Временный добровольческий полк «Лейпциг», командиры – полковник Шиблих, позднее – полковник Бирей.

Эмблема: металлические петличные знаки в виде «испанского» щитка с гербом г. Лейпцига (встающий на задние лапы лев и два столба) под городской пятибашенной короной, наложенного на веточку липы с 3 листьями.

151. Добровольческий корпус Лихтшлага, командир – капитан Лихтшлаг.

Эмблема: металлический нарукавный знак в виде «варяжского» щитка с изображением вздыбленного коня, обрамленного венком из дубовых листьев.

152. Добровольческий батальон фон Либермана, командир – капитан фон Либерман.

Эмблема: металлический нарукавный знак в виде заглавной готической литеры «L», увенчанной короной с 5 зубцами в виде земляничных листьев; аналогичная коронованная литера «L» была вышита серебром на верхней (черной) полосе черно-бело-красного знамени добровольческого батальона.

153. Добровольческий уланский эскадрон «Леопрехтинг».

Эмблема: круглый нарукавный знак в виде медальона с изображением уланской каски (вид сбоку).

154- Добровольческая дивизия фон Леттов-Форбе-ка, командир – генерал фон Леттов-Форбек.

Эмблема: бронзовый овалый нарукавный знак в форме негритянского щита, с изображением львиной морды анфас на фоне 2 скрещенных африканских коний-ассегаев (в прошлом большинство добровольцев Леттов-Форбека служило в германских колониальных «охранных войсках» – «шутцтруннен»).

155- Добровольческая саксонская дивизия ландвера, командир – майор фон Цешау.

Эмблема: петличные знаки в виде «варяжского» щитка цветов герба Саксонии, перекрещенного 2 мечами остриями вверх и наложенного на еловую ветвь с 3 ответвлениями.

156. Добровольческий корпус фон Клевица, командир – полковник фон Клевиц.

Эмблема: круглый металлический нарукавный знак в виде заглавной латинской литеры «L» на фоне дубовых листьев с желудями, обрамленной лавровым венком; Литера «L» (Л) служила напоминанием о фамилии майора Лешенбранда (Loeschenbrand), организовавшего в начале 1919 года офицерский добровольческий отряд своего имени, на базе которого был позднее сформирован добровольческий корпус фон Клевица.

157. Батальон самообороны «Люблиниц», командир – капитан Генц.

Эмблема: нарукавный знак в форме металлического «варяжского» щитка с готической заглавной буквой «L» (Л), наложенной на изображение тяжелого пулемета на треноге; в нижней части герба – изображение кирпичной стены.

158. Добровольческий корпус фон Лютцова, командир – майор барон (фрайгерр) фон Лютцов.

Эмблема: петличные знаки в виде охотничьего (егерского) рожка (горна); металлический нарукавный знак овальной формы с егерским рожком над звездой прусского Ордена Черного орла и под стилизованной латинской литерой «L» (Лютцов), обрамленный

сужающимся кверху дубовым венком и увенчанным баронской короной.

159- Добровольческий корпус «Лик».

Эмблема: овальный металлический нарукавный знак с изображением вздымающегося на задние ноги оленя и дуба, с каймой из дубовых листьев по краю знака.

160. Магдебургское гражданское ополчение.

Эмблема: щиток в форме «рокальи» (стилизованной ракушки), или «картуша», с изображением, в круглом центральном медальоне, Святого Георгия Победоносца в рыцарских доспехах, поражающего мечом огнедышащего крылатого дракона; на щите святого изображен герб г. Магдебурга (стена с 2 башнями и воротами); по краю медальона идет надпись латинскими буквами «Гражданское ополчение города Магдебурга».

161. Добровольческий батальон Мальмеде, командир – капитан Геннер фон Мальмеде.

Эмблематика Балтийского ландесвера.

162. Добровольческий батальон Мальтцана, командир – старший лейтенант барон фон Мальтцан.

Эмблема: металлические петличные знаки в форме восьмилучевой орденской звезды со «штралами» с германским имперским одноглавым орлом в центральном круглом медальоне, наложенной на рожок, в свою очередь, наложенный на лавровую ветвь.

163. Батальон самообороны «Мариенбург», командир – капитан-лейтенант Ленш.

Эмблема: черно-бело-красный нарукавный шеврон углом вниз.

164. Добровольческий корпус Мая, командир – капитан Май. Наградной крест за бои с поляками в Верхней Силезии: черный лапчатый крест с белой каймой (наподобие прусского Железного креста) с белым щитком «норманнской» («варяжской») формы с заглавной черной литерой «М» (Май) в перекрестье и белыми латинскими

литерами O.S. (Oberschlesien), т.е «О.С.» (Верхняя Силезия) на верхнем луче креста.

164. Добровольческий корпус фон Медема, командир – капитан фон Медем.

Эмблема: петличный знак в форме белого, с желтой сердцевинкой, цветка эдельвейса без стебля и листьев; такой же знак носился чинами этого фрайкора на левой стороне их «лыжного» кепи.

165. Добровольческое подразделение Михаэля, командир – майор Михаэль.

Эмблема: металлический нарукавный знак в виде «испанского» (закругленного снизу) щитка с головой лося в профиль и названием подразделения на полукруглой ленточке в нижней части щитка.

166. Добровольческий корпус Михаэлиса (саксонские егеря-пограничники), командир – капитан Михаэлис.

Эмблемы: черная манжетная лента с сокращенным официальным названием этого ДК белыми латинскими буквами «Freiw. Verb. 40. I.-D.» (Добровольческое подразделение 40-й пехотной дивизии); металлические петличные знаки в виде охотничьего (егерского) рожка, обрамленного лавровой (справа) и дубовой (слева) ветвью.

167. Добровольческий корпус «Меве», командир – капитан 3-го ранга граф фон Дона-Шлодин.

Эмблема: металлические петличные знаки в форме летящей чайки.

168. Мюнхенское гражданское ополчение.

Эмблема: голубая нарукавная повязка с двумя узкими белыми полосками по краям, с прикрепленным к ней «польским» щитком со взятым с мюнхенского герба монахом с нимбом вокруг головы и в рясе с белым крестом, но опирающимся правой рукой на обнаженный меч, а левой – на «варяжский» щит (этих «воинственных» деталей нет у монаха на мюнхенском гербе); вдоль краев герба – название ополчения, а под гербом – № входящего в него подразделения.

159. Мюнхенский ополченский полк.

Эмблема: овальный нарукавный знак в виде красно-белого (наискось) «варяжского» щитка цветов г. Мюнхена, помещенного в центр овального лаврового венка.

170. Академическое (студенческое) ополчение г. Мюнстера, командир – капитан Наэндроп.

Эмблема: черный шитый треугольник острием вниз, с серебряной внутренней каймой и с серебряным треугольником острием вверх внутри.

171. Мюнстерское городское ополчение.

Эмблема: круглый нарукавный знак с гербом г. Мюнстера (бело-красно-белый щит цветом города, увенчанный шлемом с клейнодом цветов города, с 2 львами в качестве щитодержателей, и названием города под гербом, окаймленный венком (справа – дубовым, слева – лавровым)).

172. Добровольческий корпус фон Нефвилля («Черная гвардия»), командир – ротмистр фон Нефвилль.

Эмблема: овальные металлические знаки на погонах с латинскими буквами «v.N.» (ф.Н.), окаймленными лавровым венком.

173. Добровольческий корпус «Нижний Рейн (Нидеррайн)», командир – майор фон Шауманн.

Эмблема: петличные знаки в виде переплетенных желтых готических букв «FN», окаймленных серебряным дубовым венком.

174. Добровольческая рота «Северная Курляндия (Норд-Курланд)».

Эмблема: черная манжетная лента с надписью белыми латинскими буквами «NORD-KURLAND».

175. Тирольский штурмовой взвод (позднее – Тирольская штурмовая рота и, наконец: Штурмовая рота «Немецкая Австрия»), командиры – генерал-майор Риттер фон Бек (впоследствии – обер-лейтенант Дракслер и капитан Греггер).

Эмблемой этого добровольческого корпуса, входившего в состав Союза «Оберланд», служило изображение красного геральдического тирольского орла, носившееся в центре ромбовидной нашивки на левом рукаве выше локтя и украшавшее зелено-бело-зеленое знамя части.

176. Добровольческий корпус «Оберланд» (с 1920 г. – Союз «Оберланд»), командиры – капитан Ремер (член Общества Туле и будущий руководящий функционер немецких национал-большевиков), позднее – майор Горадам.

Эмблемы: металлические петличные знаки в виде белого цветка эдельвейса с желтой сердцевинкой, без стебля и листьев; с 1921 года – эмалевый белый, с желтой сердцевинкой, цветок эдельвейса в голубом ромбе (иногда перекрещенном 2 мечами), носившийся с левой стороны на головных уборах; бело-голубая нарукавная повязка цветов баварского государственного флага). Засвидетельствовано также ношение знаков в форме красного ромба с белым цветком эдельвейса (имевшим не желтую, а черную сердцевину) и серебряных знаков без эмали (такой серебряный знак получил, в частности, фюрер НСДАП Адольф Гитлер, как почетный член «Оберланда»). Знамя фрайкора представляло собой черно-бело-красное полотнище (государственный флаг кайзеровской Германии) с белым, с желтой сердцевинкой, цветком эдельвейса в голубом ромбе на верхней черной полосе знамени, у самого древка.

177. Верхнесилезский ландъегерский корпус, командир – капитан Гартлауб.

Эмблема: металлические петличные знаки в виде дубовой ветви с 6 листьями и 2 желудями.

178. Верхнесилезская самооборона, командиры – подполковник Грютцнер, позднее – генерал Гефер.

Эмблемы: желто-белая нарукавная повязка с 2 черными шестиконечными звездами на верхней желтой, черными буквами «S.S.» и «O.S.» на нижней, белой полосе и черным коротким мечом (кинжалом) рукоятью вниз

посредине; носившийся на рукаве или на груди «варяжский» щиток с обнаженным мечом рукоятью вверх, вонзенным острием в клубок извивающихся змей, с ободом, усеянным круглыми «гвоздями».

179. Добровольческий корпус «Остеррот».

Эмблема: металлические петличные знаки в виде дубовой ветви с 5 листьями и 1 желудем.

180. Добровольческая рота Эстрейхера.

Эмблемой этого добровольческого корпуса, входившего в Союз «Оберланд», служил металлический овальный нарукавный знак с гербом австрийской провинции Штирии – геральдической пантерой – защищающей когтями баварский герб с «ромбами», окаймленным лавровым венком и увенчанный «городской» короной с 3 зубцами.

181. Восточнопруссский добровольческий корпус, организатор – майор фон Вейсс.

Эмблема: овальный шитый нарукавный знак с серебряным лосиным рогом на черном овале с красной каймой.

182. Добровольческий корпус фон Офена, командир – генерал фон Офен.

Эмблема: стилизованная металлическая буква «О (Офен)» на погонах. Почетный знак овальной формы, бронзовый или позолоченный, с изображением в центре немецкой армейской каски (стального шлема); в нижней части – стилизованная буква «О», над каской – ленточка с немецкой надписью латинскими литерами «ПОЛК ОФЕНА» (REGIMENT OVEN), под каской – ленточка с немецкой надписью латинскими литерами «ТВЕРДЫЕ В ВЕРНОСТИ» (IN TREUE FEST).

183. Спортивный союз «Олимпия» (охранный полк Большого Берлина).

Эмблема: круглые черно-бело-красные шитые петличные знаки с белой буквой «О» (Олимпия) в центральном красном медальоне.

184. Бронепоезд пограничной охраны 22.

Эмблема: нарукавная нашивка в форме горизонтально расположенного овала с цифрами «22» и полукруглой лентой с надписью «Panzerzug 22» (Бронепоезд 22) над ними; цвет онашивки и надписи – черный, цифр и ленты – желтый; цифры и надпись обведены овальной желтой каймой.

185. Гражданское ополчение гау (области) Пассау.

Эмблема: овальный металлический нарукавный знак с изображением встающего на задние лапы геральдического волка, обрамленного лентой с названием подразделения латинскими буквами.

186. Добровольческий корпус Паульсена, командир – лейтенант Паульсен.

Эмблема: шитый нарукавный знак в форме герба прусской королевской и германской императорской династии Гогенцоллернов («варяжский» щит, четвертованный из серебра и черни).

187. Добровольческий корпус фон Петерсдорфа, командир – обер-лейтенант фон Петерсдорф.

Эмблема: овальный металлический нарукавный знак в виде буквы «P», обрамленной дубовым венком с восьмиугольной гвардейской звездой в верхней и тяжелым пулеметом на треноге в нижней части знака. Существовал и вариант знака с маленькой буквой «v.» (дворянской частичкой «фон») перед заглавной буквой «P.».

188. Добровольческий корпус фон Пфеффера, командир – капитан Франц фон Пфеффер фон Саломон (Верховный руководитель гитлеровских штурмовых отрядов СА до 1926 года; с 5 декабря 1926 года также Верховный руководитель молодежной организации НСДАП «Гитлерюгенд»).

Эмблемами этого добровольческого корпуса, входившего в Железную дивизию майора Бишофа, служили: металлический нарукавный знак в виде скачущего коня (с герба дворянского рода фон Саломон);

металлические петличные знаки в форме дубовой веточки с 2 листьями, 1 желудем и наложенной на ветвь латинской буквой «А» («Audacitas», или «Audacia», что означает полатыни «дерзость», или «удаль»); в этом фрайкоре существовали также петличные знаки в форме дубовых веточек с таким же количеством листьев и с буквой «N» – от латинского «Nihil», то есть «Ничто (меня не устрасит)», или же вообще без букв, но зато с 8 листьями и 2 желудями.

189. Добровольческий батальон «Пенсген», командир – капитан 3-го ранга барон фон Штейнеккер.

Эмблемой этого фрайкора, входившего в Железную дивизию, служил металлический нарукавный знак в форме готической буквы «P» (Poensgen), в обрамлении венка из дубовых листьев, увенчанного прусской королевской короной.

190. Временный добровольческий полк «Померания».

Эмблема: шитый нарукавный знак в виде стилизованных заглавных готических букв «ZW», обрамленных лавровым венком.

191. Добровольческое гвардейское формирование «Потсдам».

Эмблема: овальный нарукавный знак с каймой в форме узкого лаврового венка по краю, с изображением в центре знака одноглавого коронованного прусского королевского орла, обрамленного надписями на ленточках: «Бесстрашные» (FURCHTLOS) над орлом и «Верные» (TREU) под орлом; нагрудный знак в форме восьмилучевой орденской звезды со «штралами», с имперским одноглавым орлом в центральном круглом медальоне, обрамленном латинским девизом «SUUM CUIQUE» (Каждому свое) над и 2 скрещенными лавровыми ветвями под орлом (почти как в добровольческом корпусе Дибича).

192. Пулеметно-снайперский корпус «Прей», командир – майор Эрбелинг.

Эмблема: петличные знаки в виде металлического щитка с внутренней каймой и изображением 3-х горизонтально направленных оперенных стрел, помещенных одна над другой.

193. Добровольческий корпус «Потсдам», командир – майор фон Штефани.

Эмблема: нарукавный знак в виде стальной солдатской каски, наложенной на 2 скрещенных меча остриями вверх; под каской – металлическая ленточка с названием части.

194. Добровольческий отряд Пробстмайра, командир – подполковник Пробстмайр.

Эмблемы: круглая черно-бело-красная кокарда, окаймленная серебряным дубовым венком; петличные знаки в виде дубовых веточек с 2 листьями и 1 желудем.

195. Отряд особого назначения фон Рандова, командир – майор фон Рандов.

Эмблемы: нарукавный знак в форме белого «норманнского» щитка с прямым черным крестом (герб тевтонских, или ливонских, рыцарей), наложенного на дубовый венок; нагрудный черный мальтийский «крест Авалова»; в качестве награды чинам данного фрайкора (входившего в 1919 году в состав белой русской Западной Добровольческой Армии) выдавалась восьмилучевая позолоченная звезда со «штралами» с наложенными на нее черным мальтийским «крестом Авалова», перекрещенным 2 мечами остриями вверх.

196. Рурская боевая организация «Рау», командир – доктор Рекгаус.

Об эмблемах и знамени организации нам пока ничего не известно.

197. Государственный стрелковый корпус Редера.

Эмблема: металлические петличные знаки в форме егерских (охотничьих) рожков.

198. Добровольческий корпус «Регенсбург».

Эмблема: металлические петличные знаки в форме «варяжского» геральдического щитка с гербом города Регенсбурга – баварский герб с «ромбами» и 2 перекрещенными ключами бородками вниз в правом верхнем углу. В составе этого фрайкора, входившего в Баварский стрелковый корпус фон Эппа, во взятии красного Мюнхена в мае 1919 года участвовал лейтенант Рудольф Гесс (будущий заместитель вождя НСДАП Адольфа Гитлера по партии).

199. Добровольческий корпус Рейнгарда, командир – полковник Рейнгард (будущий обергруппенфюрер СС).

Эмблема: круглый нарукавный знак желтого металла в форме латинской буквы «R» с датой «1919» под буквой, оплетенной лавровым венком, переплетенным лентами вверху и внизу.

200. 15-я добровольческая бригада рейхсвера.

Эмблема: нарукавный знак в форме восьмилучевой орденской звезды со «штралами» с имперским орлом в центральном круглом медальоне, обрамленном латинским девизом «SUUM CUIQUE» (КАЖДОМУ СВОЕ) сверху и 2 перекрещенными лавровыми ветвями – снизу (почти как на «звезде Дибича», но без мечей).

201. Добровольческие части 32-й бригады рейхсвера.

Эмблема: петличные знаки в форме металлической еловой веточки с 3 шишками.

202. Временный добровольческий корпус «Ремшайд», командир – капитан д-р Вейземан.

Эмблема: овальный знак с изображением городской площади с ратушей, окаймленный лавровым венком; в нижней части знака – название подразделения и дата: «март 1920».

203. 1-я военно-морская бригада фон Родена, командир – полковник фон Роден.

Эмблема: металлические петличные знаки в виде якоря.

204. Добровольческий корпус (добровольческий штурмовой отряд) Россбах, командир – старший (обер-) лейтенант Россбах.

Эмблема: серебряная заглавная литера «R» в окружении дубовых листьев на тулье фуражок и бескозырок; нарисованная белой масляной краской эмблема в форме диагонально направленной острием вверх оперенной стрелы на касках (только в период боев с Красной Армией Рура в 1920 году); нарукавный знак в виде металлического черепа оленя с крестом в четырехугольном сиянии из лучей между рогами («олень Святого Губерта»); под черепом – красно-бело-черный шеврон углом вниз; металлические посеребренные петличные знаки в форме ели с вырванными корнями, перекрещенной в нижней части ствола над корнями 2 скрещенными мечами с отряями вверх; белая заглавная латинская литера «R» на погонах; прямоугольное черное знамя с серебряной заглавной латинской буквой «R» (Россбах) поверх 2 серебряных горизонтальных полос и с навершием в форме оленьего черепа с крестом Святого Губерта между рогами; позднее – черно-бело-красное знамя с серебряной «мертвой головой» и серебряной литерой «R» (Rossbach) на верхней, черной полосе, и с «бегущей» черной «лунной» свастикой, обрамленной серебряным венком, на средней, белой полосе; черная нарукавная повязка с серебряной заглавной латинской буквой «R» (Россбах) поверх 2 серебряных горизонтальных полос.

Утверждение же современного российского сочинителя Ю. М. Москвина, содержащееся в послесловии к переведенному им труду Т. Уилсона «История свастики с древнейших времен до наших дней», Нижний Новгород, «Книги», 2008, с. 488) о наличии у «Свободного корпуса Россбах» (так его именует г-н Москвин) знамени, на котором, якобы, «красовалась большая свастика вкупе с «мертвой головой», а по углам были вышиты лавровые венки», является таким же плодом вымысла автора, как и приведенное им там же фантастическое описание знамени бригады Эргардта в виде «национального триколора со свастикой, увенчанной стальным шлемом».

205. Бомбардировочный авиационный полк Заксенберга (Саксенберга), командир – старший (обер-) лейтенант флота Саксенберг.

Эмблема: овальный нарукавный знак с изображением обнаженного меча рукоятью вверх, с клинком, оплетенным дубовой ветвью; кроме того, многие военные летчики Саксенберга носили на рукаве белый восьмиконечный православный крест Западной Добровольческой Армии князя Авалова (П. М. Бермондта).

206. Добровольческий отряд «Зауэрланд», командир – капитан Розенвальд.

Эмблема: пучок из 3 дубовых листьев в форме руны жизни, наложенный на солнечное колесо (солнечную свастику с дугообразно загнутыми концами).

207. Вюртембергский добровольческий отряд Зейттера, командир – подполковник барон Зейттер фон Летцен.

Эмблема: шитые петличные знаки в форме еловых веточек.

208. Добровольческий корпус Северина, командир – подполковник Северин.

Эмблема: петличные знаки в виде дубовой веточки с 2 листьями.

209. Добровольческий корпус «Судетенланд» (Судетская область).

Эмблема: овальный знак с латинской буквой «S» (Sudetenland), наложенной на обнаженный меч острием вниз с восходящим солнцем в верхней и дубовым венком – в нижней части знака.

210. Добровольческая бригада «Южная Литва», командир – полковник Шредер.

Эмблема: нарукавный знак в форме «испанского» (закругленного в нижней части) щитка с прусским орлом, наложенного на «латинский» крест, обрамленный овальным дубовым венком.

211. Конный отряд фон Шарнгорста.

Эмблема: круглые металлические петличные знаки с сокращенным названием подразделения «RTD. ABT. v. SCHARNHORST» (REITENDE ABTEILUNG VON SCHARN-HORST) и аналогичный нарукавный знак.

212. Добровольческий отряд фон Шаурота, командир – полковник фон Шаурот.

Эмблемы: кокарда в виде металлической «мертвой головы» анфас («брауншвейгского» типа); нарукавный знак в виде оленьего черепа с крестом, окруженным сиянием, между рогами, обрамленным снизу дубовым венком.

213. Партизанский отряд Шилля, командир – майор фон Шилль.

Эмблемы: петличные знаки в форме металлической орлиной головы; нарукавный знак в виде металлического горизонтального овала с изображением орлиной головы.

214. Братство «Перелетных птиц» («Вандерфогель») в составе батальона пограничных егерей Шилля, командир – лейтенант Виктор Лутце (будущий глава СА в гитлеровском «Третьем рейхе»).

Эмблема: шитое серебром изображение летящего журавля, носившееся сбоку на головных уборах.

Уже упоминавшийся нами выше нижегородский автор Ю. А. Москвин в послесловии к своему переводу труда Т. Уилсона «История свастики с древнейших времен до наших дней» (стр. 488) описывает вымпел немецкой добровольческой бригады «Wandervogelsoldaten» («воины-перелетные птицы»), где на красном фоне нарисован контрастный желтый солнечный круг, в который вписана черная свастика, украшенная щитком с изображением перелетной птицы» и даже приведен соответствующий рисунок (на котором вписанный в круг на вымпеле коловрат – правозакрученный). Далее Ю.А. Москвин пишет, что «в эпоху Веймарской республики свастику использовало немецкое молодежное движение «Перелетные птицы» – в комбинации с карающим врагов нации мечом», и также приводит рисунок этого меча с

наложенным на него коловратом (на этот раз – левозакрученным). Однако при этом г-н Москвин не приводит никаких ссылок или указаний на то, откуда он позаимствовал данные рисунки и их описание, что, с учетом приводимых им совершенно фантастических сведений о том, как бригада Эргардта «в годы Первой мировой войны воевала с русскими (!) в Прибалтике(!)» заставляет усомниться в достоверности приводимых нижегородским автором сведений.

215. Ударный отряд «Эльберфельд».

Эмблема: белый равносторонний матерчатый крест, носившийся на левом плече.

216. Организация «Гейнц».

Эмблема: нарукавный знак в форме якоря, наложенного на венки (наполовину лавровый, наполовину дубовый) под знаком носился белый шеврон углом вниз.

217. Добровольческий корпус «Силезия», командир – генерал от инфантерии Вебер (по прозвищу «Вебер-Паша» – в годы Первой мировой войны он был откомандирован в турецкую армию).

Эмблема: желто-белый «варяжский» щиток, разделенный по вертикали, с изображением меча острием вниз, вонзенного в клубок извивающихся змей; мог носиться на рукаве или же слева на груди.

218. Пограничная охрана Силезии, командир – подполковник Герстенберг.

Эмблема: желто-белый «варяжский (норманнский)» щиток, разделенный по вертикали, с изображением меча острием вниз, вонзенного в клубок змей; мог носиться на рукаве или же слева на груди.

219. Добровольческий корпус «Шлезвиг-Гольштейн».

Эмблема: петличные знаки в форме «испанских» щитков с гербами Шлезвига (щиток с 2 геральдическими «леопардовыми львами») на правой и Гольштейна (щиток с трилистником крапивы) на левой петлице, наложенных

на дубовые ветви с 2 желудями; нарукавный знак в форме «варяжского» щита с гербом Шлезвиг-Гольштейна.

220. Добровольческий штурмовой отряд «Шлихтингсгейм».

Эмблема: нарукавный знак в виде букв «SA (Sturm-Abte-ilung)», обрамленных дубовым венком в форме горизонтального овала.

221. Штурмовой отряд Шмидта, командир – капитан Шмидт.

Эмблема: овальный нарукавный знак в форме солдатской каски, наложенной на перекрещенные винтовку и ручной пулемет, с 2 ручными гранатами-«бутылками» по бокам и каймой в форме патронной ленты; над каской аббревиатура «SBS».

222. Добровольческий корпус Шульца, командир – майор Шульц.

Эмблема: овальный нарукавный знак с летящим орлом.

223. Добровольческий корпус «Ландсберг».

Эмблема: металлические петличные знаки в форме овального баварского гербового щита (с «ромбами»), наложенного на сосновую ветвь с 2 шишками.

224. Добровольческий корпус «Швабия», командир – полковник полиции фон Питроф.

Эмблема: шитые петличные знаки в форме белого цветка эдельвейса (без стебля и листьев) с желтой сердцевинкой.

225. Батальон самообороны «Черный отряд» («Шварце Шар»), командир – обер-лейтенант Бергергоф.

Эмблема: металлические петличные знаки в форме черепа с костями «брауншвейгского типа».

226. Добровольческий корпус Штевера, командир – капитан 3-го ранга Штевер.

Эмблема: черная манжетная лента с надписью белыми печатными буквами «FREIK. STEVER» (сокращенное

название подразделения).

227. Отряд самообороны графа Штрахвица, командир – старший (обер-)лейтенант граф Штрахвиц фон Гросс-Цаухе унд Камминец (будущий генерал танковых войск и кавалер Рыцарского креста Железного креста с мечами и бриллиантами в Третьем рейхе).

Эмблема: бело-желто-черная (по горизонтали) нарукавная повязка с «варяжским», разделенным по вертикали, желтобелым щитком с изображением меча рукоятью вверх, вонзенного в клубок извивающихся змей.

228. Добровольческий штурмовой учебный полк.

Эмблема: нарукавный знак в форме орденской звезды, наполовину прикрытой сверху солдатской каской и окаймленной лентой с названием подразделения.

229. Штутгартский студенческий батальон, командир – капитан барон фон Гольц.

Эмблема: белая нарукавная повязка.

230. Партизанский отряд Тюммеля, командир – полковник (впоследствии – генерал) Тюммель.

Эмблема: круглые петличные знаки с изображением кирки горняка и 2 шестиконечных звезд (символика силезских горняков).

231. Добровольческий корпус «Тильзит».

Эмблема: петличные знаки в форме «мертвой (адамовой) головы» («прусского типа»), наложенной на дубовые ветви с четырьмя желудями (по два с каждой стороны черепа).

232. Добровольческий отряд фон Чирдевица, командир – майор фон Чирдевиц.

Эмблема: овальный нарукавный знак в форме двух скрещенных мечей остриями вверх над заглавной буквой «Т» (Tschirdewitz), обрамленный дубовым венком.

233. Отряд особого назначения Тюльмана, командир – полковник Тюльман.

Эмблема: петличные знаки в форме дубовой ветви с 4 листьями и 2 желудями; нарукавный знак в форме «конька» крестьянского дома с 2 смотрящими в разные стороны конскими головами.

234. Добровольческое подразделение Фойтенлейтнера, командир – майор Фойтенлейтнер.

Эмблема: нарукавный знак в форме «испанского» щитка с латинской буквой «V (Voithenleitner)», наложенного на дубовую ветвь, в свою очередь, наложенную на львиную голову.

235. Добровольческая батарея Ценетти, командир – капитан Ценетти.

Эмблема: нарукавный знак в форме металлического восстающего льва в кольце с латинскими буквами «БЦ» («батарея Ценетти») в нижней части кольца, наложенный на черный матерчатый ромб.

236. Добровольческий отряд особого назначения графа Йорка фон Вартенбурга, командир – майор граф Йорк фон Вартенбург.

Эмблема: овальный металлический нарукавный знак с выгравированным на нем рельефным изображением черепа оленя анфас с окруженным сиянием латинским «крестом Святого Губерга» между оленьими рогами.

237. Балтийский батальон (Бальтенбатальон, *Baltenbataillon*), впоследствии – Балтийский полк (Бальтенрегимент, *Baltenregiment*), командир – Георгиевский кавалер полковник Константин фон Вейс (Вайс).

Форма: защитная Русской армии или серо-полевая германской кайзеровской армии, черные погоны с черно-белыми выпушками (у нижних чинов) и белыми просветами (у офицеров), с белой латинской литерой «Б» («В») – «Бальтенбатальон» («Бальтенрегимент»), а также с бело-черным шевроном углом вверх с белым равноконечным крестом в основании шеврона на левом рукаве выше локтевого сгиба.

Полковой знак: посеребренный или позолоченный меч острием вниз на белом «варяжском» щитке в перекрестье черного лапчатого креста.

Вольфганг
Акунов

БЕЛАЯ
ГВАРДИЯ
ФРИДРИХА
ЭБЕРТА

